

БРЕТ

ГАРТ

4

БРЕТ
ГАРТ

Брет Гарт

**собрание сочинений
в шести томах**

ТОМ 4

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва 1966

**Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
А. Старцева.**

**Иллюстрации художника
П. Пинкисевича.**

КРЕСМ

ГЛАВА I

Выходя из сосняка на вырубку перед школой поселка Индейцев Ключ, учитель перестал насвистывать, сдвинул шляпу с затылка на лоб, выбросил пучок лесных цветов, которые нарвал по дороге, и вообще принял солидный вид в соответствии со своей должностью и зрелым возрастом — ведь ему было никак не меньше двадцати лет. Он не притворялся: он был серьезный молодой человек и вполне искренне считал, что производит на других, как на себя самого, глубокое впечатление суровым безразличием много повидавшего на своем веку и пресытившегося жизнью человека.

Здание, предназначенное ему и его пастве школьным советом Туолумны, штат Калифорния, первоначально было церковью. В его стенах еще сохранился чуть слышный запах святости, на котором замешан был позднее слегка алкогольный дух политических дебатов, ибо раз в неделю сей храм наук с дозволения совета преобразался в трибуну для утверждения партийных принципов и провозглашения гражданских свобод.

На учительском столе валялись растрепанные книжки церковных гимнов, а классная доска на стене не могла скрыть от взоров начертанного там страстного призыва к гражданам Индейцева Ключа «всем как один голосовать за Стеббинса».

Восхищенный огромным четким шрифтом этого плаката, учитель сразу понял его притягательную силу для блуждающих круглых глаз своих младших учеников и оставил его в классе в качестве вполне сносного наглядного пособия по орфографии. Плакат читали по складам и по буквам и давно знали наизусть, но, к сожалению, именовали «Какодином» и вообще относились к нему с веселой непочтительностью.

Вытащив из кармана огромный ключ, учитель отпер замок и распахнул дверь, отступив при этом на шаг назад с осмотрительностью, приобретенной после одного случая, когда он вот так повстречал на пороге маленькую, но очень общительную гремучую змею. Донесшийся изнутри шорох свидетельствовал о том, что предосторожность была не напрасна и что без него кто-то устраивал в школьном помещении мирные, хотя и оживленные сборища. Скромная конгрегация соек и белок поспешила разойтись, воспользовавшись окнами и щелями в полу, и только золотистая ящерка застыла от страха над странницей раскрытой «Арифметики» — совсем как оставленный после уроков школьник, про которого забыли, а он, сколько ни бьется, все равно не может решить задачи, и сердце учителя при виде ее дрогнуло от жалости.

Опомнившись, он хлопнул в ладоши, произнес: «Кыш!» — и, восстановив таким образом дисциплину в классе, прошел по узкому проходу между партами, закрыл и положил на место забытую «Арифметику» и подобрал кое-где куски штукатурки и щепки, которые сыпались с потолка, будто это листья, которые всю ночь роняли наземь сады Академа¹. Подойдя к своему столу, он поднял крышку и, казалось, задумался, глядя в ящик. В действительности же он просто рассматривал в хранящемся там карманном зеркальце свое лицо и мучительно размышлял о том, следует ли ему во имя приобретения необходимой суровости черт пожертвовать намечавшимися над верхней губой усиками. Но вот из отдаления его слуха достигли тоненькие голоса, короткие смешки, приглушенные возгласы — звуки, похожие на те, что издавали белки и птицы, только что им выдворенные из

¹ Сады Академа в Афинах — место, где беседовал с учениками Платон.

класса. Все это означало, что уже девять часов и в школу начали сходиться ученики.

Они собирались понемножку, как собираются на занятия деревенские ребяташки всего мира, брели, оставались и входили словно бы невзначай; шли, кто взявшись за руки, кто волоча за собой или толкая вперед младшего братишку, кто целой стайкой, иногда тесно сгрудившись, а иногда широко рассыпавшись и только перекликаясь тонкими голосами, но все же не совсем поодиночке; неизменно занятые чем-то совершенно посторонним; вдруг возникая из-за деревьев, между слегами забора, из придорожной канавы, вырастая в самых неожиданных местах, куда забредали неизвестно зачем по дороге,— словно устремляясь сразу во всех направлениях, куда угодно, только не в школу! И всякий раз их появление бывало такой неожиданностью, что учитель, только сейчас напрасно высматривавший на горизонте хоть одну прорванную соломенную шляпу, хоть один выдавший виды чепец, вдруг с удивлением обнаружил их под самыми окнами, словно они, как птицы, слетели сюда прямо с веток. Чувство ученического долга еще не до конца овладело ими — они приходили нехотя, вяло, слегка насупившись и как бы сомневаясь, правильно ли поступают, инстинктивно оттягивая решение до последнего и окончательно отказываясь от мысли прогулять уроки только на самом пороге класса. Уже рассеявшись по своим местам, они каждое утро глядели друг на друга с искренним изумлением, от души забавляясь такой неожиданной, удивительной встречей.

Учитель завел обычай использовать это рассеянное настроение класса перед началом занятий для того, чтобы выслушивать их рассказы об интересных происшествиях на пути в школу или же — так как они частенько упрямилась, смущаясь говорить о том, что втайне вызывало их интерес,— о любых примечательных событиях, которые произошли с тех пор, как они с ним расстались. Делал он это отчасти для того, чтобы они успели прийти в себя и настроиться на более серьезный лад, отчасти же просто потому, что при всей своей учительской солидности сам получал от этих рассказов большое удовольствие. Кроме того, он отвлекал их этим от сосредоточенного разглядывания его собственной персоны, этой

ежеутренной инспекции, от которой не укрывалась ни одна подробность его одежды и внешности, а всякое нововведение встречалось либо шепотом комментариев, либо каменным недоумением. Он понимал, что они знают его лучше, чем он сам, и искал спасения от природной пронизательности маленьких ясно-видцев.

— Ну-с? — серьезно спросил учитель.

Последовала обычная минута всеобщего замешательства, у одних вызывавшего нервные смешки, у других — показное рвение. Этот короткий вопрос учителя воспринимался как шутка, вполне способная, однако, повлечь за собой какое-нибудь злое сообщение или же не менее злоеший вопрос из учебника. Но самый привкус опасности таил в себе соблазн. Маленький мальчик по имени Джонни Филджи, покраснев до корней волос и даже не встав с места, начал торопливым, пронзительным голосом:

— У Тигра... — И вдруг перешел на беззвучный шепот.

— Говори громче, Джонни, — попробовал подбодрить его учитель.

— Да нет, сэр, это он просто так, ничего он такого не видел и не слышал, — вмешался Руперт Филджи, его старший брат, по-семейному озабоченный, поднимаясь со скамейки и грозно поглядев на Джонни. — Глупость одна. Выдрать бы его хорошенько.

Спohватившись, что закончил речь, но все еще стоит за партой, он тоже покраснел и поспешно добавил:

— Вот Джимми Снайдер... он вправду видел такое... Спросите его!

И сел герой героем.

Все глаза, в том числе и глаза учителя, обратились на Джимми Снайдера. Но этот малолетний наблюдатель сразу же втянул голову и плечи чуть ли не под парту и сидел так, издавая невразумительные булькающие звуки, словно пуская пузыри из-под воды. Соседи по партам попытались вытянуть его на поверхность членораздельной речи. Учитель терпеливо ждал. Джонни Филджи, воспользовавшись паузой, снова пронзительно начал: «У Тигра теперь шесть...» — И снова перешел на шепот.

— Подойди сюда, Джимми! — властно сказал учитель.

Джимми с пылающими щеками подошел к учительскому столу и, весь топорщась восклицательными знаками и многоточиями, взволнованно заговорил:

— Я медведя видел, черного... выходил из леса! Близо-близо, вот как от меня до вас. Большущий — прямо с лошады! Рычит! Зубами шелк-шелк! Шел, шел, повернулся — и прямо на меня. Думал, небось, я испугаюсь. А я и не испугался, даже нисколько! Камнем в него как запущу... Что, не верите? (Это в ответ на скептический смешок из класса.) Он и драть оттуда! Попробовал бы ближе-то подойти, я бы грифельной доской ка-ак дал ему по башке — трах!

Здесь учитель счел необходимым вмешаться и заметить, что обычай колотить медведей «прямо с лошады» величиной грифельными досками одинаково опасен как для досок (представлявших собой собственность округа Туолумны), так и для самого колотящего; и что глагол «драть», равно как и существительное «башка» тоже являются предосудительными и в употреблении недопустимы. С этим напутствием Джимми Снайдер, чья вера в собственную храбрость осталась, однако, непоколебленной, сел на место.

Последовала новая пауза. И снова меньшей Филджи завел было свое пронзительное: «А у Тигра...» — но учителя в это время привлек красноречивый взгляд Октавии Дин, одиннадцатилетней девочки, которая чисто по-женски требовала внимания, прежде чем начать говорить. Дождавшись, чтобы ее заметили, Октавия привычным, небрежным движением закинула за спину свои длинные косы, поднялась и, чуть зардевшись, сказала:

— Кресси Маккинстри вернулась из Сакраменто. Миссис Маккинстри говорила маме, что она снова будет ходить в школу.

Забыв, что он человек солидный и ко всему равнодушный, учитель встрепенулся — и тут же пожалел об этом. Девочка исподлобья с улыбкой наблюдала за ним. Кресси Маккинстри, шестнадцати лет, была ученицей школы, когда он приступил к работе минувшей осенью. Но эта школьница, как вскоре выяснилось, была офи-

циально помолвлена с неким Сетом Дэвисом, девятнадцати лет, также учащимся этой школы. «Ухаживание» в самом непринужденном виде велось с полного согласия прежнего учителя, прямо в часы занятий, и новый учитель был поставлен перед необходимостью указать родителям этой парочки, сколь пагубно подобные необычные отношения сказываются на школьной дисциплине. Следствием этого разговора было то, что он лишился двух учеников, а также, вероятно, и дружеского расположения их родителей. Поэтому возвращение «невесты» было событием. Означало ли оно, что с учителем согласились или же расстроилась помолвка? Могло быть и так. Учитель ослабил внимание всего лишь на миг, но этим мигом сумел наконец победно воспользоваться маленький Джонни Филджи.

— У Тигра, — вдруг с устрашающей отчетливостью проговорил Джонни, — родилось шесть щенят. Все рыжие.

Это наконец поступившее известие о прибавлении семейства у беспутного рыжего сеттера Тигра, таскавшегося за Джонни даже в школу и нередко завывавшего под окном, было встречено смехом. Учитель тоже сдержанно усмехнулся. Затем, со столь же сдержанной суровостью, он произнес: «Откройте книги!» Светская беседа закончилась, начались занятия.

Они продолжались два часа — и были вздохи, и наморщенные лбы, и жалобные возгласы, и скрип грифелей по доскам, и прочие признаки рабочей страды среди младших в пастве, а у старших — шепот и рассеянное бормотание и шевеление губ. Учитель медленно ходил взад-вперед по проходу, то здесь, то там наклоняясь, чтобы похвалить или объяснить, или же останавливаясь, заложив руки за спину, и смотрел в окно, на зависть своим маленьким ученикам. Легкое гудение, словно звон невидимых насекомых, постепенно заполняло класс, жужжание настоящей залетной пчелы на его фоне действовало усыпляюще. В окна и двери лилось горячее дыхание сосен; дранка на крыше потрескивала под отвесными лучами жаркого солнца. Детские лбы, словно в жару, покрылись легкой испариной, пряди волос намокли, слиплись короткие ресницы, круглые глаза увлажнились, налились тяжестью веки. Учитель, стряхнув

ощепенение, сурово одернул себя, прогоняя опасное видение других глаз и других волос, ибо на крыльце за распахнутой дверью неуверенно возникла человеческая фигура. К счастью, ученики сидели спиной к двери и ничего не видели.

Впрочем, явление это не таило в себе ни опасности, ни новизны. Учитель сразу узнал Бена Дзбни по прозвищу дядя Бен, добродушного и не слишком толкового старателя, который жил на окраине поселка в маленькой хижине посреди своей небогатой заявки. «Дядей» его величали скорее всего просто потому, что он был добродушный, нескладный тяжелодум, а вообще-то говоря, он был еще молод да и в родстве ни с кем не состоял и даже в гости к соседям по великой своей скромности никогда не ходил. При взгляде на него учитель с неодовольствием вспомнил, что последние дня два дядя Бен все время попадается ему на глаза по пути то в школу, то из школы, возникая и вновь пропадая где-нибудь на тропе, подобно неуверенному в себе, исключительно застенчивому привидению. А это, как понимал искушенный в жизни учитель, означало, что, по обычаю всех привидений, дядя Бен хочет сообщить ему нечто очень для себя важное. Встретившись с умоляющим взглядом призрака, учитель поспешил изгнать его с помощью нахмуренных бровей и укоризненного покачивания головой, и призрак действительно растаял, удалившись с порога, однако тут же материализовался снова за одним из классных окон. Это божественное видение было встречено младшими учениками с таким восторгом, что учитель принужден был выйти за дверь и решительно потребовать, чтобы оно удалилось, в ответ на что оно отошло к забору, оседлало верхнюю слегу, вынуло из кармана нож и, отколов длинную щепку, стало затачивать ее с терпеливым задумчивым видом. Однако на перемене, когда во дворе школы долго сдерживаемые страсти учеников нашли шумный выход, дяди Бена на заборе уже не оказалось. То ли присутствие детей слишком уж не вязалось с его загробной должностью, то ли ему в последнюю минуту не хватило храбрости — этого учитель определить не мог. Он почувствовал легкое разочарование, хотя ничего приятного от этой встречи не ждал. Прошло еще несколько часов, и учитель, распутив

по домам свою паству, увидел у себя перед столом Октавию Дин, которая замешкалась в классе. Он встретил ее озорной взгляд и, снисходя к ее ожиданию, вернулся к давешнему разговору.

— Я думал, мисс Маккинстри уже замужем,— заметил он небрежно.

Раскачивая сумку с книгами, точно кадило, Октавия, потупя очи, отозвалась:

— Ах, ну что вы!.. Вот уж нет.

— Но вполне естественно было это предположить,— возразил учитель.

— Да она и не собиралась вовсе,— продолжала Октавия, взглянув на него искоса.

— Вот как?

— Ну да. Ведь она с Сетом Дэвисом — это просто так.

— Просто так?

— Да, сэр. Ну знаете, морочила его, и все.

— Морочила?

Учитель хотел было по долгу наставника возразить против такого легкомысленного и недопустимого для юной девушки отношения к помолвке, но, еще раз взглянув на выразительное лицо своей малолетней собеседницы, пришел к выводу, что ее природное понимание родственной женской души надежнее и вернее всех его несовершенных теорий. Не сказав ни слова, он отвернулся к столу. Октавия еще сильнее качнула сумкой, игриво вскинула ее на плечо и направилась к двери. И в это время младший Филджи, уже достигший крыльца и обретший на расстоянии небывалую храбрость, вдруг крикнул оттуда неизвестно кому, просто в пространство:

— Ей нравится учитель!

И сразу же его будто ветром сдуло.

Учитель поспешил выкинуть все это из головы и под замирающие возгласы своей разбредавшейся паствы сурово и сосредоточенно принялся готовить прописи к завтрашнему дню. Постепенно глубокая тишина воцарилась над школой. В открытую дверь повеяло успокоительной прохладой, словно природа снова сторожко возвращалась в свои владения. По крыльцу храбро пробежала белка. Какие-то птицы, щебеча, подлетели к двери и, потрепетав крылышками, пугливо взмыли кверху,

словно возмущенные присутствием человека в пустом помещении. Потом на пороге возник другой незванный пришелец, на этот раз двуногий, и учитель, сердито подняв глаза, увидел дядю Бена.

Он шел через класс непереносимо медленными шагами, высоко поднимая ноги в огромных башмаках и опускающая их с великими предосторожностями, не то из опасения споткнуться о какие-то воображаемые неровности пола, не то в подтверждение той истины, что путь к знанию тернист и труден. Достигнув учительского стола, гость неловко остановился перед взором духовного пастыря и попытался полями своей фетровой шляпы стереть с лица смиренную улыбку, с которой переступил порог. При этом по левую руку от него оказалась крохотная парта малолетнего Филджи, и рядом с нею его громоздкая фигура сразу приняла такие великанские пропорции, что он окончательно смутился. Но учитель не сделал попытки его подбодрить, а смотрел на него холодным вопрошающим взглядом.

— Я так сообразил,— начал тот, с притворной развязностью опершись ладонью на учительский стол и сбивая шляпой пыль с ноги,— я так сообразил... то есть, вернее сказать, прикинул... что застану вас об эту пору одного. Так оно у вас каждый день выходит. Самое что ни на есть спокойное, приятное, книжное время, можно вроде как пробежать еще разок все свое образование, припомнить, чего знаешь. Вы в этом совсем, как я. Видите, я вон даже обычаи ваши все высмотрел.

— Тогда зачем же вы приходили утром и мешали занятиям? — сурово спросил учитель.

— Это точно, маху дал,— ответил дядя Бен, сокрушенно усмехаясь.— Я ведь, понимаете, входить не хотел, а так, поболтаться поблизости, мне надо было вроде как пообвыкнуть.

— Пообвыкнуть? — переспросил учитель раздраженно, хотя сердце его уже смягчилось: очень уж покаянный вид был у этого непрошеного посетителя.

Дядя Бен ответил не сразу, а сначала огляделся, видимо, ища, где бы сесть, попробовал широкой ладонью две-три скамьи, словно испытывая, выдержат ли, и наконец, все же отказавшись от такой рискованной затеи, уселся прямо на ступеньку, ведущую к учительскому

столу, предварительно смахнув с нее пыль все той же шляпой. Сочтя, однако, что такая позиция не настраивает на откровенный разговор, он тут же снова встал, взяв со стола какой-то учебник, заглянул в него, держа кверху ногами, и наконец неуверенно произнес:

— Вы, небось, здесь учите арифметике не по Добеллу?

— Нет,— ответил учитель.

— Жалко. Видно, он свое уже отслужил, этот самый Добелл. Я вот на Добелле воспитан. А «Грамматика» Парсингса? Парсингса, небось, тоже отставили?

— Тоже отставили,— ответил учитель, окончательно смягчаясь при виде смущенной улыбки на страдающем лице дяди Бена.

— И Джонсову «Астрономию», надо думать, и «Алгебру», небось, то же самое? Ишь, как все теперь по-другому! Все по-новому.— Он старался говорить неприужденно, но упорно избегал глаз учителя.— Тому, кто вырос на Парсингсе, на Добелле и Джонсе, нынче особенно и похвастать-то нечем.

Учитель молчал. Увидев, как на лице дяди Бена сменились несколько оттенков румянца, он поспешил пониже склониться над тетрадами. Это приободрило его собеседника, который, по-прежнему глядя куда-то в окно, продолжал:

— Если б они у вас были, старые-то книги, я бы попросить хотел кое о чем. Мысль у меня такая была... Ну, освежить свое образование, что ли. Пройтись заново по старым учебникам... так, знаете, от нечего делать. После уроков забежишь к вам, позанимаешься, а? Вроде еще один школьник у вас завелся... я бы вам платил... но только чтоб это все между нами, я ведь просто так, скуки ради. Ну как?

Но стоило учителю с улыбкой поднять голову, как дядя Бен сразу же демонстративно отвернулся к окну.

— Надо же, до чего эти сойки нахальные! Так в школу и норовят. Им, небось, тоже нравится, что здесь тишь такая.

— Но если вы всерьез, дядя Бен, почему бы вам не заняться по новым учебникам? — сказал учитель. — Право же, разница не так уж велика. Принцип тот же.

Лицо дяди Бена, внезапно посветлевшее, так же внезапно омрачилось. Не поднимая глаз, он взял учебник из рук учителя, повертел и осторожно, словно что-то очень хрупкое, положил на стол.

— Точно,— пробормотал он, будто в раздумье.— Это точно. Принцип, он весь здесь.

Он с трудом перевел дыхание, и мелкие капли пота выступили на его безмятежном лбу.

— А прописи, например,— продолжал учитель еще бодрее, заметив все это,— из любой книги можно брать.

И невзначай протянул дяде Бену свое перо. Большая рука, робко принявшая перо, не только дрожала, но стиснула его так безнадежно неумело, что учитель был вынужден отойти к окну и тоже заняться разглядыванием птиц.

— Они смелые, эти сойки,— сказал дядя Бен, с бесконечным старанием кладя перо точно подле книги и воззрившись на свои пальцы, словно они совершили какое-то чудо ловкости.— Поглядишь на них, ничегошеньки они не боятся, верно?

Последовала еще одна пауза. Потом учитель решительно повернулся от окна.

— Вот что я вам скажу, дядя Бен,— проговорил он вдруг уверенно и твердо.— Забросьте-ка вы Добелла, Парсингса и Джонса и гусиное перо, к которому, я вижу, вы привыкли, и принимайтесь за все наново, будто ничего раньше не учили. Что знали, забудьте. Конечно, это будет трудно,— продолжал он, снова устремив взгляд в окно,— но придется уж постараться.

Здесь он снова взглянул на собеседника: лицо дяди Бена вдруг так осветилось, что на глаза учителя навернулась влага. Смиренный искатель познания сказал, что он постарается.

— Правильно, начнете все с самого начала,— весело подхватил учитель.— Прямо как... как если бы вы опять стали маленьким.

— Вот-вот,— обрадовался дядя Бен, потирая свои большие ладони.— Это мне в самый раз. Я Рупу в точности так и сказал...

— Значит, вы уже проговорились? — удивился учитель.— Вы же хотели, чтобы все было в секрете.

— Ну да,— неуверенно отозвался дядя Бен.— Только я вроде как уговорился с Рупом Филджи, если вам моя мысль придется по душе и вы не против, я ему буду платить по двадцать пять центов, чтобы приходил сюда после обеда помогать мне, когда вас не будет, ну и караулить возле школы, чтобы кто не зашел. Руп, он знаете как соображает, даром что маленький.

Учитель поразмыслил и решил, что дядя Бен скорее всего прав. Руперт Филджи, красивый четырнадцатилетний мальчик, нравился и ему самому независимым, сильным характером и презрительной юношеской прямоотой. Он хорошо учился, и чувствовалось, что мог бы еще лучше, а его занятия с дядей Беном придутся не на школьные часы и ничего, кроме пользы, не принесут обеим сторонам. Он только спросил доброжелательно:

— А не спокойнее ли вам будет заниматься у себя дома? Учебники я бы вам давал и приходил бы к вам, скажем, два раза в неделю.

Сияющее лицо дяди Бена вдруг снова затуманилось.

— Это уж совсем было бы не то,— неуверенно сказал он.— Тут, понимаете, важно, чтобы была школа, здесь так спокойно и тихо и настраивает на учение. И домой ко мне ребята из поселка за милую душу завьются, чуть только пронюхают, чем я занят, а сюда они в жизни не придут меня искать.

— Ну что ж, прекрасно, здесь так здесь,— сказал учитель. И, заметив, что его собеседник бьется над словами благодарности, а также над своим кожаным кошельком, который почему-то ни за что не хотел вылезать у него из кармана, спокойно прибавил:

— Я дам вам для начала несколько прописей.

С этими словами он выложил перед дядей Беном два-три образчика каллиграфического искусства, созданных рукой малолетнего Джонни Филджи.

— Да, но сначала я должен поблагодарить вас, мистер Форд,— жалобно сказал дядя Бен.— Если бы вы вроде бы как называли мне...

Мистер Форд быстро повернулся и протянул ему руку, так что тот вынужден был вытащить для рукопожатия свою ладонь из кармана.

— Я очень рад вам помочь,— сказал учитель.— А так как подобные вещи я могу допустить только, если

они делаются бесплатно, считайте, что вы мне ничего не говорили даже насчет платы Руперту.

Он снова пожал руку растерянному дяде Бену, коротко объяснил ему задание и, сказав, что должен оставить его на несколько минут, взял шляпу и направился к двери.

— Значит, Добеллов побоку, так, по-вашему? — проговорил дядя Бен, разглядывая прописи.

— Вот именно, — с самым серьезным видом отозвался учитель.

— И начинать от печки, ровно как маленький?

— Да, да, как маленький, — подтвердил учитель, спускаясь с крыльца.

Через некоторое время, докуривая сигару на школьном дворе, он подошел к окну и заглянул в класс. Дядя Бен, скинув куртку и жилет, закатав рукава рубахи и, видимо, отринув Добелла и прочих ненадежных помощников со стороны, сидел за учительским столом, низко склонив над книгой растерянное лицо с каплями пота на девственно-гладком лбу, и ощупью, с трудом пробираясь к свету познания по нетвердому, путаному следу маленького Джонни Филджи — сам совсем как малое дитя.

ГЛАВА II

На следующее утро, пока дети не спеша разбредались по своим местам, учитель ждал удобного случая, чтобы поговорить с Рупертом. Красивый, но довольно нелюбезный мальчик был, как всегда, плотно окружен толпой своих юных поклонниц, с которыми он, по правде сказать, обращался в высшей степени презрительно. Быть может, именно это здоровое презрение к прекрасному полу вызывало симпатию учителя, не без удовольствия слушавшего, как он без всяких церемоний разделяется со своими почитательницами.

— Ну-ка, — безжалостно бросал он Кларинде Джонс, — нечего виснуть на мне! А ты, — Октавии Дин, — не дыши на меня, понятно? Терпеть не могу, когда девчонки на меня дышат. Как же, не дышала ты! Я волосами чувствовал. И ты тоже, вечно ты лезешь

и пристаешь. Ну, конечно, вам надо знать, зачем у меня лишняя «Арифметика» и еще одни «Прописи», мисс Длинный Нос? Как бы не так! Ах, вам хочется посмотреть, хорошенькие ли прописи? (С бесконечным презрением к этому эпитету.) Ничуть они не хорошенькие. У вас, девчонок, всегда одно на уме: что хорошенькое да что пригоженькое. Ну, хватит! Отстаньте. Разве не видите, учитель смотрит. И как не стыдно?

Перехватив взгляд учителя, он подошел к столу, немного смущенный, с румянцем негодования на красивом лице и с чуть встрепанными каштановыми кудрями. Один локон, который Октавия ухитрилась украдкой накрутить себе на палец, стоял хохолком у него на макушке.

— Я сказал дяде Бену, что позволю тебе заниматься с ним здесь после уроков,— проговорил учитель, отведя его в сторону.— Поэтому можешь утром не делать письменных упражнений, а напишешь их вечером, вместе с ним.

Глаза мальчика сверкнули.

— И если можно, сэр,— серьезно сказал он,— вы уж как-нибудь объявите, что оставляете меня на после обеда.

— Боюсь, что это не выйдет,— с улыбкой ответил учитель.— А зачем тебе?

Руперт покраснел еще гуще.

— Чтобы девчонки эти противные не лезли и не вздумали приходить за мной сюда.

— Ну, мы что-нибудь сделаем,— усмехнулся учитель и уже серьезнее спросил: —А твой отец знает, что ты будешь получать за это деньги? Он не против?

— Он-то? Да что вы! — ответил Руперт удивленно и с той же снисходительностью к своему родителю, с какой говорил о младшем братишке.— Насчет него можно не беспокоиться.

В самом деле Филджи-рёге, два года как овдовевший, давно уже молчаливо уступил Руперту все заботы о порядке в семье, и поэтому учителю оставалось только со словами «Ну и прекрасно» отослать мальчика от своего стола, а всякие сомнения выбросить из головы. Последний разиня-ученик уже уселся за парту, и учитель потянулся к колокольчику, еще раз оглядев свою паству, как

вдруг на дорожке у крыльца послышались быстрые шаги, зашуршали юбки, словно птичьи крылья, и в дверях появилась девушка.

Нетронутой, незамутненной свежестью округлых щек и подбородка, наклоненной вперед гибкой шейкой она была пятнадцатилетняя девочка, зрелыми формами фигуры и еще более зрелыми складками пышных юбок — взрослая женщина, а наивным легкомыслием в сочетании с совершенной самоуверенностью — и то и другое вместе. В ее затянутой перчаткой руке болталось на ремне несколько книжек, но даже это ничуть не делало ее похожей на школьницу; в своем нарядном муслиновом в горошек платье с голубыми бантами по подолу и на корсаже, с букетиком роз у пояса, она казалась в классе столь же неуместной, как модная картинка в растрепанном, скучном учебнике. Но ее это не смущало. С детской наивностью и чисто женским апломбом она двинулась по проходу, замечая любопытные круглые головы на вытянутых шеях роскошным хвостом своих пышных юбок, и в кокетливой улыбке с ямочками не было и тени сомнения в том, какой ей будет оказан прием. Сделав учителю маленький реверанс, единственный знак ее равенства с остальными в классе, она села за самую большую парту и, поставив локти на крышку, начала преспокойно стягивать перчатки. Это была Кресси Маккинстри.

Обескураженный и раздосадованный таким бесцеремонным вторжением, учитель холодно кивнул в ответ на реверанс и сделал вид, что не замечает ее роскошного наряда. Как ему поступить, он не знал. Не допустить ее в класс он не мог, ведь жениха при ней больше не было, а притворяться, будто ему неизвестно о расторжении помолвки, было бессмысленно. Указывать же на вопиющую недопустимость ее туалета в школе значило снова позволить себе вмешательство в чьи-то личные дела, а этого, как он знал, в Индейцевом Ключе не терпят. Ему оставалось удовлетвориться любым объяснением, какое она сочтет нужным ему дать. И чтобы положить конец этой сцене и отвлечь от Кресси внимательные детские взгляды, он поднял колокольчик и громко зазвонил.

Она успела стянуть перчатки и встала за партой.

— Мне как, начинать с того места, где я остановилась? — томно спросила она, указывая на принесенные учебники.

— Пока — да, — сухо ответил учитель.

Уроки начались. Позднее, когда, совершая свой учительский обход, он очутился у ее парты, оказалось, что она пришла вполне подготовленная к уроку, словно у нее и в мыслях не было, что ее возвращение в школу могло быть нежелательным; словно она вообще только вчера отсюда вышла. Проходила она еще самые простые вещи, ибо успехами в учении никогда не отличалась, но он недоверчиво отметил про себя, что сегодня она старается больше обычного. В этом чувствовался даже своего рода вызов, точно она решила отместить всякие препятствия к своему возврату в школу, основанные на ее нерадивости. Учитель был вынужден ради самозащиты обратить внимание на кольца, которыми были унизаны ее пальцы, и на толстый браслет, вызывающе поблескивающий на ее белой руке, — ее маленькие одноклассники заметили все это еще раньше, и Джонни Филджи громким шепотом на весь класс объявил, что браслет — «чистое золото». Учитель, не глядя на нее, сурово призвал зевак к порядку.

В роли невесты ее в школе никогда особенно не любили, только Октавия Дин и еще несколько старших девочек испытывали на себе таинственное очарование этого слова. Красавец Руперт Филджи, безоговорочно отдавая предпочтение немолодой супруге хозяина местной гостиницы, считал ее девчонкой и выскочкой, из тех, кто особенно страдает этой возмутительной привычкой «дышать» на него. Тем не менее учитель не переставал ощущать ее присутствие и не мог отделаться от мысли об этой ее дурацкой истории с помолвкой. Он пробовал убедить себя, что это всего только заурядный эпизод жизни Дальнего Запада и к тому же смешной. Но почему-то ему не было смешно. Вторжение этой невозможной девицы нарушало не только школьный распорядок, но и размеренный ход его собственной жизни. Оно развеяло его привычные смутные грезы, которым он любил предаваться в часы занятий, грезы, уносившие его куда-то далеко и вместе с тем сближавшие его с его маленькими подопечными, кото-

рые угадывали в нем, взрослом мечтателе, способность понимать их детские нужды и слабости.

На перемене к Кресси подошла Октавия Дин, с гордостью обвила ее рукой за талию, обменялась с ней многозначительной заговорщицкой улыбкой и вышла вместе со всеми из класса. Учитель за столом и Кресси Маккинстри, замешкавшаяся у парты, остались одни.

— Твои родители не поставили меня в известность о том, что ты возвращаешься в школу, — сказал он. — Я надеюсь, это их решение?

Этот вопрос ему подсказала мысль, что она могла действовать по уговору со своим женихом.

Девушка бросила на него томно-недоуменный взгляд. — Я думаю, они не против, — отвечала она с тем же презрением к родительской опеке, какое выказал раньше Руперт Филджи; очевидно, это было в обычае у местных детей. — Мать хотела даже прийти поговорить с вами, но я сказала, что не стоит.

Она присела на край парты и, потупившись, описывала полукруги носком хорошенького башмачка, выглядывающего из-под подола. В этой вызывающей и в то же время небрежной позе изящно обрисовывались ее талия и плечи. Учитель это заметил и заговорил еще суше.

— Значит, это надо понимать как нечто постоянное? — холодно спросил он.

— Чего-чего? — не поняла Кресси.

— Должен ли я понимать, что ты намерена регулярно посещать школу? — сдержанно объяснил учитель. — Или это так, на несколько дней, пока...

— А-а, — сказала Кресси, невозмутимо поднимая на него свои голубые глаза. — Вы вот про что. Ну, с этим все кончено. Уже три недели, — добавила она пренебрежительно, описывая носком башмачка все более широкие полукруги.

— А как же Сет Дэвис? Он тоже вернется в школу?

— Он-то? — Она мелодично рассмеялась. — Ну нет. Пока я тут, едва ли он объявится!

Она поглубже села на крышку парты, так что ее нарядно обутые ножки теперь болтались, не достигая пола в своем кокетливом танце. Потом вдруг решительно сдвинула каблучки и встала.

— Значит, все? — спросила она.

— Все.

— Мне можно идти?

— Да.

Она сложила книги в стопку, но не уходила.

— А вы как поживаете? — спросила она равнодушно-любезным тоном.

— Благодарю, хорошо.

— Вид у вас роскошный.

Томной, гибкой поступью барышни с Юга она подошла к дверям, распахнула их и вприпрыжку бросилась к Октавии Дин, закружила ее, затормошила и увлекла куда-то прочь, а через минуту появилась на площадке для игр, чинно расхаживая с подругой в обнимку и что-то шепча ей на ухо с многозначительным и недоступно-взрослым видом на зависть младшим ребяташкам.

После уроков, когда школьники разошлись, а учитель остался, чтобы дать указания своему заместителю Руперту Филджи насчет занятий с дядей Беном, этот юный и раздражительный Адонис, выслушав его, вдруг дал волю своему недовольству:

— Значит, эта Кресси Маккинстри теперь все время будет ходить, мистер Форд?

— Да, — сухо ответил учитель. — А что?

Руперт возмущенно тряхнул головой, и каштановые кудри упали ему на лоб.

— Да противно; только обрадовался, что избавился от нее и от этого осла, ее ухажера, и вот пожалуйста, является, да еще разодетая вся, словно целую модную лавку разворовала на пожаре.

— Ты не должен давать волю своему недобржела-тельству, Руперт, и так говорить о своем товарище по учению, да к тому же еще барышне, — сдержанно упрекнул его учитель.

— Таких товарищей и таких барышень в лесу за каждым кустом полно, — ответил Руперт. — Знал бы я, что она снова придет, — он в сердцах стукнул себя по коленке загорелым кулаком, — да я бы...

— Что ты бы?

— Я бы прогуливал, пока она снова не бросит школу! Небось, недолго пришлось бы ждать, — добавил он с таинственным смешком.

— Довольно, — строго сказал учитель. — Лучше займись своими обязанностями и попробуй доказать дяде Бену, что ты не просто глупый, несправедливый мальчик. Не то, — заключил он многозначительно, — как бы мы с дядей Беном не отказались от нашего уговора. Я проверю ваши успехи, когда вернусь.

С этими словами он снял шляпу с вешалки у двери и, повинувшись внезапно созревшему решению, вышел из школы, чтобы навестить родителей Кресси Маккинстри. Что именно он им скажет, он пока не знал, но по привычке полагался на вдохновение. В крайнем случае откажется от места — оно требовало от него теперь слишком много деликатности и такта, чтобы можно было спокойно работать, да и вообще приходилось признать, что учительство — занятие, разумеется, временное для бедного, но образованного юноши двадцати лет — ничуть не приближало его к осуществлению его привычных грез. Ибо мистер Джек Форд был юный пилигрим, отправившийся в Калифорнию на поиски удачи, не располагая даже таким необходимым в пути снаряжением, как родичи и советчики. Искомая удача уже обманула его в Сан-Франциско, не ждала его, видимо, и в Сакраменто и вот теперь, оказывается, даже не ночевала в Индейцевом Ключе. Тем не менее, когда школа скрылась за деревьями, мистер Форд закурил сигару, сунул руки в карманы и зашагал бодрой походкой юности, для которой нет ничего невозможного.

Его ученики уже успели исчезнуть так же бесповоротно и неожиданно, как утром появились. Между ним и редко разбросанными домами поселка Индейцев Ключ лежала земля, безмолвная и недвижная. Школа стояла на верхушке лесистого склона, отлого спускавшегося к реке, по берегам которой раскинулся поселок, — сверху казалось, будто его принесло и выбросило на сушу наводнением: отель «Космополитен» застрял подле баптистской церкви, за нее зацепились два салуна и кузница, а здание окружного суда отнесло в сторону, и теперь оно одиноко красуется на песке чуть не за полмили от берега, а на подступах к поселку вся земля изрыта и пере-

копана безжалостными лопатами первых золотоискателей. Эти следы чьих-то бывших поражений не волновали душу мистера Форда; удача, которую искал он, заключалась, как видно, в другом — и взгляд его спокойно блуждал по дальним лесистым склонам на том берегу, таким первобытно нетронутым и недоступным, хотя совсем близким. Иногда он поглядывал через плечо назад. Здесь тоже местность сохраняла дикий вид, хотя кое-где виднелись хижины, окрестные ранчо и фермы. Участки вокруг хижин были еще не расчищены от подлеска; медведь и рысь еще крались в ночи вдоль нетесаных заборов, и недавний рассказ малолетнего Снайдера о приключении в лесу звучал вполне правдоподобно и убедительно.

Легкий ветерок веял над разогретой равниной, пробирался вниз к реке и пробуждал листву над головой учителя к могучей лесной жизни. Трепещущие блики и шашки теней словно бросали на тропинку, по которой он шел, волшебные бегучие тенета. Прихотливые запахи лесных трав, которые так хорошо знали его ученики и хранили у себя в партах или оставляли скромными жертвоприношениями на крыльце школы, снова напомнили ему о первозданной и восхитительной простоте только что покинутого им маленького храма. Даже озорной глаз неуловимой белки или влажный взор задумчивого кролика наводили на мысль о маленьких прогульщиках. Леса полны были сладкой памятью о свободе, которой он наслаждался, о мирном приюте его одиночества, так нелепо потревоженного.

И со свойственной таким людям внезапной сменой настроения он вдруг подумал: что ему за нужда беспокоиться об этой девице? Разве не может он, как прежний учитель, просто примириться с ее присутствием? Почему ему непременно нужно доказывать себе, что оно не согласуется с его обязанностями по отношению к его маленьким подопечным, с его долгом педагога? Может быть, он чересчур придирчив? Ее смешной для школьницы наряд не должен его заботить, пусть об этом думают ее родители. Какое право он имеет указывать им? Да и как он будет с ними объясняться?

Он замедлил шаг под действием этих, казалось бы, трезвых сомнений, которые в действительности были

столь же импульсивны и далеки от логики, как и прежнее его побуждение. Неподалеку в просвете между деревьями уже виднелся забор Маккинстри. Учитель еще медлил в нерешительности, когда впереди него на тропинке появилась нарядная стройная фигурка Кресси Маккинстри. Она вышла из лесу, но не одна, а в сопровождении какого-то молодого человека, чью руку, как видно, только что успела снять со своей талии. Ее спутник еще пытался отвоевать утраченные позиции, она столь же решительно уклонялась, словно неуловимая, дразнящая лесная нимфа, и до учителя донесся ее не то смеющийся, не то сердитый голосок. Кто с нею шел, учитель разглядеть не мог, в одном он был уверен: это не ее бывший жених Сет Дэвис.

Высокомерная улыбка появилась на его лице, он больше не колебался, но решительно двинулся по тропе. Кресси и ее кавалер сначала шли впереди. Потом, дойдя до забора, они свернули за угол направо, на мгновение их скрыли густые кусты, а затем Кресси появилась уже одна — она шла по лужайке напрямик к дому, очевидно, успев перелезть через забор или юркнуть сквозь какую-то заветную лазейку. Спутник ее исчез. Трудно было сказать, заметили ли они, что за ними наблюдают. Учитель продолжал путь по тропинке вдоль забора и подошел к воротам, от которых к крыльцу вела неширокая дорожка, — и как раз в этот миг светлое платье Кресси, мелькнув, скрылось за углом дома.

Дом Маккинстри стоял, вернее, лежал перед ним во всей ленивой непритязательности юго-западной архитектуры. Какое-то случайное нагромождение отдельных клетей из досок, бревен, парусины, местами полуразрушенных или недостроенных, местами низведенных до уровня сараев, — дом этот откровенно свидетельствовал о кочевнических намерениях того, кто его сколачивал. По мере надобности его чинили, но не перестраивали; позднейшие переделки только придавали его изначальному уродству более крупные масштабы. На крышах топорщилась дранка, коробилась фанера, кое-как прибитая рейками, стропила сараев нередко были покрыты просмоленной парусиной. А в центре, словно последнее доказательство того, что этому разномастному сооружению никогда не быть живописным, высился короб из рифле-

ного железа, по частям свезенный сюда откуда-то изда- лека. Ранчо Маккинстри давно уже оскорбляло глаз учителя своим безобразием, не далее как сегодня утром он еще дивился про себя, каким образом из этого отвратительного кокона могла вылететь пестрая бабочка — Кресси. Эта же мысль мелькнула у него и сейчас, когда он краем глаза видел, как она впорхнула обратно.

Видя, что учитель не знает, как войти в дом, рыжий пес, валявшийся на солнцепеке, мигнул, зевнул, затем, встав, лениво, но вежливо подошел к нему и, показывая дорогу, поплелся к железной пристройке. Мистер Форд осторожно последовал за ним, вполне сознавая, что вся эта собачья любезность не более как уловка, рассчитанная на то, чтобы самому проникнуть в дом, взвалив при этом всю ответственность и возможный позор разоблачения на ничего не подозревающего гостя. Так оно и оказалось. Из соседней комнаты донесся недовольный возглас, потом тот же женский голос проворчал: «Опять этот чертов пес!» И его пристыженный четвероногий спутник конфузливо ретировался во двор. Мистер Форд остался один в грубо убранной гостиной. Прямо перед ним открытая дверь вела в соседнюю комнату, где как раз в эту минуту появилась женщина, на ходу отшвырнувшая кухонное полотенце. Это была миссис Маккинстри. Рукава на ее красных, но ещё красивых руках были засучены, она вытирала пальцы о передник, выставив локти, отдаленно напоминая изготавившегося к бою боксера. Сходство это ещё усилилось, когда, вдруг заметив учителя, она, не разжимая кулаков, отпрыгнула за дверь, словно отброшенная на канат воображаемым противником.

Мистер Форд тактично попятился.

— Прошу прощения, — вежливо обратился он к противоположной стене, — дверь была открыта, и я вошел за собакой.

— Это он, аспид, придумал уловку, — жалобно отозвалась из той комнаты миссис Маккинстри. — На прошлой неделе китайца привел, а когда поднялась суматоха, изловчился ухватить солонины из бочки. Нет такой подлости, чтобы не придумал этот зловерный пес.

В речи ее прозвучал нелестный намек, однако, когда она вновь появилась в комнате, со спущенными рукавами,

пригладив черное шерстяное платье и сняв передник, на лице ее была усталая, но вполне доброжелательная и даже гостеприимная улыбка. Смахнув передником пыль со стула, она поставила его перед учителем и по-матерински пригласила:

— Раз уж вы здесь, милости просим, садитесь и будьте как дома. Моих мужчин никого сейчас нет, но скоро кто-нибудь из них да появится, это уж точно. Не было еще такого дня, чтобы они не досаждали мамаше Маккинстри почитай что каждые пять минут.

При этом суровая гордость осветила ее озабоченное, изможденное лицо. Странно, но слова ее были правдой. Эта худая, костлявая женщина, едва достигшая средних лет, уже долгие годы жила на добровольных ролях матери и кухарки не только для мужа и деверей, но и для трех или четырех других мужчин, которые в качестве не то работников, не то компаньонов проживали с ними на ранчо. Постоянное общество «ее мужчин» и «ее ребят», как она их называла, близкое участие в их жизни лишили ее многих женских черт. Их было немало на Юго-Западе, таких, как она, непритязательных помощниц своих столь же непритязательных мужей и братьев, деливших с ними лишения и тяготы с угрюмой мужской выносливостью, а не с женским терпением; женщин, которые отправляли тех, кого любили, на трудный подвиг или кровавую вендетту спокойно, как на самое обычное дело, или же с вдохновением ярости; женщин, которые самоотверженно выхаживали раненых, чтобы не умерла вражда, а убитых встречали без слез, пылая мстостью. Удивительно ли, что в этом неженском мире Кресси Маккинстри выросла такая, ни на кого не похожая? Не без уважения глядя на мать, мистер Форд поймал себя на том, что противопоставляет ей ее кокетливую, грациозную дочь, гадая, где кроются в юном девическом облике контуры будущей угловатой фигуры.

— Хайрам сегодня утром думал сходить в школу поговорить с вами,— сказала миссис Маккинстри, помолчав.— Но, верно, ему пришлось поехать в стадо к реке. Скотина об эту пору шалает без воды, из камышей ее не выгонишь, так что мои мужчины совсем с ног сбились. Хэнк и Джим с самого рассвета не слезали с мус-тангов, а Хайрам еще ночью сторожил западные межи,

а то эти подлые Харрисоны норовят столбы переставить и себе кусок отхватить, так он уже четырнадцать часов на землю не ступал. Вы его не видали случайно, когда сюда шли? А то, может, заметили, какое у него с собой оружие? Дробовик-то его, я вижу, здесь. Не иначе, как он отправился с одним шестизарядным, а с этих подлых Харрисонов как раз становится подкараулить да затеять перестрелку с дальнего расстояния. А Кресси-то ведь была сегодня в школе? — добавила она, переходя на менее животрепещущую тему.

— Да, — безнадежно ответил учитель.

— Я так и думала, — снисходительно и равнодушно продолжала миссис Маккинстри. — Нарядилась в новое платье, что в Сакраменто себе купила. Прямо картинка — так говорят наши мужчины. Сама-то я в последние года за модой не слежу.

И она провела ладонью по складкам своего грубошерстного платья, впрочем, без тени сожаления или смущения.

— Она хорошо приготовилась к уроку, — сказал учитель, отказываясь от мысли обсудить с матерью наряд своей ученицы, — было ясно, что из этого все равно ничего бы не вышло. — Но должен ли я понимать, что она теперь будет ходить в школу регулярно... что она может... беспрепятственно уделять внимание занятиям... что эта ее... м-м-м... помолвка расторгнута?

— А разве она вам не говорила? — с равнодушным удивлением отозвалась миссис Маккинстри.

— Она-то говорила, — в замешательстве ответил учитель, — но...

— Ну, раз она сказала, — спокойно прервала его миссис Маккинстри, — кому и знать, как не ей? Можете на нее в этом положиться.

— Но поскольку за порядок в моей школе я несу ответственность перед родителями, а не перед учениками, — официальным тоном возразил молодой человек, — я счел своим долгом услышать это от вас.

— Ну, тогда вам надо поговорить с Хайрамом, — задумчиво сказала миссис Маккинстри. — Эта помолвка с Сетом Дэвисом не по моей части, это они с отцом так решили. Я думаю, Хайрам должен навести тут полную ясность с вами и со всеми знакомыми, кто интересуется.

— Надеюсь, вы понимаете,— сказал учитель, слегка обиженный тем, что его поставили на одну доску с прочими,— я интересуюсь намерениями вашей дочери относительно учения просто потому, что целесообразно было бы, по всей видимости, избрать форму занятий, более соответствующую ее возрасту. Быть может даже, ее следовало бы поместить в пансион для молодых девиц.

— Конечно, конечно,— поспешила перебить его миссис Маккинстри, то ли уклоняясь от прямого ответа, то ли просто прискучив разговором.— Обо всем этом вам лучше с Хайрамом потолковать. Только,— она слегка замялась,— он, знаете ли, так настроился насчет вашей школы, и потом, он сейчас болеет за скотину, а тут еще эти Харрисоны, так что вы с ним полегче, хорошо? Ему бы уж пора прийти. Что могло его задержать, ума не приложу.

Ее обеспокоенный взгляд снова устремился в угол, где стоял дробовик ее мужа. И, словно забыв о присутствии мистера Форда, она вдруг крикнула:

— Кресси!

— Что, ма?

Ответ прозвучал из соседней комнаты. И в следующее мгновение на пороге появилась Кресси. В ее ленивой грации было что-то вызывающее, и учитель не мог иначе объяснить это, как только тем, что она, видимо, подслушивала весь их разговор. Она успела переменить нарядный туалет на простое узкое синее платье, еще яснее обрисовывающее изящные контуры ее стройной фигуры. Кивнув учителю, она пробормотала: «Здрассьте»,— и обернулась к матери.

— Кресси,— сказала миссис Маккинстри, забыв сделать вежливую паузу для того, чтобы ее дочь как следует поздоровалась с учителем.— Отец поехал без дробовика, видишь, вон он стоит. Захвати-ка его да ступай встретить отца, пока он не доехал до межевого столба. Скажешь ему заодно, что у нас учитель, хочет с ним поговорить.

— Одну минуту,— проговорил учитель, когда девушка спокойно подошла и взяла ружье.— Позвольте мне отнести. Мне как раз по дороге, я заодно и поговорю с ним.

Миссис Маккинстри смущенно молчала. Кресси поглядела на учителя широко раскрытыми от удивления, ясными глазами.

— Нет, мистер Форд,— по-матерински заботливо сказала наконец миссис Маккинстри.— Вам сюда лучше не вступать. Вы здесь ни при чем. Кресси — его дочь. Это — дело семейное. А вам ни к чему, ведь и харрисоновские щенки ходят к вам в школу. Куда это годится, чтобы учитель носил кому-то оружие.

— Лучше, чтобы это делал учитель, чем его ученица, да к тому же взрослая барышня,— не допускаящим возражений голосом ответил мистер Форд, беря дробовик из рук усмехнувшейся Кресси, не сразу уступившей ему оружие.— И не беспокойтесь, прошу вас, я передам его мистеру Маккинстри в собственные руки.

— Может, не так заметно будет, если кто-то чужой принесет ружье,— подумала вслух миссис Маккинстри, не сводя глаз с дочери и словно забыв о госте.

— Правильно,— подтвердил учитель, вешая дробовик за спину и подходя к двери.— Пожелаю вам всего лучшего и пойду поищу вашего мужа.

Миссис Маккинстри смущенно теребила складки своего грубошерстного платья.

— Надо вам выпить на дорогу,— сказала она с плохо скрытым облегчением.— Что же это я совсем забыла про гостеприимство. Кресси, сбегай принеси бутылку.

— Благодарю вас, если для меня, то не беспокойтесь,— с улыбкой ответил учитель.

— А, ну да, вы ведь, конечно, непьющий,— снисходительно вздохнула миссис Маккинстри.

— Как вам сказать,— возразил учитель.— У меня тут нет твердых правил. Могу и выпить иногда, но не сегодня.

Смуглое лицо миссис Маккинстри нахмурилось.

— Неужели ты не понимаешь, ма?— поспешила вмешаться Кресси.— Учитель иногда может выпить, но вообще он не пьет, вот и все.

Лицо ее матери посветлело. Кресси вышла с учителем во двор и пошла впереди него к воротам. Здесь она остановилась и обернулась.

— Что вам мать говорила насчет того, что вы меня видели?

— Я тебя не понимаю.

— Ну, насчет того, что вы меня видели с Джо Мастерсом на тропе?

— Ничего не говорила.

Кресси озадаченно хмыкнула.

— А что вы ей рассказали про это?

— Ничего.

— Значит, вы нас вовсе и не видели?

— Нет, я видел тебя с кем-то, но не заметил, кто это был.

— И ничего не сказали?

— Ничего. Это не мое дело.

Он сразу же понял, как это утверждение не вяжется с целью его прихода на ранчо Маккинстри. Но сказанного не воротись. Кресси глядела на него с довольным, но каким-то странным выражением.

— Этот Джо Мастерс воображает, что ему все можно. Я ему так и сказала, что вы наверняка заметите все его глупости.

— Вот как.

Мистер Форд толкнул ворота. Кресси все еще медлила у него на пути, и ему пришлось придержать створку ворот.

— Мать никак в толк не может взять, что вы не пьете. Она думает, вы такой же, как и все здесь. В этом-то она и ошибается. И все ошибаются. Вот.

— Я думаю, она просто волнуется за твоего отца и, наверно, надеется, что я потороплюсь,— ответил учитель.

— Ничего, с отцом все будет в порядке,— лукаво возразила Кресси.— Вы встретите его вон там, на вырубке. Ну и вид у вас с ружьем, просто загляденье! Оно вам к лицу. Вам всегда надо с ружьем ходить.

Учитель слегка улыбнулся, сказал «всего доброго» и расстался с девушкой, но не расстался с ее взглядом, который долго еще следовал за ним. Даже когда, дойдя до поворота, он еще раз обернулся, она стояла у ворот, поставив одну ногу на нижнюю перекладину забора и опершись подбородком на ладонь. Она сделала какой-то жест рукой, не вполне ясный на расстоянии: то ли шутливо изобразила, как он вскинул дробовик за плечо, то ли послала ему воздушный поцелуй.

Учитель продолжал путь, не очень довольный собой. Он не раскисался, что занял место Кресси в качестве поставщика смертоносного оружия воюющим сторонам, хотя и понимал, что тем самым он оказался замешанным в чужую ссору, и совершенно напрасно. Ведь дети Харрисонов действительно ходят в его школу, и этот поступок, продиктованный простой вежливостью, теперь, когда страсти противников так разыгрались, мог быть истолкован самым неприятным образом. Но ему гораздо досаднее было, что разговор с миссис Маккинстри оказался совершенно бесплодным. Станные взаимоотношения между матерью и дочерью могли, очевидно, многое объяснить в характере девушки, но не сулили никакой надежды на его исправление. Окажется ли отец, человек, который «сейчас болеет за скотину», человек, привыкший разрубать гордые узел охотничьим ножом, более доступен здравому смыслу? Может ли стать ся, что с отцом дочь ближе, чем с матерью? Но она сказала, что они с Маккинстри встретятся на вырубке. И в самом деле — вон он скачет галопом.

ГЛАВА III

В десяти шагах от учителя, почти не осаживая мустанга, Маккинстри спрыгнул на землю и, хлестнув коня по крупу своей риатой, пустил во весь опор одного к видневшемуся под горой ранчо. А сам, глубоко засунув руки в карманы широкой полотняной куртки, медленно зашагал, позвякивая шпорами, навстречу молодому человеку. Это был коренастый, невысокого роста мужчина, густо обросший рыжей бородой, со светло-голубыми, в тяжелых веках глазами, которые один раз устало, с дремотной болью взглянули на учителя, а затем все время смотрели куда-то в сторону.

— Ваша жена хотела послать вам навстречу Кресси с ружьем, — сказал учитель, — но я вызвался передать его сам, так как считаю такое поручение едва ли подходящим для молодой девицы. Вот, пожалуйста. Надеюсь, у вас не было в нем нужды и теперь не будет, — добавил он ровным голосом.

Мистер Маккинстри взял дробовик одной рукой, недоуменно вздернув брови, и вскинул на плечо, затем той

же рукой, не вынимая второй руки из кармана, снял с головы фетровую шляпу и показал учителю дыру от пули, лениво проговорив:

— Опоздало на полчаса, да только эти Харрисоны не подозревали, что я без дробовика, и со страху не могли прицелиться толком.

Обстоятельства явно не благоприятствовали разговору, но учитель решил не отступаться. Он замялся, не зная, с чего начать, и в это время его флегматичный собеседник, по-своему тоже слегка смущенный, в расеянности вытащил из кармана правую руку, кое-как обмотанную окровавленной повязкой, и машинально попробовал поскрести в затылке онемевшими пальцами.

— Вы... вы ранены,— потрясенный, сказал учитель,— а я вас тут задерживаю...

— Я как раз руку поднял, вот так,— медленно пояснил Маккинстри,— и пуля оторвала мне мизинец, как прошла через шляпу. Но я не для этого вас остановил. Я, правда, не совсем еще успокоился,— извинился он совершенно спокойно,— себя не помню,— пояснил он с полным самообладанием.— Я думал спросить вас,— он дружески положил окровавленную руку на плечо учителя,— Кресси-то была нынче в школе?

— Была,— ответил учитель.— Но, может быть, мне проводить вас до дому? Мы могли бы поговорить, когда вашу рану промоют и забинтуют.

— И как — правда, красавица? — продолжал мистер Маккинстри, не двигаясь с места.

— Безусловно.

— И верно, хороши эти ее новые платья?

— Да,— сказал учитель.— Возможно, даже слишком хороши для школы, знаете ли,— прибавил он нерешительно,— и...

— Для кого-нибудь, может, и слишком, но не для нее,— перебил Маккинстри.— У нее их будет сколько угодно! Уж вы не сомневайтесь, у Хайрама Маккинстри она будет ходить во всем что ни на есть самом лучшем.

Мистер Форд безнадежно поглядел на уродливое ранчо под горой, на небо над головой, на тропу под ногами; потом его взгляд упал на забинтованную руку, все еще лежавшую у него на плече, и он сделал последнее усилие:

— Как-нибудь в другой раз я хотел бы обстоятельно побеседовать с вами о вашей дочери, мистер Маккинстри.

— Говорите сейчас,— сказал Маккинстри, беря его под руку раненой рукой.— Мне вас слушать — одно удовольствие. Вы человек спокойный, и мне от вас вроде бы передается покой.

Тем не менее учитель ощутил, что рука его собеседника гораздо тверже его собственной. Впрочем, отступать было уже поздно, и он как можно тактичнее изложил Маккинстри то, ради чего пришел. Обращаясь вбок к окровавленной повязке, он говорил о прежнем поведении Кресси в школе, о том, что это может повториться, о необходимости придать ее положению в школе полную ясность и, может быть, даже определить ее в другую школу, для более взрослых учениц, под опеку более опытного педагога — женщины.

— Все это я хотел объяснить сегодня миссис Маккинстри,— заключил он,— но она адресовала меня к вам.

— Верно, верно,— кивнул Маккинстри.— Она женщина хорошая, в хозяйстве там, и на ранчо, и во всяком таком деле,— он неопределенно махнул раненой рукой,— лучше ее не найдешь, хоть, может, и не пристало собственную жену хвалить. Она дочь старого Блэра Ролинса; она да ее брат Клэй только и остались в живых, как они там двадцать лет провоевали с Макентисами в Кентукки. Но вот в девочках она не разбирается, как, скажем, мы с вами. Я, конечно, и сам не бог весть что, спокою мне не хватает в характере. Но старуха это все точно сказала: помолвка Кресси не ее рук дело. Это точно. Да уж если на то пошло, и не мое это дело, и не Сета Дэвиса, и не Кресси.— Он помолчал и, во второй раз подняв на учителя свои припухшие глаза, задумчиво сказал:— Вы уж не сочтите за обиду, но скажу вам как мужчина мужчине, знаете ли, что единственно, из-за кого эта помолвка затеялась, а потом расстроилась, это из-за вас.

— Из-за меня? — отпрянув, в полной растерянности переспросил учитель.

— Из-за вас,— мирно повторил Маккинстри, снова беря его под руку.— Конечно, вы и сами того не ведали. Но вы. Хотите меня послушать и прогуляться еще немного, я вам объясню, что и как. Я не против пройти чуть-

чуть в вашу сторону, потому что если мы станем спускаться к ранчо, собаки меня учуют и подымут лай, старуха тут же и выскочит, и тогда прощай разговор по душам и с глазу на глаз. Да и спокойней мне здесь.

Он медленно пошел по тропе, все еще доверительно держа Форда под руку, так что казалось, будто своей раненой рукой он не опирается, а ведет и поддерживает учителя.

— Когда вы приехали в Индейцев Ключ,— начал он,— Сет и Кресси просто ходили вместе в школу— и все. Знали друг друга с колыбели; Дэвисы жили возле нас в Кентукки, и сюда мы вместе приехали из Сент-Джо. Мог бы он со временем ей приглянуться, а она — ему, могли бы и пожениться, если бы охота пришла, между нашими семьями ничего не стоит, что бы им помешало. Но ни о чем таком и речи пока не было, никакой помолвки, никакого сговора.

— Но мой предшественник, мистер Мартин,— поспешил перебить его учитель,— определенно говорил мне, что они жених и невеста, и притом с вашего согласия!

— Это все получилось просто потому, что вы обратили на них внимание в первый день, как пришли с Мартином осматривать школу. Кресси мне тогда говорит. «Па,— говорит она,— этот новый учитель, знаешь, какой умный, все замечает, и на меня с Сетом так глядит, что ты уж лучше объяви, что мы помолвлены». «А разве ты с ним помолвилась?» — говорю. А она мне: «Все равно этим кончится. И раз этот учитель приехал к нам с Севера со своими понятиями, как и что полагается в обществе, надо ему показать, что и у нас в Индейцевом Ключе не медведи живут». Ну, я и согласился, вот Мартин и сказал вам, что все в порядке, они помолвлены и вам не о чем беспокоиться. А вы тут вдруг возьми и на дыбы, что, мол, не можете такого позволить, что ухаживать в школе нельзя, даже если объявлена помолвка.

Учитель с опаской посмотрел в лицо отцу Кресси. Оно было сосредоточенно, но бесстрастно.

— Теперь дело прошлое, можно вам рассказать. Моя беда, мистер Форд, что я человек беспокойный; вы вот человек спокойный, тут я против вас ничего не могу. Я тогда как узнал, что вы сказали, сразу вскочил на мустанга — и галопом в школу. Решил: дам пять минут

на сборы — и чтоб духу вашего не было в Индейцевом Ключе. Вы вот, не знаю, помните ли тот день. Я рассчитал встретить вас, как вы из школы будете выходить, да рановато подтехал. Покрутился поблизости, потом привязал коня, подошел и в окно этак осторожно заглянул, рассмотреть вас хотел хорошенько. А там тихо так, спокойно. Но крыше белки скачут, шмели да пчелы гудят, и все такое сонное вокруг, а наверху сойки стрекочут, будто меня и нет рядом. А вы ходите среди этих девчушек и мальчуганов, с одним поговорите, другому что покажете, и все так тихо, мирно, будто вы и сами такой, как они. И им тоже так хорошо, покойно. Один раз — вы-то, может, и не помните — вы к окну подошли, руки за спиной и глядите так спокойно и вроде бы далеко куда-то, будто все, кроме школы, бог весть в какой дали от вас. Тут мне и подумалось: вот бы старухе моей на вас посмотреть. Подумалось мне, мистер Форд, что мне у вас там совсем не место, и еще подумалось — и вроде бы обидно так стало, — что и для Кресси моей нету места в вашей школе. Ну, и ускакал я оттуда, никого не потревожил, ни вас, ни белок с птицами. А вечером рассказываю Кресси, а она говорит, что у вас этак в школе каждый день и что с ней вы как со всеми, похорошему. Мы и уговорились, что она поедет в Сакраменто, закупит, что там положено к свадьбе, и поженятся они с Сетом через месяц, а вас и школу вашу больше уже не побеспокоят. Нет, вы погодите, мистер Форд, покуда я не кончу, — добавил он, когда учитель сделал протестующий жест. — Ну вот, дал я согласие. Но она пожила в Сакраменто, купила всего, а потом пишет письмо, что, мол, обдумала еще раз это дело и рассудила, что они с Сетом пока молоды жениться, так что лучше помолвку расторгнуть. Вот я ее и расторг.

— Но как? — с недоумением спросил учитель.

— Да ружьем, верней всего будет сказать, — ответил Маккинстри, шевельнув плечом, на котором лежал дробовик. — Неспokoйный ведь я. Сказал отцу Сета, что если увижу еще его сыночка вместе с Кресси, то застрелю, и вся недолга. Ну, тут между семьями вроде бы как охлаждение произошло, подлым этим Харрисонам на радость. Но отцовские права даже закон признает, верно я говорю? И теперь Кресси правильно говорит:

раз Сет уж больше не помеха, почему же ей не вернуться в школу и не закончить свое образование? По-моему, это верно. Мы с ней так порешили: раз она бросала школу, чтобы закупить все эти наряды, теперь по справедливости должна в школу только в них и ходить.

Дело приняло совсем безнадежный оборот. Учитель понимал, что если его собеседнику снова будут перечить, он едва ли перенесет это с прежней кротостью. Но, может быть, именно поэтому теперь, когда он ясно видел перед собой опасность, чувство долга заговорило в нем особенно властно и гордость его возмущилась угрозой, быть может, содержащейся в задушевных признаниях Маккинстри. Впрочем, начал он очень осторожно:

— Но уверены ли вы, что вам не лучше, воспользовавшись этой помолвкой и новыми туалетами вашей дочери, определить ее в какой-нибудь пансион для девиц в Сакраменто или Сан-Франциско? Не покажется ли ей скучно с детьми, когда она уже изведала удовольствие, — он хотел было сказать «иметь поклонников», но спохватился и заключил, — вести независимую жизнь взрослой девушки?

— Мистер Форд, — медленно проговорил Маккинстри, с упорством однодума держась за свою мысль, — когда я вам говорил, что не увидел в этой вашей тихой школе места для моей Кресси, то не потому я тогда так подумал, что Кресси в этом не нуждается. Мирной детской жизни не было у нее сизмальства в родном доме, ни в каком пансионе для взрослых девиц этого ей не найти. Я иной раз думаю, что эту самую детскую резвость вытряхнуло из нашего фургона, когда мы катились через прерии, а не то, может, в Сент-Джо мы ее позабыли. Кресси стала взрослой, а детства узнать не успела. И парни за ней бегали, а она еще и в куклы не играла. Дочка Блэра Ролинса ничему другому и не могла научить свою собственную дочь, это я вам прямо скажу, хоть она всегда была мне доброй помощницей. Так что, если вы не против, мистер Форд, не будем больше говорить о пансионе для девиц. Пусть Кресси еще побудет девочкой с другими детьми. Мне бы куда спокойнее было ездить в стада или воевать с Харрисонами, знай я, что она сидит там с детишками, с птицами да пчелами и слушает, что вы ей говорите. Может, слишком много

драк видела она на ранчо с малолетства, может, надо ей увидеть других мужчин, не только тех, кто увивается за ней или дерется за нее.

Учитель молчал. Неужели этот заскорузлый, узколобый житель Дальнего Запада сумел понять истину, которая ему, человеку куда более образованному, даже в голову не приходила? Возможно ли, что этот дикий и грубый скотовод, у которого сейчас в прямом смысле слова руки в крови, слепым отцовским инстинктом угадал могущество доброты и постиг душу своей дочери глубже, чем он, учитель? Может ли это быть? Но тут он вспомнил, как Кресси любезничала с Джо Мастерсом и как беспокоилась, чтобы об этом не узнала мать. А отец? Его она тоже обманывает? А может быть, отец сам обманывает его, выставляя напоказ то силу свою, то слабость, действуя то лаской, то угрозой? О хитрости здешних жителей он слышал и раньше. И со слабодушием циника он подверг сомнению то хорошее в своем собеседнике, что не поддавалось его скептическому пониманию. Впрочем, одного взгляда искоса на медлительного дикаря, который вел его под руку, на его окровавленную лапу было ему достаточно, чтобы умолчать о своем недоверии. Он прибег к другому утешению слабых натур — добродушному безразличию.

— Что ж, отлично, — сказал он. — Возможно, вы правы. Но вы уверены, что дойдете домой один? Может быть, мне все-таки лучше вас проводить? — И когда Маккинстри неопределенным, но решительным жестом отклонил это предложение, равнодушно добавил, заключая разговор: — Если хотите, я буду время от времени сообщать вам, как идут дела.

— Пожалуйста, но только мне лично, — сказал Маккинстри. — А не там, на ранчо. Но, может, вы позволите, чтобы я сам иной раз заехал к вам да заглянул в окно? Понимаю, нельзя. — И щеки его впервые за весь разговор чуть-чуть зарделись. — Ну, пусть будет так.

— Видите ли, это может отвлечь детей от занятий, — мягко объяснил учитель, представив себе на минуту, сколько восторга вызовет в юной груди Джонни Филджи появление в окне бессмысленно-свирепого лица Маккинстри.

— Ладно, чего там,— медленно проговорил Маккинстри.— Может, зайдём в салун, выпьем по стаканчику с сахаром или с лимоном?

— Нет, что вы! Я должен немедленно отпустить вас к миссис Маккинстри,— ответил учитель, снова покосившись на раненую руку собеседника.— Спасибо за приглашение. Всего доброго.

Они обменялись рукопожатием, для чего Маккинстри должен был зажать дробовик под мышкой и протянуть здоровую левую руку. Затем он медленно зашагал под гору. Учитель постоял, посмотрел ему вслед, потом повернулся и с приятным сознанием, что выполнил дело, которое ещё повлечёт за собой, быть может, важные последствия, повернул к школе. Мысли его были так заняты, что, только выходя из лесу, он вспомнил про дядю Бена. Припомнив странное признание Маккинстри, он обошёл школу, держась кустов на опушке, и бесшумно подкрался к открытому окну. Но храм науки вовсе не был погружен в мирное безмолвие, так растрогавшее темную душу Маккинстри. Наоборот, на всю школу раздавался возмущенный детский голос. Учитель с изумлением прислушался к тому, что говорил ничего не подозревавший Руперт Филджи:

— Можешь мне своими Добеллами и Джонсами зубы не заговаривать, слышишь? Много ты в них понимаешь! Ты погляди на свои прописи. Да если бы Джонни мне такое нацарапал, я б ему задал трепку. Ну, ещё бы, перо виновато, а не твои корявые пальцы, ясное дело! Может, тебе за эти деньги приносить ещё по коробке золотых перьев к каждому уроку? Откажусь я от тебя, ей-богу! Опять перо сломал. Разве тебе перо нужно? С твоим нежным почерком тебе всего лучше подойдет гвоздь и зажим для белья, вот что я тебе скажу.

Учитель, никем не замеченный, заглянул в окно. Красавец Руперт в соответствии со своими собственными педагогическими принципами усадил великовозрастного ученика прямо на пол перед самой низенькой партой, быть может, как раз той, за которой сидел утром его маленький брат, и бедный дядя Бен, который, правда, мог в этом положении сколько угодно выворачивать локти по обычаю всех начинающих писцов, глядел снизу вверх на своего юного наставника, то и дело налетав-

шего на него, подобно задиристому петушку. Однако мистер Форд ясно видел, что дядя Бен не только не тяготится своим униженным положением и учиняемым ему разносом, но взирает на своего ругателя с неистощимым добродушием и прямым восторгом и никак не склонен соглашаться на разрыв контракта.

— Ну, не ершишь, Руп,—говорил он восхищенно.— Ведь и ты был когда-то маленьким, а? Ясное дело, все расходы за мой счет. Тут нужно немало пороху, чтобы взорвать целый пласт и добраться до коренной породы. В другой раз принесу свои перья.

— Приноси. Из старой Добелловской школы. Бронированные, на резиновой прокладке,—сурово сказал язвительный Руперт.

— Ладно уж,—миролюбиво отозвался дядя Бен.— Взгляни лучше на эту строчку. Какие «пе», а? Красота!

Он прикусил перо, медленно встал во весь рост и, приставив к глазам ладонь козырьком, с высоты своих шести футов залюбовался собственным произведением. Руперт, держа руки в карманах, скептически присоединился к осмотру.

— А это что за дохлый червяк внизу страницы?—поинтересовался он.

— Ну, что, по-твоему?—сияя, спросил дядя Бен.

— По-моему, похоже на корень лебеды с комком грязи на конце,—критически провозгласил Руперт.

— Это моя подпись.

Оба стояли рядом, склонив головы набок.

— А знаешь, это у тебя не так плохо получилось, как все остальное,—сказал Руперт, быть может, придя к мысли, что время от времени учеников следует поощрять.— Пожалуй, и вправду похоже на подпись. Во всяком случае, больше ни на что не похоже. Ладно, со временем у тебя дело пойдет. Только зачем тебе это?—неожиданно спросил он.

— Что — «это»?

— Да вот, ходить в школу, когда никто не заставляет и сам не обязан. Ведь ты взрослый.

Краска залила лицо дяди Бена по самые уши.

— Непременно хочешь знать, Руп? Может, я рассчитываю напасть на жилу и это... возвращаться в общест-

ве, а? Может, я и хочу для этого случая быть не хуже прочих? Знаешь там, стих в разговор вернуть, романы читать и все такое.

Взгляд Руперта исполнился глубочайшим, невыразимым презрением.

— Только-то? Так вот что я тебе скажу,— проговорил он медленно и уничтожающе.— Знаю я, зачем ты сюда ходишь и ради чего!

— Ради чего же?

— Ради какой-нибудь девчонки!

Дядя Бен разразился бурным хохотом, от которого сотрясалась крыша, топал ногами и бил себя по коленкам так, что ветхий пол ходил ходуном. Но в эту минуту учитель поднялся на крыльцо и своим молчаливым появлением положил конец непринужденному веселью.

ГЛАВА IV

Возвращение мисс Крессиды Маккинстри в Индейцев Ключ к своим прерванным занятиям было событием не только школьной жизни. Во всем поселке о ее возвращении в лоно школы говорили гораздо больше, чем о таком пустяковом деле, как расторгнутая помолвка. Некоторые зловредные женщины не первой молодости, которые благодаря неоспоримой принадлежности к слабому полу могли не опасаться ружья мистера Маккинстри, намекали, будто ее просто не приняли в Сакраментскую школу. Но большинство местных патриотов усмотрело в ее возвращении дань неоспоримым преимуществам образовательной системы Индейцева Ключа. Туолумнская «Звезда» с красноречием и размахом, находящимися в трогательном несоответствии с ее собственными размерами и качеством шрифта и бумаги, писала о том, как «в Индейцевом Ключе подымается новый сад Академа, под зелеными, задумчивыми сводами которого предаются размышлениям будущие мудрецы и государственные мужи», так что учителю просто неловко было читать. В течение нескольких дней тропу между ранчо Маккинстри и школой патрулировали восторженные молодые люди, жаждущие полюбоваться юной Крес-

сидой, освобожденной из-под грозного надзора клики Дэвиса — Маккинстри. Впрочем, сама героиня, продолжавшая, к неудовольствию учителя, каждый день исправно являться в школу в новом наряде, не отваживалась приводить своих изнывающих поклонников дальше школьного забора.

Учитель с удивлением заметил, что Индейцев Ключ нимало не озабочен его собственным выгодным положением в непосредственной близости от местной красавицы; молодые люди не испытывали к нему ревности, солидные матроны не находили ничего предосудительного в том, что взрослая девушка, да еще «с прошлым», поручена попечению учителя чуть ли не одних с нею лет. Этот комплимент его мнимым монашеским наклонностям был мистеру Форду почти так же неприятен, как и неумеренные панегирики «Звезды», так что ему понадобилось припомнить кое-какие грехи своей молодости, чтобы стать выше этих попыток местной молвы представить его в виде некоего аскета.

Выполняя данное Маккинстри обещание, он выписал для Кресси кое-какие учебники, достаточно, впрочем, несложные, чтобы подходить для школьницы, при этом отнюдь не продвинутой. Еще через несколько недель он сделал следующий шаг и назначил ее «старостой» над младшими девочками, поделив эту должность между нею и Рупертом Филджи, чье обращение с ветренными представительницами слабого пола, откровенно именуемого им «безмозглым», отличалось, пожалуй, чересчур уж резкой и презрительной неприязнью. Кресси приняла новые обязанности с тем же снисходительным добродушием, что и новые учебные предметы, и с тем же безмятежным непониманием их абстрактного или морального смысла, которое нередко ставило его в тупик. «Какой в этом прок?» — обычно спрашивала она учителя, поднимая на него глаза, и мистер Форд, теряясь под ее взглядом, откровенно изучавшим его лицо под предлогом любого вопроса, в конце концов давал ей какой-нибудь строго деловой, практичный ответ. Однако если предмет неожиданно вызывал ее прихотливый интерес, она овладевала им с легкостью. Так, один разговор пробудил у нее на некоторое время склонность к изучению ботаники. Учитель, считая дисциплину эту весьма подходящей для

молодой девушки, завел о ней речь на перемене и услышал неизменный вопрос: «Какой в этом прок?»

— Ну, предположим,— хитро ответил учитель,— что кто-нибудь, неизвестно кто, прислал тебе цветы.

— Женишок!— сипло вставил ехидный Джонни Филджи.

Учитель обошел молчанием эту реплику, а также тычок, которым Руперт Филджи выразил брату свое неудовольствие; он продолжал:

— Разве тебе не интересно было бы узнать по крайней мере, что это за цветы и где они растут?

— Она у нас может спросить,— возразил ему хор детских голосов.

Учитель не сразу нашелся что сказать. Его окружили десятки зорких круглых глаз, от которых природе еще никогда не удавалось запрятать свои тайны,— эти глаза высматривали и замечали, когда распускается самый ранний цветок; эти пальцы-коротышки, быть может, еще ни разу не листавшие книгу, знали, где разрыть прошлогоднюю листву над первым анемоном, умели раздвинуть упрямые колючие ветки, чтобы добраться до скромного, затаившегося шиповника; эти маленькие ноги сами находили дорогу на дальний южный склон косогора, где можно нарвать диких тюльпанов, и безошибочно выбегали на берег, где в камышовых зарослях цвели болотные ирисы. Почувствовав, что здесь он с ними состязаться бессилён, учитель прибег к нечестному приему:

— А предположим, что один из цветов оказался непохож на остальные — его стебель и листья не мягкие и зеленые, а белые, жесткие и покрыты пушком, как фланель, наверно, для защиты от холода. Разве не интересно сразу же определить, что он вырос в снегу, и чтобы его сорвать, кто-то должен был подняться вон туда, в горы, выше снеговой линии?

Дети, сраженные появлением растения-незнакомца, молчали. Кресси под действием этих доводов признала ботанику. Через неделю она положила перед учителем помятое растение со стеблем, похожим на ворсистую шерстяную нитку.

— Не бог весть что,— сказала она.— Я бы из старой жакетки и то вырезала красивее.

— Ты нашла его здесь? — удивленно спросил учитель.

— Велела Мастерсу поискать, когда он собрался в горы. Объяснила, какой. Не думала, что у него пороухватит. Но вот принес.

Хотя после этого подвига, совершенного чужими руками, рвения к ботанике у Кресси поубавилось, у нее теперь не переводились свежие букеты, и облагораживающее влияние ботаники на ее друзей и знакомых привело к тому, что в поселке было разбито несколько палисадников, а школьники стали приносить в класс ягоды, дикие яблоки и орехи.

В письме и чтении Кресси сделала заметные успехи; грамматических ошибок у нее становилось все меньше, хотя она по-прежнему употребляла некоторые своеобразные местные выражения и по-прежнему говорила с медлительной напевной интонацией девушки Юго-Запада. Это слышалось особенно ясно, когда она читала вслух, придавая искусственной книжной риторике очарование непринужденного, свободного напева. Даже «Английская хрестоматия», в которой внушительные отрывки из классиков подобраны, кажется, нарочно для того, чтобы срывались торопливые и неуверенные детские голоса, в руках у Кресси переставала быть невразумительным заклинанием. Незаметно она постигла трудности произношения, сообразуясь если не с наукой, то с собственным чувством гармонии. Слушая с закрытыми глазами, учитель просто не узнавал свою ученицу. Понимала она, что читает, или нет, он не решался выяснять; она, без сомнения, как всегда, находила и здесь что-то для себя привлекательное.

Один только Руперт Филджи, который сам любил читать вслух и смело, хоть и не всегда верно, брал с разбегу барьеры из четырех или пяти слогов, чтобы нередко тут же угодить в ров какой-нибудь коварной риторической паузы, — только он отзывался о чтении Кресси пренебрежительно. А Октавия Дин, раздираемая между безнадежной страстью к этому красивому, но недоступному мальчику и душевной привязанностью к старшей и неизменно нарядной подруге, выжидательно смотрела на учителя.

Излишне говорить, что Хайрам Маккинстри в редкие свободные от забот минуты между отловом скота и перекатыванием межевых столбов был на свой тяжеловесный лад глубоко удовлетворен столь очевидными успехами дочери. Он даже поставил как-то учителя в известность о том, что новое достижение Кресси, поскольку его можно продемонстрировать и в домашней обстановке, содействует тому самому «спокою», которого ему постоянно и повсюду не хватало. А по слухам выходило, будто аддисоновские «Раздумья у Вестминстерского аббатства» и «Осуждение Уоррена Хастингса» Бэрка в исполнении Кресси послужили причиной того, что Маккинстри упустил как-то вечером верный случай пробить дырку в голове одного из этих нарушителей границы — Харрисонов.

В глазах публики учитель разделял славу Кресси. Одна только миссис Маккинстри, никак, казалось бы, не изменившая к нему своего мирно-снихождительного отношения, в действительности, он чувствовал, рассматривала учение дочери и интерес к нему мужа как слабость, грозящую с течением времени притупить в ее супруге человекоубийственную решимость, ослабить верный глаз и руку. Когда же мистер Маккинстри сделался членом школьного попечительского совета и должен был соответственно заседать за одним столом с некоторыми переселенцами с Востока, подобная готовность пробить брешь в стене между ними и «этими янки» была воспринята ею как серьезный признак того, что Хайрам начал сдавать.

— Заботы, заботы; не тот стал старик,— объясняла она.

В те вечера, когда муж отправлялся на заседания совета, она искала более возвышенного утешения на молитвенных собраниях в церкви Южных баптистов; во время которых все ее ближние — уроженцы Севера и Востока, под прозрачными именами «Ваал» и «Астарта», оказывались вопреки всем заповедям сокрушены и храмы их сравнены с землей.

Дядя Бен продвигался медленнее, но также весьма успешно. Он не блистал, не увлекался, а только упорно делал свое дело. Когда гневное нетерпение Руперта Филджи наконец разбивалось о стену упрямой медли-

тельности его ученика, сам учитель, тронутый видом взмокнувшего лба и сведенных бровей дяди Бена, нередко просиживал с ним до вечера, мягко разъясняя его недоумения, выписывая новые прописи для его неуклюжей руки или даже водя ею по бумаге, как водил иногда в классе рукой ребенка.

Подчас очевидная бесцельность стараний дяди Бена наводила его на мысль о разоблачительном упреке Руперта. Действительно ли он руководствовался чистой жаждой знания? Это противоречило всему, что было известно в Индейцевом Ключе о его прошлом и о его планах на будущее; он был простой старатель, не обладавший научными или техническими познаниями; элементарных арифметических навыков да одной каракули, служившей ему подписью, за глаза довольно было для всех его нужд. А между тем он с особым прилежанием осваивал как раз искусство подписываться. Как-то учитель считал даже нужным объяснить ему очевидную несерьезность этого увлечения.

— Если бы вы столько же стараний приложили к тому, чтобы буквы выводить по прописи, было бы гораздо больше пользы. Ваша подпись и так хороша.

— Да вот что-то в ней вроде не так, мистер Форд, — ответил дядя Бен, недоверчиво поглядывая в тетрадку. — Чего-то вроде не хватает.

— Отчего же? Все налицо: Д, Э, Б, Н, И. Не слишком отчетливо, правда, но все буквы на месте.

— В том-то и дело, мистер Форд, что не все. Это я просто так стал писать Дэбни, меньше времени и чернил уходит, но вообще-то там должно после Д идти О, а между Б и Н еще И.

— Но тогда получается Добиньи?

— Оно самое.

— И это ваша фамилия?

— Ну да.

Учитель поглядел на дядю Бена с сомнением. Что это? Еще одна выдумка, вроде Добелла?

— Ваш отец был француз? — спросил он.

Дядя Бен помолчал, словно вспоминая все, что могло пролить свет на вопрос о национальности его отца.

— Да нет.

— Может быть, дед ваш?

— Нет, вроде бы. Теперь не проверишь.

— А ваш отец или дед, они не из Канады? Может быть, они были зверопромышленники или торговцы пушниной?

— Мы из Миссури, округ Пайк.

Учитель все еще смотрел недоверчиво.

— Но ведь вы называете себя Дэбни. Откуда вы взяли, что на самом деле ваша фамилия Добиньи?

— Да так мне надписывали письма в Штатах. Вот погодите-ка. Сейчас покажу.

И он принялся шарить по всем карманам, пока наконец не достал старый бумажник, из которого извлек на свет мятый конверт и, разгладив его ладонью, сличил со своей подписью.

— Вот видите? Тут так и стоит: Добиньи.

Учитель ничего не сказал. В конце концов это было возможно. Мало ли в Калифорнии случаев удивительного преобразования имен. Он только спросил:

— Значит, вы находите, что Добиньи лучше, чем Дэбни?

— А, по-вашему, которое лучше?

— Женщинам, наверное, больше понравится Добиньи. Скажем, ваша жена предпочтет называться миссис Добиньи, а не Дэбни.

Случайный выстрел попал прямо в цель. Дядя Бен залился краской.

— Я думал не об этом, — поспешно сказал он. — У меня другая мысль была. Наверно, для выправления бумаг на имущество и разных там денежных документов нужно, чтобы твое имя писалось точно, раз и навсегда. Если, скажем, заявку застолбить или в пай войти, то ведь, чтобы по закону, все должно быть записано на Добиньи?

Мистер Форд возмутился. Мало того, что дядя Бен малодушно тешил себя баснями о своем несуществующем образовании, он теперь еще вздумал строить из себя дельца. Эти детские выдумки не только смешны, но и прямо недопустимы. Не подлежало сомнению, что он лгал, когда рассказывал о своем прежнем учении; возможно, что и фамилия Добиньи — тоже выдумка, а значит, похоже, что и эти его разговоры об имуществе — ложь, ведь всем известно, какой он никудышный

старатель. Подобно большинству любителей логических умозаключений, мистер Форд забывал при этом, что человеку свойственно быть непоследовательным, нелогичным, оставаясь вполне искренним.

Он отвернулся, не говоря ни слова, но ясно показывая, что не желает больше ничего слышать.

— Я вот как-нибудь расскажу вам тут кое-что,— упрямо бубнил дядя Бен.

— Советую вам оставить эту тему и заняться уроком,— довольно резко сказал учитель.

— И то правильно,— поспешно согласился дядя Бен, словно весь прячась за румянцем смущения.— Уроки — это, братцы, первое дело, без них никуда.

И он снова сжал в пальцах перо и, старательно растопырив локти, пригнулся к столу. Но то ли учитель его слишком резко оборвал, то ли голова его все еще занята была темой прерванного разговора, только дело у него явно не шло. Он долго и тщательно чистил перо, подойдя к окну, поближе к свету, и время от времени принимался насвистывать с удручающей притворной веселостью. Один раз даже запел себе под нос, видимо, в связи с только что происшедшим разговором: «Во-от, та-ак... уроки, брат, первое де-ело»...

Этот неподобающе легкомысленный распев, видимо, пришелся ему очень по душе, ибо он и еще раз его повторил, озираясь при этом на учителя, который чопорно сидел у себя за столом, погруженный в свои занятия. В конце концов дядя Бен встал, аккуратной стопкой сложил свои книги рядом с неподвижным локтем учителя и, высоко, осторожно поднимая ноги, подошел к вешалке, на которой болтались его куртка и шляпа. Он уже было стал их надевать, но спохватился, вероятно, сочтя неприличным одеваться в школе, вышел на крыльцо и со словами: «Начисто забыл я, надо встретиться тут с одним парнем. До завтра»,— исчез, негромко насвистывая.

Извечная лесная тишь снизошла на школу. В ней стало как-то особенно пусто и безжизненно. Легкое раскаяние коснулось сердца учителя. Но он напомнил себе, что от Руперта Филджи дядя Бен без всякой обиды, даже с удовольствием выслушивал прямую ругань и что он, учитель, руководствуется исключительно со-

ображениями долга. Но тот, кто, руководствуясь исключительно соображениями долга, причиняет ближнему боль ради его же собственного блага, отнюдь не всегда обретает в награду душевный покой — потому, быть может, что благо неуловимо, а боль чересчур уж наглядна. Мистеру Форду стало не по себе — и он, естественно, хотя и незаслуженно, во всем обвинил дядю Бена. С какой стати ему обижаться, если учитель отказался выслушивать его жалкие выдумки! Вот награда за то, что в первый же день не поставил его на место. Это послужит ему, Форду, уроком.

Тем не менее он встал из-за стола и подошел к двери. Дядя Бен уже скрылся в подлеске, только голова и плечи маячили над кустами, покачиваясь на ходу, — должно быть, он все так же осторожно, высоко поднимал ноги, словно ступал по зыбкой, неверной почве.

А в школе по-прежнему царила тишина, и учитель медленно пошел между парт, машинально открывая ящики, проверяя, не забыто ли что-нибудь его учениками, и аккуратно складывая тетради и книги. На полу валялся букетик анютиных глазок, красиво перевязанный черной ниткой, — преданная Октавия Дин неизменно оставляла такой на парте Руперта, а этот презрительный Адонис столь же неизменно вышвыривал его вон. Подобрав грифельную доску, забытую под скамейкой, он заметил на обратной стороне нестертый рисунок. Мистер Форд сразу же узнал руку юного, но выдающегося карикатуриста Джонни Филджи. С воистину художественным размахом и глубиной, с избытком подробностей и потраченного грифеля она изображала дядю Бена, который лежал на полу с тетрадью в руках, над ним тиранически возвышался Руперт Филджи, а в стороне в профиль, но с двумя глазами была представлена зрительницей Кресси Маккинстри. Смелый, реалистический прием написания имен персонажей на их ногах, — быть может, слегка увеличенных для этой цели, — не оставлял сомнений относительно личности каждого. Столь же смелой и не менее удачной была попытка изобразить краткий драматический диалог между действующими лицами посредством неких пузырей у их ртов, содержащих прочувствованные надписи: «Я вас люблю», «Слушать тошно!» и «Отстань!».

Учитель с удивлением взирал на такое неожиданное графическое свидетельство того, что посещения школы дядей Беном не только известны, но даже обсуждаются. Круглые детские глаза оказались зорче его собственных. Он снова обманут, как ни остерегался. Любовь, пусть даже вместо глаз у нее две точки, а платье — кособокий треугольник, дерзко проникла в мирные стены школы, и за ней по пятам на неправдоподобно больших ногах тянулись всякие осложнения и неприятности.

ГЛАВА V

На вырубке вокруг школы текла мирная, пасторальная жизнь, лишь изредка тревожимая пистолетными отзвуками пограничных споров Харрисонов — Маккинстри; но более деловая часть Индейцева Ключа была охвачена одной из тех лихорадок предпринимательства, которые часто свирепствуют в старательских поселках Калифорнии. Открытие прииска «Эврика» и прибытие первой кареты, положившее начало регулярному сообщению между Индейцевым Ключом и Биг-Блафом, — оба эти немаловажные события были торжественно отпразднованы в один и тот же день.

Чтобы воспеть должным образом этот великий час, не хватало слов даже красноречивому редактору туолумской «Звезды», который безнадежно запутался в сложных метафорических ссылках на мифическую золотоносную реку Пактол, с каковой сравнивался промывной желоб «Эврики», и пришлось ему в конце концов поручить восхваление почтовой линии Индейцев Ключ — Биг-Блаф достопочтенному Эбнеру Дину, члену законодательного собрания штата Калифорния от поселка Ангела. У достопочтенного мистера Дина не было правого глаза, который он потерял некогда в одной из драк, столь обычных во времена пионеров, но он и единственным своим невооруженным оком сумел разглядеть в туманной дали будущего столько, что хватило на три столбца в «Звезде».

«Не будет преувеличением, — с изящной укоризной утверждал он, — если мы скажем, что Индейцев Ключ через свою совершенную систему внутриконтиненталь-

ных перевозок, а также через свою водную артерию — Северный Ручей, сливающийся с рекой Сакраменто и вместе с ее водами затем достигающий безграничных просторов Тихого океана, поддерживает прямую связь не только с далеким Китаем, но и с еще более отдаленными рынками наших антиподов. Житель Индейцева Ключа, сев в девять часов в карету, в 2.40 прибывает в Биг-Блаф и может в этот же вечер доехать прямым сообщением до Сакраменто, откуда комфортабельные суда местной пароходной компании заблаговременно доставят его в Сан-Франциско, и он еще успеет назавтра в 3.30 отплыть на океанском лайнере в Йокогаму».

И хотя никто из жителей Индейцева Ключа покамест не воспользовался этой замечательной возможностью да и впредь как будто не собирался, все ощущали ее как небывалое благо, и даже учитель, поручивший Руперту Филджи прочесть газету перед классом — главным образом ради тренировки в произнесении многосложных прилагательных, — не остался вполне равнодушен. Джонни Филджи и Джимми Снайдер уловили только, что благодаря какому-то загадочному обстоятельству до Молуккских островов теперь рукой подать, и слушали, как завороженные, округлив глаза. Когда же в довершение торжества учитель объявил, что историческое событие будет отмечено прекращением занятий, в бревенчатой школе на лесной вырубке ликовали не меньше, чем в раззолоченном салуне на Главной улице.

И вот наступил достославный день, и из Биг-Блафа в двух новых дилижансах приехали специально приглашенные ораторы — всегда специально приглашаемые на такие торжества, но тем не менее только сегодня впервые в жизни осознавшие «выпавшую на их долю честь» и «всю значительность ныне свершающегося». После этого произвели салют, взорвав два шурфовых запала, грянул духовой оркестр, на площади был поднят новенький флаг, а затем совершилась церемония открытия нового прииска, во время которой знаменитый оратор в высоком цилиндре, черном фраке и при белом галстуке, похожий скорее на подгулявшего могильщика, чем на старателя, принял лопату из рук сияющего распорядителя похорон и раз за раз копнул землю. Позднее в гости-

нице снова взрывали запалы, играл оркестр и был сервирован легкий ужин. Но во всем — и в головокружительных прожектах и в оглушительном смехе, которым их встречали, — торжествовал пьянящий дух бесстрашной молодости и непобедимых дерзаний. Это он создал Калифорнию, широко посеяв в пустыне семена смелой предприимчивости; это он давал силы сеятелю с улыбочкой глядеть на чахлые или погибшие всходы, не отчаиваясь и не ропща, и с надеждой и мужеством обращать лицо свое к новым нивам. Что за беда, если у Индейцева Ключа постоянно были перед глазами заброшенные канавы и выработанные рудники прежних поселенцев? Что за беда, если красноречивый панегирист «Эврики» всего лишь несколько лет назад так же щедро тратил эпитеты и деньги на никчемную штольню, которая сейчас осыпалась на том берегу реки? Божественная забывчивость молодости не желала видеть в этом предостережения или принимала его как веселую шутку. Учитель, только что покинувший своих маленьких подопечных, в кругу которых он преждевременно повзрослел, испытывал что-то похожее на зависть, очутившись среди этих энтузиастов, в сущности, почти ровесников ему самому.

Всего памятнее празднество в Индейцевом Ключе оказалось для Джонни Филджи — и не только из-за восхитительно громыхавшего оркестра, хотя он и затесался на некоторое время между тромбоном и литаврами; и не только из-за оглушительных взрывов и пьянящего порохового запаха, исторгавших из глубины его детской души нечленораздельные вопли восторга, но также еще из-за одного происшествия, значительно обострившего его и без того острую наблюдательность.

Бессовестно покинутый на веранде «Эврики» старшим братом, который застенчиво оказывал знаки внимания прелестной хозяйке гостиницы, помогая ей в баре, юный Джонни предался созерцанию.

Шесть лошадей, новехонькая сбруя с розетками, длиннющий кнут кучера, и его огромные кожаные перчатки, и как он держит вожжи, и как чудесно пахнет лаком новая карета, и какой у преподобного Эбнера Дина золотой набалдашник на трости — все это улеглось в

укромные углы его детской памяти, как в его оттопыренные карманы укладывались какие-то никому не нужные сокровища, которые он подбирал по дороге. Но когда у него на глазах из второй, всамделишной, кареты вышел вместе с прочими пассажирами незнакомый молодой человек, с небрежным видом поднялся на веранду и стал прохаживаться взад-вперед как ни в чем не бывало, Джонни захлебнулся от восторга, ибо сразу же понял, что перед ним — живой принц! Весь разодетый, в белоснежном полотняном костюме, на пальце бриллиантовое кольцо, из жилетного кармашка свисает золотая цепочка, а на голове, завитой и надушенной, лихо набекрень надета белая панама с широкой черной лентой, — никогда в своей жизни Джонни не видывал такого великолепия. Сказочный незнакомец был загадочнее Юбы Билла, величественнее преподобного Эбнера Дина — но зато не такой страшный, — красноречивее самого учителя и в тысячу раз красивее самой лучшей цветной картинки. Задень он Джонни на ходу — у того бы дух перехватило; заговори с ним — Джонни от избытка чувств был бы нем, как рыба. Судите же, сколь глубоко он был поражен, когда к этому верху совершенства вдруг подошел не кто иной, как дядя Бен, и, почти не выказав смущения, перекинулся парой непонятных фраз, а потом куда-то пошел с ним вместе! Стоит ли удивляться, что Джонни, в тот же миг позабыв о брате, лошадях и даже о предстоящем банкете и возможном угощении, не задумываясь, последовал за ними.

Те двое свернули в переулочек, который оканчивался пустырем, — когда-то на нем тоже работали старатели, и он до сих пор был весь изрыт и перекопан. Прячась за старыми насыпями, Джонни бочком пробирался за ними следом, а попадаясь им на глаза, принимал всякий раз безразличный вид занятого человека, то ли направляющегося совсем в другую сторону, то ли ищущего что-то очень важное на земле. Так, возникая будто бы незначай то справа от них, то слева, Джонни дошел вслед за ними до опушки леса. Теперь можно было подобраться к ним поближе.

Между тем, совершенно не замечая искусной слежки — хотя мальчишка уже раза два попадался им на дороге и, потупя глаза, шмыгал в сторону, — они продол-

жали свой секретный разговор. Джонни удалось разобрать только два слова: «доля» и «акции». Эти слова он слышал сегодня весь день, странно было только, что прекрасного незнакомца сейчас кротко расспрашивал об этом какой-то никудышный дядя Бен. Когда же после получаса ходьбы они вдруг очутились на спорном пограничном участке между владениями Харрисонов и Маккинстри, Джонни и вовсе перестал что-либо понимать. Поскольку ходить сюда строго-настрого запрещалось, Джонни, естественно, знал это место, как свои пять пальцев. Но что могло понадобиться здесь загадочному незнакомцу? Или дядя Бен привел его сюда, чтобы блеском его совершенств ослепить и парализовать обе сражающиеся стороны? А может, незнакомец — молодой шериф, или юный судья, или даже сын калифорнийского губернатора? А что если дядя Бен «сдуру» просто заблудился и не знает, куда идти? Вот сейчас бы Джонни в самый раз появиться перед ними, и все объяснить, и даже преувеличить грозящие им опасности, а кстати упомянуть вскользь о своем собственном близком знакомстве с этой ужасной местностью. К несчастью, пока Джонни, стоя позади дерева, собирался с духом, прекрасный незнакомец повернул голову к дяде Бену и с изысканным пренебрежением, которое так ему шло, произнес:

— Нет, я лично и по доллару за акр не стал бы покупать это ранчо. Разумеется, если вам непременно хочется швырять деньги на ветер, дело ваше.

По мнению пристрастного Джонни, дядя Бен принял эту заслуженную отповедь с подобающей покорностью, хотя и попытался ответить какую-то «дурь», которую возмущенный Джонни даже и слушать-то не стал. Не подойти ли и предупредить прекрасного незнакомца, что он понапрасну теряет свое драгоценное время на этого человека, который не умеет даже написать «ку-ри-ца» и которого учит грамоте его, Джонни, собственный брат?

Незнакомец продолжал:

— И потом, вы, конечно, понимаете, что купить титул на эту землю еще не все — вам так или иначе придется еще воевать за право владения с этими скваттера-

ми. Будут перестреливаться уже не двое, а трое — только и всего.

Дурацкий ответ дяди Бена Джонни пропустил мимо ушей. Он слышал только то, что вещал великий ум.

А великий ум холодно продолжал:

— Ну, пошли теперь взглянем, что вы там намыли. У меня, знаете ли, времени довольно мало — уже и сейчас, поди, в поселке меня ищут. Вы ведь хотите, чтобы все по-прежнему оставалось в тайне? Удивительно, как это вам до сих пор удается. Далеко до вашей заявки? Ведь вы там живете, если не ошибаюсь?

Не будь маленький соглядатай так поглощен своим прекрасным незнакомцем, эта реплика, означающая, что заявка дяди Бена заслуживает внимания такого выдающегося лица, заставила бы его призадуматься; а так он просто решил, что дядя Бен что-то нахвастал. Джонни поспешил за ними и вскоре они подошли к дому дяди Бена.

Это была жалкая лачуга из досок и камней, наполовину врытая в песок и щебень на верху большой груды старых отвалов, оставшихся от заброшенного прииска. В поселке даже поговаривали, будто дядя Бен вдобавок к своей скудной старательской добыче еще перемывает понемножку породу из отвалов — презренное занятие, изобретенное китайцами и не достойное возвышенных устремлений белого человека. Приисковый кодекс чести гласил, что старатель может перебиваться самой мизерной ежедневной добычей, если только он питает надежду «напасть на жилу», а того, кто довольствуется небогатым, но верным выходом, клеймил позором. Подозрение такого рода бросало тень на его лачугу и отгораживало самого дядю Бена от людей, подобно тому, как полузасыпанная канава отгораживала его заявку от соседней.

Благоразумно остановившись на опушке, Джонни смотрел, как его божественное видение прошло через голый участок и, уподобившись простому смертному, вошло с дядей Беном в его лачугу. Тогда он сел на пень и стал дожидаться, пока оно покажется снова, — и дай-то бог, чтобы без провожатого! По прошествии получаса он отлучился ненадолго в смородину, но поспешил вернуться на свой наблюдательный пункт. Из лачуги не разда-

валось ни шороха, ни звука. Прошло еще десять минут, и дверь распахнулась, но, к великому разочарованию Джонни, вышел один дядя Бен и не спеша зашагал к лесу. Сгорая от волнения, Джонни вынырнул из чащи прямо ему под ноги. Но тут возникло неожиданное затруднение, знакомое только детям. Как только серые маленькие глаза дяди Бена удивленно обратились к Джонни, мальчиком овладел всеильный дух детской застенчивости. Никакие силы не могли бы сорвать с его губ вопрос, который только что сам готов был с них слететь.

— А-а, Джонни! Ты что здесь делаешь? — ласково спросил дядя Бен.

— Ничего.

И после долгой паузы, во время которой он успел обойти вокруг дяди Бена, разглядывая его снизу вверх, как статую, он прибавил:

— Смородину ишу.

— Почему же ты не на банкете?

— Там Руперт, — быстро ответил Джонни.

Мысль о том, что он представлен на торжестве в лице своего брата, показалась ему вполне убедительной. Затем, в качестве естественной и приятной прелюдии к следующему вопросу, он перепрыгнул через пень и приготовился отвечать. Но дядю Бена, как видно, вполне удовлетворил ответ Джонни, он кивнул и пошел своим путем.

Когда он окончательно скрылся в зарослях, Джонни осторожно пошел к хижине. Не доходя значительного расстояния, он подобрал с земли камень, и запустил им в дверь, и тут же поспешно ретировался под защиту кустарника. Однако в дверях никто не появился, и Джонни трижды повторил свой маневр, каждый раз подбирая камень побольше и подходя ближе. В конце концов он храбро обошел вокруг хижины и спрыгнул в канаву, вырытую поблизости. Пройдя по ней шагов двести, он наткнулся на старую шахту, вход в которую был заколочен ветхими досками, словно для того, чтобы кто-нибудь, зазевавшись, туда не свалился. Тут вдруг на Джонни напал необъяснимый страх, и он убежал. И первым, кого он увидел, добравшись до гостиницы, был прекрасный незнакомец, не утративший ни одного из

своих совершенств и как ни в чем не бывало отъезжающий в коляске уже с каким-то другим знакомым.

Тем временем мистер Форд, хоть и отдавший дань восторга историческому событию, постепенно прискучил утомительным празднованием. А так как его комната в гостинице «Эврика» содрогалась от звуков духового оркестра снаружи и ораторского красноречия внизу и вся пропахла порохом и шампанским, взрывавшимися со всех сторон, он решил уйти в школу и написать кое-какие письма в лесной тиши.

Разница была благодатна; шум отдаленного поселка долетал сюда лишь как мирный шелест ветра в верхушках деревьев. В школе на горе, где чистое дыхание сосен наполняло каждый уголок, изгоняя все следы присутствия человека, бурные торжества, происходившие внизу, казались неясным сном. Явь была здесь.

Учитель вынул из кармана несколько писем — одно из них было помято и зачитано почти до дыр. Он снова перечитал его, медленно и терпеливо, словно ожидая, что на него снизойдет вдохновение, а оно не снисходило. Раньше это письмо пробуждало в нем юношеский восторг, преображая его не по годам серьезное лицо. Но сегодня письмо не подействовало. Он сунул его обратно в карман с легким вздохом, который прозвучал так неуместно среди этой мирной тишины, что он не мог удержаться от смущенной улыбки, и уже в следующую минуту с самым серьезным видом занялся делами.

Некоторое время он писал, потом поднял голову. Какое-то неуловимо приятное ощущение подкрадывалось к нему, словно дрема, останавливая его перо. Это было почти физическое ощущение, оно не имело отношения ни к его переписке, ни к воспоминаниям и в то же время говорило что-то сердцу и уму. Может быть, его пьянит смолистый запах сосен? Кажется, он и прежде замечал, как странно он действует в час заката, когда от подлеса в воздух поднимается аромат свежести. Да, конечно, это запах. Он опустил глаза — на столе перед ним лежал его источник: букетик дикого калифорнийского мирта с бутоном розы в середине.

Ничего необычного в этом не было. Дети часто клали ему на стол свои приношения, не ища специального

повода или случая. Он мог просто не заметить этот букетик во время занятий. Ему стало жалко бедные, всеми забытые, уже поникшие цветы. Он вспомнил, что мирт в детском фольклоре — вероятно, вслед за старинным преданием, связывающим это растение с Венерой, — символизирует любовь. Он даже объяснял детям, откуда у них могло взяться это поверье.

Он держал букетик в руке и вдруг почувствовал под пальцами что-то восхитительно шелковистое, пронзившее ему сердце непонятым восторгом. Веточки мирта оказались перевязаны не ниткой и не лентой, а длинной прядью мягких каштановых волос. Он размотал один волос и поднес его к свету. Длина, цвет, шелковистость, а всего определеннее какой-то необъяснимый инстинкт сказали ему, что это волос Кресси Маккинстри. И он поспешно положил волосок на стол, будто, держа его в руке, прикасался к ней самой.

Он дописал письмо. Потом глаза его и мысли возвратились к мирту. Букетик лежал на его столе и, значит, предназначался ему. В том, что веточки были обвязаны волосами, тоже содержался какой-то смысл, потому что его ученицы всегда располагали запасами ниток, тряпочек и лент, — учителю это было известно. Будь это какая-нибудь новая школьная мода, он знал бы о ней. Вторжение чего-то личного — вот что смущало учителя. Он представил себе волосы Кресси — они, безусловно, были очень красивы, несмотря на странности прически. Ему припомнилось, как однажды, когда она скакала на школьном дворе с Октавией Дин, они у нее упали и рассыпались по плечам, и он сам удивился, с какой отчетливостью сохранилась у него в памяти эта картина: как она закалывает их, стоя на крыльце, как округлы ее поднятые к затылку руки, как выгнута полная шея, запрокинута румяное лицо и в белоснежных зубах закушеная вот такая же каштановая прядь! Он начал следующее письмо.

Когда оно было написано, тень от сосновой ветки за окном, падавшая под отлогими лучами солнца на бумагу, переместилась на стену. Он отложил написанное, встал и, поколебавшись, запер миртовый букетик в ящик стола — с таким чувством, будто приобрел каким-то образом власть над будущими поступками и выдумками

Кресси. Потом, сообразив, что дядя Бен, должно быть, тоже не придет в школу по случаю праздника, он решил не оставаться здесь дольше, а вернуться в гостиницу. Дядя Бен пришел ему на ум вовсе не по ассоциации — после знакомства с карикатурой Джонни Филджи он, как ни приглядывался, не обнаружил никаких признаков, подтверждающих намеки малолетнего сатирика, и в конце концов выбросил все это из головы.

У себя в комнате учитель застал Руперта Филджи, который стоял, насупившись, у окна, между тем как его брат Джонни, пресытившись впечатлениями и яствами, крепко спал в единственном кресле. В их присутствии не было ничего необычного, — мистер Форд, жалея осиротевших мальчиков, часто приглашал их к себе смотреть книги и журналы.

— Ну, как дела? — спросил он бодро.

Руперт не ответил и даже не повернулся. Мистер Форд, взглядевшись, увидел знакомый блеск ярости в его красивых глазах, слегка затуманенных скупой слезой. Тогда, мягко положив ладонь ему на плечо, он спросил:

— В чем дело, Руперт?

— Ни в чем, — упрямо ответил мальчик, не отводя взгляда от окна.

— Может... может быть, миссис Трип (то была прекрасная хозяйка гостиницы) была с тобой нелюбезна? — шутивным тоном продолжал учитель.

Ответа не последовало.

— Знаешь ли, — все так же шутивно заметил мистер Форд, — все-таки ей приходится хоть немного сдерживаться на людях. А то пойдут разговоры.

Руперт хранил яростное молчание. Но на щеке, обращенной к учителю, глубже обозначилась ямочка (Руперт свои ямочки презирал, усматривая в них «девчонскую» черту). Однако в следующее мгновение он снова насупился.

— Мне хочется умереть, мистер Форд.

— Вот тебе на!

— Или... чего-нибудь делать.

— Это уже лучше. Что же, например?

— Работать, самому зарабатывать себе на жизнь. Чтобы не возиться больше дома с водой да с дровами, со стиркой и с постелями, как какому-нибудь китайцу. Не

нянчиться с маленькими, а то одеваешь да раздеваешь целыми днями — девчонка я, что ли? Вот поглядите-ка на него. — Руперт показал пальцем на сладко спящего Джонни. — Видите? А что это значит? Это значит, я должен тащить его вот такого через весь поселок, а потом топить печку и чего-нибудь ему варить, а потом умыть его, раздеть, уложить в кровать, да еще убаюкать и одеяло подоткнуть. А отец в это время мотается по улицам с такими же дурнями, как он сам, и знай себе язык чешет: «прогресс», «светлое будущее Индейцева Ключа»... У нас дома, мистер Форд, прямо уж такое светлое будущее, дальше некуда. Много он думал о моем будущем?

Учитель, которому такие вспышки Руперта были не внове, улыбнулся — правда, одними губами — и утешил мальчика, как ему уже случилось не раз. Но он хотел узнать непосредственную причину сегодняшнего возмущения Руперта и роль, которую здесь сыграла несравненная миссис Трип.

— Мне казалось, обо всем этом мы уже с тобой договаривались, Руп. Через несколько месяцев ты кончишь школу, и тогда я посоветую твоему отцу, куда тебя лучше определить, чтобы у тебя действительно было будущее. Терпение, старина; ты делаешь отличные успехи. И потом вспомни, у тебя же есть ученик — дядя Бен.

— Вот то-то и оно. Еще одно дитя малое, нянчиться с ним. Дома, что ли, дел не хватает?

— А по-моему, ты себе в Индейцевом Ключе другого занятия и не подберешь, — сказал мистер Форд.

— Ну да, — мрачно согласился Руперт, — но я мог бы уехать в Сакраменто. Юба Билл говорит, там берут мальчиков моих лет и на почту и в банк. А через год или два они уже все знают, и работают не хуже прочих, и получают не меньше. Да вот только сегодня был здесь один тип, не старше вас, мистер Форд, и необразованный совсем, а разодел весь, запонки, булавки, и все перед ним лебезят и кланяются, смотреть тошно.

Мистер Форд поднял брови.

— А-а, ты говоришь о том молодом человеке от «Бенема и К°», который разговаривал с миссис Трип?

Быстрый румянец гнева и стыда разлился по лицу Руперта.

— Может, и разговаривал. У такого хватит нахальства.

— И ты мечтаешь стать таким, как он?

— Нет, мистер Форд, понимаете, не таким. Вы ведь тоже не хуже него, правда? — объяснил Руперт с безжалостной наивностью. — Просто, если такая сорока могла добиться успеха, я-то почему не могу?

Разумеется, учитель тут же указал Руперту на нелогичность его рассуждений и на благодетельность терпения и труда, но учительские слова были приправлены изрядной толикой дружеского сочувствия и сопровождались ссылками на некоторые забавные эпизоды из его собственного детства, и на щеках Руперта снова заиграли ямочки. Не прошло и получаса, как вполне умиротворенный Руперт, покорясь судьбе, наклонился над спящим братом, чтобы взять его на руки и отправиться домой. Но сонный малыш превратился в инертную, бесформенную массу. Только дружными совместными усилиями им удалось пристроить Джонни на руках у Руперта — одна рука спящего свесилась через плечо брата, а еще не досмотренный сон раздувал румяные щеки, давил на веки и даже шевелил кудряшками над потным лбом. Учитель пожелал Руперту спокойной ночи, закрыл за ним дверь, и мальчик стал медленно спускаться со своей ношей по лестнице.

Но здесь провидение со свойственным ему безразличием к требованиям человеческой морали вознаградило Руперта, послав ему исполнение желаний, неразумных, но зато самых заветных. Внизу ему встретилась миссис Трип. Он увидел ее и покраснел от смущения; она увидела его с ношей и была тронута. Знала ли она при этом о чувствах Руперта и не льстили ли они ее самолюбию, не берусь судить. Голосом, от которого замерло его сердце, она воскликнула:

— Как? Руперт, ты уже уходишь?

— Да, мэм, из-за Джонни.

— Так давай я его возьму, пусть переночует у меня сегодня.

Искушение было велико, но у Руперта достало сил не поддаваться ему.

— Бедняжка, как же он, должно быть, устал!

Она приблизила к Руперту свое красивое и еще свежее лицо и приложила губы к щеке Джонни. А потом подняла озорной взгляд на его брата и, сдвинув ему старую соломенную шляпу с потупленных глаз на затылок и откинув густые кудри, поцеловала прямо в лоб.

— Покойной ночи, милый мальчик.

Пошатнувшись, Руперт слепо шагнул вперед навстречу темноте за порогом. Но с тактичностью джентльмена он поспешил свернуть в ближайший проулок, словно для того, чтобы скрыть от грубых посторонних глаз полученное им посвящение. Путь, им избранный, был долг и труден, ночь темна, и Джонни до смешного тяжел, но он упорно шел вперед, и поцелуй, казалось этому глупому мальчику, путеводной звездой горел у него во лбу.

ГЛАВА VI

Когда дверь за Рупертом закрылась, учитель опустил штору на окне, подкрутил фитиль в лампе и попытался сосредоточиться на чтении. За стеной в белесых речных туманах медленно растворялся «великий день в истории Индейцева Ключа», и сами торжества гасли с последними вспышками фейерверка. Редкие взрывы утихающего веселья в баре, неверные шаги припозднившегося гуляки по дощатым мосткам перед гостиницей только усугубляли мирную деревенскую тишину. Ибо светлое будущее Индейцева Ключа было еще настолько отдаленным, что природа при всяком удобном случае спешила незаметно потеснить границы городской цивилизации, и мистер Форд, подняв голову от праздничных колонок «Звезды», услышал близкий плач койота за рекой.

И он снова испытал смутное, приятное чувство, такое неопределенное, что ему ни с чем не удавалось его связать, даже с мирновыми веточками у себя на столе. Он попробовал заняться работой и снова отвлекся. Потом его охватило мучительное раскаяние, что он не выказал довольно сочувствия глупым сердечным мукам Руперта. Перед глазами у него возникла трагикомическая картина: несчастный Руперт бредет, спо-

тыкаясь под своей двойной ношей — под весом спящего братишки и грузом бессмысленной любви; а может быть, сбросив эту тяжесть в первую попавшуюся канаву в безрассудном порыве детского негодования, навсегда бежит куда глаза глядят — вон из родного дома. Мистер Форд схватил шляпу и поспешил вниз в намерении отыскать Руперта или забыть о нем, если подвернется что-нибудь другое. Ибо мистер Форд обладал чуткой совестью художественных натур; ее властный голос подымал все его душевные силы на ухищрения и борьбу против ее же власти.

В коридоре ему повстречалась миссис Трип в мантиле и пышном белом бальном платье, которое, однако, на его вкус, было ей не так к лицу, как обычное, домашнее. Он поклонился ей и прошел было мимо, но она, гордая своим великолепием, заговорила с ним:

— А вы разве не будете нынче на балу?

Он вспомнил, что в программу торжеств входил также и бал, который должен был состояться в здании суда.

— Нет,— ответил он с улыбкой.— Но жаль, что Руперт не видит вас в этом прелестном туалете.

— Руперт! — с кокетливым смешком повторила миссис Трип.— Вы сделали из него женоненавистника, не лучше вас самого. Я позвала его пойти с нами, а он убежал наверх, к вам.— Она испытующе поглядела на него и самоуверенно, чуть поддразнивая, спросила:— Ну, а вы-то почему не идете? Вам-то нечего бояться.

— Я в этом не слишком уверен,— галантно ответил мистер Форд.— Печальный пример Руперта постоянно у меня перед глазами.

Миссис Трип тряхнула пышной прической и спустилась на одну ступеньку.

— Правда, приходите,— сказала она, глядя на него через перила.— Посмотрите на людей, если сами не умеете танцевать.

Но мистер Форд как раз умел танцевать, и, между прочим, совсем не плохо. Исполненный этого сознания, он остался обиженно стоять на лестничной площадке, в то время как она спустилась по ступеням и ушла. По-

чему бы ему и не пойти? Правда, он с самого начала молчаливо принял сдержанное отношение к себе жителей Индейцева Ключа и ни разу не появлялся ни на каких местных сборищах, но это еще не резон. Во всяком случае, он может переодеться и дойти до здания суда и... посмотреть.

Любой черный сюртук и белая сорочка были по местному этикету достаточно парадным костюмом. Мистер Форд еще добавил к этому такую забытую роскошь, как белый жилет. Когда он вышел на улицу, было девять часов, но окна суда горели издали ослепительным светом, как иллюминаторы парохода, застрявшего однажды ночью на отмели у Индейцева Ключа. По пути мистер Форд несколько раз готов был повернуть назад и даже на пороге остановился в нерешительности; только боязнь, что его колебания могут быть замечены другими нерешительными личностями, тоже мешавшими по скромности у входа, заставила его войти.

Контора и кабинет судьи на первом этаже были загромождены горами шалей и накидок, а также столами с закусками, под танцы же был отведен еще не отделанный зал суда на втором этаже. Голые стены были задрапированы флагами, лавровыми венками и подходящими к случаю надписями из цветочных гирлянд; но красочнее и выразительнее всяких надписей был висевший над судейской трибуной герб Калифорнии с его бескрайним золотым закатом, торжествующей богиней и огромным грозным медведем гризли.

В комнатах было душно и полно народу. Свечи, мерцающие в жестяных канделябрах на стенах или в импровизированных люстрах — бочарных обручах, подвешенных под потолок, освещали самое удивительное разнообразие дамских туалетов, когда-либо виденное учителем. Робы давно устаревших фасонов, слежавшиеся и выцветшие от долгого хранения в сундуках; наряды давних праздников с кое-какими поправками в современном духе; костюмы по сезону и не по сезону. — меховые жакетки на тюлевых платьях, бархатные рогонды поверх полотняных саков; свежие юные лица, выглядывающие из-под старинных кружевных наколок, зрелые, пышные

формы в девственно белых одеждах. Для танцев было расчищено небольшое пространство посредине, вокруг в три ряда теснились и напирали зрители.

Учитель пробрался вперед, и в это мгновение из рядов кадрили, мелькнув, словно неуловимая нимфа, убежала какая-то девушка и сразу же исчезла в толпе. Не разглядев ни лица, ни фигуры, мистер Форд по порывистой быстроте движений узнал Кресси Маккинстри и каким-то непонятным чутьем угадал, что она его видела и что именно он почему-то был причиной ее стремительного бегства.

Впрочем, это продолжалось всего одно мгновение. Он еще обводил глазами толпу, а она уже появилась снова и встала на прежнее место рядом со своим озадаченным партнером — тем самым загадочным незнакомцем, вызвавшим восхищение Джонни и ярость Руперта. Она была бледна; учитель никогда еще не видел ее такой красивой. Все, что он находил в ней неуместным и неприятным, в этот миг, в этом свете, в этом собрании, явилось ему лишь как разные грани ее прихотливой прелести. Даже пышное розовое дымковое платье, из которого ее прекрасные юные плечи выглядывали, словно из закатного облака, казалось воплощением девственной простоты; удлиненные линии тонкой фигуры, девический высокий стан были словно гордые стати чистокровной породы. Обычный румянец на ее свежем лице уступил место чуть заметному магнетическому свечению, от которого лицо ее казалось более одухотворенным. Он не в силах был отвести от нее взгляда; он не верил собственным глазам. А между тем это была Кресси Маккинстри, его ученица! Неужели он видит ее не впервые? Да и она ли это? И не диво, что все глаза были устремлены на нее, что за ней по пятам следовал невнятный ропот восхищения или напряженная восторженная тишина. Учитель обвел взглядом всех, кто стоял вокруг, и со странным облегчением заметил, что другие разделяют его чувства.

Она танцевала все с той же сдержанностью бледных черт и загадочным спокойствием движений, которое так его очаровало. Она еще ни разу не взглянула в его сторону, но он прежним необъяснимым чутьем угадывал, что она не перестает ощущать его присутствие. Он искал

ее взгляда и в то же время боялся встретиться с ним, словно опасаясь, что от этого прелесть минуты сразу же будет утрачена или приобретет бесповоротную определенность. Кадриль кончилась, и учитель заставил себя отойти в сторону — отчасти для того, чтобы избежать встречи со знакомыми, которых по долгу вежливости обязан был бы пригласить на танец, отчасти же чтобы самому собраться с мыслями. Он решил обойти все комнаты и незаметно уйти домой. Те, кто узнавал его, расступались и не без любопытства глядели ему в спину, а во взглядах и приветствиях гостей постарше было снисходительное дружелюбие и фамильярность, положительно бесившая учителя. Он даже подумал, не отыскать ли ему миссис Трип и не пригласить ли на танец, чтобы она увидела, каков он танцор.

Он уже завершал свой обход зала, как вдруг слуха его достигли первые звуки вальса. Вальсировать в Индейцевом Ключе не очень-то умели — отчасти из-за того, что набожные люди серьезно сомневались, входил ли этот танец в репертуар царя Давида, отчасти просто потому, что молодежь еще не успела овладеть его трудностями. Поддавшись желанию взглянуть туда, где кружились танцующие, учитель увидел только три или четыре робкие пары. Среди них были Кресси Маккинстри и ее прежний партнер. В своем восторженном душевном состоянии он не удивился, обнаружив, что она, видимо, успела усвоить в городе искусство вальса и кружилась с безупречной спокойной грацией, удивило его только, что ее партнер оказался весьма далек от совершенства, и после нескольких неловких па она остановилась и с улыбкой высвободилась из-под его руки. Обернувшись, она подняла взгляд и безошибочно направила его мимо теснящихся перед нею восхищенных лиц прямо в тот угол, где стоял учитель. Глаза их встретились, и окружающее перестало для них существовать. То было влечение тем более властное, что оно оставалось невысказанным, любовь без сговора, без клятв и без умысла, страсть, не нуждающаяся в постепенных подходах.

Он спокойно приблизился к ней и сказал непринужденнее, чем собирался:

— Не позволишь ли мне попытаться?

Она поглядела ему в лицо и, словно не слыша вопроса, проговорила, как бы продолжая вслух свои собственные мысли:

— Я знала, что вы придете. Когда вы вошли, я вас сразу увидела.

И, не вымолвив больше ни слова, она вложила руку ему в ладонь, шагнула ему навстречу, сразу попав в ритм вальса, и в следующее мгновение зал исчез в кружащемся пространстве.

Все это, от первого его слова до первого грациозного взлета розового края ее пышного платья, произошло так быстро, как будто они с первого взгляда просто бросились друг другу в объятия. Как часто он и прежде был рядом с нею, как часто он стоял подле нее в школе и даже склонялся над ее партой, но всегда с нарочитой досадной скованностью, передававшейся, как он сейчас понимал, и ей. Сейчас, когда он так близко перед собой видел ее красноречивое, бледное лицо и вдыхал слабый аромат ее волос, когда чувства его были в сладком смятении от долгого, ускользающего пожатия ее руки, прикосновения к ее гибкой талии, все мгновенно переменялось. В страхе отогнал он от себя мысль, что никогда уже больше не сможет приблизиться к ней без этого трепетного восторга. Он вообще гнал от себя мысли, он целиком отдался смятенному чувству, которое еще в пустой школе вызвал в нем миртовый букетик, стянутый прядью волос и приведший ее в конце концов в его объятия.

Они двигались в таком безупречном согласии, в такой совершенной гармонии, что сами не ощущали своего движения. Один раз, очутившись у раскрытого окна, он успел заметить круглую луну, вставшую над сумрачными склонами на том берегу, и прохладное дыхание реки и гор коснулось его щеки и сплело с его волосами выбившуюся прядь ее шелковистых волос. И грубая пестрота, окружающая их, свечи, потрескивающие в жестяных канделябрах, несусветные одеяния, бессмысленные лица — все, вихрь, отступило далеко-далеко. Они остались наедине с ночью, с природой; они были недвижны, а все остальное отступило куда-то в мир бесцветной реальности, к которому они двое не имели никакого отношения.

Звучи же, о вальс Штрауса! Кружись, о юность и любовь! Ведь как бы ты ни кружилась, расступившийся мир снова сомкнется вокруг тебя. Быстрее играй, надтреснутый кларнет! Надсаживайся фальцетом, бравый фагот! Шире круг, о бесцветная земная реальность, куда учитель и его ученица не домечтают до конца свою глупую мечту!

В грезах они сейчас одни на берегу реки, только круглая луна стоит над ними, и их сопряженные тени колышутся на воде. Они так близко друг к другу, ее рука обнимает его шею, ее глаза, мерцающие лунным отсветом, тонут в его глазах; теснее, еще теснее, покуда сердца их не замирают и губы не соприкасаются в первом поцелуе. Быстрее кружитесь, маленькие ножки! Шире раздувайтесь, юбки Кресси, чтобы вновь расступился смыкающийся круг!.. И снова они вдвоем. Судейская трибуна и герб штата над ним, промелькнув, превращаются в алтарь, полускрытый от глаз пышными складками венчальной фаты на ее шелковистой головке. Смутно произнесенные слова сочетают две жизни в одну. Они поворачиваются и торжественно идут между двумя рядами праздничных, восхищенных лиц. Ах, все теснее круг! Кружитесь же еще и не давайте ему сомкнуться, о пышные юбки и легкокрылые ножки! Поздно. Музыка смолкла. Грубые стены встали на свои места, вернулась пестрая толпа, и они стоят, бледные и притихшие, в центре кольца из восторженных, удивленных, испуганных и негодующих лиц. Опускаются ее руки, словно складываются крылья. Вальс кончился.

Визгливый хор женских голосов швыряет ей в лицо похвалы, и в них звучат отчетливые подголоски зависти; с десяток отчаянных кавалеров, совсем потерявших голову от ее грации и красоты, толпясь, просят ее на следующий вальс. Но она отвечает — не им, но ему: «Нет, больше нет» — и ускользает в толпу с той новой для нее застенчивостью, которая из всех ее преображений кажется самой восхитительной. Но так ясно ощущают они свою взаимную страсть, что расстаются без боязни, будто меж ними уже условлено о следующем свидании. Кто-то выражает ему восхищение его танцевальным мастерством. Прекрасный незнакомец маленького Джонни заинтересованно смотрит ему вслед. Кое-кто из старших

неловко пожимает ему руку, словно сомневаясь, совместимы ли танцы с его служебным положением.

Прелестные охотницы за чужим успехом, выжидательно сочетая намек с лестью, выслушивают от него лишь шутовское объяснение: он-де один-единственный раз позволил себе отступить от строгих правил учительского поведения; при этом он ссылается на своих пожилых судей. Одно лицо — грубое, злое, мстительное — выделяется из толпы; это лицо Сета Дэвиса. Учитель не видел Дэвиса с той поры, как тот оставил школу, и совершенно забыл о его существовании. Он и сейчас подумал не о нем, а о его преемнике Джо Мастерсе и оглянулся, ища в толпе нынешнего поклонника Кресси. Только уже в дверях до сознания его дошел смысл ревнивого взгляда Дэвиса, и он с негодованием подумал: «Почему этот безмозглый детина не выместил свою ревность на Мастерсе, который открыто дает ему повод?» И, подумав так, вернулся с порога с какими-то неопределенно-воинственными намерениями; но Сета Дэвиса нигде не было видно. Все еще пылая негодованием, он наткнулся на Хайрама Маккинстри с дядей Беном, стоящих вместе с другими недалеко от дверей. Почему вот дядя Бен не ревнует? И если этот их единственный вальс оказался таким компрометирующим, то почему бы не вмешаться ее отцу? Но они оба дружно — хотя в обычные дни Маккинстри презрительно сторонился дяди Бена — выразили ему свое восхищение.

— Я как увидел, что вы вошли, мистер Форд, — мечтательно проговорил дядя Бен, — так ребятам и говорю: ну, расступись, народ, и гляди, сейчас нам покажут высший класс. И как только вы пошли кружиться, я говорю: это, братцы, французский стиль, высший французский стиль последнего образца — от лучших специалистов и по лучшим книгам. Видите, тот же росчерк, длинный и с заворотом, что и в прописях у него. Та же плавная линия, и тоже с наклоном, и нигде не заедает. Он и стихи декламирует с таким же вот разгоном. И можете прозакладывать свои сапоги, ребята, это все и есть образование.

— Мистер Форд, — торжественно сказал Маккинстри, коротко взмахнув рукой в сиреневой перчатке, которой он счел уместным скрыть от посторонних взглядов

свою покалеченную кисть, а заодно и отметить такой парадный случай,— я должен поблагодарить вас за то, как вы вывели мою дочку, словно необъезженную кобылку, и она у вас пошла таким славным аллюром. Сам я не танцую — тем более этот танец, по мне он вроде как бы помесь галопа с рысью, и мне нынче редко случается видеть танцы, где тут, все болею о скотине, но вот сейчас, когда я видел вас с нею вдвоем, что-то такое на меня накатило,— во всю мою жизнь не знавал такого спокойя.

Кровь прихлынула к лицу учителя от вдруг охватившего его сознания вины и стыда.

— Но ваша дочь,— заикаясь, пробормотал он,— сама превосходно танцует. Она, конечно, не в первый раз вальсировала.

— Может, и так,— ответил Маккинстри, тяжело кладя на плечо учителю руку в сиреневой перчатке, и при этом пустой мизинец зловеще подогнулся.— А только я хотел сказать, очень у вас это легко получилось, запросто так, по-семейному, вот вы чем меня взяли. Когда под конец вы вроде бы как притянули ее к себе и она так это головку опустила вам на грудной карман и словно уснула,— ни дать ни взять малое дитя, как тогда, когда я, бывало, сам шагал с ней на руках за фургоном у Плэт-Ривер! Даже жалко стало, что старуха моя вас не видит.

Покрасневший учитель искоса метнул взгляд на багровое, в рыжей бороде лицо Маккинстри, но в чертах его, медленно просветлевших от удовольствия, не было и следа того сарказма, которым его язвила собственная совесть.

— А разве вашей жены здесь нет?— рассеянно спросил мистер Форд.

— Она в церкви. Она решила, что меня одного довольно будет, чтобы присмотреть здесь за Кресси, а ей вроде бы как религия не позволяет. Может, отойдем в сторону: мне надо сказать вам два слова.

И, продев, как раньше, под локоть учителя свою покалеченную руку, он отвел его в угол.

— Вам не попадался здесь на глаза Сет Дэвис?

— Кажется, я видел его только что,— презрительно ответил мистер Форд.

— Он ничего такого себе с вами не позволил?

— Разумеется, нет,— надменно сказал учитель.— Как бы он посмел?

— Вот именно,— задумчиво проговорил Маккинстри.— Так вот и держитесь, в таком вот духе. А Сета или его отца — это, можно считать, одно и то же — представьте мне. Не допускайте, чтобы вас втянули в эту распрю, что между мною и Дэвисами. Вам это вовсе ни к чему. У меня и то уж на совести, что вы тогда мне ружье приносили. Старуха не должна была вас посылать, ни вас, ни Кресси. Запомните мои слова, мистер Форд: я всегда в случае чего буду стоять между вами и Дэвисами. Смотрите только сами обходите его стороной, ежели он вам где попадетсЯ.

— Я вам весьма признателен,— ответил Форд с неожиданной яростью в голосе,— но я не намерен менять свои привычки из-за какого-то школьника, отстраненного мною от занятий.

Он тут же осознал всю несправедливость и мальчишескую запальчивость своего ответа и почувствовал, как у него снова запылали щеки.

Маккинстри сонно посмотрел на него своим воспаленным, тусклым оком.

— Вы глядите, не теряйте главного своего козыря, мистер Форд,— спокойя. Сохраните его при себе, и вам в Индейцевом Ключе никто не страшен. У меня вот нет его, я беспокойный, мне что драка, что две, разницы не составляет,— продолжал он самым бесстрастным тоном.— А вы, вы держитесь своего спокойя.— Он отступил на шаг и, поведя в его сторону покаленной рукой, словно указывая на какую-то удачную деталь его костюма, заключил: — Он вам очень даже к лицу.

С этими словами Маккинстри, кивнув, снова повернулся к танцующим. Мистер Форд молча проложил себе путь сквозь толпу вниз по лестнице. Но лишь только он очутился на улице, вся его странная ярость, как и не менее странные угрызения совести, терзавшие его в присутствии Маккинстри, испарились в ярком лунном свете, растаяли в теплом вечернем воздухе. Внизу был берег реки, и трепещущая серебристая струя проглядывала сквозь сонные речные испарения, как и в тот миг, когда они вдвоем увидели все это через распахнутое

окно. Он даже обернулся и посмотрел на освещенные окна, будто в одном из них ожидал увидеть ее. Впрочем, он знал, что завтра увидит ее непременно, и, отбросив все мысли о благоразумии, все заботы о будущем, все сомнения, зашагал домой, погруженный в восторжительные воспоминания. Даже Руперт Филджи, о котором он с тех пор и не вспомнил ни разу, Руперт, давно уже мирно спавший подле своего маленького братца, не шагал домой в таком безумном и опасном состоянии.

Дойдя до гостиницы, он с удивлением увидел, что еще только одиннадцать часов. Никто еще не возвращался, во всей гостинице оставались только бармен и вертялая горничная, которая поглядела на него недоуменно и с сожалением. Он почувствовал себя как-то глупо и готов был раскаяться, что не остался пригласить на танец миссис Трип или хотя бы просто постоять, смешавшись с толпой зрителей. Торопливо пробормотав что-то насчет срочных писем, он взял свечу и поднялся к себе. Но в своей комнате он почувствовал, что не в силах терпеть холодное равнодушие, с каким знакомые стены встречают нас после какого-нибудь важного события в нашей жизни. Трудно было поверить, что он вышел из этой самой комнаты всего каких-нибудь два часа назад,— так незнакомо было в ней все, так чуждо его новым переживаниям. А между тем вот его стол, книги, кресло, его постель, все в том же виде, в каком было оставлено, даже липкий огрызок пряника, выпавший из кармана Джонни. Он еще не достиг той стадии всепоглощающей влюбленности, когда образ любимой может жить во всем, что нас окружает; в его тихой комнате для нее еще не было места. Он даже думать о ней здесь не мог; а думать о ней он должен был непременно, пусть не здесь, он может и уйти. Ему пришла в голову мысль выйти и походить по поселку, куда тревожная греза не отпустит его, но даже в своем безумии он ясно понимал всю сентиментальную глупость такой затеи. Школа! Вот куда он может пойти. Это будет всего лишь приятной прогулкой, ночь так прекрасна; и к тому же можно будет забрать миртовый букетик из стола. Он слишком красноречив — или слишком драгоценен, — чтобы его там оставить. А потом он ведь не посмотрел как следу-

ет, может быть, в букетике или на столе есть еще какой-нибудь не замеченный им знак, намек, след. Сердце у него учащенно забилося, но он твердил себе, что в нем говорит лишь инстинкт осторожности.

Воздух был мягче и теплее, чем всегда, хотя в нем и сохранялась безросная прозрачность, обычная для здешних мест. Трава еще хранила солнечное тепло долгого дня, и в сосняке перед школой еще стоял смолистый знойный дух. Высоко в небе светила луна, отбрасывая в чащу божественный полумрак теней, питавший его сладкие грезы. Совсем уже скоро наступит завтра, и он без труда сможет отозвать ее сюда на перемене и поговорить с ней. Что он ей скажет и для чего он хочет с ней говорить — об этом он не задумывался; как не задумывался и о том, что все, чем он располагает, — это ее красноречивый взгляд, взволнованное лицо, многозначительное молчание и несколько слов о том, что она его ждала. Он не задумывался, много ли все это значит, при всем том, что ему известно о ее прошлом, о ее нраве и привычках. Сама неубедительность убеждала и заворачивала его. От любви всегда ждут чудес. Мы можем с недоверием отнестись к самому постоянному чувству, но никогда не подвергнем сомнению привязанность ветреницы, разлюбившей кого-то ради нас.

Он подошел к школе, отпер дверь и снова запер ее за собой — не столько от людей, сколько от летучих мышей и белок. Луна, стоявшая теперь почти в зените, ярко освещала двор и лесные поляны, но не доставала отвесными лучами внутрь школы — только бледные отсветы дрожали высоко на потолке. Отчасти из предосторожности, отчасти же просто потому, что здесь ему все было так хорошо знакомо, учитель не стал зажигать свет, а уверенно подошел в темноте к своему столу, пододвинул стул, сел, отпер ящик, нашарил в нем букетик мирта и его шелковистую перевязь, снова ощутив прилив восторга, и под покровом темноты храбро поднес его к губам.

Чтобы освободить для него место в нагрудном кармане, понадобилось вынуть несколько писем, в том числе и то старое письмо, которое он перечитывал сегодня утром. Со смешанным чувством раскаяния и облегчения он подумал о том, что оно принадлежит прош-

лому, и уронил его на дно ящика, и оно упало с легким, полым стуком, словно комок земли на крышку гроба.

Но что это?

Звуки шагов по гравию на дворе, тихий смех, трети на освещенном потолке, голоса — мужской, детский и... ее голос!

Возможно ли? Не чудится ли ему? Но нет! Мужской — это голос Мастера, детский — Октавии Дин, а женский — ее.

Он замер в темноте. Тропа, по которой она должна возвращаться с бала к себе на ранчо, проходит недалеко от школы. Но почему она свернула сюда? Может быть, они заметили, как вошел он? Что, если они следили за ним и все видели? Голос Кресси и шорох приподнимаемой оконной рамы убедили его, что страхи его напрасны.

— Ну вот так довольно. Теперь вы отойдите. Тави, отведи его вон туда к забору и не пускай сюда, покуда я не влезу. Нет, сэр, благодарю, я сама. Не в первый раз. Случалось мне лазить через это окошко, верно, Тави?

У Форда перехватило дыхание. Прозвучал смешок, послышались два удаляющихся голоса, окно вдруг померкло, белой пеной колыхнулись юбки, мелькнула тонкая лодыжка — и Кресси Маккинстри легко соскочила на пол.

Она быстро пошла по лунной дорожке между парт. И вдруг остановилась. В то же мгновение учитель встал из-за стола и протянул руку, предупреждая возглас испуга, который, он был уверен, должен сорваться с уст Кресси. Но он плохо знал свою ученицу. Она не издала ни звука. И даже в тусклых лунных отсветах он различил на лице ее лишь то же ясное понимание, что и раньше, на балу, только нечаянная радость чуть растрогала ее спокойные губы. Он шагнул ей навстречу, руки их встретились; она быстро и многозначительно пожала ему руку и метнулась обратно к окну.

— Тави,— лениво прозвучал ее томный голос.

— А?

— Ступайте подождите меня там на тропе. Чтобы люди вас не заметили возле школы. Слышишь? Я сейчас.

Она стояла у окна, предостерегающе подняв руку, пока двое ее спутников не скрылись за соснами. Потом

повернулась навстречу приблизившемуся учителю, и отраженный луч луны блеснул в ее глазах и на ее светящемся ожиданием лице. Тысячи вопросов готовы были сорваться с его губ, тысячи ответов — с ее. Но ни один из них не был произнесен, ибо в следующее мгновение с полужакрытыми глазами она качнулась вперед — навстречу поцелую.

Она первая опомнилась и, держа в ладонях его лицо, повернула его к свету, сама оставаясь в жаркой лунной тени.

— Они думают, что я пришла забрать одну вещь, которую забыла у себя в парте, — быстро проговорила она. — Они пошли со мной так, для смеха. Я и вправду думала взять одну вещь, но не со своей парты, а с твоего стола.

— Вот это? — шепотом спросил он, вынимая мирт из кармана.

Она выхватила букетик с тихим возгласом, поцеловала сама, потом прижала к его губам. Потом снова сжала его лицо в своих мягких ладонях, повернула к окну и сказала:

— Смотри не на меня, а на них.

Вдали по тропе медленно двигались две фигуры. Он смотрел в окно, а сам крепко прижимал ее к груди, и задать вопрос, вертевшийся у него на языке, казалось ему святотатством.

— Это еще не все, — говорила она, то приближая его лицо к своему, то отстраняясь, словно вдыхала в него жизнь. — Когда мы вошли в рощу, я сразу почувствовала, что ты здесь.

— Почувствовала и привела сюда его? — спросил Форд, отстраняясь.

— Отчего же? — отозвалась она безмятежно. — Если б он и увидел тебя, я все равно могла бы сделать так, чтобы дальше меня провожал ты.

— Но разве это было бы справедливо? Понравилось бы это ему?

— Ему-то? — лениво переспросила она.

— Кресси, — проговорил он, серьезно вглядываясь в ее затененное лицо. — Ты давала ему повод считать себя вправе вмешиваться? Ты понимаешь меня?

Она помолчала, будто соображая что-то.

— Хочешь, чтобы я его позвала?—спросила она спокойно, без малейшего намека на кокетство.— Хочешь, чтобы он пришел сюда, или мы можем выйти туда, к нему? Я скажу, что ты только что пришел и я встретилась с тобой в дверях, когда уходила.

Что мог он на это ответить?

— Кресси, ты меня любишь?—спросил он почти резко.

Нелепостью было об этом спрашивать сейчас — если да; и просто злодейством — если нет.

— Я, наверное, полюбила тебя, когда ты только приехал,—медленно ответила она.— Оттого, наверно, и обручилась с ним,—добавила она просто.— Я знала, что люблю тебя, и когда уезжала, только о тебе и думала. И назад приехала, погому что тебя любила. И в тот день любила, когда ты приходил и говорил с матерью, хоть и подумала, что ты пришел сказать насчет Мастерса и не хочешь брать меня назад в школу.

— Но ты не спрашиваешь, люблю ли я тебя?

— А я знаю, ведь ты теперь уже не можешь не любить меня,—отозвалась она убежденно.

Что еще ему оставалось, как не ответить столь же нелогично, еще крепче прижав ее к груди, хотя легкая дрожь, словно холодок из открытого окна, пробежала у него по коже. Верно, и она это почувствовала, так как сказала:

— Поцелуй меня, и я пойду.

— Но мы должны еще поговорить с тобой, когда... когда никто не будет ждать.

— Ты знаешь дальний овин у межи?—спросила она.

— Знаю.

— Я, бывало, туда по вечерам уходила с учебниками, чтобы... чтобы побыть с тобой,—прошептала она.— Отец не велел никому близко подходить, когда я там. Приходи туда завтра перед самым закатом.

Последовал долгий поцелуй, в котором их трепещущие, жадные губы, казалось им, выразили все, что осталось не высказанным в словах. Потом они разжали руки, и он бесшумно отпер дверь, чтобы выпустить ее. Она

на ходу прихватила какую-то книгу с чьей-то парты, скользнула прочь, подобно розовому лучу близкой зари в меркнувшем лунном свете, и вот уже до него донесся ее ленивый и совершенно ровный голос — она окликала своих спутников.

ГЛАВА VII

Подслушанный юным Джонни разговор между великолепным незнакомцем и дядей Беном, правда, недоступный его младенческому пониманию, для взрослых жителей поселка был исполнен значения.

Индийцев Ключ, как и многие другие населенные пункты в глубине Калифорнии, был первоначально старательским поселком. Его основатели и первые поселенцы владели участками на основе золотоискательских заявок, закреплявших за ними титул на землю. Титул сохранялся за ними и после того, как миновала золотая лихорадка и на бывших заявках выросли магазины, конторы и жилые дома. На окраинах этих новых городков и в их окрестностях жили уже не столь неоспоримые собственники — «скваттеры», то есть фермеры, занявшие земли, которые считались свободными. Мало кто из них заботился о том, чтобы узаконить обладание своими участками, они просто пользовались «правом владения»: заводили хозяйство, строили дома — но, в свою очередь, страдали от вторжения более поздних пришельцев — «хватунов», которые, как явствует из этого официального названия, норовили отхватить у «сквагтеров» землю, если она не была огорожена забором или не охранялась внушительной силой.

Ввиду всего этого в Индийцевом Ключе немалое возбуждение вызвало известие о том, что властями штата недавно был признан старый мексиканский титул на землю площадью в три квадратных лиги, включавшую сам поселок и всю округу, и что теперь со стороны собственников ожидаются шаги к вступлению в права владения. Стало известно, что право на бывшие старательские участки в черте поселка оспариваться не будет, но что окрестным «скваттерам», как Маккинстри, Дэвис, Мастерс и Филджи, и «хватаунам» вроде Харрисонов при-

дется либо выкупить титул на свои участки, либо затевать длительные и безнадежные судебные тяжбы. Законные владельцы титула — крупные капиталисты из Сан-Франциско — выражали готовность пойти на соглашение с фактическими держателями участков, и, как стало известно, беззастенчивые «хватуны», которые не пахали, не сеяли, а попросту отхватывали землю у «скваттеров», вложивших в участки немало своего труда, уравнивались с этими последними.

Мнения по этому поводу, как всегда, разделялись; старшие поселенцы по опыту вольного прошлого с недоверием относились к восстановленным старинным правам, подвергая сомнению их законность и справедливость, но те, кто прибыл в Калифорнию позже, приветствовали такое подтверждение старых титулов, усматривая в нем гарантию для вложений капитала. Кроме того, довольно влиятельная и разрастающаяся группа переселенцев с Севера и с Востока с удовлетворением встретила эту меру, сулящую положить конец кровавым распрям между фермерами. Отныне бои между Харрисонами и Маккинстри за кусок земли, до последнего времени формально не принадлежавший ни тем, ни другим, превратятся в обычные уголовно наказуемые действия и утратят романтический флёр. С другой стороны, и Маккинстри и Харрисон получат возможность за разумную цену приобрести в законную собственность свои участки или же, наоборот, получить отступного. Опасались только, как бы оба семейства, народ дикий и незаконный, не объединились, и тогда выдворение их будет делом не очень-то легким и довольно опасным; их дело пришлось бы отложить напоследок и пойти им на разные уступки.

Но еще больше переполошились в поселке, когда стало известно, что титул на участок, который оспаривают Харрисон и Маккинстри, уже выкуплен у владельцев и что новый собственник намерен незамедлительно вступить в права владения. Гениальное решение проблемы Харрисона—Маккинстри восхитило даже скептиков. Кем оно было придумано, в Индейцевом Ключе не знал никто — интересы нового владельца представлял один Сан-Францисский банк. Однако понятливый читатель, ознакомившийся с наблюдениями Джонни Филджи в праздничный день, без труда угадает в нем дядю Бена,

и правдивому летописцу сейчас самое время предоставить этому персонажу возможность объяснить своими словами не только собственные намерения, но также и способы, которыми он добился их осуществления.

Это было на исходе дня. Только что кончился урок, который учитель давал наедине дяде Бену, и теперь оба поджидали прихода Руперта Филджи. Благодаря своему медлительному упорству дядя Бен за последнее время все же сделал определенные успехи. Сейчас он только что кончил переписывать из некоего пособия «письмо грузополучателю», в котором сообщалось, что он, дядя Бен, отправляет из Индейцева Ключа пароходом «2 центн. слоновой кости, 80 мешков риса и 400 бочонков лучшей столовой свинины», а также другое письмо, начинавшееся словами: «Досточтимая сударыня!»—и в небывало изысканных выражениях оповещавшее эту даму о «прискорбной кончине» ее супруга, заболевшего на Золотом Береге желтой лихорадкой. Дядя Бен взирал на свою работу не без некоторого удовлетворения, но в это время учитель вытащил из кармана часы и нетерпеливо поглядел на них. Дядя Бен оторвался от тетради.

— Я бы должен вам раньше сказать: ведь Руп-то нынче не придет.

— Вот как? Почему же?

— Потому что я вроде ему не велел. Я задумал переговорить с вами кое о чем, мистер Форд, ежели вы, конечно, не против.

Лицо мистера Форда не осветилось восторгом.

— Хорошо,—сказал он,—только имейте в виду, что мне скоро нужно будет уйти.

— Вам ведь уходить на закате,—мирно возразил дядя Бен.—Ну, а до тех-то пор я вас не задержу.

Мистер Форд покраснел и быстро посмотрел на дядю Бена.

— Вы что-то знаете о моих делах?—спросил он резко.

— Да нет, мистер Форд,—мирно ответил дядя Бен,—просто я уже дня четыре прихожу к вам об эту пору и сюда и в гостиницу, а вас все нет, ну, и я вроде

как понял, что у вас, должно быть, какое-то занятие в этот час.

В его лице и манере держаться не было и следа какой бы то ни было хитрости или недоговоренности, ничего, кроме его обычной наивности, разве только с некоторой примесью тревоги и неловкости из-за предстоящего разговора.

— У меня такая мысль была, написать вам письмо,— продолжал он,— вроде как бы и практика, и при том доверительное сообщение. Честно вам сказать, мистер Форд, оно у меня с собой. Но там вроде бы не все поместилось, не все сказалось, так что лучше будет, если я сам вам все прочту вслух, вставляю, где нужно, словечко-другое и, что понадобится, объясню. Ладно?

Учитель кивнул, и дядя Бен вытащил из обложки ветхого атласа, служащей ему портфелем, лист промокательной бумаги, приобретшей от усердного употребления цвет и твердость грифельной доски, и несколько тетрадных листков, испещренных чем-то вроде необыкновенно сложной нотной записи. Поглядев на них не без каллиграфической гордости и орфографических сомнений, с примесью застенчивости начинающего литератора, он приступил к чтению,водя по строчкам густо измазанным чернилами пальцем:

— «Мистеру Форду, учителю.

Дорогой сэр,— письмо Ваше от 12-го получил и принял к сведению. (Я не получал,— пояснил дядя Бен,— просто это начало из прописей; остальное уже я сам). Касательно имеющихся у меня денежных средств,— продолжал дядя Бен, задерживая палец под каждым словом,— а также приобретения мною доли в руднике и участка...»

— Минутку,— перебил его мистер Форд.— Вы же собирались дальше без прописей. Переходите к делу.

— А я и перешел, это уже дело. Вы погодите, сейчас понятно будет,— сказал дядя Бен и стал с выражением читать дальше:

— «...когда все думают, что у меня нет ни гроша за душой, я хотел бы, мистер Форд, сообщить вам первому

один секрет. Вот как все это было. Я когда приехал в Индейцев Ключ, поселился на старой заявке Пальметто, возле груды отвалов. Зная, что это противу правил и вообще китайское дело, я и виду не показывал, чем занимаюсь, а сам перекапывал старые кварцы, какие думал, что золотиносные. И при этом я напал на богатую руду, которой пальметтовские ребята не высмотрели. Я на отвалах работал понемногу, иной раз утром до свету, иной раз уже затемно, а днем всегда для виду ковырялся на участке, и так я за два года честно нажил состояние в 50 000 долларов и сейчас работаю. Но Недоверчивый Читатель спросит, как мог ты сохранить это в тайне от Индейцева Ключа и куда сбывал свою добычу? Мистер Форд, ответ такой: я отвозил ее дважды в месяц на лошади в Ла-Порт, а оттуда почтой отправлял в Сакраменто в банк и записывал на Добиньи, и никто не думал в Ла-Порте, что это я самый и есть. Акции рудника и участок, тоже купленные на это имя, в силу какового обстоятельства тайна и осталась нераскрытой...» Подождите, это еще не все,— быстро добавил дядя Бен, видя, что учитель в нетерпеливом недоверии собирается перебить его, и, понизив голос до торжественного, почти похоронного шепота, продолжал читать: — «Так мы видим, что Трудолюбие и Терпение вознаграждаются вопреки Старательским Правилам и Предписаниям, и Предрассудки насчет перемывки отвалов разлетаются, како дым, и, может, человек на вид нестоящий, а приобретет то, что ценится куда выше золота и не меркнет никогда.

В надежде на дальнейшие Ваши милости
остаюсь всегда к Вашим услугам

Бендж. Добиньи».

Мрачный восторг, с каким дядя Бен произнес заключительные фразы своего сочинения, как видно, восхищавшего его своими красотами не меньше, чем содержащимся в нем потрясающим известием, только укрепил недоверие и возмущение учителя.

— Ну, признавайтесь,— сказал он, решительно беря листки из рук дяди Бена,— что же здесь правда, а что вы состряпали с Рупертом Филджи? Ведь не может же быть...

— Подождите, мистер Форд,— снова перебил его дядя Бен, шаря в нагрудном кармане своей красной фланелевой рубашки.— Я так и думал после первого нашего разговора, что вы мне не сразу поверите, так что я тут прихватил кое-какие доказательства.

И, выудив из кармана продолговатый конверт, он аккуратно раскрыл его и протянул учителю две или три хрустящие акции на имя Бендж. Добиньи.

— Таких акций у меня выправлено сто штук. Я хотел было купчую на землю вам принести, да ее так с ходу не прочтешь, уж такими учеными словами написана, я ее пока дома оставил, на досуге стану упражняться, разберу. Но если хотите, сходим с вами сейчас, я вам ее покажу.

Все еще находясь во власти своих подозрений, мистер Форд молчал. В руках у него были настоящие акции на имя Добиньи, подлинность их не вызывала сомнений. Но он никогда не был убежден в том, что дядя Бен и этот «Добиньи» действительно одно лицо, а сейчас этот сомнительный факт ему предлагалось принять в качестве подтверждения еще более сомнительной истории. Он поглядел на дядю Бена: краска разлилась по его простодушному лицу,— может быть, от стыда?

— А вы кому-нибудь доверили эту свою тайну? Руперту, например?— многозначительно спросил учитель.

— Конечное дело, нет,— ответил дядя Бен с какой-то даже обидой в голосе.— Только вы один об этом знаете, мистер Форд, да еще этот малый Стейси из банка, ему поневоле надо было сказать. Я даже думал вас попросить, не поможете ли вы мне с ним потолковать насчет того спорного участка.

Недоверие Форда было поколеблено. Ни на какой сговор, ни на какие шутки с человеком вроде дяди Бена банковский агент не пойдет, а если бы дядя Бен все это выдумал сам, для чего бы ему было рисковать и ссылаться на Стейси, ведь тот в любую минуту может опровергнуть его рассказы.

И учитель протянул дяде Бону руку.

— Позвольте мне поздравить вас,— сказал он сердечно.— И простите меня, ваша история настолько чу-

десна, что мне трудно было сразу в нее поверить. Теперь позвольте задать вам еще один вопрос. У вас не было других причин держать все это в тайне, кроме нежелания признаться в том, что вы нарушили вздорные старательские запреты, которые, кстати сказать, не имеют законной силы и, как доказывает ваш успех, совершенно несостоятельны?

— Есть еще одна причина, мистер Форд, что я с вами советуюсь, ежели уж начистоту,— пробормотал дядя Бен, стирая с лица растерянную улыбку тыльной стороной ладони.— Я не хотел, чтобы Маккинстри и Харрисон, понятно, тоже знали, что я купил титул на этот спорный участок.

— Я вас понимаю,— кивнул учитель.— Это естественно.

— Почему же естественно?

— Конечно, вам не хочется навлекать на себя гнев двух таких вспыльчивых людей.

Выражение лица дяди Бена изменилось. Но, не отнимая от губ руки, он сумел опять изобразить улыбку,— как видно, только для того, чтобы тут же ее снова стереть ладонью.

— Скажем, одного вспыльчивого человека, мистер Форд.

— Ну, одного, если вам угодно,— быстро согласился учитель.— Но уж если на то пошло, и одного достаточно. Скажите, что это вам вообще вздумалось покупать эту землю? Ведь она ни для кого, кроме Маккинстри и Харрисона, никакой ценности не представляет.

— А вот, к примеру,— медленно проговорил дядя Бен, с показным безразличием оттирая рукавом заляпанную чернилами крышку парты,— мне, скажем, надоело смотреть, как Маккинстри с Харрисоном все воюют да стреляют друг в друга у этой ихней спорной межи. И я, скажем, считаю, что так можно только отвадить людей селиться в наших местах. И надумал прибрать этот участок к рукам, тогда у меня на них обоих будет управа, на чем захочу, на том их и помиру.

— Мотив, разумеется, весьма похвальный,— сказал Форд, удивленно оглядывая дядю Бена.— И, насколько я понимаю из ваших слов насчет одного вспыльчивого человека, вы уже приняли решение, в чью пользу решит-

ся дело. Надеюсь, что ваши гражданские чувства будут по заслугам оценены, если не самими враждующими сторонами, то, во всяком случае, жителями Индейцева Ключа.

— Вы только никому ни словечка, мистер Форд, и скоро сами все увидите,—самодовольно отозвался его собеседник, хотя в глазах у него сохранилось прежнее слегка испуганное выражение.— Но ведь вам еще не пора,—продолжал он, видя, что учитель снова рассеянно взглянул на часы.—Половина пятого только. Мне, правда, больше вроде и нечего рассказывать,—просто-душно признался он,—но я думал, вы удивитесь сильнее и станете расспрашивать меня и вроде бы как подсмеиваться, зачем, мол, тебе все это, и что думаешь дальше делать, и всякое такое. Хотя для вас, наверное, это вовсе не так уж и замечательно, а? Честно признаться, мне и самому, если подумать, все это кажется пустячным делом,—в совершенном отчаянии заключил дядя Бен.

— Дружище.—Форд пожал ему обе руки, чувствуя крайнюю неловкость за свое эгоистическое невнимание.—Я чрезвычайно рад вашей необыкновенной удаче. Мало того, старина,-я, не кривя душой, могу сказать, что она не могла бы выпасть более достойному человеку, и я ни за кого бы так не радовался, как за вас. Поверьте! И если я не сразу это осознал и выразил, то просто потому, что ваша история—настоящее чудо, волшебная сказка о том, как добродетель торжествует, и сами вы, старина,—Золушка в мужском обличье.

Он не хотел лгать; он и не сознавал, что лжет. Он просто забыл, что минуту назад не верил в эту историю как раз потому, что она никак не вязалась с его оценкой личных достоинств дяди Бена. Но сейчас ему представлялось, будто он говорит очень искренне, за что любезный читатель, без сомнения, готовый от души радоваться удачам ближнего, охотно его простит.

В избытке искренней радости Форд растянулся на одной из длинных скамеек и жестом пригласил дядю Бена расположиться таким же образом напротив.

— Ну-с,—весело сказал он,—теперь послушаем, каковы ваши планы, старина. Прежде всего с кем вы намерены делить эдакое богатство? Ну, во-первых, конеч-

но, старики родители; потом братья, а может быть, и сестры?— Он с любопытством посмотрел на дядю Бена; мысль о существовании женских особей этого вида показалась ему занимательной.

Дядя Бен, который всегда строго ограничивал в школе широкие размахи своих конечностей, отчасти из почтения к храму науки, отчасти же просто из осторожности, теперь медленно перекинул одну ногу через скамейку и уселся верхом, подавшись вперед и подперев подбородок ладонями.

— Что до стариков родителей, мистер Форд, то я вроде бы сирота.

— Как это: «вроде бы»?

— Ну да,— ответил дядя Бен; от движения челюстей его тяжело покоящаяся на ладонях голова дергалась, будто доверительно кивала скамейке.— То есть с отцом у меня все в порядке, он помер, еще в Миссури. А вот с матерью вроде серединка наполовинку, дело неясное. Она, мистер Форд, еще перед тем, как отцу помереть, укатила с одним городским типом, я его и в глаза не видел. Оттого-то я и в школе не доучился. Ну, и вот, где она нынче, жива ли, нет ли, нет возможности узнать, хотя сквайр Томпкинс, судья, говорил, что, захоти старик, он мог бы получить развод, и я тогда получаюсь полный сирота, если меня по всей форме ввести в права, как у юристов говорится. Ну вот. Старики родители, стало быть, отпадают. Брат у меня был, потонул, а сестер никогда и не было. Вроде бы невелика семья получается, чтобы делить богатство.

— Это верно,— задумчиво сказал учитель,— но теперь вы можете обзавестись собственной семьей. Раз вы стали богаты, почему бы вам не жениться?

Дядя Бен снял локти со скамейки и принялся двумя пальцами подбирать с парты оставшиеся от школьных завтраков крошки, отправляя их к себе в рот. Углубленный в это занятие, он, не глядя на учителя, медленно произнес:

— Дело в том, что я уже вроде как женат.

Учитель сел.

— Женаты? Вы?

— Да вот не знаю. Это, так сказать, дело неясное и туманное, все равно как с моим сиротством.— Он замол-

чал и занялся уловлением какой-то последней крошки у самого края скамьи, потом, ухватив ее, продолжал: — Я тогда был помоложе, чем вот вы сейчас, и она еще была совсем молодая. Но только она знала куда больше моего, читать или там писать — это всегда пожалуйста. Вам бы она очень понравилась, мистер Форд.

Он остановился, словно полностью исчерпал этот предмет, и учитель нетерпеливо спросил:

— Где же она теперь?

Дядя Бен медленно покачал головой.

— Я ее не видел вот уже пять лет скоро, с самого того времени, как уехал из Миссури.

— Отчего? Что произошло? — недоумевал учитель.

— Да я, понимаете... вроде как сбежал. Не она, а я, вот какое дело; дал деру, улепетнул в здешние края.

— Но почему? — Учитель изумленно смотрел на дядю Бена. — Что-то же, очевидно, произошло? В чем же была причина? Может быть, ваша жена...

— Она была образованная, — важно остановил его дядя Бен. — Все это признавали. Росточком вот такая. — Он невысоко поднял ладонь. — Маленькая, волосы темные.

— Но была же какая-то причина, что вы вот так покинули ее?

— У меня иногда бывает мысль, — осторожно проговорил дядя Бен, — что у иных убежать — это, может, в роду. Взять мою мамашу — сбежала бог весть с кем; или я вот убежал, сам по себе. И уже вовсе выходит одно к одному, что и отец мой мог развод выправить, и жена моя тоже могла бы подать со мной на развод по причине, что я ее бросил. И даже почти наверняка она уже и развелась со мной давно. Оттого я и говорю, что дело неясное.

— Что же, вы так и намерены оставаться в этом неясном положении? Или вы теперь, когда у вас появилась возможность, думаете предпринять поиски?

— Да думал оглядеться немного, — коротко ответил дядя Бен.

— И возвратиться к ней, если она найдется? — настаивал учитель.

— Этого я не говорил, мистер Форд.

— Но если она не получила развода, именно так вам и придется поступить, вы просто обязаны, если я правильно понял то, что вы мне рассказали. Судя по вашим же собственным словам, ваше бегство было совершенно беспринципным, непростительным и жестоким.

— Вы так считаете? — с убийственным простодушием спросил дядя Бен.

— Я так считаю? — негодуя повторил мистер Форд. — Так всякий будет считать. Иного мнения и быть не может. Вы же сами признаете, что бросили ее, хотя она не дала вам к тому никакого повода.

— Никакого, — поспешно подтвердил дядя Бен. — Я вам говорил, мистер Форд, что она умела петь и на фортепьянах играть?

— Нет, — отрезал мистер Форд, решительно вставая и отходя к окну. Он был почти убежден, что дядя Бен лжет. Либо под этой толстокожей простотой скрывается прожженный себялюбец, бессердечный и хитрый, либо же все это дурацкие выдумки.

— Мне очень жаль, но в связи с тем, что я сейчас от вас услышал, я не могу ни поздравить вас, ни посочувствовать вам. Я не нахожу никаких извинений тому, что вы до сих пор не разыскали вашу жену и не искупили своей вины перед ней. Непростительна каждая минута промедления. Если хотите знать, мне это представляется гораздо более достойным приложением вашего богатства, чем посредничество в распрях между вашими соседями. Однако сейчас уже поздно, и нам придется прервать этот разговор. Надеюсь, к нашей следующей встрече вы все это хорошенько обдумаете и измените ваше мнение.

Когда они вдвоем вышли из школы, мистер Форд нарочно замешкался с замком, чтобы дядя Бен мог, если хотел, еще что-нибудь добавить к своим объяснениям. Но никаких дальнейших объяснений не последовало. Новоиспеченный капиталист Индейцева Ключа глядел на него со своей обычной, немного грустной, немного смущенной улыбкой, разве, может быть, чуть-чуть более широкой, и только сказал:

— Вы ведь понимаете, что это все секрет, мистер Форд.

— Разумеется, — ответил Форд, почти не скрывая раздражения.

— Насчет того, что я вроде как женат.

— Не беспокойтесь, — сухо сказал учитель. — Это не бог весть какая увлекательная тема для разговоров.

Они расстались; дядя Бен, еще глубже, чем всегда, ушедший в свои несерьезные замыслы, устремился туда, где его ждали его богатства, а учитель, проводив его взглядом, исполненным праведного презрения, направил стопы свои в чащу леса, который выходил на спорную межу, разделяющую владения Харрисонов и Маккинстри.

ГЛАВА VIII

Религиозное неприятие, с каким миссис Маккинстри встретила малодушную тягу мужа к цивилизации, не было лишено и подкладки чисто человеческой злобы. Эта сильная, преданная натура, пожертвовавшая своей женственностью ради долга, теперь, когда долг не ставился ни во что, обратилась к давно забытым уловкам, мелким хитростям и слабостям своего пола. Она ревновала мужа к дочери, из-за которой произошли такие перемены в его характере и пошатнулись былые традиции дома. Она с ненавистью относилась ко всему тому, что составляет принадлежность мира женского очарования и что никогда не составляло принадлежности ее собственной семейной жизни. В готовности мужа поступиться дикарской простотой их прежнего уклада она видела лишь уступку ненавистным силам красоты и изящества — этим суетным и пустым выдумкам. До них ли ей было все эти годы, что велась настоящая война за превосходство в среде переселенцев? Они ли принесли победу, все эти оборки, рюшки и побрякушки? Разве в великом исходе через прерии мог быть от них какой-нибудь прок? Разве могли они заменить собою острый глаз, чуткий слух, сильные руки и молчаливую выносливость? Разве они помогали выхаживать больных и перевязывать раненых?

Когда зависть или ревность овладевает сердцем женщины, которой за сорок, в ее распоряжении уже нет

таких средств, как кокетство, стремление затмить соперницу, страсть или трогательная нежность — всего, что делает терпимыми порывы ревности в женщине помоложе. Здесь борьба за первенство заведомо безнадежна, искусство перевоплощения безвозвратно утрачено. От своей загубленной женственности миссис Маккинстри сберегла лишь способность мелко злиться и, страдая, причинять мелкие страдания другим. Замок ее молодости рухнул, обрушилась пиршественная зала и опочивальня, остались лишь темницы и камера пыток; или, если воспользоваться ее собственной метафорой, которую она привела в разговоре со священником, «напрасно некоторые от нее, бесплодной смоковницы, хотят дожидаться яблок да груш».

Методы ее не особенно отличались от тех, что применяют в подобных обстоятельствах ее страждущие сестры. Несчастный Хайрам, «болеющий о скотине», едва ли был особенно утешен и обрадован, слыша от своей супруги, что он сам во всем виноват, нечего было спускать этим угонщикам скота — подлым Харрисонам; растерянность, в которую повергло его известие о новых притязаниях на свою землю, огнюдь не уменьшилась от утверждений жены, что все это происки янки с их «культурной жизнью», перед которой он так позорно пасует. Миссис Маккинстри, с молодых лет сурово, но неутомимо ходившая за больными в семье, теперь сама то и дело оказывалась жертвой каких-то таинственных и неопределенных недугов, требовавших тщательного ухода и устранения всех раздражающих причин. Посещение мистером Маккинстри с Кресси «этой дьявольской свистопляски» вызвало у миссис Маккинстри «озноб»; появление в доме пианолы «Мелодеон» повлекло за собой «внутреннюю сыпь», а «мурашки и паралик» удалось предотвратить только отменой вечеринки, которую затеяла было Кресси. Постоянное недовольство пробудило в ней прежний кочевнический инстинкт, и она стала лелеять житроумные планы дальнейшего переселения. Выяснилось, что от близости реки у нее в крови появились микробы «болотной лихорадки»; со своих молитвенных собраний она приносила туманные известия о том, какие необыкновенно благоприятные условия для скотоводства в предгорье; она воскресила в каждо-

дневных разговорах своих давно усопших миссурийских родственников для уничтожающего сравнения с иными ныне здравствующими; даже некоторые события первых дней ее замужней жизни пошли в ход для той же зловерной цели. Покупка Хайрамом нескольких крахмальных сорочек для торжественных выходов с Кресси напомнила ей о том, что он венчался с ней «в поскони»; и она подчеркнуто выражала свое неудовольствие, появляясь на людях в самой старой одежде, очевидно, полагая своим долгом поддерживать этим способом семейные традиции.

Ее отношение к Кресси было бы, наверное, более определенным, пользуйся она хоть малейшим влиянием на дочь и имей с нею хоть какую-то душевную близость. Но как бы то ни было, она позволила себе вслух сожалеать о разрыве с Сетом Дэвисом, чья семья по крайней мере придерживалась старых, милых ее сердцу обычаев. Здесь ее сразу же заставил замолчать мистер Маккинстри, пояснив, что между ним и отцом Сета уже были сказаны слова, которые понадобилось бы брать назад, так что в согласии с этими же самыми традициями кровь двух семей вернее может пролиться, чем соединиться. Просто ли она воздержалась до поры от попыток примирения, так как не предоставлялось подходящего предлога, будет видно дальше. Покамест она ограничилась тем, что поощряла ухаживание Мастера в туманном расчете на то, что это отвлечет Кресси от учения и нарушит никчемные замыслы Хайрама. Не догадываясь об отношениях своей дочери и Форда и ни о чем не подозревая, она с тупой враждой считала его невольным источником всех своих неприятностей. А так как она ни с кем из соседей не зналась и дома не желала слушать разговоры о триумфах Кресси, ей неизвестно было даже о том памятном вальсе, который вызвал в поселке всеобщее восхищение.

Утром того дня, когда дядя Бен открыл учителю свои хитроумные планы разрешения межевых споров между Харрисонами и Маккинстри, лай рыжего пса оповестил о том, что к ранчо Маккинстри приближается чужой. Этим чужим оказался мистер Стейси, столь же самодовольный и блистательно разодетый, как и в тот раз, когда он впервые засверкал на горизонте малень-

кого Джонни Филджи, и к тому же еще приятно возбужденный ожиданием предстоящей встречи с красивой девушкой, которая танцевала с ним на балу. Он не виделся с нею уже целый месяц, и вот теперь ему пришла счастливая мысль явиться к ней в дом в двойной роли Меркурия и Аполлона.

За Хайрамом Маккинстри послали на ближний выгон, тем временем Кресси занимала галантного гостя. Это было несложно. Одно из очарований Кресси состояло в том, что, пренебрегая обычным девическим простодушием, наигранным или искренним, она, наоборот, отнюдь не скрывала от своих поклонников (исключая, быть может, учителя), что прекрасно видит, как на них действует ее красота. Она хотя бы понимала их страсть, если и не разделяла ее. Для застенчивых деревенских селяноков в этом содержалось на первый взгляд некоторое поощрение, но шло оно им же во вред: скрытые поползновения сразу же становились явными, и обезоруженный герой не мог с честью отступить, но должен был обращаться в позорное бегство.

Прислонившись к дверному косяку и прикрывая ладонью глаза от солнца, которое отвесными лучами заливало ее лениво-грациозную фигуру, Кресси ждала первого выпада противника.

— Я не видел вас целый месяц, мисс Кресси, с того бала, где мы с вами танцевали.

— Надо же, как вам не везло! — Кресси любила с чужими употреблять деревенские обороты речи. — Подумать только, ведь вы вчера два раза прогуливались мимо наших ворот.

— Значит, вы меня заметили? — обескураженно улынулся молодой человек.

— Еще бы! И пес наш вас заметил, и Джо Мастерс, и наш работник. И когда вы обратно вышагивали, то и пес, и Мастерс, и наш работник, и моя мать — все шло за вами следом, а сзади отец с дробовиком. Чуть не на полмили все вместе растянулись. — Она, отведя ладонь от лба, плавным мановением руки указала туда, где должна была проходить эта воображаемая процессия, и рассмеялась.

— Да, вас охраняют основательно, — неуверенно сказал Стейси. — И, глядя на вас, мисс Кресси, — отваж-

но добавил он, — понимаешь, что в этом нет ничего удивительного.

— Что верно, то верно, — со смехом отозвалась Кресси. — У нас говорят, что от «хватунов» я у отца защищена надежно — почти так же, как его межи.

Странной и прихотливой была ее речь, но томная плавность интонаций и нежные, тонкие черты лица с лихвой искупали это. Разговор ее был необычен и живописен, как и ее жесты. Так, во всяком случае, полагал мистер Стейси. Он набрался духу для новой любезности:

— А я, мисс Кресси, как раз прибыл сюда, чтобы как-то договориться с вашим отцом насчет межей его участка. Может, мне и вас удалось бы убедить кое-чем поступиться?

— То есть вы мне предлагаете то же, что и отцу, — парировала его юная собеседница. — Никаких посторонних посягательств, не считая ваших собственных. Благодарю покорно, сэр.

И она, повернувшись на каблучке, сделала ему низкий шуточный реверанс. При этом из-под юбки на мгновение показалась узкая туфелька, и Стейси был окончательно покорен.

— Что ж, это только честный компромисс, — засмеялся он.

— Компромисс — значит кто-то должен уступить. Кто же это? — спросила Кресси.

Очарованный Стейси дошел уж до того, что счел ее реплику почти столь же остроумной, как и его собственные.

— Ха-ха! Это уж как скажет мисс Кресси.

Но его прелестная собеседница снова лениво прислонилась к дверному косяку и, забавляясь, мудро заметила, что это как раз дело посредника.

— Ну что ж. Допустим тогда, что для начала мы откажемся от Сета Дэвиса, а? Как видите, я неплохо информирован, мисс Кресси

— О, вы меня пугаете, — мирно сказала Кресси. — Но он, насколько я понимаю, уже вышел из игры.

— В тот вечер, когда я танцевал с вами, он еще рассчитывал на выигрыш. Глядел волком и готов был меня съесть.

— Бедняга Сет! А ведь он был так разборчив в еде,— вздохнула остроумная Кресси.

Мистер Стейси покатился со смеху.

— Потом имеется мистер Дэбни — дядя Бен,— продолжал он.— Этот тих, но хитер, а? Темная лошадка. Притворяется, будто берет уроки, а все затем, чтобы быть поближе кое к кому, верно? Готов снова стать школьником ради одной школыницы.

— Я, право, боялась бы вас, живи вы в наших местах,— с неподражаемой наивностью призналась Кресси.— Но только вы тогда, наверно, не знали бы так много.

Стейси принял это как комплимент.

— И еще есть Мастерс,— проговорил он многозначительно.

— Неужто Джо? — с тихим смехом подхватила Кресси и выглянула во двор.

— Именно,— подтвердил Стейси, улыбаясь довольно смущенно.— Я вижу, его сбрасывать со счетов не следует? Он что, здесь где-нибудь? — спросил он, пытаясь проследить за ее взглядом.

Но она по-прежнему стояла, отвернувшись.

— Это все? — спросила она, выдержав паузу.

— Н-ну, есть еще этот надутый учитель, который перебил у меня тогда вальс,— мистер Форд.

Будь он совершенно хладнокровным, незаинтересованным наблюдателем, он бы и сбоку заметил, как вздрогнули ее веки и на миг все лицо ее — и глаза, и губы, и ямочки на щеках — словно замерло, как в тот вечер, когда учитель вошел в зал. Но он не был хладнокровным, незаинтересованным наблюдателем, и минутная перемена в ее лице прошла незамеченной. Румянец и обычная томная живость черт вернулись к Кресси, когда она снова посмотрела на своего собеседника.

— А вот и отец приехал. Вы, я полагаю, не против того, чтобы показать мне ваши методы, прежде чем применять их ко мне?

— Разумеется,— ответил Стейси, который был только счастлив заполучить такого прелестного и проницательного свидетеля в лице дочери человека, в обращении с которым он намеревался сейчас блеснуть всем своим тонким дипломатическим искусством.— Пожалуйста, не

уходите. Я не скажу ничего такого, чего не могла бы понять и оценить мисс Кресси.

Бряцание шпор и упавшая тень Маккинстри с его ружьем, как бы отделившая Кресси от ее собеседника, избавили ее от необходимости отвечать. Маккинстри настороженно заглянул в дом, с облегчением удостоверился, что миссис Маккинстри не видно, и даже глубокие следы, оставленные на его смуглом, как у индейца, лице недавней потерей породистого бычка, несколько разгладились. Он бережно поставил дробовик в угол, снял пыльную фетровую шляпу, сложил ее и запихал в один из бездонных карманов своей куртки, подошел к дочери и, нежно положив ей на плечо изувеченную руку, не глядя на Стейси, проговорил:

— Что надо здесь этому человеку, Кресс?

— Пожалуй, лучше будет мне самому ответить,— бойко сказал Стейси.— Я представляю банк «Бенема и К^о», что в Сан-Франциско. Нами приобретен старый испанский титул на земли, частично приходящиеся...

— Обождите! — глухо, но отчетливо произнес Маккинстри. Он вытащил из кармана шляпу, надел ее, отошел в угол и взял свой дробовик, потом впервые посмотрел на Стейси дремучими глазами, как бы сквозь сон оценив всю его легковесную фигуру, затем презрительно поставил ружье обратно и, указав на дверь, проговорил: — Мы потолкуем об этом снаружи. Ты, Кресс, останься, будет мужской разговор.

— погоди, па,— кладя ладонь на отцовский рукав, томно сказала Кресси все с тем же насмешливым выражением лица,— ведь у этого джентльмена знаешь какой конек? Компромисс.

— Какой это? — презрительно спросил Маккинстри, оглядывая двор в поисках мустанга какой-то неслыханной породы, по-своему истолковав незнакомое слово.

— Я просто хотел бы прийти с вами к любовному соглашению,— пояснил Стейси.— Надеюсь, что мы столкнемся. Пожалуйста, я не против, давайте выйдем, но, по-моему, мы и здесь ничуть не хуже можем все обсудить.

Щегольской костюм не сделал из него труса, но все-таки сердце у него заколотилось чаще при мысли о том, с каким опасным человеком он сейчас разговаривает.

— Ну, ваяйте, — сказал Маккинстри.

— Обстоятельства дела таковы, — приободрился Стейси. — Мы продали часть этой земли, приходящуюся как раз на участок, из-за которого у вас спор с Харрисоном. Наша обязанность — ввести покупателя в мирное владение его собственностью. Ну и, чтобы не тратить времени впустую, мы готовы выкупить это право на мирное владение у того, кто может нам его предоставить. По нашим сведениям, это можете вы.

— Ежели прикинуть, что вот уже четыре года как я день и ночь дерусь за него с этими подлыми Харрисонами, то, пожалуй, выходит, вам солгали, — задумчиво сказал Маккинстри. — Да там, не считая того луга, где мой овин, всякая пядь по сто раз из рук в руки переходила; я поставлю столбы — они выдернут. По-настоящему там в моем владении акров пятьдесят, не больше, да и то только благодаря овину, а мне его постройка стоила одного человека, двух лошадей да вот этого мизинца.

— Уступите нам эти пятьдесят акров, и мы уж сами позаботимся взять остальное и отвалить Харрисонов, — мирно продолжал Стейси. — Вы ведь понимаете, стоит только вам мирно впустить нас со своей стороны, и Харрисоны уже становятся узурпаторами; а раз титул наш, шериф и его люди помогут нам против них. По закону.

— По закону? — задумчиво переспросил Маккинстри.

— Ну да. Так что, как видите, мистер Маккинстри, мы отнюдь не притесняем вас, а даже, наоборот, поддерживаем. Мы предлагаем вам хорошую цену за то единственное, что вы можете нам продать, — за фактическое владение. И при этом мы еще берем вашу сторону в вашей старой расправе с Харрисонами. Их мы отгоним да вам же и заплатим за те спорные акры, что они у вас отнимали.

Мистер Маккинстри сонно провел четырехпалой кистью по лбу и глазам, словно страдая от головной боли.

— Так вы, значит, с Харрисонами и говорить не собираетесь?

— Мы вообще не намерены признавать их права в этом деле, — подтвердил Стейси.

— И ничего платить им не будете?

— Ни цента! Так что, видите, мистер Маккинстри,— великодушно заметил он, в то же время заговорщически улыбнувшись Кресси,— в нашей дружеской беседе не было ничего такого, из-за чего потребовалось бы выходить во двор.

— Вы так думаете? — ровным, глухим голосом проговорил Маккинстри, во второй раз поднимая глаза на Стейси: они были мутные, полные усталой настороженности, как у его загнанных породистых бычков.— Но все-таки здесь нет покоя.— Он подошел к двери и вытянул свою злополучную руку.— Выйдем на минутку, если вы не против.

Стейси посмотрел удивленно, пожал плечами и с вызывающим видом шагнул через порог. Кресси все так же медленно и равнодушно подошла к двери.

— А что,— размеренно проговорил Маккинстри, оборачиваясь к Стейси,— что, ежели я откажусь? Ежели я скажу, что не позволю ни человеку, ни банку, ни этому самому компромиссу решать мои споры? Ежели я скажу, что какие они ни подлые, эти Харрисоны, какие ни наглые, им и не снилась такая подлость, низость и дрянь, как в этом вашем компромиссе? Ежели я скажу, что раз ваш хваленый закон и ваша культурная жизнь предлагают мне помой заместо покоя, то, по мне, уж лучше драка, и беспорядки, и шериф со всей его оравой? Что, ежели я так скажу?

— Мой долг будет передать ваши слова, только и всего,— ответил Стейси с наигранным безразличием, плохо скрывающим изумление и досаду.— Я ведь здесь лицо незаинтересованное.

— Разве что,— вмешалась Кресси, снова встав у дверного косяка и разглаживая носком туфельки вытертую медвежьей шкурой, лежащую на крыльце вместо коврика,— разве что тут замешано другое ваше посредничество...

— Какое это другое? — спросил Маккинстри, мрачно сверкнув глазами.

Стейси бросил на девушку негодующий взгляд: она стояла, заложив руки за спину и покорно наклонив красивую головку.

— Да так, па, это пустяки,— со смешком ответила

она.— Шутка одна у нас с этим джентльменом. Ты бы заслушался его, па, как он говорит, если речь не о делах,— так весело, так забавно.

Но все-таки, когда бедный Стейси, пробормотав «до свидания», зашагал к воротам, она разминувшись на пороге с отцом и поспешила вслед за ним. Руки ее были все так же покаянно заложены назад, длинная золотистая коса спускалась по спине чуть не до подолы, придавая ей особенно кроткий, смиренный вид. У ворот она затенила глаза ладонью и поглядела на небо.

— Неудачный выдался денек для посредничества. Наверно, еще время не пришло, да?

— До свидания, мисс Маккинстри.

Она протянула ему руку. Он взял ее с притворной небрежностью, а в действительности опасливо, словно то была бархатная лапка молодой пантеры. Да и в самом деле, кто такая эта девушка, если не детеныш дикого зверя Маккинстри? Он еще легко отделался! Он человек не мстительный, но дело есть дело. Была бы честь предложена.

Кресси смотрела ему вслед, пока фигура его не затерялась в глубине каштановой аллеи. Затем, бросив взгляд на низкое солнце, она поспешила домой и прошла прямо в свою комнату. Из окна она увидела, как отец, снова в седле, уже скачет к камышовым зарослям, словно ища у реки «спокою», которым он пожертвовал ради недавнего разговора. Дальше на луговом склоне пестрели разноцветные пятна — это мальчики и девочки возвращались с уроков. Она торопливо завязала под подбородком ленту детского капора, выскользнула из дома через заднюю дверь и, проворной тенью мелькнув вдоль забора, растаяла в сумраке леса, который тянулся вплоть до северной границы ранчо.

ГЛАВА IX

Между тем миссис Маккинстри, не ведая о внезапном отпадении мужа от культурной жизни и о разговоре, толкнувшем его к прежним, милым ее сердцу обычаям, возвращалась после визита к проповеднику, которому долго досаждала скорбным повествованием о своих оби-

дах. Пройдя луговину, она вступила на лесистый склон, начинающийся на полпути между школой и их ранчо, и увидела впереди на тропе знакомую фигуру Сета Дэвиса. Верная мужниной вражде, она бы гордо прошла мимо, хотя еще недавно высказывала сожаление о расторгнутой помолвке, но Сет неуверенно двинулся ей навстречу. Он издавна узнал высокую костлявую женщину в клетчатой шали и в полаандском чепце, он именно ее дожидался на тропе.

Так как он загородил ей дорогу, она останавливалась и угрожающе поднимала руку. Несмотря на чепец и шаль, в ее грубом облике было какое-то рунтическое величие.

— Слова, которые пришлось бы сказать назад, — быстро проговорила она, — были сказаны между тобой и моим мужем, Сет Дэвис. Прочь же с моей дороги, дай мне пройти.

— Но ведь между мною и вами ничего не было сказано, тетя Рейчел, — упорливо повторил Сет, назвав ее по-домашнему, как привык с детства. — На вас у меня зла нет. Я вам это сейчас докажу. Я не о себе забочусь, ведь у меня с вашими дело кончено, — злобно продолжал он. — Во всей Калифорнии не наберется золота на обручальные кольца мне и Кэссе. Просто я хочу вас надоумить, что вас за нас водят, дурачат и морочат, как маленькую. Пока вы кричите на малолетних собраниях, Хайранг задирается с моим отцом, Джо Мастерс дожидается, чтобы ему бросили кость, а этот прохвост, учитель-янки пубит под шумок вашу дочку.

— Остань это, Сет Дэвис, — сказала миссис Маккинстрид, — или наберись мужества сказать об этом мужчине. Также Хайрангу надо знать, а не мне.

— А что если он и так знает, да только смотрит сквозь пальцы? Если он и не против вовсе и даже рад войти в милость к этим янки? — злобно спросил Сет.

Гнев и уверенность в его правоте вдруг охватили миссис Маккинстрид. Но в этом было больше негодования на мужа, чем беспокойства о дочери. Тем не менее она упрямо сказала:

— Ложь! Где у тебя доказательства?

— Доказательства? — подхватил Сет. — А кто рыщет вокруг школы и ведет с учителями задушевные раз-

говоры? Кто при всем народе сам толкает к нему Кресси? Ваш муж. Кто каждый вечер бегаёт тайком к этой хитрой лисе — учителю? Ваша дочь. Кто прячется вдвоем и сидит в обнимку, так, что впору на шесте прокатить и из поселка вышвырнуть? Ваша дочка с учителем. Доказательства? Да спросите кого хотите. Спросите детей. Да вот вам! Эй, Джонни, поди-ка сюда.

Он обратился к смородиновому кусту у дороги, из которого выглянула кудрявая голова Джонни Филджи. Сей возвращающийся домой юнец с трудом выдрался из куста — вместе с книжками, грифельной доской и ведерком из-под завтрака, до половины наполненным ягодами, такими же незрелыми, как и он сам, — и бочком подошел к ним.

— Вот тебе десять центов, Джонни, купишь конфет, — сказал Сет, пытаюсь изобразить на своем перекошенном от злобы лице нечто вроде улыбки.

Испачканная синим ягодным соком ладошка Джонни немедленно сомкнулась, зажав монету.

— А теперь смотри говори правду. Где Кресси?

— Целуется со своим женихом.

— Умник. А кто же ее жених?

Джонни замаялся. Он однажды видел Кресси с учителем; он слышал, как дети шепчутся, что она и учитель любят друг друга. Но сейчас, глядя на Сета и миссис Маккинстри, он понимал, что взрослые ждут от него не этой чепухи, а чего-то необыкновенного, потрясающего, и, как честный человек с богатым воображением, он намерен был сполна отработать полученные деньги.

— Говори же, Джонни, не бойся.

Джонни не боялся, он просто соображал. Ну, конечно! Он вспомнил, что недавно видел, как из лесу выходил образец всех совершенств — великолепный мистер Стейси. Что может быть поэтичнее и красочнее, чем соединить его с Кресси? И он с готовностью ответил:

— Мистер Стейси. Подарил ей часики и кольцо из чистого золота. Скоро свадьба. В Сакраменто.

— Живой пащенок! — Сет схватил его за плечи. Но миссис Маккинстри вмешалась.

— Пусти мальчишку, — сказала она, сверкнув глазами. — Я хочу с тобой поговорить.

Сет отпустил Джонни.

— Это все подстроено, — буркнул он. — Форд его научил так ответить.

Но Джонни, очутившись под защитой смородины, решил попробовать еще разок, уже без выдумок.

— Я и не то еще знаю! — крикнул он.

— Поди ты, щенок золотушный! — грозно рявкнул Сет.

— На спорный участок поехал шериф Бригс, и с ним народу и лошадей—тьма-тьмушая,—скороговоркой, чтобы не успели перебить, выпалил Джонни.—Я сам видел. Мор Харрисон говорит, его отец выгонит Хайрама Маккинстри. Ур-ра!

Миссис Маккинстри резко обернулась к Сету.

— Что такое он плетет?

— Детская болтовня,—грубо ответил он, встречая ее взгляд.—А даже если это и правда, будет Хайраму по заслугам.

Подозрение мелькнуло у нее в уме. Она схватила Сета за плечо.

— Прочь с моей дороги, Сет Дэвис! — сказала она, спихивая его с тропы.—Если это твои подлые происки, ты еще за них заплатишь.

Она шагнула туда, где за кустом притаился Джонни, но при виде приближающейся высокой костлявой женщины со свирепым лицом малыш улизнул в чащу. Мгновение она простояла в нерешительности, затем неопределенным жестом погрозила Сету и быстро зашагала по тропе.

Миссис Маккинстри не так доверялась словам ребенка, как молчаливому злорадству Дэвиса. Если действительно затевалась какая-то подлость, кто-кто, а уж Сет, оскорбленный неверностью Кресси и разуверившийся в заступничестве родителей, непременно будет об этом знать. А Хайрам, небось, размечтался о своей культурной жизни и ничего не подозревает. Об эту пору он со своими людьми гонит скотину на водопой в камыши. Стало быть, ей самой надо поспешить к северной меже.

Она спустилась по склону, заросшему сикоморами и тополями, и очутилась на краю луговины, которая и составляла спорный участок. Что бы ни говорил о нем презрительный Стейси, на самом деле этот театр воен-

ных действий, стычек и кровопролитий казался по иронии природы на редкость идиллическим и мирным уголком. По весне на покатых брустверах у подножия склона колыхалась лупиновая лазурь, расцвеченная звездами луговых лилий. Наискось через луг по излучине высыхающего ручья тянулся цепочкой ольшаник, летом от ручья оставалась только одна мелкая заводь, отсвечивавшая неизменной блеклой синевой. Здесь никто еще не пробовал пахать — здесь колыхалось бурное, пестрое море пышных трав, дикой горчицы, овсюга, и высокие волны могли с головой поглотить всадника в зеленой душиной глубине. Даже следы людской распри — вырванные из земли вежи, поваленные заборы, ямы — скрывало это травяное море.

Посреди луга, неподалеку от ручья, виднелся овин Хайрама Маккинстри — единственное здесь сооружение человека, хотя грубо сколоченные, распираемые, рассевшиеся его бока, низкие, топорщащиеся соломой стрехи — приют бесчисленных ласточек — делали и его похожим на некий уродливый вырост на этой плодороднейшей из почв. Миссис Маккинстри смотрела на него с беспокойством, но вокруг не заметно было никакого движения, ни малейших признаков жизни; овин стоял, как всегда, заброшенный и пустой. Она перевела взгляд правее, на ту сторону ручья, — там в травяном море заметно было легкое равномерное колыхание и по зеленой поверхности волн словно змеилось неторопливое течение из двигавшихся гуськом к ольшанику фетровых шляп. Сомнений больше не было: к границе приближался противник.

Внезапно сзади раздался торопливый стук копыт, прозвучал окрик; миссис Маккинстри с облегчением вздохнула и едва успела сойти с тропы — мимо нее галопом пронесся вниз по склону ее муж со своими людьми. Но он мог бы и не кричать ей на скаку: «Харрисоны нас продали!» — она и так уже поняла, что наступил решающий час.

С замирающим сердцем смотрела она, как всадники рассыпались по лугу и развернутым строем поскакали к ольшанику; ей заметно было, как замешкались, дрогнули те перед непредвиденной атакой. Тут она вспомнила про овин — он мог стать для ее мужчин опорным

пунктом, настоящим бастионом, откуда противнику нелегко будет их выбить. Там и оружие припрятано в сене для такого случая. Она побежит туда, закроет распахнутые ворота, а если понадобится, сумеет их надежно загородить.

И она побежала, прячась за кустами, ныряя в высокие травы, чтобы ее не заметили на лугу, пока она не очутится за овином. Она сбросила на бегу клетчатую шаль, цеплявшуюся за стебли, коричневый голландский чепец упал с головы и болтался на лентах, жесткие с проседью волосы развевались у нее за спиной, точно сивая грива, а лицо и ладони были в кровь изрезаны травой и покрыты слоем белесой пыли. Но она бежала со всех ног, бежала, будто загнанный зверь, вниз, цепляясь за стебли, спотыкаясь, едва не падая, и, наконец, обессиленная, задыхающаяся, выбежала на луг позади овина.

Но что за перемена! Она сама не верила, что сейчас только бежала по склону, и яростный возглас мужа звенел у нее в ушах, и перед глазами бешено мчались вниз всадники. Здесь ее ограждали округлые кроны ольшаника, и в их серебристом облаке словно растаяла безумная кавалькада. Ничто не тревожило мирную красоту раскинувшегося вокруг луга, уходящего вдаль, к сонным силаэтам холмов. По самые стрехи засыпанный овин, распираемый соломой, бесформенный, словно весь топорищающийся перьями; легкое трепетание крыл и ласковый щебет ласточек и сенок, мелькнувшая тень кружащейся над крышей вороны; сонная песня пчел в желтых цветах полевой горчицы, увившей его стены; чуть слышное журчание ключа по соседству — одного из тех некогда излюбленных индейцами водоемов, что дали название местности; все это вместе на какое-то мгновение тронуло сердце гневной, суровой женщины, которую с юных лет ничто не могло растрогать. Она испытала на миг сладостный покой и умиротворение зрелости, которых не знала прежде; но вместе с ними пришло сознание, что у нее хотят вырвать эту благодать, и кровь ее снова вскипела. Она тревожно прислушалась — выстрелов не было; значит, еще оставалось время, чтобы приготовить овин к обороне. Она обежала его и взялась за щеколду притворенных ворот. В этот миг внутри раздал-

ся не то смех, не то возглас, торопливое шуршание юбок, и, распахнув створки ворот, она успела только заметить, как легкая женская фигурка выскользнула вон через заднее окно. В косых лучах света, один среди тенистого сумрака, перед ней стоял учитель Джон Форд.

Смушение и замешательство из-за прерванного свидания, окрасившее поначалу щеки Форда, сменилось тревогой, когда он увидел кровь на лице миссис Маккинстри и ее растрепанные волосы. Она заметила это. Но в представлении этой обезумевшей женщины то было только лишним доказательством его вины. Не говоря ни слова, она сдвинула за собой тяжелые створки и наложила засов. И только тогда повернулась к нему, обтирая лицо и руки изорванным чепцом, и напомнила ему этим их первую встречу.

— Это Кресс была с вами? — промолвила она.

Он молчал, не сводя с нее встревоженного взгляда.

— Не лгите.

Он вскинул голову.

— Не собираюсь, — гордо ответил он. — Это...

— Я не спрашиваю, сколько это продолжается, — сказала она, указывая на шляпку Кресси, разбросанные книги и рассыпанные по сну полевые цветы. — Не спрашиваю и знать не хочу. Через пять минут либо ее отец будет здесь, либо эти собаки Харрисоны набегут всей сворой — вступать во владение. Если это, — она снова презрительно махнула рукой в сторону раскиданных цветов, — означает, что вы решили быть с нами заодно и делить наши беды наравне с радостями, то можете вытаскивать вон там из-под сена ружье и помочь нам защищаться. А если у вас другое было на уме, то спрячьтесь в сено и подождите, пока Хайрам сможет заняться вами.

— А если я не сделаю ни того, ни другого? — высокомерно спросил он.

Она поглядела на него с невыразимым презрением.

— Вон окно — можете вылезти, покуда я его не заперла. Встретите Хайрама, скажете, что бросили старую женщину одну защищать овин, в котором вы любезничали с ее дочерью.

Прежде чем он нашелся, что ответить, грянул выстрел и почти сразу же следом — еще один. Раздражен-

но махнув рукой, Форд поспешил к окну, обернулся, посмотрел на нее и, заложив ставни перекладной, возвратился туда, где стояла миссис Маккинстри.

— Где это ружье? — спросил он почти грубо.

— Вот то-то, — сказала она, разворошив сено, из-под которого выступил длинный обернутый брезентом ящик. В нем оказался порох, дробь и два ружья. Он взял одно.

— Полагаю, я вправе знать, за что сражаюсь? — сухо спросил он.

— Можете сказать, что за Кресс, если они, — она указала в ту сторону, откуда раздавались выстрелы, — станут вас спрашивать. А сейчас можете подняться наверх и поглядеть, что происходит, — так же сдержанно проговорила она.

Не мешкая, он вскарабкался под стропила, радуясь возможности избавиться от этой женщины, которую сейчас просто ненавидел. В своей неразмышляющей любви к Кресси он старался не думать о взаимоотношениях с ее матерью, и теперь мать указала ему на неизбежность этих взаимоотношений столь неприятным способом, что даже сама сграсть к дочери оказалась под угрозой. Он думал только о нелепости, бессмысленности и совершенной безвыходности положения, в которое попал. У него даже мелькнула мысль о шальной пуле, которая могла бы в завязавшейся схватке положить конец его нелепому положению и освободить его от ответственности. Оказаться запертым в овине с этой грозной фурней и вместе с нею принимать участие в незаконной защите чьих-то сомнительных прав, сознавая к тому же, что втянут в это из-за собственной столь же сомнительной страсти, о которой ей все известно, — право, тут смерть казалась единственным способом избежать объяснений, которых он все равно не мог бы дать. И ко всему еще примешивалось горькое сознание, что Кресси не оценит его жертвы, что она, быть может, в эту самую минуту радуется безвыходности положения, в которое она его поставила.

Внезапно он услышал крик и стук копыт. Стены овина были обшиты досками неплотно, и в зазоры Форд, оставаясь невидимым снаружи, мог наблюдать за тем, что происходило на лугу вплоть до самого ольшаника. Слева показались пять человек и со всех ног бро-

сились к овину. Одновременно справа из-за деревьев вырвался Маккинстри со своими людьми и поскакал наперерез. Но они, хоть и верхами, были значительно дальше и достигли задней стены лишь в ту минуту, когда Харрисон и его сторонники в недоумении остановились перед заложенными воротами обычно не запирающегося овина. Замешательство противника вызвало злорадные крики людей Маккинстри, впрочем, тоже повергнутых в недоумение. В том, кто возглавлял Харрисонов, Форд успел узнать туолумнского шерифа. Только этого, пожалуй, еще не хватало, чтобы довершить его несчастья. Итак, теперь он уже не беззаконный защитник чужой собственности от столь же беззаконных посягательств,— он оказывает сопротивление самому закону. Он догадывался, в чем дело. Разумеется, это дядя Бен натворил глупостей и вызвал теперешнее столкновение.

Между тем противники взвели курки, хотя овин по-прежнему разделял их. Один из приспешников Маккинстри прокрался в зарослях полевой горчицы и занял удобную позицию на фланге у Харрисонов, которые приготовились ломать ворота. Его обнаружили, раздался предостерегающий возглас, и Харрисоны отошли. Последовала пауза, а затем началась обычная гомерическая перебранка, с тою лишь особенностью, что здесь, на Западе, она была хитроумно рассчитана на то, чтобы спровоцировать противника открыть огонь.

— Что же вы не колошматите ворота, вы, ублюдки? Они ведь вам сдачи не дадут!

— Он боится, что щеколда выстрелит!

Смех со стороны Маккинстри.

— Да ты покажись из травы, суслик вонючий!

— Где ему! Он душу в пятки обронил, найти не может.

Издевательский хохот Харрисонов.

Каждый дожидался того единственного выстрела, который должен был развязать перестрелку. Даже в своем беззаконии они подчинялись примитивным правилам дуэли. Подчинялся им и представитель закона, сознавая их преимущества в подобной ситуации, но он не решался начать атаку на ворота овина и, выз-

вав огонь Маккинстри, пожертвовать одним из своих людей. Будучи человеком храбрым, он бы сам рискнул выйти первым, но, как человек благоразумный, отлично понимал, что без него его наскоро собранная команда сразу же обратится к диким приемам борьбы и не будет даже ни одного незаинтересованного свидетеля, который подтвердил бы потом перед обществом законность и справедливость его действий. Понимал это и учитель и лишь потому не поддался первому побуждению выступить в роли примирителя и посредника между воюющими сторонами. Вся его надежда была на поддержку миссис Маккинстри и на терпение шерифа. Но в следующее мгновение и то и другое повисло на волоске.

— Ну что же вы, боитесь подойти к овину? — язвительно спросил Дик Маккинстри. — Или вы думаете, там кто прячется?

— Я вам скажу, кто там прячется, — раздался хриплый, сдавленный яростью голос с холма. — Там Кресси Маккинстри и учитель прячутся в сене.

И Харрисоны и Маккинстри обернулись на голос — никто не заметил, как его обладатель появился у овина. Но в следующую минуту они испытали еще большее потрясение, ибо в ответ из глубины овина прозвучали слова миссис Маккинстри:

— Ты лжешь, Сет Дэвис!

Шериф не успел даже обрадоваться появлению свидетеля, как уже это благоприятное обстоятельство было обесценено, потому что в овине неожиданно-негаданно оказалась миссис Маккинстри. Нет, положительно его преследовал злой рок! Женщина ввязывается в драку, да к тому же еще пожилая! Силой выдворить из овина белую женщину — этого неписанный рыцарский кодекс Юго-Запада категорически не допускал.

— Осади назад, — мрачно приказал он своим людям. — Назад, и пусть этот овин катится к дьяволу. Но тебе, Хайрам Маккинстри, я даю пять минут на то, чтобы оторваться от бабьего подола и убраться отсюда подобра-поздорову!

Он совершенно рассвирепел из-за собственной минутной слабости, считая себя жертвой гнусного обмана.

Снова, казалось, в воздухе нависла угроза первого выстрела, и снова наступила отсрочка — ибо из-за овина, побрякивая шпорами и держа дробовик в руке, вышел, шагая во весь рост на виду у противника, Хайрам Маккинстри.

— Насчет того, чтобы мне через пять минут отсюда убраться,— сонным, равнодушным голосом начал он,— это еще видно будет, как выйдет срок. Но вот сейчас были тут сказаны слова между моей женой и Сетом Дэвисом. И прежде всего прочего ему придется взять свои слова обратно. Моя жена сказала, что он лжет. Я тоже говорю, что он лжет. И я готов подтвердить это.

Правило, по которому на личное оскорбление отвечают прежде всего, существовало на Юго-Западе слишком давно, чтобы можно было на это что-нибудь возразить. Враждующие стороны стояли молча, и все глаза устремились туда, где только что находился Сет Дэвис. Но он исчез. Куда же он делся?

Когда миссис Маккинстри выкрикнула из глубины овина свое яростное опровержение, он воспользовался всеобщим замешательством, подпрыгнув, ухватился за торчащий из-под стрехи пук сена и, подтянувшись, вскарабкался под крышу. И в эту самую минуту против него на осыпающейся куче зерна появился учитель. Ненавидящие взгляды их встретились, но прежде чем Сет успел издать хоть звук, учитель, выпустив ружье, схватил его за шею и свободной рукой сунул ему прямо в тяжело дышащий разинутый рот горсть мягкого пыльного сена. Завязалась яростная немая борьба; сено, по которому они катались, заглушало все звуки и скрывало их от тех, кто был снаружи, но потревоженное влезавшим Сетом и разворошенное дракой, оно начало слой за слоем оползать из-под крыши и сыпаться на землю. Учитель тоже стал съезжать вместе с Сетом, толкая перед собой своего врага. Осатаневший миссуриец разгадал его замысел и сделал отчаянную попытку вырваться; ему удалось подогнуть колено и упереться им в грудь Форда. Учитель, не понимая, чего добивается противник, крепко зажал его согнутую ногу и так позволил Сету беспрепятственно вытащить из-за голенища длинный охотничий нож. Он понял свою ошибку, только когда

Сет, дернувшись, закинул над головой руку, замахиваясь ножом. Он услышал, как сталь со свистом, словно серп, режет сено, и рывком навалился на руку, занесшую нож. Этот рывок спас его. Освобожденное тело Сета быстро понеслось с сеном наружу и вниз, на мгновение повисло, так как учитель еще держал сжимавшую нож руку, потом сорвалось. Насыпавшееся кругом сено смягчило бы удар, но, падая, Сет головой задел за что-то твердое, стоящее у стены, и, не вскрикнув, замертво навзничь упал на землю.

Все это произошло так быстро и так бесшумно, что вызов Маккинстри оказался обращенным уже к бесчувственному телу, которое тут же, у всех на глазах, было погребено все еще сыпавшимся сверху сеном. Его бросились поднимать — перед ними была лишь гора сухих трав, вероятно, обрушившаяся из-под крыши от неосторожного движения осажденной в овине миссис Маккинстри; даже она сама не подозревала о смертельной схватке, происходившей у нее над головой.

Учитель с трудом поднялся под крышей во весь рост, задыхающийся и полуослепший от пыли, кровь оглушительно стучала у него в висках, но голова его была ясна и душа исполнена воинственного торжества. Не зная истинных размеров одержанной над Сетом победы, он поспешил подобрать в сене дробовик, проверил затвор и стал ждать нового нападения. «Он хотел меня убить, — твердил он себе, — он убил бы меня, если бы сумел. Если он полезет опять, я убью его». Ему не приходило в голову, что в этом нет логики и что такие мысли противоречат всем его принципам. Очевидно, даже самый миролюбивый человек, если ему случится взглянуть в глаза смерти, лицом к лицу столкнувшись с врагом, готовым его убить, по какому-то странному парадоксу перестает так высоко ценить жизнь — свою и врага, — как ценил прежде. Но Форд не услышал ни звука. Ожидание бесило его; он уже не боялся первого выстрела, он в нетерпении призывал его. Что они делают там внизу? Готовятся на него напасть во главе с Сетом?

Он прислушался и различил отдаленные возгласы и глухой, тяжелый конский топот. Он вдруг с испугом и

яростью подумал, что это, должно быть, люди Маккинстри удирают, потерпев поражение, и этим испугом, этой яростью впервые отождествил себя с ними. Но звуки приближались, и можно уже было разобрать, что кричат:

— Эй-эй! Пойдите там! Шериф!

Это был голос агента Стейси.

В ответ раздался невнятный ропот. Между тем приказ подхватил другой голос, слабый, не геройский, знакомый:

— Приказываю прекратить это! Слышите?

Издавательский смех был ему ответом: голос принадлежал дяде Бену.

— Не суйтесь. Здесь не до шуток! — грозно сказал шериф.

— Он в своем праве, шериф Бригс, — торопливо проговорил Стейси. — Вы здесь защищаете его интересы. Это его земля.

— Что? Этого вот Бена Дэбни?

— Ну да. Он и есть Добиньи, который купил у нас титул на землю.

На минуту стало тихо, затем внизу заговорили.

— А это все означает, ребята, — перекрывая всех, раздался благодушный голос дяди Бена, — что этот молодой человек, хоть он, конечно, желал добра и порядка, все же немного поторопился и слишком круто загнул, что пригласил шерифа. У нас с вами тут шерифу делать нечего. И решать наши с вами дела надо не казенными бумагами и не дробовиками. Такое дело требуется обмозговать сообща, по-дружески, за стаканом виски. Ежели кому какой вред был причинен, ежели пострадал кто, шерифу будет порицание, а я все возьму. Вы ведь знаете меня, ребята. Это я, Бен Дэбни, или же Добиньи, как кому больше нравится.

Снова стало тихо, но страсти еще, как видно, не улеглись. Тишину нарушили саркастические слова Дика Маккинстри:

— Что ж, ежели Харрисоны не в обиде, что их луг потоптали несколько белых джентльменов...

— За это шерифу будет порицание, — поспешил вмешаться дядя Бен.

— И сжали Дик Маккинстри не в обиде, что у него штаны порвались, пока он ползком по траве пробирался...

— И это уладим, ребята! — весело ввернул дядя Бен.

— А кто уладит вот это? — прогремел голос старшего Харрисона, который споткнулся обо что-то, перебираясь через напáдавшее сверху сено. — Здесь в сене лежит Сет Дэвис с проломленной головой. За это кто будет расплачиваться?

Все бросились туда, где стоял Харрисон. Послышались возгласы.

— Чья это работа? — грозным, официальным тоном спросил шериф.

Учитель безотчетно издал восклицание, прыгнул на пол овина и готов уже был растворить ворота и с вызовом объявиться перед всеми, но миссис Маккинстри, бросив один быстрый взгляд на его исполненное решимости лицо, встала у него на пути, властным жестом веля ему хранить молчание. Ее голос отчетливо прозвучал из глубины овина:

— Если вы про подлого пса, что пытался сюда пролезть, можете отнести его на мой счет!

ГЛАВА X

На следующий же день по всему взбудораженному поселку распространилась весть, что на злосчастной северной меже едва не разыгралась серьезная стычка, которую предотвратило вмешательство дяди Бена, выступившего не только в роли миротворца, но и в качестве того самого мистера Добиньи — законного собственника этого участка. Рассказывали с веселым смехом, что «старая мэм Маккинстри» безо всякой помощи, одна обороняла овин от Харрисонов с товарищами и всей бесстрашной команды туолумнского шерифа — одни говорили: вилами, другие: помелом, третьи: ведром с помоями, но дело обошлось только несерьезным ранением головы, которое получил Сет Дэвис, попытавшийся забраться под крышу овина и сброшенный оттуда отважной миссис Маккинстри

и вышеупомянутым помелом. Жители Индейцева Ключа единодушно приветствовали приобретение спорной земли их скромным согражданином, усматривая в этом победу местных сил над непрошеными чужаками.

Однако о том, что в сражении принимал участие учитель, известно не было, не знали даже, что он там присутствовал. Послушный миссис Маккинстри, он просидел на верху овина, пока все не разошлось, унеся с собой бесчувственного Сета. Он попробовал было возражать ей, ссылаясь на то, что Сет, придя в себя, все равно расскажет, как было дело в действительности, но миссис Маккинстри мрачно усмехнулась в ответ:

— Когда он узнает, что вы там были со мной, то предпочтет, я думаю, признать меня своей победительницей, а не вас. Я не говорю, что он это так и оставит и не попытается с вами поговорить, но только он не будет никому рассказывать, что и как. Хотя, конечно, — еще мрачнее прибавила она, — если вы не против открыть все как есть, как вы здесь очутились и что Сет на самом деле не солгал про вас, то я вам препятствовать не буду.

Учитель промолчал.

И действительно, два дня прошло, а, судя по всему, Сет хранил полное молчание. Однако мистер Форд был решительно недоволен таким исходом. Его отношения с Кресси были известны ее матери, и хотя она и не обмолвилась о них больше ни словом, теперь, несомненно, следовало ожидать, что она все сообщит мужу. Однако со странной смесью обиды и облегчения он замечал, что к своему открытию, раз воспользовавшись им по-своему, миссис Маккинстри относится с полным пренебрежением. Другое дело — сам Маккинстри с его слепой, упорной привязанностью к дочери — от него такого равнодушия ждать не приходилось. Наоборот, у Форда сложилось впечатление, хотя вдумываться ему не хотелось, что отец благосклонно отнесся бы к его женитьбе на Кресси, ибо свелось бы все именно к этому. И снова он поневоле вынужден был задуматься над смыслом и возможным исходом своих отношений с Кресси. Свободно, бездумно, но по сию пору невинно предаваясь своему увлечению, он за все время ни

разу не заговорил о браке. Не заводила об этом разговора и она, подумалось ему теперь, и он снова испытал странное смешанное чувство обиды и облегчения. Быть может, ее останавливали суеверные мысли о несостоявшемся браке с Сетом Дэвисом. Но ведь с учителем она даже не обменялась обычными клятвами вечной верности. Как ни удивительно, во время считанных тайных свиданий между влюбленными не было речи о будущем, они не строили радужных планов совместной жизни, как это свойственно их возрасту и их неопытности. Они жили только блаженным настоящим и не заглядывали дальше следующей встречи. В их внезапно вспыхнувшем взаимном увлечении забываясь не только вчерашний, но и завтрашний день.

Такие мысли донимали его назавтра вопреки влиянию мирной, успокоительной тишины, которая воцарялась обычно в опустевшей школе и которую так ценили Хайрам Маккинстри и дядя Бен. Дядя Бен в обычный час не явился на урок; вероятно, теперь, когда об его богатстве стало известно, он оказался в центре всеобщего внимания и не смог улизнуть незаметно; учитель был один, если не считать кратковременных визитов негодующих соек, камнем падавших прямо с неба в поисках крошек, оставшихся от детских завтраков, и выражавших свои воровские намерения хриплой бранью. Форду было жаль, что он не мог повидаться с дядей Беном и узнать от него подробности вчерашней схватки, а также его дальнейшие намерения. С того часа, как он вышел из овина и под покровом темноты добрался до гостиницы, он не слышал ничего, кроме самых неопределенных толков, а сам избегал задавать вопросы.

К тому, что Кресси не окажется на уроках, он был вполне подготовлен, более того, в его теперешнем смятенном состоянии духа ее присутствие только стеснило бы его. Но ему вдруг пришла в голову обидная мысль о том, что, так легко бросив его на произвол судьбы в решительную минуту, она за все это время не сделала ни одной попытки узнать, чем кончилось объяснение с ее матерью. Что, по ее представлениям, могло произойти между ним и миссис Маккинстри? Не-

ужели она ожидала, что ее мать все примет как должное и примирится с Фордом? Не потому ли она и отнеслась так спокойно к появлению матери, словно была уже всеми признанной его невестой? А может быть, она на это именно и рассчитывала? Может быть, она... Он одернул себя; лицо его горело от гнева, но и от стыда за себя, допустившего эти низкие подозрения.

Он открыл ящик своего стола и, машинально перебирая бумаги, вдруг с неудовольствием заметил, что букетик Кресси, теперь уже завядший и высохший, оказался рядом с таинственными письмами, к которым он так часто обращался в прошлом. С горькой усмешкой отделил он пачку писем, потом сделал попытку перечитать их, словно снова пробуя возродить ушедшие, забывшиеся связи. Но строки не в силах были даже удержать его блуждающую мысль и скрыть от его внимания одно маленькое, но странное происшествие. Низкое солнце за соснами уже по своему обыкновению развешивало гирлянды теней на стене против окна. Вдруг тень сгустилась, выросла. Учитель быстро обернулся: у него было четкое ощущение, что кто-то стоит позади него за окном. Он никого не увидел. Но ощущение было таким определенным, что он прошел к двери и спустился с крыльца, чтобы посмотреть, кто это был. Вырубка вокруг школы была пуста, в ближних кустах что-то прошуршало, но не было видно ни души. И все-таки прежний покой одиночества и защищенности от всего мира, нарушенный еще признаниями Маккинстри, покинул лесной храм науки. Учитель в сердцах закрыл свой ящик, повернул ключ в замке и отправился домой.

Путь вел под гору через сосняк к старым работкам, но сегодня, подчиняясь какому-то неосознанному движению души, он повернул вправо и пошел по горе. Не пройдя далеко, он увидел впереди на тропе поджидавшего его Руперта Филджи, а чуть в сторонке и маленького Джонни. При виде любимых учеников Форд почувствовал укоры совести, ибо в последнее время он совершенно забросил этих мальчиков, оттого ли, что надменное презрение Руперта к женскому полу перестало его забавлять, или неотступная прони-

цательность Джонни причиняла ему по временам неудобства. Теперь он убыстрил шаги им навстречу и ласково, как в былые дни, положил руку Руперту на плечо. К его удивлению, мальчик казался смущенным, он в замешательстве оглянулся на младшего брата. Форда вдруг осенило:

— Это вы меня сейчас искали возле школы?

— Нет, сэр.

— Вы не заглядывали в окно, чтобы узнать, в классе ли я?

— Нет, сэр.

Учитель посмотрел в лицо Руперту. Правдивость была неотъемлемой чертой его дерзкого нрава, хотя от нее, по горестному наблюдению Руперта, ему же всегда хуже было.

— Ну что ж,— сказал учитель, полностью убежденный.— Должно быть, мне помешалось. Я воображал, что кто-то заглядывал в школьное окно.

Тут Джонни неожиданно бросился на брата и стал колотить его коленом, выкрикивая что-то непонятное и протестующее. В ответ Руперт только проговорил спокойным голосом: «Будет, Джонни, я же сказал, что не стану, и все»,— и привычным движением отодрал брата, словно щелка, от своих штанин.

— В чем дело, Джонни?— спросил учитель, которому тоже не впервой было наблюдать такую сцену.

Вместо ответа Джонни снова вцепился в колено брата.

— Видите ли, сэр,— сказал Руперт, и насмешливые ямочки заиграли у него на щеках,— Джонни вот хочет сообщить вам кое-что. Если бы он не был первейший, несправимый, самодовольный враль на весь Индейцев Ключ, если бы он, еще с утра, лежа в постели, не сочинял небывлицы на целый день вперед, я бы тогда не против был и раньше вам рассказать. Но раз уж вы спрашиваете, раз вам показалось, что кто-то крутился возле школы, я скажу. Джонни уверяет меня, что за вами шпионит Сет Дэвис. Для того он меня сюда и притащил, чтобы я сам посмотрел, как он всюду, куда вы ни пойдете, вокруг рыщет.

— С кинжалом и с пистолетами,— добавила необузданная фантазия Джонни.

Мистер Форд перевел с меньшого на старшего испытующий взгляд, не столько поверив такому сообщению, сколько заподозрив, что братьям известно об его участии в последней стычке Харрисонов и Маккинстри.

— А ты, Руперт, что об этом думаешь? — спросил он словно невзначай.

— Я думаю, сэр, — ответил Руперт, — если допустить, что Джонни на этот раз не сочиняет, то, может быть, Сет подкарауливает Кресси Маккинстри, ну, и раз она все время бежит за вами... — он осекся, густо покраснел и, поняв, что роковая правдивость толкнула его на прямую бестактность, торопливо заключил: — Он, наверно, ревнует к дяде Бену, ведь дядя Бен теперь достаточно богат, чтобы жениться на Кресси, а Сет знает, что он каждый день приходит в школу, так что вполне может быть...

— И вовсе нет! — прервал его Джонни. — Сет вон там за школой ходит, а Кресси сидит в кондитерской с дядей Беном и ест мороженое.

— Так ведь Сет может не знать об этом, глупый, — возразил Руперт. Затем вежливо договорил: — По-моему, так оно и есть. Сет видел, как дядя Бен любезничает с Кресси, и подумал, что они теперь придут сюда вместе. Ведь правильно?

Но учитель ничего правильного во всем этом не усмотрел. Он понял только, что девушка, два дня назад так легкомысленно покинувшая его в крайне неловком положении наедине с ее матерью, девушка, втянувшая его в дикую междоусобицу, быть может, на погибель его карьере и собственному доброму имени, эта девушка сейчас преспокойно угощалась мороженым в обществе одного из своих поклонников, нисколько не беспокоясь о том, что было. Мысль как будто бы и нелогичная, но крайне неприятная, тем более, что не только в красивых глазах Руперта, но и в круглых глазах маленького Джонни ему виделось смущенное, чуть опасливое, но несомненное сочувствие.

— По-моему, Джонни говорит, что думает. Верно, Джонни? — улыбнулся он притворно веселой улыбкой. — Но я считаю, что пока еще нет необходимости вязать Сета Дэвиса по рукам и по ногам. Расскажи мне

о себе, Руп. Надеюсь, дядя Бен, разбогатеv, не надумал сменить учителя?

— Нет, сэр,— ответил Руперт, просветлев.— Он обещал взять меня с собою в Сакраменто личным секретарем или там поверенным, если...— он снова замялся, что было так на него не похоже,— если дела сложатся так, как он задумал.— Он смущенно замолчал, и блеск в его карих глазах погас.— Вполне может быть, мистер Форд, что он просто морочит меня... и себя тоже.

И Руперт вопрошающе заглянул в глаза учителю.

— Н-не знаю,— неуверенно сказал учитель, вспоминая, как дядя Бен восторжествовал над его недоверием.— По крайней мере до сих пор он не выказал себя ни дураком, ни пустым бахвалом. По-моему, перед тобой открывается блестящее будущее, мой мальчик. Желаю тебе успеха.— Он ласково и привычно взъерошил одной рукой кудри Руперта, все еще видя приметы непогоды в его карих глазах.— Ну, бегите-ка домой, мальчики, и не беспокойтесь обо мне.

С этими словами он повернулся, но не прошел и дюжины шагов, как почувствовал, что кто-то тянет его сзади за полу. Это был малютка Джонни.

— Они идут домой этой дорогой,— доверительно и хрипло прошептал мальчик, приподнимаясь на цыпочки.

— Кто?

— Кресси и он.

Но не успел еще учитель как-то отозваться на это радостное, по мнению Джонни, известие, как тот уже снова был рядом с братом. Мальчики махали ему вслед все с тем же робким невысказанным сочувствием, и он сам не знал, улыбнуться им в ответ или нахмуриться. Потом он зашагал дальше. Но, подойдя к перекрестку, от которого прямая дорога вела вниз в поселок, он неизвестно почему, почувствовав, что ему ни с кем не хочется встречаться, свернул и пошел кружным путем через лес.

Низкое солнце пронизывало сосняк длинными отлогими лучами, разливая среди колоннады прямых стволов золотистое предвечернее марево, а густые переплетенные вершины деревьев оставались в тени. Учитель шел в золотых сумерках, нога неслышно

ступала по мягкому ковру сосновых игл, и чудилось ему, будто все это не явь, а сон. Кругом стояло безмолвие, только дятел негромко, с перебоями постукивал в вышине, да вдруг дремотно каркнет, устраиваясь на ночлег, какая-нибудь птаха; никаких следов людского поселения, никаких признаков близости человека! Вот почему Форду стало слегка не по себе, когда в воздухе вдруг прозвучало его имя, словно его чуть слышно окликнула лесная нимфа. Он резко обернулся — это была Кресси, она бежала за ним! Но в том, как она бежала, высоко подобрав белые юбки, пригнув голову на гибкой шейке, а за ней летели две длинные косы, освобожденные от шляпки, которая болталась на лентах у нее на локте, во всем ее облике было столько от преследующей путника менады, что в первое мгновение он вздрогнул.

Он остановился; она налетела на него и с легким смехом, обхватив его шею руками, повисла, запыхавшись, у него на груди. Чуть отдышавшись, она медленно проговорила:

— Я припустила за тобой как раз, когда ты свернул на перекрестке, но ты успел так далеко уйти, пока я отвязывалась от дяди Бена, что мне пришлось нестись сломя голову. — Она замолчала и, зажав ладонями его нахмуренное лицо, пригнула его вровень со своими синими влажными очами и спросила: — Ты меня не целуешь? Что случилось?

— Тебе не кажется, что это я должен у тебя спросить, что случилось, поскольку мы не виделись с тобой три дня и ты покинула меня в довольно неприятном положении с глазу на глаз с твоей матерью? — спросил он холодно. Фразу эту он составил заранее, но прозвучала она жалко и беспомощно.

— Верно, — чистосердечно усмехнулась она и снова прижалась щекой к его груди. — Понимаешь, светик, — это было одно из ласкательных прозвищ, которыми она его награждала, — я потому как раз и надумала денька на два притаиться. Ну, так как же, — она развязала и снова повязала на нем галстук. — Как же ты вернулся?

— Ты что же, хочешь сказать, что твоя мать тебе ничего не говорила? — возмущенно спросил он.

— А с чего бы она стала говорить? — лениво отозвалась Кресси. — Она о таких делах со мной не разговаривает, голубь.

— И ты ничего не знаешь?

Кресси покачала головой, взяла одну свою косу, обвила вокруг его шеи, конец протянула ему, а когда он решительно отвел голову, сама зажала в зубах.

Даже если она ни о чем не знала, это еще не извиняло ее равнодушия. Учитель, сознавая всю негероичность своего положения, продолжал в прежнем саркастическом тоне:

— Дозволительно мне поинтересоваться, что, по-твоему, должно было произойти, после того как ты бросила меня одного с твоей матерью?

— Я считала, что ты сможешь наврать ей не хуже прочих, светик, — убежденно сказала Кресси. — А раз ты у меня такой талантливый, ты ей преподнесешь что-нибудь новенькое и интересное. У меня вон вовсе нет воображения, я и то позаботилась кое о чем на случай, если меня отец станет допрашивать. Заставила этого зазнайку Мастерса поклясться, если пойдут разговоры, что это он был со мной в овине. Я б тогда сказала отцу, что ты только вошел перед тем, как заглянула мать, и я шмыгнула в окошко вслед за Мастерсом. Но, конечно, — добавила она, крепче обнимая его за шею, когда он сделал попытку отстраниться, — я Мастерсу не стала объяснять, для чего мне нужно, чтобы он это сказал, и не говорила, что там был ты.

— Кресси, — проговорил Форд, раздраженный сверх всякой меры, — ты что, с ума сошла? Или ты, может быть, думаешь, что я сумасшедший?

Лицо девушки исказилось. Она испуганно заглянула ему в глаза, затем обвела настороженным взглядом темнеющие галереи леса.

— Если мы с тобой должны ссориться, Джек, — сказала она тревожно, — то хотя бы не на людях.

— Господи, да что ты говоришь? — Он возмущенно проследил за ее взглядом.

— Я говорю, — повторила она, с брезгливой безнадержностью передернув плечами, — если... если и у нас все будет, как у других, то пусть это хотя бы останется между нами.

Он поглядел на нее в совершенном замешательстве. Возможно ли, что ее больше беспокоит, как бы не узнали об их размовке, а не об их любви?

— Идем,— проговорила она нежно, все еще с опаской озираясь через плечо,— иди сюда! Нам будет удобнее разговаривать внизу. Это здесь рядом.

И так, обвив его шею своей косой, она повлекла его с тропинки. Рядом находилось одно из тех неожиданных углублений в почве, которые образуются, когда, подмытое подземным ключом, валится большое дерево и вместе с его корнями отрывается верхний пласт земли. Туда, ниже уровня устланного иглами лесного пола, затащила его Кресси и, усадив на обомшелый корень, с детским кокетством расправив юбки, удобно уселась ему на колени, обвив его шею вдобавок к своей косе еще и рукой.

— Ну вот, теперь послушай меня и не шуми на весь лес,— сказала она, поворачивая ладонями его лицо к себе.— Так чем же ты недоволен, мой черненький?— Надо иметь в виду, что ее ласкательные словечки были негритянские, они сохранились у нее от младенчества, от няньки-рабыни, от товарищей детских игр.

Неумолимый учитель холодно перечислил ей еще раз все свои обиды, помянул и ее непонятное равнодушие и еще более непонятную дружбу с посторонними людьми и кончил подробным рассказом о разговоре с ее матерью, о своем вынужденном участии в обороне овина, о выказанном вслух обвинении Сета и об их отчаянной безмолвной схватке под крышей. Но если он рассчитывал, что эту дочь дикого Юго-Запада взволнует повесть о том, как ее возлюбленный оказался втянут в одну из местных усобиц, если он надеялся услышать от нее похвалу своей доблести, то он жестоко ошибся. Она по собственному почину сняла руку с его плеч и распутала косу, сложила руки и скрестила ножки, сидя у него на коленях в томной и сокрушенной позе.

— Мать не должна была этого делать, а тебе надо было прыгать через окошко вслед за мной,— промолвила она со вздохом.— Драка — это не по твоей части, это занятие для таких, как они. Теперь Сет поклевывается с тобой.

— Как-нибудь уж я о себе позабочусь, — заносчиво произнес учитель. Однако он с неудовольствием чувствовал, что гибкий грациозный груз у него на коленях почему-то мешает ему играть роль героя.

— Сету тебя поколотить — что плюнуть, голубь, — сказала Кресси, простодушно и задумчиво; и когда он тут же попробовал вскочить, прибавила: — не ершишь, миленький. Ну конечно, ты бы скорее дал убить себя, чем признал их силу. Но ведь это и есть их главный козырь, это ведь их профессия! Другого-то они ничего не умеют! Потому-то ты на них и не похож, потому ты и не такой, как они, темные. Потому-то ты — мой, потому-то я и люблю тебя!

И повиснув всей тяжестью у него на плечах, она заставила его снова опуститься на обомшелый корень. Руки ее опять сомкнулись вокруг его шеи, лицо приблизилось к его лицу. Краска сбежала с ее щек, глаза расширились, в них снова появилось восхищенное, властно-ликующее выражение, как в тот вечер на балу. Губы ее чуть приоткрылись, и она зашептала словно про себя:

— Что нам с тобою до всех этих людей? Что нам ревность Сета, глупость Мастерса или дяди Бена, ссоры и драки моего отца и матери? Какое нам дело, что они думают, чего хотят, к чему ведут, чего не желают? Мы с тобой любим друг друга, мы принадлежим друг другу, и они нам ни помешать, ни помочь не могут. Так вышло с самого того дня, как мы увидели друг друга, и с того времени ни мать, ни отец, ни Сет, ни Мастерс, ни даже ты и я ничего уже не можем поделать. Это и есть настоящая любовь; не то, что трусливая злоба Сета, или трусливое зазнайство Мастерса, или трусливая дурость дяди Бена, — а только одна любовь. Потому-то я и разрешала Сету беситься сколько хочет, дяде Бену топтаться попусту, и Мастерсу дурачиться, а зачем? Чтобы они не мешали мне и моему мальчику. Они были довольны, и мы были счастливы...

Он понимал, что все это неубедительно, туманно, но страстная, совершенная искренность ее речей поколебала его.

— Но чем все это кончится, Кресси? — спросил он дрогнувшим голосом.

Выражение углубленной сосредоточенности покинуло ее взгляд, на щеки вернулся румянец.

— Чем кончится, красавчик? — повторила она лениво. — Ты что, жениться на мне собрался?

Он покраснел, смешался и сказал: «Да» — хотя недавние колебания и теперешние сомнения были ясно видны на его лице и слышны в голосе.

— Нет, милый, — проговорила она спокойно, наклонившись вперед, снимая с ноги туфельку и вытряхивая из нее песок и сосновые иголки. — Нет! Я пока что недостаточно образованна, чтобы быть тебе женой, и ты это знаешь. Я не сумела бы вести как следует твой дом, а без этого тебе не по средствам было бы держать меня. И потом, тогда все стало бы известно, и это уже не были бы только мы с тобой вдвоем, по секрету от всех людей. И помолвки у нас с тобой быть не может — слишком вышло бы похоже на то, что у меня уже было с Сетом. Вот так-то обстоят дела, красавчик, ведь ты и вправду городской красавчик, а такие, как ты, не женятся на деревенских девушках с Юга, у которых после войны даже завалящего негра нету в доме! Нет, — заключила она, вдруг выпрямившись и вскинув свою гордую головку, так что Форду, едва оправившемуся от изумления, уловка с вытряхиванием туфельки показалась вполне убедительной, — нет, милый друг, мы ведь с тобой с самого начала оба это понимали, верно? А теперь, светик, мне пора уходить. Скажи мне что-нибудь хорошее на прощание. Скажи, что ты меня любишь, как раньше. Расскажи, какое у тебя было чувство в ту ночь на балу, когда ты впервые понял, что мы любим друг друга. Но постой... сначала поцелуй меня... вот так... еще раз... до гроба.

ГЛАВА XI

Когда дядя Бен, или «Бенджамин Добиньи, эсквайр», как о нем уж привыкли читать на страницах «Звезды», проводил до дому мисс Кресси Маккинстри, оказав ей впервые с тех пор, как он сделался всем известным богачом, ряд знаков внимания и благоволения, он некоторое время оставался в состоянии смятенного

улыбчивого идиотизма. Правда, их встреча была случайной, правда и то, что Кресси принимала его комплименты, лениво посмеиваясь прямо ему в лицо; правда, она покинула его на опушке с такой резкой внезапностью, которая всякому кавалеру, не отличающемуся бесконечным добродушием дяди Бена, показалась бы довольно грубой, — все это не затмило его сияющей блаженной улыбки. Возможно даже, что, полагая свои робкие авансы чересчур дерзкими и откровенными, он отнес неожиданное бегство Кресси за счет ее девической скромности, отчего значительно возросло его восхищение ею, так же, как и его уверенность в себе. В тумане своего счастья и в сгущающихся сумерках он налетел на ель, как и тогда, когда шел рядом с Кресси, в замешательстве извинился перед деревом, как извинялся перед нею, и даже назвал ее имя. Так, бредя куда глаза глядят, он, к величайшему своему удивлению и смущению, очутился, сам не зная как, на вырубке перед школой.

— Подумать только, мисс... — начал он, но внезапно осекся. Из школы донесся какой-то звук, будто треснула доска. Должно быть, учитель в классе. Он пойдет и потолкует с ним, если там больше никого нет.

Дядя Бен подошел к окну, заглянул внутрь, и блаженная рассеянность сразу же слетела с него. Неслышными шагами пробрался он к двери, толкнул, затем, навалившись на нее мощным плечом, сорвал замок. Навстречу ему из-за взломанного учительского стола, испуганный, но взбешенный, поднялся Сет Дэвис. Он едва успел спрятать что-то себе в карман и задвинуть ящик, как дядя Бен очутился прямо перед ним.

— Что, интересно, могло тебе здесь понадобиться, Сет Дэвис? — проговорил он медленно и тихо, что в здешних местах не сулило ничего доброго.

— А вам что могло здесь понадобиться, мистер Бен Дэбни? — нагло отозвался Сет Дэвис.

— А вот что, — решительно сказал дядя Бен, загораживая проход между партами, — я, правда, не собираюсь тут действовать вместо шерифа, но думаю, мое дело позаботиться о том, чтобы собственность людей была

под надежной защитой, — и он многозначительно посмотрел на взломанный ящик стола.

— Бен Дэбни, — злобно ощерился Сет, — пусти, я с тобой не ссорился!

— Тогда отдай мне, что ты там взял из учительского стола, потом мы потолкуем, — сказал дядя Бен, надвигааясь на Сета.

— Говорю тебе, я с тобой не ссорился, дядя Бен, — со зловещей усмешкой ответил Сет, пятясь. — Ты вот рассуждаешь насчет защиты чужой собственности, а лучше бы, чем нападать на человека, который тебе помогает, позаботился защитить свою, — во всяком случае, ту, что хотел бы считать своей. У меня тут есть доказательства, что этот подлый янки-учитель, в которого по уши влюбилась Кресси Маккинстри, а старый Хайрам с женой так и толкают ее к нему в лапы, что он, собака, на самом деле обманщик и негодяй, наглый соблазнитель...

— Молчать! — произнес дядя Бен голосом, от которого задребезжало стекло в ветхой оконной раме.

Он приблизился к Сету Дэвису, но уже не своей обычной неуверенной осторожной поступью, а тяжелыми шагами, сотрясавшими все школьное здание. Одного прикосновения его могучей руки к груди Сета было довольно, чтобы усадить юнца обратно на учительский стул. Его обычно румяное лицо сделалось серым, как сумерки за стеной, грозная фигура разрослась чуть не до потолка, загородила окна. Но в следующее мгновение он непонятным образом сник, одна тяжелая ладонь, чуть дрожа, легла на стол, другой он в замешательстве привычно утер губы.

— Что ты такое сказал про Кресси? — спросил он.

— Да что все говорят, — ответил перепуганный Сет, обретая трусливую самоуверенность перед лицом искреннего волнения противника. — Что всякому щенку известно, который здесь под его началом сидит и видит их вместе. Ты бы тоже знал, не заморочь тебя они с Рупом Филджи. Пока ты тут топчешься, чтобы взгляд один кинуть, как она из школы пойдет, будто королева, а он-то помалкивает да над тобой же и смеется, и Рупа приставил караулить тебя, будто бы уроки тебе давать,

а сам любезничает с Кресси, целуется да обнимается с нею по кустам да по овинам. И ты же еще хочешь поругаться со мною!

Он задохнулся, замолчал, ядовито глядя в серое лицо дяди Бена. Но тот только поднял в неловком предостерегающем жесте свою тяжелую руку, неуверенно и бесшумно, как раньше, отошел к двери, затворил ее и вернулся к Сету.

— Ты ведь через окно сюда влез, Сет? — с притворным безразличием спросил он. — Ногу перекинул, раз-два, и здесь?

— Неважно, как я сюда влез, Бен Дэбни, — злобно ответил Сет, чья наглость возрастала по мере того, как его противник обнаруживал свою слабость. — Важно, что я здесь и добыл все, за чем лез, понятно? Пока все это тянется, пока старый дурак Маккинстри и его дуражена мирятся с тем, что видят, и на все закрывают глаза, да радуются, какой у их дочери светский кавалер, этот светский кавалер — чтоб ему! — водит их за нос, понял? Этот ваш чистоплюй-учитель содержит во Фриско замужнюю женщину, хотя и крутит здесь всю с Кресси. И у меня есть бумаги, чтобы это доказать! — хохотнув, он похлопал себя по нагрудному карману и придвинул лицо чуть не к самому лицу дяди Бена.

— Ты, стало быть, углядел, что они здесь хранятся, и взломал замок? — спросил дядя Бен, сосредоточенно разглядывая в темноте сломанный ящик, будто во всем, что произошло, именно это было самым главным.

Сет кивнул.

— Будь уверен. Я только сегодня видел через окно, как он их тут один перебирает, ну я и решил раздобыть их, хоть бы мне пришлось сломать ему шею или вот этот стол. Так и сделал! — Сет торжествующе хмыкнул.

— Да, так и сделал, это точно, — медленно с притворным восхищением повторил дядя Бен, проводя ладонью по разломанной доске. — И ты думаешь, Сет, что разоблачишь его и этим расстроишь, если что там у них есть между ним и... мисс Маккинстри? — продолжал он с выстраданной официальностью.

— Думаю, если этот старый дурак Маккинстри не подстрелит его, у нас в Индейцевом Ключе хва-

тит белых мужчин, чтобы протащить на шесте этого чванливого пса и лицемера и вышвырнуть вон из поселка.

— Та-ак, — задумчиво проговорил дядя Бен, по-прежнему больше поглощенный взломанным ящиком, а не словами Сета. — Но все это должно быть сделано, как я понимаю, самым что ни на есть тонким способом, и, я думаю, Сет, всего лучше будет, если ты отдашь эти бумаги мне.

— Тебе? Еще чего! — огрызнулся Сет, озираясь со злобной подозрительностью. — Ну уж нет!

— Сет, — дядя Бен тяжело облокотился на стол и заговорил с расстановкой, мучительно подбирая слова, — когда ты завел речь на эту вот тему, ты упомянул о моих вроде как бы преимущественных правах и интересах в отношении этой особы и сказал еще, что я вроде недостаточно эти свои права защищаю, так? Вот мне и думается, что поскольку это истинная правда, те бумаги должны быть в моих руках. Ведь сам ты с дорожки сошел и прав на эту молодую девицу никаких не имеешь, а просто действовал по своей свободной злой воле. А дело это, как я уже сказал, должно быть сделано самым что ни на есть тонким способом, и уж если воспользоваться этими бумагами, так с большим умом, так что уж, Сет, если не возражаешь, мне придется тебя вроде как... побеспокоить...

Сет вскочил, метнул взгляд на дверь, но дядя Бен уже снова поднялся перед ним во весь рост, и опять показалось, будто его мощный торс грозно заполнил собой все помещение, и половицы ходуном заходили под тяжелыми ступнями. Могучая длань простерлась над Сетом. В ту же минуту у Сета мелькнула мысль, что, переложив на дядю Бена миссию разоблачения и мести, он тем самым разделит с ним и ответственность за кражу. Это преимущество показалось ему более реальным, чем некоторая опасность, что дядя Бен смалодушничает и вернет бумаги учителю. Да и тогда Сет смог бы распустить слух, что видел их у дяди Бена, который будто бы выкрал их в припадке ревности, — и это прозвучит тем более убедительно, что дядя Бен, как всем известно, хорошо знает, где и что лежит в школе, а кроме того, как человек с положением, может теперь иметь в отношении

Кресси самые серьезные намерения. С притворной неохотой Сет сунул руку в карман.

— Конечно, если ты думаешь рассчитаться с ними сам,— протянул он,— мне ведь теперь до Кресси дела нет, так что, пожалуй, и улики надо иметь тебе. Только, смотри, не отдавай бумаги этому псу, не то он тут же выправит тебе ордер на арест за кражу со взломом. Больше-то ему нечем крыть. Я бы перво-наперво показал их ей, а? И если она вправду родная дочь старой мэм Маккинстри, уж она ему задаст жару.

И Сет протянул письма возвышавшемуся перед ним грозному истукану, который сразу же вновь обратился в обыкновенного смертного и неуверенным голосом произнес:

— Ты, Сет, знаешь, теперь давай гони отсюда, а я останусь, чтобы все наладить и прибрать, дверь почию и стол к завтрашнему утру. Лучше будет, чтобы он не мог заметить все с первого взгляда и не поднял шума, что его ограбили.

Сету такое предложение пришлось по душе. Он даже протянул в темноте руку. Но встретил только пустоту. Пожав плечами и буркнув что-то невнятное на прощание, он ощупью пробрался к двери и исчез. Несколько мгновений можно было думать, что дядя Бен тоже покинул школу, — такая глубокая, такая полная тишина воцарилась там. Но когда глаз привык к темноте, из сумрака проступила серая густая тень и оказалась громоздкой фигурой дяди Бена за учительским столом. Позднее, когда вышла луна и заглянула в окно, она застала его в той же позе, в какой его увидел учитель в день, когда начались их уроки, — он сидел, низко склонившись над столом, и на лице его, как и тогда, было детское выражение замешательства и старания. Так он сидел довольно долго, нелепый, совсем не похожий на героя, довольно бестолковый, смешной, но упорный в следовании своей неясной, настойчивой мысли. Потом поднялся и при лунном свете, заливающим учительский стол, приступил к починке сломанного замка, умело орудуя большим складным ножом и заскорузлыми пальцами рабочего. Вскоре он начал насвистывать, сперва еще принужденно и урывками, то и дело снова погружаясь в задумчивое молчание. Починив ящик, он приладил на мес-

то дверной замок, который сорвал, чтобы попасть внутрь.

Покончив с работой, он тихо закрыл дверь, спустился с крыльца и остановился посреди вырубки, щедро залитой лунным светом. Засовывая нож в карман, он нащупал и вынул оттуда пачку писем, которая была передана ему в темноте класса. Первый же взгляд на исписанные листы заставил его вздрогнуть. Не спуская глаз со строчек, он стал пятиться к крыльцу, не глядя, опустился на ступеньку и развернул одно письмо. Прочесть он его не пытался, а просто вертел листы как неграмотный, в поисках подписи. Обнаружив ее, он пришел в окончательное замешательство. Застыв, сидел он на крыльце и только однажды переменял позу — подтянул штанины, раздвинул колени и, аккуратно разложив на земле между своими ступнями листы письма, стал разглядывать их сверху в свете луны с глубоким недоумением. Так прошло по меньшей мере десять минут; наконец со сладким совершенным облегчением он встал, сложил и спрятал в карман письмо и зашагал в поселок.

Войдя в пестинишу, он завернул в бар, где посетителей в это время почти не было, и заказал себе виски. В ответ на вопрошающий взгляд бармена — ибо дядя Бен пил редко и только за компанию — он пояснил:

— Слышал, что неразбавленное виски неплохо помогает от простуды.

Бармен по этому поводу заметил, что, согласно его собственному многолетнему лекарскому опыту, в таких случаях желаемое действие оказывает скорее пиво с добавлением приличной дозы джина; впрочем, по всему было видно, что, как бывалый виночерпий, он относился к дяде Бену без всякого уважения.

— Минстер Форд здесь не показывался? — с нарочитым безразличием спросил дядя Бен.

Бармен, — все еще не спускавший со своего клиента презрительного ока, в то время как руки его, скрытые под прилавком, были заняты перемыванием стаканов, так что казалось, будто он делает кому-то тайные знаки, — в этот вечер учителя не видел.

Дядя Бен вышел из бара и медленно поднялся по лестнице к комнате учителя. Некоторое время помешкав

на площадке, вызывая недоумение всей гостиницы, слышавшей его тяжкие шаги по ступеням, он дважды робко стукнул в дверь, и это прозвучало забавным контрастом его могучей поступи. Дверь сразу же отворилась.

— А, это вы,— коротко сказал Форд.— Входите.

Дядя Бен вошел, очевидно, не заметив довольно негостеприимного тона учителя.

— Я самый,— подтвердил он.— В баре вас не было, вот я и заглянул. Может, выпьем, а?

Учитель изумленно посмотрел на дядю Бена, который в рассеянности не вытер еще даже виски с губ и поэтому источал спиртной запах сильнее, чем иной заправский пьяница. С легкой усмешкой он позвонил, чтобы принесли желаемое питье. Ну, конечно, его гость, подобно столь многим в его положении, не устоял перед собственной удачей.

— Я хотел вас видеть, мистер Форд,— проговорил между тем дядя Бен, усаживаясь без приглашения на стул, а шляпу после некоторого колебания оставив на полу за дверью,— относительно того, что я вам как-то рассказывал про свою жену. Вы, может, запомнили.

— Нет, я помню,— ответил учитель, сдаваясь.

— Это было в тот самый день, когда дурень Стейси наслал шерифа с Харрисонами на овин Маккинстри.

— Продолжайте! — буркнул учитель, у которого были свои причины не желать, чтобы ему напоминали об этом случае.

— У вас еще тогда не было времени выслушать меня до конца: вы торопились по какому-то делу,— продолжал дядя Бен неторопливо и задумчиво,— и вы...

— Да, да, помню,— раздраженно прервал его учитель.— И право же, если вы будете и сейчас так тянуть, я буду вынужден опять вас оставить, не дослушав.

— Вот тогда я как раз и признался вам,— гнул свое дядя Бен, словно не слыша,— что оставил жену в Миссури и понятия не имею, где она теперь.

— Именно,— резко сказал учитель.— И я еще сказал вам, что ваш неотъемлемый долг — найти ее.

— Правильно,— кивнул удовлетворенно дядя Бен,— самые те слова и есть, только чуть построже были сказаны, ежели мне память не изменяет. Так вот, у меня теперь появилась одна мысль.

Учитель придал своему лицу заинтересованное выражение, но дядя Бен продолжал все тем же вялым, медлительным тоном.

— Я напал на эту мысль, вроде бы сказать, на тропе, как в школу идти. Там, под кустом, письма раскрытые валялись, они мне и подали ее. Я их подобрал и принес сюда.

Одной рукой он не спеша вынул из кармана пачку писем, а другой придвинул стул, на котором сидел, поближе к учителю. Но учитель, сверкнув негодующим взглядом, поднялся и протянул руку.

— Это мои письма, Дэбни,— строго проговорил он.— Они украдены из моего стола. Кто посмел их взять?

Но дядя Бен будто случайно выдвинул локоть и загородил от учителя добычу Сета.

— Так, значит, все правильно? — сказал он спокойно.— Я принес их сюда, потому что думал, не помогут ли они найти мою жену. Потому как эти письма писаны ее рукой. Помните, я говорил вам, что она женщина образованная?

Учитель, онемевший и без кровинки в лице, повалился на стул. Дико, невероятно, немыслимо прозвучало это известие, и все-таки он инстинктивно чувствовал, что это правда.

— Сам я их разобрать не мог, вы знаете. Другого никого просить, чтобы прочитали мне, не хотел, вам понятно, почему. Вот и решил побеспокоить вас, мистер Форд, как друга.

Учитель отчаянным усилием вернул себе дар речи.

— Это невозможно. Дама, которая их писала, не носит вашего имени. Более того,— прибавил он быстро и непоследовательно,— она совершенно свободна и даже собирается замуж, как вы могли бы здесь прочитать. Вы глубоко заблуждаетесь, почерк, может быть, и похож, но все-таки это не почерк вашей жены.

Дядя Бен медленно покачал головой.

— Ее почерк, тут никакой ошибки быть не может. Когда человек столько времени разглядывал ее письма ко всяким знакомым, так сказать, со стороны, мистер Форд, мало вероятности, что он ошибется. Другое дело, когда замечаешь только смысл, ведь те же слова всякая могла бы написать. А что она не мою фамилию носит,

это ничего не значит. Ежели, к примеру, она развод получила, то должна была взять свою старую девичью фамилию, своих родителей то есть. И, стало быть, она все-таки развелась со мной. Так как же она, значит, назвала себя, когда писала это?

Учитель сразу оценил открывшиеся ему возможности и воспользовался ими весьма успешно, ответив с рыцарственным негодованием, восхитившим даже его самого:

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос! Я не намерен допускать, чтобы имя дамы, оказавшей мне честь своим доверием, было втянуто в это скандальное преступление, совершенное против меня лично и против человеческой порядочности. Вор и негодяй — кто бы он ни был — должен будет ответить мне ввиду отсутствия здесь ее законного покровителя.

Дядя Бен взирал на героя этого ослепительного каскада банальностей с нескрываемым восхищением. Он торжественно протянул ему руку.

— Вашу руку, мистер Форд! Если бы нужно было еще одно доказательство, что это письма моей жены, ваша эта речь разрешила бы последние сомнения. Потому что уж кто-кто, а она страсть как любила, когда говорили словно по писаному. Потому у нас с ней и не ладилось, потому я и задал стрекача, что не по моей это части. Тут с малолетства натаска должна быть. Чтобы так шпарить, надо «Хрестоматию» (часть четвертая) знать как свои пять пальцев. А я вот воспитан на Добелле и вам не ровня, да и ей тоже. Ну, а ежели согласиться, что вам и в самом деле не пристало называть ее имя, — я-то ведь могу его назвать? Скажем, к примеру: Лу Прайс?

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы! — быстро проговорил учитель, заметно изменившийся в лице при этом имени. — Я решительно не согласен дальше говорить на эту тему, пока не будут раскрыты все эти загадочные обстоятельства, пока я не буду знать, кто и с какой целью посмел совершить этот неслыханный поступок: взломать мой стол и посягнуть на мое имущество. И я требую, чтобы эти письма были возвращены мне сию же минуту.

Ни слова не говоря, дядя Бен вложил всю пачку учителю в руки, вызвав легкое замешательство и даже

некоторое неудовольствие последнего, отнюдь не уменьшившееся, когда дядя Бен покровительственно опустил ему ладонь на плечо и с наивной серьезностью пояснил:

— Ваша правда, коли уж вы взяли это на себя и коли Лу Прайс ко мне теперь касательства не имеет, ее письма должны быть у вас. Ну, а насчет того, кто мог их у вас выкрасть, то вы не замечали, чтобы кто-нибудь шпионил за вами последнее время?

В ту же минуту воспоминание о фигуре Сета Дэвиса в школьном окне и о предостережении Руперта Филджи мелькнуло в уме Форда. Очень возможно, что Сет ожидал найти у него письма Кресси и вышвырнул эти, не прочтя, когда обнаружил свою ошибку. Ибо если бы он их прочитал, он бы оставил их, конечно, у себя и показал Кресси. Путанные чувства, пробудившиеся в груди учителя, когда ему стало известно об отношении той, кто писала ему эти письма, к дяде Бену, теперь вылились в жгучую ненависть к Сету. Но прежде чем карать его, следовало удостовериться, что содержание писем ему неизвестно. Форд повернулся к дяде Бену:

— Да, у меня есть кое-какие подозрения, но, чтобы я мог проверить их, я вынужден вас просить пока никому ничего не рассказывать.

Дядя Бен кивнул.

— А когда вы все выясните и во всем уверитесь и надумаете, что теперь вам можно и для меня навести ясность насчет этой самой Лу Прайс, как мы с вами условились ее называть,— точно ли она со мною развелась честь по чести и правда ли, что она снова замуж собирается,— вы тогда мне дадите знать, как другу. А сейчас, я думаю, я больше вас беспокоить не буду, если, конечно, вы не захотите еще выпить со мною в баре. Нет? Ну, тогда до свидания.— Он медленно двинулся к двери, но, уже держась за ручку, обернулся и добавил:— Если будете еще писать ей, черкните, что я, мол, жив-здоров и выгляжу хорошо, чего и ей желаю. Ну, прощайте.

Он исчез, оставив учителя во власти самых противоречивых и, надо признать, не слишком героических эмоций. Вся эта история, имевшая такое драматическое начало, вдруг сделалась попросту смешной, не утратив при этом своей неприятной сложности. Он сознавал, что очу-

тился в роли, еще более нелепой, чем законный муж, чье непобедимое наивное добродушие жалило его, как самая ядовитая издевка. Он уже чуть было не выпалил в ярости, что между ним и той, кто писала эти письма, навсегда все кончено, но вовремя спохватился, что это никак не вязалось бы с его ролью благородного рыцаря, и благополучно избежал этой новой глупости. Ненависть к Сету Дэвису была единственным оставшимся у него искренним и последовательным чувством, но теперь, после ухода дяди Бена, и в ней обнаружилось что-то надуманное. Форду понадобилось искусственно распалять в себе злобу мыслями о том, что ведь письма и в самом деле могли быть от Кресси и оказались бы запятнаны грязным прикосновением этого негодяя. Быть может, тот даже прочитал их и нарочно швырнул у дороги, чтобы любой мог подобрать. Учитель медленно перебирал страницы, гадая, что мог вычитать в них посторонний человек. Взгляд его задержался на первом листке:

«Я была бы несправедлива к Вам, Джек, вздумай я выражать сомнение в Ваших чувствах ко мне, в их искренности и в Вашей вере в их постоянство, но так же несправедливо было бы с моей стороны умолчать о том, что в Вашем возрасте, я это знаю, человек способен обманывать себя и — сам того не желая — других. Вы признаетесь, что еще не решили, какое занятие в жизни избрать, и Вы постоянно, милый Джек, надеетесь на какие-то новые благоприятные перемены. Неужели же Вы полагаете, что вещи гораздо более важные, чем Ваша карьера, останутся все это время неизменны? Если бы между нами и дальше все оставалось, как сейчас, мне, которая старше и опытнее Вас, еще довелось бы, кто знает, испытать горечь, видя, как Вы переменитесь ко мне — как я в свое время переменялась к другому. Если бы я была уверена, что всегда смогу идти вровень с Вашими мечтами, с Вашими новыми надеждами, если бы я всегда точно знала, каковы они, Ваши мечты и надежды, — мы еще могли бы с Вами быть счастливы. Но я в этом вовсе не уверена и не могу второй раз рисковать счастьем моей жизни. Принимая мое теперешнее решение, я не ищу счастья, но по крайней мере я знаю, что не буду страдать от разочарования и не принесу страданий другому. Признаюсь, я уже в том возрасте, когда жен-

щина начинает по-настоящему ценить то, что особенно необходимо ей в этих краях: надежность своего положения в настоящем и будущем. Есть человек, который может дать мне это. И хотя Вы, быть может, сочтете мой подход эгоистическим, я уверена, что скоро — если уже не теперь, когда Вы читаете эти строки, — Вы поймете правильность моего решения и поблагодарите меня за то, что я его приняла».

С презрительной усмешкой, выражающей, как ему хотелось верить, горечь доверчивой, обманутой души, он разорвал это письмо, забыв, что вот уже много недель даже не вспоминал о той, которая его прислала, и что в своих поступках он уже давно предвосхитил и подтвердил ее правоту.

ГЛАВА XII

На следующее утро учитель проснулся хотя и после беспокойно проведенной ночи, однако же с той душевной ясностью, которая, боюсь, чаще дается молодостью и безупречным здоровьем, нежели твердыми принципами и спокойной совестью. Он убедил себя, что как единственная пострадавшая во вчерашнем происшествии сторона только он и может думать об отмщении, а под умиротворяющим влиянием раннего завтрака и свежего утреннего воздуха он даже к Сегу Дэвису стал относиться не так сурово. Во всяком случае, прежде всего следует еще раз взвесить все улики против Сета и тщательно осмотреть место происшествия. С этой целью он отправился в школу на добрый час раньше обычного. Он был настроен настолько легкомысленно, что сумел даже оценить комизм собственного двусмысленного положения, не говоря уже о положении дяди Бена, и под своды сосняка на склоне холма вступил с мягкой улыбкой на устах. Что ж, его счастье, если он не предчувствовал того, что должно было произойти днем, как ничего не подозревали только что пробудившиеся птицы в лесу, разрезавшие сонный воздух первыми сабельными ударами крыльев. Один зяблик, которому предопределено было пойти на завтрак прожорливому ястребу, пока еще лениво висящему в вышине над рекой, разливался от избытка радости такими беспричинно

восторженными руладами, что учитель, слушая эту глупую птицу, не удержался и тоже принялся насвистывать. Впрочем, он тут же смущенно осекся. Потому что впереди на тропе вдруг показалась Кресси.

Она, очевидно, поджидала его. Но всегдашняя ее томная самоуверенность исчезла. Усталые складки наметились в уголках сжатого рта, тени легли на виски под золотистыми колечками волос. Всегда такой ровный, твердый взгляд стал тревожным, она опасливо оглянулась через плечо, прежде чем пойти ему навстречу. Он смутился, сам не зная почему, хотя и догадываясь в глубине души, и, озабоченный лишь тем, как бы не выдать своего смущения, даже не поздоровавшись, выпалил:

— Вчера произошла возмутительная вещь. Я вышел так рано, чтобы найти виновника. Взломан мой стол и...

— Я знаю,— перебила она, сделав нетерпеливый, неловкий жест своей маленькой ручкой.— Пожалуйста, не надо больше об этом. Мать с отцом весь вечер меня донимали, с самого того часу, как Харрисоны прибежали, принесли эту новость— не терпелось им к отцу подольститься. Надоело!

Учитель растерялся. Что именно она успела узнать? Он неопределенно заметил:

— Но ведь это могли бы оказаться твои письма.

— Но оказались не мои,— просто сказала она.— Хотя должны были быть мои. Тогда бы другое дело.— Она опять замолчала и как-то странно на него поглядела.— Ну,— медленно проговорила она,— что ты теперь собираешься делать?

— Выясню, кто этот негодяй,— твердо ответил он,— и покараю по заслугам.

Она чуть заметно дернула плечом, и взгляд ее выразил усталость и сострадание.

— Нет,— серьезно сказала она.— Это невозможно. Их слишком много. Ты должен уехать, и немедленно.

— Никогда!— возмущенно произнес он.— Это было бы не только трусостью, но еще и признанием вины!

— Они и так уже все знают,— устало сказала она.— Но, говорю тебе, ты должен уехать. Я улизнула из дому и прибежала сюда, чтобы вовремя предупредить тебя. Джек, если... если ты меня любишь... уезжай.

— Это было бы предательством по отношению к тебе,— быстро ответил он.— Я остаюсь.

— А если... если, Джек,— в ее голосе прозвучала неожиданная робость, руки ее легли ему на плечи,— если бы я уехала вместе с тобой?

Прежнее восторженно властное выражение появилось на ее лице, губы чуть приоткрылись. Но даже и сейчас она словно ждала ответа более важного, чем тот, что произнес стоящий перед нею человек,— ждала и не дождалась.

— Дорогая,— сказал он, целуя ее,— но ведь так получится, будто они правы...

— Молчи,— вдруг сказала она. И, прикрыв ему рот ладонью, продолжала прежним, слегка усталым голосом:— Не надо больше об этом. Я больше не могу. Но скажи, милый, ты ведь сделаешь, если я попрошу тебя кое-что — так, пустяки,— сделаешь, верно, голубь? Так вот, не задерживайся в школе после уроков. Ступай сразу домой. Никого сегодня не разыскивай. Завтра суббота, у тебя не будет занятий, ты все успеешь на досуге. А сегодня, милый, старайся нигде не показываться... только двенадцать часов, пока... пока я не дам тебе знать. Тогда все будет в порядке,— заключила она, вдруг подняв на Форда совершенно отцовский сонно-страдальческий взгляд, которого он никогда у нее прежде не видел.— Ты обещаешь?

Он с мысленной оговоркой согласился. Его снедало недоумение, почему она не хочет с ним объясниться, и желание узнать, что произошло в ее доме, и гордость, не позволявшая расспрашивать или оправдываться, и настойчивое, хотя и неопределенное чувство обиды. Но все-таки он не мог не сказать, задержав ее руку в своей:

— Но ведь ты не усомнилась во мне, Кресси? Твои чувства не изменились от того, что эти люди так недостойно выволокли на свет то, что прошло и забыто?

Она обратила к нему рассеянный взгляд.

— Значит, по-твоему, чьи-то чувства могли от этого измениться?

— Конечно, нет, если любишь по-настоящему и...— начал было он.

— Пожалуйста, не будем больше об этом,— перебила его она, вдруг подняв руки над головой и тут же отрезанно уронив их и сцепив пальцы.— У меня голова начинает болеть. И отец, и мать, и все другие столько меня донимали — я больше слышать ничего не могу.

Форд холодно отстранился и выпустил ее руку. Она молча повернулась и пошла прочь. Но, сделав несколько шагов, остановилась, обернулась, подбежала к нему и, сдавив его голову в жарком объятии, пницей шарахнулась в высокий папоротник и исчезла.

Учитель стоял, охваченный замешательством и печалью. Для него было характерно, что ее словам он придавал меньше значения, чем своему представлению о том, что должно было произойти между Кресси и ее матерью. Естественно, что письма вызвали ее ревность,— это он может простить ей; и понятно, что ей досталось из-за них дома,— но ведь он легко может все объяснить ее родителям и ей самой тоже. Но он не так глуп, чтобы в такую минуту сбежать вместе с нею из поселка, не восстановив прежде своего доброго имени, а также не узнав побольше о ней самой. Весьма характерно было для него и то, что в своей обиде он смешивал Кресси с той, другой, которая писала ему письма, ему казалось, что они обе подвергают сомнению его нравственные достоинства и обе в равной мере несправедливы к нему.

Только когда он пришел к школе, свидетельства вчерашнего грабежа на время отвлекли его от этой странной встречи. Его поразило, как умело и искусно были поставлены на место оба замка, как заботливо уничтожены следы взлома. Тем самым оказалась поколебленной его теория о том, что все это — дело рук Сета Дэвиса; ни предусмотрительность, ни умение орудовать рабочим инструментом тому свойственны не были. Еще больше смутил учителя маленький резиновый кисет, который валялся у него под стулом. Он сразу узнал этот кисет, потому что видел его сто раз: это был кисет дяди Бена. Вчера, когда он запирал школу, кисета здесь не было. Значит, либо дядя Бен побывал тут вчера вечером, либо успел проникнуть сюда уже сегодня утром. Впрочем, в последнем случае он вряд ли мог бы не заметить упавший кисет — а в темноте ночи это

очень легко могло случиться. И учитель нахмурился, все больше уверяясь, что действительный его обидчик — дядя Бен и никто другой и что простодушие, с каким он в тот вечер его расспрашивал, было чистым притворством. При мысли, что его снова обманули, притом неизвестно, почему и с какой целью, ему сделалось даже не по себе. Сможет ли он теперь довериться хоть кому-нибудь в этом чужом поселке? По примеру более возвышенных натур он принимал уважение и доброту тех, кого считал ниже себя, как естественную дань своим достоинствам; любая перемена в их чувствах оказывалась поэтому предательством и коварством; у него и в мыслях не было, что он сам мог в чем-то погрешить против их понятий.

Собрались дети, начался урок, и Форд на время отвлекся от своих мыслей. Но хотя занятия частично вернули ему самоуважение, они не сделали его рассудительнее. Он не снизошел до того, чтобы расспрашивать Руперта Филджи, хотя как доверенное лицо дяди Бена тот вполне мог что-то знать; на вопросы детей по поводу сломанного дверного замка ответил, что намерен представить это дело на рассмотрение школьного совета, и ко времени окончания уроков успел продумать этот свой предполагаемый официальный шаг во всех деталях. Несмотря на предупреждение Кресси — вернее, даже именно из-за него, — он довольно поздно задержался после уроков в школе. Он решил покарать всех этих ее друзей иначе. Сидя за своим столом, он набрасывал документ, в котором, помимо изложения фактов, определенно давал понять, что его дальнейшее пребывание в здешней школе будет зависеть от того, насколько серьезные меры будут приняты в связи с помянутым прискорбным событием. От этого занятия его оторвал стук копыт за окном. Он поднял голову: человек десять всадников окружили школьное здание.

Половина спешила и направилась к крыльцу. Остальные расположились снаружи, затемняя окна неподвижными фигурами. У каждого поперек седла лежало ружье; на каждом была грубо вырезанная черная матерчатая маска, прикрывавшая лицо.

Учитель сразу осознал, что ему грозит серьезная опасность, но таинственный вид и оружие незваных

посетителей вовсе не оказали на него устрашающего действия. Напротив, очевидная нелепость этого дешевого театрального вторжения в мирную школьную тишину, несоответствие воинственных фигур и детских гетрадок и учебников, разбросанных вокруг на партах, вызвали на его губах презрительную усмешку. Он хладнокровно смотрел на входящих. Храбрость неведения подчас бывает столь же несокрушима, как и самая многоопытная доблесть. Жуткие пришельцы сначала растерялись, потом вполне по-человечески разошлись. Долговязый человек справа метнулся было в бешенстве вперед, но его остановил главарь.

— Его дело,— проговорил главарь, и учитель сразу узнал голос Джима Харрисона,— пусть смеется, ежели хочет, нету такого закона, чтобы это запрещалось. Хотя обычно людям тут не до смеха.— Затем, повернувшись к учителю, произнес: — Мистер Форд,— вас вроде так называют? — нам как раз нужен человек, который откликается на это имя.

Форд понимал, что положение его безнадежно. Он был беззащитен и находился в полной власти двенадцати вооруженных мужчин, не признающих над собой никакого закона. Но он сохранял сверхъестественную ясность мысли, отвагу, порожденную безграничным презрением к этим людям, и по-женски острый язык.

С надменной отчетливостью, удивившей даже его самого, он произнес:

— Да, мое имя Форд, но так как я только предполагаю, что ваше имя Харрисон, быть может, у вас хватит честности и мужества снять эту тряпку со своего лица и показать его мне?

Тот, неловко засмеявшись, снял маску.

— Благодарю,— сказал Форд.— А теперь, джентльмены, может быть, вы скажете мне, кто из вас вломился ночью в школу, сломал замок моего стола и выкрал мои бумаги? Если этот человек находится здесь, я хотел бы сказать ему, что он не только вор, но еще трус и подлец, ибо это были письма женщины, которую он не знает и знать недостойн.

Если он надеялся, что ему удастся затеять ссору с кем-то одним и вверить свою жизнь игре случая в по-

единке, то он ошибся. Его неожиданная речь произвела впечатление и даже привлекла внимание стоявших за окнами, но Харрисон твердыми шагами приблизился к нему и сказал:

— Это дело терпит. А пока что мы собираемся взять вас вместе с вашими письмами и выкинуть за пределы поселка Индейцев Ключ. Можете вернуть их этой женщине или этой твари, что вам их прислала. Мы считаем, что для учителя нашей школы вы чересчур легко и свободно распоряжаетесь такими делами. И нам вроде ни к чему, чтобы вы давали нашим детям такое образование. Так что, хотите добром ехать, можете идти и садиться на лошадь, что мы с собой привели. А не хотите добром, мы вас все равно на нее усадим.

Учитель обвел их быстрым взглядом. Он уже успел заметить, что лошадь в поводу, стоящая на дворе, привязана кожаным ремнем к седлу одного из всадников, так что спастись бегством в пути ему не удастся. Успел он подумать и о том, что у него нет никакого оружия, чтобы защититься или хотя бы затеять схватку и погибнуть, избегнув позора. У него не оставалось ничего, кроме ясного звучного голоса.

— Вас двенадцать против одного,— сказал он спокойно.— Но если среди вас найдется один человек, у которого хватит духу выйти и обвинить меня в том, в чем вы осмеливаетесь обвинять меня только все сообща, я скажу ему, что он лжец и трус, и я готов подтвердить это с оружием в руках. Вы без суда и следствия выносите мне приговор, хоть мне даже не сказано, кто мои обвинители; вы явились сюда, чтобы, презрев закон, отстоять свою честь, мне же боитесь предоставить возможность защитить мою хотя бы теми же незаконными средствами.

Среди вошедших снова поднялся смутный ропот, но главарь решительно шагнул вперед.

— Ладно, хватит с нас твоих проповедей. Теперь нам нужен ты сам,— сказал он грубо.— Пошли.

— Постойте,— раздался сиплый голос. Он принадлежал человеку, до сей поры неподвижно и молча стоявшему среди остальных. Взоры всех обратились к нему, он медленно стянул с лица маску.

— Хайрам Маккинстри! — с удивлением и даже опаской воскликнули все.

— Я самый, — ответил Маккинстри, тяжело и решительно выступая вперед. — Я присоединился на перекрестке к этой депутации вместо брата, хотя вызов был ему. По-моему, это все равно, а может, даже к лучшему. Потому что я намерен избавить вас от забот об этом джентльмене.

Тут он в первый раз поднял сонные глаза на учителя, одновременно становясь между ним и Харрисоном.

— Я намерен, — продолжал он, — поймать его на слове и дать ему возможность держать ответ с ружьем в руках. А так как у меня вроде бы здесь, как ни поверни, прав больше, чем у всякого, я намерен сам выйти против него. Может, кому это и не понравится, — медленно продолжал он, поворачиваясь к долговязой фигуре, издавшей злобное восклицание, — может, кому больше по вкусу сводить личные счета вдесятером против одного, но даже если и так, все равно первое слово за тем, кто всех больше понес урону, а это как раз я и есть.

С медлительной нарочитостью, исполненной для ропшущих двойного смысла, он протянул учителю свой дробовик и, не глядя ему в глаза, проговорил:

— Пушка, сэр, вроде вам знакомая, но если она вам не по руке, любой из этих джентльменов, я думаю, будет настолько любезен, чтобы предложить вам на выбор свою. И нет нужды далеко скакать, чтобы разрешить это дело; я назначаю провести все через десять минут вон в тех кустах.

Каковы бы ни были чувства и намерения остальных, право Маккинстри на первенство в поединке слишком глубоко коренилось в их традициях, чтобы его оспорить; а то обстоятельство, что учитель теперь вооружен и Маккинстри с револьвером не замедлит выступить на его стороне в защиту своих прав, устраняло всякую возможность возражений. Все молча расступились, пропустив Маккинстри с учителем, и медленно вышли вслед за ними на крыльцо. За эти несколько мгновений Форд успел тихо сказать Маккинстри:

— Я принимаю ваш вызов и благодарю за него. Вы не могли бы оказать мне большей услуги — виноват я

перед вами или нет. Я только хочу, чтобы вы мне поверили: ни сейчас, ни раньше я ничего дурного вам не сделал и не сделаю.

— Ежели вы хотите этим сказать, сэр, что не ответите на мой выстрел, то это вы напрасно и зря. Это вам не поможет с ними,— сказал он, указав через плечо покалеченной рукой,— и со мной тоже.

Но твердо вознамерившись не стрелять в Маккинстри и слепо цепляясь за эту, очевидно, последнюю в своей бестолковой жизни мысль, учитель молча шел дальше, покуда они не достигли кустарника, окаймлявшего вырубку.

Несложные приготовления были скоро закончены. Противники, вооруженные дробовиками, должны были стрелять по знаку с восьмидесяти шагов, а затем, идя навстречу друг другу, продолжать перестрелку из револьверов, пока один из них не упадет. Выбор секундантов свелся к тому, что старший Харрисон выступил от лица Маккинстри, а интересы учителя после минутной эминки вызвался представлять некто долговязый и тощий, уже упомянутый выше. Занятый другими мыслями, Форд не обратил внимания на своего неожиданного приверженца, а остальные решили, что этот человек вымещает только что полученную от Маккинстри обиду. Учитель машинально принял из его рук ружье и вышел на позицию. Впрочем, он заметил и вспомнил впоследствии, что его секундант остался стоять за толстой сосной, отмечавшей справа край дуэльной площадки.

Справедливость требует отметить, что вопреки укоренившейся теории в этот критический момент своей жизни Форд не оглядывал в последний раз прожитые годы в яркой вспышке раскаяния или нежности, не поручал свою душу всевышнему творцу, а просто был целиком захвачен настоящим мгновением и занят единственной мыслью: только бы не выстрелить в противника. И если что-либо может сделать его поведение еще ошибочнее с точки зрения теоретической, то прибавим, что он испытывал некое восторженное чувство гордости собою и положительно считал себя не только молодцом, но и прямым героем, о котором оставшиеся в живых еще когда-нибудь пожалеют!

— Джентльмены готовы? Раз-два-три — пли!

Выстрелы прозвучали одновременно — совпадение было настолько полным, что учителю даже показалось, будто его ружье, направленное в небо, сделало двойной выстрел. Легкая завеса дыма поднялась между ним и его противником. Форд был невредим, тот, очевидно, тоже, ибо снова прозвучала команда:

— Сходитесь!... Э-эй, постойте!

Учитель быстро поднял голову и увидел, как Маккинстри покачнулся и тяжело рухнул на землю.

С возгласом ужаса — впервые за все время только сейчас его охватившим — учитель бросился к упавшему и очутился подле него одновременно с Харрисоном.

— Ради бога, — не помня себя, воскликнул Форд, падая на колени возле Маккинстри, — что случилось? Клянусь, я не целился в вас! Я стрелял в воздух. Говорите же! Скажите ему вы, — он в отчаянии поднял глаза на Харрисона, — ведь вы же видели, скажите ему, что это не я!

Усмешка недоумения и недоверия скользнула по лицу Харрисона.

— Вы, конечное дело, не нарочно, — сухо сказал он. — Но сейчас не об этом речь. Вставайте и удирайте отсюда, пока можно, — с раздражением прибавил он, многозначительно поведя глазами в сторону нескольких человек, оставшихся на поляне; другие после падения Маккинстри поспешили разойтись. — Бегите, ну!

— Ни за что! — воскликнул молодой человек. — Пока он не узнает, что выстрел был сделан не моей рукой. Маккинстри с трудом приподнялся на локте.

— Вот сюда мне угодило, — проговорил он словно в ответ на чей-то вопрос и указал на свое бедро. — Нога и подломила, когда я хотел шагнуть.

— Но это не я в вас стрелял, Маккинстри, клянусь, что не я! Вы слышите меня? Ради бога, скажите, что вы мне верите!

Маккинстри поднял сонные встревоженные глаза на учителя; казалось, он пытается что-то припомнить.

— Отойди-ка вон туда на минуту, — сказал он Харрисону, чуть двинув покалеченной рукой. — Мне надо сказать ему два слова.

Харрисон сделал несколько шагов в сторону. Учитель хотел было взять раненого за руку, но тот отстранил его

— Куда вы дели Кресси?— раздельно спросил Маккинстри.

— Я... я вас не понимаю,— запинаясь, ответил Форд.

— Где вы прячете ее от меня?— с трудом, но внятно повторил Маккинстри.— Вы куда-то ее отвезли и думаете отправиться к ней, после... после вот этого?

— Нигде я ее не прячу! И отправляться к ней не собираюсь! Я не знаю, где она. Я не видел ее с тех пор, как утром с ней расстался, и мы даже словом не обмолвились о следующей встрече,— торопливо говорил учитель; и недоумение его было очевидным даже для туманящегося сознания его собеседника.

— Это правда?— проговорил Маккинстри, кладя ему на плечо тяжелую ладонь и подымая сонный взгляд на лицо молодого человека.

— Истинная правда,— горячо сказал Форд.— Как и то, что я никогда не поднимал на вас руку.

Маккинстри поманил к себе Харрисона и еще двоих, оставшихся с ними на лужайке, и снова откинулся на землю, держа ладонь на бедре, где по красному подолу рубахи медленно расходилось темное пятно над кровоточащей глубокой раной.

— Вы, ребята, можете отвезти меня на ранчо,— сказал он спокойно.— А он,— Маккинстри кивнул на Форда,— пусть скачет на лучшей лошади за доктором. У меня такого обычая нет, докторов звать,— серьезно пояснил он,— да только этот выстрел вроде уже не по старухиной части будет.— Он замолчал, потом пригнул к себе голову учителя и произнес прямо ему в ухо:— Когда я увижу эту пулю своими глазами, какого она калибра и какой формы, у меня тогда... у меня на душе... прибавится покою.

Его меркнущие глаза многозначительно сверкнули. Учитель, очевидно, понял, что он хотел сказать, ибо быстро поднялся с колен, побежал к лошади, вскочил в седло и поскакал за врачом, между тем как Маккинстри, опустив тяжелые веки, предвосхитил приход долгожданного своего «спокоя», впад в беспамятство.

Из всех сентиментальных заблуждений взрослого человечества относительно детей ни одно так не далеко от истины, безосновательно и нелепо, как приятная уверенность, будто дети пребывают в полнейшем неведении относительно событий, происходящих в мире старших, и совершенно не разбираются в характерах и стремлениях окружающих. А ведь даже случайные разоблачения какого-нибудь *enfant terrible* — ничто в сравнении с убийственными тайнами, которые тактично хранит иное благовоспитанное чадо в своей аккуратно застегнутой на пуговицы или крючки, а то и зашпиленной на булавку невинной груди. Общество в неоплатном долгу перед этой тактичностью и рассудительностью — свойствами, чаще сопутствующими младенческой прозорливости, нежели наблюдательности зрелого ума; и самые искушенные светские львы или львицы могли бы многому поучиться у своих малолетних отпрысков, которые, доверчиво округлив глаза, выслушивают от них очевидную ложь или делают вид, будто свято верят холодному притворству; хотя сами только что подслушали, как оно репетировалось.

Не удивительно поэтому, что маленький народец Индейцева Ключа знал, возможно, больше об истинной природе отношений между Кресси Маккинстри и ее поклонниками, чем сами поклонники. Впрочем, знание это было молчаливым, ибо дети обычно не занимаются сплетнями и пересудами, да его и невозможно было выразить словами, доступными пониманию взрослого. Какой-то шепоток, смех, звучавший со стороны немного странно и беспричинно, передавал целый мир тайных значений, и неожиданный взрыв веселья в классе, отнесенный взрослым критиком за счет «животной радости», гораздо реже охватывающей детей, чем это обычно предполагают, в действительности мог быть просто общим восторгом по поводу какого-то нового открытия, заставляющим забыть о серьезных делах. Детское простодушие дяди Бена было близко и понятно маленьким школьникам, и хотя они по этой же самой причине относились к нему столь же неуважительно, как и друг к другу, зато подчас поверяли ему секреты.

Особенное покровительство оказывал ему Руперт Филджи, к чьей снисходительности, впрочем, примешивалась толика сомнения в здравом рассудке дяди Бена, даже несмотря на обещанную должность личного секретаря, которую Руперт готовился занять при нем.

В тот день, когда произошли события, описанные в предыдущей главе, Руперт, возвратясь из школы, с удивлением увидел дядю Бена, который восседал верхом на заборе перед скромной резиденцией семейства Филджи и, очевидно, дожидался его. Неторопливо сойдя на землю при виде приближающихся братьев, дядя Бен широко и таинственно улыбнулся старшему и сказал:

— Рупи, старина, ты, я надеюсь, уже упаковал свои пожитки, а?

Радостный румянец разлился по красивому лицу мальчика. Но он тут же с тревогой посмотрел вниз на всеведущего Джонни.

— Потому как, видишь ли, в четыре часа мы отбываем почтовой каретой в Сакраменто,— продолжал дядя Бен, наслаждаясь недоверчивой радостью Руперта.— И с этого же часа ты, так сказать, вступаешь в должность личного доверенного секретаря с жалованьем в сорок пять долларов в месяц и пропитанием.

На щеках смущенного Руперта заиграли прелестные женские ямочки.

— Н-но... как же отец?— пробормотал он.

— С ним все в порядке. Он согласен.

— А...?

Дядя Бен проследил за взглядом Руперта, устремленным на маленького Джонни, который, однако, казался всецело поглощен яркой клеткой новых брюк дяди Бена.

— С этим все улажено,— сказал дядя Бен с понимающей улыбкой.— Нами будет выплачиваться особая премия, чтобы можно было нанять китайца ходить за ним.

— А учитель... мистер Форд? Ему ты говорил?— спросил Руперт.

Дядя Бен кашлянул.

— Он тоже не против, я думаю. То есть,— он задумчиво утер рот ладонью,— он в одном разговоре неделю назад вроде как в целом дал свое согласие.

Быстрая тень сомнения мелькнула в карих глазах Руперта.

— Кто-нибудь еще с нами едет?— подозрительно спросил он.

— В этот раз никто,— мирно ответил дядя Бен.— Понимаешь ли, Руп,— продолжал он, с таинственным и довольным видом отводя мальчика в сторону,— это дело как раз и относится к разряду личных и доверительных. Нами, знаешь ли, получена информация...

— Нами?— переспросил Руперт.

— Ну да, нашей фирмой,— подтвердил дядя Бен, принимая серьезный, официальный вид.— Так вот, нами получены кое-какие сведения через разных там адресатов и грузополучателей, и теперь мы, то есть ты да я, отбываем в Сакраменто с целью навести некоторые справки касательно положения одной вышеперечисленной особы и узнать... ну да, то есть вступить в переговоры для выяснения, состоит ли она на данное время в браке или же в разводе, о чем смотри по накладной.— Он оставил сугубо деловой стиль и добавил уже проще, снисходя к необразованности Руперта:— То есть, понимаешь ли, замужем она сейчас или нет,— и продолжал не столь сложно, однако и не без уснащения своей речи деловой терминологией:— Выясним ее положение и контракты, ежели таковые имеются, где проживает, какой образ жизни ведет, изучим записи и деловые книги касательно брачных намерений и проведем кое-какие совещания общего характера,— ты в доме, а я на улице, готовый объявиться в случае надобности, ежели окажется желательной личная встреча высоких договаривающихся сторон.

Видя, что Руперт несколько растерялся от такого способа изъясняться, дядя Бен тактично умолк, потом заглянул в записную книжку, объявил: «Я тут пометил, о чем нам с тобой надо будет потолковать в дороге»,— напомнил Руперту о времени их назначенного отъезда и бодро удалился.

Лишь только он исчез из виду, Джонни Филджи без единого слова объяснения набросился на брата с пинками, тычками и щипками, осыпая ими его ноги и прочие доступные ему части тела, нечленораздельно бормоча

что-то и всхлипывая, и, разразившись в конце концов бурей слез, повалился на спину прямо в пыль, описывая башмаками в воздухе круги. Эти характерные знаки оскорбленной привязанности Руперт принимал стоически, лишь приговаривая миролюбиво: «Ну ладно, Джонни, будет, перестань»,— и наконец поднял его и брыкающегося отнес в дом. Здесь, после того как Джонни решительно объявил, что убьет всякого китайца, который сунется его одевать, и дотла сожжет весь дом, так подло покинутый братом, Руперт тоже пролил две-три тревожных слезы, в ответ на что Джонни, согласившись принять возмещение в виде апельсина, ножика с четырьмя лезвиями и солидной доли от всего личного имущества брата, несколько успокоился. Так в обнимку они сидели в лучах яркого солнца, освещающих бесприютную пустоту их сиротского дома и разбросанные вокруг по полу дешевенькие, скудные игрушки, единственные, которые они видели в жизни, и предавались обычным в их возрасте прекрасным фантазиям о будущем, сами не очень-то в них веря. Руперт определенно знал, что вернется через несколько дней при золотых часах и привезет Джонни подарки. А Джонни, страдая от предчувствия, что никогда уже больше его не увидит, пресекающимся голоском гордо утверждал, что сам будет таскать дрова, разводить огонь и мыть посуду, «все-все сам!». Далее последовал обмен мнениями по поводу отсутствующего отца — увлеченно сражающегося тем временем в покер за одним из столиков салуна «Магнолия»,— мнениями, от которых этому веселому, общительному человеку, доведись ему их услышать, наверное, стало бы слегка не по себе. Потом снова были улыбки сквозь слезы и минуты храброго молчания, поистине душераздирающие, а потом, неожиданно быстро, наступило время, когда Руперту пора было ехать. Они расстались, бодро покричав друг другу на прощание что-то веселое, и тут Джонни, потрясенный внезапно нахлынувшим на него сознанием отвратительной бессмысленности всего земного и тщеты всякого существования, принял немедленное решение бежать из дому.

Для этого он запасся почему-то топориком, драгоценным, хотя и никчемным, комком замазки, а также

всем наличным сахаром, оставшимся в треснутой сахарнице. Снарядившись таким образом, он выступил в путь, вознамерившись уничтожить всякие следы своего ненавистного существования прежде всего в школе. Если там окажется учитель, Джонни сможет соврать, что его прислал Руперт; а если учителя нет, он без труда влезет в окно. Солнце уже клонилось к горизонту, когда Джонни достиг вырубки и увидел вокруг школы целый отряд вооруженных всадников.

Первая его мысль была, что учитель убил дядю Бена, а может быть, Мастерса, а эти люди съехали сюда, чтобы, воспользовавшись отсутствием его старшего брата Руперта, сообща казнить учителя. Однако, не слыша ожидаемых звуков потасовки, он сразу же пришел к другому убеждению: учитель только что был избран губернатором Калифорнии и теперь готовится выехать из школы в сопровождении почетного эскорта, и он, Джонни, поспел как раз вовремя, чтобы увидеть процессию! Но когда учитель и Маккинстри вышли на крыльцо и спустились по ступеням, сопровождаемые спешившимися мужчинами, это сметливое дитя Дальнего Запада со своего наблюдательного пункта в гуще кустов без труда разгадало по обрывкам их речей их истинные намерения и замерло от восторга и страха, чувствуя, как мурашки побежали по спине.

Дуэль! До сей поры ее видели только взрослые, которые потом страшно важничали и щеголяли непонятными кровожадными словечками, и вот теперь впервые маленькому мальчику — и не кому-то там, а ему, Джонни, — представилась возможность увидеть ее всю от начала и до конца! Дуэль! И, может быть, ему, Джонни, подло брошенному на произвол судьбы старшим братом, выпадет небывалое счастье остаться ее единственным живым свидетелем! Он едва верил собственным глазам. Счастье было слишком огромно!

Пробраться но кустам к намеченному для дуэли месту, пока велись последние приготовления, выбрать серебристую ель, растущую как раз где надо, и с помощью неожиданно пригодившегося гопорика вскарабкаться тайком на самую верхушку было делом восхитительным и нелегким, но все же его короткие энергичные руки и ноги справились с задачей. Отсюда ему было

отлично видно все, что происходило внизу, а тут еще, на его счастье, соседняя большая сосна была назначена границей дуэльной площадки. Проницательные мальчишечьи глаза давно уже разгадали, кто скрывается под каждой маской, и когда долговязый доброволец — секундант учителя занял место позади сосны, спрятанный от взглядов на земле, зато на виду у Джонни, мальчик сразу определил, что это не кто иной, как Сет Дэвис. Это никак не вязалось со всем, что было известно Джонни об отношениях Сета с учителем, и потому сразу же запало ему в память.

Противники вышли на позицию. Харрисон приготовился дать знак. Болтающиеся в воздухе ноги Джонни затекли и зудели от нетерпения. Почему не начинают? Чего ждут? Вдруг что-нибудь помешает или — о ужас! — противники помирятся в последнюю минуту? Будут ли они «реветь», если выстрел попадет в цель, или сделают несколько неверных шагов и молча повалятся, «как в цирке»? А что потом? Убегут ли все, оставив его, Джонни, одного поведать миру, как было дело? И еще — о страшная мысль! — поверят ли его рассказу? Поверил бы, например, Руперт? Эх, Руперт, если бы он только знал, он бы нипочем не уехал...

— Раз!..

По-детски веря в неуязвимость «своих», Джонни, даже не взглянув на учителя, не отрываясь смотрел на его обреченного противника. Но когда прозвучал счет «Два!», внимание Джонни привлек тот странный факт, что секундант мистера Форда, Сет Дэвис, притаившийся за сосной, тоже вытащил револьвер и старательно целится в Маккинстри! Джонни сразу все понял: оказывается, Сет — друг учителю. Вот молодец!

— Три!

Трах! Тю-и! Бам! Какой смешной и нестрашный звук! И все-таки ему пришлось припасть к самой ветке, чтобы не свалиться. Она даже вроде треснула под ним, и нога у него сразу как-то онемела. Он не знал, что пуля учителя, выстрелившего в воздух, скользнула по ветке, вспорола кору и уже на излете цапнула ему мякоть ноги.

У него кружилась голова, и было чуточку страшно. И ничего-то он не видел, и никого не убили. Все обман. Сет куда-то исчез. Все остальные тоже. Донеслись изда-дека какие-то голоса, видны были удаляющиеся люди — и больше ничего. Заметно темнело, а он по-прежнему не мог двинуть ногой, чувствовал только, что ей горячо и мокро. Надо слезать. Это оказалось трудно, потому что затекшая нога не слушалась, и, если бы не топорик, который он всаживал в ствол, а потом за него держался, Джонни не миновать бы упасть с дерева. Но когда он спустился на землю, нога заболела. Он посмотрел вниз и увидел, что чулок и башмак промокли от крови.

Скатанный жгутом грязный носовой платок оказался слишком мал, чтобы задержать кровь. Смутно припомнив о каких-то припарках, которые ставили отцу «от чирьев», Джонни собрал мягкого мха и сухих листьев калифорнийской мяты и с помощью школьного фартучка и оторванной от штанишек лямки соорудил вокруг ноги толстую тугую повязку, с которой нога приобрела такие слоновьи размеры, что он почти не мог идти. Честно признаться, он, как все дети с богатым воображением, был слегка испуган своими собственными необычайными мерами. Но хотя одного его возгласа было бы довольно, чтобы вернуть уходящих мужчин, он из уважения к себе и к своему старшему брату удержался от проявлений малодушия и даже не пискнул.

Он нашел странное утешение в язвительных упреках, которыми стал осыпать про себя всех знакомых мальчишек. Что вот, например, делает сейчас Кол Харрисон, в то время как он, Джонни, остался один в лесу, раненный на взрослой дуэли (в последнем теперь ничто не могло разубедить этого доблестного карапуза)? А где болтается Джимми Снайдер и почему не приходит к нему на помощь с другими ребятами? Трусы они все; боятся, небось. Хо-хо! А вот Джонни не боится! Ему наплевать! Однако эту истину ему пришлось повторить себе раза три, пока наконец после тщетных попыток сделать хоть несколько шагов он не опустился в изнеможении на землю. Люди, медленно уносившие что-то, к этому времени уже скрылись вдалеке, и Джонни остался один-одинешенек в быстро сгущавшейся тьме. Но все

это ему было нипочем, ему только было нестерпимо обидно, что его товарищи — такие подлые трусы.

Между тем в лесу делалось все темнее, пока открытый театр недавних военных действий не оказался как бы заключен в мрачные стены; прохладное дыхание любопытного ветерка, прокравшегося сквозь папоротники и кусты, пошевелило кудряшки на его горячем лбу. Он крепко сжал в руке топорик, готовясь отразить нападение диких зверей, и в медицинских целях еще раз обмотал лямкой от штанишек повязку на ноге. Тут ему пришло в голову, что он, вероятно, сейчас умрет. То-то они все будут плакать и каяться и, уж конечно, пожалеют, что заставили его мыться в ту субботу. На похороны соберутся большой толпой и придут на маленькое кладбище, где уже будет стоять белый надгробный камень с надписью: «Джон Филджи. Пал на дуэли в возрасте семи лет». А он простит брата Руперта, отца и мистера Форда. Но даже в эту минуту Джонни с вызовом посмотрел вверх, откуда дятел скинул на него прутик и два листочка, и, слабо погрозив кулачком, невнятно пробормотал, что нечего его запугивать, не на такого напали. Затем он повернулся на бок и приготовился мужественно умереть, как подобаег отпрыску героического племени. Вольные леса, колышнмые поднимающимся ветром, махали над ним черными рукавами, а еще выше первые многотерпеливые звезды молча сошлись и стали у его изголовья.

Но с первыми звездами и ночным ветром пришел дробный стук копыт и мерцание фонарей, и на лужайку галопом выехали доктор Дюшен и учитель Форд.

— Здесь это было, — задыхаясь, проговорил учитель. — Наверное, его уже перенесли домой. Едем.

— Погодите-ка, — сказал доктор, осадивший коня под елью. — Это что? Да это малыш Филджи, клянусь богом!

Оба соскочили с лошадей и склонились над теряющим сознание ребенком. Джонни перевел воспаленный взгляд с фонаря на учителя, потом снова на фонарь.

— Что случилось, Джонни, малыш? — ласково спросил учитель. — Ты заблудился?

В горячем уме мальчика сразу сложился подобающий ответ.

— Ранен! — чуть слышно прокартавил он. — Ранен на дуэли! В возрасте семи лет...

— Что? — недоуменно переспросил учитель.

Но доктор Дюшен, взглянув в лицо ребенка, поднял его с кучи листьев и, положив к себе на колени, сорвал злополучную повязку.

— Посветите-ка сюда. Да он, черт возьми, говорит сущую правду! Кто это тебя, Джонни?

Джонни безмолвствовал. В минуту боли и просветления его память и догадливость лихорадочно заработали, подсказав ему истинную причину его несчастья, но детские губы оставались героически сомкнуты. Учитель умоляюще посмотрел на доктора.

— Берите его к себе на седло и везите к Маккинстри, — распорядился тот. — Я займусь обоими.

Учитель осторожно поднял мальчика на руки. В предвкушении нечаянной поездки на лошади Джонни слегка оживился и даже заинтересовался судьбой своего товарища по несчастью.

— Сильно его Сет ранил? — спросил он.

— Сет? — недоуменно повторил учитель.

— Ну да. Я видел, как он целился.

Учитель ничего не ответил. Но в следующее мгновение Джонни почувствовал, как его, надежно прижатого учительской рукой, вихрем мчат в сторону ранчо Маккинстри.

ГЛАВА XIV

Раненого они застали в передней комнате на ложе из груды медвежьих шкур — Маккинстри наотрез отказался от таких нежностей, как постель в женинной спальне. На случай возможного смертельного исхода и в согласии со старинной суровой традицией он также не позволил разуть себя, дабы «умереть, ежели что, в сапогах», как предписывал дедовский обычай. Поэтому Джонни быстро уложили на супружеской кровати Маккинстри, а тем временем доктор Дюшен посвятил все внимание своему более серьезному пациенту. Учитель

поискал взглядом миссис Маккинстри. Но ее не только не было в комнате — во всем доме не заметно было никаких признаков ее присутствия. А когда он захотел справиться о ней, к его удивлению, один из домочадцев остановил его предостерегающим жестом. Форд молча уселся подле уснувшего ребенка и стал дожидаться прихода доктора, колеблясь между беспокойством о маленьком страдальце и раздумьем по поводу сорвавшегося с его уст разоблачения. Если Джонни в самом деле видел, как Сет стрелял в Маккинстри, — это, безусловно, объясняло загадочную рану Хайрама, но не побуждения самого Сета. Поступок этот был так непонятен и так не вязался с открытой враждой Сета к учителю, что всего вернее, мальчик просто бредил.

Его вывел из задумчивости приход врача.

— Он не так плох, как я опасался, — ободряюще кивнул Дюшен. — Еще чуть-чуть в сторону, и пуля либо раздробила бы кость, либо перервала артерию. Но теперь мы извлекли пулю, и через неделю он будет здоров. Ей-ей, этот старый огнеглотатель больше заботился о пуле, чем о собственном спасении! Ступайте к нему, он хочет вас видеть. Только не давайте ему много говорить. Он туда зачем-то созвал уйму народа — настоящий митинг. Ступайте и разгоните их всех. А я займусь малышом Филджи — хотя парнишке, чтобы поправиться, нужна разве что хорошая перевязка.

Учитель с благодарностью посмотрел на доктора и поспешил на зов. В комнату набилось с десятков мужчин, в которых Форд безошибочно узнал своих недавних посетителей. Но Маккинстри подозвал его к себе, и они расступились перед ним с грубоватым почтением и сдержанным сочувствием. Раненый сжал его руку.

— Приподнимите меня, — шепнул он.

Учитель с трудом помог ему приподняться.

— Джентльмены! — произнес Маккинстри, коротко махнув по привычке изувеченной рукой, а другую кладя на плечо Форду. — Вы слышали, что я гут говорил, выслушайте меня и сейчас. Вот этот молодой человек, на которого мы с вами возвели напраслину, говорил истинную правду — сначала и до конца! Можете всегда и во всем на него полагаться. Вы, конечно, дело, не обязаны думать в точности, как я, но кто теперь пойдет против

него, тот поссорится со мной. Это все. И спасибо, что справлялись о моем здоровье. Теперь идите, ребята, и оставьте меня на минуту с ним вдвоем.

Мужчины друг за дружкой медленно двинулись к двери, иные задерживаясь, чтобы пожать учителю руку, кто очень серьезно, кто со смущенной усмешкой. Учитель с холодным недоумением принимал эти знаки дружелюбия от людей, которые еще недавно так же искренне готовы были линчевать его. Когда за последним из них закрылась дверь, он повернулся к Маккинстри. Раненый снова опустился на ложе и с сонным удовлетворением разглядывал свинцовую пулю, держа ее двумя пальцами перед глазами.

— Эта пуля, мистер Форд,— проговорил он медленно, и только в этой медлительной раздельности и выражалась его слабость,— не из того ружья, что я вам дал. Ею выстрелили не вы.— Он помолчал и добавил с прежним лениво-мечтательным выражением:— Уже давно ничто не приносило мне такой покой...

Мистер Маккинстри был слаб, и учитель не решился тревожить его рассказом об открытии маленького Джонни; он ограничился тем, что просто пожал ему руку, но в следующую минуту с удивлением услышал, как раненый продолжал:

— Эта пуля как раз подходит к морскому револьверу Сета Дэвиса — и пес уже скрылся из округи.

— Но какой ему был расчет стрелять в вас? — спросил учитель.

— Он думал, что либо я убью вас, а он подстрелит меня и так избавится от нас обоих, и никто ничего не заподозрит, либо же, если я промахнусь, остальные вас повесят — как они и собирались — за то, что вы убили меня! Ему это пришло в голову, когда он подслушал, что вы решились стрелять в воздух.

Учитель понял, что Маккинстри угадал правду, и содрогнулся. Он готов уже был в подтверждение рассказать про то, что услышал от Джонни, но одного взгляда на залитое горячечным румянцем лицо больного было ему довольно, чтобы удержаться и промолчать.

— Не говорите так много, — попросил он. — С меня достаточно знать, что вы больше не вините меня. Я ос-

тался только для того, чтобы просить вас полежать спокойно до прихода доктора, поскольку тут с вами никого нет, а миссис Маккинстри, очевидно...

Он смущенно умолк. Лицо больного приняло удивительно сконфуженное выражение.

— Она вроде как удалилась еще до всего этого, — сказал он. — По причине несогласия между нею и мной. Вы, наверно, заметили, мистер Форд, что она и вообще-то не слишком вас жаловала. На свете нет другой женщины, которая сравнится с дочерью Блэра Ролинса, если надо выходить раненого и вообще содержать мужчину в боевой готовности. Но в делах, которые касаются до нее самой или до Кресс, я, мистер Форд, начинаю думать, что ей немного не хватает покою. Вы, как человек спокойный, ежели что, не обессудьте. Что бы вы от нее ни слышали или, к примеру, от ее дочери — я-то сам беру назад, что наговорил вам в лесу, — не забудьте, мистер Форд, это они не со зла, а просто от недостатка покоя. У меня могли быть свои понятия насчет Кресси, у вас — свои, у этого дурня Дэбни — свои; но старухе все было не по сердцу и Кресси тоже. У дочки Блэра Ролинса было свое на уме, и у ее собственной дочки — тоже свое на уме. А почему? По недостатку покоя, вот почему! Иной раз мне кажется, что покоя вовсе нет в женской природе. Ну, а вы, как сами человек спокойный, поймете и не осудите.

В сонном взгляде его снова выразилось такое страдание, что учитель, поддавшись порыву жалости, осторожно прикрыл ему покрасневшие глаза ладонью и с улыбкой попросил его успокоиться и заснуть. Тот в конце концов послушался и забылся сном, успев шепнуть, что чувствует себя «вроде бы спокойнее». Некоторое время учитель сидел у его изголовья, держа ладонь на глазах спящего; смутное, странное чувство пустоты и одиночества спустилось к нему с голых стропил, подступило из углов обезлюдившего, покинутого дома. За мертвой скорлупой стен стонал порывистый ветер, и слышались в его стоне скорбные, навсегда уходящие голоса. Даже когда в комнату больного вернулся доктор Дюшен в сопровождении одного из домочадцев Маккинстри, учитель остался сидеть у его ложа, охва-

ченный глубокой тоской одиночества, которую не могла развеять бодрая докторская улыбка.

— Ему значительно лучше,— проговорил Дюшен, прислушиваясь к ровному дыханию спящего.— Мой совет вам, мистер Форд, уйти домой, пока он не проснулся, иначе, увидев вас, он может опять разволноваться. Право, теперь он вне опасности. Доброй ночи! Я загляну к вам в гостиницу на обратном пути.

Учитель, подавленный и смущенный духом, ощупью пробрался в темноте к дверям и вышел в ночь. Ветер еще отчаянно крушил вершины деревьев, но грустные, уходящие голоса звучали все дальше, все глуше, а он шел своим путем, и вот они наконец замерли в отдалении навсегда...

Снова наступило утро. Снова был понедельник. И снова задолго до времени учитель уже сидел в классе за своим столом, а перед ним, непросохший и липкий, лежал номер «Звезды». Свежее дыхание сосен проникло в окна, слышались отдаленные голоса его неспешно собирающейся паствы, а учитель сидел и читал:

— «Виновник постыдного ограбления, имевшего место в минувший четверг в Академии Индейцева Ключа,— когда вследствие досадного недоразумения к месту происшествия были вызваны несколько наших наиболее сознательных граждан и дело завершилось плачевным поединком между мистером Маккинстри и нашим ученым и всеми уважаемым директором Академии,— избежал, к нашему искреннему сожалению, заслуженной кары, успев вместе со своими родными покинуть пределы округа. Если, однако, он, как утверждают, повинен, кроме того, еще и в неслыханном нарушении кодекса джентльмена, вследствие коего для него навсегда исключена возможность восстановить свое имя посредством суда чести, наши граждане будут только рады избавиться от унижительной необходимости его арестовать. Те из наших читателей, кто знает двух достойных джентльменов, против воли втянутых во враждебные действия, нимало не удивятся, услышав, что с обеих сторон уже были принесены глубочайшие извинения и entente cordiale¹ пол-

¹ Сердечное согласие (франц.).

ностью восстановлено. Пуля — сыгравшая, по слухам, решающую роль в последовавшем объяснении, поскольку было доказано, что выстрел был сделан из револьвера посторонним лицом, — была извлечена из бедра мистера Маккинстри, состояние которого в настоящее время вполне удовлетворительно и позволяет надеяться на скорое выздоровление».

Улыбаясь чуть насмешливо, хотя и не без приятности, учитель читал этот ценный вклад свободной прессы в историю края. Но вот взгляд его упал на другую заметку, чтение которой уже не доставило ему, вероятно, такого удовольствия:

— «Бенджамин Добиньи, эсквайр, отбывший в Сакраменто по важным делам, связанным, как полагают, с его новыми деловыми интересами в Индейцевом Ключе, в ближайшее время, по сообщениям, ожидает приезда своей супруги, которой его недавние успехи позволили оставить родительский дом в Штатах и занять подобающее ей высокое положение рядом с мужем. Миссис Добиньи имеет репутацию весьма красивой и ученой женщины, и остается только пожалеть, что деловые интересы ее мужа побудили эту чету предпочесть в качестве будущей резиденции город Сакраменто Индейцеву Ключу. В поездке мистера Добиньи сопровождает его личный секретарь Руперт, старший сын Х. Дж. Филджи, эсквайра, многообещающий выпускник Академии Индейцева Ключа, подающий блистательный пример местной молодежи. Мы также рады были узнать, что его младший брат благополучно поправляется после несчастного случая, имевшего место на прошлой неделе из-за неосторожного обращения с огнестрельным оружием».

Не отрывая взгляда от газеты, учитель погрузился в такую глубокую задумчивость, что его маленькая паства успела заполнить классную комнату и стала разглядывать его с откровенным любопытством; только тогда он наконец очнулся. Он торопливо протянул руку к колокольчику, но в это время с места поднялась Октавия Дин.

— Извините, сэр, вы не спросили, есть ли новости.

— Верно. Я забыл, — с улыбкой ответил учитель. — Ну, так как же, можешь ты нам рассказать какую-нибудь новость?

— Да, сэр. Кресси Маккинстри бросила школу.

— Вот как?

— Да, сэр. Она вышла замуж.

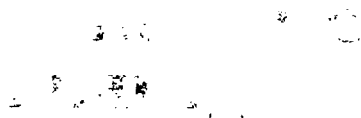
— Замуж,— с усилием повторил учитель, чувствуя, что взгляды всего класса устремлены на его побелевшее лицо.— За кого же?

— За Джо Мастерса, сэр; венчались в баптистской церкви Биг-Блафа в это воскресенье. И мэм Маккинстри там была с ней.

На минуту в классе сделалось очень тихо. Потом голоса его маленьких учеников — этих нерадивых, мудрых и милых нарушителей традиций, этих тактичных, но неумолимых летописцев будущего — зазвенели вокруг него пронзительным хором:

— А мы так и знали, сэр!

СТЕПНОЙ НАЙДЕНЬШ

ГЛАВА I

Бесконечная, унылая, серая равнина, чуть голубеющая вдали, да кое-где темные пятна стоячей воды. Порой — пустоши, и на них неровные черные кострища, а в золе — обрывок газеты, старая тряпка или расплющенная жестянка. Вдали — низкая темная черта, которая ночью словно уходит в землю, но по утрам, едва забрезжит рассвет, появляется снова, на том же месте, на той же высоте. Все едешь и едешь неведь куда, а к вечеру непременно возвращаешься на прежнее место — та же равнина, те же люди вокруг, та же постель и тот же противный черный купол, опрокинутый над головой. Известковый привкус пыли во рту и на губах, песок, забивающийся под ногти, всепроникающая жара и запах скота.

Такой представлялась Великая прерия двум детям, глядевшим на нее из крытого переселенческого фургона, поверх покачивающихся бычьих голов, летом 1852 года.

Вот уже две недели она расстилалась перед ними, всегда одинаковая, не удивляя и не докучая своим однообразием. Когда они смотрели на нее, шагая рядом с фургоном, к прежней картине добавлялась упряжка быков — и только. На парусиновой кровле одного из фургонов большими черными буквами было написано: «Впе-

ред, на Калифорнию!», на другом — «Пусти корни или умри», но ни та, ни другая надпись вовсе не казалась детям смешной или остроумной. По-видимому, у них не укладывалось в сознании, что мрачные люди, которые порой шагали рядом с фургоном и к вечеру становились все молчаливее и угрюмее, были когда-то способны шутить.

И все же впечатления у детей были не совсем одинаковые. Старшему из них, одиннадцатилетнему мальчику, явно были в диковинку обычаи и уклад жизни, с которыми младшая, семилетняя, девочка, видимо, сроднилась сызмала. Еда была проще и хуже приготовлена, чем та, к которой он привык. В отношениях между людьми царил свобода и бесцеремонность, в домашнем обиходе — простота, граничащая с грубостью, а говорили они так, что порой он не понимал почти ни слова. Спал он не раздеваясь, завернувшись в одеяла; он понимал, что должен сам следить за собой, сам добывать себе воду для умывания и полотенце. Впрочем, мальчик едва ли страдал от этого, его, по молодости лет, занимала лишь новизна. Он с аппетитом ел, крепко спал, и жизнь казалась ему интересной. Лишь иногда грубость спутников или, что еще хуже, их безразличие, которое заставляло его чувствовать свою зависимость от них, пробуждало в нем смутное ощущение какой-то несправедливости, совершенной по отношению к нему, и хотя никто из окружающих об этом не догадывался, да и сам он пытался отмахнуться от этого тягостного чувства, оно все время дремало в его детском сознании.

Его спутники знали, что он сирота, его привел к ним в «Сент-Джо»¹ какой-то родственник его мачехи с тем, чтобы в Сакраменто мальчика сдали на руки другому родственнику. Так как мачеха даже не пришла с ним проститься, а отправить его поручила своему родственнику, у которого он жил последнее время, в караване решили, что она просто-напросто «справила» его, и даже сам мальчик невольно смирился с этой мыслью. Сколько было уплачено за его проезд, он не знал; он помнил только, что ему велели «не болтаться зря». И он охотно помогал всем, хотя порой неумело, как всякий новичок;

¹ Сент-Джо — Сент-Джозеф, город на востоке США.

впрочем, это не означало, что он у них в услужении или чем-либо выделяется среди этих людей, которые все, как один, не гнушались тяжелой работой, и жизнь казалась ему чудесной, как сплошной затянувшийся пикник. К тому же миссис Силсби, мать его маленькой подружки и жена главного караванщика, не делала различия между ним и своей дочерью. Рано состарившаяся, болезненная, измученная заботами, она была просто слишком занята, чтобы уделять дочке больше материнской заботы, и одинаково сердито ворчала на обоих детей.

Задний фургон скрипел, раскачивался и медленно, тяжело катился вперед. Копыта быков, мерно, с глухим стуком ударяя по земле, вздымали по обе стороны колен маленькие дымчатые облачка пыли. В фургоне дети играли в магазин. Девочка, изображая богатую и привередливую покупательницу, выбирала товар, а мальчик сидел за прилавком, сооруженным из подручных средств,— фургонного сиденья, положенного на бочонки с гвоздями; они называли друг друга то настоящими, то вымышленными именами, как придется, и расплачивались ходкой монетой, в которой никогда не было недостатка,— сушеными бобами и кусочками бумаги. Когда возникала нужда дать сдачу, это делалось проще простого: бумагу рвали на более мелкие клочки. Запасы в лавке не иссякали — один и тот же товар покупался несколько раз под различными наименованиями. Однако, несмотря на столь благоприятные для коммерции условия, торговля шла вяло.

— Могу предложить вам прекрасную материю двойной ширины по четыре цента ярд,— сказал мальчик, вставая и опираясь кончиками пальцев о прилавок, как часто делали приказчики у него на глазах.— Чистая шерсть и отлично стирается,— добавил он развязно и в то же время с важностью.

— У Джексона я могу взять дешевле,— возразила девочка с бессознательным лукавством, свойственным представительницам ее пола, которые так любят торговаться.

— Ну и пожалуйста,— сказал мальчик.— А я больше не играю.

— Подумаешь!— отозвалась девочка равнодушно. Мальчик быстро развалил прилавок; скатанное одеж-

ло, изображавшее материю, из-за которой шел спор, упало на пол фургона. Это, видимо, подало недавнему продавцу новую мысль.

— Слушай! Давай играть в «дешевую распродажу». Понимаешь, я свалю все в кучу и стану продавать за дешево.

Девочка посмотрела на него. Это предложение показалось ей слишком дерзким и в то же время заманчивым. Но она, видимо, из упрямства, отказалась и взяла свою куклу, а мальчик залез на козлы. Неудавшаяся игра была мгновенно забыта с равнодушием и легкомыслием, общим для всех зверенышей. Если бы оба могли в тот же миг улететь или ускакать в разные стороны, они сделали бы это без всяких церемоний, беззаботно, как птица или белка. А фургон все катился вперед. Мальчик увидел, как один погонщик залез в задок переднего фургона. Другой продолжал сонно шагать по пыльной дороге.

— Кларенс,— позвала девочка.

Мальчик, не поворачивая головы, отозвался:

— Тебе чего, Сюзи?

— Ты кем будешь?— спросила она.

— Кем буду?— переспросил Кларенс.

— Ну, когда вырастешь,— пояснила Сюзи.

Кларенс ответил не сразу. Он давно и твердо решил стать пиратом, беспощадным, но справедливым. Однако в то утро он прочитал в истрепанном «Путеводителе по прерии» про форт Ларам и Кита Карсона¹ и предпочел судьбу разведчика, что было гораздо доступнее и не требовало такой массы воды. Но, полагая, что Сюзи не знает, кто такие разведчики, и щадя ее самолюбие, он умолчал о том и о другом, скромно ответив, как и полагается всякому уважающему себя американскому мальчику:

— Президентом.

Верное дело, тут и объяснять ничего не нужно, и все старики, услышав такой ответ, ласково гладят тебя по головке.

— А я буду женой священника,— сказала Сюзи,— разведу кур, и все будут приносить мне подарки. Пелен-

¹ Кристофер Карсон — известный в прошлом веке американский охотник.

ки, распашонки, яблоки, яблочный соус... и патоку! И снова пеленки! И мясо, когда поросенка заколют!

Она уселась с куклой на дно фургона, спиной к нему. Ему была видна ее круглая кудрявая головка и согнутые голые коленки с ямочками, на которые она напрасно пыталась натянуть подол своей короткой юбочки.

— А женой президента мне быть неохота,— сказала она, помолчав.

— Ты и не можешь!

— Могу, только не хочу.

— Нет, не можешь!

— Нет, могу!

— А вот и не можешь!

— Это почему?

Затрудняясь объяснить, почему, по его мнению, она не пригодна для такой роли, Кларенс решил, что молчание будет не менее уничтожающим ответом. Они долго молчали. Было жарко и пыльно. Фургон, казалось, почти не двигался. Кларенс посмотрел на дорогу сквозь полукруглое отверстие над задним бортом фургона.

Он вскочил и прошел назад.

— Я вылезу,— сказал он, перекидывая ноги через борт.

— Мама не велит,— сказала Сюзи.

Кларенс не ответил и прыгнул на землю у самых медленно вращавшихся колес. Он мог свободно идти шагом, держась за задний борт.

— Кларенс!

Он поднял голову.

— Сними меня!

Она уже натянула капор и стояла у откидного борта, протянув ручонки, уверенная, что он ее поймает, и мальчик не мог ей отказать. Он ловко подхватил ее. Они постояли немного на месте, а фургон с грохотом удалялся, раскачиваясь из стороны в сторону, словно плыл по бурному морю. Они не двигались, пока фургон не отъехал шагов на сто, а потом в полуискреннем-полупритворном, но веселом испуге пустились бежать и нагнали его. Они сделали так несколько раз, пока не иссякли их силы и не остыл интерес, и снова не спеша побрели за фургоном, взявшись за руки. Вдруг Кларенс воскликнул:

— Ой! Сюзи, гляди!

Фургон снова был довольно далеко. А на дороге, прямо перед ними, отрезав их путь, появилось удивительное существо.

С первого взгляда оно было похоже на собаку, не на честного сторожа, отбившегося от каравана какого-нибудь гуртовщика, а на шелудивого, жалкого, бездомного, приبلудного пса. Он был весь такой тощий, грязный, облезлый, неуклюжий, ленивый! Но, приглядевшись повнимательней, они увидели, что седоватая щетина у него на спине стоит торчком, бока покрыты отвратительными подпалинами, задние лапы не боязливо поджаты, а просто такие от природы. Пес поднял настороженную морду, и они увидели, что его тонкие губы слишком коротки и не прикрывают белых клыков, оскаленных, словно в вечной улыбке.

— Собачка, собачка!— сказал Кларенс взволнованно.— Собаченька! Поди сюда.

Сюзи торжествующе засмеялась.

— И ничего это не собачка, дурачок, это койот.

Кларенс покраснел. Уже не в первый раз дочь пионера давала ему почувствовать свое превосходство. Он быстро сказал, пряча смущение:

— Все равно я его поймаю. Подумаешь, койотик несчастный!

— А вот и не поймаешь,— сказала Сюзи, качая головой.— Он быстрее лошади бегают.

И все же Кларенс побежал к койоту, а за ним и Сюзи. Подпустив их футов на двадцать, ленивое существо без видимого усилия сделало несколько неуклюжих скачков и остановилось на прежнем расстоянии. Они с веселым увлечением повторили свою атаку несколько раз, и зверь все отступал перед ними, хотя и не убегал. Наконец обоим пришло в голову, что если им его не поймать, то и прогнать тоже не удастся. И тогда Сюзи, многозначительно округлив глаза, высказала вслух опасение, рожденное этой догадкой:

— Кларенс, а ведь он кусается.

Кларенс поднял твердый, спекшийся под солнцем комок земли и с разбегу швырнул в койота. Бросок был меткий. Ком угодил койоту в заднюю лапу. Зверь ощерился, коротко, злобно тявкнул и скрылся. Кларенс с победоносным видом вернулся к своей подружке. Но она

пристально всматривалась куда-то в сторону, и тут он в первый раз заметил, что, гоняясь за койотом, они описали полукруг.

— Кларенс,— сказала Сюзи с коротким отчаянным смешком.

— Чего?

— Фургон уехал.

Кларенс вздрогнул. В самом деле, не только их фургон, но весь караван, с быками и погонщиками, исчез бесследно, словно его унес ураган или поглотила земля! Даже низкого облака пыли, которое стало следом за ним и днем было видно издали, и того не осталось. Широкая прерия тянулась вдаль, к заходящему солнцу, без признака, без малейшего следа жизни или движения. Огромная голубая прозрачная чаша, днем наполненная пылью и светом, а ночью темнотой и звездами, края которой, казалось, замыкали мир со всех сторон, теперь словно приподнялась, пропустив караван, а их снова прикрыла навеки.

ГЛАВА II

Первым их ощущением была радость зверенышей, почуявших свободу.

Они молча поглядели друг на друга сияющими глазами и глубоко вздохнули. Но эта невольная вспышка диких инстинктов скоро угасла. Ручонка Сюзи протянулась к Кларенсу и ухватила за его курточку. Мальчик понял и сказал поспешно:

— Далеко уехать они не могли, а как хватятся нас, сразу остановятся.

И они пустились рысцой; солнце, вслед за которым они двигались каждый день, и недавние следы колес безошибочно указывали путь; свежий, прохладный воздух прерий, очистившись от вездесущей пыли и запаха бычьего пота, овеивал и бодрил ребятшек.

— Совсем не страшно, правда?— сказала Сюзи.

— А чего бояться?— презрительно отозвался Кларенс.

Он произнес это с тем большей убедительностью, что вдруг вспомнил, как часто их на целые часы оставляли

в фургоне одних, без присмотра, и теперь их отсутствие могут не заметить до тех пор, пока часа через два караван не остановится на ночлег. Они бежали не очень быстро, но то ли сами не замечали, как устали, то ли воздух стал разреженной, во всяком случае, оба сильно запыхались. Вдруг Кларенс остановился.

— Вон они.

Он указал на легкое облачко пыли далеко на горизонте, в котором на миг мелькнул и вновь пропал темный силуэт фургона. Но пока они вглядывались в даль, облако, как волшебный мираж, опускалось все ниже к земле, и вот уже караван исчез без следа, и впереди опять тянулась только пустая колея. Они не знали, что прерия, казавшаяся такой плоской и ровной, на самом деле была холмистой, и исчезнувший караван просто скрылся из вида за каким-нибудь дальним склоном точно так же, как и раньше. Однако они почувствовали разочарование, и от этого прорвалось наружу то, что они до сих пор скрывали друг от друга. Девочка не выдержала первая, из глаз ее брызнули злые слезы. Этого проявления слабости было довольно, чтобы вызвать в мальчике прилив гордости и сил. Теперь они уже не были равны в беде; он стал ее защитником, он почувствовал себя ответственным за них обоих. Не считая ее больше ровней, он перестал быть с ней искренним.

— Ну, чего нюни распустила!— сказал он с напускной грубостью.— Перестань, слышишь! Вот сейчас они остановятся и пошлют кого-нибудь за нами. А может, и послали уже.

Но Сюзи, уловив с женской проницательностью неискреннюю ноту в его голосе, набросилась на мальчика и принялась яростно колотить его кулачками.

— Никого они не послали! Никого! Никого! Сам ведь знаешь! Как не стыдно врать!

Обессиленная этим порывом, она вдруг бросилась ничком в траву, крепко зажмурила глаза и вцепилась в сухие стебли.

— Вставай,— сказал мальчик, бледный, решительный, словно сразу повзрослевший.

— Отстань!— огрызнулась Сюзи.

— Ты что ж, хочешь, чтоб я ушел, а тебя бросил?— сказал мальчик.

Она украдкой приоткрыла один синий глаз под надежным прикрытием капора и взглянула на его преобразившееся лицо.

— Ну и пу-у-усть.

Он сделал вид, будто хочет уйти, но на деле только повернулся и взглянул на заходящее солнце.

— Кларенс!

— Ну?

— Подними меня.

Она протянула руки. Он осторожно поднял ее с земли, взял на руки и положил ее голову к себе на плечо.

— Ну вот что,— сказал он,— ты хорошенько гляди в ту сторону, а я в эту, и мы их живо найдем.

Эта мысль ей как будто понравилась. Несколько секунд Кларенс шел спотыкаясь, в молчании, потом она спросила:

— Ты видишь чего-нибудь, Кларенс?

— Ничего.

— И я ничего.

Такое равенство между ними, очевидно, ее успокоило. Вскоре девочка поникла у него на руках. Она заснула.

Солнце садилось; вот оно уже коснулось края горизонта и светило теперь ему прямо в усталые глаза. Иногда оно совсем слепило его, мешало смотреть. Горизонт подернулся дымкой, среди которой плавали черные пятна, и от однообразной поверхности прерии отсвечивали круги, словно двойники солнца. Тогда он решил не смотреть вперед, пока не сосчитает до пятидесяти, потом до ста, но результат был все тот же — он снова видел лишь пустынную, безбрежную прерию, солнечный диск, который, опускаясь за горизонт, становился все багровее, да зарево, которое занималось от этого диска, и больше ничего.

Шатаясь под тяжестью своей ноши, он пробовал отвлечься, воображая, как будет обнаружено их отсутствие. Он словно слышал угрюмые, недовольные голоса, спорящие, как всегда по вечерам, о месте ночлега. Услышал недовольный голос Джона Силсби, когда тот остановился возле их фургона и сказал: «Ну-ка вылазьте оба, да поживей!» Услышал, как он строго повторил свой приказ. Увидел раздражение на пропыленном, об-

росшем щетиной лице Силсби, когда он быстро заглянул в пустой фургон. Услышал возглас: «И куда только подевались эти чертенята?» — который летит от фургона к фургону. Услышал ругательства, высокий, визгливый голос миссис Силсби, проклятия по своему адресу, и вот Силсби хмуро и поспешно отправляется на поиски с одним из наемных работников, а там пойдут крики, попреки. Попреки всегда достаются ему, старшему, который должен «быть умнее». Легкий испуг, пожалуй, но ни жалости, ни сочувствия с их стороны он не мог себе представить. Возможно, мысль эта укрепила в нем чувство гордости; если б его ждало сочувствие, он, наверное, не выдержал бы.

Он споткнулся и вынужден был остановиться, чтобы не упасть ничком. Идти дальше он не мог; он задыхался; пот катил с него градом; ноги подкашивались, в ушах стоял гул; багровые пятна расплескались вокруг него, как пятна крови. Справа от тропы оказался пригорок, где можно было присесть отдохнуть, не переставая бдительно следить за горизонтом. Но, дойдя до пригорка, он увидел, что это лишь заросли высокой травы, и вошел в них со своей ношей. Трава хоть мешала ему видеть прерию, все же оказалась удобным ложем для Сюзи, которая спала как ни в чем не бывало, словно просто прилегла вздремнуть, она кое-как защищала девочку от холодного ветра, подувшего с запада. Измученный вконец, но боясь поддаться сковывающему его оцепенению, Кларенс не то присел, не то опустился на колени рядом с ней, упираясь одной рукой в землю, и, полускрытый высокой травой, напряженно смотрел на пустую тропу.

Багровый диск опускался все ниже. Его жадное пламя, казалось, уже поглотило часть расстояния. Когда солнце опустилось совсем низко, оно метнуло длинные сверкающие лучи, веером рассыпавшиеся по прерии, и взволнованному мальчику почудилось, будто оно тоже ищет заблудившихся детей. Когда один длинный луч задержался над их убежищем, он подумал даже, что этот луч может указать дорогу Силсби и его спутникам, и, с трудом встав на ноги, выпрямился, чтобы на него падал свет. Но луч вскоре угас, и тогда Кларенс снова присел, борясь со сном. Он знал, что до темноты еще

добрый час, и когда исчезает таинственное величие заката, все вокруг видно еще ясней и отчетливей. Теперь, когда огненный меч, который рассекал пространство между ними и исчезнувшим караваном, был наконец-то вложен в ножны, глаза мальчика почувствовали желанное облегчение.

ГЛАВА III

Когда солнце зашло, воцарилась зловещая тишина. Кларенс прислушивался к тихому дыханию Сюзи, и ему казалось даже, что он слышит среди этого гнетущего безмолвия всей природы удары собственного сердца. Ведь днем караван всегда двигался под монотонный скрип колес и осей, и даже тишину ночлега так или иначе нарушали люди, беспокойно ворочавшиеся в фургонах, или сопение быков. Здесь же — ни шороха, ни шевеления. Болтовня Сюзи или даже звук его собственного голоса разрушили бы томительную тишину, но теперь он в своем самоотречении боялся тревожить девочку даже шепотом. Быть может, она и так скоро проснется от голода и жажды, и тогда что ему делать? Ах, если бы долгожданная помощь подоспела вот сейчас, пока она спит! Его мальчишеское воображение говорило ему, что, если он сможет вернуть ее родителям спящей, уберечь от страха и страданий, он хоть отчасти искупит свою вину, а она скорее забудет о случившемся. А если помощь не придет... Нет, он не хотел об этом думать! Если Сюзи тем временем захочет пить, что ж, может быть, пойдет дождь, и к тому же по утрам всегда выпадает роса, которую они так часто, забавляясь, стряхивали с травы; он снимет с себя рубашку и соберет в нее дождевые капли, как моряк, потерпевший кораблекрушение. Это будет смешно, и она развеселится. Но он сам смеяться не будет; он чувствовал, что среди этого одиночества становится совсем взрослым.

Темнеет. Сейчас они, наверное, уже шарят по фургонам. И тут его начали одолевать новые сомнения. Может быть, теперь, когда он отдохнул немного, а ночная тьма еще не сгустилась, воспользоваться тем, что заря на западе еще не догорела и может послужить ему ориентиром? Но он боялся разбудить Сюзи! Что ее ждет?

Страх снова оказаться один на один с ее страхом, не иметь возможности успокоить ее побудил его остаться на месте. И все же он тихонько выполз из травы и на пыльной тропе обозначил четыре стороны света, пока еще можно было определить их по закату, отметив запад большой печатной буквой З. Мальчик был очень горд этой своей выдумкой. А будь у него под рукой еще шест, палка или хотя бы сук, он привязал бы к нему носовой платок и поднял этот флаг над травой, как опознавательный знак, на случай, если его одолеет усталость или сморит сон, и тогда был бы совсем счастлив. Но вокруг не было ни деревца, ни кустика; и он даже не подозревал, что именно это, а также укромность их убежища спасет их от грозной опасности.

С наступлением ночи поднялся ветер и, словно долгий вздох, прошелестел по прерии. Этот вздох перешел в невнятное бормотание, и вскоре весь бесконечный простор, прежде чем погрузиться в зловещее безмолвие, словно проснулся, издавая какие-то невнятные жалобы, неумолчный ропот и тихие стоны. Порой мальчику чудилось, будто он слышит далекие оклики или чей-то шепот прямо над ухом. В тишине, воцарявшейся после каждого порыва ветра, ему слышался скрип фургона, глухой стук копыт или обрывки речи, он напрягал слух, но вот уже новый порыв ветра разнес и разметал их по прерии. От напряжения мысли его заволокло туманом, как недавно глаза, ослепленные солнцем, и странное оцепенение разлилось по телу. Голова его то и дело клонилась на грудь.

Вдруг он вздрогнул и очнулся. Между ним и горизонтом неожиданно появилась движущаяся тень! Она была в каких-нибудь двадцати шагах и так отчетливо вырисовывалась на спокойном светлом небе, что казалась от этого еще ближе. Это была человеческая фигура, но вся такая взъерошенная, такая причудливая и вместе с тем такая зловещая и ребячливо-нелепая в своей необычности, будто из детского сна. Это был верховой, но он так нелепо выглядел на своей маленькой лошадке, чьи стройные ноги словно вросли в землю, что его можно было принять за клоуна, отставшего от какого-нибудь захудалого бродячего цирка. На голове у него была высокая шляпа без донышка и полей, подо-

бранная где-нибудь среди отбросов цивилизации и украшенная индюшиным пером; на плечи было накинуто рваное и грязное одеяло, едва достававшее до ног, татуированных, словно обтянутых засаленными узкими желтыми чулками. В одной руке он держал ружье; другую козырьком приставил к глазам, жадно вглядываясь куда-то в даль, на запад от того места, где притаились дети. Потом лошадка бесшумно сделала десяток быстрых шагов, и призрак передвинулся вправо, причем взгляд его по-прежнему был прикован к той же таинственной точке на горизонте. Сомнений не было! Раскрашенное лицо, похожее на лица древних иудеев, большой нос с горбинкой, выступающие скулы, широкий рот, глубоко посаженные глаза, длинные, невьющиеся, спутанные волосы! То был индеец! Не живописный герой фантазии Кларенса, но все же индеец! Мальчику стало не по себе, он насторожился, ошетинился, но не испытывал страха. Презрительно, с превосходством цивилизованного человека разглядывал он полугололого дикаря с тупым, грубым лицом, сравнивая его одежду со своей, как смотрят на отсталое существо представители «высшей расы». Но еще через мгновение, когда индеец повернул лошадь и исчез за холмами на западе, странный холодок пробежал по телу мальчика, хотя он и не подозревал, что вместе с этим безобидным на вид призраком, этим раскрашенным пигмеем мимо него прошла сама смерть во всем своем ужасном величии.

— Мамал

Это был голос Сюзи, которая силилась стряхнуть с себя сон. Должно быть, ей бессознательно передался внезапный страх мальчика.

— Молчи!

Он вглядывался теперь в ту же точку, куда смотрел индеец. Там и вправду что-то есть! Какая-то темная полоса надвигалась на них вместе со сгущающейся темнотой. Мгновение он не мог признаться в своих мыслях даже самому себе. Это был другой караван, который двигался следом за ними! И, судя по скорости движения, незнакомые люди ехали на лошадях и торопились к месту ночлега. Кларенс и не мечтал, что помощь может прийти оттуда. Так вот что высматривали острые глаза индейца, вот почему он так поспешно ускакал!

Чужой караван приближался крупной рысью. Видимо, он хорошо снаряжен, там пять или шесть больших фургонов и несколько верховых. Через полчаса они будут здесь. И все же Кларенс не стал будить Сюзи, которая снова крепко уснула; им все еще владела суеверная мысль, что ее спокойствие важнее всего. Он скинул куртку, прикрыл ею плечи девочки и устроил ее поудобнее. Потом снова взглянул на приближающийся караван. Но по какой-то непонятной причине караван вдруг переменял направление и вместо того, чтобы ехать по колее, которая привела бы его к ним, свернул влево! Через десять минут он пройдет мимо в полутора милях от их убежища! Кларенс знал, что, если сейчас разбудить Сюзи, она оцепенеет от страха, а с ней на руках ему не преодолеть и половины этого расстояния. Он мог бы побежать к каравану один и позвать на помощь, но нет, он ни за что не оставит ее одну в темноте, ни за что! Ведь она, если проснется, может умереть со страха или побредет куда глаза глядят! Нет! Караван уйдет, и вместе с ним уйдет надежда на помощь. Комок подкатил к горлу, но мальчик проглотил его и снова овладел собой, хоть и дрожал от ночного ветра.

Караван уже почти поравнялся с ними. Кларенс выбежал из высокой травы, размахивая над головой соломенной шляпой в слабой надежде, что его заметят. Но он не решился отойти далеко, так как, оглянувшись, с беспокойством увидел, что их убежище едва отличишь среди прерии. Теперь ему стало окончательно ясно, что уходить нельзя. Даже если он догонит караван и приведет сюда кого-нибудь, как найти Сюзи среди этой беспредельной пустоты?

Он провожал глазами медленно удалявшийся караван, все еще машинально, почти без всякой надежды размахивая шляпой и бегая взад-вперед возле своего убежища, словно навеки прощался с уходящей надеждой. И вдруг ему показалось, что силуэты трех верховых, ехавших впереди, как-то изменились. Это были уже не четкие, чуть удлинненные черные квадратики на фоне горизонта, их очертания сперва расплылись, стали неясными, а потом начали вытягиваться все выше и наконец сделались похожими на восклицательные знаки. Мальчик не переставал размахивать шляпой, а они станови-

лись все выше и тоньше. И он понял: три квадратика, изменившие форму,— это три всадника, приближающиеся к нему.

Вот что он видел прежде:

А вот что увидел сейчас:

Он бросился взглянуть, не проснулась ли Сюзи, потому что теперь, когда спасение было так близко, его навязчивое стремление сберечь ее покой стало еще сильнее. Она пошевелилась, но не проснулась. Он снова побежал на открытое место.

Видимо, всадники остановились. Что же они? Почему не подъедут ближе?

Вдруг одного из них озарила ослепительная вспышка света. Над головой мальчика что-то просвистело, словно пролетела птица и, невидимая, умчалась вдаль. Это был ружейный выстрел; ему, Кларенсу, подали сигнал, как взрослому. В этот миг он жизнь отдал бы за ружье. Но ему оставалось только неистово размахивать шляпой.

Один из всадников оторвался от других и снова во весь опор помчался вперед. Он приближался, могучий, большой, грозный, казавшийся в темноте еще огромнее. Вдруг он стремительно вскинул руку, предупреждая остальных; и голос его, мужественный, искренний, успокаивающий, звонко разнесся по прерии:

— Стойте! Боже правый! Это не индеец, это ребенок!

Еще мгновение — и он осадил коня перед Кларенсом, склонился над ним, красивый, сильный мужчина с густой бородой, такой не даст в обиду.

— Эй! В чем дело? Ты откуда взялся?

— Отстал от каравана мистера Силсби,— сказал Кларенс, указывая на темнеющий запад.

— Отстал? И давно?

— Часа три назад. Я думал, они вернутся за нами,— виновато объяснил Кларенс этому большому, добродушному человеку.

— И ты решил дожидаться здесь?

— Ну да... решил... а потом увидел вас.

— Так какого же дьявола ты не побежал прямо к нам, а торчал здесь и заставлял нас сделать крюк?

Мальчик потупился. Причина осталась все та же, но она вдруг показалась ему такой глупой и ребяческой, что он не решился объяснить.

— Хорошо еще, что мы глядели в оба, не шныряют ли где краснокожие,— продолжал незнакомец,— иначе могли бы и не заметить тебя, а то и застрелить. Чего ради ты тут стоял столбом?

Мальчик по-прежнему молчал.

— Кларенс,— послышался из травы тоненький, сонный голосок,— подними меня.

Сюзии проснулась: ее разбудил выстрел.

Незнакомец быстро повернулся на голос. Кларенс вздрогнул и стряхнул с себя оцепенение.

— Ну вот,— сказал он с упреком,— разбудили все-таки. Из-за нее я и оставался здесь. Мне ее было не донести до вас. А идти она не смогла бы со страху. Будить ее я не хотел, чтоб не напугать, а если б оставил здесь спящую, потом не нашел бы. Вот и все!— Он ждал, что его будут ругать, но пускай, ведь Сюзии уже в безопасности.

Мужчины переглянулись.

— Значит,— сказал тихо первый,— ты не побежал к нам из-за своей сестренки?

— Она мне не сестра,— быстро ответил Кларенс.— Просто девочка. Дочка миссис Силсби. Мы сидели в фургоне, а потом слезли. Это я виноват. Я сам ее снял.

Трое мужчин подъехали ближе, окружили его, нагнулись к нему с седел, упершись руками в колени и склонив головы набок.

— Выходит,— сказал первый серьезно,— ты, старина, порешил лучше остаться здесь и разделить с ней ее судьбу, чем напугать или бросить ее, хотя это был твой единственный шанс спастись!

— Да,— сказал мальчик, досадуя, что эти взрослые вечно долбят одно и то же.

— Подойди-ка поближе.

Упрямо насупившись, мальчик шагнул вперед. Мужчина сдвинул ему на затылок рваную соломенную шляпу и заглянул в лицо, отчего Кларенс потупился. Не снимая руки с головы мальчика, он повернул его к остальным и сказал тихо:

— Каков щенок, а?

— Да, уж щенок будь покоен,— отозвались они.

Голос не был сердитым, хотя при слове «щенок» мужчина выдвинул вперед нижнюю челюсть, шутливо изображая английского дога. Не успел Кларенс сообразить, обидно ли такое прозвище, мужчина подставил ему ногу, продетую в стремя, и, поманив его рукой, сказал:

— Полезай!

— А Сюзи?— спросил Кларенс и попятился.

— Вон, гляди, она уже пристроилась к Филу.

Кларенс обернулся. Сюзи выползла из густой травы, капор ее болтался на спине, локоны разметались, курточка Кларенса висела на плечах, и девочка, еще розовая от сна, серьезно и дружелюбно смотрела в смеющиеся глаза одного из мужчин, который, протянув руки, склонился к ней с седла. Мальчик не поверил своим глазам. Сюзи, пугливая, капризная дикарка Сюзи, которую он так оберегал и боялся разбудить, готовый пожертвовать чем угодно, лишь бы она не узнала, что лишилась крова и родителей,— этот простодушный ребенок, как видно, забыв обо всем, пошел на руки к первому встречному! Но, видя это, Кларенс не упрекнул ее в неблагодарности. Он только порадовался за нее и с довольной мальчишеской улыбкой прыгнул в седло впереди незнакомца.

ГЛАВА IV

Они быстро доскакали до каравана, и дети, чувствуя себя уверенно и спокойно в руках своих спасителей, испытывали тайную, хоть и недолгую радость. Бешеный галоп мустангов, напор ночного ветра, сгущавшаяся темнота и фургоны, которые остановились где-то там, вдалеке, похожие на хижины с горбатыми крышами,— все это казалось лишь приятным и естественным завер-

шением событий дня. К счастью, детям свойственно быстро забывать, и все, что им довелось пережить, не оставило тягостных воспоминаний; они готовы были хоть завтра испытать это снова, уверенные, что все опять кончится благополучно. И когда Кларенс робко протянул руку к поводьям из конского волоса, которыми так непринужденно правил его спаситель, и этот смелый и уверенный наездник шутливо передал их ему, мальчик почувствовал себя и вправду мужчиной.

Но еще больший сюрприз ждал их впереди. Подъехав к фургонам, которые выстроились кольцом, словно заняв оборонительную позицию, они увидели, что этот караван оснащен гораздо лучше и богаче, чем караван Силсби,—они вообще в жизни такого еще не видели. Внутри кольца были привязаны сорок, а может быть, и пятьдесят лошадей, костры уже пылали. Перед одним костром стояла большая палатка, и сквозь раздвинутые полы виднелся стол, накрытый настоящей белой скатертью. Был ли это праздник или же обычная их жизнь? Кларенс и Сюзи, восхищенные всем этим, вспомнили, как обедали сами на голых досках под открытым небом или, если шел дождь, под низкой кровлей фургона. Когда же, осадив лошадей, мужчины сняли детей с седел и они пошли мимо фургонов, в одном из которых была устроена спальня, а в другом кухня, дети только подтолкнули друг друга в немом восторге. И тут снова сказала уже отмеченная нами разница в их восприятии окружающего. Оба были в равной мере приятно удивлены. Но Сюзи поразила лишь новизна неизведанного, она даже испытывала некоторое сомнение, действительно ли все это нужно; Кларенс же, то ли потому, что был опытнее, то ли в силу иного склада характера, сразу почувствовал: все, что он видит здесь,—обычный уклад жизни, не то, что у Силсби, где все казалось ему новым и непривычным. К тому же ему было слегка обидно за Сюзи, как будто ее восторг мог показаться этим людям смешным.

Человек, привезший его сюда,—он, видимо, был здесь главным,—уже вошел в палатку, но тотчас появился снова с женщиной, успев, видимо, обменяться с ней несколькими словами. Кларенс понял, что речь шла о нем и Сюзи; но мальчик, пораженный красотой жен-

щины, необычайной чистотой и аккуратностью ее одежды, тщательностью прически и тем, что она хоть и в переднике, но таком же чистом, как платье, и даже украшенном лентами, не прислушивался к разговору. А когда она с очаровательной улыбкой бросилась к Сюзи и подхватила удивленную девочку на руки, Кларенс, радуясь за свою маленькую подопечную, и думать забыл, что его-то даже не заметили. Бородатый мужчина, очевидно, муж женщины, должно быть, сказал ей об этом и добавил что-то еще, чего Кларенс не расслышал, так как она отозвалась, мило надув губки: «Ну ладно, сейчас»,— и, подойдя к мальчику с той же ослепительной улыбкой, положила маленькую белую руку ему на плечо.

— Значит, ты хорошенько заботился об этой крошке? Она просто ангелочек, правда? Наверное, ты ее очень любишь.

Кларенс покраснел от удовольствия. Правда, ему никогда не приходило в голову сравнивать Сюзи с посланником небес, и к тому же, боюсь, его куда больше восхитила не сама похвала, а та, что ее произнесла, но он был рад за свою подружку. Еще ребенок, он не подозревал, как сильна уверенность прекрасного пола в своей неотразимой власти над мужчиной любого возраста и в том, что Джонни в клетчатом фартуке всегда будет в безнадежном плену у крошки Жанетты в белом передничке, а следовательно, и он непременно должен быть влюблен в Сюзи.

Так или иначе, женщина вдруг быстро унесла Сюзи в свой фургон, и вскоре девочка вернулась уже чисто умытая, причесанная и украшенная бантами, как новая кукла, в то время как Кларенс оставался с ее мужем и другими мужчинами.

— Ну, мой мальчик, мы еще не знаем твоего имени.

— Кларенс, сэр.

— Так тебя зовет Сюзи. Ну, а дальше как?

— Кларенс Брант.

— А ты случайно не родственник полковнику Бранту?— вскользь спросил другой мужчина.

— Это мой отец,— ответил мальчик, и лицо его осветила робкая надежда, что его наконец признают своим.

Двое мужчин переглянулись. Главный из них испытующе посмотрел на мальчика и переспросил:

— Значит, ты сын полковника Бранта из Луисвилля?

— Да, сэр,— подтвердил мальчик, а в душе его смутно шевельнулось беспокойство.— Только он умер,— добавил он, помолчав.

— А когда он умер?— быстро спросил мужчина.

— Уже давно. Я его почти не помню. Я был тогда совсем маленький,— сказал мальчик почти виновато.

— Так ты его не помнишь?

— Нет,— коротко ответил Кларенс.

Он снова замкнулся в себе и начал упрямо твердить одно и то же, как это делают впечатлительные дети, зная, что им никак не выразить свои сокровенные чувства. К тому же он инстинктивно сознавал, что знает об отце так мало все из-за той же непонятной несправедливости, совершившейся над ним. Он почувствовал себя еще более неловко, увидев, как один из мужчин отвернулся, пряча усмешку, потому что не понял его или же не поверил ему.

— А как ты попал к Силсби?— спросил первый.

Заученно, с детским отвращением к сухим подробностям, Кларенс рассказал, в который уже раз, что жил у тетки в Сент-Джо, а потом мачеха послала его с семьей Силсби в Калифорнию, где его возьмет к себе двоюродный брат. Все это он выложил без всякой охоты и интереса, что отнюдь не говорило в его пользу, но он не в силах был побороть себя.

Первый мужчина задумался, потом скользнул взглядом по загорелым рукам Кларенса. И на лице его снова появилась широкая, добрая улыбка.

— А ведь ты, наверное, голоден?

— Да,— сказал Кларенс застенчиво.— Но...

— Что «но»?..

— Я хотел бы сперва умыться,— ответил он нерешительно, вспомнив о чистой палатке, чисто одетой женщине и Сюзи в бантиках.

— Ну это само собой,— сказал его новый друг, видимо, довольный.— Пойдем.— И он повел Кларенса, но не к помятому жестяному тазу, над которым у Силсби умывались желтым обмылком, а в один из фургонов, где стоял умывальник с фаянсовой раковиной и куском душистого мыла. Стоя за спиной Кларенса, он с одобри-

тельным видом наблюдал, как мальчик умывается, чем смутил его еще больше. Потом он спросил отрывисто:

— А ты помнишь дом твоего отца в Луисвилле?

— Да, сэр. Но только это было очень давно.

Кларенс помнил, что дом этот был совсем не такой, как в Сент-Джо, но какая-то врожденная застенчивость не позволила ему сказать это. Он сказал только, что дом, кажется, был очень большой. Выслушав этот сдержанный ответ, его новый друг посмотрел на него еще более испытующе.

— Значит, твой отец был полковник Хэмилтон Брант из Луисвилля, так, а?— спросил он почти доверительным тоном.

— Да,— подтвердил Кларенс с безнадежным упрямством.

— Ну ладно,— беспечно сказал его друг, словно отмахиваясь мысленно от неразрешимой загадки,— пойдем-ка ужинать.

Когда они вернулись в палатку, Кларенс увидел, что стол накрыт только для хозяина, его жены и второго мужчины, которого они звали просто «Гарри», тогда как он, обращаясь к ним, называл их «мистер Пейтон» и «миссис Пейтон», а все остальные — их было человек десять — живописно расположились у другого костра и, как видно, неплохо проводили время. Если бы мальчик мог выбирать, он пошел бы к ним, не только потому, что это выглядело бы, как он считал, более по-мужски, но и потому, что боялся новых расспросов.

К счастью, Сюзи, которая чинно восседала на кое-как устроенном для нее детском стульчике, отвлекла его внимание, указав на свободный стул рядом с собой.

— Кларенс,— сказала она вдруг со своей всегдашней наивностью и пугающей непосредственностью,— гляди, вот цыплята, и яичница с ветчиной, и горячие пышки, и патока, и мистер Пейтон говорит, что мне все это можно.

Кларенс, который вдруг почувствовал себя ответственным за поведение Сюзи, с ужасом увидел, что она зажала золоченую вилку в своем пухлом кулачке, и, зная по опыту, что она вот-вот полезет своей вилкой в общее блюдо, шепнул:

— Тс!

— Кушай, кушай, детка, — сказала миссис Пейтон, одарив Сюзи нежной и ободряющей улыбкой и укоризненно взглянув на мальчика. — Кушай все, что хочешь, моя радость.

— Это же вилка, — прошептал Кларенс, чувствуя себя неловко, так как Сюзи явно собиралась помешать ему молоко в своей чашке.

— Да нет же, Кларенс, это просто ложка с зубчиками, — возразила Сюзи.

Но миссис Пейтон, восхищенная Сюзи, не обратила никакого внимания на эти маленькие проступки, — она пичкала ребенка кушаньями, сама забывая о еде и отрываясь лишь, чтобы откинуть локоны, падавшие на личико Сюзи. Мистер Пейтон смотрел на нее серьезно и ласково. Вдруг взгляды мужа и жены встретились.

— Ей сейчас было бы почти столько же, Джон, — сказала миссис Пейтон едва слышно.

Джон Пейтон молча кивнул и отвел глаза куда-то в темную даль. Человек по имени Гарри тоже рассеянно смотрел в свою тарелку, словно творя молитву. Кларенс подумал: кому же это «ей» и почему две слезинки упали с ресниц миссис Пейтон в чашку с молоком — и испугался, как бы Сюзи не вздумала поднять шум. Только потом он узнал, что у Пейтонов умер их единственный ребенок, а Сюзи преспокойно, ни о чем не подозревая, выпила молоко, в котором материнское горе смешалось с нежностью.

— Наверное, завтра же утром мы нагоним их караван, если только они сами не отыщут нас еще сегодня, — сказала миссис Пейтон, глубоко вздохнув, и с сожалением поглядела на Сюзи. — Может быть, мы проедем хоть часть пути вместе, — добавила она робко.

Гарри засмеялся, а мистер Пейтон сказал серьезно:

— Боюсь, что мы не поедем с ними, даже просто за компанию. И, кроме того, — продолжал он еще более серьезно, понизив голос, — довольно странно, что люди, которых они отрядили на поиски, еще не нашли нас, хотя я велел Питу и Хэнку выехать им навстречу.

— Это просто бессердечно, и больше ничего! — внезапно возмутилась миссис Пейтон. — Ладно еще, был бы только мальчик, который сам может о себе позаботить-

ся. Но бросить на произвол судьбы такую крошку — просто стыд и срам!

Впервые Кларенс изведал горечь пристрастного отношения. Это было тем горше, что он уже по-мальчишески боготворил чистую женщину с ясным лицом и добрым сердцем. Вероятно, мистер Пейтон это заметил и пришел к нему на выручку.

— А может быть, они лучше нас знают, в каких она надежных руках, — сказал он, ободряюще кивнув в сторону Кларенса. — К тому же, возможно, их, как и нас, обманули следы индейцев, и они могли свернуть в сторону.

Это предположение мгновенно напомнило Кларенсу то, что он видел, притаившись в траве. Сказать? Повесят ли ему или высмеют его в присутствии миссис Пейтон? Он поколебался и наконец решил отложить разговор до того времени, когда останется с глазу на глаз с ее мужем. Когда они поужинали и миссис Пейтон осчастливила Кларенса, позволив ему помочь ей убрать со стола и вымыть посуду, все уютно расселись перед палаткой у большого костра. У другого костра мужчины играли в карты и громко смеялись, но Кларенса уже не тянуло к ним. Ему было удивительно спокойно рядом с этой женщиной, излучавшей материнскую нежность, хотя и немного не по себе из-за того, что он умолчал про индейца.

— А Кларенс умеет говорить, — объявила Сюзи, нарушив короткое молчание своим звонким голосом. — Скажи им, Кларенс!

Смущенному Кларенсу пришлось объяснить, что этот дар отнюдь не простая способность говорить, а умение читать стихи, и собравшиеся стали вежливо уговаривать его выступить.

— Скажи им, Кларенс, про того мальчика, который стоял на горячей палубе и говорил: «Ах, где же он?», — попросила Сюзи, уютно устроившись на коленях у миссис Пейтон и рассматривая собственные голые коленки. — Это про одного мальчика, — объяснила она миссис Пейтон, — его отец ни за что не хотел остаться с ним на горячей палубе, хотя мальчик его и упрашивал: «Останься, отец, останься».

После этого ясного, вразумительного и совершенно исчерпывающего изложения «Касабьянки» миссис Хе-

ман Кларенс начал декламировать. К сожалению, читая этот хрестоматийный текст, он показывал главным образом хорошую память и сопровождал чтение теми деревянными жестами, которым научил его школьный учитель. Он изобразил пламя, которое «ревело вокруг», описав вокруг себя рукой полную и правильную окружность; он заклинал своего отца, покойного адмирала Касабьянку, остаться, протянув вперед сложенные руки, словно ждал, что сейчас на него наденут наручники, хотя с огорчением сознавал, что сам никогда не видел и не чувствовал ничего подобного; он единым жестом показал, как его отец «упал, сраженный пулей», а «флаг реял» на мачте. И все же не столько декламация, сколько нечто иное, пробужденное ею в его живом воображении, порой заставляло его серые глаза блестеть, его детский голос дрожать, а губы, увы, не повиноваться. Порой, когда он забывал, что это только стихи, прерия и все вокруг словно уплывало в ночь, пылающий костер у его ног озарял его сиянием славы, и смутная преданность чему-то — он сам не знал, чему — так овладевала им, что он проникновенным голосом передавал ее и, может быть, частицу собственного юношеского восторга своим слушателям, а когда, весь раскрасневшись, умолк, то с удивлением увидел, что картежники отошли от своего костра и собрались вокруг палатки.

ГЛАВА V

— Ты, Кларенс, мало говорил: «Останься, отец, останься», — заметила Сюзи критически. Потом, вдруг выпрямившись во весь рост на коленях у миссис Пейтон, затараторила: — А я умею танцевать. И петь. Могу сплясать «Веселую пирушку».

— А что это за веселая пирушка, деточка? — спросила миссис Пейтон.

— Вот сейчас увидите. Пустите-ка. — И Сюзи соскользнула на землю.

Выяснилось, что «Веселая пирушка» — нечто вроде обрядового африканского танца, который состоял из трех коротких прыжков сначала вправо, потом влево, при этом девочка приподнимала коротенькую юбочку,

без конца переступала на носках неверными ножками, выставляя напоказ голые коленки, под журчащий аккомпанемент своего детского смеха. Награжденная бурными аплодисментами, маленькая артистка, едва дыша, но не сдаваясь, готова была снова ринуться в бой.

— Я ипеть могу,— еле переводя дух, заявила она, видимо, не желая, чтобы аплодисменты смолкли.— Да, петь. Ой, Кларенс,— жалобно сказала она,— что же мне спеть?

— «Бена-Громобоя».

— Ага. «Ты помнишь красотку Алерс, Бен-Громобой?» — начала Сюзи, не переводя дыхания и фальшивя.— «Она от улыбки твоей вся сияла и радости слезы лила...» — И, сдвинув брови, умоляющей скороговоркой: — А дальше как, Кларенс?

— «И от хмурого взгляда дрожала», — подсказал Кларенс.

— «И от хмурого взгляда дрожала!» — пискнула Сюзи.— А дальше забыла. Погодите! Я могу еще спеть...

— «Восславим господа», — подсказал Кларенс.

— Ага.— Тут Сюзи, которая не пропускала ни одного молитвенного собрания ни дома, ни в дороге, почувствовала более твердую почву под ногами.

Тоненьким голоском, быстро, но в то же время не без чувства она начала: «Восславим господа, источник благодати». В конце второй строфы перешептывания и смех стихли. А в середине третьей к пению присоединился бас самого азартного игрока в покер. Его мгновенно поддержал десяток громких голосов, и последнюю строчку пропел уже целый хор, в котором хриплые голоса кучеров и погонщиков слились с сопрано миссис Пейтон и детским голоском Сюзи. Гимн повторили снова и снова, с задумчивыми и отрешенными лицами, он вздымался и падал вместе с ночным ветром и дрожащим заревом костров, угасая в безбрежном таинстве темной прерии.

А потом наступило глубокое и неловкое молчание, и наконец все нехотя разошлись. Миссис Пейтон, прежде чем унести Сюзи, велела ей пожелать Кларенсу «спокойной ночи», и девочка небрежно поцеловала его, хотя эта необычная процедура несколько удивила их обоих, после чего Кларенс остался с мистером Пейтоном.

— А знаете, — сказал он робко, — я видел сегодня индейца.

Мистер Пейтон наклонился к нему.

— Индейца? Где? — спросил он быстро, с тем же недоверием, с каким выслушал фамилию Кларенса и рассказ об его отце.

Мальчик на миг пожалел, что заговорил об этом. Но все-таки со свойственным ему упрямством рассказал подробности. К счастью, наблюдательный от природы, он сумел точно описать, как выглядел индеец, и при этом так искренне выразил свое презрение к чужаку, что у жителя Дальнего Запада не осталось сомнений в его правдивости. Пейтон быстро куда-то ушел, но тотчас же вернулся с Гарри и еще одним мужчиной.

— Ты не ошибся? — спросил Пейтон ободряюще.

— Нет, сэр.

— Как и в том, что твой отец — полковник Брант и что он давно умер? — заметил Гарри с усмешкой.

Мальчик опустил глаза, полные слез.

— Я правду говорю, — сказал он упрямо.

— Хорошо, Кларенс, я тебе верю, — тихо сказал Пейтон. — Но почему же ты молчал до сих пор?

— Не хотел говорить при Сюзи и при... ней! — ответил мальчик, запнувшись.

— При ней?

— Да, сэр, при миссис Пейтон. — И Кларенс покраснел.

— Ишь ты! — сказал Гарри насмешливо. — До чего же мы деликатны, черт возьми!

— Довольно. Оставь его в покое, слышишь? — резко приказал Пейтон своему подчиненному. — Мальчик знает, что говорит. — И он обратился к Кларенсу: — Но как это индеец вас не заметил?

— Я сидел тихо, чтобы не разбудить Сюзи, — сказал Кларенс. — И потом... Он замаялся.

— Что потом?

— Он так следил за вами, что ему было не до меня, — набравшись духу, договорил мальчик.

— Это верно, — вмешался второй мужчина, как видно, человек опытный. — К тому же он был с наветренной стороны от мальчика и не мог учуять его запах. Это был один из их тыловых лазутчиков. Остальные зашли впе-

ред, чтобы отрезать нам путь. А больше ты ничего не видел?

— Сперва я видел койота,— сказал Кларенс, совсем осмелев.

Гарри презрительно фыркнул в сторону.

— Погоди смеяться,— сказал мужчина.— Это тоже верный признак. Волк не пойдет туда, где был другой волк, а койот не последует за индейцами: ему нечем будет поживиться. И давно вы видели койота?

— Сразу, как слезли с фургона,— ответил Кларенс.

— Ясное дело,— сказал мужчина задумчиво.— Он убегал от них или шел сбоку. Индейцы сейчас между нами и тем караваном или же преследуют его.

Пейтон сделал быстрый предостерегающий жест, словно напоминая говорившему о присутствии Кларенса,— жест, который мальчик заметил, но не понял. Потом трое мужчин заговорили вполголоса, но Кларенс отчетливо расслышал последние слова самого бывалого из них.

— Сейчас это бесполезно, мистер Пейтон, вы только выдадите себя, если сниметесь с лагеря ночью. И потом вы же не знаете, кого они выслеживают, может, и нас. Понимаете, если б мы не свернули в сторону, когда испугались этих потерявшихся детишек, то двигались бы дальше и могли угодить прямехонько в ловушку к этим негодяям. По-моему, нам чертовски повезло, так что, если выставить караульных, а я со своими ребятами поеду в дозор, вполне можно остаться здесь до рассвета.

Мистер Пейтон вскоре ушел, взяв с собой Кларенса.

— Завтра, мой мальчик, придется встать чуть свет и сразу же догонять ваш караван, поэтому ложись-ка ты лучше спать. Я уложу тебя в своем фургоне, а сам почти всю ночь не буду слезать с седла, так что тебя не потревожу.

Он повел Кларенса к фургону, стоявшему рядом с тем, куда миссис Пейтон забрала Сюзи, и Кларенс с удивлением увидел там письменный стол, конторку, стул и даже полку с книгами. Кларенсу постелили на длинном сундуке, словно на диване, и белоснежные простыни и наволочки показались ему невиданной роскошью. Мягкая циновка покрывала толстые доски пола, который, как объяснил мистер Пейтон, был подвешен на рессорах, что-

бы не было тряски. Борта и крыша были отделаны светлыми деревянными панелями, в то время как на обычные фургоны переселенцев ставился просто сводчатый каркас, обтянутый парусиной, а еще здесь была застекленная дверь и открывающееся окно, дававшее доступ свету и воздуху. Кларенс недоумевал, как это большой, сильный мужчина, который так свободно чувствует себя на лошади, может сидеть в этой конторе, словно какой-нибудь торговец или адвокат; ему хотелось знать, везет ли этот караван товары для других караванов, или же, подобно бродячим торговцам, доставляет их в города, расположенные по дороге; но мальчик не видел здесь товаров для продажи, а в других фургонах было только самое необходимое. Ему хотелось спросить у мистера Пейтона, кто он такой, спросить его так же свободно, как расспрашивали его самого. Но взрослые обычно не замечают, как несправедливо они отказывают детям в удовлетворении самого естественного и неизбежного любопытства, и хотя Кларенса подвергли бесцеремонному допросу без всякого на то права, сам он не мог поступить так же. А между тем мальчик, как все дети, понимал, что если бы его потом расспросили о тех невероятных событиях, которые происходят с ним теперь, он и тогда не избежал бы нареканий за то, что не может толком ответить. Предоставленный самому себе, он улегся меж простынь и некоторое время лежал так, озираясь. Непривычно удобное ложе, так непохожее на застланную суровым одеялом жесткую койку, на которой он спал вместе с одним из погонщиков, новая обстановка, порядок и чистота повсюду, хоть и были привычны и приятны с детства, начали невольно тяготить мальчика. Лежать здесь казалось ему молчаливой изменой его прежним грубым спутникам; он смутно сознавал, что утратил ту независимость, которую обретал, деля с ними поровну тяготы и радости. Было что-то унижительное в том, что он пользовался этой роскошью, которая ему не принадлежала. Он попытался хоть немного припомнить отцовский дом, большие комнаты, широкие лестницы, высокие, как небо, потолки, холодный распорядок жизни, лица окружающих: одни — отчужденные — лица родителей, другие — добрые и мягкие — то были лица слуг, особенно той негритянки, которая его нянчила. Почему

мистер Пейтон спросил его про это? Почему, если это так важно для посторонних, мама не рассказала ему обо всем подробнее? И отчего она была совсем не похожа на эту добрую женщину с нежным голосом, которая так ласкова к... Сюзи? И за что они так плохо относятся к нему? Комок застрял у него в горле, но мальчик с усилием проглотил его, тихонько соскользнул с кровати, подошел к окну, отворил его, чтобы попробовать, «как оно открывается», и выглянул наружу. Догорающие костры, тускло мерцающие звезды, дозорные, маячившие поодаль,— все словно еще сильнее сгущало мрак, и мысли мальчика приняли иное направление. Он вспомнил, как мистер Пейтон при первой их встрече сказал: «Каков щенок, а?» Ну, конечно же, это была похвала! Он снова забрался в постель.

Заснул он не сразу и все думал о том, что, когда вырастет, станет не разведчиком, а таким же, как мистер Пейтон, и у него будет такой же караван, и он возьмет с собой мистера и миссис Силсби и Сюзи. Завтра же утром он попросит, чтобы им с Сюзи разрешили приходить сюда играть в эту игру. Он будет присматриваться, узнает все и тогда сможет хоть сейчас стать во главе каравана. Ведь он уже имел дело с индейцами! В него даже стреляли один раз, приняв за индейца. Он всегда будет носить при себе ружье, такое же, как вон то, что висит на крюке у двери, непременно убьет множество индейцев и будет вести им счет в большой книге, как вон та, что лежит на конторке. Сюзи будет ему помогать, она вырастет, станет настоящей дамой, и они вместе будут раздавать толпе людей еду и припасы из дверцы фургона. Его будут звать «Белый Вождь», индейское же его прозвище будет «Каков Щенок». А в хвосте каравана у него будет фургон с цирком, в котором он иногда станет выступать сам. А еще у него будут пушки для защиты от врагов. Произойдет ужасная схватка, он бросится в фургон, разгоряченный и окутанный пороховым дымом; и Сюзи запишет про это в книге, а миссис Пейтон — она тоже окажется там, правда, еще неизвестно, каким образом — скажет: «Право же, это наше счастье, что с нами такой молодец, как Кларенс. Я начинаю лучше его понимать». А Гарри, который из каких-то смутных соображений благородного возмездия

тоже должен появиться там, буркнет что-то и со словами: «Да, он, без сомнения, сын полковника Бранта, провалиться мне на этом месте!»—попросит прощения. И его мать тоже появится, как всегда, холодная, безразличная, в белом бальном платье, она удивится и скажет: «Господи, до чего же мальчик вырос! Как жаль, что я так мало обращала на него внимания, когда он был маленький». А потом все спуталось, застыло, стенка фургона словно растаяла, он опять поплыл один по пустынной, заброшенной прерии, откуда вдруг исчезла даже спящая Сюзи, и он остался совсем один, всеми покинутый и забытый. И вот уже все смолкло в фургоне, только ночной ветер свистел вокруг. Но что это?! На ресницах спящего Белого Вождя, бесстрашного военачальника, беспощадного истребителя индейцев, блеснули слезы!

А когда он проснулся со смутным ощущением, словно вдруг остановился с разгона, ему показалось, что прошел всего один миг. Но он с ужасом увидел, что солнце уже часа три как взошло и светит прямо в окно, и от его горячих лучей в фургоне стало жарко и душно. В воздухе ощущался знакомый привкус и запах дорожной пыли. Доски и рессоры потрескивали, фургон подрагивал, даже упряжь еще бренчала—видимо, караван только что двигался и вдруг остановился в пути. Вероятно, они догнали караван Силсби; через несколько секунд все переменится, и удивительному приключению придет конец. Надо встать. Но его, как всякого здорового звереныша, одолевала утренняя лень, и он понежился еще немного, свернувшись клубком на своей роскошной постели.

Как тихо было вокруг! Только вдалеке слышались голоса, но какие-то приглушенные, торопливые. В окно он увидел, как мимо быстро пробежал один из погонщиков, с каким-то странным, тревожным и озабоченным выражением лица, остановился на миг у одного из задних фургонов и снова пробежал вперед. Потом раздался приближающийся глухой стук копыт и два голоса.

— Тащи сюда мальчишку, пускай он скажет,— глухо и нетерпеливо произнес один голос. Кларенс сразу узнал голос Гарри.

— Погоди, вот подъедет Пейтон, тогда,— тихо отозвался другой голос.— Пускай он сам.

— Лучше сразу узнать, они это или нет,— проворчал Гарри.

— Стойте! Дайте дорогу! — прервал их голос Пейтона.— Я сам спрошу.

Кларенс с удивлением посмотрел на дверь. Она открылась, пропустив мистера Пейтона, у которого было какое-то странное, отрешенное лицо. Он только что сошел с лошади и был весь в пыли.

— Сколько фургонов у вас в караване, Кларенс?

— Три, сэр.

— Есть на них какие-нибудь надписи?

— Да, сэр,— с живостью ответил Кларенс.— «Вперед, на Калифорнию!» и «Пусти корни или умри».

Мистер Пейтон поднял голову и что-то очень уж пристально заглянул Кларенсу прямо в глаза, потом снова отвел взгляд.

— Сколько вас было всего?

— Пятеро мужчин да еще миссис Силсби.

— А больше женщин не было?

— Нет.

— Вставай, одевайся,— сказал он серьезно, — и жди меня здесь. Да возьми себя в руки, будь молодцом. — Он слегка понизил голос.— Кажется, тебе еще раз придется доказать, что ты настоящий мужчина, Кларенс!

Дверь закрылась, и мальчик опять услышал глухой стук копыт и голоса, которые замерли где-то впереди. Он машинально и вяло начал одеваться, чувствуя, как в нем поднимается глухое волнение. Одевшись, он стал ждать, затаив дыхание, а сердце у него стучало, совсем как вчера, когда он пытался догнать исчезнувший караван. Наконец ему стало совсем невмоготу, и он открыл дверь. Караван стоял неподвижно, всюду царила тишина, нарушаемая — это уже тогда странным образом поразило его — лишь беззаботной болтовней Сюзи в фургоне рядом. Как знать, не шевельнулось ли в нем вдруг предчувствие, что сейчас решается ее судьба, но только, не в силах усидеть на месте, он выпрыгнул из фургона, огляделся и со всех ног пустился бежать.

Первое, что бросилось ему в глаза, был пустой и беспомощный остов одного из фургонов Силсби, без быков и дышла, одиноко стоявший в четверти мили от него на фоне ослепительно яркого неба. Рядом виднелся второй

фургон, весь разбитый, без передних колес и осей, он словно рухнул на колени, уткнувшись носом в землю, как бык на бойне под ударом топора. Неподалеку виднелись разбитые и обгорелые останки третьего фургона, вокруг которого собрались, кажется, все люди Пейтона, пешие и конные. Мальчик бежал изо всех сил, а толпа тем временем расступилась, пропуская двоих мужчин, которые несли что-то совсем беспомощное, но ужасное. Повинуясь непреодолимому страху, Кларенс на бегу шарахнулся в сторону, но тут его заметили, раздались крики: «Назад!», «Стой!», «Не пускайте его!». Обращая на них не больше внимания, чем на ветер, свистевший вокруг, Кларенс кинулся прямо к переднему фургону — тому самому, в котором они играли с Сюзи. Сильная рука схватила его за плечо; то была рука мистера Пейтона.

— Это фургон миссис Силсби, — едва выговорил мальчик побелевшими губами. — А где же она сама?

— Ее нет, — ответил Пейтон. — И нет одного мужчины. Остальные погибли.

— Она должна быть там! — крикнул мальчик, вырываясь и указывая на фургон. — Пустите!

— Кларенс, — сказал Пейтон строго, еще сильнее сжимая плечо мальчика, — будь же мужчиной! Посмотри вон туда и постарайся назвать нам имена этих людей.

На земле валялось что-то похожее на кучи старого тряпья, одна была чуть поодаль, там, где мужчины по приказу Пейтона положили свою ношу. Эти грязные кучи лохмотьев, из которых без всякой пощады было вырвано все великолепие жизни, казались лишь отвратительными и нелепыми, но ничуть не страшными. Мальчик медленно двинулся к ним; он сам не мог этому поверить, но непреодолимый страх, секунду назад владевший им, вдруг исчез. Он переходил от одного к другому, узнавая людей по различным признакам и приметам, называя имя за именем. Люди с любопытством смотрели на него; он едва ли сознавал, что делает, и еще меньше — что заставило его повернуться к дальнему фургону.

— Там никого нет, — сказал Пейтон. — Мы уже искали.

Но мальчик, не отвечая, пошел к фургону, и все продолжали за ним.

«КРЕССИ»

«КРЕССИ»

Брошенный фургон, показавшийся Кларенсу еще более грубым, неряшливым и грязным, чем раньше, был завален сейчас костями, жестянками, всякими припасами, кастрюлями, сковородками, одеялами, одеждой, и все это валялось в беспорядке, как в зловонной мусорной куче. И из этой беспорядочной мешанины острый глаз мальчика выхватил испачканный подол ситцевого платья.

— Это платье миссис Силсби! — крикнул он и прыгнул в фургон.

Сначала все в недоумении переглянулись, но через секунду десяток рук уже помогали ему, лихорадочно раскидывая и расчищая мусор. Вдруг один мужчина вскрикнул и попятился, подняв помутневшие, но полные ярости глаза к беспощадному, улыбающемуся небу.

— Боже правый! Глядите!

И все увидели желтое, словно восковое лицо миссис Силсби. Но в воображении мальчика оно совершенно преобразилось, знакомые следы тревоги, забот и волнений сменило выражение глубочайшего покоя и умиротворения. При жизни, когда она была полна кипучей энергии, мальчик часто сердил ее; теперь, видя эту холодную, безжизненную маску, он почувствовал раскаяние и робко подался вперед. Едва он сделал шаг, один из мужчин быстро, но осторожно прикрыл ее голову носовым платком, словно торопясь скрыть от него что-то ужасное. Кларенс почувствовал, что его оттаскивают назад; но он успел услышать, как стоявший рядом прошептал побелевшими губами:

— И скальп сняли! О господи!

ГЛАВА VI

А потом потянулись дни и недели, которые казались Кларенсу сном. Сначала их окружала тихая и уважительная сдержанность, к ним никого не подпускали, выказывая при этом какой-то странный, подчеркнутый интерес, который Кларенс тогда оставил без внимания, но вспоминал потом, когда друзья про это забыли; миссис Силсби похоронили под пирамидкой из камней с церемониями, которые при всей своей простоте, казалось, узурпировали священное право горя, принадлежав-

шее только ему и Сюзи, оставив им лишь холодный страх; у Сюзи появились частые и необъяснимые вспышки ребяческой злости, которые с течением времени становились все слабее и реже, пока незаметно не прекратились вовсе; Кларенсу по ночам снились кошмары — кучи рваного тряпья на земле, которые он видел в то утро, и он даже чувствовал сожаление, что не рассмотрел их получше; ему вспоминался разбитый пустой фургон, ужасный в своем одиночестве и заброшенности, который будто безмолвно молился, стоя на коленях, когда караван пошел дальше; а позади катился роковой фургон, в котором нашли тело миссис Силсби и которого все суеверно сторонились, а когда наконец его передали властям на сторожевой заставе, то, казалось, исчезло последнее звено в цепи, связывавшей Кларенса с прошлым. Дети впервые видели заставу, и здесь все было для них внове; красивый офицер в форме, со шпагой у пояса казался героической фигурой мстителя, достойного восхищения и подражания. Кларенс и Сюзи вдруг обрели неожиданную значительность и всеобщее уважение, они были «уцелевшие», их сочувственно расспрашивали, вежливо ужасаясь пережитой ими опасности, что Сюзи сразу приняла как должное. Все это, когда он оглядывался назад, казалось ему сном.

Не менее странными и фантастическими были те перемены, которые дети видели из движущегося фургона. Так, однажды утром неизменная, недвижная, низкая темная полоса на горизонте вдруг исчезла, и еще до полудня они очутились среди скал и деревьев, у бурной реки. А через несколько дней рядом вдруг словно из-под земли вырос горный хребет, уходивший прямо в облака, и они были убеждены, что это и есть та темная полоса, которую они все время видели. Мужчины смеялись над ними и говорили, что вот уже три дня они пересекают эту темную полосу и что она еще выше, чем этот огромный, седой от облаков хребет, который она все это время скрывала от них! И Сюзи твердо верила, что все меняется в то время, пока она спит, потому что она всегда вроде бы «чувствовала, что они ползут вверх», а Кларенс, которому все было нипочем, как это свойственно в очень раннем возрасте, уверенно заявил, что они «вообще-то ни капельки и не поднялись». Потом похолодало,

хотя уже наступило лето, и по ночам приходилось разжигать костер, а в палатке, где спала Сюзи, топили печку; а потом все это словно исчезло, и они снова очутились среди залитой солнцем, пересохшей от зноя прерии! И все это как во сне!

Более реальны были окружавшие их люди — казалось, дети знали их всегда, — и по невинной прихоти детского воображения они представлялись более подлинными, чем некогда были погибшие. Вот мистер Пейтон, которому, как они теперь знали, принадлежит караван и который так богат, что ему «незачем и ехать в Калифорнию, да охота пуще неволи, и ежели ему там понравится, он купит ее чуть ли не со всеми потрохами», да к тому же он юрист и «полисмен» — так Сюзи производила слово «политик», — на заставе его величали «ваша честь» и «господин судья», и он может велеть «арестовать кого угодно», и всех зовет по имени; вот миссис Пейтон, которая слаба здоровьем и доктор предписал ей половину года жить на свежем воздухе «и не возвращаться в город, под крышу»; она решила удочерить Сюзи, как только ее муж договорится с родственниками девочки и выправит все бумаги! А «Гарри», оказывающегося, — Генри Бенем, брат миссис Пейтон и что-то вроде компаньона мистера Пейтона. А разведчика зовут Гас Гилдерслив, или «Белая ворона», и только благодаря его мужеству удалось избежать нападения на их караван. А еще есть «Билл», гуртовщик, и «Техасец Джим», ватеро¹, которому нет равных в искусстве верховой езды. Так они узнавали своих спутников, слушая, что говорят в караване, и наблюдая их собственными неопытными глазами. Все они казались детям замечательными и важными людьми. Но то ли в силу детского любопытства, то ли из страха, что его принимают не за того, кто он есть на самом деле, Кларенса особенно привлекали двое, которые уделяли ему меньше всего внимания, — миссис Пейтон и ее брат Гарри. Боюсь, что, подобно большинству детей, да и некоторым взрослым, он меньше ценил ровное и доброе отношение мистера Пейтона и других, чем скупой знак благосклонности со стороны Гарри или снисходительную вежливость его сестры. Порой он и сам

¹ Пастух (исп.).

с горечью сознавал это и вбил себе в голову, что если бы он мог заслужить хоть слово одобрения у Гарри или улыбку миссис Пейтон, он отомстил бы за себя потом, убежав от них. Трудно сказать, сделал бы он это или нет. Ведь речь идет всего-навсего о неразумном, впечатлительном одиннадцатилетнем мальчике, о чьих чувствах можно с определенностью сказать лишь одно — что они переменчивы.

Но тут у него появился новый кумир, занимавший в караване столь скромное и незаметное положение, что его никак нельзя было причислить к описанным выше людям. Внешностью, ростом, привычками и одеждой он не отличался от других погонщиков и поначалу не вызвал у Кларенса никакого расположения. Но оказалось, что ему всего шестнадцать лет; это был безнадежно испорченный подросток из Сент-Джозефа, чьи родители упростили Пейтона взять его с собой, чтобы убрать подальше от дурной компании и постепенно исправить. Кларенс узнал об этом не сразу, но не из-за недостатка откровенности со стороны юноши, так как впоследствии сей молодой джентльмен важно поведал ему, что убил трех человек в Сент-Лунсе и двоих в Сент-Джо и теперь его разыскивает полиция. Впрочем, было очевидно, что, рано привыкнув пить, курить, жевать табак и играть в карты, этот переросток был к тому же сильно склонен к преувеличению. Недаром его прозвали «Брехун Джим Хукер», и его разнообразные способности представлялись Кларенсу загадкой, заманчивой и влекущей, сомнительной, но всегда полной очарования. Он говорил хриплым голосом, что свидетельствовало о ранней испорченности, но при этом имел круглое, совершенно добродушное лицо и нрав, не лишенный доброты, за исключением тех случаев, когда ему приходилось играть роль головореза, которую он сам себе навязал.

Всего через несколько дней после расправы над Силсби и его людьми, когда детей еще окружало мрачное любопытство, сменившееся бояливой сдержанностью, этот Джим Хукер в первый раз поразил воображение Кларенса. Свисая чуть не до земли с седла, высокий, худощавый, Джим вдруг начал сломя голову носиться на индейской лошадке взад и вперед по дороге, а потом вокруг фургона, в котором сидел Кларенс, при этом он

изо всех сил дергал поводья и всячески старался показать, что лошадь понесла и он держится в седле только благодаря своему бесстрашию и искусству. Лошадь все кружила, седок то беспомощно повисал на одном стремяни у самой земли, то снова выпрямлялся — как казалось Кларенсу — почти нечеловеческим усилием. Мальчик сидел, разинув рот от восхищения и ужаса, а некоторые из погонщиков почему-то посмеивались. Потом из окна фургона раздался спокойный голос мистера Пейтона:

— Ну вот что, Джим, хватит. Кончай!

Бешеная лошадь вместе со всадником мгновенно исчезла. Через несколько секунд пораженный Кларенс увидел, как лихой наездник преспокойно трусит рысцой в хвосте каравана, среди облака пыли, на том же горячем коне, который в этой прозаической обстановке удивительно походил на обычную рабочую лошадку. В тот же день он попросил Джима объяснить, что все это значит.

— Понимаешь, — мрачно сказал Джим, — среди этого сброда нет никого, кто знал бы настоящую цену моей лошади! А ежели кто и подозревает, так не смеет сказать! Кому охота, чтоб выплыло наружу, что у судьи есть мексиканский конь, который уже двоих угробил у старого хозяина и еще одного угробит как пить дать, прежде чем от него избавятся! Да всего за неделю перед тем, как вас нашли, эта лошадь унесла меня из лагеря! А потом как взовьется на дыбы да как сбросит меня, хорошо я удержал ногу в стремяни — вот таким манером. Так и волокла меня милая две башкой вниз, знай только успевай отталкиваться от скал рывками — вот так!

— Почему же вы не высвободили ногу и не отпустили лошадь? — спросил Кларенс, у которого перехватило дыхание.

— С тебя такое могло бы случиться, — ответил Джим с глубочайшим презрением, — но я — ни в жизнь! Я просто дождался, покуда мы не доскакали до высокой крутой горы, и когда лошадь понеслась вниз, она вроде бы оказалась подо мной, я просто извернулся вот так и снова вскочил к ней на спину.

И хотя Джим очень живо показал, как все это было, опустив руки до земли и описав ими дугу, все же это было выше понимания Кларенса, и он робко спросил о менее сложной подробности:

— А почему лошадь понесла, мистер Хукер?

— Краснокожих почуяла!— сказал Джим, небрежно пуская из угла рта струю табачного сока — он один умел делать это с таким шиком.— Твоих, небось, краснокожих.

— Но вы же сами сказали,— нерешительно возразил Кларенс,— что это было за неделю... и...

— Этот мексиканский скакун может чують индейцев за пятьдесят и даже за сто миль,— сказал Джим презрительно, с расстановкой,— и если б судья Пейтон послушал моего совета да не боялся бы, что обнаружится, каких он держит коней, он задал бы индейцам перцу, они и не успели бы вас пальцем тронуть. Да только,— добавил он с мрачным унынием,— у этой мелюзги нет ни духу, ни смелости, ни черта, да и откуда взяться, раз тут женщины и дети да еще всякое барахло для женщин и детей. И если б не кой-какие обстоятельства, я бы их всех, сволочей, перерезал,— добавил он таинственно.

Кларенс, на которого эта таинственность произвела сильное впечатление, в этот миг пропустил мимо ушей его презрительный намек по адресу мистера Пейтона, а также те слова, которые недвусмысленно относились к Сюзи и к нему самому, и торопливо спросил:

— Какие обстоятельства?

Джим, словно забыв в приливе новых чувств о присутствии мальчика, небрежно вытащил до половины из-за голенища сверкающий охотничий нож, потом медленно засунул его назад.

— Да так, кое-какие старые счеты,— продолжал он тихо, хотя поблизости никого не было,— должок тут причитается кое с кого,— добавил он драматически, пряча глаза, как будто за ним следили,— и заплатить придется кровью, а потом мне и смыться можно будет. Кто-то здесь слишком зажился на свете. Может, Гас Гилдерслив, может, Гарри Бенем, а может,— добавил он со злоеющим, но благородным беспристрастием,— я сам.

— Что вы!— вежливо запротестовал Кларенс.

Но это не смягчило мрачного Джима, а только пробыло в нем подозрительность.

— Может быть,— сказал он и вдруг начал, пританцовывая, удаляться от Кларенса,— ты думаешь, я вру? Может, ты вообразил, раз ты сын полковника Бранта, так можешь отделаться от меня враками про

этот ваш караван, может быть,— продолжал он и, пританцовывая, вернулся назад,— ты, брат, надеешься, что если удрал и девочку умыкнул, то можешь и меня обвести вокруг пальца? Может,— продолжал он, снова делая двойной пируэт в пыли и хлопая ладонями по голенищам,— ты шпионишь за всеми и доносишь судье?

Уверенный, что Джим поднимает в себе боевой дух, исполняя индейский военный танец, и сейчас совершит отчаянное нападение на него, Кларенса, но вместе с тем глубоко возмущенный несправедливостью обвинения, мальчик, как всегда, упрямо замкнулся в себе. К счастью, в этот миг повелительный голос позвал: «Эй ты, Джим!»— и кровожадный Джим, как всегда, мгновенно испарился. Тем не менее часа через два он вновь появился рядом с фургоном, в котором сидели Сюзи и Кларенс, и на лице у него было слегка виноватое и удовлетворенное выражение, как будто убийство во имя мести уже свершилось, а волосы его были начесаны на самые глаза по индейскому обычаю. Он великодушно ограничился тем, что с мрачным пренебрежением отозвался о карточной игре, которой были заняты дети, и до Кларенса впервые дошло, что порочный вид ему придавала главным образом прическа. И у него возникла мысль, как это мистер Пейтон не попытался исправить Джима с помощью пары ножниц, но сначала сам он добрых четыре дня пытался подражать Джиму, причесывая волосы на тот же манер.

Через несколько дней после того, как Джим снова осчастливил Кларенса своей откровенностью, мальчику разрешили поездить верхом по-форейторски на одном из коренников, что вызвало у него бурную радость, но тут к нему подъехал Джим на мексиканском скакуне, который казался — это, конечно, было чистейшее притворство — тихим и даже прихрамывал.

— А скажи, брат,— начал Джим мрачно, доверительным тоном,— сколько ты рассчитывал заработать, когда похитил эту девчонку?

— Нисколько,— ответил Кларенс с улыбкой. Пожалуй, это был явный результат влияния, оказанного на него Джимом, но так или иначе он уже и не думал возмущаться, когда слышал такое «взрослое» обвинение.

— Ну, если ты это из мести, тогда другой разговор, а то можно было выгодное дельце обстряпать,— продолжал Джим задумчиво.

— Нет, не из мести,— поспешно сказал Кларенс.

— Значит, ты рассчитывал содрать с ее папаши и мамыши награду в сотню долларов, да не успел, потому что индейцы содрали с них скальпы. Повезло тебе, как утопленнику, ей-ей! Ну да ладно, ежели миссис Пейтон удочерит девчонку, ты заставишь ее раскошелиться. Послушай-ка, ты, молодчик,— продолжал он и неожиданно подался вперед, сверля Кларенса взглядом сквозь свои спутанные лохмы,— уж не хочешь ли ты меня убедить, что вся эта история была не мошенничество, не липа?

— Что-что?— переспросил Кларенс.

— Уж не хочешь ли ты сказать,— просто удивительно, каким хриплым стал его голос,— что это не ты навел индейцев на караван, чтоб они убрали с дороги этих Силсби, а у тебя на руках оказалась круглая сиротка, которую ты мог бы преподнести миссис Пейтон?

Тут Кларенс запротестовал самым решительным образом, но Джим презрительно пропустил его слова мимо ушей.

— Ты мне не ври,— сказал он таинственно.— Я хитрый. Я, парень, себе на уме, мы с тобой одного поля ягоды!— И с этим ловким намеком на то, что он владеет преступной тайной Кларенса, Джим скрылся как раз вовремя, чтобы избежать обычного выговора от своего начальника, главного погонщика Филадельфии.

Но его пагубное влияние не ограничивалось одним Кларенсом. Несмотря на ревнивую опеку миссис Пейтон, на частое присутствие Кларенса и на кружок почтителей, всегда окружавший Сюзи, стало ясно, что маленькую Еву уже успел тайно подстеречь и искусить дьявол Джим. Как-то раз она украсила локоны перьями цапли, в другой раз натерла лицо и руки красной и желтой охрой, и все это были, призналась она, добровольные подношения Джима Хукера. Но значение и смысл этих даров она открыла одному только Кларенсу.

— Это мне все Джим подарил,— сказала она,— он сам почти индеец, но мне ничего плохого не сделает, и когда придут плохие индейцы, они подумают, что я его

дочка, и убегут. А еще Джим сказал, что когда индейцы пришли убивать папу с мамой, мне надо было только сказать, что я его девочка, и они убежали бы.

— Но ты же не могла сказать,— возразил рассудительный Кларенс,— ведь ты все это время была у миссис Пейтон.

— Кларенс,— сказала Сюзи, качая головой и не сводя с мальчика своих круглых глаз, таких невозмутимых, словно она говорила чистую правду.— Ты не говори. *Я была там!*

Кларенс попятился и чуть не вывалился из фургона в ужасе от того, что Сюзи способна так невероятно преувеличивать.

— Но ты же сама знаешь, Сюзи,— пробормотал он,— что мы с тобой потерялись раньше...

— Кларенс,— преспокойно возразила Сюзи, заглаживая пальчиком складку на платье,— не рассказывай, пожалуйста. Я была там. Ведь я — уцелевшая! Так сказали на заставе. А кто уцелел, тот всегда-всегда бывает там и всегда-всегда все знает.

Кларенс был так ошарашен, что не стал возражать. Он смутно вспомнил, что и раньше, в Форт-Ридже, замечал, как приятно Сюзи, когда ее называют «уцелевшей», и как она по-детски старается не ударить в грязь лицом. Видимо, злодей Джим и сыграл на этом. Несколькими днями Кларенс даже побаивался ее, чувствуя себя одиноким как никогда.

В этом состоянии, совершенно уверенный к тому же, что общение с Джимом не располагает в его пользу ни миссис Пейтон, ни ее брата, а миссис Пейтон к тому же думает, будто это он подстроил встречи Сюзи с Джимом, Кларенс решил на одну из тех мальчишеских выхонок, о которых старшие склонны судить сурово, но далеко не всегда справедливо. Полагая, подобно многим детям, что на него никто не обращает внимания — разве только для того, чтобы его одернуть,— и убедившись, как убеждается всякий ребенок, и притом гораздо скорее, чем мы в своем благодушии полагаем, что любовь и поблажки не обусловлены непосредственно его поведением и достоинствами, Кларенс пустился во все тяжкие. И однажды, когда прошел слух, что где-то поблизости пасется стадо буйволов и завтра утром караван остано-

вится, а Гилдерслив, Бенем и другие, возможно, отправятся на охоту, Кларенс с восторгом принял предложение Джима тайком поехать вслед за ними.

Для выполнения этого преступного замысла требовались дерзость и двуличие. Они сговорились, что вскоре после отъезда охотников Кларенс попросит разрешения покататься на одной из упряжных лошадей — это ему позволяли довольно часто; выехав из лагеря, он сделает вид, будто лошадь понесла, а Джим тут же помчится догонять его. Из-за отсутствия охотников в лагере будет не так уж много лошадей и людей, и никто больше не бросится его выручать. Ускакав подалее, они поедут по следу охотников, а если их заметят, дадут такие же объяснения, добавив, что не нашли дорогу к лагерю. План удался вплоть до мельчайших подробностей; как выяснилось потом, Джим, чтобы хорошенько взбодорить смирную лошадку Кларенса, насовал под седло колючек — Кларенс обнаружил это, только когда лошадь едва его не сбросила. Нарочито громко крича «Тпру!», причем Джим украдкой колол лошадь Кларенса сзади ножом, преследуемый и преследователь вскоре благополучно очутились за полувысохшим ручьем и ольховой рощицей, окружавшей лагерь. Никто за ними не гнался. То ли погонщики сообразили, что к чему и взглянули на их выходку сквозь пальцы, то ли решили, что мальчики сами справятся и никак не могут заблудиться, когда охотники так близко, — во всяком случае, тревоги они не подняли.

Зная в общем, в какую сторону поехали охотники, мальчики, окрыленные успехом, весело скакали вперед. Перед ними открылась широкая пойма с пологим скатом вправо, в сторону далекой, до половины заполненной водой лагуны, образовавшейся во время разлива большой реки, на притоке которой стоял лагерь. Лагуна была почти скрыта смешанным лесом и кустарником, а дальше снова тянулась беспредельная равнина, на которой паслись буйволы. Вот сюда, как сообщил осипшим голосом своему товарищу Джим, они приходят на водопой. Проехав еще немного, он круто осадил лошадь и, спешившись, стал осматривать землю. Она была покрыта какими-то полукруглыми лепешками, которые Джим таинственно назвал «буйволовым пометом». На неопыт-

ный взгляд Кларенса, равнина удивительно напоминала самый обыкновенный и прозаический выгон для скота, и это несколько охладило его геройский пыл. Тем не менее оба остановились и, как заправские охотники, осмотрели оружие и снаряжение.

Как ни печально, снаряжение это при всем его разнообразии никак нельзя было назвать достаточным или хотя бы сносным. Обстоятельства побега вынудили Джима ограничиться старым двуствольным дробовиком, который он обычно носил за плечами, старомодным шестизарядным пистолетом, палившим произвольно в самых неожиданных случаях и получившим название «Алланова перечница» за сходство с означенным предметом кухонной утвари, да охотничьим ножом. У Кларенса был индейский лук со стрелой, из которого он учился стрелять, и топорик, припрятанный под седлом. Джим великодушно отдал ему пистолет, взяв взамен топорик, — такая мена вначале восхитила Кларенса, но когда он увидел, как воинственно и живописно выглядит Джим с топориком у пояса, то пожалел о нем. Тогда Джим объяснил ему, что из ружья, в которое заложены «сверхзаряды», так что стволы до половины набиты свинцом и револьверными пулями, может стрелять только он сам, да и то, многозначительно добавил он, не без опасности для жизни. Недостаток снаряжения, однако, восполняли рассказы Джима о необычайных результатах, которых достигли этим простым оружием «одни знакомые ребята»; о том, как сам он однажды свалил быка ловким выстрелом из револьвера прямо в разинутую пасть, когда тот заревел, и прострелил ему навывлет «все потроха»; как один его приятель, вернее, даже близкий друг, который теперь сидит в Луисвилльской тюрьме за убийство помощника шерифа, однажды оказался один, пеший, с простым складным ножом и лассо посреди целого стада буйволов, и, преспокойно вскочив на косматую спину самого крупного самца, крепко-накрепко привязал себя лассо к его рогам и давай погонять, подкалывая ножом, и много дней питался мясом, которое вырезал из живого тела, пока буйвол, покинутый всем стадом, истекшая кровью, наконец не покорился своему победителю у самого лагеря, куда тот ловко его направил! Надо признаться, что этот рассказ показался Кларенсу не очень

то правдоподобным, и ему хотелось расспросить спутника подробнее. Но они были одни среди прерии, связанные общим проступком; солнце во всем своем великолепии победно вставало над землей, чистый, бодрящий воздух пьянил обоих; для бурной юношеской фантазии не было невозможного!

Пойма, которую они пересекали, местами была в трещинах и рытвинах, так что двигаться приходилось с опаской. Один раз, когда они остановились, Кларенса поразил глухой, монотонный шум, словно где-то неподалеку вода перехлестывала через плотину. Всякий раз, как они придерживали лошадей, звук становился отчетливей, и наконец к нему добавилось слабое, но явственное дрожание земли, которое обычно свидетельствует о близости водопада. Выходило, что наши охотники сблизь с пути, и они остановились в неуверенности. Однако шум, к их удивлению, приближался. Повинуясь неожиданному порыву, оба поскакали к лагуне. Выехав из леса, Джим протяжно и взволнованно вскрикнул:

— Да ведь это они!

С первого взгляда Кларенсу показалось, словно вся прерия вспенилась и бурные волны или целые валы катятся прямо на них. Но, приглядевшись, он увидел, что это первые смешавшиеся ряды большого стада буйволов, а среди них, с боков и позади, ныряя в облака пыли и вновь появляясь, бешено неслись фигурки людей и сверкали огненные вспышки. Еще недавно они думали о воде, и теперь им чудилось, будто гигантская приливная волна незримо катилась к лагуне, увлекая все перед собой. С горящими глазами Кларенс повернулся к своему спутнику в безмолвном ожидании.

Увы! Этот бесстрашный герой и грозный охотник, по всей видимости, сам онемел от удивления. Правда, он, как пришибтый, сидел в седле, стройный и все еще молодцеватый, судорожно хватаясь то за ружье, то за топорик. Трудно сказать, долго ли это продолжалось бы, но тут стадо с оглушительным треском вломилось в кусты и, взяв вправо по берегу лагуны, понеслось прямо на них. Все их сомнения и колебания как рукой сняло. Предусмотрительный, выдавший виды мексиканский жеребчик, отчаянно фыркнув, повернул и пустился наутек, унося своего седока. Скромная упряжная лошадь Кла-

ренса, без сомнения, движимая трогательной верностью хозяину, тотчас последовала за ним. Через несколько мгновений верные кони, как неразлучные друзья, благородно соперничая друг с другом, продирались сквозь чащу голова к голове.

— Но зачем же мы скачем в эту сторону? — воскликнул простодушный Кларенс.

— Там сзади Пейтон и Гилдерслив, как бы они нас не увидели, — тяжело дыша, отвечал Джим. Кларенс с удивлением заметил, что буйволы гораздо ближе к ним, чем охотники, и десяток крупных быков уже стучат копытами по земле прямо у них за спиной, но он снова набрал воздуха и крикнул:

— А когда же мы будем на них охотиться?

— Мы — на них?! — взвизгнул Джим в отчаянном приступе искренности. — Это они на нас охотятся, черт возьми!

И в самом деле, ясно было, что их обезумевшие лошади удирают со всех ног от столь же обезумевшего стада. Мальчикам удалось ненадолго оторваться от буйволов, потому что лошади перепрыгнули одну из расклин, тогда как их преследователям пришлось оглядывать препятствие. Но через несколько минут их настигла та часть стада, которая бежала по другой, ближней стороне лагуны, и они оказались в самой гуще буйволов. Земля содрогалась под ударами копыт; горячее дыхание смешивалось с вонючей пылью, висевшей в воздухе, Кларенс задыхался и почти ослеп. Как в тумане, он разглядел, что Джим наугад швырнул топорик в самку буйвола, наседавшую на него сбоку. Когда они снова скатились в лошину, Кларенс видел, как Джим, вконец отчаявшись, вскинул свое пресловутое ружье. Кларенс распластался на вытянутой шее лошади. Ослепительная вспышка и громоподобный дуллет; Джим чуть не вылетел из седла, дымящееся ружье отскочило, перелетев через его голову, в другую сторону, а вслед за этим всадник и лошадь исчезли в удушающем облаке пыли и порохового дыма. Тут лошадь Кларенса внезапно остановилась, и мальчик почувствовал, что летит через ее голову в лошину и падает на что-то вроде скачущей косматой подушки. Это была волосатая спина огромного буйвола! Оказалось, что Джим, с отчаяния выпалив наугад дуллетом,

угодил в заднюю ногу буйвола, бежавшего впереди, прострелив мышцу и перебив сухожилия, так что буйвол упал в лошину прямо под ноги лошади Кларенса.

Оглушенный, но невредимый, мальчик скатился на землю с шеи буйвола, силившегося встать, шатаясь, поднялся на ноги и увидел, что не только его лошади, но и всего стада как не бывало, а крики невидимых охотников слышались теперь где-то впереди. Они, должно быть, не заметили, как он упал, а потом лошина скрыла его. Склон впереди был слишком крут, и у мальчика так болели ноги, что он не мог туда вскарабкаться, а дорогу к противоположному склону, тому, с которого он и буйвол скатились перед столкновением, преграждал раненый зверь. Кларенс, шатаясь, все же побрел туда, но тут буйвол невероятным усилием встал на трех ногах и повернулся к нему мордой.

Все это произошло слишком быстро, так что неопытный мальчик не успел ощутить страха или вообще чего бы то ни было, кроме неодолимого волнения и замешательства. Но когда он увидел эту тяжелую, косматую голову, которая, казалось, заполнила собой всю лошину и с ужасающей неторопливостью отрезала ему путь к спасению, все его существо охватил ужас. В огромных, тупых, налитых кровью глазах сверкала немая, удивленная ярость; большие, влажные ноздри были так близко, что злобное фыркание сразу отшвырнуло его, как удар. Лошина представляла собой узкую и короткую трещину или впадину; еще несколько шагов назад, и он окажется в ее конце, прижатый к почти отвесному склону высотой в пятнадцать футов. Если попытаться вскарабкаться по сыпучему склону, есть риск сорваться, и тогда эти короткие, но грозные рога тут же пронзят его! Нет, это было бы слишком ужасно, слишком жестоко! Ведь он такой маленький рядом с этим чудищем! Это несправедливо! Глаза мальчика налили слезами, и он, проклиная несправедливость судьбы, застыл на месте, стиснув кулаки. С исступленной детской яростью он вперил свой взгляд в страшные глаза буйвола; он не знал, что выпуклые зрачки свирепого зверя обладают свойствами увеличительного стекла, и он, Кларенс, кажется тупому буйволу гораздо больше, чем на самом деле, а расстояние до него как бы увеличивается и этому многие

охотники обязаны спасением. Он думал только об одном: с чем кинуться на зверя? Ах, да! Пистолет. Он все еще в кармане. Мальчик, без всякой надежды, порывисто выхватил его — пистолет казался таким маленьким по сравнению с огромным врагом!

Глаза Кларенса сверкали, он прицелился и спустил курок. Послышалось слабое щелканье, потом еще и еще! Даже эта штука издается над ним. Он снова рванул спуск что было сил; раздался грохот, раз, другой. Кларенс попятился; видимо, пули скользнули по черепу буйвола, не причинив ему вреда. Мальчик, уже ни на что не надеясь, еще раз спустил курок; снова раздался выстрел, потом яростный рев, и огромный зверь злобно мотнул головой, глубоко вонзив левый рог в выпучий склон. Снова и снова кидался он на склон, бодая его левым рогом, из-под которого градом сыпались камни и земля. А потом Кларенс вдруг разгадал причину ярости этой обезумевшей громады. Из левого глаза, пробитого последней пулей, текла кровь; буйвол ослеп! И вдруг все чувства мальчика разом переменялись, теперь его охватило раскаяние, которое в тот миг было ужаснее недавнего страха. Что он наделал! Желание убежать от омерзительного зрелища было в нем ничуть не слабее инстинкта самосохранения, когда он, воспользовавшись новым взрывом ярости буйвола, которого все время заносило влево, проскользнул мимо него с правой стороны, добежал до склона и вскарабкался наверх. Здесь он пустился бежать, не зная куда, — только бы не слышать этот рев, исполненный боли, не видеть этот кровавый, огромный глаз, не терзаться сознанием своей вины.

Вдруг он услышал далекий сердитый оклик. На первый взгляд равнина показалась ему пустой, но вот он увидел двоих всадников, быстро скакавших к нему, ведя в поводу третью лошадь — его собственную. Вместе с блаженным чувством облегчения мальчика захлестнула жажда сочувствия, лихорадочное желание рассказать этим людям, как все было. Но когда они приблизились, он увидел, что это разведчик Гилдерслив и Генри Бенем, которые отнюдь не разделяют с ним радость избавления, — лица их выражали только нетерпеливое раздражение. Окончательно сраженный этой новой неудачей, Кларенс застыл на месте и упрямо замкнулся в себе.

— Может, ты, черт тебя дери, сядешь на лошадь и поедешь, или тебе охота задержать караван еще на час по своей дурости? — рявкнул Гилдерслив.

Мальчик поколебался, потом медленно сел в седло, не сказав ни слова.

— Вот уехать бы да бросить их здесь к чертям собачьим, — злобно буркнул Бенем.

На миг у Кларенса мелькнула дикая мысль прыгнуть с лошади и сказать им, чтоб ехали прочь и оставили его. Но прежде чем он успел осуществить эту мысль, двое мужчин уже поскакали вперед, увлекая его лошадь за собой на поводу, привязанном к луке седла Гилдерслива.

Через два часа они нагнали караван, который уже был в пути, и влились в группу верховых. Судья Пейтон, хоть и несколько озадаченный, встретил Кларенса беззлобным и снисходительным взглядом. Сердце мальчика сразу растаяло: он почувствовал, что прощен.

— Ну, мой мальчик, послушаем теперь, что скажешь ты сам. Как было дело?

Кларенс быстро отыскал глазами Джима, но тот отвернулся и продолжал угрюмо ехать сзади. И тогда он стал взволнованно и торопливо рассказывать, как его швырнуло в лошину, прямо на спину раненому буйволу, и как ему удалось спастись. По всей кавалькаде пробежал смешок. Мистер Пейтон серьезно посмотрел на Кларенса.

— Но как же это буйвол так кстати оказался в лошадине? — спросил он.

— Джим Хукер прострелил ему ногу из ружья, вот он туда и свалился, — смущенно ответил Кларенс.

Раздался взрыв гомерического хохота. Кларенс, удивленный и уязвленный, поднял голову, но, едва увидев лицо Джима, сразу забыл собственную обиду. На этом удрученном, безнадежном и совершенно убитом лице, которое в кои-то веки приняло искреннее выражение, ему удалось прочитать горькую правду. Джима погубила его собственная репутация. Единственный действительно потрясающий случай в его жизни, единственный его правдивый рассказ об этом был единодушно воспринят всеми как самая чудовищная и дикая из всех его выдумок!

Этим случаем на охоте завершился для Кларенса последний памятный этап его путешествия. Но лишь много времени спустя он узнал, что на этом завершилось еще и то, что могло стать для него началом новой жизни. Ибо судья Пейтон намеревался, удочерив Сюзи, взять под свою опеку и мальчика, если только удастся получить согласие того неведомого родственника, к которому его везли. Но миссис Пейтон и ее брат обратили его внимание на то, что Кларенс, заведя таких друзей, как Джим Хукер, стал едва ли подходящим товарищем для Сюзи, и сам судья вынужден был согласиться, что явная тяга мальчика к дурному обществу никак не вяжется с его предполагаемым происхождением и воспитанием. На беду, и сам Кларенс, раз и навсегда убежденный, что его не понимают, и в силу своего характера упорно решившись покориться судьбе, был слишком горд, чтобы сгладить это впечатление, как иной раз делают дети, каким-нибудь лицемерным поступком. А кроме того, в глубине души он невольно хранил верность Джиму в его позоре, хотя и без сочувствия равного к равному, без пылкой привязанности почитателя, а скорее — если только можно сказать так о мальчике его возраста — с покровительственным чувством старшего. Поэтому он не стал возражать, узнав, что, когда караван достигнет Калифорнии, его отправят из Стоктона в Сакраменто с вещами и письмом, где все будет объяснено, причем подразумевалось, что если он не найдет своего родственника, то приедет к Пейтонам в одну из южных долин, где они решили купить земельный участок.

Когда перед Кларенсом открылась эта перспектива новых приключений и независимости, со всеми богатейшими возможностями, которые они таят в себе для юности, дни потянулись для него невыносимо медленно. Остановка в Солт-Лэйк, переход через унылую солончаковую пустыню, даже перевал через Сьерру по диким и безлюдным местам оставили скудный след в его памяти. Вечные снега, бесконечные вереницы сосен, убегающих назад, склон, поросший овсягом, который мальчик видел впервые, бурливая река с желтой, будто позолоченной водой лишь ненадолго рассеивали его без-

различие и забывались. Зато когда караван остановился однажды утром на окраине разбросанного по склону поселка и Кларенс увидел, как все нетерпеливой толпой сгрудились вокруг какого-то прохожего, который вынул из седельной сумки кисет оленьей кожи и показал две пригоршни блестящих крупинок металла, мальчик почувствовал первый неодолимый приступ золотой лихорадки. Затаив дыхание, слушал он взволнованные вопросы и небрежные ответы. Это намыто на прииске всего в тридцати милях отсюда. Тут золота долларов на сто пятьдесят; это только его доля после недели работы с двумя компаньонами. Нет, это совсем не много: «места уже истощаются, слишком много набежало всяких новичков». Все это небритый, грязный, плохо одетый человек ронял равнодушно и небрежно; за спиной у него была лопата с длинной ручкой и кирка, а с седла свисала сковородка. Но ни один рыцарь, в доспехах и в полном вооружении, не казался Кларенсу столь героическим и независимым. Что могло быть прекрасней этого благородного презрения, с которым старатель критически оглядел добротные, крытые фургоны их каравана, оборудованные всяческими удобствами!

— Ежели хотите мыть золото, придется вам распрощаться с этими штучками!

Как это совпадало с тайными мыслями Кларенса! Какое олицетворение независимости! Красавец разведчик, всесильный судья Пейтон, храбрый молодой офицер — все разом рухнули со своих глиняных пьедесталов перед этим героем в красной фланелевой рубаше и высоких сапогах. Бродить целыми днями под открытым небом и добывать сверкающие крупинки металла, ничему не учиться, не иметь никаких обязанностей и повседневных забот — вот это действительно жизнь; напасть когда-нибудь на такой огромный самородок, «что и не поднять», он будет стоять не меньше, чем весь караван вместе с лошадьми, — именно такой, по словам незнакомца, нашли на днях в Сойерс-Баре — ради этого стоило жертвовать всем на свете. Грубый человек, смотревший на них с равнодушной, снисходительной улыбкой, стал как бы живой связью между Кларенсом и «Тысячей и одной ночью»; в нем воплотились Аладин и Синдбад.

Через два дня они добрались до Стоктона. Здесь

Кларенса отвели в большой магазин — его единственный костюмчик был весь в заплатках, так что он ходил во всяких обносках из гардероба Пейтона, а также в невиданном одеянии из военного сукна, сшитом полковым портным в Форт-Ридже. Но увы! В этом краю взрослых для мальчика в возрасте Кларенса не нашлось почти никакой одежды, так что его кое-как приодели в старой, захудалой государственной лавчонке, купив ему «мальчишковую» матроску и куртку с медными пуговицами. Затем мистер Пейтон дал Кларенсу немного денег на расходы и письмо к его двоюродному брату. Почтовая карета отправлялась в полдень. Кларенсу оставалось только распрощаться со всеми. Прощание с Сюзи уже состоялось за два дня до этого; она слегка всплакнула, пожаловалась, что ей страшно, обняла его и решительно заявила, что поедет с ним; но среди суматохи после приезда в Стоктон, а также под влиянием небольшого подарка от Кларенса — на него он впервые израсходовал часть своего крохотного капитала — ее решимость постепенно ослабела и завершилась обещанием, что они разлучаются лишь ненадолго. И все же, когда тощий узелок мальчика засунули под сиденье кареты и оставили его одного, он бросился назад к каравану, чтобы еще раз взглянуть на Сюзи. Тяжело дыша и робея, добежал он до фургона миссис Пейтон.

— Господи! Ты еще здесь! — резко сказала миссис Пейтон. — Хочешь опоздать?

Еще минуту назад, испуганный одиночеством, он мог бы ответить «да». Но теперь, жестоко уязвленный явным раздражением, которое он вызвал у миссис Пейтон, мальчик почувствовал, что ноги у него подкашиваются и он не может вымолвить ни слова. Он не решился взглянуть на Сюзи. Но вот из фургона послышался ее спокойный голосок:

— Кларенс, ты опоздаешь!

И она тоже! Ему было так стыдно за свою глупую слабость, что вся кровь хлынула от его тоскующего сердца прямо в лицо.

— Я искал... искал... Джима, мэм, — дерзко сказал он наконец.

Он увидел, как на лице миссис Пейтон мелькнуло отвращение, и с чувством злобной радости побежал на-

зад к карете. Но здесь, к своему удивлению, он и в самом деле застал Джима, о котором даже не думал,— тот мрачно смотрел, как увязывали последний багаж. Явно желая, чтобы все пассажиры подумали, будто он расстается с сообщником, которого, быть может, отправляют прямо в тюрьму, Джим торжественно пожал Кларенсу руку, украдкой поглядывая на других пассажиров сквозь спутанные лохмы.

— Как услышишь про какую-нибудь заваруху, сразу поймешь, в чем дело,— сказал он хриплым, но явственным шепотом.— Наши с ними дорожки скоро разойдутся. Скажи ребятам в Ущелье Мертвеца, пускай ждут меня со дня на день.

Хотя Кларенс вовсе не ехал в Ущелье Мертвеца и вообще впервые слышал про такое, да к тому же смутно подозревал, что и Джим знает не больше, все же, когда некоторые пассажиры с тревогой поглядели на застенчивого, сероглазого мальчика, который едет в такое гиблое место, он и в самом деле испытал радость, смешанную со страхом, почувствовав, что вступает в жизнь в заманчивой роли мнимого злодея. Но когда горячие лошади рванули с места, Кларенс, в восторге от быстрой езды, сверкающих лучей солнца и от мысли, что он оставляет позади все оковы зависимости и условностей, устремляясь навстречу свободе, не мог уже думать ни о чем другом. Наконец он оторвался от мысленного созерцания радужных надежд и принялся с мальчишеским любопытством рассматривать своих попутчиков. Он сидел впереди, стиснутый между двумя молчаливыми мужчинами, из которых один был похож на фермера, а другой, в черной одежде,— на адвоката или учителя, и наконец взгляд его привлекла темноволосая женщина в черной мантиле и без шляпки,— она сидела сзади, и вниманием ее, казалось, целиком завладели шуточные ухаживания ее соседей и еще двоих мужчин, сидевших впереди нее. Со своего места он не видел почти ничего, кроме темных глаз, которые порой улыбались, встречая его откровенно любопытный взгляд, но особенно его поразила мелодичный незнакомый выговор, какого он никогда не слышал, и голос ее — увы, таково непостоянство юности — показался ему гораздо красивее, чем голос мисс Пейтон. Фермер, сосед Кларенса, окинув снисходи-

тельным взглядом его куртку с медными пуговицами, шутливо спросил:

— Что, сынок, ты прямо с корабля?

— Нет, сэр,— запинаясь, ответил Кларенс.— Я пересек прерию.

— Так, значит, это ты оснастился так для шхуны прерий, а? — Раздался смех, и Кларенс смутился. Заметив это, шутник добродушно и покровительственно объяснил, что «шхуна прерий» означает на современном жаргоне фургон переселенцев.

— В Стоктоне для меня не нашлось другой одежды,— объяснил Кларенс, доверчиво глядя в черные глаза женщины на заднем сиденье.— По-моему, там никто не рассчитывал, что в Калифорнии когда-нибудь будут мальчики.

Простота, с которой это было сказано, очевидно, произвела на всех благоприятное впечатление, так как двое мужчин на среднем сиденье, которым женщина что-то шепнула, повернулись и с любопытством посмотрели на него. Кларенс слегка покраснел и умолк. Вскоре карета начала замедлять ход. Они поднимались в гору; по обеим сторонам росли огромные тополя, с которых кое-где свисали красивые алые вьюнки.

— Ах, какая прелесть,— сказала женщина, кивая на них головой, покрытой черной вуалью.— Этим можно чудно украсить волосы.

Один из мужчин сделал неуклюжую попытку сорвать вьюнок, высунувшись из окна. И тут Кларенса осенило. Когда карета стала подниматься на другой склон, мальчик по примеру пассажира, ехавшего на козлах, выпрыгнул из кареты и пошел пешком. Когда подьем кончился, он снова сел, весь красный и запыхавшийся, но с алой веточкой в исцарапанной руке. Подавая ее мужчине на среднем сиденье, он сказал, как положено благовоспитанному мальчику:

— Вот, пожалуйста... Это для дамы.

Улыбка скользнула по лицам соседей Кларенса. Женщина мило кивнула ему головой в знак благодарности и кокетливо вплела веточку в свои блестящие волосы. Темноволосый мужчина, который сидел рядом с Кларенсом и до сих пор молчал, повернулся и суховато заметил:

— Если ты не сбавишь прыти, сынок, тебе нетрудно будет отыскать костюм по росту, когда приедешь в Сакраменто.

Кларенс не совсем его понял, но заметил, что двоих шутников на среднем сиденье вдруг сковала необычайная серьезность, а женщина отвернулась к окну. Он подумал, что совершил какую-то оплошность, заговорив о своей одежде и росте. Надо будет в дальнейшем вести себя более по-мужски. Такая возможность, казалось, представилась через два часа, когда карета остановилась у придорожной гостиницы, где, конечно, был и ресторан.

Некоторые пассажиры пошли в бар пропустить по рюмочке. Соседи Кларенса завели неторопливый разговор о сравнительных достоинствах прибрежных участков в Сан-Франциско; шутники на среднем сиденье по-прежнему лобезничали с дамой. Кларенс выскользнул из кареты и преувеличенно молодцевато вошел в бар. Бармен совершенно не замечал его, посетители тоже, и это несколько смутило мальчика. Он постоял в нерешительности, затем вернулся к карете и открыл дверцу.

— Вы не откажетесь выпить со мной, сэр? — вежливо спросил он у похожего на фермера пассажира, который был с ним ласковее других. Наступило молчание. Мужчины на среднем сиденье круто повернулись и уставились на него.

— Адмирал приглашает вас выпить, — без тени улыбки пояснил один из мужчин соседу Кларенса.

— А? Ну да, конечно, — отозвался тот, и удивление на его лице сменилось выражением глубочайшей серьезности, — раз сам адмирал приглашает...

— Может быть, и вы с вашим другом не откажетесь? — застенчиво спросил Кларенс у этого мужчины. — И вы, сэр, — добавил он, обращаясь к темноволосому.

— Право, джентльмены, по-моему, отказаться просто неприлично, — церемонно сказал последний, обращаясь ко всем остальным. — Такая любезность со стороны нашего именитого друга — это огромная честь.

— Обратите внимание, сэр, что адмирал всегда на высоте, — отозвался другой с неменьшей серьезностью.

Кларенс предпочел бы, чтобы они отнеслись к его первому дружественному жесту не так церемонно, но из кареты они вышли с простыми и открытыми лицами, и

он, немного робея, повел их в бар. Как на грех, он едва доставал головой стойки, и бармен снова не заметил бы его, если бы не быстрый, выразительный взгляд темно-волосого, под которым небрежно улыбающееся лицо бармена тоже приобрело сверхъестественную серьезность.

— Адмирал угощает, — сказал темноволосый все с той же серьезностью, указывая на Кларенса и почти-точно пропуская его вперед. — Мне чистого виски. Адмирал, поскольку он сейчас переселяется в другие широты, на сей раз, я полагаю, ограничится лимонадом.

Кларенс вначале решил было заказать себе виски наравне со всеми, но не уверенный, что будет вежливо отменить заказ гостя, и, быть может, слегка смущенный тем, что все посетители с такими же каменными лицами столпились вокруг него и его спутников, сказал поспешно:

— Да, пожалуйста, мне лимонад.

— Адмирал совершенно прав, — сказал бармен с бесстрастным выражением лица, наклоняясь вперед и с профессиональной тщательностью вытирая стойку. — Даже если человек всю свою жизнь привержен к спиртному, джентльмены, он всегда заказывает лимонад, когда переселяется в другие широты.

— Может быть, и вы с нами выпьете? — предложил Кларенс, просяив.

— Почту за честь, сэр.

— Мне кажется, джентльмены, — сказал высокий мужчина все так же приветливо и церемонно, — что тост у нас может быть только один — за здоровье адмирала. Пускай он здравствует долгие годы!

Все торжественно выпили. У Кларенса запылали щеки, и от волнения он выпил за свое здоровье вместе с другими. Но все же он был огорчен, что его гости мало веселятся; неужели, подумал он, мужчины всегда пьют так серьезно? И еще он подумал, что это, наверно, будет стоить недешево. Однако кошелек он держал в руке наготове, так, чтобы все видели: ведь уплатить из своего кармана за выпивку — это не самое последнее из тех мужских удовольствий, какие он мечтал изведать, начав независимую жизнь.

— Сколько с меня? — спросил он с нарочитой небрежностью.

Бармен привычным взглядом окинул помещение.

— Вы, кажется, сказали, что угощаете всех. Ну, скажем, двадцать долларов для ровного счета.

Сердце у Кларенса упало. Он уже слышал, какие в Калифорнии высокие цены. Но двадцать долларов! Да это половина всех его денег. Тем не менее он героическим усилием совладал с собой и дрожащими руками отсчитал деньги. При этом ему показалось, что стоявшие вокруг повели себя странно и даже не совсем по-джентльменски: они вытянули шеи, заглядывая ему через плечо, чтобы увидеть содержимое кошелька. Впрочем, высокий мужчина объяснил причину такого любопытства.

— Кошелек у адмирала, джентльмены, не простой. Позвольте-ка, — сказал он, с величайшей осторожностью беря его из рук Кларенса. — Как видите, он новейшего фасона, на него стоит посмотреть.

Он передал кошелек стоявшему позади, а тот пустил его дальше по рукам, под дружные возгласы: «Это что-то новенькое!», «Новейший фасон!», — по которым Кларенс мог определить, у кого кошелек сейчас. Вскоре кошелек вернулся к бармену, который тоже попросил разрешения взглянуть и церемонно настоял на том, чтобы самому положить его Кларенсу в боковой карман, словно это была его святая обязанность. Тут кучер крикнул: «Все по местам!» Пассажиры поспешно расселись, и этого случая как не бывало, ибо, к удивлению Кларенса, его друзья, которые были так внимательны к нему минуту назад, вдруг заинтересовались мнением нового пассажира относительно политических перипетий в Сан-Франциско и забыли о Кларенсе. Женщина с вуалеткой пересела на другое место, и ее черноволосая голова уже не была видна. Кларенса, который только что был полон самых радужных надежд, вдруг охватило безнадежное разочарование. Впервые он так остро почувствовал свою полнейшую ничтожность в этом мире и неприспособленность к новой жизни.

От жары и тряски он задремал, а когда проснулся, обнаружил, что оба его соседа сошли на маленькой станции. Они не потрудились даже разбудить его, чтобы попрощаться. Из разговора остальных пассажиров он узнал, что высокий — известный картежник, а второй,

похожий на фермера,— в прошлом капитан корабля, а ныне богатый торговец. Теперь-то понятно, подумал Кларенс, почему этот человек спросил, не с корабля ли он, и прозвал его «адмиралом»: ведь со стороны капитана такая шутка вполне понятна. Он жалел, что этих людей нет, ему хотелось поговорить с ними о своем родственнике из Сакраменто, с которым он вскоре должен был увидеться. Он то дремал, то просыпался, и так незаметно пришел конец путешествию. Было темно, но, поскольку в порт вошел большой корабль, магазины и конторы еще не закрылись, а мистер Пейтон договорился с кучером, что тот отвезет Кларенса прямо к его родственнику на Джей-стрит — адрес Кларенса к счастью запомнил. Но мальчик несколько смутился, когда увидел, что это большая контора или даже целый банкирский дом. Однако он сошел с кареты и со своим маленьким узелком в руке переступил порог здания, а карета уехала; обратившись к одному из деловитых служащих, мальчик спросил мистера Джексона Бранта.

Такого человека здесь не было. Ни сейчас, ни прежде. В этом здании всегда находился банк. Не ошибся ли он номером? Нет, фамилия, номер дома и название улицы глубоко врезались в память мальчика. Постойте! Может быть, это фамилия клиента, который дал адрес банка? Клерк, высказавший это предположение, быстро исчез, чтобы навести справки в бухгалтерии. Кларенс ждал его с сильно бьющимся сердцем. Вот клерк вернулся. Нет, по книгам такой фамилии не значится. И никто во всем банке не знает никакого Джексона Бранта.

На миг конторка, о которую оперся мальчик, словно подалась под его тяжестью; ему пришлось ухватиться за нее обеими руками, чтобы не упасть. Как ни ужасно было разочарование, как ни безнадежна перспектива будущего, как ни уязвлена гордость при мысли, что получается, будто он злонамеренно обманул мистера Пейтона, больше всего его ранило внезапное мучительное чувство, что его самого обманули, провели, оставили в дураках! Ибо у него впервые блеснула догадка: вот откуда взялось смутное чувство несправедливости, которое все время его преследовало, ведь это не что иное, как завершение подлого замысла избавиться от него, ведь родственники нарочно загнали его сюда и бросили, одинокого,

беспомощного, вышвырнули вон, как надоевшего кота, как собачонку!

Возможно, все это как-то отразилось на его лице, потому что клерк, взглянув на него, предложил ему присесть и снова исчез в таинственной глубине помещения. Кларенс понятия не имел, долго ли он отсутствовал, не замечал ничего, кроме своих безрадостных мыслей, и вдруг с удивлением обнаружил, что клерк ведет его за конторку во внутреннюю комнату, сплошь заставленную столами, а оттуда через стеклянную дверь в кабинет поменьше, где за столом сидел и что-то писал человек, необычайно занятой на вид. Не поднимая головы, он прервал свое занятие, только чтобы промокнуть лист бумаги, лежавший перед ним, и сказал деловым тоном:

— Стало быть, тебя послали к человеку, которого здесь нет, и вообще неизвестно, где он? Ну, ничего. — Кларенс тем временем положил перед ним письмо Пейтона. — Некогда мне сейчас читать. Ну-с, ты, верно, хочешь, чтоб тебя отправили назад в Стоктон?

— Нет! — ответил мальчик, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

— Ну, это не деловой разговор! А есть у тебя здесь знакомые?

— Ни души. Поэтому они сюда меня и послали, — сказал мальчик, вдруг охваченный смелостью отчаяния, тем более что он с бешенством почувствовал, как на глазах у него навернулись слезы.

Предположение Кларенса, видимо, показалось человеку забавным.

— Что ж, и правда, похоже на то, — сказал он с мрачной улыбкой, уткнувшись в свою бумагу. — А деньги у тебя есть?

— Немного.

— Сколько?

— Долларов двадцать, — сказал Кларенс неуверенно.

Не поднимая глаз, мужчина привычным движением выдвинул ящик и достал оттуда две золотые монеты по десять долларов.

— Вот тебе еще двадцать, — сказал он, кладя монеты на стол. — Это даст тебе возможность освоиться. Если некуда будет податься, приходи опять.

И он с многозначительным видом обмакнул перо в чернила, давая понять, что разговор окончен.

Кларенс отодвинул от себя деньги.

— Я не нищий,— сказал он упрямо.

На этот раз мужчина поднял голову и проницательно посмотрел на мальчика.

— Не нищий, вот как? Ну, а я похож на нищего?

— Нет,— запинаясь, сказал Кларенс, взглянув в его надменные глаза.

— И все же на твоём месте я с благодарностью взял бы эти деньги.

— Только если вы позволите мне потом вернуть их,— сказал Кларенс, пристыженный, не на шутку испугавшись, что он невольно обидел этого человека.

— Позволяю,— сказал тот и снова склонился над столом.

Кларенс взял деньги и смущенно вынул кошелек. Мальчик в первый раз прикоснулся к кошельку с тех пор, как получил его назад в баре, и его удивило, что кошелек такой тяжелый и полный — просто битком набит: когда он его открыл, несколько монет даже упали на пол. Мужчина быстро поднял голову.

— Ты, кажется, сказал, что у тебя только двадцать долларов,— заметил он мрачно.

— Мистер Пейтон дал мне сорок,— сказал Кларенс в недоумении и покраснел.— Двадцать я уплатил за выпивку в баре... и...— Он запнулся.— Я... я... не знаю, откуда взялись остальные.

— Двадцать долларов за выпивку? — переспросил мужчина, отложил перо и, откинувшись в кресле, взглянул на мальчика.

— Да... то есть... в Дэвидсон-Кроссинге я угостил нескольких джентльменов, моих попутчиков, сэр.

— Ты что же, всех гуртом угощал?

— Нет, сэр, только четверых или пятерых... и еще бармена. Но в Калифорнии все так дорого. Я же знаю.

— Пожалуй. Но по тебе это как-то не очень заметно,— сказал мужчина, покосившись на его кошелек.

— Они попросили у меня кошелек поглядеть,— торопливо объяснил Кларенс,— вот как было дело. Кто-то случайно положил свои деньги в мой кошелек.

— Ну еще бы,— сказал мужчина хмуро.

— Конечно же, так оно и было,— сказал Кларенс с некоторым облегчением, но все же чувствуя себя неловко под упорным взглядом этого человека.

— Ну, в таком случае еще двадцать долларов тебе ни к чему,— сказал тот спокойно.

— Но ведь эти деньги не мои,— нерешительно возразил Кларенс.— Я должен найти хозяина и вернуть их ему. Может быть,— добавил он робко,— можно оставить их у вас и зайти, когда он найдется, или прислать его сюда?

Он с величайшей серьезностью отсчитал те деньги, которые оставались от подарка Пейтона, и те двадцать долларов, которые только что получил. Оставалось сорок долларов. Он положил их на стол перед владельцем банка, который, не сводя с него глаз, встал и открыл дверь.

— Мистер Рид,— позвал он.

Появился клерк, который привел сюда Кларенса.

— Откройте счет на имя...— Он замолчал и вопросительно повернулся к Кларенсу.

— Кларенса Бранта,— сказал мальчик, краснея от волнения.

— На имя Кларенса Бранта. Возьмите вот этот вклад.— Он указал на деньги.— И выдайте ему расписку.

Клерк ушел, удивленно поглядывая на деньги, а банкир помолчал, снова посмотрел на Кларенса и сказал:

— Ну, я думаю, ты не пропадешь.— После чего вошел обратно в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

Надеюсь, читателю не покажется невероятным, что Кларенс, всего несколько мгновений назад подавленный горьким разочарованием и печальным сознанием, что родственники его бросили, теперь вдруг почувствовал, что вознесся на головокружительную высоту независимости и зрелости. Минуту назад, в банке, он был одиноким мальчиком без единого друга, а вышел оттуда не нищим, которому удалось выклянчить подавание,— нет, этот важный банкир сам отверг такую мысль,— а настоящим клиентом! Вкладчиком! Деловым человеком, как все те взрослые люди, которые толпились в первой комнате! Он стал человеком в глазах того самого клерка, который только что пожалел его. Теперь он понял, что

с ним разговаривал тот, чья фамилия была написана на дверях банка, тот, о ком его попутчики говорили с восхищением и завистью,— сам банкир, знаменитый по всей Калифорнии! Что ж тут невероятного, если мальчик, наделенный богатым воображением и полный надежд, забыл все на свете — и цель своего прихода и даже то, что он не считал эти деньги своими,— сдвинул шляпу набекрень и быстро зашагал по улицам навстречу счастливой судьбе?

Часа через два к банкиру пришел другой посетитель. Это был человек, похожий на фермера, который ехал вместе с Кларенсом. Видимо, он был лицом влиятельным, так как банкиру немедленно доложили о приходе «капитана Стивенса». После обычного делового разговора капитан небрежно спросил:

— А писем для меня нет?

Занятый банкир указал пером на букву «С» среди расположенных по алфавиту отделений ящика, стоявшего у стены. Отобрав свою корреспонденцию, капитан молча постоял, держа в руке письмо.

— Послушайте, Карден, тут вот письмо для какого-то Джона Силсби. Когда я заезжал полтора месяца назад, оно уже было здесь.

— Ну и что?

— Так зовут караванщика из Пайк-Кантри, которого в прерии убили индейцы. Вчера во Фриско¹ газеты сообщили подробности. Может, это письмо ему адресовано. На нем нет марки. Кто его принес?

Мистер Карден вызвал клерка. Оказалось, что письмо оставил до востребования некий Брант Фокье.

Капитан Стивенс улыбнулся.

— Брант теперь так занят картами, он про это больше и не вспомнит. Я слышал, что после стычки возле поселка Ангела он подался куда-то на юг. Сегодня я ехал из Стоктона с его старым дружкой Кэлом Джонсоном.

— Значит, вы приехали сегодня почтовой каретой из Стоктона? — спросил Карден, взглянув на него.

— Да, я сошел на Десятой миле, а дальше — верхом.

— А вы не заметили там странного застенчивого мальчишку, вот такого примерно роста, похожего на школьника, сбежавшего из дому?

¹ Сокращенное название Сан-Франциско.

— Заметил ли? Черт подери! Да он угощал меня виски!

Карден вскочил со стула.

— Значит, парень не врал!

— Нет. Мы согласились выпить за его счет, а потом возместили все мальцу с лихвой. Эй! Что случилось?

Но мистер Карден был уже в соседней комнате, возле клерка, который впустил Кларенса.

— Помните того мальчика, Бранта, который приходил сегодня?

— Да, сэр.

— Куда он пошел?

— Не знаю, сэр.

— Отыщите его, достаньте хоть из-под земли. Обойдите все гостиницы, рестораны, бары. Если один не справится, возьмите кого-нибудь в помощь. И верните его, живо!

Когда клерк возвратился после безрезультатных поисков, было уже около полуночи. Моряки гуляли повсюду: магазины, конторы, салуны, игорные дома сверкали яркими огнями. На улицах было оживленно, всюду сновали люди, их ждала удача, слава, удовольствия или преступление. И среди этих громких, тяжелых шагов, казалось, навеки замерли легкие, неуверенные шаги бездомного мальчика.

ГЛАВА VIII

Когда Кларенс, выйдя из банка, снова очутился на шумной улице, он рассудил своим детским умом, что раз уж он все равно плывет по воле волн и ни перед кем не должен отчитываться, почему бы ему не отправиться прямо на ближайшие золотые прииски! О том, чтобы вернуться к мистеру Пейтону и Сюзи отверженцем, которого отовсюду гонят, нечего было и думать. Он купит себе снаряжение, какое видел у старателей, и отправится в путь сразу же после ужина. Кларенс с удовольствием предвкушал, как самостоятельно, без чужой опеки, будет заказывать себе ужин, но, едва войдя в ресторан, он стал предметом всеобщего любопытства, отчасти из-за своего малого роста, отчасти же из-за одежды, которая, как бедняга начал подозревать, в самом деле выглядела

нелепо, и он поспешил уйти, пробормотав извинение, а в другой ресторан зайти так и не посмел. Вскоре он увидел булочную, где и подкрепился имбирными пряниками с лимонадом. В бакалейной лавочке по соседству он купил селедок, копченого мяса и печенья — припасы, которые он положит в заплечный мешок. А потом занялся главным делом — поисками снаряжения. За час он раздобыл якобы для своего приятеля, дабы избавиться от досужих расспросов, лоток, одеяло, лопату, кирку и оставил все это у булочника, где устроил себе укромную штаб-квартиру, надев только сапоги, которые почти скрыли его матросские брюки. При всей его неопытности цены показались ему непомерно высокими; когда он закончил покупки, от его капитала осталось не больше четырех долларов! Но в его детском воображении эти грубые вещи обладали гораздо большей ценностью, чем золото, отданное за них, и к тому же он познал мальчишескую радость, испробовав волшебную силу денег.

Меж тем лихорадочное оживление, царившее на улицах, как ни странно, только обострило в нем чувство одиночества, а окружающий разгул наполнял его смутным беспокойством. Он заглядывал на ходу в танцевальные залы, где весело кружились фигуры, в которых не было ничего женского, кроме платья; слышал крики и оглушительное пение хором из концертных залов; глядел на толпы пьяных гуляк, которые толпились у дверей салунов или с веселыми возгласами бегали по улицам, отталкивая его к стене, а иногда со смехом пытались увлечь за собой, — и все это смущало и пугало его. В обществе грубых людей он бывал и раньше, но те вели себя серьезно, сдержанно, деловито. А в этом низком растлении ума и силы — качеств, перед которыми Кларенс всегда по-мальчишески преклонялся, — было что-то отвратительное и удручающее. А потом где-то в толпе грянул револьверный выстрел, отовсюду стали стремительно сбегаться зеваки поглазеть на кого-то жалкого и беспомощного у стены; и вот уже толпа снова сомкнулась, — эта сцена, хотя и возбудила в мальчике любопытство, смешанное со страхом, по сути дела, меньше потрясла его душу, чем скотские развлечения и распутство.

Один раз толпа отшвырнула его к вращающейся двери, которая под тяжестью его тела подалась и от-

крыла перед ним длинную, великолепною, ярко освещенную комнату, полную молчаливых людей, чинных и сосредоточенных, которые были поглощены каким-то важным занятием и не обращали никакого внимания на крики и суматоху у самых дверей. Люди всех положений и званий, бедно и богато одетые, толпились у столов, как зачарованные, в сосредоточенном молчании. На столах были разбросаны карты, кучки золота и серебра. Слышался лишь звон монет, стук костяного шарика и частое, монотонное ленивое повторение какой-то непонятной фразы. Но Кларенс вдруг все понял. Это был игорный дом!

Ободренный благопристойной тишиной и тем, что люди, поглощенные игрой, казалось, не замечали его, мальчик несмело подошел к одному из столов. Там были разложены карты, и на каждой лежала кучка денег. Кларенс увидел на столе перед собой пустую карту. Одинокiй игрок, сидевший по соседству, поднял голову, с любопытством посмотрел на Кларенса и положил на карту десяток золотых монет. Кларенс, разглядывая комнату и игроков, не обратил внимания на то, что эта карта выиграла два или даже три раза подряд. Однако, заметив, что игрок, забирая свой выигрыш, с улыбкой смотрит на него, он в смущении перешел к другому концу стола, где было свободное место. Здесь тоже случайно оказалась пустая карта. Прежний сосед Кларенса мгновенно перебросил туда деньги через стол и выиграл! После этого и другие игроки начали как-то странно поглядывать на Кларенса, кое-кто из зрителей улыбнулся, и мальчик, краснея, неловко двинулся прочь. Но удачливый игрок ласково удержал его за рукав и вложил ему в руку три золотых монеты.

— Вот твоя доля, сынок,— шепнул он.

— Моя доля?.. За что? — пробормотал пораженный Кларенс.

— За то, что ты принес мне счастье,— ответил тот. Кларенс смотрел на него в недоумении.

— Что же мне... сыграть на них? — спросил он, переводя взгляд с монет на стол и не понимая, чего хочет незнакомец.

— Нет, нет,— торопливо ответил тот.— Не надо. Ты их сразу проиграешь, сынок! Разве не видишь, ты при-

«СТЕПНОЙ НАЙДЕНЬШ»

«СТЕПНОЙ НАЙДЕНЬШ»

носишь счастье другим, а не себе. Бери деньги, старина, да беги домой!

— Но они мне не нужны! Я не возьму!— сказал Кларенс, сразу вспомнив, какой фокус проделали утром с его кошельком, и внезапно исполняясь недоверием ко всему человечеству.

— Вот!— Он повернулся к столу и положил деньги на первую свободную карту, какая попала на глаза. Банкомет сгреб их, казалось, в тот же миг. И мальчик почувствовал облегчение.

— То-то!— сказал мужчина суеверным тоном, с каким-то странным, бессмысленным выражением в глазах.— Что я тебе говорил? Понимаешь, это всегда так! А теперь,— добавил он грубовато,— уноси-ка отсюда ноги, покада последнюю рубашку не проиграл.

Кларенса не пришлось уговаривать. Окинув комнату взглядом в последний раз, он стал пробираться через толпу к дверям. Но он успел заметить в углу женщину, которая вертела «колесо судьбы», и лицо ее показалось ему знакомым. Он снова украдкой взглянул на нее. Хотя на голове у нее был какой-то необычайный убор вроде короны, как и полагалось «богине судьбы», он узнал среди блесков знакомую алую веточку; и хотя женщина все время заученно повторяла одни и те же слова, он вновь уловил нездешний выговор. Это была пассажирка почтовой кареты! Испугавшись, как бы она не узнала его и тоже не захотела, чтобы он «принес ей счастье», Кларенс обратился в бегство.

На улице его охватило глухое отвращение и ужас перед суетливым безумием и лихорадочным весельем этого полудикого города. Хоть и глухое, оно казалось тем ощутимей, что было вызвано каким-то внутренним чутьем. Ему вдруг захотелось чистого воздуха и доброго одиночества пустынной прерии; он затосковал по своим бесхитростным спутникам — погонщику, разведчику Гилдерсливу и даже Джиму Хукеру. Но сильнее всего было тоскливое желание бежать прочь с этих улиц, нагоняющих безумие, от этих непонятных людей. Он поспешил в булочную, собрал все покупки, взвалил их в подъезде на свои детские плечи, выскользнул на боковую улочку и направился прямо к окраине.

Прежде он собирался сесть в почтовую карету, идущую на ближайший прииск, но от его и без того ничтожного капитала почти ничего не осталось, и он, чувствуя, что не может позволить себе такой расход, решил идти туда пешком по проезжей дороге, справившись предварительно, в какой это стороне. Через полчаса огни унылого, шумного города и их отсветы в мелкой бурной реке исчезли где-то далеко позади. Воздух был прохладный и мягкий; желтая луна плыла в легкой дымке, поднимавшейся над камышами, вдали несколько редких тополей и сикомор, как часовые, застыли над дорогой. Отойдя от города, он присел под деревом и скромно поужинал всухомятку своими припасами, но так как родника поблизости не было, ему пришлось утолить жажду стаканом воды в придорожном трактире. Здесь ему добродушно предложили выпить чего-нибудь покрепче, но он отказался, а на любопытные расспросы ответил, что догоняет друзей, которые поехали вперед в фургоне. Недоверие к людям постепенно приучало мальчика к невинной лжи, тем более правдоподобной, что непринужденность, охватившая его, когда он ушел из города, и безмятежность, с которой он держался среди ласковой ночной природы, никак не выдавали того, что он бездомен и беден.

Было уже далеко за полночь, когда, усталый, но по-прежнему полный надежд и радостный духом, он свернул с пыльной дороги в безбрежный, колышущийся простор овсюга с тем чувством уверенности, что сейчас обретет желанный отдых, с каким путник сворачивает к гостинице. Здесь, совершенно скрытый высокими, почти в человеческий рост, стеблями дикого злака, которые сразу же сомкнулись вокруг него, он пригнул к земле несколько из них на подстилку, а поверх набросил одеяло. Подложив под голову мешок вместо подушки, он завернулся в одеяло и вскоре заснул.

Проснулся он на рассвете, освеженный, бодрый и голодный. Но приготовить себе первый завтрак собственными руками он смог, только когда добрался до воды и отыскал для костра более безопасное место, нежели поле овсюга. Такое место нашлось в миле пути, возле купы карликовых ив на берегу почти пересохшего ручья. В результате его стараний лучше всего удался костер; кофе же получился слишком густой, а свиная грудинка

и селедка были почти одинаковы на вкус, поскольку варились в одном котелке. На этом мальчишеском пикнике ему не хватало Сюзи, и он вспомнил, быть может, не без горечи, как холодно она с ним рассталась. Однако новизна обстановки, ослепительно яркое солнце, чувство свободы и оживившаяся уже дорога, по которой то и дело, пыля, проезжали повозки, заставили его забыть все, кроме будущего. Вскинув за плечи мешок, он бодро отправился в путь. В полдень его нагнал возчик, который попросил спичку раскурить трубку, а в благодарность предложил подвезти, и они проехали вместе десяток миль. Боюсь, что Кларенс, как и накануне, напел о себе с три короба, и возчик, расставаясь с ним, выразил ему свое искреннее сочувствие и надежду, что он вскоре встретится с друзьями.

— Да гляди не сваяй опять дурака и не дай им навьючить на себя ихнее снаряжение! — добавил он просто душно, указывая на ношу Кларенса. Таким образом Кларенс преодолел самую трудную часть дневного пути, поскольку последние шесть миль дорога все время шла в гору, и ему удалось покрыть еще немалое расстояние пешком, прежде чем пришлось остановиться и стряпать ужин. Тут ему снова повезло. У родника, где он сделал привал, запасался водой пустой бревновоз, и кучер вызвался довезти вещи Кларенса — мальчик не забыл совет своего недавнего знакомого освободиться от снаряжения — до Бак-Ай-Миллз всего за доллар и за те же деньги подбросить его самого в тряском фургоне.

— Небось, просадил в Сакраменто денежки, какие папа с мамой дали на обратную дорогу? Ну нет, меня не проведешь, сынок, — мрачно добавил он, когда Кларенс, уже наученный опытом, только хитро улыбнулся в ответ. — Я и сам был такой.

К счастью, Кларенсу под предлогом, что он «устал и хочет спать», удалось избавиться от опасных расспросов, и вскоре мальчик, лежа на дне повозки, действительно погрузился в глубокий сон.

Когда Кларенс проснулся, они были уже в горах. Бак-Ай-Миллз оказался небольшим поселком, беспорядочно разбросанным по склону. Кларенс благоразумно прервал неприятные вопросы со стороны возчика и, как только они въехали в поселок, поспешил распрощаться

с ним и слез на перекрестке. Ему сказали, что ближайший лагерь старателей находится в пяти милях, а направление указывал длинный деревянный желоб, или акведук, который то появлялся, то исчезал на противоположном склоне горы. Прохладный и сухой воздух, благодатная тень сосен и лавров, пряный аромат встречали Кларенса повсюду, наполняя его душу восторгом и ликованием. Дорога несколько раз углублялась в девственный лес, где птицы вспархивали из-под самых его ног и, как стрелы, пронзали полумрак; порой он останавливался, затаив дыхание, над глубокими голубыми каньонами, где на тысячефутовой глубине тянулись такие же леса. К полудню он вышел на другую дорогу, видимо, здешний большак, и с удивлением обнаружил, что она, как и земля, повсюду, где ее тронули лопатой, густо-красного цвета. По обочинам, на склонах и на створах деревьев, на буграх и кучах земли вдоль дороги, в жидких, похожих на краску лужах, там, где ее пересекал журчащий ручеек,— всюду был тот же кровавый цвет. Кое-где он казался еще ярче на фоне белых зубчатых кристаллов кварца, проглядывавших на склоне горы или слоистыми пластами пересекавших дорогу. Кларенс с сильно бьющимся сердцем подобрал один такой кусок. Он весь был пронизан прожилками и полосками сверкающей слюды и крошечными блестящими кубиками какого-то минерала, похожего на золото.

Дорога начала спускаться к извилистому ручью, обмелевшему от засухи и множества отводных канав; вода ослепительно сверкала на солнце у белых песчаных запруд или поблескивала в каналах и затонах. По берегам, а иногда даже вторгаясь прямо в русло, виднелись глиняные хижины, странной формы деревянные желоба и канавы, а кое-где мелькала сквозь листву белая парусина палаток. Пни срубленных деревьев и черные кострища усеивали оба берега. Кларенс вдруг почувствовал разочарование. Все это казалось таким пошлым, обыденным и, что хуже всего, давным-давно знакомым. Совсем как тоскливые окраины множества самых обыкновенных поселков, какие он видел в отнюдь не романтических местах. Глядя на мутно-красный поток, вытекающий из деревянного желоба, в котором, словно в ящике комода, неуклюже копошились, выискивая что-то,

несколько бородатых, сутулых людей, трудно было предположить, что в нем есть благородный металл. И все же Кларенс был так поглощен этим зрелищем, что чуть не налетел на домик, стоявший на отшибе, за крутым поворотом дороги.

Невозможно описать эту лачугу, сооруженную наполовину из досок, наполовину из парусины. Через открытую дверь были видны полки по стенам, прилавок, в беспорядке заваленный разной снедью, одеждой, бакалейным и скобяным товаром — без всякой попытки выставить все это как полагается или хотя бы просто рассортировать товары, — и стол, а на нем оплетенная бутыл и несколько грязных стаканов. Двое небрежно одетых мужчин, у которых из-под длинных, спутанных бород и волос под обвислыми шляпами были видны средние косматые дебри только глаза и губы, стояли, прислонившись к стене по обе стороны двери, и курили. Дорога шла под уклон, и Кларенс, с разгону чуть не натолкнувшись на них, едва успел остановиться.

— Эй, сынок, дом-то зачем ломать! — сказал первый, не вынимая трубки изо рта.

— Если ты ищешь маму, так она с тетушкой Джейн только что ушла пить чай к священнику Дулитглу, — заметил другой лениво. — Велела, чтоб ты обождал.

— Но я... я иду... на прииски, — нерешительно объяснил Кларенс. — Кажется, это в ту сторону?

Мужчины вынули трубки изо рта, переглянулись, и каждый провел тыльной стороной ладони по лицу, словно стирая всякое выражение, а потом заглянули в дверь.

— Эй, вылазьте-ка все сюда!

На зов из лачуги высыпали шестеро мужчин, таких же бородатых и с такими же трубками во рту, присели в ряд на корточки, привалившись спинами к стенке, и невозмутимо уставились на мальчика. Кларенсу стало не по себе.

— Даю за него, — сказал один, вынимая изо рта трубку и свирепо глядя на Кларенса, — сто долларов, со всеми потрохами.

— Поскольку у него новехонькое снаряжение, — сказал другой, — даю сто пятьдесят и ставлю выпивку для всех. Меня давно уже тянет на что-нибудь этакое, — добавил он, как бы оправдываясь.

— Ну-с, джентльмены,— сказал человек, который первым заговорил с Кларенсом,— ежели взглянуть на него, так сказать, в общем и целом, разобрать по всем статьям, а также принять во внимание, сколько в нем пороха, наглости и нахальства, коль скоро он явился сюда таким бесцеремонным, беспардонным молодчиком, которому сам черт не брат, я считаю, что двести долларов — самая сходная цена.

Кларенсу уже приходилось слышать такие мрачные, без тени улыбки калифорнийские шуточки, и это отнюдь не располагало его к доверию. Он попятился и упрямо повторил:

— Я спрашиваю, это ли дорога на прииски?

— Да это и есть прииски, а вот и сами старатели,— серьезно сказал мужчина, заговоривший первым.— Позвольте мне представить их: вон тот — Картежник Джим, а вот Коротышка Билли, Образина Боб, Трезвенник Дик. Далее — Герцог Чэтем-стрит, Живой Скелет и я, ваш покорный слуга!

— А позвольте вас спросить, прекрасный юноша,— сказал Живой Скелет, который, казалось, так и пышет здоровьем,— откуда пожаловали вы к нам на крыльях утра и чьи мраморные дворцы осиротели без вас?

— Я пересек всю прерию и приехал в Стоктон два дня назад с караваном мистера Пейтона,— раздраженно сказал Кларенс, не видя причины скрывать что-либо.— А потом меня повезли в Сакраменто к моему двоюродному брату, но он там больше не живет. И я не вижу тут ничего смешного! Я пришел сюда, на прииски, мыть золото, потому... потому что мистера Силсби, который должен был довести меня сюда и найти моего двоюродного брата, убили индейцы.

— Обожди-ка, сынок. Я за тебя доскажу,— остановил его первый мужчина, вставая на ноги.— Сам ты уцелел, потому что потерялся вместе с маленькой дочкой Силсби. Пейтон подобрал тебя, когда ты с ней нянчился, а через два дня вы наткнулись на разбитые фургоны Силсби, и рядом валялись люди со всего каравана с перерезанными глотками.

— Да, сэр,— подтвердил Кларенс, у которого глаза полезли на лоб от удивления.

— А в прерии,— серьезно продолжал тот, кладя мальчику руку на голову, словно хотел помочь ему вспомнить,— когда ты остался всеми покинутый с этим ребенком, ты увидел одного из этих краснокожих совсем близко, как вот меня сейчас, он высматривал караван, а ты затаил дыхание и боялся шевельнуться?

— Да, сэр,— волнуясь, подтвердил Кларенс.

— И Пейтон в тебя выстрелил, думал, это индеец прячется в траве? А был еще случай, когда ты один, без чужой помощи убил буйвола, который свалился вместе с тобой в лошину?

— Да,— сказал Кларенс, покраснев до ушей от удивления и радости.— Так вы меня знаете?

— Вроде бы да-а,— протянул мужчина серьезно, расправляя пальцем усы.— Понимаешь, ведь ты уже был здесь.

— Был? Я?— повторил Кларенс, ошеломленный.

— Ну да, был. Вчера вечером. Только тогда ты был повыше ростом и нестриженный. И ругался куда крепче, чем теперь. Выпил виски не хуже взрослого и взял взаймы пятьдесят долларов на дорогу до Сакраменто. У тебя их, верно, нет при себе, а?

От ужаса и недоумения голова у Кларенса пошла кругом.

Что он, сходит с ума, или эти жестокие люди узнали о его злоключениях от вероломных друзей и все заговорились травить его? Он неуверенно сделал несколько шагов, но мужчины встали и быстро окружили его, преградив ему дорогу. В тупом и беспомощном отчаянии он выдавил из себя:

— Как называется это место?

— Люди называют его Ущельем Мертвеца.

Ущелье Мертвеца! Во мраке вдруг сверкнул луч света. Ущелье Мертвеца! Неужели Джим Хукер и вправду убежал и назвался его именем? Он умоляюще повернулся к первому из мужчин.

— Скажите, он был старше меня и выше ростом? Такой с круглым, гладким лицом и маленькими глазками? И с хриплым голосом? И он...— Мальчик в отчаянии замолчал.

— Да. На тебя он нисколько не похож,— сказал мужчина задумчиво.— Понимаешь, какая выходит пет-

рушка. Больно уж много болтается вас тут всяких для одного поселка.

— Не знаю, кто здесь был до меня и что говорил,— сказал Кларенс в отчаянии, но все-таки упрямо сохраняя верность своему старому товарищу — это было у него в крови.— Не знаю и знать не хочу, вот! Я Кларенс Брант из Кентукки. Я выехал с караваном Силсби из Сент-Джо, а теперь иду на прииски, и вы не имеете права меня не пустить.

Первый из мужчин вздрогнул, пристально посмотрел на Кларенса, потом повернулся к остальным. Человек по прозвищу Живой Скелет надвинулся на мальчика всей тушей и, разглядывая его, задумчиво сказал:

— Черт, а ведь и вправду похоже, что он щенок Бранта, ей-ей.

— А не родственник ты полковнику Хэмилтону Бранту из Луисвилля?— спросил первый.

Опять этот проклятый вопрос! Бедный Кларенс колебался, не зная, как быть. Неужели снова придется подвергнуться перекрестному допросу, как у Пейтонов?

— Да,— отвечал он упрямо,— родственник. Но вы же сами знаете, что он умер.

Ему ответил хор голосов:

— Конечно, умер.

— Ясное дело.

— Умер.

— Схоронили полковника.

— Само собой,— веско подтвердил Живой Скелет, как человек, который знает, что говорит.— От Хэма Бранта теперь одни косточки остались.

— Это точно! Покойник мертвее мертвого,— поддерживал его Трезвенник Дик, мрачно кивая остальным.— Не приведи бог с таким повстречаться!

— Да уж коли полковник схватит, так мертвой хваткой, и рука у него ледяная,— заключил Герцог Чэтем-стрит, который до сих пор молчал.— Это как пить дать. Но что на этот счет сказала твоя мамочка? Она снова выходит замуж? Это она тебя сюда спровадила?

Тут Кларенсу показалось, что стоявший рядом с Герцогом пнул его ногой; мальчик упрямо повторил:

— Я приехал в Сакраменто к своему двоюродному брату Джексону Бранту, но его там нет.

— К Джексону Бранту!— подхватил первый, переглянувшись с остальными.— И твоя мать сказала, что он тебе двоюродный брат?

— Да,— устало ответил Кларенс.— До свидания.

— Обожди, сынок, а куда это ты собрался?

— Мыть золото,— сказал мальчик.— И вы сами знаете, что не имеете права мне помешать, если это не ваша заявка. Я законы знаю.

Он слышал про это в Стоктоне от мистера Пейтона. И вдруг ему показалось, что мужчины, которые о чем-то перешептывались, поглядывают на него добрее и, как видно, бросили «разыгрывать» его. Первый положил руку ему на плечо и сказал:

— Ладно, ступай за мной, я покажу тебе, где мыть.

— А вы кто?— спросил Кларенс.— Вы себя назвали просто «я».

— Ну, можешь звать меня Флин... Том Флин.

— И вы мне покажете, где мыть?

— Покажу.

— А я, знаете,— сказал Кларенс робко, но с невольной улыбкой,— я, кажется, приношу людям счастье.

Человек посмотрел на него сверху вниз и сказал серьезно, только Кларенсу вдруг показалось, что это уже совсем не та серьезность:

— Я тебе верю.

— Да-да,— живо сказал Кларенс, шагая рядом с ним,— на днях я принес счастье одному человеку в Сакраменто.

И он без тени улыбки рассказал о том, что было с ним в игорном доме. Не удовлетворившись этим — роднички, таившиеся в глубине его детской души, вдруг забили, раскованные непостижимой симпатией к этому человеку,— он рассказал о том, как угостил своих попутчиков в придорожном баре, как нашел деньги в своем волшебном кошельке и как ему открыли счет в банке. То ли его вдруг покинула всегдашняя застенчивость, так повлиявшая на его судьбу, то ли он почуял какое-то необычайное расположение к себе со стороны своего спутника, он сам не мог бы сказать, но когда они дошли до склона горы, Флин знал уже всю историю мальчика. Только в одном его скрытность осталась непоколе-

бимой. Хотя и помня о двуличности Джима Хукера, он сделал вид, будто считает это дружеской шуткой.

Наконец они остановились посреди зеленого склона. Кларенс скинул с плеча лопату, отвязал лоток и посмотрел на Флина.

— Можешь копать где хочешь, — сказал его спутник небрежно, — тут наверняка найдешь блески. Набери в лоток земли, потом ступай вон к тому желобу,пусти воду по верху лотка да поворачивай его вот так, — добавил он, делая вращательные движения руками. — Промывай, покуда на дне не останется только черный песок. А потом делай все точно так же, пока не увидишь блески. Не бойся, что смоешь золото из лотка, этого ты и нарочно не сделаешь. Я тебя здесь оставляю, а потом опять приду, ты жди.

Еще раз серьезно кивнув с каким-то подобием улыбки в глазах, которые одни только и были видны на его заросшем лице, он быстро ушел.

Кларенс не стал терять времени. Выбрав место, где трава не слишком густая, он расчистил дерн и набрал несколько лопат красной земли. Когда он наполнил и взвалил на плечо лоток, то был поражен его тяжестью. Он не знал, что красный цвет земле придает осадок железа. Пошатываясь под тяжестью своей ноши, он спустился к желобу, похожему на узкое деревянное корытце, по которому текла вода, и начал тщательно выполнять указания Флина. Как только он окунул лоток, вода унесла половину содержимого в виде жидкой, похожей на краску грязи. Увидев эту маслянистую жижу, ощутив ее на своих руках, Кларенс дал волю мальчишеской радости. Еще несколько секунд — и на дне остался лишь мелкий черный песок. Мальчик еще раз окунул лоток в воду, покрутил немного, и — он не поверил своим глазам! — в песке засверкали редкие желтые крупинки, крошечные, чуть больше булавочной головки. Он слал содержимое лотка. Но его спутник не соврал: песчинки кварца, более легкие, уносила вода, а сверкающие крупинки под действием своей тяжести неподвижно лежали на гладкой поверхности дна. Это и были «блески» — золото!

Сердце у Кларенса чуть не выскочило из груди. Перед его глазами уже предстало ослепительное виде-

ние — богатство, независимость, власть и... но тут чья-то рука легонько коснулась его плеча.

Он оглянулся. Взволнованный, ничего вокруг не замечая, он не слышал стука копыт и теперь с удивлением увидел Флина, который сидел верхом, держа в поводу вторую лошадь.

— Умеешь ездить верхом? — спросил он отрывисто.

— Да, — ответил Кларенс, запинаясь. — Но...

— Никаких но... у нас всего два часа, чтобы доскакать до Бак-Ай-Миллз и поспеть на почтовую карету. Бросай все, садись и поехали!

— Но я только что нашел золото, — сказал мальчик взволнованно.

— А я только что нашел твоего... двоюродного брата. Едем!

Он прищипорил лошадь, заставив ее переступить через разбросанные инструменты мальчика, помог ему сесть или, вернее, втащил его в седло, хлестнул лошадь Кларенса по ляжкам своим лассо, и мгновение спустя оба бешено скакали вперед.

ГЛАВА IX

Кларенс, которому так неожиданно пришлось распрощаться со своим блестящим будущим, не смел, однако, перечить властному человеку, ехавшему рядом с ним, и несколько минут молчал, но потом дорога пошла в гору, что заставило их умерить прыть и дало мальчику возможность немного отдышаться и набраться смелости.

— А где мой двоюродный брат? — спросил он.

— В двухстах милях к югу отсюда.

— Мы едем к нему?

— Да.

И они снова поскакали во весь опор. Прошло почти полчаса, и вот начался еще более длинный подъем. Кларенс заметил, что Флин время от времени с любопытством поглядывает на него из-под обвислых полей шляпы. От этого мальчику было немного не по себе, но он чувствовал такое необычайное доверие к своему спутнику, что в его смущении не было настороженности.

— А ты никогда не видел своего двоюродного брата?

— Нет,— ответил Кларенс,— и он тоже меня не видел. Во всяком случае, он меня совсем не знает.

— А сколько тебе лет, Кларенс?

— Одиннадцать.

— Ну, раз ты такой щенок, какого днем с огнем поискать,— Кларенс вздрогнул, вспомнив, как назвал его при первой встрече Пейтон,— послушай-ка, что я скажу. Я знаю, ты не испугаешься, не струсíš, не сробеешь,— не таковской ты породы. Так вот, ежели ты услышишь от меня, что этот твой... ну, в общем, двоюродный брат — самый отчаянный висельник, что он недавно убил человека и вынужден был уносить ноги, оттого и не мог объявиться в Сакраменто,— что ты на это скажешь?

Это было уж слишком. И Кларенс, поглядев на Флина своими правдивыми глазами, ответил совершенно искренне:

— Скажу, что вы говорите, совсем как Джим Хукер.

Его спутник удивленно взглянул на него и вдруг осадил коня; потом громко рассмеялся и снова поскакал вперед, время от времени качая головой, хлопая себя по ляжкам и оглашая сумрачные леса раскатистым хохотом. Но вскоре он вдруг опять впал в задумчивость и, прищипывая коня, ехал так с полчаса, открывая рот только для того, чтобы поторопить Кларенса, да иногда подхлестывая его лошадь. К счастью, мальчик хорошо ездил верхом — что Флин, видимо, оценил,— иначе он уже десять раз вылетел бы из седла.

Наконец впереди мягкими контурами проступили беспорядочно разбросанные по красноватому склону домишки Бак-Ай-Миллз. Флин придержал коня и, поехав рядом с Кларенсом, положил ему руку на плечо.

— Так вот, мальчуган,— сказал он, вытирая слезы, выступившие у него на глазах от смеха,— это я просто так, пошутил, хотел тебя испытать. Этот твой двоюродный брат, к которому я тебя везу, такой же вежливый и воспитанный, как ты. Он совсем погряз в книжках и науках, живет один на ранчо в большом доме среди целой оравы испанцев, а нашего брата, американца, и видеть не хочет! Даже фамилию сменил, зовется теперь дон Хуан Робинсон! Зато он настоящий богач: три лиги земли, много скота и лошадей, так что,— тут

он одобрительно поглядел, как Кларенс сидит в седле,— пожалуй, ты там скучать не будешь.

— Но я думаю,— нерешительно сказал Кларенс, которому эти слова напомнили сердобольное предложение Пейтона,— мне лучше бы остаться здесь и мыть золото... вместе с вами.

— А я этого не думаю,— возразил Флин с серьезностью, очень похожей на бесповоротную решимость.

— Но ведь мой двоюродный брат не приехал в Сакраменто, не послал за мной никого и даже не написал,— возмущенно настаивал Кларенс.

— Тебе — нет, мальчуган. Зато он написал тому человеку, который, как он думал, привезет тебя, Джону Силсби, и оставил письмо в банке до востребования. Но так как Силсби нет в живых, он и не пришел за письмом. А ты, когда был там, не справился о письме и даже не упомянул о Силсби, вот письмо и вернули обратно твоему родичу через меня, так как в банке думали, что мы с ребятами знаем, где он. Его привез в наше ущелье нарочный, покуда ты мыл золото на склоне. Тут я вспомнил твой рассказ, решил вскрыть письмо и вижу, что твой брат просит Силсби привезти тебя прямо к нему. Выходит, я только делаю то, что должен был сделать Силсби.

Все сомнения и подозрения, какие могли возникнуть у Кларенса, мигом рассеялись, едва он взглянул в твердые и решительные глаза своего спутника. Он забыл даже свое разочарование, охваченный радостью, что обрел такого замечательного друга и защитника. И если при первой встрече Кларенс проникся к нему бесконечным доверием, разоткровенничался, то теперь под влиянием какого-то нового, более глубокого чувства снова смущенно замкнулся в себе.

В Бак-Ай-Миллз они успели наскоро перекусить до прибытия почтовой кареты, и Кларенс заметил, что, несмотря на грубую одежду и разбойничью внешность его друга, все вокруг явно относится к нему с уважением и, пожалуй, не без почтительного страха. Во всяком случае, им беспрекословно предоставили два лучших места в карете, а когда Флин небрежно, почти надменно пригласил попутчиков выпить, это приглашение было с готовностью принято всеми, не исключая двух франтоватых пас-

сажиров, которые до тех пор держались в стороне. Боюсь, что Кларенс с мальчишеской гордостью наслаждался этим доказательством необычайного влияния своего друга и, чувствуя на себе любопытные взгляды пассажиров, нарочито подчеркивал, что он на короткой ноге с этим властным бородачом.

На другой день часов в двенадцать они сошли на маленькой станции, и Флин коротко сообщил Кларенсу, что теперь придется опять сесть в седло. Казалось бы, в этом глухом поселке, где, кроме них, никто больше не сошел, трудно будет достать лошадей, но стоило кучеру шепнуть что-то на ухо станционному смотрителю, как сразу появились два резвых мустанга; и здесь наших путников по-прежнему окружала атмосфера опасливого благоговения и тайны. Еще два дня они ехали верхом, останавливаясь на ночь у кого-нибудь из друзей Флина в предместье большого города, приезжали туда в сумерках, а покидали его еще затемно. Человек более опытный, чем простодушный мальчик, сразу заметил бы, что Флин намеренно избегает оживленных дорог и почтовых карет: они, сменив лошадей, весь день скакали по пустынным местам через редколесье и холмистую прерию. Впрочем, для Кларенса, который чувствовал себя на лоне природы как рыба в воде и радовался каждой травинке, это было сплошное удовольствие. Безбрежный, непрестанно колышущийся океан овсяга, склоны холмов, где еще не отцвели диковинные цветы, благодатная сень девственных лесов, зеленые прогалины, устланные мхом или опавшей корой, по которым никогда не ступала нога человека, вселяли в него острое чувство восторга и новизны. К тому же здесь ему очень пригодились зоркий глаз, наблюдательность и знание прерии. Врожденный глазомер, чутье, помогавшее ему ориентироваться в лесу, умение безошибочно угадывать следы, опознавательные знаки и приметы природы, которым обладают лишь звери, птицы да иногда дети, очень облегчили сейчас задачу его менее способному спутнику. Здесь, в конце их удивительного паломничества, вел мальчик. Флин, который в последние два дня стал сдержанным и настороженным, только одобрительно кивал.

— Я вижу, твое место здесь, мальчуган,— говорил он.— Города и толпы народа — это не про тебя.

На месте их следующей ночевки Кларенса ждал сюрприз. Они опять въехали в город уже затемно и остановились у друга Флина, в комнатах, которые, судя по глухим звукам снизу, помещались над игорным залом. Кларенс проснулся поздно и, выйдя во двор, готовился снова сесть в седло и отправиться в путь, как вдруг с удивлением увидел, что на второй лошади сидит не Флин, а какой-то хорошо одетый и красивый незнакомец. Однако знакомый смех и привычная команда «Прыгай в седло, мальчуган!» заставили его взглянуться пристальней. Это все-таки был Флин, только гладко выбритый, без бороды и усов, с коротко остриженными волосами и в щеголеватом черном костюме.

— Так ты меня не узнал? — спросил Флин.

— Нет, пока не услышал ваш голос, — ответил Кларенс.

— Тем лучше, — важно сказал его друг и дал лошади шпоры.

Когда они скакали по улице, Кларенс, который уже привык к косматым волосам, украшавшим его спутника, теперь слегка оробел перед ним. Его лицо было видно в профиль: сурово и твердо очерченные, чуть мрачноватые рот и подбородок. И хотя он никак не мог напоминать мальчику кого-либо из его знакомых, в живом воображении Кларенса этот человек был связан с какими-то грустными событиями. Но глаза у Флина были печальные и добрые, и Кларенс потом не раз думал, что если б он успел привыкнуть к Флину, то полюбил бы его. Он видел его в тот день в первый и последний раз, потому что после езды по пыльным и оживленным дорогам они к вечеру достигли цели своего путешествия.

Дом был низкий, с красной черепичной крышей и квадратным двором, где они спешили среди темной зелени старых груш и фиговых деревьев. Флин сказал что-то по-испански ленивому на вид пеону, и их ввели в галерею с деревянными стенами, а оттуда — в длинную комнату с низким потолком, которая, как показалось Кларенсу, была буквально завалена книгами и гравюрами. Здесь Флин велел ему подождать и вышел поискать хозяина в других комнатах. Но Кларенс не скушал; более того, боюсь, что он забыл даже о цели их приезда: столько новых чувств вдруг нахлынуло на него,

столько чудесных картин будущего нарисовало ему его детское воображение! Он словно охмелел, у него закружилась голова. Никогда в жизни не видел он еще столько книг; никогда не подозревал, что бывают такие чудесные картинки. Правда, ему невольно закралась в голову мысль, что он когда-то видел их во сне. Он залез на стул и как зачарованный рассматривал гравюру, изображающую морской бой, когда вдруг услышал голос Флина.

Его друг неслышно вошел в комнату вместе с пожилым, несколько похожим на иностранца человеком, — очевидно, это и был родственник Кларенса. Никакие воспоминания не пришли мальчику на помощь, никакая возможность сравнить, ничего, кроме смутной мысли, что его двоюродный брат, вероятно, похож на него, и мальчик беспомощно остановился перед ним. Он уже ждал, что сейчас его снова подвергнут обычному перекрестному допросу относительно его отца и родных, и даже с горечью подумывал, как бы сочинить какие-нибудь невинные подробности, чтобы дополнить свои скудные и неубедительные воспоминания. Но, подняв голову, он с удивлением увидел, что этот пожилой человек смущен не меньше его. Флин, как всегда, вовремя вмешался.

— Конечно, вы друг друга не помните, и оба, надо думать, мало что знаете о семейных делах, — сказал он хмуро. — Ну, а поскольку твой двоюродный брат называет себя дон Хуан Робинсон, — добавил он, обращаясь к Кларенсу, — тебе тоже лучше распрощаться с Джексоном Брантом. Я твоего брата знаю лучше тебя, но вы скоро друг к другу привыкнете. По крайней мере я очень вам советую постараться, — заключил он с необычайной серьезностью.

Он повернулся и, как видно, хотел выйти из комнаты вместе со смущенным хозяином дома — к явному облегчению последнего, — но тут мальчик посмотрел на Робинсона и робко спросил:

— А можно мне книги поглядеть?

Его родственник остановился и впервые посмотрел на него с интересом.

— А, так ты умеешь читать! Ты любишь книги?

— Да, — ответил Кларенс. И, чувствуя на себе нерешительный взгляд, добавил: — У меня руки чистые, но если хотите, я могу их сперва вымыть.

— Гляди сколько хочешь,— сказал с улыбкой дон Хуан.— А так как это старые книги, то руки лучше вымыть потом.— И, быстро повернувшись к Флину, сказал с облегчением:— Вот что, я выучу его говорить по-испански!

Они вышли вместе, а Кларенс живо повернулся к полкам. Да, это были старые книги, некоторые совсем старинные, в странных переплетах, изъеденные червями. Одни были на иностранных языках, зато другие напечатаны по-английски, ясным, отчетливым шрифтом, с удивительными гравюрами и иллюстрациями. Одна книга, видимо, была историей сражений и осажденных городов, с цветными картинками, изображавшими бойцов, пронзенных стрелами, с аккуратно обрубленными конечностями или поваленных на землю палящими пушками. Кларенс был поглощен картинками, как вдруг услышал цокот подков во дворе и голос Флина. Он подбежал к окну и с удивлением увидел, что его друг уже в седле и прощается с хозяином.

И тут Кларенсом вдруг овладело на миг новое чувство, как это свойственно его возрасту, чувство, которое он всегда из застенчивости прятал под внешним упрямством. Флин, его единственный друг! Единственный, кому он открыл свою детскую душу! Его новый кумир уезжает, бросает его, не сказав ни слова на прощание! Правда, Флин всего лишь любезно согласился отвезти Кларенса к его опекуну, но все же как можно покинуть его без единого слова надежды или ободрения! Будь это любой другой, Кларенс, вероятно, прибегнул бы к помощи всегдашнего своего индейского стоицизма, но то же чувство, что побудило его поверить Флину свои детские тайны при первой же встрече, взяло вверх и теперь. Он бросил книгу, промчался по галерее и выбежал во двор, когда Флин уже выезжал из ворот.

Мальчик издал отчаянный крик, и всадник его услышал. Он натянул поводья, повернул коня и, остановившись, нетерпеливо посмотрел на Кларенса. Кларенс и без того был смущен, а тут еще его двоюродный брат, видя, что Флина остановили, замешкался в галерее, а пеон, торчавший без дела у ворот, подобострастно подбежал и хотел взять под уздцы коня. Но всадник отмахнулся от него и, обращаясь к Кларенсу, спросил строго:

— Ну, в чем дело?

— Ни в чем,— сказал Кларенс, стараясь скрыть горячие слезы, которые навернулись ему на глаза.— Простите вы уезжаете, не попрощавшись. Вы были очень добры ко мне, и... и... я хочу вас поблагодарить!

Флин густо покраснел. Потом, покосившись на дверь, сказал торопливо:

— Это он тебя послал?

— Нет, я сам. Я слышал стук копыт.

— Ну ладно. Прощай.— Он наклонился, словно хотел пожать протянутую руку Кларенса, потом вдруг застыл с мрачной улыбкой и, достав из кармана золотую монету, протянул ее мальчику.

Кларенс взял монету, гордым движением швырнул ее стоявшему в ожидании пеону, который с благодарностью ее поймал, отступил в сторону и сказал, побледнев:

— Я только хотел попрощаться.

И опустил глаза, полные жгучих слез. Но голос его прозвучал как чужой, и действовал, казалось, тоже не он, а кто-то другой.

Гость и хозяин быстро переглянулись, и в глазах Флина блеснуло восхищение и еще какое-то непонятное чувство. Но когда Кларенс поднял голову, его уже не было. Кларенс, чувствуя себя несчастным, пошел к дому, но тут его родственник положил ему руку на плечо.

— *Muy hidalgamente*¹, Кларенс,— сказал он ласково.— Ничего, мы еще сделаем из тебя человека!

ГЛАВА X

Следующие три года прошли без особых событий. За это время Кларенс узнал, что Джексон Брант, иначе дон Хуан Робинсон — ибо узы родства менее всего значили в их отношениях, и после отъезда Флина оба по молчаливому уговору избегали этой темы,— был скорее испанцем, нежели американцем. Он рано поселился в южной Калифорнии, женился на богатой вдове-мексиканке, которая умерла бездетной и оставила ему в наследство

¹ Очень благородно (исп.).

все свое состояние, характер у него был на редкость сдержанный, и все это как бы совершенно лишило его национальных черт. То был отшельник, зарывшийся в книги и очень разборчивый в выборе знакомых среди своих соотечественников, и чем ближе Кларенс его узнавал, тем более странным казалось мальчику его знакомство с Флином; но поскольку он был так же скрытен в этом, как и во всем, что касалось их родства, Кларенс в конце концов решил, что просто его бывший друг умеет подчинять себе людей, и больше об этом не думал. Он вступил в свою новую жизнь в «Эль Рефухио»¹, не отягченный бременем прошлого. Быстро приспособившись к ленивой и свободной жизни на ранчо, он по утрам объезжал верхом холмы, где паслись стада его брата, а дни и вечера проводил за книгами, которые глотал жадно и беспорядочно и тоже без всякого контроля. Беспечный дон Хуан, правда, сделал попытку выполнить свое необдуманное обещание и научить Кларенса говорить по-испански и даже дал ему несколько уроков; но за какой-нибудь месяц смывленный мальчик выучился так бойко болтать,водя знакомство с пастухами и мелкими торговцами, что дон Хуан был рад и в этом предоставить своего юного родственника самому себе. И поскольку бывает, что вопреки всякой логике репутация человека порой зависит от одного-единственного пустякового поступка, красивый жест Кларенса, когда он отверг прощальный подарок Флина, раз и навсегда определил его репутацию в «Эль Рефухио». Благодарный пеон, которому мальчик презрительно швырнул монету, разыграл эту сцену во всех подробностях перед своей подружкой, и незнакомого юного родича дона Хуана сразу признали своим, а также несомненным идальго по рождению и воспитанию. Но самую поэтическую форму придало этому случаю живое воображение местных женщин.

— Клянусь пресвятой девой, это истинная правда,— говорила мельничиха Чуча.— Доминго всё рассказал, как на духу. Когда молодой джентльмен прибыл в сопровождении этого американца, провожатый был ему не ровня, сами понимаете, вот и хотел уехать без приказа. И тут к нему подходит наш маленький идальго. «Вы забыли

¹ Прибежище (исп.).

испросить у меня разрешения»,— говорит. Этот американец думал уладить все просто с таким малышом и дает ему золотую монету в двадцать песо. Маленький идалго берет ее вот так и говорит: «А! Вы хотите передать через меня деньги слугам моего брата»,— и бросает монету Доминго, да гордо так, по-благородному.

Но всеобщим любимцем в «Эль Рефухио» Кларенс стал благодаря своей редкостной простоте, искренности и склонности к живописному безделью, говорившему скорее о рассеянной мечтательности, нежели о грубой праздности, да, пожалуй, благодаря умению отлично ездить верхом. На исходе третьего года дон Хуан убедился, что этот неискушенный четырнадцатилетний бездельник научился лучше управлять ранчо, чем он сам; что необразованный юнец из захолустья проглотил почти все книги в его библиотеке, отважно переваривая все подряд. Кроме того, он понял, что, несмотря на поразительную независимость во всех своих поступках, Кларенс непоколебимо верен своим принципам, и, хотя не ищет — да и сам не выказывает — сентиментальной привязанности и не подчеркивает их родственных уз, он тем не менее горячо предан интересам своего двоюродного брата. И если сначала он мелькал в доме, как солнечный зайчик, ускользающий и незаметный, то теперь он стал для своего благодетеля необходим как воздух.

И все же Кларенс был удивлен, когда однажды утром дон Хуан вдруг спросил его с тем же смущением, что и при их первой встрече, «каким делом он намерен заняться». Это показалось мальчику тем более необычным, что его родич, как большинство людей непрактических, до сих пор старательно избегал разговоров о будущем. Возможно, это объяснялось либо обеспеченностью, к которой он привык, либо опасениями и неуверенностью. Как бы то ни было, но дон Хуан вдруг изменил своей всегдашней невозмутимости, и это расстроило его самого не меньше, чем Кларенса. Мальчик ощутил это так остро, что, не отвечая на вопрос и тщетно стремясь припомнить, не совершил ли он какой-нибудь проступок, спросил, как всегда, напрямик:

— А что случилось? Я в чем-нибудь провинился?

— Нет-нет,— торопливо заверил его дон Хуан.— Но, видишь ли, пора тебе подумать о будущем или по край-

ней мере готовиться к нему. Я хочу сказать, тебе нужно учиться систематически. Надо поступить в школу. Конечно, это жаль,— добавил он с досадой, как бы забыв в своем нетерпении о присутствии Кларенса и размышляя вслух.— Как раз теперь, когда ты становишься мне полезен и оправдываешь свое нелепое положение здесь и весь этот идиотизм кончился... Нет, я что хочу сказать, Кларенс,— перебил он себя, видя, что мальчик стал бледен, а глаза у него потемнели,— я хочу сказать, видишь ли, это просто смешно, что я не отдаю тебя в школу, хотя ты уже большой, и пытаюсь учить тебя сам. Разве ты сам этого не понимаешь?

— Значит, по-вашему, это смешно,— сказал Кларенс упрямо.

— Я хотел сказать, что это я смешон,— торопливо поправился дон Хуан.— Ну, да ладно, ладно! Не будем больше об этом. Завтра поедем в Сан-Хосе и поговорим с отцом-директором колледжа иезуитов, он тебя сразу примет. Это прекрасный колледж, и ты всегда будешь поблизости от нашего ранчо!

На этом разговор кончился.

Боюсь, что первой мыслью Кларенса было убежать. Немногое способно потрясти бесхитростную душу сильнее, чем внезапная возможность увидеть себя чужими глазами. Бедный Кларенс, сознававший только, что он предан интересам своего родича и верен своим обязанностям, как он их понимал, вдруг словно прозрел и увидел, что его положение «смешно». Днем, печально скитаясь по пустынным холмам, и ночью, в бессонном одиночестве своей комнаты, он много думал и решил, что его родич прав. Он поступит в колледж; будет учиться упорно — так упорно, что скоро, очень скоро сможет сам себя прокормить. Проснулся он в хорошем настроении. Счастлива молодость, для которой принять решение и исполнить его кажется одинаково простым.

На другой день он уже был в колледже, где ему предстояло жить и учиться. Положение дона Хуана и его испанские пристрастия обеспечили его родственнику благосклонный прием; но от Кларенса не укрылось, что отец Собриенте, директор колледжа, иногда поглядывает на него с задумчивым любопытством, и мальчик заподозрил, что дон Хуан просил директора быть к нему

особо внимательным, к тому же священник время от времени спрашивал о его прошлом таким тоном, что мальчик боялся, не начнутся ли снова расспросы о его отце. А вообще говоря, это был тонкий, образованный человек; но Кларенсу, склонному, как и полагается в его возрасте, смотреть на все критически, он представлялся прежде всего священником с большими руками, чьи мягкие ладони словно подбиты добротой, а ноги, тоже большие, в удивительно бесформенных башмаках из некрашеной кожи, казалось, бесшумно подминают — вместо того чтобы грубо растоптать — препятствия, возникающие на пути юного ученика. На дворе, в уединенных галереях, Кларенс порой чувствовал у себя на плече ласковую тяжесть его отеческой руки; в полуночной тишине дортуара ему часто казалось, что он слышит мягкий шелест шагов и шумное, хоть и приглушенное дыхание своего грузного наставника.

С одноклассниками он поначалу ладил не слишком; то ли они думали, что он лезет в любимчики, то ли сами невзлюбили его за независимость и замкнутость, которая объяснялась тем, что он рос среди взрослых; то ли просто почуяли в нем чужака — трудно сказать, только вслед за жестокими насмешками дошло и до драки. И тут оказалось, что этот мягкий и застенчивый юноша умеет постоять за себя самым решительным и грубым образом, награждая своих противников ударами и пинками и, в нарушение всех школьных правил драки, пренебрегая великолепными традициями и обычаями, о которых понятия не имел, попросту отколотил нескольких своих сверстников, чаще всего без всяких церемоний. Ввиду чрезвычайности положения одному из старших поручили поставить этого желторотого дикаря на место. Вызов был брошен и принят Кларенсом с быстротой, удивившей его самого. Его противником был восемнадцатилетний малый, намного сильнее и искуснее его. Первым же ударом он разбил Кларенсу лицо в кровь. Но это кровавое крещение, к испугу зрителей, произвело в мальчике мгновенную и отнюдь не благочестивую перемену. Набросившись на противника, Кларенс вцепился ему в горло, как зверь, и, обхватив его за шею, начал душить. Он словно не чувствовал ударов, сыпавшихся на него, и в конце концов поверг ошеломленного натиском против-

ника наземь. Поднялась суматоха, и, чтобы разжать хватку Кларенса, пришлось срочно позвать чуть ли не десяток учителей. Даже после этого он снова рвался в бой. Но противник его уже исчез, и с этого дня Кларенса никто больше не трогал.

Сидя в лазарете перед отцом Собриенте, распухший и забинтованный, все еще словно бы глядя на мир сквозь мрачную кровавую пелену, Кларенс почувствовал мягкую тяжесть руки священника на колене.

— Сын мой,— ласково сказал священник,— ты не принадлежишь к нашей вере, иначе я считал бы своим правом потребовать, чтобы ты мне исповедался. Но как доброму другу, Кларо... как доброму другу,— повторил он, потрепав мальчика по колену,— скажи старому отцу Собриенте только одно, прямо и откровенно, как всегда. Неужели ты не боялся...

— Нет,— ответил Кларенс упрямо.— Завтра я ему еще задам.

— Успокойся, сын мой! Не о нем я спросил тебя, а о чем-то более серьезном и страшном. Неужели ты не боялся...— Он помолчал и вдруг, пронизав своими ясными глазами всю душу Кларенса, до самых глубин, добавил: —...самого себя?

Мальчик встrepенулся, вздрогнул и расплакался.

— Ну вот мы и нашли настоящего врага,— мягко сказал священник.— Превосходно! Теперь с божьей помощью, мой маленький воин, мы будем бороться и победим его.

Пошел ли Кларенсу на пользу этот урок или же с тех пор, как он показал себя, это уже не могло повториться, но только происшествие было вскоре забыто. Ни с кем в школе Кларенс не дружил и не откровенничал, и для него не имело никакого значения, бояться ли его, уважают или же просто относятся к нему с лицемерным подострастием слабых перед лицом силы. Так или иначе, ничто не отвлекало его от учения. Два года он читал все без разбора и уже знал многое такое, что совершенно избавило его от робости, неловкости и скуки начинающего. Обычная его сдержанность, которая была вызвана скорее нелюбовью ко всему показному, чем неуверенностью в себе, обманула его наставников. Благодаря смелости и уму, над которым никто никогда не властвовал

и который не хранил на себе следов прежних влияний, его успехи, довольно поверхностные, представлялись чудом.

К концу первого года он учился лучше всех в колледже и, казалось, был одинаково способен по всем предметам. Тем не менее после предварительной беседы с доном Хуаном отец Собриенте стал несколько сдерживать Кларенса в занятиях, ему предоставили некоторую свободу вопреки правилам и даже советовали немного развлечься. Так, он получил право бывать в соседнем городе Санта-Клара один и когда угодно. Ему всегда давали достаточно карманных денег, к которым он при своих спартанских привычках и не имея друзей питал глубокое и недетское презрение. Однако одевался он всегда необычайно опрятно и резко выделялся среди других глубокой, не по возрасту, сдержанностью и независимостью, которая была овеяна грустью.

Однажды, праздно бродя по Аламеде, тенистой аллее, посаженной некогда отцами-миссионерами между поселком Сан-Хосе и монастырем Санта-Клара, он увидел вереницу молодых девушек из монастыря; они шли парами по направлению к нему, совершая свою обычную прогулку. Взглянуть на них было заветной мечтой учеников колледжа Сан-Хосе, и добрые отцы, сопровождавшие их, особенно строго пресекали такое любопытство, но Кларенс отнесся к этому зрелищу с полным безразличием пятнадцатилетнего юнца, который с высоты своего возраста считает, что уже не молод и романтика не для него. Он прошел мимо, едва удостоив девушек взглядом, но тут из-под широких полей шляпки, кокетливо украшенной лентами, его взгляд перехватили чьи-то бездонные фиалковые глаза, совсем как в те дни, когда они глядели на него из-под ситцевого капора. Сюзи! Он вздрогнул и хотел заговорить, но она, быстро остановив его едва заметным жестом и многозначительно взглянув в сторону двух монахинь, одна из которых возглавляла, а другая замыкала процессию, сделала ему знак идти следом. Он пошел за ними на почтительном расстоянии, хотя и несколько удивленный. Пройдя несколько шагов, Сюзи уронила платок, и ей пришлось побежать назад, чтобы поднять его. Но, подхватив платок и скромно возвращаясь на свое место, она успела бросить на Кла-

ренса еще один быстрый взгляд. Подойдя к тому месту, где лежал ее платок, он увидел на траве бумажный треугольник. Из осторожности мальчик не решился поднять его, пока девушки еще не скрылись из виду, и прошел мимо, но потом вернулся. На листке ученическим почерком было торопливо нацарапано несколько слов: «Приходи в шесть к большой груше у южной стены».

Кларенс был в восторге от встречи, но в то же время почувствовал смущение. Он не мог понять, почему нужно встречаться тайно. Конечно, он знал, что, воспитываясь в монастыре, Сюзи должна подчиняться каким-то ограничениям и условностям. Но Кларенс, который был на особом положении и пользовался дружбой учителей, был уверен, что отец Собриенте без труда получил бы для него разрешение встретиться с подругой детства, о которой Кларенс часто ему рассказывал, — с единственной, кто вместе с ним уцелел после давней трагедии. К тому же Собриенте доверял ему, и поэтому такое тайное, пусть и невинное свидание казалось ему чуть ли не предательством. Однако он решил и в назначенный час был у южной стены монастыря, под суковатыми ветвями большого грушевого дерева. В стене была решетчатая дверь, которой, видимо, не пользовались.

Где же появится Сюзи — среди ветвей или на стене? И то и другое с нее станется. Но, к своему удивлению, он услышал скрежет ключа в замке. Решетчатая дверь вдруг отворилась, и из нее выскользнула Сюзи. Схватив его за руку, она шепнула: «Бежим, Кларенс», — и, прежде чем он успел ответить, помчалась вперед, увлекая его за собой. Они бежали по аллее, и Кларенсу вспомнилось, что вот так же точно бежали они за фургоном по прерии четыре года назад. Он посмотрел на Сюзи, легкую, как фея. Она выросла, стала грациознее. Одета с большим вкусом, все дорогое и красивое — сразу видно балованного ребенка; но все те же волнистые золотые волосы рассыпаны по плечам и спине, те же фиалковые глаза и капризные губки, те же нежные ручки и ножки, которые он так хорошо помнит. Ему хотелось хорошенько рассмотреть ее, но она, тряхнув головой и нервно засмеявшись, повторила только: «Бежим же, Кларенс», — и снова устремилась вперед. Добежав до перекрестка, они свернули за угол и остановились, с трудом переводя дух.

— Но, Сюзи, я надеюсь, ты не сбежала из школы? — тревожно спросил Кларенс.

— Разве что ненадолго. Просто ушла немного раньше других девочек, — ответила она, поправляя золотистые локоны и сбившуюся набок шляпку. — Понимаешь, Кларенс, — объяснила она, вдруг принимая снисходительный тон, словно говорила с ребенком, — мама уже неделю живет здесь в гостинице, и меня каждый вечер отпускают к ней вместе с другими, которые живут не в монастыре, а у родителей. Обычно я ухожу вместе с девочками и одной из сестер-монахинь, а сегодня вот убежала пораньше, чтобы повидаться с тобой.

— Но... — начал было Кларенс.

— Ах, это пустяки. Девочки знают все и помогли мне. Они выйдут через полчаса и скажут, что я только минутку назад убежала, а когда они с монахиней дойдут до гостиницы, я буду уже там, понял?

— Да, — сказал Кларенс неуверенно.

— А сейчас пошли есть мороженое, ладно? Около гостиницы такая миленькая кондитерская! Деньги у меня есть, — поспешно добавила она, видя растерянность Кларенса.

— Да и у меня есть, — сказал Кларенс, слегка краснея. — Идем!

Она выпустила его руку, чтобы оправить платье, и теперь они шли бок о бок, уже не торопясь. — Но послушай, — продолжал он, с мужской настойчивостью возвращаясь к этой теме и спеша доказать девушке свое превосходство, — я учусь в колледже, и отец Собриенте, который знает вашу начальницу, — мой друг и многое мне разрешает. И... и... он ведь знает, что мы с тобой раньше играли вместе, и устроит так, что мы сможем видеться, когда захотим.

— Глупый ты, глупый, — сказала Сюзи. — Как можно! Ведь ты...

— Что я?

Девочка метнула в него синий луч из-под широких полей шляпы.

— Господи, да мы же теперь взрослые! — И принялась объяснять: — Знаешь, как у нас строго насчет молодых людей? Ох, Кларенс, если только заподозрят, что мы с тобой...

Еще один синий луч из-под полей шляпы завершил недоговоренную фразу.

Довольный и вместе с тем смущенный, Кларенс смотрел прямо перед собой, все гуще краснея.

— А знаешь,— продолжала Сюзи,— Мэри Роджерс, которая шла со мной в паре, подумала, что ты уже совсем взрослый мужчина и... знатный испанец! А я,— сказала она быстро,— разве не выросла? Скажи, Кларенс,— спросила она с прежним трогательным нетерпением,— правда, выросла? Ну скажи же!

— Очень,— сказал Кларенс.

— И платью, правда, на мне хорошенькое? Конечно, это не самое лучшее, у меня есть еще красивее, спереди оно все в кружевах, сверху донизу. Но ведь и это очень красивое, верно, Кларенс?

Кларенсу и платью и его прекрасная обладательница казались совершенством, и он сказал ей об этом. Но тут Сюзи вдруг вспомнила, что на них смотрят прохожие, приняла чинный вид, опустила руки и так, держась поодаль от Кларенса, шла до самой кондитерской.

— Сядем подальше от двери, Кларенс,— сказала она таинственным шепотком,— там нас никто не увидит. И бери клубничное, лимонное и ванильное — здесь просто жуть одна!

Они уселись в глубине, где было что-то вроде беседки, как юные, но слишком разряженные и застенчивые пастушок с пастушкой. Сюзи попыталась смягчить неловкость.

— А у нас такой был переполох! — сказала она легким и непринужденным тоном.— Сменили учительницу французского языка. Девочки в нашем классе считают, что это просто стыд и срам!

И это все, что она могла ему сказать после четырехлетней разлуки. Кларенс был в отчаянии, хотя пока еще и сам не знал, о чем говорить. Наконец, поковыряв ложечкой в мороженом, он пробормотал первое, что вспомнилось:

— А ты по-прежнему любишь оладьи, Сюзи?

— Еще как! — ответила она со смехом.— Только здесь их нам не дают.

— А что, Моуз (черный пойнтер, который всегда лаял, когда Сюзи начинала петь) все еще подпевает тебе?

— Что ты, он давным-давно потерялся,— сказала Сюзи равнодушно.— Зато у меня есть ньюфаундленд, и спаниель, и черный пони.— И тут, быстро перечислив еще кое-что из своих богатств, она вдруг стала сбивчиво рассказывать о том, как ее любят приемные родители, которых она теперь называла «папа» и «мама»,— очевидно, ее нисколько не тревожили воспоминания об умерших. Выяснилось, что Пейтоны очень богаты и, помимо владений на юге, у них еще есть ранчо в Санта-Кларе и дом в Сан-Франциско. Как и у всех детей, самыми сильными ее впечатлениями были последние. В тщетной надежде заставить ее вспомнить прошлое, столь важное для него, он спросил:

— А помнишь Джима Хукера?

— Ага, помню, он сразу убежал, как ты уехал. Но ты послушай! На днях заходим мы с папой в один большой ресторан в Сан-Франциско — и как ты думаешь, кто нам подает? Да, Кларенс, он сделался настоящим официантом! Папа стал его расспрашивать, но я-то, конечно, не могла с ним разговаривать,— и она вскинула свою очаровательную головку,— сам понимаешь: официант!

Кларенсу нестерпимо хотелось рассказать, как Джим назвался его именем, но слова замерли на губах. И без того его маленькая спутница говорила о Джиме с презрением, которое, хоть и было наивно, немного его покорило.

— Кларенс,— сказала она вдруг, таинственно поворачиваясь к нему и показывая на хозяина и приказчиков,— мне, право, кажется, что эти люди нас подозревают...

— В чем же? — удивился рассудительный Кларенс.

— Не будь дурачком! Разве ты не видишь, как они на нас смотрят!

По правде говоря, Кларенс не замечал ни малейшего любопытства со стороны хозяина, да и вообще никто не выказывал ни малейшего интереса к нему или к его спутнице. И все же он снова почувствовал приятное смущение.

— А ты, значит, живешь с отцом? — спросила Сюзи, меняя тему разговора.

— Ты хочешь сказать, с двоюродным братом? — поправил ее Кларенс с улыбкой.— Ты же знаешь, мой отец умер давным-давно, когда мы еще не знали друг друга.

— Да, это ты так говорил, Кларенс, а папа сказал, что это неправда.— Но, поймав на себе удивленный и тревожный взгляд мальчика, она поспешно добавила: — Ах, раз так, значит, это действительно твой двоюродный брат!

— Уж, кажется, кому и знать, как не мне,— сказал Кларенс с улыбкой, впрочем, далеко не безмятежной, чувствуя, что на него вдруг вновь нахлынули неприятные воспоминания о разговорах с Пейтоном.— Ведь меня привез к нему один из его друзей.

И Кларенс, по-мальчишески захлебываясь, рассказал, как он ехал из Сакраменто и как к Флину попало письмо, адресованное Силсби. Но, еще не успев закончить, он понял, что Сюзи все эти подробности нисколько не интересуют, и даже упоминание о ее погибшем отце и его роли в злоключениях Кларенса ее ничуть не взволновало. Подперев рукой круглый подбородок, она внимательно разглядывала лицо Кларенса не без лукавства, хоть и с напускной скромностью.

— Послушай-ка, Кларенс,— сказала она, когда он кончил.— Ты должен попросить, чтобы твой двоюродный брат купил тебе сомбреро и плащ с золотым галуном. Тебе ужасно пойдет. И тогда... тогда ты сможешь ездить на коне по Аламеде, когда мы выходим на прогулку.

— Но я же буду приходить к тебе... домой и в монастырь тоже,— возразил он живо.— Отец Собриенте и мой двоюродный брат все устроят.

Но Сюзи, с сознанием своего превосходства, покачала головой.

— Нет, они не должны знать о нашей тайне! Ни папа, ни мама, особенно мама. И не должны знать, что мы опять встретились столько лет спустя!

Невозможно описать величайшую многозначительность, которую придал этим словам взгляд ее фиалковых глаз. Помолчав, она продолжала:

— Нет! Нам нельзя будет больше встречаться, Кларенс, если только Мэри Роджерс не поможет нам. Она моя лучшая подруга, самая лучшая, и, кроме того, она старше меня. У нее самой вышла история, и ей решительно запретили с ним видаться. С ней можешь говорить о Сюжете— это меня теперь так зовут. Мама назвала меня

Сюзеттой Александрой Пейтон. А сейчас, Кларенс,— тут она понизила голос и робко оглядела кондитерскую,— я прикрою лицо шляпкой, а ты можешь поцеловать меня разок на прощание.

Она ловко сдвинула широкополую шляпу набок и под ее прикрытием подставила Кларенсу свежую юную щечку.

Покраснев, мальчик со смехом дважды коснулся ее губами. Потом Сюзи встала с тихим и притворным вздохом, отряхнула юбку, с величайшей серьезностью натянула перчатки и, бросив Кларенсу: «Не выходи со мной за дверь, они сейчас придут»,— с высокомерным достоинством прошла мимо занятого своим делом хозяина и приказчиков к выходу. Здесь она сказала с подчеркнутой вежливостью: «До свиданья, мистер Брант»,— и направилась к гостинице. Кларенс постоял, провожая глазами стройную, изящную фигурку с целым каскадом сверкающих волос, рассыпанных по плечам и по спине, как золотая мантия поверх ее белого платья, и пошел в другую сторону.

Он шел домой, казалось ему, в каком-то нелепом смятении. У него было много причин ждать простой и радостной встречи с Сюзи. Он ведь не навязывался, она сама его узнала и, несмотря на перемену в ее судьбе, сделала первый шаг. Он не разделял ее опасений насчет их будущих встреч и, боюсь, еще меньше думал о переменах в ее характере и склонностях, ибо был в том возрасте, когда подобные вещи только добавляют девушке особую прелесть и очарование, ведь Сюзи, несмотря на свои слабости, сохранила ему верность! Но он с болью чувствовал, что эта встреча воскресила в нем все страхи, всю смутную тревогу и то ощущение несправедливости, которое преследовало его в раннем детстве и, как он думал, было навеки похоронено четыре года назад в «Эль Рефухно». Упоминание Сюзи о его отце и упорное недоверие Пейтона пробудили в повзрослевшем уме мальчика первые подозрения, которых не знала до сих пор его открытая душа. Быть может, эта вечная тайна — результат какого-то поступка его отца? Но, оглядываясь на минувшее через много лет, он решил, что этот случай был скорее предзнаменованием, нежели возвратом к прошлому.

Когда он вернулся в колледж, уже давно отзвонили к вечерне. В коридоре он встретил одного из священников, который, вместо того чтобы строго допросить Кларенса, ответил на его приветствие так серьезно и ласково, что мальчик был поражен. Он зашел в тихий кабинет отца Собриенте сообщить о своем возвращении, но с беспокойством увидел, что директор беседует о чем-то с другими наставниками, которые, когда он вошел, почему-то смутились. Кларенс хотел сразу же уйти, но отец Собриенте прервал разговор и, бросив многозначительный взгляд на остальных, удержал его. Смущенный и растерянный, чувствуя, что надвигается что-то страшное, мальчик хотел уклониться от разговора, торопливо рассказав про встречу с Сюзи и попросив у отца Собриенте совета и помощи. Он взял на себя ответственность за выходку Сюзи и повинился в этом. Старик посмотрел в его правдивые глаза с задумчивой, сострадательной улыбкой.

— А я как раз хотел отпустить тебя к... к дону Хуану Робинсону.— Кларенс с удивлением заметил, что он вместо обычного «к твоему двоюродному брату» назвал дона Хуана полным именем.— Но об этом потом. Сядь, сын мой. Я сейчас свободен. Давай побеседуем. Отец Педро говорит, что ты весьма преуспел в переводах. Это похвально, сын мой, весьма похвально.

Кларенс просиял от удовольствия и облегченно вздохнул. Его смутные опасения начали рассеиваться.

— Ты даже научился переводить со слуха! Молодец! У меня как раз выдался свободный час, покажи же мне свои успехи. Хорошо? Я буду ходить по комнате и диктовать тебе, как сумею, по-английски, а ты садись вот здесь и переводи это на хороший испанский язык. Что скажешь? Вот мы и совместим приятное с полезным.

Кларенс улыбнулся. Доброму священнику свойственно было вдруг проверять учеников и наставлять их. Мальчик охотно сел за стол отца Собриенте, положил перед собой чистый лист бумаги и взял перо. Отец Собриенте расхаживал по кабинету тяжелыми, но, как всегда, бесшумными шагами. К удивлению Кларенса, священник, отправив в нос добрую щепоть нюхательного

табака, высморкался и начал торжественным тоном, слово произносил проповедь с кафедры:

— Сказано, что грехи отцов падут на детей, и глупцы и безбожники пытались укрыться от этого закона, объявив его жестоким и бесчеловечным. Несчастные слепцы! Ибо разве не ясно нам, что грешник, обуянный гордыней, ослепленный властью и тщеславием и готовый сам принять кару, считая это даже доблестью, должен остановиться, страшась ужасного завета, который обрекает на столь же невыносимые страдания тех, кого он любит, и не в его силах отвести возмездие или принять их муки на себя? При мысли об этих невинных, обреченных на позор, немощи, бедность и, быть может, одиночество, кто оценит его презрение к опасности и смелость? Попробуем представить себе это, Кларене.

— Как вы сказали, сэр? — отозвался ничего не подозревающий Кларенс, прерывая свое упражнение.

— Я хочу сказать, — кашлянув, продолжал священник, — давай подумаем и представим себе такого отца — отчаянного, своевольного человека, который презрел законы людские и божеские, утешаясь лишь жалким оправданием, которое он называл «честью», и полагаясь только на свою храбрость и знание человеческих слабостей. Представь же себе такого человека, жестокого и обогрешенного кровью, заядлого игрока, изгнанника среди людей, отвергнутого церковью, он добровольно покидает друзей и семью — жену, которую должен бы лелеять, сына, которого обязан кормить и воспитывать; покидает ради своих ужасных страстей. И представь себе также, что этот человек вдруг задумался о том, какое постыдное наследство оставит он своему невинному отпрыску, которому он не в силах передать даже свою отчаянность, дабы она поддержала его в страданиях во искупление чужих грехов. Каковы должны быть чувства родителя...

— Отец Собриенте... — тихо промолвил Кларенс.

К удивлению мальчика, едва он это произнес, мягкая, ласковая рука священника уже легла ему на плечо, и пожелтевшие от табака губы, дрожащие от какого-то странного волнения, приблизились к его щеке.

— Что, Кларенс? — вымолвил он поспешно. — Говори, сын мой, без страха! Ты хотел...

— Я хотел только спросить, требует ли здесь слово

«родитель» мужской формы глагола,— сказал Кларенс простодушно.

Отец Собриенте громко высморкался.

— Да. Это слово употребляется в обоих родах, но здесь по смыслу нужен мужской,— ответил он серьезно.— Ага,— заметил он, наклоняясь к Кларенсу и пробегаая глазами его перевод.— Хорошо, очень хорошо. А теперь, пожалуй,— продолжал он, проводя влажной рукой, словно губкой, по своему взмокнушему лбу,— сделаем наоборот. Я буду диктовать по-испански, а ты переводи на английский, хорошо? И давай подумаем, не взять ли нам что-нибудь более близкое и простое, ладно?

Кларенс, уже уставший от выпренных и отвлеченных фраз, охотно согласился и снова взял перо. Отец Собриенте, все так же неслышно расхаживая по кабинету, начал:

— На плодородной равнине Гвадалахары жил некий кабальеро, который владел большими стадами и обширными землями. У него были жена и сын. Но, горячий и непоседливый по природе, он предпочитал семейной жизни опасные приключения, ратные подвиги и кровавые стычки. Добавим к этому постыдную неводержанность, страсть к азартной игре и пьянству, подточившие со временем его состояние. Беспрестанные скандалы и ссоры мало-помалу отчуждали от него семью и соседей. Его жена не вынесла бремени стыда и горя, она умерла, когда сын был еще совсем малюткой. Движимый раскаянием и безрассудством, кабальеро через год женился снова. Но вторая его жена не уступала в необузданности своему супругу. Между ними начались отчаянные ссоры, и в конце концов муж, бросив жену и ребенка, уехал из Сент-Луиса — то бишь из Гвадалахары — навсегда. Примкнув на чужбине к каким-то искателям приключений, он безрассудно шел все по тому же пути, пока совершенные им преступления не закрыли ему дорогу в приличное общество. Брошенная жена, мачеха его сына, приняла случившееся спокойно и, запретив упоминать его имя в ее присутствии, объявила своего мужа умершим, скрывала от приемного сына, что он жив, и отдала мальчика на попечение своей сестре. Но той удалось тайно связаться с его преступным отцом, и под предлогом,

будто посылает мальчика к другому родственнику, она на самом деле отравила ни о чем не подозревавшего ребенка к его грешному отцу. Быть может, мучимый раскаянием, этот ужасный человек...

— Постойте! — перебил вдруг его Кларенс.

Он бросил перо и встал перед священником, прямой и недвижный.

— Вы на что-то намекаете, отец Собриенте, — произнес он с усилием. — Говорите же прямо, умоляю вас. Я все могу выдержать, кроме этой неизвестности. Ведь я уже не ребенок. Я имею право знать все. То, что вы мне рассказываете, не вымысел, я это вижу по вашему лицу, отец Собриенте. Вы говорите о... о...

— О твоём отце, Кларенс, — сказал священник дрожащим голосом.

Мальчик попятился и побледнел.

— О моем отце! — повторил он. — Жив он или нет?

— Он был жив, когда ты впервые покинул свой дом, — торопливо сказал старик, сжимая руку Кларенса, — ибо это он послал за тобой, прикрывшись именем твоего двоюродного брата. Он был жив, пока ты учился здесь, ибо это он три года стоял за спиной твоего мнимого двоюродного брата, дон Хуана, и наконец определил тебя в нашу школу. Да, Кларенс, он был жив. Но его имя и репутация погубили бы тебя! А теперь он умер, умер в Мексике, расстрелян, как бунтовщик, потому что так и не сошел с преступной стези, и да упокоит бог его грешную душу!

— Умер! — повторил Кларенс, дрожа. — Только теперь?

— Весть о мятеже и о постигшей его судьбе пришла всего час назад, — торопливо продолжал священник. — Один только дон Хуан знал, кто он, знал о его участии в этом деле. Он пощадил бы тебя, скрыв правду, как хотел этого покойный. Но мы с твоими наставниками рассудили иначе. Я сделал это неловко, сын мой, прости же меня!

Безумный смех вырвался у Кларенса, и священник отпрянул.

— Простить вас! Да кем был для меня этот человек? — сказал он с мальчишеской горячностью. — Он никогда не любил меня! Он бросил меня, наполнил мою

жизнь ложью. Он никогда не искал меня, ни разу не пришел ко мне, не протянул мне руку!

— Молчи! Молчи! — сказал священник в ужасе, кладя свою большую ладонь на плечо мальчика и заставляя его сесть. — Ты сам не знаешь, что говоришь. Подумай... подумай, Кларенс! Разве не было среди тех, кто стал тебе другом, кто обласкал тебя во время твоих скитаний, не было такого, к кому тянулось невольно твое сердце? Подумай же, Кларенс! Ты сам говорил мне о таком человеке. Пусть же сердце твое назовет его еще раз — ради него... ради того, кого больше нет.

Глаза мальчика смягчились, и он заговорил. Судорожно ухватив священника за рукав, он начал горячим мальчишеским шепотом:

— Да, был один дурной, отчаянный человек, которого все боялись, — Флин, он привез меня с приисков. Да, я думал, что он друг моего двоюродного брата, самый верный друг. И я рассказал ему все — чего никогда не рассказывал человеку, которого считал своим двоюродным братом, не рассказывал никому, даже вам. И мне кажется... кажется, я любил его больше всех. Потом я решил, что это нехорошо, — продолжал он, и губы его скривились в улыбке, — ведь я как дурак восхищался даже тем, что все его боялись, а я вот не боялся, и он был со мной ласков. Но он тоже бросил меня, не сказав ни слова, а когда я за ним побежал...

Мальчик умолк и закрыл лицо руками.

— Нет, нет, — сказал отец Собриенте горячо и убедительно, — он сделал это намеренно, из глупой гордости, чтобы ты не заподозрил о своем родстве с человеком, который наводит на всех такой ужас, сделал в наказание самому себе. Ведь в тот миг, когда ты был охвачен негодованием, он особенно горячо любил тебя, больше, чем когда бы то ни было. Да, мой бедный мальчик, этот человек, к которому бог привел твои стопы в Ущелье Мертвеца, человек, который привез тебя сюда и, владея какой-то — не знаю, какой именно, — тайной дона Хуана, заставил его назваться твоим родственником, этот Флин, этот прожженный игрок Джексон Брант, этот преступник Хэмилтон Брант был твоим отцом. Да, да! Плачь, сын мой. Каждая слеза любви и прощения, про-

литая тобой, полна искупающей силы и смоев частицу его греха.

Быстрым движением отеческой руки он привлек Кларенса к себе на грудь, и мальчик наконец медленно опустился на колени у его ног. И тут, возведя глаза к небу, священник тихо произнес на древнем языке:

— А ты, несчастная и мятущаяся душа, покойся в мире!

*

Уже светало, когда добрый священник отер последние слезы с просветлевших глаз Кларенса.

— А теперь, сын мой,— сказал он с ласковой улыбкой, вставая с колен,— вспомним о живых. Хотя твоя мачеха по собственной вине потеряла законные права на тебя, я далек от того, чтобы указывать тебе, как ты должен к ней относиться. Достаточно того, что ты независим.

Он повернулся, открыл ящик стола, достал чековую книжку и вложил ее в руку удивленного мальчика.

— Его желанием, Кларенс, было, чтобы даже после его смерти тебе не пришлось доказывать свое родство с ним, предъявляя права наследника. Воспользовавшись вкладом, который ты еще ребенком сделал в банк мистера Кардена, он при содействии банкира из года в год каждый месяц клал на твое имя деньги. Мистер Карден охотно согласился распоряжаться этими деньгами. Посеянное семя сверх всех ожиданий дало богатые всходы, Кларенс. Ты не только свободен, сын мой, но сам себе хозяин, под каким пожелаешь именем.

— Я буду носить имя отца,— сказал мальчик просто.

— Аминь,— отозвался отец Собриенте.

На этом заканчивается хроника детских лет Кларенса Бранта. О том, как он носил свое имя и как воспользовался независимостью в будущем, и кто из людей, о которых уже шла речь на этих страницах, помог или помешал ему поддержать свою честь, мы расскажем в следующей книге.

СЮЗИ

4539

ГЛАВА I

Когда бесконечные, пыльные и жаркие извивы большой дороги на Сан-Леандро начинают спускаться в долину и кажется, что уже нет сил терпеть пыль и жару и смотреть на унылые просторы, заросшие овсюгом и уходящие к недостижимому горизонту, почтовая карета неожиданно ныряет в поросль карликовых дубков, которой еще минуту назад не было видно над купающимися в мареве колышущимися метелками этого дикого злака. Дубки постепенно становятся выше, хотя и сохраняют наклон, который из века в век придают здешним деревьям западные пассаты, и вот уже поросль переходит в высокую дубраву, а еще через сотню-другую ярдов — в настоящий дремучий лес. В воздухе веет восхитительная прохлада, длинные тенистые аркады нежат взгляд усталых глаз благодатным сумраком, слышится ропот невидимых ручьев, и по странной иронии высокие редкие пучки овсюга уступают теперь место коври из пушистых мхов и кислицы у подножия стволов и миниатюрного клевера на полянах. Сожженная солнцем, растрескавшаяся желтая глина равнин тоже осталась позади, ее сменила тяжелая красная пыль и крупный песок; появляются скалы и валуны, а порой поперек пути змеятся белые жилы кварца. Это все та же до-

рога на Сан-Леандро (еще несколько миль — и она вновь поднимется из лощины на ровное плато), но одновременно она служит и подъездной аллеей к старинному ранчо Роблес. Когда гости судьи Пейтона, нынешнего владельца ранчо, покидают его кров и через двадцать минут достигают плато, лощина, ранчо и лес скрываются из виду так внезапно, словно их поглотила земля.

Проселок, ответвляющийся от главной дороги, ведет к господскому дому, который в этих местах называется «каса», — длинному низкому бурому прямоугольнику на голом пологом пригорке. И здесь случайного путника подстерегает новая неожиданность. Из леса он опять попадает на другую необъятную равнину, но только совсем дикую и унылую, без дорог и тропинок. Однако это всего только продолжение все той же лощины, входящее в три квадратные лиги земли, которые и составляют ранчо Роблес. Она кажется сухой и неплодородной, и ею владеют одичавшие быки и лошади, которые порой проносятся испуганным потоком под самыми стенами касы, — но длинная южная стена коралля охватывает и плодовый сад, где растут корявые грушевые деревья, и старый виноградник, и дряхлеющую рощу маслин и померанцев. Карл V некогда пожаловал это поместье андалузскому дворянину, благочестивой и праведной памяти дону Винсенте Роблесу, и оно пришлось весьма по вкусу судье Пейтону из Кентукки, современному еретику-пионеру, любителю книг и уединения, который купил его у потомков дона Винсенте. Тут судья Пейтон, казалось, нашел край своей мечты — приют, где ученые занятия можно было чередовать с более деятельным времяпрепровождением и сохранять подобие феодального духа, столь милого сердцу бывшего рабовладельца. В этом краю осуществилась и его надежда вновь увидеть здоровой свою жену (ради чего и было предпринято это переселение через полматерика), — миссис Пейтон чувствовала себя прекрасно, хотя, может, это и нанесло ущерб изящной томности, столь украшающей чахнувшую американку.

Думая как раз об этом, судья Пейтон смотрел, как его супруга идет через патио, обнимая за талию Сюзетту — свою приемную дочь. И ему внезапно вспом-

нился тот день, когда он впервые увидел их вместе, тот день в прериях, когда он привез на стоянку к своей жене малютку-девочку и мальчика, ее спутника, — двух найденшей, отставших от каравана переселенцев. Да, несомненно, миссис Пейтон пополнила и окрепла: чудесный калифорнийский климат сделал ее фигуру пышнее, как более пышными стали здесь привезенные из восточных штатов цветы и плоды; но ему показалось странным, что Сюзи, чье происхождение было куда более скромным, в чьих жилах текла кровь бедняков-фермеров, потеряла ту здоровую крестьянскую пухлость, которая так им нравилась в ней, похудела, стала грациозной и даже, казалось, обрела хрупкость, утраченную его женой.

Эти перемены происходили незаметно в течение шести лет и вдруг поразили его именно в этот день, когда Сюзи приехала на каникулы из монастырской школы в Санта-Кларе.

Женщина с девочкой поднялись на широкую веранду, заменившую с одной стороны патио крытую испанскую галерею. Эта веранда была единственным нововведением, которое позволил себе Пейтон. Веранда была отличным местом для отдыха — от жаркого полуденного солнца ее укрывали наклонная крыша и тент, а от буйных дневных пассатов — противоположное крыло дома. Однако в это утро Сюзи была, видимо, не расположена оставаться там, несмотря на очевидное материнское желание миссис Пейтон побыть с ней вдвоем. На ее хорошеньком, но недовольном личике отражалась капризная досада избалованного ребенка, красивые брови были хмуро сдвинуты, и Пейтон заметил грустную тень, скользнувшую по лицу его жены, когда девочка вдруг шаловливо вырвалась и упорхнула в старый сад.

Миссис Пейтон подняла голову, и ее глаза встретились с глазами мужа.

— Боюсь, что Сюзи скучно с нами. Каждый раз, как она приезжает на каникулы, это становится все заметнее, — сказала она с виноватой улыбкой. — Я рада, что завтра приезжает ее подруга, которую она пригласила погостить у нас. Согласись, Джон, — прибавила она, словно заступаясь за девочку, — что уединенный старый

дом и дикая степь не слишком привлекательны для молодежи, как бы они ни нравились тебе самому.

— Да, они, несомненно, очень скучны, если уж ей трудно провести здесь три недели в году,— сухо ответил ее муж.— Но, право же, мы не можем открывать дом в Сан-Франциско только ради ее летних каникул, как не можем и переехать в более феешенебельную местность, оставив ранчо. Кроме того, ей полезно пожить тут простой жизнью. Я еще помню время, когда она не была такой разборчивой. По правде говоря, я как раз сейчас думал, до чего же она изменилась с тех пор, как мы ее подобрали...

— Сколько раз надо напоминать тебе, Джон,— с некоторым раздражением сказала миссис Пейтон,— что мы договорились никогда не упоминать о ее прошлом и думать о ней только как о нашей родной дочери. Ты знаешь, как это мне больно. А сама бедняжка все забыла и смотрит на нас, как на своих родителей. Я уверена, что, если бы индейцы не убили ее несчастных отца и мать или если бы они воскресли, Сюзи даже не узнала бы их и, уж во всяком случае, не почувствовала бы к ним никакой любви. Разумеется, Джон,— добавила она, отводя глаза, чтобы не видеть скептической усмешки мужа.— я хочу сказать только, что маленькие дети умеют легко забывать прошлое под влиянием новых впечатлений, и это вполне естественно.

— И пока, дорогая моя, сами мы еще не оказались жертвами такой детской забывчивости, пока она не считает нас столь же скучными, как ранчо, нам, право же, не на что жаловаться,— весело ответил ее муж.

— Джон, ну как ты можешь говорить подобную чепуху!— с досадой сказала миссис Пейтон.— Этого я совершенно не боюсь,— продолжала она, пожалуй, излишне уверенным тоном,— если бы я так же твердо знала...

— Что именно?

— Что ее у нас ничто не отнимет. Я говорю не о смерти, Джон, отнявшей у нас нашу первую малютку. Такое не может случиться дважды, но я иногда страшусь...

— Чего? Ей же только пятнадцать лет, и еще рано задумываться о другой разлуке, которая только и может

нам грозить,— о ее браке. Послушай, Элли, это же только фантазии. Нам девочку отдали ее близкие — во всяком случае, те, кто из них уцелел, насколько нам известно. Я официально удочерил ее. А своей наследницей не сделал только потому, что завещал все тебе, и ей следует знать, что в будущем она должна рассчитывать на твою помощь, а не на мою.

— И я, если хочу, могу составить завещание в ее пользу? — быстро спросила миссис Пейтон.

— В любую минуту, — улыбаясь, ответил ее муж. — Но, надеюсь, у тебя будет достаточно времени, чтобы обдумать все это. А пока я хочу сообщить тебе новость: возможно, на этот раз Сюзи будет на ранчо не так скучно, как прежде. Помнишь Кларенса Бранта, мальчика, который был с ней, когда мы ее выбрали? Того, кто, собственно, и спас ей жизнь?

— Нет, не помню, — сердито ответила миссис Пейтон. — И не желаю помнить! Ты же знаешь, Джон, как мне тяжело и неприятно любое напоминание о всех этих грустных, вульгарных, мещанских подробностях прошлой жизни несчастной девочки! Слава богу, я их забыла бы совсем, если бы ты не считал нужным зачем-то напоминать мне о них. Ты же давно согласился, что мы никогда не будем говорить о том, как индейцы убили ее родителей, чтобы случайно не упомянуть об этом в ее присутствии. Так зачем же ты вдруг начинаешь говорить о ее вульгарных друзьях, столь же мне неприятных? Давай не будем больше касаться прошлого!

— Охотно, дорогая. Но, к несчастью, мы не можем потребовать того же от других. А именно так обстоит дело. Оказывается, тот мальчик, которого мы привезли в Сакраменто, где жил его родственник...

— Маленький обманщик и самозванец! Ты же помнишь, Джон, как он назвался сыном полковника Бранта и сказал, будто его отец умер, а ты и мой брат Гарри отлично знали, что полковник Брант жив, знали, что он лжет и полковник ему вовсе не отец! — раздраженно перебила миссис Пейтон.

— Раз уж ты помнишь такие подробности, — сухо заметил Пейтон, — будет только справедливо по отношению к нему, если я скажу тебе, что он вовсе не был самозван-

цем. И говорил он чистую правду. Мне недавно рассказывали, что полковник Брант действительно был его отцом, но не хотел, чтобы мальчик узнал истину о его разбойничьей жизни, и не открылся ему. Он-то и был тем таинственным родственником, к которому послали Кларенса, и потом все время заботился о мальчике, отдал его в иезуитский колледж в Сан-Хосе, а когда два года назад погиб во время этого мятежа в Мексике, то оставил ему значительное состояние.

— А какое отношение все это имеет к каникулам Сюзи? — поспешно и с тревогой осведомилась миссис Пейтон.— Джон, неужели ты серьезно хочешь, чтобы она снова увиделась с этим вульгарным деревенским увальнем? Вспомни его простонародные привычки и отвратительных приятелей, вроде этого Джима Хукера, не говоря уж о том, что... ты ведь это сам признал... что в его жилах течет кровь бретеера, убийцы и... и одному богу известно, какие еще злодеяния совершил его отец перед смертью! Неужели ты считаешь, что такой юноша, сколько бы он ни унаследовал бесчестно нажитых денег, может быть подходящим знакомством для твоей дочери? Нет, я не верю, что тебе вздумалось пригласить его сюда!

— Боюсь, Элли, что именно это я и сделал,— с улыбкой ответил судья, на которого слова жены, казалось, не произвели ни малейшего впечатления.— Но еще больше я боюсь, что нарисованный тобой его нынешний портрет так же несправедлив, как и упреки в обмане и самозванстве. Отец Собриенте, с которым я виделся вчера в Сан-Хосе, говорит, что он очень умный, замечательно образованный юноша, с прекрасными манерами и утонченным вкусом. Деньги его отца, положенные на его имя в банк Кардена еще пять лет назад, ничем не хуже всяких других, а кровь его отца не повредит ему ни в Калифорнии, ни на Юго-Западе. Во всяком случае, в обществе его принимают все, а его опекуном был дон Хуан Робинсон. По правде говоря, еще неизвестно, кто стоит выше в глазах общества — он или родная дочь покойного Джона Силсби из миссурийской глуши и приемная дочь Джона Пейтона. Отец Собриенте, по-видимому, отлично осведомлен о прежних отношениях Кларенса с Сюзи и ее родителями, и было бы по меньшей мере не-

вежливо, если бы мы сделали вид, что ничего не помним, или показали бы, что стыдимся прошлого. Поэтому я тут же попросил Собриенте передать молодому Бранту приглашение побывать у нас.

Раздражение, негодование и протесты миссис Пейтон оказались бессильными перед невозмутимым и властным добродушием мужа, и теперь они сменились полуистерическим фатализмом. Она покачала головой с суеверной покорностью судьбе.

— Ведь я не раз говорила тебе, Джон, как меня мучит предчувствие, что на нас надвигается что-то...

— Ну, если это что-то окажется застенчивым юношей, то, право же, я не могу усмотреть тут ничего зловещего. Они не встречались с самого раннего детства; вкусы их с тех пор изменились; если они и не будут спорить и ссориться, то, возможно, скоро наскучат друг другу. Но до той поры Кларенс так или иначе займет внимание нашей капризной барышни; к тому же, как ты говоришь, тут будет ее подруга Мэри Роджерс, и ему придется делить свою любезность между двумя девицами, и таким образом,— закончил Пейтон с притворной торжественностью,— будут удовлетворены самые строгие требования приличий. Я сообщу ей эту новость или ты?

— Нет... да.— Миссис Пейтон не знала, на что решиться.— Пожалуй, все-таки лучше я.

— Прекрасно. Итак, я оставляю его репутацию в твоих руках, но все-таки постарайся не давать воли своим предубеждениям, не то ты внушишь ей романтический интерес к нему.

И судья Пейтон с улыбкой удалился.

Из глаз миссис Пейтон выкатились две слезинки. Каждый год она так ждала, что каникулы Сюзи проведет только с ней, так мечтала о них, связывала с ними столько материнских надежд и желаний — и вот вновь ее мечтам не суждено было сбыться. Ее страшил приезд этой школьной подруги, которой ее дочь поверяла свои мысли и секреты, хотя сама же пригласила ее, еще больше страшась увидеть расстроенное лицо девочки; она страшилась появления юноши, товарища раннего детства Сюзи, когда она сама еще не знала ее; она как мучительного испытания страшилась и разговора

с дочерью,— вдруг ей предстоит увидеть в глазах Сюзи то пленительное оживление, которого, как ей начинало казаться, никакая ее нежность и заботливость уже никогда не зажгут в них; но еще больше она страшилась, что свидетелем этого может стать ее муж. Ведь возвращенное здоровье этой женщины изменило и сделало более земной не только ее внешность, но и ее любовь, которая, не став совсем уж материалистическим чувством, все же приобрела менее возвышенный, эгоистический оттенок, еще усиливавшийся из-за одиночества и замкнутости ее жизни. Материнская страсть, оставшаяся неутоленной из-за смерти ее первенца, не могла удовлетвориться и беззаботной снисходительностью, которой отвечала на нее Сюзи; миссис Пейтон была введена в заблуждение легкостью, с какой девочка привыкла к ней, и детской способностью забывать прошлое, но теперь она начала смутно сознавать, что перед ней непонятная и чуждая ей натура.

Поднявшись с кресла, миссис Пейтон направилась к саду, где ранее исчезла Сюзи. Мгновение ей пришлось бороться с холодным дневным пассатом, который бушевал над равниной за воротами, но не мог одолеть глинобитной стены, хотя чахлые, изуродованные вершины укрытых за ней деревьев клонились в одну сторону, словно подстриженные гигантскими ножницами. Перед миссис Пейтон открылась аллея корявых, причудливо изогнутых стволов, но в первую минуту она не заметила среди них Сюзи. Затем она различила на фоне темных старых маслин белое пятно юбки — девочка сидела на скамье в обветшалой беседке. Среди этих останков бывшего чопорного великолепия она выглядела очаровательно юной и хорошенькой, и все же бедной женщине показалось, что поза и выражение лица ее названной дочери в эту минуту не соответствовали ее пятнадцати годам. Золотые волосы все еще свободно рассыпались по плечам и прямой мальчишеской спине, короткая юбка все еще приоткрывала детские щиколотки, и все же в ней чудилась какая-то неясная зрелость, смутная женственность, при виде которых сердце миссис Пейтон мучительно сжалось. Девочка росла и становилась совсем чужой.

— Сюзи!

Девочка мгновенно обернулась; взгляд фиалковых глаз стал настороженным и испуганным; почти машинальным движением — возможно, это была просто школьная привычка — ее правая рука спрятала в книгу уже наполовину исписанный лист бумаги. Впрочем, следующую секунду Сюзи, вопросительно глядя на мать, спокойно вытащила записку, разорвала ее на мелкие клочки и бросила их на землю.

Однако миссис Пейтон была слишком поглощена предстоящим тяжким разговором, чтобы заметить это странное обстоятельство, и слишком расстроена, чтобы думать о тактичности.

— Сюзи, твой отец пригласил этого мальчика, Кларенса Бранта, — ну, того оборвыша, которого мы подобрали в прериях и помогли ему, когда ты была еще крошкой, — пригласил его погостить у нас.

Миссис Пейтон, затаив дыхание, смотрела на девочку и чувствовала, что ее сердце останавливается. Но в лице Сюзи, которое выглядело бы совсем безмятежным, если бы не настороженный, вопросительный взгляд, сначала не произошло никакой перемены; потом алый ротик полуоткрылся в улыбке детского изумления, и она сказала только:

— Господи, мама! Да не может быть!

Миссис Пейтон, сама не зная почему, испытала огромное облегчение и принялась поспешно пересказывать то, что услышала от мужа о счастливых событиях в жизни Кларенса; от радости она даже была почти беспристрастной.

— Но ведь ты его, наверное, совсем не помнишь, родная? Это же было так давно, а... а теперь ты совсем взрослая барышня, — закончила она взволнованно.

Алый ротик все еще был полуоткрыт; эта недоуменная улыбка показалась бы глуповатой на любом другом лице, но она очень шла пикантному личику Сюзи, ее розовым щечкам и обворожительным ямочкам. Девочка помолчала, словно осваиваясь с услышанным и что-то припоминая, а потом, вместо того чтобы ответить на вопрос, сказала:

— Как забавно! Когда он приезжает?

— Послезавтра, — сообщила миссис Пейтон с довольной улыбкой.

— И Мэри Роджерс тоже уже придет. Ей это будет развлечением.

Миссис Пейтон окончательно успокоилась. Устыдившись своих ревнивых страхов, она притянула к себе золотистую головку Сюзи и поцеловала. А девочка, по-прежнему думая о чем-то своем, рассеянно улыбнулась и ответила снисходительным поцелуем.

ГЛАВА II

На следующее утро Сюзи с обычным своеволием объявила, что поедет в своей коляске в Санта-Инес навстречу почтовой карете, чтобы встретить Мэри Роджерс там и самой привезти ее на ранчо. Миссис Пейтон, как всегда, поддержала каприз юной барышни и отклонила все возражения мужа.

— Если почтовая карета и проезжает мимо наших ворот, Джон, это вовсе не значит, что Сюзи нельзя встретить подругу в Санта-Инес, раз ей так хочется. До города всего семь миль, а Педро может сопровождать ее верхом, чтобы с ней ничего не случилось. Распорядись, пожалуйста.

— Но это не входит в обязанности Педро,—заметил Пейтон.

— Ему следует гордиться такой честью,—ответила его супруга, презрительно вскинув голову.

Пейтон угрюмо улыбнулся, однако спорить больше не стал, и когда на следующий день почтовая карета остановилась у гостиницы в Санта-Инес, Сюзи уже ждала там в своей коляске. Хотя равнодушный к женским чарам кучер, кондуктор и все пассажиры, плененные золотым видением, были бы очень рады, если бы встреча двух подруг продлилась подольше, но Сюзи с большим высокомерием и юным достоинством тут же распорядилась, чтобы вещи Мэри Роджерс были перенесены из кареты в коляску. Сама Мэри Роджерс, красивая брюнетка, серьезная и добродушная, что не мешало ей быть весьма чувствительной, удивилась и даже смутилась при виде такой надменности, хотя и была старше Сюзи на два года. Впрочем, неловкость эта скоро прошла. Когда они покатали по дороге и клубы пыли укрыли их от по-

сторонних глаз — тактичный Педро маячил где-то в отдалении, — Сюзи бросила вожжи, схватила свою спутницу за локоть и произнесла трагическим тоном:

— От него пришло известие: он едет сюда!

— Кто?

Быть может, Сюзи больно уколола мысль, что ее испытанная наперсница уже перестала ею интересоваться — ведь они пробыли в разлуке почти две недели.

— Кто? — повторила она, со злостью дернув Мэри за руку. — Да Кларенс Брант, конечно!

— Что ты говоришь! — рассеянно сказала Мэри.

Тем не менее Сюзи продолжала с необыкновенной быстротой, словно желая хоть чем-то возместить равнодушные приятельницы:

— Нет, ты даже представить себе не можешь! Ни за что! Даже я, я сама, когда мама мне это сказала, чуть было не упала в обморок — а ведь тогда бы все раскрылось!

— Но послушай, — все еще недоумевала наперсница. — Я думала, что это давно кончилось. Вы же не делились и не переписывались с тех пор, как ты случайно встретила его в Санта-Кларе два года назад?

Глаза Сюзи метнули в Мэри синюю молнию, исполненную чрезвычайной, хотя и загадочной многозначительности, а потом старательно потупились. Мэри Роджерс все же не усомнилась, что Сюзи не видела Кларенса с тех самых пор, но тем не менее немедленно и даже с приятным трепетом уверовала в тайную переписку, на которую ей так искусно намекнули. Юная дружба всегда доверчива.

— Мама, разумеется, ничего об этом не знает, и одно твое или его неосторожное слово погубит все, — тяжело дыша, продолжала Сюзи. — Вот почему я поехала тебя встречать: чтобы предостеречь. А ты должна любой ценой увидеть его первой и предупредить. Если бы я не пренебрегла всевозможными опасностями, чтобы приехать сегодня в Санта-Инес, одному небу известно, что могло случиться! А как тебе нравятся мои лошади, милочка? Они мои собственные и просто души! Это — Сюзи, а это — Кларенс, но, конечно, по секрету. А всему миру и конюхам он известен как Бэрди.

— Но, по-моему, ты мне писала, что назвала их Полем и Виргинией? — сказала Мэри с некоторым недоумением.

— Иногда я называю их так, — невозмутимо ответила Сюзи. — Но видишь ли, милочка, приходится скрывать свои чувства! — И без малейшей паузы: — Я так ненавижу всякий обман! А ты? Скажи, ведь хуже обмана нет ничего, правда?

И, не дожидаясь подтверждения от верной подруги, продолжала все с той же быстротой:

— А он ужасно богат! И образован — папа говорит, необычайно образован!

— В таком случае, — начала Мэри, — раз он приезжает с согласия твоей мамы и раз вы не поссорились и не порвали, ты, по-моему, должна быть в восторге.

Однако новая молния из глаз Сюзи рассеяла эти видения блаженного будущего.

— Тсс! — сказала она трагически. — Ты не знаешь, что говоришь. Над ним тяготеет ужасная тайна, Мэри Роджерс. — Сюзи приблизила свой ротик к самому уху наперсницы и произнесла леденящим кровь шепотом: — Его отец был... пиратом! Да-да, жил, как пират, и был убит, как пират!

Однако это заявление не произвело желаемого эффекта. Мэри Роджерс, правда, удивилась, но не была потрясена и даже попробовала возразить:

— Но если его отец умер, так какое же отношение все это может иметь к Кларенсу? Он же сначала жил у твоего папы — ты мне сама говорила, милочка, — а потом у других людей и, значит, не мог ничего набраться от своего отца. И, право же, душечка, он всегда казался таким воспитанным и сдержанным.

— Да, конечно, казался, — загадочно возразила Сюзи. — И ты ничего другого не знаешь. Это же у него в крови! Ведь так же всегда бывает — это в любой книге есть, — и по его глазам сразу видно. Бывали времена, милочка, когда малейшее сопротивление его воле, малейший знак внимания ко мне со стороны кого-нибудь другого заставлял его показать свою истинную сущность! Я хранила это в тайне... но представь себе, душечка, как может действовать ревность на подобную страстную натуру! Я дрожу, вспоминая те дни.

Тем не менее она спокойно подняла руку и поправила золотистую гриву, рассыпавшуюся по ее детским плечам. Как ни удивительно, Мэри Роджерс, покойно откинувшись в коляске, также выслушала эти душераздирающие признания с блаженно нахмуренными бровями и уповательно приятным участием. Если она и не сумела узнать в нарисованном Сюзи портрете того спокойного, кроткого и грустно-молчаливого юношу, которого видела когда-то, она ничего об этом не сказала. После некоторого молчания Мэри, лениво поглядывая на гарцевавшего в отдалении вакеро, спросила:

— Твой папа всегда посылает с тобой верхового? Как это мило! Так романтично — совсем как в старинные испанские времена.

— Тсс! — прошептала Сюзи с еще одним неописуемым взглядом.

Однако к этому времени между подругами уже полностью восстановилась бывшая симпатия душ, и Мэри легко предугадывала любое невысказанное признание.

— Не может быть, — тут же воскликнула она. — Наверное, я тебя не так поняла.

— Ах, не спрашивай! Я не смею ничего сказать папе: он придет в бешенство. Но бывают минуты, когда мы остаемся одни, и тогда Педро скачет совсем рядом, а в его черных глазах появляется такой взгляд, что я вся трепещу. Это ужасно! Говорят, он из очень знатного рода... и он иногда говорит что-то по-испански и кончает словом «сеньорита», но я притворяюсь, что не понимаю.

— И, наверное, если лошади вдруг понесут, он с радостью готов будет пожертвовать жизнью, лишь бы спасти тебя?

— Конечно... И это было бы ужасно... ведь я его терпеть не могу!

— Но если с тобой буду я, он ведь не сможет рассчитывать на такую же благодарность, как если бы вы были одни. Сюзи! — продолжала она после паузы. — Стегни разочек лошадей, чтобы они пошли рысью — может быть, он решит, что они понесли, и помчится догонять? Будет так забавно, правда?

Девушки посмотрели друг на друга: в их глазах уже блеснул радостный испуг, и они глубоко вздохнули от предвкушения запретного удовольствия. На минуту

Сюзь даже искренне поверила в любовь Педро, которую сама же и придумала.

— Папа сказал, чтобы я пользовалась кнутом только в крайнем случае, — сказала она, беря кнутик с серебряной рукояткой и сжимая губки с решимостью тем более твердой, что нарушала строгий запрет. — Но-о! — И она ловко хлестнула лоснящиеся спины.

Это были сильные, изящные лошадки индейских кровей, обвезженные лишь совсем недавно и очень строптивые. Одного удара было достаточно: они взвились на дыбы, а потом, воспользовавшись тем, что постромки ослабли и вожжи висели свободно, принялись выделывать всевозможные курбеты, а легкая коляска летела за ними, едва касаясь колесами земли. Этот злосчастный удар разорвал узы недолгих месяцев покорности, и полу-дикие мустанги, выгибая спину и брыкаясь, бросились прямо через поле к ближайшей рощице.

Мэри Роджерс поспешно оглянулась. Увы! Они забыли, что равнина здесь террасами спускается к долине. Верный Педро внезапно исчез — метелки овсюга совершенно заслонили их от предполагаемого спасителя, и толку от него было ровно столько же, как если бы он находился в эту минуту в десяти милях от них. Но подруги тем не менее не испугались; возможно, они просто не успели. Однако у них еще было несколько секунд, чтобы дать выход главной из сугубо женских эмоций, и Сюзь поспешила воспользоваться этим.

— Это ты виновата, милочка! — воскликнула она в тот миг, когда переднее колесо провалилось в нору суслика, и коляска, накренившись, выбросила своих прекрасных пассажиров в гибкий частокол пыльных злаков. Удар отделил переднюю ось от кузова и переломил дышло; на смерть перепуганные лошади снова устремились на дорогу и, подгоняемые грохотом влочащихся сзади обломков, понеслись вперед. Через полмили они нагнали фургон с белым парусиновым верхом, запряженный двумя медлительными волами, и опять кинулись в сторону, но тут левый мустанг запутался в постромках и положил бесславный конец их скачке: увлекая за собой товарища, он покатился по пыльной дороге под самые морды мирно бредущих волов.

Гибельный полет Сюзи и Мэри окончился столь же благополучно и бесславно. Крепкие гибкие стебли овсюга смягчили удар, и, когда подруги встали на ноги, оказалось, что они целы и невредимы; правда, их волосы растрепались, а одежда немного пострадала, но падение даже не оглушило их. И первые грустные вздохи над погибшей шляпкой и разорванной юбкой почти тут же сменились веселым детским смехом. Кругом ничего не было — теперь они даже радовались исчезновению Педро: по крайней мере их приключение обошлось без свидетелей; исчез и некоторый холодок, воцарившийся было между ними. Спотыкаясь, совсем запыхавшись, они выбрались на дорогу, где увидели опрокинутую коляску с нелепо торчащими в воздухе колесами: тут ими вновь овладела неумная веселость, и, схватившись за руки, они смеялись почти до слез.

Затем, задыхаясь, они умолкли.

— Скоро подъедет почтовая карета, — хладнокровно объявила Сюзи. — Помоги мне привести себя в порядок, милочка.

Мэри спокойно обошла вокруг подруги, что-то стянула, что-то счистила, заново завязала один бант, изящно расправила другой и, наклонив голову набок, критическим оком обозрела обворожительные результаты своих стараний. Затем Сюзи столь же неторопливо и искусно оказала Мэри такую же услугу. Внезапно Мэри вздрогнула и обернулась.

— Вон карета, — сказала она быстро. — И нас уже заметили!

Выражение двух девичьих лиц мгновенно изменилось. Достоинство, преодолевающее боль, гордая покорность судьбе — несомненное следствие пережитой смертельной опасности, испуг, преодолеть который помогала только безупречная воспитанность, — вот что читалось в чертах и позах двух подруг, пока они терпеливо ждали возле разбитой коляски приближения почтовой кареты. Пассажиры, напротив, были охвачены явным волнением. Некоторые даже привстали с места, так велико было их нетерпение, и едва карета остановилась возле обломков, на землю немедленно соскочило несколько молодых людей.

— Вы ушиблись, мисс? — обеспокоенно сирашивали они.

Сюзи, прежде чем ответить, сдвинула хорошенькие брови, словно подавляя мучительное страдание. Потом она сказала:

— О нет!

Это было произнесено холодным тоном, заставлявшим предположить, что она стойчески скрывает очень серьезное, если не смертельное, увечье. Затем Сюзи взяла под руку Мэри Роджерс, которая к этому времени начала трогательно, но грациозно прихрамывать. Отклонив помощь, которую им наперебой предлагали пассажиры, подруги, поддерживая друг друга, поднялись в карету и ледяным тоном попросили кучера остановиться у ворот усадьбы мистера Пейтона, после чего до конца пути хранили величественное молчание. Карета остановилась, и они сошли, провожаемые сочувственными взглядами.

На первый взгляд их эскапада окончилась благополучно, хотя и была чревата опасностями. Однако и в людских делах, как и в делах природы, внезапно высвобожденные силы неизбежно приводят к потрясениям, которые продолжают сказываться и тогда, когда породившая их причина уже уйдет в прошлое, никому не повредив. Испуг, который девушки тщетно пытались вызвать в сердце своего провожатого, превратился в панический страх, объявивший кого-то совсем другого. Судья Пейтон, подъезжая к воротам ранчо, вдруг увидел одного из своих вакеро, который гнал перед собой двух запыленных и связанных лассо лошадей. В ответ на вопрос хозяина он разразился горячей речью, помогая себе жестикулами и мимикой:

А! Матерь божья! Что за черный день! Эти мустанги понесли, опрокинули коляску, и остановил их только смелый американо, ехавший в фургоне. Вон его лассо на их шеях подтверждает правду — они волочили его за собой сотню шагов, как теленка. Сеньориты? Да разве он уже не сказал, что, по милосердию божьему, с ними ничего не случилось? Они сели в почтовую карету и скоро будут здесь.

— Но где был Педро? Куда он девался? — спросил Пейтон, нахмурился.

Вакеро поглядел на хозяина и многозначительно пожал плечами. В любое другое время Пейтон вспомнил бы, что Педро, слывший потомком аристократического испанского рода, держался со своими товарищами высокомерно, а потому не пользовался среди них особой любовью. Но теперь этот жест — полунамеки, полужизвинение — еще больше раздражил его.

— Ну, а где же этот американец, который что-то предпринял, когда никто из вас не сумел остановить лошадей, хоть с ними и ребенок справился бы? — сказал он саркастически. — Я хочу на него поглядеть.

Вид вакеро стал еще более извиняющимся.

А! Он поехал со своим фургоном дальше в сторону Сан-Антонио; он не пожелал даже остановиться, чтобы принять благодарность. Но все это чистая правда. Он, Инкарнасио, готов поклясться святой верой. Больше ничего не случилось.

— Отведи этих скотов в кораль, но так, чтобы тебя никто не увидал, — сказал Пейтон вне себя от ярости. — И никому ни слова в каса, слышишь? Ни слова миссис Пейтон или слугам, не то, клянусь богом, я без промедления очищу ранчо от всех вас, ленивых бездельников! Ну, так смотри же, болван, чтобы тебя никто не увидел. Убирайся!

Пришпорив лошадь, он проскакал мимо испуганного работника и помчался по узкой аллее, которая вела к воротам. Но, как справедливо заметил Инкарнасио, это был «черный день»: в глубине аллеи, лениво попыхивая сигарой-самокруткой, появился провинившийся Педро. Он даже не подозревал о случившемся — решив, что коляска просто скрылась за пригорком, и вообще считая данное ему поручение глупой выдумкой, он перед тем, как вернуться в усадьбу, даже сделал крюк и утолил жажду в придорожной харчевне.

К несчастью, вопреки всякой логике ничто так не усиливает гнева, как невозмутимость злосчастной жертвы, этот гнев вызвавшей, хотя такая беззаботность скорее свидетельствует об отсутствии какого бы то ни было дурного умысла. Судья Пейтон, и так кипевший бешенством, при виде благодушного выражения на лице своего нерадивого слуги окончательно пришел в ярость и ринулся ему навстречу. Педро удалось избежать столкновения

только благодаря тому, что он успел в последнюю минуту быстро дернуть поводья.

— Так-то ты исполняешь свои обязанности? — спросил Пейтон придушенным голосом. — Где коляска? Где моя дочь?

Хотя Педро и не знал, почему судья в таком бешенстве, он правильно истолковал намерение своего хозяина, и горячая латинская кровь прихлынула к его лицу. Если бы не это, он, возможно, почувствовал бы себя виноватым или попросил объяснения, теперь же он ограничился только национальным пожатием плеч и национальным же полупрезрительным, полунебрежным «*guien sabe?*».

— Кто знает? — яростно повторил Пейтон. — Я знаю! Из-за твоей небрежности и дьявольской лени коляска опрокинулась! Лошади понесли, и их остановил какой-то проезжий, не побоявшийся рискнуть целостью своих рук и ног, пока ты прятался где-то в отдалении, как подлый, трусливый койот!

Недоумение и слепое бешенство несколько секунд боролись в груди вакеро. Наконец он крикнул:

— Я не койот! Я был там! Я не видел, чтобы лошади понесли!

— Не смей лгать, бездельник! — взревел Пейтон. — Я ведь сказал тебе, что коляска разбилась вдребезги, девушек выбросило на дорогу, они могли погибнуть...

Внезапно он умолк. По аллее разнесся звонкий девичий смех — Сюзи Пейтон и Мэри Роджерс вышли из кареты и, не считая нужным более сдерживаться, весело бежали по дороге. В глазах Пейтона мелькнуло легкое смущение, а мрачное лицо Педро совсем потемнело от гнева.

Затем Педро вновь обрел дар речи и быстро, злобно, сбивчиво заговорил на своем родном языке.

Да-да! Вот до чего дошло. Значит, он не вакеро — товарищ хозяина земель, которые принадлежали ему до того, как американос его ограбили, а слуга, лакей при мучачас, дядька при детях, обязанный забавлять их, а то — да-да! — и провожатый его дочери, чтобы прибавить ей чести. А, Иисус-Мария! Такая честь, такая мучача! Найденыш, дочка свинопаса — и он, Педро, должен прислуживать ей, чтобы ее облагоро-

доть, а из-за ее подлых, дурацких выходов, достойных только дочери свинопаса, ему, Педро, приходится выслушивать выговоры и оскорбления, словно в ее жилах течет кровь благородных идалго! А, карамба! Дон Хуан Пейтон убедится, что ему не сделать из него слуги, как не сделать из нее благородной сеньориты!

Девушки были совсем уже близко. Судья Пейтон прищипорил коня и, вплотную приблизившись к лошади вакеро, грозно взмахнул зажатými в пальцах длинными поводьями и, побелев, сказал:

— Убирайся!

Рука Педро рванулась к поясу. Но Пейтон только посмотрел на него с презрительной улыбкой.

— Не то я отхлещу тебя прямо у них на глазах! — добавил он вполголоса.

Вакеро ответил на неумолимый взгляд Пейтона желтой вспышкой ненависти и резко натянул поводья, так что его мустанг, ужаленный жестоким мундштуком, внезапно взвился на дыбы — казалось, Педро вот-вот ударит непреклонного американца, но тем же движением руки он повернул лошадь на задних ногах, как на оси, и бешеным галопом помчался по направлению к кораллу.

ГЛАВА III

Тем временем героический владелец мирной упряжки волов, чью доблесть Инкарнасио воспевал со столь малым успехом, неторопливо шагал по пыльной дороге рядом с фургоном. На первый взгляд его долговязая фигура, особенно в сочетании со столь смиренным экипажем, не являла собой ничего героического. Впрочем, когда клубы пыли рассеивались, можно было разглядеть, что на его поясе висят большой драгунский револьвер и охотничий нож и что на козлах фургона на самом видном месте лежит ружье. Однако содержимое самого фургона было сугубо мирным, и кое-какие предметы, несомненно, предназначались для продажи. Кухонная посуда всех размеров, кадки, щетки и стенные часы, а также несколько дешевых ковриков и две-три штуки ситца могли быть только товаром какого-нибудь

вых карих глаз, удивленно взиравших на мир. Их робкой владелице было, по-видимому, лет семнадцать, но ее фигурка, хоть и облаченная в старое материнское платье, оставалась из-за тягот деревенской жизни и постоянного недоедания еще детской и худенькой. Когда их взгляды встретились, она обнаружила, что лицо угрюмого незнакомца было еще совсем юным и отнюдь не грозным, а в эту минуту его к тому же заливал кирпичный румянец! Там, где дело касается интуиции, прекрасный пол — даже в сельской глуши — по-прежнему несравненно превосходит нас, и простодушная девушка, услышав запинаящееся «Спасибо, мисс», сразу осмелела.

— Папаши нет дома, но, может, вы желаете попить молочка? Так милости просим.

Она застенчиво указала на хижину и пошла впереди. Незнакомец что-то невнятно пробормотал, затем сделал вид, будто просто закашлялся, и покорно побрел за ней. К тому времени, однако, когда они добрались до хижины, он уже вновь стряхнул длинные волосы на глаза и нахмурил брови в мрачной рассеянности. Но девушка помнила, что еще совсем недавно он снизошел до того, чтобы покраснеть, и ничуть не встревожилась, хотя почувствовала еще большее любопытство. Незнакомец неловко взял кружку с молоком. Впрочем, девушка инстинктивно догадывалась, что, приняв ее гостеприимство, он, по закону, чтимому даже самыми кровожадными дикарями, должен был хотя бы на время укротить свою свирепость. С конфузливой улыбкой она сказала:

— Вы вот развесили эту всю посуду, а я и подумала: может, вы продать ее хотите или там обменять... Дело-то в том, — пояснила она деликатно, — что мамаше нужен новый уполовник, так если бы он у вас нашелся, было бы очень даже хорошо. А если, значит, вы этим не занимаетесь, — она виновато оглядела его арсенал, — так я это все не в обиду вам говорила.

— Уполовников у меня много, — снисходительно ответил странный владелец фургона. — Пусть выбирает, какой ей понравится. Только это и осталось от товаров, которые забрали краснокожие по ту сторону Ларами. Чтобы их отбить обратно, нам здорово пришлось подраться. По-

теряли двух самых лучших наших людей — их скальпировали у Кровавого ручья — и уложили наповал с десятков индейцев... я и еще один человек... Мы, значит, лежали плашмя в фургоне и стреляли из-под парусины. Уж и не знаю, стоило ли из-за такого добра руки мартать, — добавил он, мрачно задумавшись. — Ну да все равно, мне нужно его сбыть прежде, чем я вернусь в Ущелье Мертвеца.

Глаза девушки робко заблестели: к приятному страху перед воображаемыми ужасами и сражениями примешивался чисто женский, жалостливый интерес к рассказчику. Он казался слишком уж молодым и красивым для подобных невзгод и опасных приключений. И такой вот... такой вот неустрашимый победитель индейцев побаивается ее!

— Значит, вот почему вы ходите с ножом и револьвером? — сказала она. — Только теперь-то, в поселке, они вам вроде бы ни к чему.

— Это как сказать, — загадочно ответил незнакомец.

Он постоял молча, а потом внезапно, словно бросаясь очертя голову навстречу смертельной опасности, отстегнул револьвер и небрежно протянул его девушке. Однако ножны были наглухо пришиты к поясу, так что ему пришлось извлечь нож и вручить ей сверкающий клинок во всем его первозданном ужасе. Девушка приняла это оружие с безмятежной улыбкой. А читателю-скептику следует вспомнить, что некогда Марс возлагал свой «иссеченный щит», копье и «гордый шлем» именно на такие алтари.

Тем не менее воинственный незнакомец не мог преодолеть некоторого внутреннего смущения. Пробормотав, что «надо бы пригладеть за скотиной», он неловко поклонылся, неуклюже попятился к двери и, получив назад свое оружие из победоносных девичьих рук, был вынужден бесславно нести его под мышкой к фургону, где брошенное на козлы рядом с кухонной утварью, оно несколько утратило свой грозный вид. Сам же незнакомец уже оправился, и хотя его ланиты все еще пылали огнем после этой мирной встречи, в его голосе вновь появилась хриплая властность — он выгнал волов из грязной лужи, в которой они нежились, и вынес им из

фургона охапку сена. Потом он взглянул на заходящее солнце, закурил трубку, вырезанную из кукурузного початка, и начал неторопливо прогуливаться по дороге, исподтишка посматривая на оставшуюся открытой дверь хижины. Вскоре из нее появились две костлявые фигуры — фермер и его супруга решили взглянуть на его товары.

Он принял этих посетителей с прежней угрюмой расеянностью и поведал им почти совсем такую же историю, как и их дочери. Весьма возможно, что его подчеркнутое равнодушие раззадорило фермершу, во всяком случае, она купила не только уполовник, но еще и настенные часы, а также половик. Затем она с деревенским радушием пригласила его поужинать с ними, а он, едва успев смущенно отказаться, тут же принял приглашение и в благодарность под строгим секретом показал им парочку высохших скальпов, предположительно индейского происхождения. И в этом же умягченном настроении он ответил на их вежливый вопрос: «Как, значит, им его называть», — что его зовут «Кровавый Джим», что это славное прозвище известно всем и каждому и что пока они должны удовлетвориться этим. Однако во время трапезы он быстро превратился в «мистера Джима», а под конец хозяин и хозяйка называли его уже попросту Джимом. Только их дочка по-прежнему величала его «мистером», потому что он ее звал «мисс Феба».

Общество таких слушателей, исполненных сочувствия и неискушенных, несколько рассеяло мрачность Кровавого Джима, но и после этого никак нельзя было бы сказать, что он пустился в откровенности. Он не скупился на жуткие истории о стычках с индейцами, ночных нападениях и бешеных погонах, в которых неизменно играл главную роль, но о других событиях своего прошлого и о нынешних своих занятиях предпочитал помалкивать. Да и его рассказы о приключениях были довольно бессвязны, а нередко и противоречивы.

— Вы вот, значит, сказали, — заметил фермер с рассудительной неторопливостью уроженца Новой Англии, — как сразу поняли, что, значит, к индейцам вас заманил ваш партнер-мексиканец, очень влиятельный, значит, человек. А после резни уцелели только вы один, и

никто больше. Так как же краснокожие-то его убили? Своего друга-то?

— А они его и не убивали,— ответил Джим, зловеще скосив глаза.

— Ну, а что с ним случилось-то?— не отступал фермер.

Кровавый Джим приставил ладонь к глазам и обвел пронзительным взглядом дверь и окна. Феба следила за ним со сладким трепетом ужаса и поспешила сказать:

— Да не спрашивайте его, папаша! Разве ж вам непонятно, что ему нельзя про это говорить.

— Да уж! Когда кругом полно лазутчиков и они следят за каждым моим шагом,— объявил Кровавый Джим, словно в задумчивости, и мрачно добавил, бросив еще один взгляд на уже темнеющий пустырь: — Они же поклялись отомстить за него.

На миг наступило молчание. Фермер кашлянул и с сомнением мигнул жене. Однако его супруга и дочь уже успели обменяться взглядом, полным женского сочувствия к этому карателю подлых изменников, и, по-видимому, готовы были оборвать любой недоверчивый вопрос.

Но тут с дороги донесся оклик. Фермер и его домашние невольно вздрогнули. И только Кровавый Джим сохранил полное спокойствие — обстоятельство, которое отнюдь не уменьшило восхищения его слушательниц. Фермер быстро встал и вышел вон. На дороге остановился какой-то всадник, но, обменявшись с фермером несколькими фразами, направился вместе с ним к дому, и они оба скрылись из виду. Вернувшись, фермер объяснил, что «это, значит, щеголь из Фриско — чего-то не захотел завернуть в гостиницу в поселке» и остановился тут, чтобы напоить «свою животину» и задать ей корму, а потом, значит, поедет дальше. Он пригласил его зайти в дом, пока лошадь будет есть, но приезжий сказал, «что, пожалуй, выкурит сигару на воздухе и поразомнет ноги»; конечно, он мог «побрезговать такой компанией», но «говорил ничего, вежливо так, а конь у него на диво хорош, да и ездить на нем он как будто умеет». На тревожные расспросы жены и дочери он добавил, что неизвестный не похож ни на лазутчика, ни на мексиканца и «такой же молодой, как и этот вот парень» (тут он кивнул на

мрачного Кровавого Джима), а уж вид-то у него мирный, а не то чтобы».

Быть может, на Кровавого Джима подействовал ехидный намек фермера, быть может, он все еще опасался тайных согладатаев, а быть может, просто почувствовал великодушное желание успокоить встревоженных дам, но, как бы то ни было, едва фермер вновь вышел к незнакомцу, он предался менее кровавым и мрачным воспоминаниям. Он рассказал им, как еще совсем мальчишкой отстал от каравана переселенцев с маленькой девочкой. Как они оказались вдвоем среди пустынной прерии, без всякой надежды догнать исчезнувший вдали караван, и он всеми силами пытался скрыть от малютки, какие страшные грозят им опасности, успокаивал и утешал ее. Как он нес ее на спине до тех пор, пока, совсем измученный, не заполз в заросли полыни. Как их со всех сторон окружили индейцы, впрочем, даже не подозревая об их присутствии, и как он три часа пролежал рядом со спящей девочкой, не шевелясь и почти не дыша, пока наконец индейцы не ушли; как в самую последнюю минуту он заметил, что вдали показался караван, и, шатаясь, побрел ему навстречу с девочкой на руках, как в него стреляли и ранили его верховые, охранявшие караван,— они приняли его за индейца; как впоследствии выяснилось, что девочка была давно пропавшей дочерью одного миллионера; как он решительно отверг награду за ее спасение, а теперь она самая богатая и красивая невеста во всей Калифорнии. То ли менее мрачная тема больше отвечала дарованию рассказчика, то ли ему помогало живое сочувствие его слушательниц, но, во всяком случае, это его повествование было более связным и удобопонятным, чем предыдущие воинственные воспоминания, и даже его голос звучал теперь не так хрипло и напряженно; выражение его лица также изменилось и стало почти мягким и кротким. Феба не сводила с него восторженных глаз, на которые навернулись слезы, а ее бледные щеки чуть-чуть порозовели. Фермерша сначала восклицала: «Скажите!», «Да неужто?»,— но вскоре уже только смотрела на своего гостя, открыв рот. Молчание, наступившее после завершения его рассказа, было прервано приятным, хотя и немного грустным голосом, который донесся от двери:

— Прошу извинить меня, но я так и думал, что не ошибся. Это действительно мой старый друг Джим Хукер!

Все вздрогнули. Кровавый Джим вскочил с невнятным, почти истерическим восклицанием. Однако возникшая в дверях фигура отнюдь не казалась устрашающей или жуткой. Это, несомненно, был тот самый незнакомец, который остановился напоить свою лошадь. Он оказался худощавым стройным юношей, с мягкими темными усиками, в превосходно скроенном костюме, который носил с небрежным изяществом, выдававшим в нем горожанина. Этот молодой человек, красивый и хорошо одетый, но не чванящийся ни тем, ни другим, уверенный в себе благодаря своему богатству, но не высокомерный, любезный по природе и по склонности, а не только благодаря воспитанию, был бы желанным прибавлением и к гораздо более взыскательному обществу. Однако Кровавый Джим, поспешно схватив его протянутую руку, тут же увлек его на дорогу, подальше от своих слушательниц.

— Ты все слышал, что я рассказывал? — спросил он хриплым шепотом.

— Да. Пожалуй, все, — ответил незнакомец с легкой улыбкой.

— Ты же не выдашь меня, Кларенс, верно? Не осрамишь перед ними, старый друг, а? — сказал Джим, неожиданно впадая в жалобный тон.

— Нет, — ответил незнакомец, снова улыбнувшись. — И уж, разумеется, не в присутствии такой внимательной юной слушательницы, Джим. Но погоди. Дай поглядеть на тебя.

Он схватил Джима за обе руки, на миг мальчишеским жестом широко развел их и, посмотрев ему прямо в лицо, сказал шутливо, но с оттенком грусти:

— Да-да! Все тот же прежний Джим Хукер — совсем не переменялся.

— А зато ты-таки переменялся — полная боевая раскраска. Настоящий франт! — ответил Хукер, глядя на него с восхищением и плохо скрытой завистью. — Я слышал, тебе повезло с твоим стариком, и ты теперь богат, мистер Брант?

— Да,— мягко ответил Кларенс, однако улыбка его была не только чуть-чуть усталой, но и печальной.

К несчастью, поступок, который для деликатного Кларенса был только естественным и диктовался главным образом искренним интересом к судьбе товарища детства, показался Хукеру — по вполне понятной человеческой слабости — чистейшей воды позой. Ведь сам бы он на месте Кларенса гордился и чванился своей удачей, а следовательно, и Кларенс «просто задается». И все же ссориться сейчас с Кларенсом не стоило.

— Ты же не рассердился, что я рассказал, будто это я спас Сюзи, а не ты? — спросил он, торопливо оглядываясь через плечо. — Надо же было как-то занять старика и старуху, а о чем мне было говорить-то? Ты меня не выдашь? Не злишься, а?

Кларенсу вдруг вспомнилось, что в те давние годы Джим Хукер однажды позаимствовал не ~~только~~ его историю, но и его имя и самую его личность. Но старая обида была забыта в отличие от старой дружбы.

— Ну, конечно, нисколько,— ответил он, хотя его улыбка все еще оставалась задумчивой. — С какой стати? Однако я должен предупредить тебя, что Сюзи Пейтон живет со своими приемными родителями всего в десяти милях отсюда и твоя болтовня может дойти до их ушей. Она стала настоящей барышней, Джим, и раз уж я не считаю возможным рассказывать ее историю посторонним людям, то и тебе этого делать не следует.

Тон Кларенса был таким мягким, что скептик Джим забыл, какое притворство и высокомерие только что ему приписывал, и сказал:

— Пошли в дом, я тебя познакомлю с ними.

Он уже повернулся к хижине, но Кларенс Брант отступил на шаг.

— Как только моя лошадь поест, я сразу еду дальше: я направляюсь к Пейтонам и намерен добраться до Санта-Инес еще сегодня. Мне хотелось бы поговорить с тобой о тебе, Джим,— добавил он ласково. — О твоей жизни и надеждах. Я слышал,— добавил он нерешительно,— что ты... работал... в Сан-Франциско в ресторане. И рад убедиться, что теперь ты по крайней мере

сам себе хозяин.— Он поглядел на фургон.— Ты, очевидно, торгуешь? От себя? Или ты только приказчик? Это твои воли? Послушай, Джим,— продолжал он по-прежнему мягко, но уже более серьезным и взрослым тоном, пожалуй, даже с оттенком властности,— будь со мной откровенен. Как обстоят твои дела? Неважно, что ты говорил им, мне скажи правду. Не нужна ли тебе моя помощь? Поверь, я буду очень рад помочь тебе. Мы же старые друзья, и я остался твоим другом, хоть наши судьбы и сложились по-разному.

После такого заклатья грозный Джим, пугливо косясь на дом, поведал хриплым шепотом, что он приказчик одного странствующего торговца, с которым должен встретиться в поселке; что у него есть свои способы сбывать товар и (это было произнесено с загадочной суровостью) его хозяину да и всему свету лучше не вмешиваться в его дела; что (тут к нему вернулась его прежняя самоуверенность) он уже с большим успехом «пускал в ход индейцев с Дикого Запада» и распродал немало товару, и в этом вот доме тоже, и еще сбудет немало, если только не будет преждевременно и подло «выдан», «продан» или «подловлен».

— Но разве ты не хотел бы обосноваться на участке вроде этого? — спросил Кларенс.— Земля на склонах долины, несомненно, впоследствии сильно повысится в цене, а ты до тех пор будешь сам себе хозяин. Это можно было бы устроить, Джим. Пожалуй, я бы тут тебе помог,— продолжал он с юношеским увлечением.— Напиши мне на ранчо Пейтона, я повидаяюсь с тобой на обратном пути, и мы вместе что-нибудь для тебя подыщем.

Джим выслушал это предложение с таким угрюмым смущением, что Кларенс поспешил добавить весело, поглядев на дом:

— Возможно, где-нибудь поблизости отсюда, так что у тебя будут приятные соседи, всегда готовые послушать рассказ о твоих прежних приключениях.

— Ты бы все-таки заглянул к ним на минутку, прежде чем поедешь,— пробурчал Джим, уклоняясь от прямого ответа.

После некоторого колебания Кларенс уступил его настояниям. А пока он раздумывал, в душе Джима тайная

ревность к своему удачливому другу боролась с желанием похвастать таким знакомством. Однако он напрасно опасался, что его могут затмить.

Нужно ли говорить, что Кларенс, это воплощение утонченной цивилизации, о которой фермерша и ее дочка почти ничего не знали, показался им наглым ничтожеством рядом с суровым, закаленным, трогательным и таким же молодым героем столько удивительных приключений в диких пустынях Запада, о которых им было известно и того меньше. Разве могли учтивые, чуть меланхолические манеры Кларенса Бранта тягаться с угрюмой таинственностью и мрачной свирепостью Кровавого Джима? Тем не менее хозяйки дома встретили его со снисходительным добродушием — ведь он, как и сами они, восхищался неустрашимым и доблестным Джимом, а к тому же имел честь быть его другом. Только фермер, казалось, предпочитал Кларенса, однако и он не остался нечувствительным к той безмолвной рекомендации, которой служила Кровавому Джиму прежняя дружба с этим молодым человеком. Кларенс быстро понял все это благодаря той чуткости, которая рано научила его проникать в человеческие слабости, но еще не омрачила радостного взгляда на жизнь, свойственного юности. Он порой улыбался задумчивой улыбкой, но держался с Джимом братски ласково, был любезен с хозяином дома и его семейством, а уезжая в смутном лунном свете, заплатил фермеру с княжеской щедростью — единственный намек на разницу в их положении, который он себе позволил.

Хижина, покосившийся сарай и пыльная купа ив, а с ними и белый силуэт неподвижного фургона в ожерелье из сквородок и чайников, чернеющих на светлом фоне парусины, — все это скоро исчезло за спиной Кларенса, словно подробности сна, и он остался наедине с луной, с таинственным, подернутым тьмой простором травянистой равнины и с бесконечным однообразием дорог. Он ехал неторопливо и вспоминал другую унылую равнину с белыми пятнами солончаков и бурными кострищами на местах бывших стоянок; но хотя она была неразрывно связана с его сиротливым отрочеством, полным лишений, опасностей и приключений, он думал о ней со странным удовольствием, а последующие годы заня-

тий и монастырского уединения, сменившихся под конец полной свободой и богатством, казались ему напрасно потраченными на бесконечное ожидание. Он вспоминал свое бесприютное детство на Юге, где слуги и рабы заменяли ему отца, которого он не знал, и мать, которую видел лишь изредка. Он вспоминал, как был отдан на попечение таинственной родственнице и, казалось, совсем забыт естественными своими защитниками и хранителями, пока вдруг его — еще слишком юного для подобного путешествия! — не послали с караваном переселенцев через прерии, и ему приходилось отрабатывать свой хлеб и место в фургоне. Он вспоминал так ясно, словно это было вчера, страхи, надежды, мечты и опасности этого бесконечного пути. Он видел перед собой свою маленькую подружку Сюзи, вновь переживал выпавшие на их долю невероятные приключения — и весь тот эпизод, который фантазер Джим Хукер поведал как случившийся с ним, вновь ярко всплыл в его памяти. Он начал думать о горьком конце этого паломничества, когда он вновь остался бесприютным и всеми забытым — даже тем родственником, в поисках которого он и явился в этот незнакомый край. Он вспоминал, как с мальчишеским бесстрашием и беззаботностью отправился совсем один на золотые прииски, как обрел там загадочного покровителя, который знал, где находится его родственник; он вспоминал, как этот покровитель, которого он сразу инстинктивно полюбил, отвез его в дом новообретенного родственника, а тот обошелся с ним очень ласково и отдал в иезуитскую школу, но не пробудил в нем подлинно родственной привязанности. Перед его умственным взором проходили картины его жизни в школе, его случайная встреча с Сюзи в Санта-Кларе, вновь вспыхнувшая детская любовь к подружке его ребяческих игр, ставшей теперь хорошенькой школьницей — избалованной приемной дочерью богатых родителей. Он воскресил в памяти страшный удар, тут же прервавший этот детский роман: известие о смерти своего покровителя и открытие, что этот суровый, молчаливый, таинственный человек был его родным отцом, который из-за бурно прожитой жизни и дурной славы оказался вынужденным скрывать свое настоящее имя.

Он вспоминал, как неожиданно обретенные богатство и независимость почти испугали его и навсегда внушили ему тревожное чувство, что слепой случай незаслуженно вознес его над менее удачливыми его товарищами. Грубые пороки людей, среди которых он жил прежде, внушили ему презрение к изнеженным прихотям тех, кто окружал его теперь, в дни богатства, и открыли ему глаза на всю обманчивость подобных удовольствий; его чувствительность и щепетильность помогли ему остаться чистым среди пошлых соблазнов; его взыскательный ум не поддался изощренной софистике эгоизма. Однако все это время он хранил свою любовь к Сюзи, но гордость мешала ему искать возобновления знакомства с Пейтонами. И это приглашение Пейтона явилось для него полной неожиданностью. Однако Кларенс не обманывался. Он понимал, что эта любезность скорее всего объясняется переменной в его обстоятельствах, хотя и тешил себя надеждой, что, быть может, их предубеждение против него рассеяла Сюзи. Но как бы то ни было, он вновь увидится с ней — и это будут не те романтические полутайные свидания, на которых настаивала она, а открытая встреча двух людей, равных по положению.

Дробный перестук копыт его коня словно вонзался в безмятежную тишину ночи. Беспокойное раздражение, которое нес с собой дневной пассат, улеглось; лунный свет убаюкал измученную равнину, и ее одели мир и тишина; кругом бесконечными шеренгами уходили вдаль метелки овсяга, прямые и неподвижные, словно деревья, — казалось, их гигантские стебли окутала тихая торжественность, свойственная дремучим лесам. Роса не выпала. В легком сухом воздухе копыта коня уже не поднимали густой завесы пыли, и только его тень скользила по равнине, точно облачко, не оставляющее следа. Увлеченный воспоминаниями молодой человек в задумчивости поехал быстрее, чем намеревался, и теперь он придерживал задыхающуюся лошадь. Он поддался чарам ночи, чарам притихшей равнины, и мысли его стали более светлыми. Смутная таинственная даль впереди превращалась в его будущее, населялась прекрасными воздушными образами — и каждый из них был сходен с Сюзи. Она представляла перед ним то веселой, ко-

кетливой, романтической — такой, какой он видел ее в последний раз, то встречала его повзрослевшая, более серьезная и задумчивая, то держалась с ним холодно и сурово, не желая вспоминать прошлое. Как примут его ее названные родители? Признают ли они его достойным претендентом на ее руку? Пейтона он не опасался — мужчины были ему понятны, и, несмотря на свою молодость, он уже умел внушить к себе уважение; но удастся ли ему преодолеть ту инстинктивную неприязнь, которую миссис Пейтон не раз давала ему почувствовать? Однако в этом грезовом безмолвии земли и небес самое невозможное казалось возможным. Дерзкие, упорные мечты заставляли сильнее биться сердце наивного и восторженного юноши. Ему рисовалось, что миссис Пейтон встречает его на веранде той материнской улыбкой, по которой когда-то, завидуя Сюзи, так тосковал одинокий мальчик. И Пейтон тоже будет там. Пейтон, который когда-то сдвинул с его лба рваную соломенную шляпу и одобрительно посмотрел в его мальчишеские глаза, — и Пейтон, быть может, вновь посмотрит на него с тем же одобрением.

Внезапно Кларенс вздрогнул. Над самым его ухом раздался голос:

— Ба! Подлый скот, пасущийся на земле, которая была твоей по праву и по закону! Только и всего. А скот, Панчо, прогоняют или клеймят, как свою собственность. Ха! Найдутся люди, готовые поклясться святой верой, что это истина. Да-да! И в доказательство предъявить бумаги с подписью и печатью губернатора. И я же не питаю к ним ненависти — ба! Что мне эти свиньи-еретики? Но ты меня понимаешь? Мне нестерпимо видеть, как они жиреют на краденых початках, а такие люди, как ты, Панчо, лишены своих законных земель.

Кларенс в полном недоумении придержал коня. Ни впереди, ни сбоку, ни сзади он никого не видел. Эти слова — испанские слова — порождались воздухом, небом, далеким горизонтом. Или он еще грезит? По его спине пробежала дрожь, словно вдруг подул холодный ветер. Но тут раздался другой таинственный голос — недоверчивый, насмешливый, но столь же отчетливый и близкий:

— Карамба! Что это за речи? Ты бредишь, друг Педро. Его оскорбления все еще свежи в твоей памяти. У него есть бумаги, подтвержденные его разбойничьим правительством; он уже владеет поместьем, купив его у такого же вора, как он сам. И все коррехидоры на его стороне. Ведь он же один из них, этот судья Пейтон.

Пейтон! Кларенс почувствовал, что от негодования и удивления вся кровь прихлынула к его лицу. Он машинально пришпорил лошадь, и она стремительно рванулась вперед.

— *Guarda! Mira!*¹ — сказал тот же голос, на этот раз быстрее и тише. Однако теперь Кларенс разобрал, что он доносится откуда-то сбоку, и в тот же миг из высоких зарослей овсюга показались головы и плечи двух всадников. Тайна объяснилась. Незнакомцы ехали параллельно дороге, на которую сейчас выбрались, всего в двадцати ярдах от нее, но по нижней террасе, и высокие метелки овсюга заслоняли их от посторонних глаз. Они были закутаны в одинаковые полосатые серапе, а их лица были скрыты полями жестких черных сомбреро.

— *Buenas noches, señor*², — сказал второй голос вежливо и настороженно.

Подчиняясь внезапному побуждению, Кларенс сделал вид, что не понял, и только переспросил:

— Что вы сказали?

— *Добрая ночь вам*, — повторил незнакомец по-английски.

— А-а! *Доброй ночи!* — ответил Кларенс.

Всадники обогнали его. Их шпоры звякнули раз, другой — мустанги рванулись вперед, и широкие складки серапе захлопали, словно крылья летящих птиц.

ГЛАВА IV

Роса так и не выпала, и ночь была очень прохладной, но утром солнце поспешило бросить на ранчо Роблес пылающий взор, если позволительно прибегнуть к подобной метафоре, чтобы описать сухой, почти печной жар,

¹ Осторожно! Смотри! (исп.)

² Доброй ночи, сеньор (исп.).

опаляющий долины прибрежного калифорнийского хребта. К десяти часам глиняная стена патио так нагрелась, что бездельничающие вакеро и пеоны уже с удовольствием прислонялись к ней, а от деревянной пристройки веяло терпким духом смолы — это сохли в горячих лучах солнца еще сыроватые доски. И, несмотря на ранний час, цветы вьющейся кастильской розы уже никли на столбах новой веранды, почти их ровесницы, смешивая свое слабеющее благоухание с ароматом горячего дерева и более земным запахом горячего кофе, который царил тут повсюду.

Собственно говоря, изящная утренняя столовая с тремя огромными окнами, которые никогда не закрывались, так что каждый завтрак был словно пикник на свежем воздухе, представляла собой плод тщетных усилий южанина Пейтона воссоздать ласковую баюкающую негу своего роскошного родного Юга в этом краю, где климат не только не был тропическим, но сохранял суровость и в самую большую жару. В это утро по столовой гулял холодный сквозняк, и все же судья Пейтон сидел там между открытыми дверями и окнами, ожидая в одиночестве появления своей супруги и юных девиц. Пейтон был в довольно дурном настроении. Дела на ранчо Роблес шли не слишком хорошо. Грубиян Педро накануне вечером покинул его пределы с проклятием, напугавшим даже вакеро, которые, хотя и питали к нему ненависть, пока он был их товарищем, теперь вдруг, казалось, сочли, что, прогнав его, судья нанес оскорбление им всем. Пейтон, в глубине души сознававший, что его гнев был не слишком справедлив и вызван неверным представлением о случившемся несчастье, тем не менее, как все упрямые люди, склонен был теперь преувеличивать значение наглой выходки Педро. Он убеждал себя, что только выиграл, избавившись от этого бездельника и буяна, чье высокомерие и злоба угрожали порядку на ранчо, но в то же время никак не мог забыть, что нанял Педро, как потомка давних владельцев этой земли, желая успокоить его сородичей и уладить местные раздоры. Ведь бедняки мексиканцы и метисы все еще были привязаны к своим бывшим господам и даже больше этих последних принимали к сердцу честь их сословия; хотя знатные испанские семьи и заключали сделки с амери-

канцами и уступали им свои земли, однако их прежние арендаторы и слуги не слишком с этим считались. Пейтон убедился в этом, когда он представил в Земельную комиссию документы, удостоверявшие законность его прав на ранчо. В последнее же время возникли слухи, что какие-то неизвестные наследники предъявили претензию на часть земель, входивших в старинное пожалование, а это подвергало опасности самый его титул на владение.

Но вот голоса и звук легких шагов в коридоре возвестили о приближении запоздавших дам, и Пейтон быстро поднял голову. Как ни занимали его тревожные мысли, он все-таки был изумлен и против воли восхищен переменой в наружности Сюзи. Впервые она надела длинное платье, которое сразу придало ее фигуре зрелость, и это преображение поразило его, мужчину, куда сильнее, чем оно могло бы поразить любую женщину, посвященную в тайны девичьих туалетов. До сих пор он как-то не замечал, что ее фигура и осанка становятся все более женственными; эти новые черты были с самого начала совершенно очевидны для ее матери и Мэри, но он разглядел их только теперь благодаря юбке, ставшей длиннее на несколько дюймов. Его мужскому взору она не просто показалась выше, нет, эти несколько дюймов не только удлиннили одежды богини, но и усугубили окутывавшую ее тайну; они заключали в себе не столько провозглашение расцвета, сколько намека на то, что расцвет этот скрыт. Впечатление, которое новая Сюзи произвела на Пейтона, было столь велико, что сердитая нотация по поводу ее вчерашней детской выходки замерла у него на губах. Он почувствовал, что перед ним уже не ребенок.

Он встретил их той же улыбкой насмешливого одобрения, которой мы почему-то всегда улыбаемся своим близким, когда не хотим потакать их тщеславию. На самом же деле Пейтон думал, что Сюзи выглядит в этом новом взрослом платье очень хорошенькой и что, когда она стоит вот так рядом с его женой, то пышная красота и фигура последней отнюдь не проигрывают в сравнении, и такое соседство не только не старит миссис Пейтон, но наоборот, Сюзи кажется ее сверстницей и они выгодно оттеняют друг друга. Вдобавок

на всех трех, включая Мэри Роджерс, были самые их свежие и яркие утренние платья, и судья усмехнулся полушутливой, полусерьезной мысли, что его со всех сторон теснят взрослые представительницы прекрасного пола и он остался в безнадежном меньшинстве.

— Мне кажется,— заявил он мрачно,— что меня следовало бы подготовить к этому прибавлению... прибавлению длины юбок в моем семействе.

— Как так, Джон? — быстро спросила миссис Пейтон.— Неужели ты не замечал, что последнее время бедняжка выглядела в своих детских платьях просто непривлекательно.

— Да на меня же было противно смотреть, папа. Правда, Мэри? — добавила Сюзи.

— Конечно, милочка! Право же, судья, я даже удивлялась, как Сюзи все это безропотно терпела!

Пейтон обвел взглядом сплоченный строй вонительниц. Этого-то он и опасался. И тут же выяснилось, что он сам во всем виноват.

— К тому же,— медленно и веско произнесла миссис Пейтон, по женской привычке перенося самое важное в постскрипту,— раз сегодня приезжает твой мистер Брант, ему следует сразу же дать понять, что она уже не та девочка, с которой он когда-то был знаком.

Час спустя покладистая Мэри Роджерс в своей роли «душки», всегда охотно исполняющей мелкие поручения подружки, срезала в саду розы для нового туалета Сюзи, как вдруг перед ней предстало видение, которое затем еще много дней жило в ее памяти. Она остановилась перед забранной решеткой отверстием в глинобитной стене и посмотрела на бесконечную равнину, где гулял ветер. По зарослям овсяга бежала рябь, вскипая в ложбинах сверкающей зеленой пеной; линия горизонта четко ограничивала голубовато-серый небосвод; всюду, куда ни кинь взгляд, сияло новое, с иголочки утро, яркое, как на картине; все кругом было пронизано юной, буйной, бесцеремонной энергией. Мэри была совсем заворожена этим зрелищем. И вдруг перед решеткой, как будто взлетев над колышущимися метелками, словно воплощение этого ослепительного утра, воз-

никала фигура поразительно красивого молодого всадника. Это был Кларенс Брант. Мэри Роджерс, как верная подруга, всегда видела его глазами Сюзи, отнюдь не беспристрастными, и все же в это утро ей показалось, что так красив он еще не был никогда. Даже чересчур щеголеватый костюм и серебряный набор на сбруе казались таким же естественным символом победоносной юности, как и всевластное утреннее солнце. И в добром сердце Мэри на мгновение шевельнулась досада на подругу, вызванная то ли ее вечными капризами, то ли другим чувством, до этих пор ей самой неизвестным. Какое право имеет Сюзи раздумывать и ломаться? Да кто она такая, чтобы играть сердцем этого рыцаря, этого принца?

Однако зоркие глаза сказочного принца тотчас заметили ее, и через мгновение его великолепный конь был уже у решетки, а всадник радостно протягивал руку сквозь прутья.

— Вероятно, я явился слишком рано и меня здесь еще не ждут,— сказал он.— Но я переночевал в Санта-Инес, чтобы ехать в часы утренней прохлады. А мой багаж прибудет позже с почтовой каретой. Но мне этот способ передвижения показался слишком уж медленным.

Черные глаза Мэри Роджерс сказали ему, что он выбрал самый правильный способ передвижения, но она тут же благородно вспомнила о своих обязанностях наперсницы. Это ведь был прекрасный случай незаметно предупредить его, как просила Сюзи. Она высвободила руку из его дружеского пожатия, в свою очередь, просунула ее сквозь решетку и принялась поглаживать блестящее шелковистое плечо коня, словно восхищаясь прекрасным животным, а не его хозяином.

— Какой красавец! Сюзи будет так рада! И... ах, да! Мистер Брант, пожалуйста, ни словом не упоминайте о том, что вы виделись с ней в Санта-Кларе. И вообще лучше начать здесь все по-иному, потому что (это было произнесено с великолепной материнской снисходительностью) вы же оба были тогда так молоды!

Кларенс порывисто вздохнул. Это был первый удар, нанесенный его мечтам о том, что он встретится с Сюзи

открыто, как равный ей по положению. Так, значит, этим приглашением он вовсе не обязан желанию Сюзи возобновить их прежнюю дружбу; оказывается, Пейтоны ничего не знали об этом эпизоде — иначе они не стали бы его приглашать! И вот он является сюда, как обманщик, только потому, что Сюзи заблагорассудилось сделать тайну из невинной встречи, которую нетрудно было бы объяснить и которую ее родители, возможно, даже одобрили бы. В его душе поднялась горечь против подруги детства — впрочем, столь же недолговечная, как и досада, которую испытала Мэри. Его собеседница заметила, что он переменялся в лице, но истолковала это по-своему.

— Нет-нет, если вы не проговоритесь, то никто ничего не узнает,— сказала она поспешно.— Поезжайте к дому и не ждите меня. Вы найдете их на веранде в патио.

Кларенс поехал дальше, но уже без прежней веселой беззаботности. Тем не менее его щегольская посадка и его конь вызвали восхищение двух-трех бездельничавших вакеро, которые издавна привыкли судить о положении всадника по статям его лошади. И такое благоприятное впечатление он произвел не только на них. Об этом свидетельствовало радостное приветствие Пейтона:

— Браво, Кларенс! Вы приезжаете к нам, как истинный кабалеро. Благодарю за честь, которую вы оказываете нашему ранчо.

На мгновение юноша вновь превратился в мальчика и ощутил, как Пейтон одобрительно сдвигает рваную соломенную шляпу на его детский затылок. Его щеки чуть порозовели, а глаза на миг опустились. Самое тонкое искусство не помогло бы ему достичь большего. Это смущение разом искупило и чуть-чуть высокомерную юношескую франтоватость и живописную красоту; его скромность одержала победу там, где самоуверенность могла бы вызвать стойкий отпор, и даже миссис Пейтон почувствовала, что протягивает ему руку почти с такой же искренней доброжелательностью, как и ее муж. И тут Кларенс поднял глаза. Он увидел перед собой женщину, некогда пробудившую в его детском сердечке то неопишемое тоскливое обожание, на которое способен только

бездомный одинокий сирота, никогда не знавший материнской ласки. Эта женщина отняла у него любовь его маленькой подружки, не уделив ему ни частицы; она по-матерински лелеяла и опекала Сюзи — такую же обездоленную, как и он сам, — но не только не утешила и не согрела его сердца, а даже усугубила его детское недовольство самим собой, дав ему понять, что он внушает ей отвращение. И вот он вновь видел ее перед собой — еще более прекрасную, чем прежде, потому что возвращенное здоровье вернуло свежесть ее лицу и придало величавость фигуре. Незаметно для него к прежнему почти сыновнему обожанию примешалось теперь восхищение взрослого мужчины; с юношеской пылкостью он увидел в ее новой зрелой красоте красоту царицы и богини. И все это отразилось в его по-прежнему детски-откровенных глазах — глазах, которые еще ни разу не стыдились и не боялись служить зеркалом его души; все это слилось в том движении, которым он поднес к губам ручку миссис Пейтон. Немногочисленные зрители увидели в его поступке лишь испанскую любезность, подобающую принятой им на себя роли. Но сама миссис Пейтон была изумлена, трепетно смущена и необычайно обрадована: он ведь даже не взглянул на Сюзи!

Совсем смягчившись, она улыбнулась ему ласково и приветливо. А затем все с той же приветливостью указала на Сюзи.

— Но, мистер Брант, здесь находится еще более старинная ваша знакомая, которую вы, по-видимому, не узнаете, — Сюзи! Но, конечно, в последний раз вы видели ее еще крошкой!

Щеки Кларенса вспыхнули. Остальные улыбнулись этому безыскусственному признанию в мальчишеском увлечении. Но сам Кларенс знал, что это его правдивая кровь восстает против обмана, который не могли разоблачить губы, запечатанные обещанием молчать. Он не осмеливался взглянуть на Сюзи, и девушка была вынуждена заговорить с ним первой, что еще больше позабавило ее родителей. Однако она уже успела обменяться взглядом с подошедшей Мэри Роджерс и поняла, что ей ничто не угрожает. Теперь она милостиво ему улыбнулась и с покровительственным видом, словно была намного

старше его по летам и выше по положению, проронила, что он очень вырос, но изменился мало. Надо ли говорить, что сердце ее матери исполнилось при этом живейшей радости. Кларенс, опьяненный ласковым приемом, который оказала ему миссис Пейтон, и, быть может, все еще смущаемый угрызениями совести, даже не заметил аффектированной манеры Сюзи. Он дружески пожал ей руку, а затем с непоследовательностью юности даже посмеивался про себя, пока Сюзи торжественно представляла его Мэри Роджерс, завершая таким образом их маленькую комедию. А если миссис Пейтон, с женской зоркостью перехватив многозначительный взгляд, которым обменялись Кларенс и Мэри Роджерс, неправильно его истолковала, то это было лишь обычное заблуждение, в которое такие молодые актеры нередко склонны вводить своих старших зрителей.

— Признайся, Элли,— весело сказал Пейтон, когда молодежь, внезапно обретя дар оживленной болтовни и беспричинного смеха, тут же отправилась осматривать сад,— признайся, что этот твой *bête noire*¹ оказался весьма достойным и приятным молодым человеком. Черт побери! Святые отцы сумели сделать из него испанского аристократа, не испортив брантовской закваски! Скажи откровенно, ты уже больше не опасешься, что его общество может дурно повлиять на манеры Сюзи? Право, ей не повредило бы занять у него немного вежливости по отношению к старшим. Я могу только пожалеть, что она не умеет держаться с тобой так же почтительно, как он. Ты заметила, что в первую минуту он, казалось, видел только тебя? А ведь ты никогда не была ему таким другом, как Сюзи.

Его супруга выпрямилась с некоторым высокомерием, однако улыбнулась.

— Он ведь никогда прежде не видел Мэри Роджерс? — задумчиво произнесла она.

— Вероятно. Но какое это имеет отношение к тому, что он был почтителен с тобой?

— А ее родители знакомы с ним? — продолжала она, не ответив на его вопрос.

¹ Бука (франц.).

— Откуда мне знать? Вероятно, они слышали о нем, как и все в здешних краях. Но в чем дело?

— В том, что, по-моему, они очень друг другу понравились.

— Что это еще за фантазия, Элли?..— начал Пейтон, окончательно запутавшись.

— Когда ты познакомишь красивого, богатого и обаятельного молодого человека, Джон, с молодыми девушками,—строгим голосом перебила миссис Пейтон,—ты не имеешь права забывать, что в известной мере отвечаешь за них перед их родителями. Нет, я непременно посслежу за мисс Роджерс.

ГЛАВА V

Хотя молодые люди ушли с веранды вместе, до сада Кларенс и Сюзи добрались гораздо раньше, чем Мэри Роджерс, которая вдруг залюбовалась страстоцветом у калитки. Едва они заметили, что остались вдвоем, как их оживленный обмен сведениями о том, что с ними произошло со времени последней встречи, внезапно прекратился. Кларенс, уже забывший свою недолгую досаду и вновь ощутивший ту радость, которую всегда испытывал в присутствии Сюзи, тем не менее почувствовал в ней какую-то перемену. Перемена эта заключалась не только в том, что на ней было теперь длинное платье, а красота ее обрела большее изящество. И не в том, что она держалась так, словно была старше его и более искушена в светских тонкостях,—ведь в этом он узнавал все ту же черту ее характера, которая очаровывала его, когда Сюзи была маленькой девочкой и к которой он и теперь относился с полным добродушием; и не в обычной ее склонности к преувеличениям, которая была ему по-прежнему даже приятна. Нет, это было что-то другое — неопределенное и смутное. Он ничего не замечал, пока с ними была Мэри, но теперь это встало между ними, как призрак, вдруг занявший место наперсницы. Кларенс некоторое время молчал, глядя на ее розовеющую щеку и смущенно опущенные ресницы. Затем он сказал с неуклюжей прямолинейностью:

— Ты очень изменилась, Сюзи, и не только внешне.

— Тсс!—трагически прошептала она и предостерегающе указала на Мэри, которая по-прежнему любезно не замечала ничего, кроме страстоцвета.

— Но ведь она же твой... наш добрый друг,— недоуменно возразил Кларенс.— Ты ведь знаешь это.

— Как раз и не знаю! — ответила Сюзи еще тише и еще трагичнее.— Дело в том... о, не расспрашивай меня! Но когда ты окружена соглядатаями, когда ты просто не принадлежишь самой себе, то начинаешь сомневаться во всех и в каждом!

Ее фиалковые глаза и полумесяцы бровей выражали прелестнейшее страдание, и Кларенс, так и не поняв, что, собственно, ее терзает и почему, тем не менее немедленно завладел маленькой ручкой, которая жестикулировала в опасном соседстве с его собственной рукой и пожал ее с нежным сочувствием. Сюзи—вероятно, от сильного волнения — как будто не заметила этого и отняла руку далеко не сразу.

— О, если бы ты дни и ночи томился за этой решеткой,—воскликнула она, указывая на решетку в садовой стене,— ты понял бы, что мне приходится терпеть!

— Но...— начал было Кларенс.

— Тсс! — перебила Сюзи, топнув ножкой.

Кларенс, который хотел только указать, что решетку эту вряд ли можно считать непреодолимым препятствием, поскольку стена в дальнем конце сада давно обрушилась, покорно замолчал.

— И вот еще что! Поменьше обращай на меня внимания сегодня и разговаривай только с ней,— продолжала Сюзи, указывая на Мэри, которая по-прежнему тактично держалась в отдалении.— Особенно в присутствии папы и мамы. И ни слова ей о тайне, которую я тебе доверила, Кларенс. А завтра отправляйся один на прогулку на своем великолепном скакуне, возвращайся через лес и в четыре часа будь на дороге за поворотом к нашей усадьбе. Справа от большого земляничного дерева ты увидишь тропинку. Сверни на нее. Будь осторожен и внимательно оглядывайся: она ни в коем случае не должна тебя видеть.

— Кто не должен меня видеть? — в полной растерянности осведомился Кларенс.

— Да Мэри же, глупый ты мальчик! — нетерпеливо объяснила Сюзи. — Она ведь будет разыскивать меня. А теперь иди, Кларенс! Нет, погоди. Видишь эту махровую розу? — Тут она указала на алую чашечку, почти у верха стены. — Сорви ее, Кларенс... вон ту... я покажу, какую... ну, вот!

Они уже нырнули в густые кусты, и, когда Сюзи встала на цыпочки, держась за его плечо, ее щечка невинно приблизилась к щеке Кларенса. Тут Кларенс, вероятно, сбитый с толку ароматом, нежным румянцем и нежным прикосновением, распорядился этой минутой так, что Сюзи с видом холодного достоинства поспешила присоединиться к Мэри Роджерс, предоставив ему следовать за ней с сорванным цветком в руке.

Хотя Кларенс даже не пытался разгадать смысл завтрашнего свидания и, быть может, не слишком поверил в горести Сюзи, остальные ее инструкции он выполнил с гораздо большей легкостью, чем ожидал. Миссис Пейтон, по-прежнему любезная, с женским тактом заставила его разговориться и вскоре уже знала все, что с ним произошло с тех пор, как он с ними расстался, кроме его встречи с Сюзи, разумеется. Кларенс испытывал непонятное удовольствие от того, что его участливо слушает эта необыкновенная женщина, перед которой он всегда благоговел. Он испытывал незнакомое прежде наслаждение от ее женского сочувствия к его прошлым бедам и испытаниям, и даже материнское неудовольствие, которое она выразила по поводу некоторых эпизодов, слегка его побранив, доставило ему неизъяснимую радость. Боюсь, он совсем не замечал ни Сюзи, которая слушала его с самодовольной гордостью хозяйки занятой диковинки, ни Мэри, чьи черные глаза то расширялись от сочувствия к рассказчику, то негодующе прищуривались, когда миссис Пейтон принималась ему выговаривать, ни судьи Пейтона — впрочем, этот последний вскоре погрузился в размышления, не имевшие никакого отношения к его гостю. Кларенс был счастлив. Лампы под абажурами бросали мягкий свет на людей, собравшихся вокруг него в обширной, уютно обставленной гостиной. Это был именно тот семейный рай, которого бездомный Кларенс не знал никогда, если не считать смутных воспоминаний, делавших его бесприют-

ное детство еще более грустным. В самых смелых своих мальчишеских мечтах накануне вечером он даже и отдаленно не рисовал себе ничего подобного. Но мысль об этом принесла с собой и другую, тревожную мысль. Он вдруг вспомнил незнакомые голоса, которые ворвались в мир его видений, вспомнил неясные, но зловещие угрозы, очевидно, имевшие какое-то отношение к его гостеприимному хозяину. И он почувствовал себя виноватым. Правда, угрозы эти показались ему тогда простой бравадой: он ведь хорошо знал склонность этих людей к преувеличениям, но теперь он подумал, что обязан сообщить об услышанном Пейтону, как только они останутся наедине.

Такая возможность представилась ему позже вечером, когда дамы удалились к себе, а Пейтон задержался на веранде и, закутавшись в плащ, так как стало очень прохладно, задумчиво курил сигару. Кларенс упомянул об этом эпизоде словно невзначай, делая вид, будто хочет рассказать только о том, как доносившиеся неизвестно откуда голоса произвели на него впечатление чего-то сверхъестественного, однако он с большим огорчением заметил, что Пейтона очень встревожила тема беседы ночных всадников. Судья расспросил его о наружности двух неизвестных, а потом сказал:

— Я буду с вами откровенен, Кларенс. Видите ли, этот субъект вполне искренен в своих намерениях, но поет он с чужого голоса. Это вакеро, которого я только что прогнал за нерадивость и наглость — эти два качества шествуют в здешних краях рука об руку, — но если я и мог бы опасаться, что он будет подстергать меня ночью на равнине с ножом в руке, встречи с ним перед судейским столом я не боюсь нисколько. Ведь он просто повторяет нелепый слух о том, что какие-то темные дельцы намерены предъявить претензии на эту усадьбу и девять квадратных лиг прилегающей к ней земли.

— Но, если не ошибаюсь, ваш титул на владение был подтвержден всего два года назад.

— Нет, — ответил Пейтон. — Подтверждено было только пожалование. Другими словами, Земельная комиссия Соединенных Штатов признала, что предок Виктора Роблеса получил эти земли от мексиканского прави-

тельства законным образом, и закрепила их за теми, кто владеет ими в силу этого пожалования. Я и мои соседи владеем ею, поскольку мы купили ее у Виктора Роблеса и на основании подтверждения пожалования Земельной комиссией. Однако подтвержден был только титул прадеда Виктора, и теперь наше право на владение оспаривается на том основании, что, поскольку отец Виктора умер, не оставив завещания, Виктор единолично завладел и распорядился собственностью, которую был обязан разделить со своими сестрами. Во всяком случае, какие-то мошенники из Сан-Франциско заявили, что им принадлежит, как они выражаются, «сестринский титул на владение», и они продают его поселенцам, обосновывающимся на целинных землях долины. Поскольку по закону такой титул дает преимущества перед обыкновенными поселенцами, чье единственное право на занятый ими участок, как вам известно, опирается на презумпцию, что данная земля не является чьей-либо собственностью, он обеспечивает владельцу возможность спокойно пользоваться этой землей до решения суда и даже в том случае, если будет доказана законность первоначального титула и незаконность нового; выигравший дело законный собственник, вероятнее всего, предпочтет уплатить этому владельцу за обработку участка и отказ от владения, так как это дешевле и проще сложного процесса выселения без компенсации.

— Но ведь это не может иметь отношения к вам, поскольку вы уже вступили во владение?— быстро спросил Кларенс.

— Да. То есть в той мере, в какой это касается дома и той земли, которую я обрабатываю. Им хорошо известно, что тут любой суд будет на моей стороне, вплоть до Верховного, и я могу вести процесс, пока их мошенничество не будет разоблачено или они сами не откажутся от иска; однако мне, возможно, придется уплатить им какую-то сумму, чтобы не допустить поселенцев на принадлежащие мне целинные земли.

— Неужели вы согласитесь признать за этими мошенниками хоть какие-то права? — изумленно осведомился Кларенс.

— Чтобы оградить себя от других мошенников? Разумеется,— угрюмо ответил Пейтон.— Я ведь только

заплату за право владения своей же собственной землей, которое даст мне их фальшивый титул. Тогда мне нечего будет опасаться даже в том случае, если суд все-таки подтвердит этот титул.— Помолчав, он продолжал уже с большей тревогой:— Услышанный вами разговор заставляет меня опасаться, Кларенс, что план их более дерзок, чем я предполагал, и мне, быть может, придется иметь дело с предателями и здесь.

— Я надеюсь, сэр,— поспешно сказал Кларенс, чуть-чуть краснея,— что вы позволите мне помочь вам. Ведь был случай, когда вы сочли меня полезным... помните, тогда, с индейцами.

Эта мальчишеская мольба и просящий, настойчивый взгляд напомнили Пейтону прежнего Кларенса, и он невольно улыбнулся, хотя до сих пор говорил с молодым человеком, как с равным, не обращая внимания на разницу в их летах.

— Да, вы тогда очень помогли нам, Кларенс, хотя индейцам все-таки удалось убить ваших друзей. Во всяком случае, то обстоятельство, что вы хорошо знаете здешних испанцев — вы же, несомненно, часто имели с ними дело, когда жили у дона Хуана Робинсона, и позже, в колледже,— может пригодиться нам, если нужно будет найти свидетелей или, наоборот, выступать на суде против их свидетелей. Но в настоящее время самое главное — деньги. Я постараюсь откупиться от них, чтобы не допустить их на свою землю, даже если для этого мне придется ее заложить. Какое героическое средство, не правда ли, Кларенс? — продолжал он прежним полушутливым тоном, как будто поддразнивая не искушенного в делах юношу.— Вы же подумали именно это?

Однако Кларенс думал совсем о другом. Его умом завладела куда более дерзкая мысль, исполненная, впрочем, точно такого же юношеского энтузиазма, и он пролежал без сна почти полночи, развивая и совершенствуя свои планы. Правда, в них, несколько лишая их практичности, вплетались грезы о миссис Пейтон и Сюзи, а также и прежнее его намерение облагодетельствовать беззаботного и неисправимого Хукера. И все же благодаря таким мыслям сон Кларенса в эту ночь

был столь беззаботен и сладок, что умудренный опытом и годами Пейтон мог бы ему позавидовать — да и не поручусь, что эти планы так уж уступали в разумности бессонным размышлениям Пейтона. А рано поутру Кларенс Брант, молодой богач, взял свой бювар и написал два ясных, логичных и деловых письма — одно своему банкиру, а другое — своему бывшему опекуну дону Хуану Робинсону, сделав таким образом первый шаг для осуществления предприятия, которое по отчаянному донкихотству и пылкому энтузиазму не уступало самым благородным мечтам, когда-либо рождавшимся в его детски простодушном и чистом сердце.

В очаровательно непринужденной обстановке семейного завтрака Кларенс, совсем забыв наставления Сюзи, обращался к ней со всей прежней увлеченностью, пока нахмуренные брови юной барышни и ее односложные ответы не напомнили ему о вчерашней беседе. Однако, юношески благоговей перед миссис Пейтон, он с гораздо большим огорчением видел, что Сюзи встречает нежность своей приемной матери с бессознательным равнодушием и вполне сознательно игнорирует ее желания. И плохо скрытая обида миссис Пейтон так его расстроила, что он с радостью принял приглашение Пейтона осмотреть усадьбу и кораль.

В середине дня, чувствуя себя очень виноватым, он был вынужден изобрести какой-то предлог, чтобы уклониться от участия в развлечении, гостеприимно придуманном ради него миссис Пейтон, и в половине четвертого, терзаемый угрызениями совести, тихонько вывел из конюшни свою лошадь. Однако ему пришлось проехать мимо садовой стены и решетки, сквозь которую он накануне разговаривал с Мэри. Он машинально взглянул в ту сторону и был поражен, увидев, что у решетки стоит миссис Пейтон и рассеянно смотрит на равнину, где гуляет ветер. Заметив его, она улыбнулась, но в ее гордых красивых глазах блеснули слезы.

— Вы отправляетесь на прогулку? — спросила она любезно.

— Д-д-да, — пристыженно пробормотал Кларенс.

Миссис Пейтон обратила на него грустный взгляд.

— И прекрасно. Девочки решили погулять вдвоем. А мистер Пейтон уехал в Санта-Инес: все из-за этих ужасных земельных дел, и, полагаю, он был бы вам неинтересным спутником. Тут довольно скучно. Право, я завижусь вам, мистер Брант, вашей лошади и вашей свободе.

— Но, миссис Пейтон,—порывисто перебил ее Кларенс.— У вас же есть лошадь. Я видел ее в конюшне: прелестная дамская лошадка и совсем истомилась от безделья. Если разрешите, я вернусь и прикажу, чтобы ее оседлали,— может быть, вы не откажетесь проехаться со мной? Мы бы помчались по равнине таким славным галопом!

Он говорил совершенно искренне. Это был неожиданный порыв, но Кларенс вполне отдавал себе отчет, что таким образом он попросту отказывается от свидания с Сюзи. Миссис Пейтон была удивлена и немного польщена его настойчивостью, хотя и не подозревала, что скрывалось за его словами.

— Это большой соблазн, мистер Брант,— сказала она, ослепив Кларенса лукавой улыбкой, первым легким намеком на изящное кокетство утонченной женственной натуры.— Однако боюсь, что мистер Пейтон может подумать, не сошла ли я с ума на старости лет. Нет! Проезжайте и один насладитесь славным галопом, а если вы где-нибудь встретите этих легкомысленных девочек, пошлите их домой пить шоколад — скоро поднимется холодный ветер.

Она повернулась, ласково помахала тонкой бело-снежной рукой, когда Кларенс учтиво снял шляпу, и удалилась.

Первые несколько минут молодой человек, пытаясь дать выход обуревавшим его чувствам, скакал бешеным карьером и безжалостно шпорил своего норвистого коня. Затем он стремительно натянул поводья. Что он делает? Что он собрался сделать? Ведь он участвует в нелепом, глупейшем обмане, жертва которого — эта благородная, царственная, доверчивая и великодушная женщина. (Он уже успел забыть, что она всегда относилась к нему с неприязнью.) Глупец! Почему он не сказал ей, словно в шутку, что скачет на свидание с Сюзи? Но разве он посмел бы шутить на подобную тему с по-

добной женщиной? И ведь его признание немногого стоило бы, если бы он не открыл всей правды: что они тайно встречались уже и раньше. Однако в этом случае он поступил бы нечестно по отношению к Сюзи — милой, невинной, детски простодушной Сюзи. И все-таки что-то он обязан сделать. В конце концов это не только пошлый, но и ненужный обман; неужели такая благородная женщина, как миссис Пейтон, такая добрая и снисходительная, будет против его любви к Сюзи, против его брака с ней? Конечно, нет! И они все так счастливо заживут вместе, и миссис Пейтон не расстанется с ними, а будет всегда нежно улыбаться им, вот как сейчас в саду. Да-да, он поговорит с Сюзи серьезно, и это послужит оправданием их нынешней тайной встрече.

Все это время он продолжал быстро ехать по неприемному склону террасы и теперь, оглянувшись, вдруг с удивлением заметил, что каса, кораль и службы полностью скрылись из виду и позади него расстилается только море колышущихся злаков, словно поглотившее усадьбу в своих желтоватых глубинах. Впереди лежала лесистая лощина, где пряталась проезжая дорога, служившая также подъездом к ранчо, и где находился поворот, о котором говорила Сюзи. Но до назначенного времени было еще далеко; к тому же он был так расстроен, что не слишком торопился увидеть ее, и поэтому уныло сделал большой круг по полю, надеясь обнаружить, чем, собственно, объясняется таинственное исчезновение усадьбы. Когда он наконец убедился, что этот эффект возникал благодаря различию в уровне террас, его внимание привлекли многочисленные движущиеся в отдалении фигурки, которые при ближайшем рассмотрении оказались табуном диких лошадей. Два всадника совершенно бесцельно (как сперва показалось Кларенсу) то подскакивали к табуну, то отъезжали в сторону, выполняя, по-видимому, какой-то таинственный маневр. Загадочность происходившего усугублялась еще и тем, что лошадь, которую всадники успевали отогнать от бегущего табуна, вдруг на полном скаку необъяснимо почему падала. Метелки овсюга смыкались над ней, словно она проваливалась под землю. Однако немного погодя лошадь возникала снова и мирно трусила

позади своего недавнего преследователя. Только через несколько минут Кларенс наконец понял, что означает это странное зрелище. Хотя в прозрачном сухом воздухе силуэты людей и лошадей рисовались необыкновенно четко, расстояние до них было так велико, что тонкое сорокафутовое лассо, которое всадники искусно набрасывали на облюбованную жертву, оказывалось абсолютно невидимым! Всадники эти были вакеро Пейтона и отбирали молодняк для продажи. Кларенс припомнил, как Пейтон сказал ему, что, возможно, будет вынужден продать часть своих лошадей, чтобы достать необходимые деньги, и когда он вновь повернул к дороге, на душе у него опять стало смутно. По правде говоря, когда молодой человек спустился в лесистую ложину и начал искать земляничное дерево, которое должно было указать ему путь к приюту прекрасной девицы, настроение его не слишком подходило для нежного свидания.

Проехав немного дальше под прохладными сводами среди пряных запахов леса, Кларенс увидел заветное дерево. В летнем двухцветном багряно-зеленом наряде, все в пестрых бубенчиках ягод, оно стояло среди своих соседей, словно лесное воплощение Шутовства — достойный символ детской игры в страсть, затейливой Сюзи. Его прихотливая красота, казавшаяся особенно яркой на темном фоне чинных сосен и хемлоков, делала его надежной вехой. Тут Кларенс спешил и привязал своего коня. Справа от ствола начиналась еле заметная тропка: она карабкалась по мшистым валунам, узкой желтой ленточкой вилась по ковру осыпавшейся хвои среди сомкнутого строя деревьев, почти невидимой черточкой пересекала заросли кислицы у их подножия и бурой полоской пролегалла через папоротник. Пока Кларенс шел по тропинке, его тревога и неудовольствие рассеялись, сменившись опьяняющим томлением — таинственное уединение этого леса овладело его душой так же властно, как в далекие годы детства. Он возвращался не столько к Сюзи, сколько к старой любви своей ранней юности, быть может, лишь случайно отданной именно Сюзи. Вот почему, в недоумении остановившись перед похожей на покинутое гнездо крохотной ложбинкой, где тропка внезапно исчезла, он ощутил прежний

мальчишеский трепет, когда услышал позади шорох накрахмаленной юбки, ощутил тонкий аромат недавно отглаженного, надушенного муслина и почувствовал, как на его глаза нежно легли тонкие пальчики.

— Сюзи!

— Глупый мальчик! Куда ты торопишься? Почему ты не смотрел по сторонам?

— Мне почудились ваши голоса.

— Чьи голоса, дурачок?

— Твой и Мэри,—простодушно ответил Кларенс и оглянулся, думая увидеть поверенную всех тайн Сюзи.

— Ах, вот как! Значит, ты рассчитывал встретиться с Мэри! Ну, так она там где-то ищет меня. Может быть, ты сходишь за ней? Или мне сходить?

Она уже собиралась пройти мимо него, но он взял ее за руку, пытаясь удержать. Сюзи уклонилась от его прикосновения и гордо выпрямилась: несколько лишних дюймов юбки, бесспорно, способствовали внушительности подобной позы. Это было очаровательно и напоминало прежнюю Сюзи, но казалось малообещающим прологом к серьезному разговору. И Кларенс, глядя на насмешливо улыбающееся прелестное розовое личико и все еще пребывавая во власти лесных чар, решил, что разговор этот, пожалуй, лучше будет отложить.

— Забудь про Мэри,—сказал он, смеясь.— Ты ведь сказала, что хочешь увидеться со мной, Сюзи. Ну вот я пришел.

— Я сказала, что хочу увидеться с вами?! — повторила Сюзи, возводя к небу глаза, исполненные целомудренного и презрительного изумления.— Что я... я хочу увидеться с вами? А вы не ошибаетесь, мистер Брант? Право же, мне казалось, что это вы пришли сюда, чтобы увидеться со мной!

Златокудрая головка надменно откинулась, алые лепестки губ соблазнительно полураскрылись, и Кларенсу эта последняя выходка причудницы показалась обворожительной. Он шагнул к ней и произнес кротким голосом:

— Ты ведь знаешь, что я имел в виду, Сюзи. Вчера ты говорила, что очень тревожишься. И я подумал, что ты хочешь мне о чем-то рассказать.

— По-моему, это вы могли бы мне о чем-нибудь рассказать после того, как мы столько лет не виделись! — сказала она обиженным тоном, но сохраняя полную невозмутимость. — Впрочем, вы, наверное, приехали сюда ради Мэри и мамы. Вчера вечером вы показали это им достаточно ясно.

— Но ты же сама сказала... — начал ошеломленный Кларенс.

— Ах, я сказала, я сказала! Хоть бы разок ты что-нибудь сказал! Так нет же — сам-то ты молчишь!

Да, Кларенс, несомненно, все еще был полностью во власти лесных чар, иначе он не только сразу понял бы, что капризный характер Сюзи остался прежним, но и увидел бы, что в ее обычном притворстве проскальзывает новая и странная фальшь. Либо девушка скрывала какое-то другое, искреннее чувство, либо старалась изобразить эмоции, которых не испытывала. Однако он ничего этого не заметил и произнес с глубокой нежностью:

— Нет, Сюзи, мне надо сказать тебе очень многое. Я хочу сказать, что если ты чувствуешь то же, что и я, то, что я всегда чувствовал, и если ты думаешь, что будешь так же счастлива, как буду я, если... если... нам не нужно будет больше расставаться, то мы можем впредь не скрывать этого от твоей матери и твоего отца. Я уже не мальчик, и я сам себе хозяин. Твоя мать была очень добра со мной — так добра, что мне стыдно и дальше ее обманывать, и когда я скажу ей, что люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой, она, вероятно, благословит нас.

Сюзи испустила странный смешок и с робким смущением, которое было чистейшим притворством, наклонилась над кустом и принялась ощипывать ягоды.

— Я скажу тебе, что она ответит, Кларенс. Она ответит, что ты слишком молод, а это, между прочим, чистая правда!

Молодой человек тоже попробовал усмехнуться, но у него было такое ощущение, словно его ударили. Впервые ему стало ясно истинное положение вещей: эта девочка, которую он по-прежнему наивно считал ребенком, уже успела его обогнать; она стала взрослой женщиной прежде, чем он стал взрослым мужчиной, и теперь смотрела

на него с высоты своего более зрелого опыта, как старшая, лучше понимая и себя и его. Эта перемена потрясла его: между ними теперь стал кто-то чужой — новая, неизвестная ему Сюзи.

Она рассмеялась, заметив, как он переменялся в лице, легко подпрыгнула и уселась на низком широком стуле соседнего хемлока. Прыжок этот скорее приличествовал девочке, но Сюзи тем не менее продолжала глядеть на своего собеседника со снисходительно-покровительственным видом.

— Послушай, Кларенс,— начала она рассеянно.— Не будь дураком! Если ты попробуешь сказать маме что-нибудь подобное, она только попросит тебя подождать два-три года, чтобы ты мог проверить твердость своего решения, а меня снова отправит в эту ужасную школу и глаз с меня не спустит все время, пока ты будешь гостить у нас. Если хочешь остаться тут и иногда видаться со мной, вот как сейчас, пожалуйста, веди себя по-прежнему и ничего не говори. Понимаешь? Но, может быть, тебе вовсе и не хочется приходить сюда? Может быть, тебе довольно общества Мэри и мамы? Тогда так и скажи. Право же, я вовсе не хочу заставлять тебя приходить сюда.

Хотя Кларенс, как правило, держался скромно и учтиво, боюсь, что ему все же не была свойственна робость перед прекрасным полом. Он без всяких околичностей подошел к Сюзи и обнял ее за талию. Девушка даже не пошевелилась и только посматривала на него и на дерзкую руку со скептическим любопытством, словно ожидая развития событий. Тут он ее поцеловал. Тогда Сюзи неторопливо отвела его руку, невозмутимым тоном произнесла: «Право же, Кларенс!»—и тихонько соскользнула на землю.

Он снова заключил ее в объятия, прихватив рассыпавшиеся волосы, а заодно и ленты спущенной на плечо шляпки, и несколько мгновений молча и нежно держал ее так. Затем Сюзи высвободилась с рассеянной улыбкой и ни чуточки не зарумянившись, если не считать красного пятна, оставленного на ее нежной щеке жестким воротником его сюртука.

— Какой ты дерзкий и грубый мальчик, Кларенс!— сказала она, спокойно закалывая волосы и расправляя

шляпку.— Где ты только набрался таких манер!— И, отойдя на безопасное расстояние, добавила все с той же скептической улыбкой в фиалковых глазах:— И, по-твоему, мама разрешила бы это, знай она, что ты себе позволяешь?

Но Кларенс, теперь уже окончательно ей подчинившийся и полный воспоминаний о недавнем поцелуе, возразил, краснея, что он хотел только придать их беседе менее натянутый характер, а кроме того, добиться также, чтобы их дружба — и даже их помолвка — была признана ее родителями; однако он, разумеется, следует ее совету. Только это опасно: если их секрет будет открыт, ее все равно отошлют назад в школу, а его изгонят не на два-три года, чтобы он мог убедиться в прочности своего чувства, но навсегда.

— В таком случае, Кларенс, мы можем тайно бежать вместе,— hladнокровно ответила юная барышня.— Это просто!

Кларенс был потрясен. Причинить подобное горе печальной, гордой и прекрасной миссис Пейтон, которую он обожал, и ее доброму мужу, которому он готовился оказать дружескую услугу? Эта чудовищная мысль ввергла его в такую растерянность, что он мог только пробормотать:

— Да, пожалуй.

— Но, конечно,— продолжала Сюзи, поглядывая на него из-под полей своей шляпки все с тем же притворным девичьим смущением, которое теперь было по меньшей мере неуместно,— тебе вовсе не обязательно бежать со мной, если ты этого не хочешь. Я отлично могу убежать одна — когда сочту нужным! Я уже не раз об этом думала. Ведь всякому человеческому терпению есть предел.

— Послушай, Сюзи, что тебя так мучит? — спросил Кларенс, виновато припомнив ее вчерашние намеки.— Дорогая! Скажи мне, в чем дело?

— Ах, ни в чем... во всем! Что толку объяснять — ты все равно не поймешь. Тебе это нравится — да, нравится, я знаю! Ведь это в твоём духе. Но это же так глупо, Кларенс, так ужасно! Мама весь день подсматривает за тобой, суетится вокруг, и эти вечные ее «де-

тсчка», «мамина голубка», и «что случилось, душенька?», и «расскажи своей родной мамочке» — будто я стану ей что-нибудь рассказывать! Моя родная мамочка — как бы не так! Я же знаю, Кларенс, что никакая она мне не родная. А папа думает только о своем противном, скучном ранчо и ничего не любит, кроме этой дикой пустыни. Нет, это еще хуже школы! Там-то хоть иногда можно что-то увидеть, кроме скота, лошадей и желтолицых метисов! А здесь — о господи! Просто чудо, что я до сих пор еще не убежала.

Как ни был Кларенс поражен и возмущен таким признанием и бессердечностью, с какой оно было сделано, — бессердечностью, которой он не замечал прежде в Сюзи, — он все же еще настолько находился под обаянием девушки, что предпочел увидеть в этом только новую капризную выходку и ответил с легкой улыбкой:

— Но куда же ты убежишь?

Сюзи склонила головку набок и бросила на него лукавый взгляд.

— У меня есть друзья и...

Она запнулась и выпятила хорошенькую нижнюю губку.

— И кто еще?

— И родственники.

— Родственники?

— Да. Старшая сестра моей матери — она живет в Сакраменто. Если я приеду к ней, она только обрадуется. Ее муж держит там театр.

— А миссис Пейтон что-нибудь знает об этом, Сюзи?

— Ничего! Неужели ты думаешь, что я ей расскажу, чтобы она откупила от них, как откупила от всех других моих близких? Или, по-твоему, я не знаю, что меня купили, словно какую-нибудь негритянку?

Ее лицо дышало негодованием, изящные ноздри раздувались, и все же Кларенсу почему-то опять показалось, что она только притворяется.

Где-то за деревьями послышался далекий оклик.

— Это Мэри. Она ищет меня, — невозмутимо сообщила Сюзи. — Тебе пора идти, Кларенс. Не мешкай! Помни, что я сказала, и никому ни слова! Прощай!

Но Кларенс продолжал стоять, все еще полный смятения, не зная, что ему делать. Потом он машинально повернулся и сделал шаг к тропинке.

— Кларенс!

Сюзи глядела на него с кокетливым упреком, ее полураскрытые губы улыбались. И он поспешил забыть и себя и все тревожные мысли, прильнув к ним, — и еще раз и еще. Но тут Сюзи быстро отстранилась и прошептала:

— Теперь иди!

И когда вновь раздался голос Мэри, Кларенс, углубляясь в чащу, услышал, как Сюзи звонко откликнулась:

— Я здесь, душечка!

Едва он вернулся к земляничному дереву и вскочил на своего коня, как на дороге послышался приближающийся стук копыт. Все еще расстроенный, не желая, чтобы его увидели так близко от места тайного свидания, он скрылся за деревьями, выжидая, пока всадник проедет. Вскоре мимо промчался Пейтон; его лицо было омрачено тревогой. Кларенс вовсе не хотел показываться своему хозяину или следовать за ним по пятам, но к немалому его облегчению тот свернул с дороги, которая вела через поле прямо к усадьбе, и направился к коралю.

Спустя мгновение Кларенс вернулся на дорогу и вскоре уже ехал между густыми зарослями овсяга среди длинных предвечерних теней. Он ехал неторопливо, погружившись в размышления, и вдруг вздрогнул: рядом с его ухом раздался легкий свист, и сбоку взвилась, как ему показалось, готовая ужалить змея. Он инстинктивно припал к холке коня, и когда тот метнулся с дороги в сторону, почувствовал рывок, и что-то грубое и колючее сползло по его спине и крупу коня на землю — петля лассо, сплетенного из конского волоса. Кларенс в недоговании натянул поводья и привстал на стременах. Но над колышущимися метелками никого не было видно, а внизу извивающаяся рюта скользнула около копыт коня и бесшумно исчезла, словно и впрямь была змеей. Выбрал ли его своей жертвой какой-то грубый шутник или это была ошибка тупоголового вакера? Во всяком случае, он не сомневался, что лассо принадлежало

одному из тех всадников, за которыми он наблюдал совсем недавно. Однако Кларенс был слишком занят своими мыслями, чтобы долго раздумывать над этим происшествием, и когда он подъехал к садовой ограде, оно было уже забыто.

ГЛАВА VI

Джим Хукер был только рад избавиться от докучливого присутствия Кларенса, однако, когда тот уехал, он не упустил случая подробнейшим образом описать фермеру и его семейству огромные богатства, влияние и высокое положение своего приятеля. Хотя планы Кларенса требовали тайны, Хукер не устоял перед соблазном и сообщил, что «Клар» Брант только что предлагал ему принять участие в колоссальном предприятии по скупке земли. Он уже как-то раз отказался от своей законной доли в прииске Кларенса (теперь-то она стоит миллиончик!) только потому, что «он такими делами не занимался». Однако вряд ли им нужно напоминать, что скупка земли в краях, где право на владение чаще всего неясно и не подтверждено судом, а жители не слишком-то считаются с законом, требует закалки, которую можно приобрести только в стычках с индейцами. Он ничего не утверждал прямо, но его угрюмый и многозначительный вид не оставил у них ни малейшего сомнения, что Кларенс явился сюда с единственной целью заручиться его услугами. На этой мрачной ноте он поутру распрощался с мистером и миссис Хопкинс, а также и с их дочерью Фебой — не без естественного волнения — и мирно погнал своих волов по дороге к поселку Фэр-Плейнс.

Он никак не ожидал, что его фантазии незамедлительно претворятся в действительность. Однако он не пробыл в Фэр-Плейнс и нескольких дней, как получил письмо от Кларенса; тот писал, что не имел времени вновь посоветоваться с Хукером, но тем не менее сдержал свое обещание и, воспользовавшись удобным случаем, купил «титул испанских сестер» на незанятые земли вблизи поселка. Поскольку они примыкают к участку Хопкинсов, Кларенс подумал, что Джим Хукер выберет

именно эту их часть ради столь приятного соседства. К письму он прилагает чек на банк в Сан-Франциско на сумму, которая позволит Джиму построить хижину и обзавестись необходимым инвентарем, и убедительно просит Джима рассматривать эти деньги как заем, который можно будет выплачивать по частям, после того как участок начнет приносить постоянный доход. Если же у Джима будут какие-нибудь затруднения, пусть он незамедлительно сообщит о них. Письмо завершалось очень по-кларенсовски: юношеская восторженность сочеталась в этом финале со зрелой мудростью:

«Желаю тебе удачи, Джим, но думаю, что только на нее полагаться не следует. Мне кажется, ничто не может помешать тебе стать независимым, если ты только будешь трудиться во имя большой цели, а не размениваться на мелочи ради немедленной выгоды. На твоём месте, старый друг, я на время выкинул бы из головы прерии и индейцев и, уж во всяком случае, перестал бы о них говорить: эти истории в конечном счете могут только повредить тебе. Те, кто им поверит, будут тебе завидовать, а те, кто не поверит, отнесутся к тебе с пренебрежением; а ведь если они усомнятся в твоих удивительных приключениях среди индейцев, то не станут полагаться на твоё слово и в более практических вопросах, что может оказаться для тебя значительной помехой в делах, а ведь теперь ферма должна стать для тебя самым главным».

Часа два после этого Джим испытывал к Кларенсу должную благодарность и даже попритих. Настолько, что его хозяин, которому он сообщил о своей удаче, откровенно признался, что верит ему только из-за этой невиданной скромности. К несчастью, и урок, который нетрудно было усмотреть в этом нелестном заявлении, и чувство признательности были способны укротить Джима лишь ненадолго. Он уже загорелся новой фантазией. Хотя участок, обозначенный в его купчей, всегда был (если не считать его собственной краткой остановки там) незанятым, невостребованным и никем не присвоенным, а его право на эту землю подкреплялось всеми необходимыми документами, он тем не менее с невозмутимой серьезностью собрал в Фэр-Плейнс отряд из трех-четырех бездельников, вооружил их за собственный счет и в са-
21. Брет Гарт. Т. 4.

мые глухие часы ночи воинственным и насильственным путем вступил во владение мирным участком, который уже был его собственностью благодаря прекраснодушной щедрости и ничуть не героичным долларам Кларенса Бранта. Бивуачный костер согрел победоносных воинов, продрогших на холодном ночном ветру, и они даже уснули на завоеванной земле, не выпуская оружия из рук. Когда взошло солнце, семейство Хопкинсов с изумлением обнаружило по ту сторону дороги укрепленный лагерь и вооруженных часовых. И только тогда Джим Хукер снизошел до того, чтобы объяснить, почему ему пришлось пустить в ход силу, чтобы занять собственный участок, — он обронил несколько загадочных фраз о засаде неведомых «поселенцев» и «хватунов», чьи атаки были отражены только благодаря их собственной отчаянной смелости. Нетрудно вообразить, какое впечатление произвел на фермершу и ее дочь этот романтический эпизод, придавший упоительный привкус опасности их собственной тихой и скучной жизни. Джим, по-видимому, сомневался в преданности и дисциплинированности своих подчиненных и на следующий же день рассчитал их — возможно, тут некоторую роль сыграли и не слишком тактичные вопросы, которые норвил задать им мистер Хопкинс. Однако, пока мирные плотники из поселка возводили ему хижину, он опять угрюмо расхаживал вокруг с двумя револьверами на поясе. Все это время он в качестве богатого и могущественного соседа столовался у фермера, который благодаря его присутствию мог теперь ничего не опасаться — как, впрочем, ничего не опасался и раньше.

Тем временем Кларенс, надлежащим образом уведомленный, что Джим стал отныне его арендатором, должен был выдержать тяжкое испытание. Его планы требовали, чтобы вышеупомянутое обстоятельство хранилось пока в тайне, а для такого прямодушного и бесхитростного человека, как он, это было нелегко. Один раз он мимоходом упомянул, что встретился в поселке с Джимом, но Сюзи отнеслась к этому известию с таким холодным равнодушием, а миссис Пейтон — с таким явным неудовольствием, что он больше ничего не сказал. Он не раз сопровождал Пейтона в его объездах, узнал все подробности о границах ранчо, а также о спорных землях, за-

хваченных врагом, и с бьющимся сердцем, хотя и безмолвно, слушал судью, которому не удавалось скрыть своих опасений.

— Видите, Кларенс, вон ту нижнюю террасу? — сказал он, указывая на равнину, уходившую за коралем вдаль. — Она тянется от моего коралля до Фэр-Плейнс. Держатели «сестринского титула» претендуют именно на нее, и при настоящем положении вещей в случае раздела земли она будет отдана им. Плохо уже и то, что лучшие пастбища у самого коралля окажутся в руках мерзавцев, которые потребуют за них непомерно высокую цену, однако я боюсь, как бы дело не приняло еще более скверный оборот. Согласно прежнему межеванию, эти террасы, находящиеся на различных уровнях, позволяли делить собственность по естественным границам — один наследник или его арендатор забирал одну террасу, другой — другую, и не нужно было ни возводить изгороди, ни ставить межевые знаки, что несколько не смущало людей, которые либо находились между собой в близком родстве, либо свято блюли патриархальные обычаи старины. И вот это-то прежнее разделение они и стараются восстановить теперь.

— Так вот, — продолжал Пейтон, внезапно обращая взгляд на покрасневшего молодого человека с бессознательной благодарностью за его молчаливый интерес, — хотя граница моей земли уходит на полмили дальше, мой дом, сад и кораль находятся на той же террасе, что и эта равнина.

Кларенс мог своими глазами убедиться в правоте его слов, а Пейтон тем временем объяснял:

— Если решение будет вынесено в пользу этих людей, они незамедлительно предъявят права на этот дом и все остальное, что расположено на этой террасе.

— Но как же так? — быстро спросил Кларенс. — Вы ведь говорили, что их титул валиден только в тех случаях, когда либо они сами, либо те, кто перекупил у них титул, вступили во владение. А вы уже владеете усадьбой. И отнять ее у вас они могут только силой.

— Вот именно, — мрачно согласился Пейтон. — И пока я жив, они не осмелятся прибегнуть к силе.

— Но все-таки,— продолжал Кларенс с прежней непонятной нерешительностью,— почему вы не купили право на владение хотя бы той землей, которая находится в таком опасном соседстве с вашим домом?

— Потому что она находилась в руках поселенцев, и они, естественно, предпочли купить у этих мошенников титул, который, возможно, признают законным, а не продать мне захваченные ими участки по честной цене.

— Но почему бы вам не откупиться и от тех и от других?

— Мой милый Кларенс, я вовсе не Крез и не дурак. А только Крез и дурак стал бы о чем-то договариваться с этими мерзавцами: ведь они, несомненно, тут же потребовали бы, чтобы человек, который больше всех заинтересован в их поражении, выкупил у них все спорные земли по установленной ими цене.

Он отвернулся с некоторым раздражением. К счастью, он не заметил, что Кларенс побагровел от смущения и что по его лицу скользнула нервная улыбка.

После свидания в лесу Кларенсу ни разу не представился случай расспросить Сюзи подробнее о ее таинственной родственнице. Он почти не сомневался, что если она и не абсолютный миф, то, уж во всяком случае, не питает к племяннице особенно горячих чувств, однако недовольство, породившее эту выдумку, и опрометчивые выходки, к которым оно могло привести, были в достаточной мере реальными.

Вдруг Сюзи сделает что-нибудь непоправимое? Кларенс был бы рад узнать, известно ли что-нибудь Мэри Роджерс. Но его щепетильные понятия о лояльности не позволяли ему обсуждать с Мэри секреты ее подруги, хотя ему иногда и чудилось, что темные глаза Мэри останавливаются на нем с многозначительным и печальным выражением. Однако он был далек от истины: источником этих романтических взглядов было глубокое убеждение Мэри, что Сюзи вовсе не достойна его любви. Однажды утром вакеро, привозивший почту из Санта-Инес, вернулся на ранчо раньше обычного и, таким образом, опередил девушек, которые до сих пор обязательно встречали его у садовой ограды. На этот раз сумка с почтой была вручена миссис Пейтон в при-

существовании всех остальных, и девушки тревожно переглянулись. Затем Мэри, словно поддавшись детскому нетерпению, шаловливо схватила сумку, раскрыла ее и заглянула внутрь.

— Только три гисьма для вас, — сказала она, передавая Кларенсу три конверта и бросая на него выразительный взгляд, которого он не понял. — А нам с Сюзи — ничего.

— Но как же... — начал было простодушный Кларенс, увидев, что одно из писем адресовано Сюзи. — Вот это...

Сильный щипок за локоть, который находился ближе к Мэри, заставил его умолкнуть, и он поспешно сунул конверты в карман.

— Разве вы не поняли, что Сюзи не хочет, чтобы ее мама видела это письмо? — с досадой спросила Мэри, едва они остались наедине.

— Нет, — коротко ответил Кларенс, протягивая ей злополучное послание.

Мэри взяла его и повертела в пальцах.

— Почерк на конверте мужской, — сказала она, словно невзначай.

— Я не заметил, — отозвался Кларенс с несокрушимой наивностью. — Но, возможно, вы и правы.

— И вы отдаете его мне для Сюзи и вам нисколько не интересно, от кого оно?

— Нет, — улыбнувшись и широко открыв свои большие глаза, сказал Кларенс виноватым тоном.

— Ну уж! — воскликнула юная барышня, испутив вздох меланхолического изумления. — Вы... вы... право же, другого и не скажете! — И с этим загадочным высказыванием, которое ей самой, по-видимому, было совершенно ясно, она удалилась. Она не имела ни малейшего представления, от кого было письмо, и знала только, что Сюзи не хочет, чтобы оно попало в посторонние руки.

Этот эпизод оставил Кларенса равнодушным, хотя отнюдь не рассеял того беспокойства, которое внушала ему теперь подруга детства. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что причина его тревоги — она сама, что именно она оказалась единственным диссонансом в той аркадийской гармонии, которая рисовалась его вообра-

жению столь сладостной. В тех своих мечтах он опасался только миссис Пейтон — миссис Пейтон, чье кроткое общество теперь дарило ему лишь бодрость и спокойствие. Она была достойна любой жертвы, которую он мог бы ей принести. Последние два-три дня он видел ее редко, хотя она по-прежнему встречала его ласковой улыбкой. Бедный Кларенс даже не подозревал, что миссис Пейтон, подметив в поведении барышень и его собственном некоторые неопровержимые признаки и доказательства, сочла его неопасным и прекратила наблюдение за ним и что к тому же она смирилась с равнодушием Сюзи, которое, по-видимому, распространялось на всех, и поэтому ее больше не мучила ревность.

Оставшись днем в одиночестве и скучая, молодой человек вышел из патио по длинному сводчатому проходу через задние ворота дома. На ранчо, хотя и в умеренной форме, соблюдалась испанская сиеста. После полдника и хозяева и слуги обычно отдыхали — не столько из-за дневной жары, сколько из-за пассата, монотонно свистевшего за стенами в эти часы. Вблизи ворот на ветру билась плеть страстоцвета. Кларенс остановился неподалеку и устремил рассеянный и тревожный взгляд на колышущуюся равнину, но тут его окликнул тихий голос.

Это был очень приятный голос — голос миссис Пейтон! Кларенс оглянулся на ворота, но там никого не было. Он быстро посмотрел направо и налево — никого.

Снова послышался тот же голос и музыкальный смех — они, казалось, доносились из-за страстоцвета. Ах, вот оно что! В стене, полуприкрытое плетями страстоцвета, виднелось длинное и узкое окно, напоминавшее амбразуру; оно было забрано обычной испанской решеткой, а за ней, словно поясной портрет в раме, стояла миссис Пейтон, которая казалась еще красивее обычного из-за живописной игры света и теней.

— У вас был такой утомленный и скучающий вид, — сказала она. — Боюсь, что на ранчо вам нечем развлечься. И, конечно, созерцание этой равнины может только навести уныние.

Кларенс поспешил возразить ей, и когда он отвел

ветку, загораживавшую окно, миссис Пейтон могла заметить в его глазах живейшую радость.

— Если вы не боитесь соскучиться еще больше, то, может быть, зайдеге поболтать со мной? Вы, кажется, еще не бывали в этом крыле дома — в моей гостиной? Пройти нужно через холл, открывающийся на галерею. Впрочем, Лола или Анита вас проводят.

Кларенс вернулся в патио и быстро отыскал холл — узкий сводчатый коридор, похожий на туннель; царивший там сумрак казался еще гуще оттого, что в конце виднелось слепящее белое пятно двора. Контраст был резким и болезненным для глаз; пятно это окаймлялось чернотой — наружный свет оставался у порога и не проникал за него. Из двери, полуоткрытой где-то в этом монастырском сумраке, доносилось теплое благоухание вербены и сухих розовых лепестков. Руководствуясь им, Кларенс вскоре очутился на пороге низкой сводчатой комнаты. Еще два узких окна-амбразуры, подобных тому, которое он только что видел, и четвертое — широкое, с частым переплетом (все задержанные кисейными занавесками), наполняли комнату ясным, но таинственным полусветом, который казался присутствующим только ей. Стены выглядели бы угрюмыми, если бы не книжные полки с радужной бахромой, уставленные прелестными безделушками. Низкие кресла и кушетка, легкие столики и миниатюрное бюро, пестрые рабочие корзинки с клубками шерсти и загадочным калейдоскопом всяческих лоскутков и, наконец, вазы с цветами придавали помещению вид изысканный и уютный. В живописной небрежности обстановки чувствовался изящный женский вкус, и даже прелестный пеньюар из японского шелка, собранный у пояса и ниспадающий красивыми складками к туфелькам грациозной хозяйки этого чарующего хаоса, казался неотъемлемым от царившей здесь атмосферы утонченной непринужденности.

Кларенс стоял в нерешительности, словно у дверей храма, скрывающего святыню. Но миссис Пейтон собственноручно освободила для него место на кушетке.

— По этому беспорядку, мистер Брант, вы без труда догадаетесь, что я провожу здесь большую часть дня и что мне редко приходится принимать тут гостей. Ми-

стер Пейтон иногда заглядывает сюда на срок, достаточный, чтобы споткнуться о скамеечку или опрокинуть вазу, а Мэри и Сюзи, мне кажется, избегают этой комнаты из опасения, что в одной из корзинок их поджидает работа. Но здесь хранятся мои книги, и днем, укрывшись за этими толстыми стенами, можно забыть об ужасных, непрестанных ветрах. Вы только что неразумно предали себя в их власть в ту минуту, когда были охвачены тревогой, беспокойством или просто апатией. Поверьте, это большая ошибка. Я не раз говорила мистеру Пейтону, что бороться с этими ветрами так же бесполезно, как с людьми, родившимися под их завывание. По моему глубокому убеждению, назначение этих ветров заключалось в том, чтобы расшевелить ленивый род здешних полукровок, но нас, англосаксов, они способны довести до иступления. Вы не согласны? Впрочем, вы молоды, полны энергии, и, возможно, они бесильны против вас

Миссис Пейтон говорила любезно, даже шутливо, и все же какая-то нервность в ее голосе и манерах, казалось, подтверждала ее теорию. Во всяком случае, Кларенс, чутко улавливавший малейший оттенок ее настроения, был живо тронут. Пожалуй, нет чар могущественнее, нежели убеждение, что мы знаем и понимаем, какое горе томит тех, перед кем мы преклоняемся, и что это наше преклонение выше и благороднее того восхищения, которое внушает просто красота или сила. Сидевшая перед ним пленительная женщина страдала! Мысль об этом всколыхнула всю его рыцарственность. И, боюсь, побудила его излить свою душу.

Да-да, он это знает! Ведь и он в течение трех лет жил под ударами этих бичей воздуха и неба — один на испанском ранчо, окруженный только пеонами, местными уроженцами, лишенный возможности говорить на родном языке даже со своим опекуном. Утром он скакал по таким же полям, как здесь, пока не поднимались *vientos generales*, как называют пассат мексиканцы, и не доводили его почти до нервного припадка; и тогда он прибегал к единственному спасительному средству: искал приюта в библиотеке своего опекуна и забывал среди книг весь мир — вот как она.

На губах миссис Пейтон мелькнула улыбка, и Кларенс внезапно умолк, вспомнив пропасть, разделявшую их прежде; да, конечно, такая претензия на общность чувств и впечатлений не могла не показаться ей дерзкой фамильярностью, и он покраснел. Однако миссис Пейтон была, по-видимому, очень заинтересована его рассказом, и его смущение несколько рассеялось. Она сказала:

— Значит, вы хорошо понимаете этих людей, мистер Брант? Боюсь, что мы их совсем не знаем.

За последние несколько дней Кларенс сам успел прийти к такому заключению и теперь с обычной своей импульсивностью и прямотою высказал это. Слегка нахмурившийся лоб миссис Пейтон тут же разгладился, когда он поспешил объяснить, что настоящее положение вещей чрезвычайно осложнило отношения Пейтона с местными жителями и обе стороны не могут судить друг о друге справедливо и беспристрастно. Ведь эти люди доверчивы и простодушны, будто дети, и поэтому легко озлобляются, когда сталкиваются с бездушным обманом, ложью и коварством. И вот они видят, как чужеземцы захватывают их жилища и землю, как их религия и обычаи становятся предметом презрения и насмешек, а их патриархальное общество рушится под натиском бессердечной цивилизации и грубой силы, возвращенной жизнью в дикой глуши. Кларенс говорил увлеченно, с глубочайшим убеждением, подкрепляя свои слова примерами, почерпнутыми из собственного опыта. Миссис Пейтон внимательно слушала его, но, как это свойственно женщинам, интересовалась не столько темой разговора, сколько собеседником.

Каким образом грубый и угрюмый мальчишка, которого она знала когда-то, сумел обрести эту чуткость и деликатность, эту ясность восприятия и суждений, этот редкий дар красноречия? Не мог же он таить в себе подобные качества в те дни, когда был товарищем слуг ее мужа и приятелем отвратительного Хукера. Нет, конечно, нет! Но если он так чудесно переменился, почему это не может произойти и с Сюзи? Миссис Пейтон с чисто женским консерватизмом так и не сумела полностью заглушить в себе опасения, что наследствен-

ные инстинкты ее приемной дочери окажутся сильнее воспитания, но пример Кларенса ободрил ее и утешил. Быть может, перемена просто замедлилась, быть может, то, что сейчас кажется ей равнодушием и холодностью, на самом деле всего лишь какие-то странные, но необходимые условия подготовки этой перемены? Однако она только улыbnулась и сказала:

— Раз, по вашему мнению, эти люди стали жертвой несправедливости, значит, вы на их стороне, а не на нашей, мистер Брант?

Человек, более умудренный годами и опытом, решил бы — и наверное, с полным на то основанием, — что упрек этот всего лишь кокетливая шутка, но Кларенса он ранил глубоко и заставил излить давно сдерживаемые чувства:

— Вы не причинили им ни малейшей несправедливости. Вы не способны на это. Подобные поступки глубоко чужды вашей натуре. Я на вашей стороне, миссис Пейтон, и вы, как и все ваши близкие, всегда можете на меня рассчитывать. С той самой минуты, когда я впервые увидел вас в прериях, когда ваш супруг привел меня, маленького оборвыша, к вам, я всегда был готов отдать жизнь, лишь бы оградить вас от беды. Теперь я могу сказать вам, что отчаянно завидовал бедняжке Сюзи — так жаждал я хоть чуточки вашего внимания, хотя бы на миг. Вы могли бы сделать со мной все, что вам заблагорассудилось бы, и я был бы счастлив — гораздо более счастлив, чем мне довелось быть с тех пор. Я признался вам в этом теперь, миссис Пейтон, потому что вы усомнились, на вашей ли я стороне, но я давно уже мечтал высказать вам это, заверить вас в своей готовности сделать все, что бы вы ни пожелали — все, все! — и быть на вашей стороне и подле вас и теперь и всегда!

Кларенс был так увлечен, так серьезен, а главное, так ужасающе и блаженно счастлив, дав наконец волю своим чувствам, он улыбался так естественно и непридуманно, с такой смешной наивностью забыв о своих двадцати двух годах и каштановых вьющихся усиках, смотрел на нее с таким огнем в грустных, молящих глазах и так влюбленно протягивал к ней руки, что миссис Пейтон сперва окаменела, затем покрасне-

ла до корней волос и, наконец, быстро оглянувшись, поднесла к лицу носовой платок и рассмеялась, как юная девушка.

Однако Кларенса это ничуть не обескуражило — решив, что иначе она и не могла встретить его слова, он искренне присоединился к ее смеху и добавил:

— Все это правда, миссис Пейтон, и я рад, что открылся вам. Вы не сердитесь?

Однако миссис Пейтон уже опять стала серьезной, и, быть может, в ее душе вновь шевельнулись прежние опасения.

— Разумеется, я никак не могу возражать, — сказала она, строго взглянув на него, — против того, чтобы симпатию к подруге вашего детства вы распространили и на ее родителей, как не могу возражать и против того, чтобы вы были с ними не менее откровенны, чем с ней.

Его выразительное лицо омрачилось, счастливая улыбка исчезла. Это испугало миссис Пейтон и привело ее в недоумение. Упоминание имени любимой не могло так смутить влюбленного, и подобная перемена говорила скорей о нечистой совести. Если его импульсивная речь была бессознательно (или даже сознательно) продиктована страстью к Сюзи, почему он был так потрясен, когда она назвала ее имя?

А Кларенс, чье волнение объяснялось тем, что он внезапно вспомнил, как Сюзи обманывает женщину, устремившую сейчас на него испытующий взор, готов был покончить с ненавистной для него ложью и открыть все. Быть может, если бы взгляд миссис Пейтон стал мягче, он так и поступил бы, существенно изменив ход этого повествования. Но, к счастью, дорогой читатель, человеческие слабости нередко приходят на помощь романтисту, и Кларенс, руководствуясь только инстинктивной симпатией юности к юности, противостоящей зрелости и опыту, не воспользовался этой минутой, тем самым избавив автора настоящей хроники от большого затруднения.

Однако чтобы замаскировать свое смущение, он поспешил высказать другую, давно занимавшую его мысль и пробормотал:

— Сюзи! Да, да! Я хотел поговорить с вами о ней. Миссис Пейтон затаила дыхание, но молодой чело-

век продолжал, хотя и запинаясь, но с видимой искренностью:

— Вы поддерживали отношения с кем-нибудь из ее родственников с тех пор... с тех пор, как вы ее удочерили?

Вопрос этот казался вполне естественным, хотя миссис Пейтон и ожидала совсем другого.

— Нет,— ответила она равнодушно.— Ближайшая ее родственница — жена ее покойного дяди — дала письменное согласие на удочерение Сюзи, и само собой разумелось, что всякие дальнейшие отношения между ними полностью прекратятся. Нам возвращение к прошлому не казалось необходимым, а Сюзи никогда не высказывала подобного желания.

Она помолчала, вновь устремив на Кларенса пронизательный взгляд красивых глаз:

— А вы знакомы с кем-нибудь из них?

Однако Кларенс к этому времени достаточно овладел собой и сумел непринужденно и с полной искренностью ответить отрицательно. Миссис Пейтон, все еще не спуская с него глаз, добавила не без умысла:

— Впрочем, теперь это не имеет ни малейшего значения. До ее совершеннолетия ее законными опекунами являемся мы с мистером Пейтоном, и мы без труда сумеем оградить ее от опрометчивости, как ее собственной, так и других, или от глупеньких фантазий, которые порой свойственны молоденьким и неопытным девушкам.

К величайшему изумлению миссис Пейтон, Кларенс, выслушав ее, испустил несомненный вздох облегчения, и на его лице вновь засияла счастливая мальчишеская улыбка.

— Я этому очень рад, миссис Пейтон,— от души произнес он.— Кто лучше вас способен понять, что полезнее для нее при любых обстоятельствах? То есть я вовсе не хочу сказать,— прибавил он поспешно, соблюдая лояльность по отношению к подруге детства,— что считаю ее способной пойти наперекор вашим желаниям или совершить заведомо дурной поступок. Но она же так молода и наивна! И совсем еще дитя — не правда ли, миссис Пейтон?

Было забавно и все же странно слушать, как этот

наивнейший юноша рассуждает о наивности Сюзи. К тому же Кларенс говорил с глубочайшим убеждением, так как в присутствии миссис Пейтон успел совершенно забыть, что еще совсем недавно Сюзи показалась ему взрослой женщиной, гораздо старше его самого. Однако миссис Пейтон продолжала вести наступление на прежние позиции Кларенса, какими они ей представлялись.

— Да, возможно, она выглядит несколько более юной в сравнении с Мэри Роджерс, гораздо более сдержанной и спокойной девушкой. И все же Мэри очаровательна, мистер Брант, и я в восторге, что она гостит у нас. Какие у нее чудные темные глаза и какие прекрасные манеры! Она получила превосходное воспитание, и нетрудно заметить, что ее родные принадлежат к самому избранному обществу. Я собираюсь написать им, поблагодарить их и попросить, чтобы они разрешили ей остаться у нас подольше. Вы, кажется, говорили, что незнакомы с ними?

Однако Кларенс, внимательно и с восторгом разглядывавший изящные вещицы, придававшие будую такую прелесть, при этих словах с виноватым видом посмотрел на красавицу хозяйку и произнес «нет» с таким непритворным равнодушием, что она снова растерялась. Мэри его не интересовала — это было очевидно.

Миссис Пейтон решила пока больше ни о чем его не расспрашивать, и беседа вскоре коснулась книг, разбросанных по столикам. Оказалось, что молодой человек знает их гораздо лучше, чем она, и столь же свободно рассуждает о других, ей вовсе не известных. Она с удивлением заметила, что черпает новые сведения у этого мальчика, который, впрочем, теперь словно повзрослел и говорил уже совсем иным тоном, веско, как человек, прекрасно знающий предмет. Нет, в своем деревенском уединении она решительно отстала от века! Таковы плоды одиночества, подумала она с горечью, плоды того, что муж вечно занят делами ранчо, а Сюзи — своими легкомысленными капризами. Прошло каких-нибудь восемь лет, и бывший пастушонок ее мужа знает больше, чем она, этот воспитанник католических монахов спокойно поправляет ее ошибки во французском

языке! Нет, это нестерпимо! Наверное, он даже на Сюзи смотрит сверху вниз! Миссис Пейтон улынулась любезной, но опасной улыбкой.

— Как вы, наверное, прилежно трудились, мистер Брант, чтобы из полного невежды стать таким образованным человеком! Ведь, по-моему, когда мы вас приютили, вы даже не умели читать. Ах, нет? Неужто умели? Я знаю, как трудно было Сюзи догнать своих сверстниц. Нам пришлось потратить столько сил, чтобы сперва отучить бедняжку от привычек, манер и выражений, которых она набралась от тех, кто ее окружал, — и не по своей вине, разумеется. Но, конечно, для мальчика это не имеет такого значения, — добавила она с кошачьей мягкостью.

Однако все эти ядовитые стрелы не задевали молодого человека, и он продолжал улыбаться в блаженном неведении.

— Да-да! Но все же это были счастливые дни, миссис Пейтон, — к вящей ее досаде, ответил он с прежним мальчишеским энтузиазмом. — Может быть, именно благодаря нашему невежеству. Я не думаю, что мы с Сюзи стали счастливее, узнав, что прерия вовсе не такая плоская, как нам казалось, и что солнцу вовсе не приходится выжигать в ней дыру, когда оно заходит по вечерам. Но одно я знаю: тогда я был твердо убежден, что вы знаете все на свете. Раз я увидел, как вы улыбались, читая книгу, и решил, что эта книга не может быть похожа на те, которые мне приходилось видеть, и что она, наверное, изготовлена специально для вас. Я до мельчайших подробностей помню, какой вы были тогда. И знаете, — доверчиво признался он, — вы напоминали мне, только, конечно, вы были гораздо моложе... вы напоминали мне мою мать.

Однако вежливое «неужели?», которое обронила миссис Пейтон, прозвучало довольно холодно и более чем сдержанно. Кларенс быстро вскочил, но посмотрел вокруг долгим, грустным взглядом.

— Как-нибудь загляните ко мне еще, мистер Брант, — сказала хозяйка, смягчаясь. — Если вы намерены сейчас совершить верховую прогулку, то, может быть, поедете навстречу мистеру Пейтону? Он уже задержался, а я всегда беспокоюсь, когда он уезжает один, да

еще на одном из этих полудиких животных, которые считаются здесь верховыми лошадьми. Вам приходилось ездить на них и прежде, так что вы их понимаете, но, боюсь, мы должны еще научиться также и этому.

Когда молодой человек вновь увидел слепящий блеск солнца снаружи, беседа в затененном будуаре уже казалась ему прекрасным сном. Буйный ветер, который усиливался по мере того, как удлинялись тени, грубо вернул его к действительности. Он словно развеял сладостную безмятежность, овладевшую его душой, и заставил трезво признать, что он не сделал ничего, чтобы его отношения с Сюзи могли стать более легкими. Он упустил неповторимую возможность довериться миссис Пейтон — если у него действительно было такое намерение. Теперь же подобная исповедь будет означать признание в прямом и умышленном обмане.

Он раздраженно направился к конюшне, но тут его внимание привлекли возбужденные голоса, раздававшиеся в корале. Заглянув за ограду, Кларенс с тревогой заметил, что вакеро толпятся вокруг своего товарища, который держит за повод задыхающегося, взмыленного коня, с ног до головы покрытого пылью. Но, несмотря на корочку пыли и засохшей пены, несмотря на сбившийся потник, Кларенс сразу узнал норовистого игреневого мустанга, на котором Пейтон отправился в свой утренний выезд.

— Что случилось? — спросил Кларенс, оставаясь в воротах.

Вакеро расступались и обменялись быстрым взглядом. Один из них быстро сказал по-испански:

— Ему ничего не говорите. Это — домашнее дело.

Но этого было достаточно, чтобы Кларенс очутился среди них с быстрогой пушечного ядра.

— Довольно! Что это еще такое, пьяные ослы? Отвечайте!

И они не посмели противиться властному голосу, уверенно говорившему на их языке.

— Хозяина... может быть... сбросила лошадь, — пробормотал тот же вакеро. — Она вернулась, а он — нет. Мы идем сказать сеньоре.

— Не смей! Глупцы, упрямые мулы! Или вы хотите насмерть испугать ее? Все на коней и следуйте за мной!

Вакеро колебались всего мгновение. Кларенс располагал огромным запасом всевозможных испанских эпитетов, бранных слов и выражений, сохранившихся в его памяти с дней клеймения скота в «Эль Рефухио», и теперь он пустил их в ход с таким пылом и меткостью, что два-три мула, чья совесть, вероятно, была нечиста, бросились не в ту сторону и в испуге прижались к ограде коралья. Через секунду все вакеро поспешно вскочили на коней и во главе с Кларенсом помчались по дороге на Санта-Инес. Затем он разослал их веером в поле, по обе стороны от дороги, а сам поехал посредине.

Искать им пришлось недолго. Едва они достигли пологого склона, уходявшего ко второй террасе, Кларенс, подчиняясь столь же неодолимому, как и непонятному инстинкту, который последние несколько минут все более властно овладевал им, приказал всадникам остановиться. Каса и кораль уже исчезли из виду — это было то самое место, где несколько дней назад на него чуть было не набросили лассо. Теперь он приказал вакеро медленно ехать к дороге, а сам продолжал путь, не спуская глаз с земли. Внезапно он придержал коня. Здесь на сухой растрескавшейся глине виднелись какие-то следы. А вот и выбоина, несомненно, оставленная копытом вставшей на дыбы лошади. Когда Кларенс нагнулся, чтобы рассмотреть следы, справа раздался крик, и тот же странный инстинкт подсказал ему, что Пейтона нашли.

Судья лежал среди метелок овсюга справа от дороги; он был мертв и почти неузнаваем. Его одежда — то, что от нее осталось, — была частично вывернута наизнанку, плечи, шея и лицо представляли собой бесформенную массу засохшей грязи и тряпья, напоминавшую покровы мумии. Его левый сапог исчез. Крупное тело обмякло и стало каким-то дряблым — казалось, его поддерживают не кости, а только заскорузлые от глины лохмотья.

Кларенс внезапно поднял голову и посмотрел на стоящих вокруг вакеро. Один из них уже поскакал прочь.

Кларенс тут же взлетел на своего коня, прищипорил его, выхватил револьвер и выстрелил, целясь над головой удалявшегося всадника. Тот обернулся, увидел, кто за ним гонится, и натянул поводья.

— Вернись! — приказал Кларенс. — Или в следующий раз я выстрелю не в воздух.

— Я хотел только известить сеньору, — ответил ваке-ро, пожимая плечами и вымученно улыбаясь.

— Это я сделаю сам, — угрюмо ответил Кларенс, возвращаясь с ним к безмолвному кругу.

Затем, обведя их взглядом, он сказал медленно, со жгучей и невеселой иронией:

— Так вот, достойные господа, рыцари, сражающиеся с быками, неустрашимые охотники на мустангов, я намерен сообщить вам, что мистер Пейтон был убит и что, если только его убийца еще не в аду, я разыщу его и рассчитаюсь с ним. Отлично! Я вижу, вы меня поняли. А теперь поднимите тело — вы двое беритесь за плечи, а вы двое — за ноги. Ваших лошадей пусть ведут сзади — я приказываю вам отнести вашего хозяина в его дом на руках и пешком. Вперед! Вернемся к коралю боковой тропы. Если кто-нибудь ослушается или отъедет в сторону, то... — И он угрожающе поднял револьвер.

Если перемена в мертвеце, которого они несли, была устрашающей, то не менее явной и зловещей показалась им перемена, происшедшая за последние несколько минут в том, кто обратился к ним с этой речью. Перед ними был уже не прежний юный Кларенс, а суровый, безвременно постаревший, грозный мститель с осунувшимся лицом и ввалившимися глазами; под каштановыми усами поблескивали зубы, а из полураскрытых посережних губ вырывалось учащенное дыхание.

Процессия медленно двигалась вперед, но двое ваке-ро, ведущие лошадей, все же немного отстали.

— Мать божья! Кто этот волчонок? — спросил Мануэль.

— Ш-ш-ш! Разве ты не слышал? — в ужасе прошептал его товарищ. — Это сын Хэмильтона Бранта, убийцы, дуэлянта — того, кого расстреляли в Соноре. — Он быстро перекрестился. — Иисус-Мария! Пусть остерегутся виновные, ведь в нем течет кровь его отца!

Неизвестно, о чем еще говорил Кларенс со слугами Пейтона, ибо они сохранили это в тайне. Все же остальные объясняли гибель судьи Пейтона тем, что полуобъезженный мустанг сбросил своего седока и проташил его по земле, а врач, спешно призванный из Санта-Инес после того, как труп был перенесен в кораль и освобожден от гнусной оболочки, объяснил, что у судьи была сломана шея и он скончался мгновенно. Всякое иное расследование было сочтено излишним.

По решению Кларенса сообщить страшную вест миссис Пейтон выпало Мэри, и испуганная девушка была до того поражена переменой в нем и новой властью его манер, что не только не отказалась, но даже не сразу поняла, какое ужасное несчастье их постигло. Когда первое оцепенение миновало, миссис Пейтон прониклась странным лихорадочным волнением, порождаемым необходимостью что-то предпринимать и что-то делать, а затем впала в то безучастное спокойствие, в котором посторонние так часто и несправедливо усматривают бессердечие, равнодушие или притворство. Но и эта смерть несла с собой странную компенсацию, как часто бывает при внезапных катастрофах, когда рушится неустроенная жизнь, смутные предположения невольно воплощаются в действительность, отмечаются прежние привычки и традиции и рвутся полусознанные узы. Миссис Пейтон, хоть это и не смягчало ее горя и не бросало тени на ее чувствительность, тем не менее испытывала облегчение при мысли, что отныне она становится полноправной опекушкой Сюзи, свободной устроить их новую жизнь так, как ей покажется наилучшим, и что она может избавиться от этого дома, который в отсутствие Сюзи всегда был ей тягостен и который Сюзи не выносила. Теперь она могла сама, не слушая ничьих советов и не встречая противодействия, тут же решить вопрос об отношениях Кларенса и ее дочери. У нее в восточных штатах остался брат, и она собиралась вызвать его и поручить ему устройство своих имущественных дел. Вот так заботы о живых отвлекали ее в то время, когда присутствие по-

койника наполняло благоговейным ужасом притихший дом; вот чем были заняты ее мысли, когда она стояла рядом с гробом и поправляла цветы на неподвижной груди, которую уже не могли тронуть эти суетные мелочи; и о том же продолжала она думать в уединении своей сумрачной комнаты.

В отличие от миссис Пейтон Сюзии вела себя точно-точно как положено при подобных обстоятельствах и являла собой образец убитой горем дочери. Когда в дом съехались соболезнующие друзья из Сан-Франциско и немногочисленные соседи, именно она трогательно живописала бесконечную доброту покойного по отношению к ней и свою собственную вечную к нему любовь, именно она вспоминала его слова, которые можно было истолковать как зловещие предзнаменования, и собственные свои тревожные предчувствия, рожденные ее неизменной дочерней тревогой за него; именно она в тот роковой день поспешила домой, охваченная смутным страхом перед неведомым надвигающимся несчастьем; именно она рисовала Пейтона нежным, необыкновенно снисходительным отцом—портрет, в котором Мэри Роджерс не сумела узнать оригинала и который живо напомнил Кларенсу ее детские рассказы о том, как она якобы присутствовала при нападении индейцев на фургон ее родителей. Я отнюдь не хочу сказать, что Сюзии была совсем неискренна и просто разыгрывала роль; порой у нее начинались легкие истерические припадки, вызванные вторжением в ее однообразную жизнь этого подлинно трагического события, а также вниманием к ней всех знакомых, интересом к ее страданиям, как единственной дочери, и новым положением наследницы ранчо Роблес. Если слезы ее и могли показаться дешевыми, они, во всяком случае, были вполне настоящими и туманили ее фиалковые глаза и заставляли краснеть ее хорошенькие веки столь же успешно, как если бы их вырвало у нее самое безысходное горе. Черное платье придавало ее фигуре величавое достоинство, а нежному личику — благородную бледность печали. Даже Кларенс был расстроган, хотя после взрыва бешеного гнева у тела своего старинного друга и покровителя он теперь постоянно пребывал в состоянии мрачной подавленности и рассеянности.

Миссис Пейтон не заметила всей глубины происшедшей в нем перемены, хотя и была благодарна ему за безмолвную и бережную почтительность, с какой он отнесся к ее горю. Новая вспышка его мальчишеской импульсивности в такую минуту была бы ей неприятна. Однако она считала только, что он просто несколько повзрослел и стал более сдержанным, а его услуги — услуги единственного мужчины в ее доме — были ей пока совершенно необходимы.

Пейтона хоронили в Санта-Инес, куда съехалась вся округа, чтобы отдать последний долг своему бывшему согражданину и соседу, чьи судебные и боевые победы столь их восхищали, особенно теперь, когда смерть превратила его в видную общественную фигуру. Его близкие решили вернуться на ранчо в тот же день: миссис Пейтон и девушки ехали в одной карете, служанки — в другой, а Кларенс верхом. Они уже приближались к долине, когда Кларенс, немного опередивший кареты, вдруг заметил, что над метелками овсяга внезапно возникла странная фигура и принялась отчаянно махать ему руками. Приказав кучеру первой кареты остановиться, Кларенс поскакал к незнакомцу. К своему величайшему изумлению, он узнал в нем Джима Хукера. Хотя последний восседал на чрезвычайно мирной и неуклюжей лошадке, более привыкшей к плугу, нежели к седлу, он тем не менее по своему обычаю был вооружен до зубов. К луке его седла было приторочено большое ружье, а на поясе болтались нож и револьверы. Кларенсу было не до шуток, и он довольно резко осведомился, что, собственно, нужно от него Джиму.

— Черт подери, Кларенс, дело-то обернулось серьезно. Суд вчера утвердил «сестринский титул».

— Я это знал, душень! Это же твой титул. Ты ведь уже вступил во владение своим участком и поселился на нем. Какого дьявола тебя принесло сюда?

— Оно, конечно, так, — пробормотал Джим, запинаясь, — да ведь все ребята, получившие землю по этому титулу, съехали сюда «произвести раздел», как они выражаются, и захватить все, что удастся. Ну, и я отправился за ними. И узнал, что они решили захватить дом судьи Пейтона — дом-то ведь на той земле. А вас

никого не было, ну, они и захватили дом — и сейчас там. А я потихоньку выбрался и поехал тебе навстречу, чтобы предупредить.

Он замолчал, посмотрел на Кларенса, бросил мрачный взгляд по сторонам и обозрел свой арсенал. Несмотря на свою очевидную искренность, он, однако, не устоял перед соблазном использовать все возможности подобной ситуации.

— Это может стоить мне жизни, — пояснил он угрюмо и добавил, зловеще покосившись на свое оружие: — Но я дорого ее продам!

— Джим! — воскликнул Кларенс грозно. — Это опять твои выдумки?

— Нет, — торопливо ответил Джим. — Клянусь, что нет, Кларенс. Честное слово. И знаешь что? Я тебе помогу. Они не ждут вас так рано и думают, что вы поедете по дороге. Так если я подниму тревогу у короля, а вы пока проберетесь задками, может, вам удастся войти в дом — ведь они-то станут высматривать вас с другой стороны, понимаешь? Я подниму шум, а они пусть думают, что ты прознал про их затею и вернулся из Санта-Инес с отрядом.

Кларенс мгновенно сообразил, какую практическую выгоду можно извлечь из фантастических планов Джима.

— Отлично! — сказал он, горячо пожимая руку старого приятеля. — Возвращайся потихоньку назад, оставайся возле короля, а когда увидишь, что карета достигла верхней террасы, поднимай тревогу. Чем громче, тем лучше — в карете никого не будет, кроме слуганок.

Он быстро вернулся к передней карете, в окне которой виднелось спокойное лицо миссис Пейтон, глядевшей на него вопросительно. Он коротко сообщил ей о нападении и о своем плане.

— Вы были сильны и в худшие минуты, — добавил он тихо, — и я не сомневаюсь в вашем мужестве. Я прошу вас только довериться мне и немедленно вернуться в ваш дом. Ваше присутствие в нем сейчас абсолютно необходимо, что бы ни произошло позже.

Его уверенный и решительный тон убедили миссис

Пейтон, и она кивнула в знак согласия. Более того, в ее прекрасных глазах мелькнул гнев, тут же отразившийся и в глазах девушек: они задыхались от негодования, и щеки их пылали. Эти американки с западного побережья не собирались покорно смириться с подобной наглостью.

— Вам нужно выйти из кареты, прежде чем она достигнет гребня, и последовать за мной прямо через поле. Я рассчитываю,— добавил он, поворачиваясь к миссис Пейтон,— на окно вашего будуара.

Она кивнула: та же мысль пришла в голову и ей.

— Страстоцвет расшатал прутья,— сказал Кларенс.

— Если нет, нам придется протиснуться между ними,— спокойно ответила миссис Пейтон.

Перед подъемом Кларенс спешил и помог дамам выйти из кареты. Он приказал кучеру медленно ехать к коралю и остановиться перед домом, а свою лошадь привязал к задку второй кареты. Затем вместе с миссис Пейтон и девушками он скрылся в зарослях овсяга.

Там было жарко и пыльно, тонкие подошвы их ботинок скользили по рассыпающейся глине, а упругие стебли цеплялись за черный креп их платьев, но они не жаловались. О чем бы они ни думали, в эту минуту главным для всех было одно: любой ценой проникнуть в дом. Миссис Пейтон достаточно долго жила в этих краях и прекрасно знала магическую силу «владения». Сюзи уже не была девочкой и испытывала чисто женский ужас при мысли, что чужие руки кощунственно коснутся ее вещей. Кларенс, который яснее остальных представлял себе истинное положение, был исполнен той же безмолвной решимости, а Мэри Роджерс черпала воодушевление в своей преданности друзьям.

Внезапно со стороны короля до них донеслись жуткие вопли, и они остановились. Но Кларенс немедленно узнал боевой клич Джима Хукера — куда более ужасный и свирепый, чем подлинный клич индейцев, которому тот пытался подражать. И шесть выстрелов, прогремевших вслед за тем, были, несомненно, произведены дружеской рукой того же Джима.

— Пора! — воскликнул Кларенс. — Мы должны бежать прямо к дому.

К счастью, они уже добрались до угла касы, и длинные вечерние тени благоприятствовали им. Они напрягали все силы, а шум ложной тревоги, поднятой Джимом, отдавался в их ушах вместе с вызывающими криками, которые доносились из патио и от главного входа.

Они быстро обогнули здание, смело прошли мимо задних ворот, где, казалось, никого не было, и вскоре очутились под окном будуара. Предположение Кларенса полностью оправдалось: решетка была настолько расшатана, что подалась при первом же усилии, а ветка цветоцвета послужила отличным рычагом, когда он вырывал ржавые прутья. Молодой человек протянул руку миссис Пейтон, но она с легкостью юной девушки сама вскочила на подоконник, а за ней последовали Мэри и Сюзи. Внутренняя рама сразу открылась под ее рукой, и в следующее мгновение все трое были уже в комнате. В окне показалось раздумавшееся, торжествующее лицо миссис Пейтон.

— Все в порядке; они толпятся во дворе и перед парадным входом. Дверь будуара очень крепка, и они не смогут ее взломать, когда мы заложим засовы.

— Этого не понадобится, — спокойно сказал Кларенс. — Вас никто не потревожит.

— Но разве вы не войдете? — спросила она робко, не закрывая окна.

Кларенс посмотрел на нее, и впервые после смерти Пейтона на его губах показалась легкая улыбка.

— Конечно, я войду, но не так. Я войду через главные ворота.

Миссис Пейтон хотела его расспросить, но он помахал ей рукой и быстро побежал вокруг дома к главным воротам. Они были полуоткрыты, и перед ними и под аркой сгрудились возбужденные люди, а в центре толпы, весь белый от пыли, весь черный от пороха и, по-видимому, пресыщенный бойней, стоял Джим Хукер, еще сжимая в руке револьвер. При появлении Кларенса те, кто оставался снаружи, юркнули под арку и заперли за собой ворота, но он уже успел обменяться с Джимом

многозначительным взглядом. Когда он подошел к воротам, человек, стоявший у самой решетки, грубо спросил, что ему здесь надо.

— Я хочу видеть вашего главаря,— спокойно ответил Кларенс.

— Вы, может, и хотите,— усмехнулся тот,— да он-то не хочет.

— Но, наверное, захочет, когда прочтет вот это письмо, адресованное его нанимателю,— продолжал Кларенс все так же невозмутимо и вынул из своего бумажника какой-то документ. В нем Франсиско Роблесу, доверенному представителю держателей «сестринского титула», предлагалось открыть мистеру Кларенсу Бранту свободный доступ на указанные земли, а также сообщить ему самые полные сведения о них. Человек за решеткой взял бумагу, просмотрел ее, взглянул на Кларенса, а затем протянул документ одному из своих товарищей, стоявших во дворе. Тот прочел и небрежной походкой направился к воротам.

— Ну, так чего же вы хотите?

— Боюсь, что возможность вести переговоры из-за крепкой решетки ставит вас в более выгодное положение,— медленно и угрожающе произнес Кларенс.— Однако мое дело очень важно, и я думаю, будет лучше, если вы откроете ворота.

Раздались смешки, но тут же стихли, когда главарь сказал злобно:

— Все это так. Но почему я знаю, про вас ли говорится в этой бумаге? Может, Панчо Роблес вас и знает, да мне-то неизвестно, кто вы такой.

— Это вы можете узнать без всякого труда,— ответил Кларенс.— У вас тут есть человек, которому я известен,— мистер Хукер. Спросите у него.

Главарь быстро обернулся и подозрительно посмотрел на Хукера, хранившего угрюмую невозмутимость. Кларенс не расслышал, что ответил молодой герой, но судя по всему, он не поскупился на обычные зловещие и загадочные преувеличения. Главарь неохотно открыл ворота.

— Все равно,— сказал он, не спуская с Хукера подозрительного взгляда,— он-то какое имеет к вам отношение?

— Очень большое, — ответил Кларенс, войдя во двор и поднимаясь на веранду. — Он один из моих арендаторов.

— Чего? — переспросил главарь и насмешливо захохотал.

— Один из моих арендаторов, — повторил Кларенс, небрежно обвел глазами двор и в глубине души обрадовался, заметив, что находившиеся тут три-четыре мексиканца ему незнакомы и не служили прежде на ранчо. По-видимому, предательства старых слуг можно было не опасаться.

— Один из ваших арендаторов? — повторил главарь, тревожно оглядываясь на своих товарищей.

— Вот именно, — ответил Кларенс с деловой краткостью. — Как кстати говоря, и вы все, хотя у меня нет особой причины этим гордиться. Вы спросили, что мне здесь надо. Да то же, что, по-видимому, и вам. Я намерен вступить во владение этим домом! С одной только разницей, — тут он достал из кармана документ весьма внушительного вида. — Вот по всем правилам заверенная купчая, подтверждающая продажу мне всего «сестринского титула». Этот титул включает права на земли, лежащие между Фэр-Плейнс и прежней границей этого ранчо, куда вы сегодня незаконно ворвались. Вот эта бумага; можете ознакомиться с ней, если хотите. И ваши претензии на эту собственность могли бы обрести подобие законности, только если бы я их подтвердил. Только мое распоряжение могло бы оправдать беззаконие, которое вы учинили сегодня. И все, что вы сделали нынче утром, только подтверждает мои юридические права на этот дом. Если я заявлю, что вы действовали без моего разрешения — а это вполне в моей власти, — то вы окажетесь в положении бродяг, которых пинком гонят от чужой двери, в положении грабителей, которых хватает за шиворот полицейский, когда они лезут через забор.

Все это было правдой. Никто не мог бы отрицать ни законности купчей, ни прав, которые она обеспечивала, ни той окраски, которую она придавала всему происшедшему. Люди, стоявшие вокруг Кларенса, были ошеломлены и испуганы, а некоторые даже усмехались нелепости положения, в котором очутились. Однако поведение

Джима Хукера сделало эту малоприятную сцену еще нелепее. Без колебаний покинув группу избалованных нарушителей чужих владений, он мрачно промаршировал к Кларенсу с презрительным видом человека, давно посвященного в тайну, и с миной победителя, даже не гордящегося своей победой, пренебрежительно выплюнул табачную жвачку на землю между собой и своими бывшими товарищами, словно проводя демаркационную линию. Немногочисленные мексиканцы начали тихонько отступать к воротам. Заметив, что его приверженцы готовы уже обратиться в бегство, главарь, который отнюдь не был трусом, очнулся от растерянности.

— Эй вы там! Заприте ворота! — крикнул он.

Когда створки ворот вновь захлопнулись, он неторопливо повернулся к Кларенсу.

— Все это правильно, молодой человек, то есть насчет титула. Только вот что: может, вы и купили эту землю и стали законным собственником всей бросовой степи отсюда до Сан-Франциско — желаю вам всякой радости от этой вашей дурацкой покупки — и может, у вас за спиной целый зверинец таких вот красавцев (тут он указал на мрачного Джима), да только со всеми своими деньгами и приятелями вы позабыли про одно обстоятельство. Право владения-то у нас, а не у вас.

— Именно в этом мы и расходимся, — невозмутимо сказал Кларенс. — Если вы потрудитесь осмотреть дом, то убедитесь, что он уже находится во владении миссис Пейтон, моей арендаторши.

Он умолк, чтобы его слова могли произвести надлежащее впечатление. Но даже он не был готов к импровизированному и чисто театральному эффекту, который последовал за ними. Миссис Пейтон, которой надоело ждать, давно уже стояла в коридоре и слушала, а теперь при упоминании своего имени внезапно вышла на галерею в сопровождении обеих девушек. Легкое удивление на ее лице, вызванное неожиданным открытием, что Кларенс является собственником дома, можно было истолковать и как знак неудовольствия, что кто-то потревожил ее уединение. Один мексиканец побледнел и испуганно поглядел в коридор, словно ожидая, что

оттуда вот-вот выйдет судья Пейтон, покойный хозяин этого дома.

Все попятились. Игра была безнадежно проиграна, и первыми это признали сами игроки. Более того, как ни мало уважали они закон и порядок, они еще не утратили рыцарственности, свойственной мужчинам Дальнего Запада, и каждый из них молча снял шляпу перед тремя безмолвными фигурами в черном на галерее. А обескураженный главарь даже разомкнул плотно сжатые губы, чтобы произнести извинение.

— Нам... нам сказали, что в доме никого нет,— пробормотал он.

— И сказали совершеннейшую правду,— произнес бойкий, юный, но несколько манерный голос.— Пока вы входили в ворота, мы влезали в окно.

Слова, оскорбившие их слух, произнесла Сюзи, но она сделала драматический шаг вперед, и их гнев тут же угас при виде ее хорошенькой фигурки. Вслед за дерзкими словами, раскрывшими хитрый маневр, который лишил их усадьбы, воцарилась было зловеющая тишина. Но тут внезапно дало о себе знать чувство юмора, которое нередко только одно и может укротить ярость подобной толпы. Главарь громко расхохотался, а вслед за ним остальные, и, размахивая шляпами, вся компания мирно покинула двор.

— Но вы сказали, что купили эту землю, мистер Брант? Что это значит? — быстро спросила миссис Пейтон, внимательно глядя на Кларенса.

Легкая краска — тщетный протест его правдивой крови — выступила на щеках молодого человека.

— Дом принадлежит вам, миссис Пейтон, и только вам! «Сестринский титул» я приобрел по уговору с мистером Пейтоном на случай, если произойдет нечто подобное.

Но миссис Пейтон по-прежнему не отводила от его лица гордого недоверчивого взгляда, и он вынужден был опустить глаза.

— Ах, как это похоже на дорогого заботливого папочку! — сказала Сюзи и добавила вполголоса: — Боже мой, да ведь там, у ворот, стоит лгунишка Джим Хукер собственной персоной!

Судья Пейтон завещал все свое имущество жене без каких-либо условий. Однако дела его оказались в чрезвычайном беспорядке, так же, как и бумаги, и хотя миссис Пейтон не удалось обнаружить документов, относящихся к последней его сделке с мистером Брантом, которая сохранила ей усадьбу, было совершенно очевидно, что он истратил значительные суммы, пытаясь воспрепятствовать разделу своего ранчо. Это огромное поместье, хотя и не отягощенное никакими закладными, тем не менее не приносило дохода, отчасти из-за судебных издержек, а отчасти из-за систематических злоупотреблений, неизбежных при его величине и никак не охраняемых границах. Скваттеры и «хватуны», никем не тревожимые, вспахивали землю судьи и собирали урожай, его стада и табуны то сами забредали, то угонялись за пределы поместья, благо никаких оград не существовало. У вдовы не было ни сил, ни желания преодолевать подобные трудности, и, следуя совету своих друзей и поверенного, она решила продать все поместье, кроме части, включенной в «сестринский титул», которая вместе с усадьбой была возвращена ей Кларенсом. Она уехала с Сюзи в Сан-Франциско, предоставив Кларенсу и слугам сохранять для нее дом, пока не будет восстановлен порядок. Таким образом, ранчо Роблес превратилось в штаб-квартиру нового собственника «сестринского титула»: живя там, он вершил все дела, связанные с этой собственностью, посещал арендаторов, производил обмер входящих в нее земель и — крайне редко — собирал арендную плату. Не нашлось недостатка в скептиках, которые объявили последнюю более чем скудной и пришли к выводу, что этот щеголь из Сан-Франциско — в конце-то концов он был всего только сыном Хэмилтона Бранта, хоть и корчил из себя крупного землевладельца! — заключил крайне невыгодную и глупую сделку. К своему большому огорчению, я должен сказать, что один из собственных его арендаторов, а именно Джим Хукер, в глубине души склонялся к этому же мнению и считал, что Кларенс тут следовал велению тщеславия и неумеренного честолюбия.

Воинственный Джим зашел даже так далеко, что не преминул темно намекнуть Сюзи на это обстоятельство во время их недолгого совместного пребывания под кровом касы после успешного ее захвата. А Кларенс, еще помнивший былые капризы Сюзи и восклицание, вырвавшееся у нее, когда она узнала Джима, только дивился той дружеской фамильярности, с какой она встретила забытого товарища их детства. Однако он встревожился, когда впервые заметил, как легко и хорошо они понимают друг друга, и уловил странное сходство в их поступках и манере говорить. Обстоятельство это представлялось тем более странным, что внутренняя близость и сходство отнюдь не указывали на дружбу или хотя бы взаимную симпатию — наоборот, Сюзи и Джим относились друг к другу враждебно и подозрительно. Миссис Пейтон была холодно вежлива со старым товарищем Кларенса, но снисходительно любезна с нынешним его арендатором и доверенным, и ничего не замечала — слишком большую боль и досаду причиняло ей то обстоятельство, что Сюзи часто вспоминала давно прошедшие дни их демократического равенства.

— Помните, Джим, как вы в фургоне однажды раскрасили мне лицо, чтобы я стала похожа на индейскую девочку? — спрашивала она лукаво.

Но Джим, которому в присутствии миссис Пейтон и Кларенса вовсе не хотелось вспоминать свое прежнее скромное положение, отделялся короткими и неопределенными ответами. Кларенс, хотя его и умиляла эта видимая приверженность Сюзи к их общему прошлому, тем не менее очень страдал, замечая, насколько это неприятно миссис Пейтон, и, так же как она, был рад сдержанности Джима. После смерти Пейтона он почти не виделся с Сюзи, так что первое их тайное свидание в лесу оказалось и последним. Но Кларенса — а насколько он мог судить, и Сюзи — это совсем не огорчало. Он держался с ней еще более мягко, ласково и бережно, чем прежде, хотя она этого словно не замечала, и все же ему смутно казалось, что его чувство к ней изменилось. В тех редких случаях, когда Кларенс задумывался об этом, он считал, что тут повинны недавние волнения, сознание долга перед покойным

другом и некая тайная мысль, последнее время всецело владевшая им. Он верил, что со временем это пройдет. И все же ему было приятно, что Сюзи уже не в силах причинить ему боль, за исключением, конечно, тех случаев, когда она мучила миссис Пейтон: а тогда он полубессознательно вел себя, как покойный Пейтон, выступая в роли посредника. И все же неопытность его была так велика, что с трогательным простодушием он истолковывал происходящее, как неторопливое созревание его любви к Сюзи. Да, он еще сумеет сделать ее счастливой, но об этом можно будет подумать потом. А сейчас провидение, казалось, ниспослало ему достойное призвание и цель, которых не знала его бездеятельная юность. Ему и в голову не приходило, что такая терпеливость означала только медленное угасание его любви.

Тем временем вокруг ранчо происходили чудесные изменения и возрождение калифорнийского ландшафта — такого знакомого и все же вечно нового. Широкая терраса, которая полгода желтела, выгорала и сохла под неизменным пронзительным небом, теперь была во власти плывущих туч, бегущих переменчивых солнечных лучей, четких дождевых струй и готовилась к воскресению. Пыль, ковром лежавшая на дорогах и тропках и совсем запорошившая невысокий дубняк перед лесистой ложбиной, была уже давно смыта. Теплое влажное дыхание юго-западных пассатов смягчило резкие сухие черты ландшафта и вернуло ему яркость красок, точно мокрая губка, которой провели по запыленной картине. Раскинувшаяся перед усадьбой равнина сверкала и обретала темную сочность. Спрятанный в лошине лес, очищенный и окрепший в своем уединении, брызгал дождевыми каплями на тропинки и овражки, которые теперь превратились в веселые ручьи. Приметное земляничное дерево вблизи поворота к усадьбе сбросило свой алый летний наряд и завернулось в коричневато-зеленое домино.

Выпадали, конечно, и свинцовые дни, когда горизонт еле проглядывал сквозь частокोल дождя, когда склон между террасами превращался в бурный каскад и лошадиные копыта беспомощно скользили по жидкой грязи троп, когда коровы увязали в трясине всего в несколь-

ких шагах от проезжей дороги, которую нужно было переходить вброд, будто коварную реку. Выпадали и дни ураганных ветров, когда гигантские высохшие стебли овсюга падали, словно вывернутые с корнями сосны, причудливо пересекаясь друг с другом, а из узкой долины, где гнулись и раскачивались верхушки деревьев, доносился рев, подобный реву моря. Выпадали и долгие томительные ночи, когда ливень до самого утра стучал по красной черепице касы и барабанил по дранке новой веранды, что было еще более невыносимо. В такие часы Кларенс, живший на ранчо в полном одиночестве, если не считать слуг да какого-нибудь арендатора из Фэрвью, нашедшего здесь приют от непогоды, казалось, должен был бы задуматься над тем, как может повлиять уединение на его пылкую натуру. Однако он привык к монастырскому одиночеству, когда мальчиком жил в «Эль Рефухио», и ему не приходило в голову, что именно по этой причине оно, пожалуй, и окажется опасным. Время от времени он получал вести из шумного мира Сан-Франциско: несколько любезных строк от миссис Пейтон — ответ на его подробный отчет о своей управительской деятельности, два-три слова о здоровье ее и Сюзи и об их занятиях. Она опасалась, что чувствительная натура Сюзи страдает от необходимости соблюдать траур среди городского веселья, и собиралась, когда дожди кончатся, привезти девочку в Роблес: перемена обстановки будет ей полезна. Письма были плохой заменой тихому счастью домашнего круга, которое открылось ему на столь краткий срок, но Кларенс стоически с этим смирился. Он бродил по старому дому, уже словно лишившемуся благоухания семейного уюта; и все же вопреки кокетливому разрешению миссис Пейтон ни разу не вторгся в священные пределы будуара и ревниво держал его запертым.

Как-то утром, когда Кларенс сидел в кабинете Пейтона, туда явился Инкарнасио. Кларенсу нравился этот индеец, полууправляющий, полувакеро, и тот отвечал ему привязанностью, в которой собачья верность сочеталась с кошачьей уклончивостью, как было свойственно его натуре. Кларенс без труда завоевал его симпатии — какой-то родственник Инкарнасио служил

в «Эль Рефухио», где среди простого люда еще бытовали романтические легенды о щедрости и благородстве мальчика-американца. Инкарнасио восхищался безрассудными выходками Кларенса еще до того, как его окончательно покорила по-княжески нерасчетливая покупка земли, став в его глазах неопровержимым подтверждением всего, о чем ему доводилось слышать. «Истинная кровь идадьго всегда скажется,— произнес он тоном оракула.— Разве не убили его отца подлые ублюдки? Ну, а эти, прочие — ба!»

Теперь он стоял в кабинете, забрызганный грязью и полный таинственности, держа в руках сомбреро, а от мокрого серапе поднимался пар, и по комнате разливался запах конского пота и сигар-самокруток.

Наверное, хозяин заметил, какая сегодня разбойничья погода? Злобная, коварная и черная, как грех! Стоит поднять руку, и ветер забирается под серапе и норовит сбросить тебя с лошади; ну, а грязь... Карамба! Через пятьдесят шагов передние ноги коня становятся толще медвежьих лап, а копыта превращаются в глиняные шары!

Кларенс понимал, что Инкарнасио пришел к нему не для того, чтобы беседовать о погоде, и терпеливо ждал дальнейшего.

Однако этот подлый дождь, продолжал вакеро, прибил к земле стебли, сравнял все борозды и очистил ложбины и овражки, а также — самое главное! — обнажил камни и всякий хлам, укрытый под летней пылью. Поистине чудо: Хосе Мендес после первых же ливней отыскал серебряную пуговицу, которую потерял еще весной. А нынешним утром он, Инкарнасио, припомнив, как долго и с каким старанием дон Кларенсио искал сапог, пропавший с ноги сеньора Пейтона, решил поглядеть на склоне второй террасы. И — мать божья! Он его нашел! Весь промокший, в грязи, но совсем такой, каким он был при жизни сеньора Пейтона. До колесика шпоры!

Инкарнасио вытащил сапог из-под серапе и положил его перед Кларенсом. Молодой человек сразу его узнал, несмотря на то, что кожа разбухла и пропиталась глиной, так что он скорее напоминал обувь какого-ни-

будь пропойцы, а не Пейтона, всегда одевавшегося с большим тщанием.

— Да, это тот самый сапог,— сказал Кларенс тихим голосом.

— Отлично! — воскликнул Инкарнасио.— Теперь, если дон Кларенсио соблаговолит внимательно поглядеть на американскую шпору, он увидит — что он увидит? Несколько волосков, которые запутались в острых зубчиках. Отлично! Это волосы лошади, на которой ехал сеньор? Конечно, нет, это ясно. Это не шерсть с боков или брюха коня — волоски слишком длинные. И они не того цвета, как грива и хвост. Откуда же они попали на шпору? Они были вырваны из риаты, сплетенной из конского волоса. Но ведь обычные лассо для вакеро плетутся из сыромятных ремней. Такое лассо не скользит, оно держит; риата сильно скользит и душит.

— Но ведь мистер Пейтон не был задушен! — перебил Кларенс.

— Да! Но, наверное, петля риаты была слишком велика — кто знает? Она могла соскользнуть с его плеч, стянуть ему руки и сбросить его с седла. Такие случаи не раз бывали! А на земле она скользнула дальше или он сам сбросил ее себе на ноги, но она запуталась в шпоре, и его поволокло по земле, пока не соскочил сапог, но он-то уже умер!

Сам Кларенс давно уже считал, что Пейтон был убит именно так, однако с Инкарнасио он об этом почти не говорил. Теперь он молча поглядел на шпору, на вопиющие о правосудии волоски и убрал ее в бюро. Инкарнасио продолжал:

— На ранчо Роблес нет ни одного вакеро, у которого была бы волосная риата. Мы предпочитаем лассо, сплетенное из ремней: они тяжелее и крепче; они предназначены для быков, а не для людей. А эта волосная риата — она из-за гор, с Юга.

Наступила мертвая тишина, прерываемая только стуком дождя по крыше веранды. Инкарнасио слегка пожал плечами.

— Дон Кларенсио не бывал там? Франсиско Роблес — тот, которого чаще называют Панчо,— он родом

с Юга. Когда дон Кларенсио покупал титул, он же видел Франсиско, его держателя?

— Я имел дело только с владельцами и то через посредство моих банкиров в Сан-Франциско,— рассеянно ответил Кларенс.

Инкарнасио скосил желтоватые белки мутно-карих глаз на своего хозяина.

— Педро Моралес, которого прогнал сеньор Пейтон,— сводный брат Франсиско. Они часто бывали вместе. Теперь, когда Франсиско получил золото, которым дон Кларенсио уплатил за титул, они почти не встречаются. Но Педро тоже богат. Мать божья! Он играет в карты и кости и ведет себя, как идальго. Он на всех смотрит сверху вниз, даже на американос, с которыми играет. Правда, говорят, он стреляет не хуже лучших из них. Он хвастает и чванится, этот Педро! Он говорит, что будь все потомки знатных родов похожи на него, так они бы прогнали этих свиней с Запада назад за горы.

Кларенс поднял голову, перехватил быстрый взгляд желтых глаз Инкарнасио, пристально посмотрел на него и встал.

— Насколько помню, я никогда его не видел,— ответил он спокойно.— Спасибо за шпору, друг Насьо. Но пока никому про нее не говори.

Однако Насьо не торопился уходить. Заметив это, Кларенс протянул ему сигару и закурил сам. Он знал, что вакеро непременно начнет свертывать ее заново и что это неторопливое занятие послужит предлогом для дальнейших откровений.

— Но, может быть, сеньора Пейтон встречала этого Педро у своих знакомых в Сан-Франциско?

— Конечно, нет. Сеньора носит траур и не выезжает. Да и вряд ли у нее есть знакомые, у которых она могла бы встретиться с уволенным слугой своего мужа.

Инкарнасио неторопливо закурил самокрутку и сказал, выпуская колечки дыма:

— А сеньорита? Она не может с ним познакомиться?

— Ни в коем случае.

— А если бы,— продолжал Инкарнасио, бросая спичку на пол и наступая на нее,— а если бы этот хвостун, этот индюк стал бы бахвалиться таким знакомством, вы бы сделали с ним вот так?

— Разумеется,— невозмутимо ответил Кларенс, хотя он вовсе не ощущал подобной уверенности.— Если бы он действительно заявил что-либо подобное, в чем я сомневаюсь.

— Верно,— согласился Инкарнасио.— Кто знает? Это ведь может быть какая-нибудь другая сеньорита Силсби.

— Приемную дочь сеньоры зовут мисс Пейтон, друг Насьо. Ты забываешься,— негромко сказал Кларенс.

— Прошу прощения,— поспешил извиниться Инкарнасио.— Но ведь прежде она называлась Силсби. Об этом все знают; она сама рассказывала Пепите. Сеньор Пейтон завещал свое поместье сеньоре Пейтон. А о сеньорите даже не упомянул? Что поделаешь! Об этом кудахнут все куры на заднем дворе. Но я говорю «мисс Силсби» потому, что в Сакраменто есть другая Силсби, дочь той ее тетки, которая пишет ей письма. Пепита видела эти письма! И, может быть, разбойник Педро хвалится знакомством с этой другой мисс.

— Весьма возможно,— ответил Кларенс.— Но вот что, друг Насьо: запомни сам и объясни другим, что на этом ранчо нет никакой сеньориты Силсби, а есть только сеньорита Пейтон, уважаемая дочь сеньоры, твоей госпожи.

Кларенс говорил тем полуфамильярным-полуотеческим тоном испанского сеньора, который он усвоил в «Эль Рефухио», где его положение было столь же двусмысленным, но где никто не осмеливался ослушаться этого тона.

— А теперь,— добавил он торжественно,— ступай, друг! Да будет с тобой благословение господне, и не забудь моих слов.

Инкарнасио столь же торжественно отступил на шаг, поклонился, взмахнул своим сомбреро, так, что жесткие поля цапнули пол, и удалился.

Оставшись один, Кларенс некоторое время в задумчивости сидел перед камином. Вот как! Значит, всем известно, что Сюзии не родная дочь Пейтонов, и всем,

за исключением, пожалуй, миссис Пейтон, известно, что она ведет тайную переписку с кем-то из своих родственников. При других обстоятельствах он, возможно, нашел бы оправдание стремлению утвердить свою независимость, продиктованному любовью к близким. Но вести себя так по отношению к миссис Пейтон? Чудовищно! Миссис Пейтон, конечно, не могла не узнать об этом, не заподозрить истинных чувств девушки. Наверное, так оно и есть — к ее горю добавилось еще и это бремя, но гордость заставляет ее молчать. Глаза Кларенса увлажнились. Боюсь, эта сентиментальная мысль занимала его куда больше, чем возможные тайные встречи Сюзи с Педро или намек Инкарнасио на то, что Педро как-то замешан в гибели Пейтона. Он знал, что остальные вакеро ненавидели Педро за его знатное родство, он знал ревнивую натуру этих людей и их склонность к нелепым преувеличениям. Насколько он мог судить, в частности, по тем фразам, которые ему довелось подслушать на дороге из Фэр-Плейнс, Педро скорее был способен замыслить мошенничество, чем кровавую месть. Он ничего не знал о смертельном оскорблении, которое Пейтон нанес Педро, и поэтому не принял всерьез презрительное замечание самого Пейтона о том, какое возмездие предпочтет Педро. Неудачное покушение, жертвой которого чуть было не стал он сам, казалось ему случайностью, — но, может быть, убийца охотился именно за ним, а не за Пейтоном, как он было подумал, и его старый друг и покровитель погиб в результате роковой ошибки? Правда, казалось неясным, зачем им понадобилась его смерть, однако они, возможно, решили убрать опасного свидетеля своих черных замыслов — ведь они не знали, что именно успел он услышать в ту ночь на дороге из Фэр-Плейнс. Единственная улика, запертая вместе со шпорой в ящике бюро, указывала лишь, что убийцу следует искать за пределами ранчо, и только. Однако ему стало легче при мысли, что слуги Пейтона непричастны к его смерти и он не пал жертвой заговора среди своих домочадцев.

Поразмыслив, Кларенс решил поговорить с Джимом Хукером, который, возможно, был осведомлен о родственниках Сюзи — она и сама могла рассказать ему.

о них, а Джим к тому же был знаком со многими переселенцами. Лояльность по отношению к Сюзи и к миссис Пейтон прежде мешала ему коснуться этой темы, но теперь, когда из-за неосторожности самой девушки ее секреты стали всеобщим достоянием, он, как это ни было противно его шепетильной натуре, уже не мог долее притворяться перед собой, будто его удерживает стремление обещать ее. Однако он почти не сомневался, что и тут просто проявилась ее давнишняя любовь к преувеличениям, касалось ли дело фактов или чувств. Следовательно, Джим, еще один такой же позер, мог разобраться во всем этом скорее всякого другого.

Несколько дней спустя Кларенс, решив, что может без опасений покинуть ранчо, отправился в Фэр-Плейнс.

Потоки, бурлившие у дороги, казалось, вздулись еще больше с тех пор, как он в последний раз проезжал тут. Ландшафт вокруг вновь переменялся. Одна из нижних террас превратилась в болото, густо заросшее осокой и камышом. Сухое пыльное русло давно забытого ручья стало теперь полноводной речкой, перерезавшей дорогу, так что приходилось делать большой крюк, чтобы добраться до брода. Однако, когда он приблизился к ферме Хопкинсов и уже собирался свернуть к участку Джима, оказалось, что его ждет там еще более удивительная перемена. Трехкомнатная хижина и хлев исчезли бесследно! Но следов наводнения нигде не было видно. Участок был расположен на пологом пригорке выше фермы, куда не мог достать никакой паводок, да и черные борозды вспаханного поля возле хижины ничуть не пострадали от разлива. Однако дом исчез! От него осталось только несколько бревен, слишком тяжелых, чтобы их унести, истоптанная вокруг земля да темное прямоугольное пятно, отмечающее место, где он стоял. Уцелела лишь изгородь.

Кларенс остановился возле нее в полной растерянности. Всего лишь две недели назад он был здесь и беседовал с Джимом под кровом исчезнувшего дома, но все кругом уже приобрело вид унылого запустения. Целина словно за одну ночь стряхнула с себя ярмо обработки, и природа во всей своей первобытной силе буйно завладела освобожденной почвой. Ростки горчицы и овсюга

уже пробивались по бороздам, и тощий व्यюнок по-прежнему заплетал валявшуюся кое-где дранку, еще не высохшую и смолистую. Заржавевшие жестянки и старое тряпье, казалось, лежали тут с дней первых переселенцев.

В недоумении Кларенс повернул к ферме Хопкинса напротив. Однако его там уже заметили, кухонная дверь гостеприимно распахнулась, и на пороге он увидел тоненькую Фебу Хопкинс, а позади нее — головы и плечи ее родителей. Бледное личико девушки было омрачено тревогой, и Кларенс, до сих пор просто удивлявшийся, вдруг обеспокоился.

— Мне нужен мистер Хукер, — сказал он неловко. — Но я что-то не вижу здесь ни его самого, ни его дома!

— И вы не знаете, что с ним случилось? — быстро спросила Феба.

— Нет. Я не видел его уже две недели.

— А что я вам говорила! — воскликнула девушка, испуганно оборачиваясь к своим родителям. — Я так и знала. Он его две недели не видел! — Затем, почти со слезами взглянув на Кларенса, она закончила: — И мы тоже его не видели!

— Как же так? — нетерпеливо спросил Кларенс. — Ведь что-то здесь должно было произойти! Куда делся его дом?

— Дом-то забрали эти самые «хватуны», — вмешался фермер. — Явилась сюда целая шайка и утащила его прямо у нас на глазах, и хоть мы с дочкой их вежливо спрашивали, они нам ни словечка не ответили. Только его самого тут не было, да и с тех пор он сюда не показывался.

— То-то и оно! — воинственно сверкнув глазами, подхватила его жена. — А то бы он угостил их из своих шестизарядных револьверов!

— Вот и нет, маменька! — с досадой сказала девушка. — Он же переродился душой, и теперь ему всякое буйство, или чтобы там силу в ход пустить, даже и очень противно. Он теперь стоит за закон и порядок. Да ведь только накануне того дня, как мы его хватились, он мне сам говорил, что Калифорния только тогда станет приличным местом, когда в ней все научатся

уважать закон, а права на землю будут подтверждены правильно и раз и навсегда. Вот потому-то, что он не хотел пойти против закона или там отстаивать свои права без согласия закона — потому они его и убили, а может, увезли и держат где-нибудь.

Губы девушки дрожали, а загорелые пальчики нервно теребили край синего клетчатого передника. Хоть образ этого нового, законопослушного Джима был столь же нелепым и неожиданным, как и его исчезновение, Феба, во всяком случае, горячо верила в то, что говорила.

Тщетно Кларенс пытался убедить этих простодушных людей, что произошло какое-то недоразумение, что поселенцы, самовольно занимавшие землю, так называемые «хватуны», ни в коем случае не стали бы посягать на собственность Хукера, который был одним из них, да и к тому же все они его, Кларенса, арендаторы. Тщетно заверял он их, что права Хукера на участок неоспоримы и он мог бы отделаться от непрошенных гостей, просто показав им арендный договор, или вызвать полицию из Фэр-Плейнс, чтобы оградить себя от незаконных посягательств. Тщетно обещал он им найти своего исчезнувшего друга и любой ценой возвратить ему утраченное. Мать и дочь были твердо убеждены, что молодой человек пал жертвой преступления. Их уверенность была так велика, что даже чуть было не передалась Кларенсу.

— И вот что, — сказала девушка, заливаясь румянцем, — накануне его возвращения с ранчо около его хижины все околачивались какие-то чужие люди, да только мы ничего плохого не заподозрили, потому как в тот день, когда подтвердили «сестринский титул», он уехал с такими же вот товарищами. Ну, а вернулся он от вас совсем на себя непохожий — какой-то весь встревоженный. Мы еще подумали, что его на ранчо, может, обидели или там ущемили. Только ведь это было не так, верно, мистер Брант? — закончила Феба, бросив на Кларенса умоляющий взгляд.

— Разумеется! — горячо воскликнул Кларенс. — Наоборот, в тот день он оказал своим друзьям большую услугу и преуспел в том, что задумал. Миссис Пейтон была очень ему благодарна. Он ведь, конечно, рассказал

зам, что случилось и как он помог нам? — с улыбкой добавил Кларенс.

По дороге сюда он развлекался тем, что прикидывал, какими именно красками расписал Джим свои подвиги. Однако Феба с недоумением покачала головой.

— Нет, он нам ни словечка не сказал.

Тут уж Кларенс встревожился по-настоящему. В столь беспрецедентной скромности Хукера было что-то зловещее.

— Он ничего не сказал, — продолжала Феба. — Только про закон и порядок, как я вам говорила. Но в ту же самую ночь мы чуть не до утра слышали разговоры да крики у него в хижине и вокруг. А наутро он пришел спросить у папаши, как это он делает, что никто даже не пытается отнять у него землю.

— А я, значит, сказал, — вмешался Хопкинс, — что людей семейных не очень-то трогают и что я, значит, не такой известный задира, как, значит, он.

— А он сказал, — не утерпела миссис Хопкинс, — да мрачно так, как это за ним водилось... верно, Сайрус? — воззвала она к супругу, — сказал, что такое уж на него наложено проклятие.

Улыбка, появившаяся было на губах Кларенса, тотчас исчезла, едва он встретил недоуменный молящий взгляд Фебы. Ему стало грустно. Какая бы перемена ни произошла с Джимом, одно было несомненно: прежняя его воинственность произвела на простушку Фебу неизгладимое впечатление, и с этих пор пара наивных глаз всегда будет следить за ним с тоскливым восхищением.

Не зная, что и думать, полный негодования, Кларенс принялся подробно расспрашивать девушку о тех членах шайки, которых она потом раза два видела поблизости. В конце концов ему удалось по ее описанию узнать Гилроя, главаря отряда, ворвавшегося на ранчо Роблес. Его щеки вспыхнули. Если они решили столь театральным образом посчитаться с Хукером за его предательство, о котором только что узнали (впрочем, они выбрали не слишком удачный способ мести, поскольку отнять у него землю не могли никак), они нанесли оскорбление самому Кларенсу, чьим арендатором был Джим, и по-

ставили себя вне закона. Он решил немедленно допросить Гилроя, разбившего свой лагерь у самой границы ранчо Роблес. Он распрощался с семейством фермера, не открывая им своего намерения, однако бодрым голосом заверил их, что, возможно, в самое ближайшее время сообщит им что-нибудь о Хукере, и усккал.

Чем дальше от дороги, тем менее заметной становилась тропа и, наконец, исчезла совсем на пологом восточном уклоне. Дали распахнулись, у горизонта возникли голубоватые полосы гор, увенчанные почти невидимой серебристой черточкой,— это, как знал Кларенс, были снега Сьерры. Вскоре он пересек тропу, уходящую на юг, и заметил, что она сливается с проезжей дорогой позади него как раз в том месте, где он однажды ночью встретил двух таинственных всадников. Они, несомненно, выехали из зарослей овсюга на террасу именно по этой тропе. Чуть поодаль на дикой пустоши виднелось несколько грубо сколоченных хижин и парусиновых палаток, вокруг которых бродил скот и сновали всадники, словно тут разбили лагерь переселенцы или собиралась деревенская ярмарка. Кларенс поскакал прямо туда и увидел, что он замечен и его появление вызвало какой-то переполох. Тут ему впервые пришлось в голову, что, явившись сюда в одиночку, он поступил не слишком благоразумно, но отступать было поздно. Бросив взгляд на свою кобуру, он смело направился к ближайшей лачуге. Туда тотчас сошло человек десять, но его спокойная решимость, по-видимому, обескуражила их. У входа стоял Гилрой. Убедившись, что Кларенса никто не сопровождает, он небрежным жестом дал понять своим товарищам, чтобы они не подходили.

— Что это у вас за привычка, Брант, приезжать к людям без приглашения?— сказал он с хмурой улыбкой, которую, однако, можно было считать одобрительной.— Научились этому у своего папашы?

— Право, не могу сказать, но не думаю, чтобы и он считал необходимым предупреждать двадцать человек о приезде одного,— ответил Кларенс в тон ему.— Мне было не до церемоний, так как я только что побывал на участке Хукера под Фэр-Плейнс.

Гилрой ухмыльнулся и устремил рассеянный взор в небеса.

— Вы не хуже меня знаете,— продолжал Кларенс, с трудом сдерживаясь,— что вам придется исправить последствия вашего бесчинства там, если вы не хотите, чтобы вас разогнали, как сброд, творящий беззакония, или не намерены уйти в горы, как разбойничья шайка. Впрочем, меня это не беспокоит. Не интересуют меня и причины, толкнувшие вас на этот поступок, однако, если это была месть, то я считаю своим долгом сообщить вам, что всю ответственность за поведение Хукера на ранчо нес и несу один я. И сюда я приехал, чтобы узнать, что вы с ним сделали, и, если это необходимо, занять его место.

— Уж очень вы торопитесь, Брант,— лениво ответил Гилрой.— Ну, а что до беззаконий, то не сказал бы, чтобы мы чинили их больше вашего. Начнем с того, из-за чего вы приехали. Принимая во внимание, что нам неизвестно, где сейчас ваш Джим Хукер, и что мы его пальцем не тронули, то и вы нам на его месте вроде бы ни к чему. Ну, а о причинах, почему мы так сделали, говорить стоит. Мы вот порешили, что соседи, вроде него, нам без надобности. Мы люди тихие, мирные, так нам и показалось, что раз уж пошел разговор про закон и порядок, то не нужны нам такие вояки в наших краях и радости от них законопослушным поселенцам нет никакой. Револьверов у него было столько, что одному человеку и не уследить, да и кровью-то он прямо весь пропитался — не отстирать, а потому для домашнего, так сказать, употребления совсем не годился. До того он был смертоносный весь и жуткий, что мы и уговорили его убраться отсюда подальше. Мы взяли да и отправились к нему всей честной компанией, ну и заклинали его. Прожили мы там два дня и две ночи и по очереди толковали с ним — только и всего! И разговоры подбирали в самом что ни на есть его вкусе. Ну он и согласился уехать. А дому-то что ж пропадать зазря? Ну мы его и унесли.

Вот все, как оно было, Брант,— заключил Гилрой с равнодушием, в котором было что-то очень убедительное.— Можете мне поверить. А теперь касательно первого вашего требования, что, дескать, мы обязаны ис-

править последствия, то тут мы с вами не согласны и докажем вашим же способом, что мы в своем праве. На это у нас есть бумага. Купчая на дом и имущество Хукера, а землю мы заняли вместо него, как ваши собственные арендаторы.

Гилрой исчез в своей лачуге, достал какую-то бумагу из ящика на полке и, вернувшись, протянул ее Кларенсу.

— Вот, смотрите сами. Все честь по чести, Брант. Мы ему уплатили — тут вот написано — сто долларов! Верное слово. И не как-нибудь, а наличными, черт подери! И он эти денежки взял!

Гилрой, несомненно, говорил правду, а под документом стояла собственноручная подпись Джима. Хукер продал свой участок. Кларенс быстро отвернулся.

— Мы не знаем, куда он уехал, — угрюмо продолжал Гилрой. — Ну, да вам теперь, небось, не очень-то хочется его видеть. А чтоб вам было легче на душе, так вот что: уговаривать его нам особенно и не пришлось.

И еще одно, если вы не брезгуете советом от тех, кто не напрашивается давать советы, — добавил он с тем же странным сочувствием. — Вам только повезло, что вы от него избавились, и еще больше повезет, если вы вот так же избавитесь еще кое от кого, кому верите.

И, словно не желая выслушивать гневной отповеди молодого человека, Гилрой вошел в хижину и захлопнул за собой дверь. Кларенс, сознавая, что дальнейшие разговоры бесполезны, повернул коня и ускакал.

Однако последний выстрел Гилроя попал в цель. Предательство Джима не слишком его поразило, так как он никогда не закрывал глаза на его тщеславие и другие слабости; не удивился Кларенс и тому, что хвастливость и нелепые выходки Джима, которые его самого только забавляли, другим людям, как утверждал Гилрой, могли казаться оскорбительными и вызывать у них гнев. Однако Кларенс, добрая душа, все же пытался оправдать поступок своего старинного приятеля и взять вину на себя. Он ведь не имел ни малейшего права навязывать бедняге Джиму участок и подвергать его своеобразную натуру соблазнам, которыми чревата подобная

жизнь в подобном окружении; и уж ни в коем случае он не должен был пользоваться его услугами на ранчо. Эти его неразумные и даже эгоистические попытки помочь Джиму принесли тому больше вреда, чем пользы.

Как я уже говорил, прощальное предостережение Гилроя больно уязвило Кларенса, но в высоком смысле. Оно ранило его чувствительность, но не могло смутить чистой, благородной души истинного джентльмена. И в предостережении Гилроя он слышал только упрек своим собственным недостаткам. Над всеми изъяснениями его дружбы тяготело нечто роковое. Он не сумел помочь Джиму, не принес счастья ни Сюзи, ни миссис Пейтон — его приезд, казалось, только усилил отчуждение между ними. Ему вспомнилось загадочное нападение, которому он подвергся, — теперь он уже почти не сомневался, что его присутствие на ранчо каким-то таинственным образом ускорило насильственную смерть Пейтона. Если он и правда унаследовал от своего отца какое-то проклятие, оно, по-видимому, влияло на судьбы тех, кто был ему дорог.

Он ехал, погружившись в глубокую задумчивость и устремив рассеянный взор на невидимую точку между чутких ушей своего коня, как вдруг эти уши испуганно насторожились, и Кларенс, очнувшись, увидел перед собой внезапно возникшую фигуру, которая заставила его забыть обо всем остальном.

Это был красивый молодой всадник, погруженный в не меньшую рассеянность, чем он сам, но, по-видимому, куда более довольный собой. Темные волосы, смуглая кожа и синие глаза позволяли сразу же узнать в нем калифорнийца испанского происхождения. Во рту у него торчал окуроч сигары, и он сидел на своем гнедом мустанге с ленивым изяществом, свойственным его соплеменникам. Однако внимание Кларенса привлекла не живописная персона всадника, а свисавшие с его седла кольца тонкой риаты, сплетенной из серого конского волоса, — смуглые пальцы незнакомца поигрывали ее узловатым, украшенным серебряными бусами концом, который заменял ему плетъ. Кларенс знал, что эти риаты, служащие для того, чтобы стреноживать лошадь при ночлеге в открытой степи, нередко бывают сплетены настоящими художниками своего дела и украшаются

чрезвычайно богато. Однако его душа внезапно исполнилась слепой ярости и отвращения, и он в упор посмотрел на приближающегося всадника. Что увидел тот в глазах Кларенса, было известно только ему одному, но его собственные глаза вдруг остекленели, смуглые щеки покрылись свинцово-серой бледностью, а лениво-небрежная поза стала напряженной — внезапно дернув поводья, он промчался мимо Кларенса бешеным галопом. Молодой американец повернул коня и конвульсивно сжал коленями его бока, словно собираясь кинуться вдогонку. Но тут же опомнился и не без труда собрался с мыслями. Что он, собственно, собирался сделать и почему? Он ведь и прежде видел сотни таких же всадников — на их лошадях были такие же попоны, такая же сбруя, даже такие же риаты. А таинственные незнакомцы, встреченные им в ту лунную ночь, были одеты совсем по-другому. Он оглянулся. Всадник уже придержал коня и теперь удалялся совсем не так торопливо. И Кларенс поехал дальше своей дорогой.

ГЛАВА IX

Кларенс не стал открывать семейству Хопкинсов всю глубину малодушия и предательства Джима и лишь заверил их в полном соответствии с истиной, что с ним ничего дурного не случилось, и обещал не только продолжать поиски их исчезнувшего соседа, но и сообщать им все новости о нем. Он высказал мнение, что Джиму, вероятно, пришлось уехать по какому-то срочному делу и, опасаясь оставить свою новую хижину без присмотра, он предпочел продать ее соседям с тем, чтобы по возвращении построить на ее месте уже настоящий дом. Затем, утешив Фебу и тут же измыслив очередной план, как вернуть ей Джима (к счастью, уже без недавнего сомнения в своей пригодности к роли благого providения), Кларенс вернулся на ранчо. Если он и вспоминал бегство Джима и предостережение Гилроя, то лишь для того, чтобы еще тверже укрепиться в намерении неуклонно исполнять возложенный им на себя благородный долг. Он стряхнет с себя меланхолию, будет прилежно заниматься делами ранчо, создаст давно задуман-

ную им «Охранную лигу землевладельцев Южной Калифорнии», выдвинет свою кандидатуру в законодательное собрание штата и, короче говоря, заменит Пейтона для края, как заменил его на ранчо. Он попытается лучше узнать работников-метисов, чтобы уладить недоразумения между ними и американцами; он уже бранил себя за то, что до сих пор еще не использовал в надлежащей мере приобретенное в юности знакомство с их обычаями и языком. Иногда в его памяти вдруг непрошенно всплывала фигура молодого испанца, которого он встретил на пустынной дороге, и каждый раз его охватывало необъяснимое предчувствие, что они еще встретятся и он узнает, почему его внезапно охватило тогда такое отвращение. В этом был весь Кларенс. Однако порыв, который погнал его в Фэр-Плейнс искать там разрешение сомнениям, касавшимся Сюзии и ее родственников, был полностью забыт.

Во всяком случае, энергия и энтузиазм, которые он вложил в свои замыслы, принесли свои плоды. Ему удалось создать «Лигу землевладельцев»; по его просьбе специальная комиссия заново установила границы ранчо Роблес и прилегающих участков, уточнила их и положила конец злоупотреблениям; даже неукротимый Гидрой, сначала относившийся к молодому деятелю с насмешливой снисходительностью, постепенно научился уважать его и считаться с ним; вакеро и пеоны начали доверять человеку, который настолько понимал их, что восстановил находившуюся на землях ранчо разрушенную часовню, и теперь по воскресеньям и праздникам им уже не приходилось совершать долгое паломничество в Санта-Инес; а священник из Сан-Франциско, рекомендованный Кларенсу его колледжем в Сан-Хосе и с этих пор часто навещавший его гостеприимный дом, был достаточно благодарен ему, чтобы внушить своей пастве надлежащую преданность их молодому хозяину.

Однажды к вечеру Кларенс вернулся из долгой поездки и бросился в покойное кресло, чтобы с чистой совестью предаться заслуженному отдыху. В огромном камине то вспыхивали, то угасали тлеющие угли, а через открытое окно доносилось ласковое дыхание юго-западного пассата. В часовне ударил колокол, призывающий

к молитве, и Кларенсу показалось, что смягченный расстоянием звук этот придал обдуваемой ветрами равнине ту благостную безмятежность, которой ей всегда недоставало.

Внезапно до его чуткого слуха донесся стук колес на подъездной аллее. Обычно его посетители приезжали верхом, а повозки и фургоны направлялись к усадьбе по нижней дороге. Звук приближался, и прихотливая мечта наполнила его сердце неизъяснимым удовольствием. Неужели миссис Пейтон решила без предупреждения навестить ранчо? Он затаил дыхание. Экипаж тем временем уже остановился в патио. Стук копыт смолк, и послышались женские голоса. Один из них показался ему знакомым. В коридоре раздались легкие шаги. Кларенс быстро вскочил на ноги, но тут дверь широко распахнулась, и он увидел смеющееся личико Сюзи.

Кларенс бросился к ней навстречу, но движимый лишь изумлением. Он не собирался целовать ее, однако при его приближении она лукаво наклонила головку, предостерегающе сдвинула брови и многозначительно указала на коридор, предупреждая, что их может застать распахло кто-то посторонний.

— Ш-ш-ш! Миссис Макклоски тут рядом,— шепнула она.

— Миссис Макклоски? — с недоумением повторил Кларенс.

— Ну, разумеется! — досадливо перебила Сюзи. — Моя тетя Джейн, глупыш! Мы заехали сюда, чтобы сделать тебе сюрприз. Тетя никогда не бывала на ранчо, и мы решили воспользоваться удобным случаем.

— А твоя мама... миссис Пейтон? Она... ей... — запинаясь, бормотал Кларенс.

— Ах, она! Ах, ей! — передразнила Сюзи, начиная сердиться. — Конечно, она ничего не знает! Она думает, что я уехала к Мэри Роджерс в Окленд. Я и поеду, только потом! — рассмеялась она. — А пока я написала тете Джейн, чтобы она встретила меня в Аламеде, и мы доехали в почтовой карете до Санта-Инес, а оттуда в коляске отправились сюда. Не правда ли, мы прелесть

но придумали? Скажи, Кларенс! Почему ты молчишь? Правда, мы придумали прелестно?

В эту минуту в ней было столько прежнего очарования и детской беспечности, что Кларенс, как ни был он встревожен и растерян, взял руки Сюзи в свои и притянул ее к себе, словно маленькую девочку.

— Разумеется,— продолжала она, не забыв понюхать розовый бутон в его петлице,— разумеется, я имею полное право приехать в свой собственный дом! А если меня сопровождает моя родная тетя, замужняя дама, то, значит, все приличия соблюдены и присутствие здесь молодого человека (это было произнесено самым надменным тоном) ничего не меняет!

Кларенс все еще держал ее в своих объятиях, но в этот миг она вновь переменилась. Сюзи его детства куда-то исчезла, ускользнула от него, и руки его обнимали только притворщицу-актрису.

— Будьте добры, мистер Брант, отпустите меня,— сказала она, оглядываясь с аффектированной томностью.— Мы здесь не одни.

Но когда в коридоре раздался приближающийся шелест юбок, Сюзи опять стала прежней и, сверкнув глазами, многозначительно шепнула:

— Она знает все!

Замешательство Кларенса только усилилось, когда вошедшая дама бросила на них игривый взгляд. Это была не слишком импозантная блондинка, чье довольно красивое лицо уже несколько увяло, однако под воздействием не столько времени, сколько краски и пудры; ее платье также многое теряло от неумеренного пристрастия его владелицы ко всяким украшениям и оборочкам, и при взгляде на нее невольно напрашивалось заключение, что вся эта мишура не предназначалась для дневного света. На кружевной отделке ее рукавов и нижних юбок виднелись крайне неуместные пятна глины. Ее голос, хотя и полный искренней благожелательности, звучал излишне громко и, по-видимому, еще не был приведен в соответствие с обыкновенным жилым домом и низкими потолками.

— Ну-ну, детки! Можете не обращать на меня внимания! Я знаю, что не участвую в этой сцене, но мне что-то боязно стало ждать в этом, как ты сказала,

«салоне» — ведь все эти черномазые мексиканцы столпились вокруг, словно хористы какие-то! Ах, до чего же здесь все старинное! Настоящая испанская старина! — И, поглядев на Кларенса, она докончила: — Так вот он какой, Кларенс Брант, твой Кларенс! Познакомь нас, Сюзи.

Несмотря на все свое негодование и душевную боль, Кларенс тем не менее сознавал, что у этой отвратительной ситуации есть своя смешная сторона, и в полном смятении обрел ненадежную опору в оброненных Сюзи словах «мой собственный дом». Да-да, конечно, это ее собственный дом, а он всего лишь управляющий ее приемной матери и не имеет права указывать ей, когда она должна сюда приезжать и с кем. Своевольная Сюзи вполне могла отправиться с этой невероятной родственницей куда-нибудь еще, что вряд ли было бы приятнее миссис Пейтон. Кое-как утешившись этой мыслью, он вспомнил про гостеприимство. От растерянности он поздоровался с миссис Макклоски даже излишне горячо.

— Я здесь только мажордом миссис Пейтон, но друзей ее дочери ждет тут самый радушный прием.

— Да-с,— с привычной игривостью отозвалась миссис Макклоски.— Мы с Сюзи, конечно, понимаем, какое у вас здесь место,— и, должна сказать, завидное, вот что. Но мы не станем слишком надоедать вам с миссис Пейтон, верно, Сюзи? А теперь мы с ней походим, посмотрим эту лачужку — это же настоящая испанская старина, верно? — да поглядим, что здесь и как, и вам, молодые люди, придется пока расстаться и вести себя при мне прилично. Пока я тут, ни-ни-ни! Будете у меня ходить по струнке, уж поверьте. Я ведь такая дуэнья, что чудо, верно, Сюзи? По строгости со мной ни одна школьная учителька, ни одна монастырская настоятельница не сравнится.

Она обняла девушку за талию и нежно привлекла к себе, так что на черное платье ее племянницы опустилось небольшое облачко пудры. Сюзи лукаво покосилась на Кларенса, но тут же поглядела на тетку с выражением самой искренней любви и восхищения. Сердце Кларенса мучительно сжалось. Он ни разу не видел, чтобы она взглянула так на миссис Пейтон. А эта посторонняя

женщина, безвкусно одетая, дурно воспитанная провинциалка, невыносимо вульгарная, хоть и добродушная, сумела вызвать в Сюзи те чувства, которые тщетно пыталась пробудить утонченная миссис Пейтон. Когда миссис Макклоски выплыла из комнаты вместе с Сюзи, он отвернулся, и на его сердце легла свинцовая тяжесть.

Однако надо было принять меры, чтобы испанские слуги не догадались, как предали их госпожу, и Кларенс положил конец их детскому любопытству, сделав вид, что во внезапном приезде Сюзи нет ничего необычного, и обходясь с миссис Макклоски с дружеской фамильярностью, которая становилась ему тем неприятнее, чем больше она нравилась самой даме. Ободренная его вниманием, она вскоре пустилась в откровенности. Хотя Кларенс не задал ей ни единого вопроса и даже Сюзи никак ее не поощряла, она за полчаса поведала ему во всех подробностях историю своей жизни. Как еще в качестве Джейн Силсби, старшей сестры матери Сюзи, она в нежной юности бежала из родительского дома в Канзасе с Макклоски, странствующим актером. Как она вышла за него замуж и поступила в театр, взяв его сценический псевдоним, так что родные не могли ее отыскать. Как они приехали в Калифорнию, где ее муж снял театр в Сакраменто, и она с негодованием узнала, что ее единственная оставшаяся в живых родственница, жена ее покойного брата, за денежное вознаграждение отказалась от всех прав на осиротевшую Сюзи, и как она решила во что бы то ни стало узнать, «счастлива ли бедная девочка». Как ей удалось узнать, что девочка очень несчастна. Как она написала ей и даже тайно встречалась с ней в Сан-Франциско и в Сакраменто, и как она отправилась в эту поездку отчасти «удовольствия ради», а отчасти чтобы познакомиться с Кларенсом и посмотреть имение. В искренности рассказчицы сомневаться не приходилось; и такое отсутствие всякой стеснительности не оставляло никакой надежды на то, что она способна понять всю неделикатность своего поведения по отношению к миссис Пейтон. И все же Кларенс считал, что обязан поговорить с ней прямо; обязан сказать ей то, чего не мог сказать Сюзи,— что от нее зависит счастье миссис Пейтон (впрочем, он убедил

себя, что заботится также и о счастье Сюзи). Да, он должен объясниться с миссис Макклоски наедине, как только представится удобный случай.

Этот случай представился скорее, чем он ожидал. После обеда миссис Макклоски повернулась к Сюзи, шутивым тоном объявила, что должна поговорить с мистером Брантом «о делах», и велела ей пока пойти в гостиную. Едва девушка вышла, как миссис Макклоски посмотрела на Кларенса и сказала тем грубоватым тоном, какой обычно пускают в ход невоспитанные, но добродушные люди, начиная разговор на деликатную тему и желая рассеять неловкость:

— Ну-с, молодой человек, как же все-таки обстоят дела между вами и Сюзи? Я взялась блюсти ее интересы, прямо как моей родной дочери. Если вам есть что сказать, так говорите теперь. Да поменьше мямлите и тяните, потому что такая девушка легко найдет себе что-нибудь по вкусу и никого об одолжениях просить не станет; а не захочет пока выбирать, так мы с мужем готовы о ней позаботиться. Конечно, изображать из себя всяких там испанских грандов мы не можем, но у нас есть свое дельце, и очень доходное.

С этим Кларенс не мог смириться, несмотря на всю свою кротость — он ревниво оберегал свою тайну от миссис Пейтон, и вдруг ему пришлось выслушать подобное заявление под ее кровом! Решимость его окрепла.

— Мне кажется, мы не вполне понимаем друг друга, миссис Макклоски,— сказал он холодно, но в его глазах появился опасный блеск.— Мне действительно есть что сказать вам; тема эта не столь приятна, как та, которую имеете в виду вы, но тем не менее, на мой взгляд, ее мы более полномочны обсуждать.

Затем со сдержанной, но неумолимой прямоотой он напомнил миссис Макклоски, что Сюзи была удочерена миссис Пейтон с соблюдением всех формальностей и, как несовершеннолетняя, находится под полным контролем своей приемной матери; что миссис Пейтон ничего не было известно о родственниках, не согласных с этим удочерением; что Сюзи не только не сообщила ей об этом, но и, как он твердо убежден, миссис Пейтон даже не подозревает о ее недовольстве и отчуждении, что она

с большой заботливостью и нежностью воспитала одинокую сиротку, как свою собственную дочь, и даже если ей не удалось завоевать ее любовь, она имеет право ждать от нее послушания и уважения; что неопытность и детское своеволие Сюзи в какой-то мере извиняют ее поведение, но миссис Пейтон и ее друзья вправе требовать большей рассудительности от миссис Макклоски, как женщины, более умудренной опытом. Вот почему он, друг миссис Пейтон, которая, как единственная законная опекунша Сюзи, одна, по его мнению, имеет право судить о желательности и нежелательности тех или иных ее привязанностей, должен решительным образом уклониться от разговоров, касающихся его отношений с Сюзи или его намерений.

Несмотря на слой пудры, лицо его собеседницы явно покраснело.

— Как вам угодно, молодой человек! Как вам угодно, — сказала она с такой же злобной прямоотой. — Только, может, вы все-таки позволите мне сказать, что Джим Макклоски дураком никогда не был и, может, он знает, что думают законники о договоре с женой покойного брата в обход родной сестры! Может, о таком вот сестринском титуле вы не подумали, мистер Брант? И может, вы еще узнаете, что получить согласия миссис Пейтон вам будет потруднее, чем вы думали. А может — это будет вернее! — от ее-то согласия Сюзи только на дыбы встанет! И под конец, мистер Брант, еще одно: когда вы доберетесь до сути, а значит, до меня с Джимом Макклоски, так, может, еще окажется, что мы с ним нашли Сюзи жениха получше сына Хэмильтона Бранта, как бы он на папашины денежки ни выламывался под испанского гранда перед двумя бабами. Да, может, нам долго искать и не придется, мистер Брант, и уж найдем мы не подделку, а самый настоящий товар!

Кларенс испытывал такую душевную боль и отвращение, что даже не заметил ни ядовитой шпильки в свой адрес, ни последнего многозначительного намека, — он только молча встал и поклонился, когда миссис Макклоски вскочила из-за стола. Однако, когда она приблизилась к двери, он сказал почти просительно:

— Каковы бы ни были ваши намерения, миссис

Макклоски, но мы — гости Сюзи, и я прошу вас ничего не сообщать ей о нашем разговоре, пока мы тут, а главное, постарайтесь, чтобы у нее не сложилось впечатления, будто я позволил себе обсуждать с кем-нибудь свои чувства к ней.

Миссис Макклоски выплыла из комнаты, не удостоив его ответом, но, войдя в сумрачную, низкую гостиную, с удивлением обнаружила, что Сюзи там нет. Поэтому ей пришлось отправиться на веранду, куда уже вышел Кларенс, и с высокомерным видом отдать распоряжение слугам, чтобы Сюзи попросили немедленно зайти к ней в комнату. Однако барышни у себя не оказалось, и никто не знал, где она. Кларенс, уже принявший твердое решение в качестве последнего средства обратиться прямо к Сюзи, был встревожен бесплодностью этих поисков. Выйти из дому она не могла, так как опять начался дождь. Возможно, она где-то пряталась, чтобы избежать повторения сцены, начало которой, быть может, невольно подслушала. Кларенс свернул в коридор, ведущий к будуару миссис Пейтон. Зная, что будуар заперт, он был удивлен, увидев при тусклом свете подвешенной к потолку лампы, что в замке торчит ключ, совершенно такой же, какой хранился в ящике его бюро. Ключ этот мог принадлежать только Сюзи, и, значит, она укрылась тут. Он тихонько постучал. За дверью раздался шорох и как будто отодвинули стул, но никто не отозвался. Подчиняясь внезапному порыву, Кларенс распахнул дверь и почувствовал сильный сквозняк — очевидно, одно из окон было открыто. В тот же самый миг он различил в полутьме Сюзи, которая шла к нему навстречу.

— А я не знал, что ты тут, — сказал Кларенс, испытывая непонятное облегчение. — Но я этому рад, так как нам нужно поговорить наедине.

Сюзи ничего не ответила, но он все-таки достал из кармана спичку и зажег две стоявшие на столе свечи. Фитиль одной из них казался теплым, точно ее погасили совсем недавно. Когда по комнате разлился свет, Кларенс увидел, что Сюзи смотрит на него с притворным спокойствием, но что щеки ее порозовели сильнее обычного. Впрочем, это было на нее похоже и не проти-

воречило его предположению, что она спряталась тут, чтобы избежать объяснений с миссис Маккроски или с ним, а может быть, и с ними обоими. В комнате не было заметно никакого беспорядка. Открыто было окно-амбразура в наружной стене дома, и легкая занавеска трепетала под порывами ночного ветра.

— Боюсь, я повздорил с твоей тетушкой, Сюзи,— начал он весело своим обычным дружеским тоном.— Однако мне пришлось объяснить ей, что она ведет себя по отношению к миссис Пейтон не так, как заслуживает та, которая отдала тебе столько любви и заботы.

— Ах, пожалуйста, не надо опять об этом! — раздраженно сказала Сюзи.— Я уже наслушалась более чем достаточно!

Кларенс покраснел, но сдержался.

— Следовательно, ты слышала наш разговор и знаешь, что я обо всем этом думаю,— сказал он спокойно.

— Ничего нового я не услышала! — возразила Сюзи, надменно вздергивая головку, но тут же словно в каком-то рассеянии подошла к окну и закрыла его.— Это каждому было ясно, как божий день! Я знаю, ты с самого начала хотел, чтобы я оставалась здесь с миссис Пейтон и чтобы меня держали взаперти, пестовали, муштровали и школили, а кто-нибудь другой тем временем пестовал бы, муштровал и школил тебя до тех пор, пока ты не стал бы таким, каким, по ее мнению, должен быть мой муж. Я же говорила тете, что даже если мы и приедем сюда, нам все равно не удастся... не удастся...

— Что именно? — спросил Кларенс.

— Заставить тебя опомниться,— отрезала Сюзи.— Помешать тебе и дальше ходить перед этой женщиной на задних лапках. Не дать ей сделать из тебя раба, как она хотела сделать рабыню из меня. Но что толку! Мэри Роджерс совершенно правильно сказала, что ты думаешь только о том, как бы угодить миссис Пейтон, и никого, кроме нее, не видишь. И что, не будь это так нелепо,— вспомни, сколько ей лет, а сколько тебе! — можно было бы даже подумать, что ты по уши влюблен в миссис Пейтон.

Вся кровь прихлынула к лицу Кларенса, но в следующий миг он побледнел и ощутил леденящий холод. Комната завертелась, растворилась в тумане, а потом вдруг вновь возникла с пугающей четкостью — с четкостью воспоминания, и он словно вновь увидел перед собой миссис Пейтон, как видел ее в тот раз, когда впервые вошел в будуар. И вдруг он понял, что Сюзи сказала правду, что она безжалостно сорвала повязку с его глаз. Да, он влюблен в миссис Пейтон! Вот что означали его сомнения и колебания, когда он думал о Сюзи! Вот единственный источник, тайная причина и предел всех его полусознанных честолюбивых помыслов.

Однако это открытие принесло с собой странное спокойствие. За последние несколько секунд он как будто стал старше на много лет, и узы прежней дружбы с Сюзи ослабели, а более позднее впечатление, что она, несмотря на свои юные годы и неопытность, несравненно превосходит его знанием жизни и зрелостью, исчезло без следа. И с почти отцовской властью, голосом, который он сам не узнавал, Кларенс произнес:

— Если бы я не знал, что ты находишься под влиянием глупой и грубой женщины, то решил бы, что ты пытаешься оскорбить меня, как оскорбила свою приемную мать, и избавил бы тебя от неприятной необходимости делать это под ее кровом, немедленно покинув его навсегда. Однако я убежден, что всему причиной именно это дурное влияние, и я останусь здесь с тобой, чтобы по мере сил помешать ее замыслам, — останусь, во всяком случае, до тех пор, пока не смогу сообщить миссис Пейтон обо всем, кроме тех глупостей, которые ты только что наговорила.

Сюзи рассмеялась.

— Сообщи уж заодно и их, раз уж ты решил ябедничать! Пусть-ка она тебе что-нибудь ответит.

— Я скажу ей, — невозмутимо продолжал Кларенс, — только то, что ты сама вынуждаешь меня сказать ей, чтобы спасти тебя от стыда и позора, и только потому, что хочу избавить ее от унижения выслушивать это от собственных слуг.

— Что выслушивать от слуг? О чем ты говоришь? Как ты смеешь! — злобно выкрикнула Сюзи.

Теперь ее тревога была совершенно искренней, но добродетельное негодование, как решил Кларенс, она, по обыкновению, только изображала.

— Я говорю о том, что слуги знают о твоей переписке с миссис Макклоски и о твоих родственных с ней отношениях,— сказал Кларенс.— Они знают все, что ты доверила Пепите. Они думают, что либо мисс Макклоски, либо ты сама виделись...

Он внезапно умолк. В эту минуту, когда он собирался сказать, что, по словам слуг (а главное, Инкарнасио), Педро похвастается, будто не раз виделся с ней, Кларенс вдруг впервые осознал все грозное значение этих, как он прежде считал, пустых рассказней.

— С кем виделась? — переспросила Сюзи, повышая голос и топнув ножкой.

Кларенс посмотрел на нее, и настороженное выражение ее покрасневшего лица подтвердило его еще неясные подозрения. Однако его внезапное молчание и нахмуренные брови, по-видимому, подсказали ей, о чем он думает. Их взгляды встретились. Фиалковые глаза Сюзи расширились, замигали и опустились, но она тут же поспешила принять позу презрительного равнодушия, до нелепости неестественную. Кларенс медленно обвел взглядом окно, дверь, свечу на столе и стул рядом, а потом вновь посмотрел в лицо Сюзи. Он глубоко вздохнул.

— Я не обращаю внимания на пустую болтовню слуг, Сюзи,— медленно сказал он.— И не сомневаюсь, что все это не более как новый твой каприз или детская шалость. Я не собираюсь ни запугивать тебя, ни вызывать к твоим лучшим чувствам, но тем не менее обязан сказать тебе, что мне известны некоторые факты, которые превратят простое легкомыслие в нечто чудовищное и немыслимое — сделают из тебя почти пособницу страшного преступления! Больше я тебе ничего сказать не могу. Но я настолько убежден в такой возможности, что не останавлиюсь перед любыми, даже самыми жесткими мерами, лишь бы предотвратить это. Твоя тетюшка ищет тебя, так что лучше пойдешь к ней. Я запру дверь. И прими один мой совет: не сиди по ночам со свечкой у открытого окна, когда ты на ранчо. Если тебе это бдение и не причинит вреда, оно может

оказаться роковым для глупых созданий, которых привлечет свет.

Кларенс открыл перед ней дверь и вынул ключ из замка. Сюзи визгливо засмеялась, как напроказивший ребенок, и, словно плащ, сбросив с себя напыщенную надменность, выбежала в коридор.

ГЛАВА X

Когда шаги Сюзи замерли в отдалении, Кларенс притворил дверь, подошел к окну и внимательно его осмотрел. Прутья, которые он вывернул, чтобы открыть путь в дом в день похорон, были вставлены на место. Он оглядел комнату: все, казалось, было, как прежде. И все же его томило беспокойство. Однажды поддавшись подозрениям, прямодушный и бесхитростный человек заходит в них куда дальше осторожного эгоиста, потому что для него это гибель веры, а не частный случай. Кларенс уже не сомневался, что Сюзи виделась с Педро после его увольнения, и строил самые невероятные догадки о причинах, побудивших ее к этому. Педро, скрывая от нее свое злодейство, мог сообщить ей, что намерен начать тяжбу и сделать ее владелицей и госпожой ранчо. Подобная мысль могла прийти по вкусу Сюзи, любительнице всяческих театральных эффектов. Ему вспомнилось, как миссис Макклоски, говоря о его притязаниях, презрительно фыркнула и намекнула, что у него, возможно, есть соперник более знатного происхождения. Когда рассеялось первое изумление, мысль о том, что Сюзи ему неверна, оставила его почти равнодушным, — да и о какой неверности можно было говорить, раз она не сомневалась, что Мэри Роджерс права? И Кларенс, придя к выводу, что ни он, ни она никогда не питали друг к другу настоящей любви, мог теперь, как ему казалось, беспристрастно судить о ее поведении. Однако она обманывала не только его, но и миссис Пейтон, и это произвело на него куда более сильное впечатление, так что на самом деле он вовсе не был беспристрастен. Кларенс задул свечи — почему-то это показалось ему необходимой мерой предосторожности, а кроме того, размышлять над терзавшими его опасени-

ями было легче в полумгле. Рассеянный свет, проникавший в будуар сквозь три высоких окна, ложился на потолок, а из глубокой амбразуры на противоположную стену падал смутный отблеск, словно от потайного фонаря, так что Кларенс мог различить знакомые очертания комнаты и мебель. И точно так же из сумрака его памяти вдруг выступили различные события, которыми он в свое время не придавал никакого значения. Он припомнил разговоры слуг и намеки Сюзи, касавшиеся бурной ссоры между Пейтоном и Педро, после которой Педро прогнали с ранчо. Но теперь ему стало ясно, что причиной этой ссоры было что-то гораздо более серьезное, чем просто дерзость и небрежность. Он припомнил, как Мэри Роджерс, поддразнивая Сюзи, упоминала про Педро, а Сюзи молчала с таинственным видом, который казался ему тогда обычным ее притворством. Он припомнил, как миссис Пейтон без видимых оснований беспокоилась за Сюзи, а он, считая причиной этой тревоги себя, не придавал ей значения, — но ведь миссис Пейтон, вероятно, что-то подозревала! Кларенс, чье доверие было так жестоко обмануто, дал волю фантазии и уже не сомневался, что Хукер тоже участвовал в заговоре и исчез либо в соответствии с их планом, либо опасаясь разоблачения. Конечно, именно об этом его и предупредил на прощание Гилрой! Только миссис Пейтон и он хранили слепую доверчивость в этом море предательств, а он, кроме того, был слеп и к собственным чувствам.

Вновь поднялся ветер, и пятно света на стене напротив амбразуры трепетало и менялось от колыхания листвы снаружи. Затем оно вдруг совсем исчезло, словно перед окном появился какой-то непрозрачный предмет. Кларенс поспешно встал и бросился к амбразуре. Но тут же ему показалось, что где-то совсем в другой части дома хлопнуло окно или дверь, а перед собой он увидел только решетку, листву и серебристое небо в легкой пелене облаков, отбрасывающее призрачный свет на побеленную внутренность амбразуры. Он внезапно понял, в чем заключалась его ошибка. Каса занимала слишком большое пространство, и, значит, незванные пришельцы вовсе не обязательно должны были выбрать именно это окно, чтобы проникнуть в дом

или переговорить с кем-нибудь из его обитателей. Лучше немедленно проверить, не бродит ли и в самом деле кто-нибудь вокруг стен, лучше тут же встретиться с ними в открытую. Обнаружить их, узнать, кто они такие, было не менее важно, чем разрушить их планы.

Кларенс вновь зажег свечу и, поставив ее на столике у стены ниже уровня окна, задернул занавеску с таким расчетом, чтобы она пропускала свет наружу, но комнату оставляла в тени. Затем он тихонько открыл дверь, запер ее за собой и бесшумно пошел по коридору. Комнаты Сюзи и миссис Макклоски находились в дальнем его конце, но от будуара их отделял внутренний двор, откуда доносились негромкие голоса слуг, ожидавших, чтобы их отпустили на ночь. Кларенс повернулся и все так же бесшумно направился к узкой сводчатой двери, выходившей в сад. Он отпер ее и открыл, по-прежнему соблюдая величайшую осторожность. Снова накрапывал дождь. Не желая тратить времени, Кларенс не стал возвращаться к себе, а снял все еще висевшие в нише старый непромокаемый плащ и клеенчатую шляпу Пейтона и вышел в ночной мрак, заперев за собой дверь. Он не хотел посвящать в эту тайну конюхов и не пошел за своей лошадью, рассчитывая найти в корале мустанга какого-нибудь вакеро. К счастью, Польт, старая кобыла Пейтона, стоявшая почти у самых ворот, легко позволила себя поймать. Кларенс вскочил на ее неоседланную спину и, пользуясь недоуздком, как поводьями, тихонько выехал на дорогу. Там, держась в тени ограды, он добрался до открытого поля и, наполовину скрытый сухими, ломкими, но все еще торчащими стеблями овсяга, начал медленно объезжать касу.

Серый туманный купол над его головой, чуть посеребренный невидимой луной, то светлел, то опять темнел, когда налетала новая полоса дождя. Тем не менее Кларенс ясно видел темный прямоугольник дома — весь, кроме западной стены, где терзаемые ветром ивы с мольбой стучали ветвями в глинобитную стену. Но больше вокруг ничто не шевелилось до той дальней черты, где блестящее влажное небо смыкалось с блестящей влажной равниной. Кларенс уже объехал

две стороны дома, и его кобыла неслышно ступала по бороздам, устланным мокрым ковром из стеблей и отавы, как вдруг шагах в ста перед ним из зарослей овсюга беззвучно возникла фигура всадника, который выехал на поперечную тропу и тут же остановился со скучающим видом человека, обреченного на долгое ожидание. Кларенс сразу же узнал одного из своих вакеро, тщедушного метиса, и ни на секунду не усомнился, что это только часовой, сообщник, которому поручено поднять тревогу в случае опасности. Низкий рост вакеро помешал Кларенсу разглядеть его раньше в зарослях, а кони их ступали одинаково тихо. Молодой человек был уверен, что главный из незваных гостей находится сейчас возле касы, где-то в ивах, и повернул лошадь, намереваясь перехватить его прежде, чем часовой что-нибудь заметит. К несчастью, веревка плохо заменяла поводья, и кобыла, оступившись, шумно ударила копытом по луже. Страж быстро обернулся, и Кларенс понял, что должен во что бы то ни стало схватить его. Угрожающе взмахнув рукой, он поскакал прямо к нему.

Однако их разделяло еще порядочное расстояние, когда вакеро вдруг испустил душераздирающий вопль — такой жуткий, что даже горячая кровь Кларенса застыла в его жилах, — и во весь опор помчался по тропе туда, где лежала безграничная равнина. Прежде чем Кларенс успел решить, был ли этот крик сигналом или его исторг ужас, по стене касы забила копытами испуганная лошадь, а затем закачались кусты у задних ворот. Враг был там! Без колебаний Кларенс ударил каблуками свою лошадь и помчался на этот звук. Когда он приблизился к кустам, по ним словно пробежала рябь, и послышался удаляющийся конский топот. Не сомневаясь, что незваный пришелец, предупрежденный криком своего сообщника, обратился в бегство, Кларенс ринулся за ним. Он руководствовался стуком копыт, так как кусты скрывали беглеца, но когда угол касы остался позади, он убедился, что конь неизвестного значительно лучше. Топот становился все глуше, порой и вовсе замирая, чтобы раздаться вновь при его приближении, а вскоре и окончательно затих вдали. Тщетно Кларенс бил каблуками свою не столь резвую лошадь и горько сожалел, что под ним не его мустанг — когда он вы-

брался из кустарника, беглеца не было ни видно, ни слышно. Перед ним лежал пустынный и угрюмый склон, ведущий к нижней террасе. Неизвестный скрылся.

Кларенс повернул назад вне себя от бессильного гнева и ярости. Однако ему удалось чему-то помешать, пусть он даже и не знал, чему именно. И хотя тому удалось ускользнуть, он знает его сообщника и узнает теперь, кто был этот таинственный гость. Обитатели касы, по-видимому, ничего не слышали, и Кларенс решил их напрасно не тревожить. Он не сомневался, что непрошенные пришельцы уже далеко и в эту ночь можно больше ничего не опасаться. Тихонько вернувшись в кораль, он оставил там лошадь и, никем не замеченный, направился к дому. Он отпер узкую дверь в стене, вошел в темный коридор, задержался на минуту, чтобы открыть дверь будуара, взглянуть на крепко запертое окно и погасить еще горевшую свечу, а затем вновь повернул ключ в замке и отправился в свою комнату.

Однако заснуть ему не удалось. Происшествие этой ночи, занявшее так мало времени, тем не менее произвело на него глубокое впечатление, хотя и казалось уже странным сном. Жуткий крик вакеро еще звучал в его ушах, но теперь в нем было что-то сверхъестественное, потустороннее, словно почудившееся в кошмаре. Наконец Кларенс забылся в беспокойной дремоте, а очнувшись, увидел, что на дворе день, а рядом с его кроватью стоит Инкарнасио.

Смуглое лицо управляющего приобрело зеленоватый оттенок, а губы пересохли.

— Вставайте, сеньор Кларенсио! Скорей вставайте, мой господин. Случилось страшное. Да защитит нас мать божья!

Кларенс вскочил с постели, лихорадочно припоминая события ночи.

— Что означают твои слова, Насьо? — спросил он, хватая мексиканца за руку, которую тот, что-то бормоча, поднял, чтобы перекреститься. — Говори! Я приказываю!

— Хосе, коротышка-вакеро! Он сейчас в доме падре и вопит, как сумасшедший, он от ужаса совсем рехнулся.

Он видел его... воскресшего мертвеца! Бог да смилуется над нами!

— Да ты, кажется, и сам помешался, Насьо? — сказал Кларенс. — Кого он видел?

— Кого? Господи помилуй! Старого хозяина. самого сеньора Пейтона. Вчера ночью он поскакал к нему в патио — из воздуха, с неба, из земли, — он не знает откуда! Такой же, как был при жизни, в старом своем плаще и шляпе и на собственной кобыле! Он ехал прямой, грозный, ужасный, а в страшной руке держал веревку — вот так! Хосе видел его своими глазами, как я вижу вас. А что он сказал Хосе, известно одному богу! И еще, может быть, священнику: он же исповедался.

Кларенса осенила догадка. Он начал мрачно одеваться.

— Ни слова об этом женщинам... и вообще никому, ты понял, Насьо? — сказал он резко. — Весьма вероятно, что Хосе выпил слишком много агвардиенте. Я сам поговорю со священником. Но что с тобой? Успокойся, друг Насьо.

Однако управляющий никак не мог унять бившую его дрожь.

— Это еще не все... мать божья! Это еще не все, господин, — пробормотал он, падая на колени и продолжая креститься. — Сегодня утром рядом с коралем вакеро увидели лошадь Педро Моралеса, всю в грязи, оседланную и взнузданную, а в стремени... слышите? А в стремени висит сорванный сапог Моралеса! О господи! Как было и с ним! Теперь вы поняли? Это его месть! Нет-нет, прости, Иисусе, мое кощунство! Это божье отмщение.

Кларенс был потрясен.

— А Моралеса вы не нашли? Вы его искали? — сказал он, торопливо надевая сюртук.

— Искали повсюду. По всей равнине. Все вакеро поднялись с зарей и объездили самые дальние поля. И никаких следов! Да и как же иначе? Только так и могло быть. — И он торжественно указал на землю.

— Чепуха! — воскликнул Кларенс, застегивая последнюю пуговицу и хватая шляпу. — Иди за мной!

Сопровождаемый Инкарнасио, он побегал по коридору, миновал толпу возбужденно жестикулирующих слуг в патио и вышел через задние ворота. Там он направился вдоль стены к окну будуара.

Вдруг Инкарнасио испустил крик ужаса.

Они оба бросились вперед. Из амбразуры, словно промокший сверток одежды, свисал труп Педро Моралеса, и босая нога всего на дюйм не доставала до земли. Он, очевидно, просунул голову в решетку, но тут первый прыжок испуганной лошади сломал ему шею между прутьями, словно в гарроте, а затем она в ужасе помчалась прочь, унося в стремени застрявший сапог.

ГЛАВА XI

Зимние дожди наконец кончились, и все калифорнийское побережье пылало яркими красками. На целые мили простирались поля желтых и красных маков, люпины окрашивали в нежные тона мягкие округлости холмов, а склоны предгорий купались в ромашках и одуванчиках. В Сакраменто уже наступило лето; желтая река сверкала невыносимым блеском; камыш и другие болотные травы поднимались сочными зарослями; пух тополей и сикомор выбелил городские окраины, и было так жарко, что Сайрус Хопкинс и его дочь Феба, расположившиеся на веранде гостиницы «Плейсер», вдруг затосковали по родине, вспомнив летний зной Новой Англии, хотя уже давно привыкли к прохладным пассатам прибрежных долин Калифорнии.

Позже, когда они сидели за обедом и оглядывали длинные столы с тем томительным чувством одиночества и сознанием собственной ничтожности, которое часто охватывает жителей глуши, попадающих в город, Феба вдруг вскрикнула и ухватила отца за руку. Широко расставленные локти мистера Хопкинса перестали двигаться, и он вопросительно посмотрел на дочь. Вся просияв, она указывала на появившуюся в дверях фигуру. Фигура эта принадлежала молодому человеку, одетому, а вернее, разодетому по последней моде, что, впрочем, не могло скрыть некоторой деревен-

ской неуклюжести его сложения и манер. Длинные усы, которым даже фиксатуар не придал ухоженного вида, и прямые темные волосы, изломанные, но не завитые парикмахерскими щипцами, делали его заметным даже в пестром обществе, собравшемся за табльдотом.

— Это он,—шепнула Феба.

— Кто? — спросил ее отец.

Увы, любовь непоследовательна! И Феба покраснела не при виде возлюбленного, а произнося его имя.

— Мистер Хукер,—пролепетала она.

И действительно, это был Джим Хукер — но избравший новую позу: бывшая злоеющая угрюмость сменилась теперь томной надменностью, более соответствовавшей его городскому костюму. Вид у него был более мирный, но отнюдь не умиротворенный; и, усевшись за боковым столиком, он щепотью поддержнул полосатые манжеты и обвел обедающих пренебрежительным взглядом, что, впрочем, не мешало ему исподтишка наблюдать, какой эффект произвело его появление, и когда два-три человека начали перешептываться и поглядывать на него, он соизволил недовольно нахмурить брови.

Все это могло напугать кроткую Фебу, но ничуть не смутило ее отца, который встал и, направившись к Хукеру, дружески хлопнул его по спине.

— Здорово, Хукер! Я было тебя не узнал, таким ты франтом заделался, но Феба сразу смекнула, что это ты.

Обескураженный Джим покраснел от досады; впрочем, он по-прежнему побаивался мистера Хопкинса и поэтому ответил на его приветствие, но очень неловко и нервно. Как обошелся бы он с более робкой Фебой — вопрос другой, но мистер Хопкинс, словно ничего не заметив, продолжал:

— Мы с Фебой еще только начали, ну так и перейдем к тебе потолковать о старых временах. Погоди-ка, я ее сейчас приведу.

Джим воспользовался этой передышкой, чтобы обратиться с мыслями, извлечь на свет божий исчезнувшие манжеты, выставить напоказ толстую часовую цепочку, подкрутить усы и вообще принять прежний вид человека, пресыщенного славой и радостями жизни. И Феба, едва

«СЮЗИ»

они пересели к нему и обменялись рукопожатием, тут же онемела при виде этих новых совершенств, чего нельзя было сказать о ее отце.

— Коли судить по обличью, так у тебя дела идут неплохо,— заметил он хмуро.— Ежели ты, конечно, не портной и не щеголяешь в собственных изделиях, чтобы показать товар. Так чем же ты занимаешься-то?

— Вы, как погляжу, недавно приехали в Сакраменто,— предположил Джим со снисходительной жалостью в голосе.

— Нынче утром,— ответил Хопкинс.

— И в театре вы не были? — продолжал Джим.

— Нет.

— И не вращались... в... в избранном обществе, так сказать?

— Покамест нет,— с виноватым видом ответила Феба.

— И не видели ни одной из огромных афиш на заборах? «Цветок Прерий, или Дик Кровавая Рука» — пьеса в трех действиях, пяти картинах, величайшая сенсация года, идет в сороковой раз, на каждый спектакль желающих больше, чем билетов, только стоячие места? — продолжал Джим с терпеливой снисходительностью.

— Нет.

— Ну так Дика Кровавую Руку играю я! Вот я и подумал, что, может, вы смотрели пьесу и узнали меня. Всем этим людям,— он угрюмо показал на обедающих,— я очень даже хорошо известен. Просто сил нет терпеть, когда на тебя глазеет такой вот необразованный, грубый сброд. Гостиница совсем утратила тон. Придется мне предупредить хозяина и съехать. Сразу видно, что здешней публике настоящий джентльмен, занимающийся благородным искусством, в новинку.

— Так ты, значит, теперь в комедиантах ходишь? — осведомился фермер тоном, отнюдь не исполненным того восторга, который сиял в глазах Фебы.

— Временно,— ответил Джим с надменной небрежностью.— Видите ли, я... я компаньон Маккლოსки, антрепренера, и мне не понравилось, как ломается болван, который играл раньше Кровавую Руку, ну, и я на один вечер взялся подменить его, чтобы показать ему,

что такое настоящая игра. И черт меня подери, публика с того раза никого другого в этой роли и на сцену не допускала — самых что ни на есть знаменитостей, которые деньги лопатой гребут. Вот и получается, — добавил он мрачно, — что играть мне эту проклятую роль во всех больших городах Калифорнии, а может, в интересах дела придется и в восточные штаты поехать. Да только очень уж это из человека жилы выматывает! И времени-то у него свободного нет ни минуты, и приглашают-то его нарасхват, и на улицах за ним бегают, и в гостиницах на него глазеют — прямо сам себе больше не принадлежишь! Вот за тем столом все люди — даже женщины — так и сидят весь день в засаде, дожидаются, чтобы я пришел, а потом глаз с меня не сводят! Приходили бы уж прямо со своими биноклями!

Бедняжка Феба, полная нежности, жалости и негодования, повернула каштановую головку и обратила свои честные глаза в указанном направлении. Но поскольку глаза ее были честными, они не могли не заметить, что «тот стол» не обращает ни малейшего внимания на прославленного исполнителя роли Дика Кровавой Руки. Быть может, там слышали его слова?

— Так вот, значит, почему ты не вернулся на свой участок! А я-то думал, ты просто раньше нас узнал, что все лопнуло, — угрюмо заметил Хопкинс.

— Что лопнуло? — переспросил Джим с заметной досадой.

— Да «сестринский титул», разве ты не слышал? — пояснил Хопкинс.

Джим вздохнул с облегчением и тотчас вновь принял прежний надменный и мрачный вид.

— Нет, мы тут плохо осведомлены, что происходит в этой коровьей глуши.

— Ну, ты-то мог бы и поинтересоваться, — сухо возразил Хопкинс. — Дело же касается твоих друзей! Ведь «сестринский титул», значит, сразу лопнул, как только вышло наружу, что Педро Моралес, тот, что заварил всю эту кашу, сломал себе шею около касы ранчо Роблес; поговаривают, что к такому его концу приложил руку Брант, твой, значит, приятель, хоть и взвалили все на привидение старика Пейтона. Ну, уж не знаю, а только

все они там до того перепугались, что один из мексиканской шайки, папист, значит, как увидел привидение, так и пошел к ихнему попу, чтобы, значит, покаяться и спасти свою окаянную душу. Да только поп сказал, что не даст ему отпущения, пока он, значит, не объявит про все в открытую. И тут-то вышло наружу, что все документы на «сестринский титул» подложные, хоть и писаны на казенной бумаге, а подделал их Педро Моралес, а его, значит, сообщники ими и торговали. Ну, а твой-то приятель, Кларенс Брант, у них весь титул выкупил. И теперь одни говорят, что либо он с самого начала был с ними заодно и ни гроша не заплатил, либо такого дурака свет еще не видывал и денежки он свои по-дурацки и спустил. А другие толкуют, что он, дескать, был втюрившись в приемную дочку миссис Пейтон, а как родители-то были против, то он все это и затеял, чтобы, значит, держать их в руках через эту самую землю. Ну, да только теперь он разорится вчистую, потому как люди сказывают, что он по глупости обещал заплатить всем, кто арендовал у него землю по этому, значит, титулу, за расчистку полей и прочее, а на это никаких денег не хватит. Вот я и решил тебе об этом сказать, потому как уж ты-то у себя нарасчищал и тоже заявишь ему, значит, претензию.

— Я, положим, вложил во все это не намного меньше, чем Клар Брант,— угрюмо ответил Джим.— Но я ни цента с него не потребую и подлости ему никакой устраивать не стану.

Неуемный Хукер не мог устоять перед такой превосходной возможностью соврать, хотя и отказался он от своих претензий с полной искренностью, был очень расстроган, и его бегающие глаза даже увлажнились слезой сочувствия.

Фебу восхитило великодушие этого благороднейшего человека, который и на столь высокой ступени общественной лестницы умел забывать о себе. И она произнесла робко:

— И еще говорят, будто она его вовсе и не любила, а собиралась бежать с Педро, только он ей помешал и послал за миссис Пейтон.

К ее изумлению, лицо Джима побагровело.

— Это все вранье,— сказал он хриплым театральным

шепотом.— Помоги, которыми мексикашки и всякая деревенщина потчуют друг дружку, чуть сойдутся у печки в бакалейной лавке. А впрочем,— он вдруг опомнился и с высокомерной снисходительностью взмахнул рукой в брильянтовых перстнях,— чего и ждать-то от жителей коровьей глуши? Они только тогда успокоятся, когда выживут всех настоящих джентльменов из распродажных сусликовых нор, которые величают своим родным краем!

Феба, покоренная этой тирадой, в которой она усмотрела только бескорыстное заступничество за друга, не заметила скрытой насмешки над ее собственным домом, но ее отец не замедлил сказать с небрежной, ядовитой и едкой сухостью:

— Может, оно и так, мистер Хукер, да только в наших-то местах поговаривают, что будто она сбежала от миссис Пейтон, не захотела, значит, оставаться в приемных дочках, а уехала с какой-то, значит, бабой из балагана — своей, дескать, родственницей и одного с ней поля ягодой, как я посмотрю.

На это мистер Хукер ничего не ответил и ограничился язвительной нотацией в адрес официанта, после чего с аристократической рассеянностью, величественно изменил тему разговора. Он, не слушая возражений, вручил им два билета на вечернее представление (их у него была целая пачка, перетянутая резинкой) и посоветовал прийти заблаговременно. После представления он их разыщет, и они поужинают вместе. Но теперь он должен идти: в театр опаздывать никак нельзя, а, кроме того, стоит задержаться, и на него накинется газетчики. После чего Джим удалился в ослепительном блеске манжет и белого носового платка, томно болтая руками и слегка подгибая колени, что по канонам его нового ремесла означало эффектный уход героя светской комедии.

Благоговейный страх и тоскливое ощущение потери, которые вызвала у Фебы эта встреча, нисколько не рассеялись, когда вечером она с отцом вошла в театр, и даже мистер Хопкинс, по-видимому, испытывал сходные чувства. Большой зрительный зал сиял позолотой и был почти заполнен той же пестрой публикой, которую она наблюдала в обеденном зале гостиницы «Плейсер»,

однако в первых рядах партера можно было заметить людей, чья одежда и лица свидетельствовали о принадлежности к образованным классам. Теперь мистер Хопкинс уже не был уверен, что за обедом Джим только «заливал».

Но вот великолепный занавес, на котором было аллегорически изображено калифорнийское процветание и изобилие, медленно поднялся, открыв сцену из жизни Дальнего Запада, почти столь же поражающую своим полным несходством с действительностью. Из увитого розами английского сельского домика, расположенного на фоне субтропического ландшафта, выпорхнула Розали, Цветок Прерий. Коротенькая юбочка, белоснежные чулочки, крохотные туфельки и брильянты, сверкавшие на ее прелестной шейке и пальчиках, не оставляли ни малейшего сомнения, что зрители видят перед собой скромную и трудолюбивую дочку американского пионера, воздвигшего свою хижину среди глухих лесов. Зрители восторженно зааплодировали. Розовые девичьи щечки заалели, фиалковые глаза заискрились удовлетворенным тщеславием, и, когда актриса поблагодарила публику грациозным поклоном, нетрудно было заметить, насколько ее преобразила и заворожила эта дань восторга. На протяжении всей завязки она то привечала, то отталкивала очень юного актера, который при помощи соломенного канотье и жеманных манер олицетворял шумный свет, а затем объявила, что «неведомый рок» вынуждает ее отправиться с караваном переселенцев через прерии в фургоне дядюшки, на чем и закончилось первое действие, совсем отодвинув в тень владельца канотье, а ее оставив в центре событий. Несомненно, она была любимицей публики. И в сердце Фебы закралась непонятная и злая ненависть к ней.

Второе действие принесло с собой нападение индейцев на караван, и тут кокетливый героизм Розали, ее розовое и обворожительное самообладание составили поразительный контраст с повадками сына шумного света, который, отправившись вместе с ней, по комическим причинам, известным ему одному, теперь принялся трусливо прятаться под фургонами, чтобы его позорно извлекли из соломы, когда из-за кулис под треск револьверных выстрелов стремительно выбежал Кро-

вавый Дик в сопровождении верных товарищей и превратил поражение в победу. Джим Хукер, облаченный в живописную смесь костюмов неаполитанского контрабандиста, калифорнийского золотоискателя и мексиканского вакеро, немедленно принялся оправдывать рукоплескания, которыми его встретили, а также самые кровожадные надежды публики. С этой минуты сцену заволочло мрачное, но завлекательное облако из порохового дыма и невразумительной интриги.

Однако в этом зловещем сумраке Розали провела шесть счастливых месяцев и выбралась из него, сохранив незапятнанными и свою репутацию и свои чулочки, чтобы в награду под занавес получить руку Кровавого Дика и обрести своего отца, губернатора Нью-Мексико в седовласом, но довольно непривлекательном вакеро.

Феба смотрела это увлекательное представление со смутной и все возрастающей тоской и недоумением. Ей не было известно, что страсть Хукера к выдумкам и преувеличениям проявилась и на поприще драматургии. Зато она очень скоро подметила тот странный факт, что сбивчивый сюжет пьесы, несомненно, опирается на прежние рассказы Джима о его собственных приключениях и о том, как спасена была Сюзи Пейтон—спасена им! Вот, например, и в пьесе они отстали от каравана — только Сюзи тут была постарше, а он в качестве Кровавого Дика куда живописнее. Феба, разумеется, не догадывалась, что в олицетворении шумного света Джим по мере сил изобразил Кларенса Бранта. Но преувеличения пьесы, которые казались нелепыми даже ее провинциальному вкусу, почему-то подтачивали ее веру в правдивость истории, которую она слышала от Джима. Спектакль был словно пародией на него, и в смехе, который наиболее потрясающие эпизоды вызывали у некоторых зрителей, ей чудился отзвук собственных сомнений. Однако она стерпела бы и это, но ведь Джим поведал свои тайны широкой публике, и теперь они уже не принадлежали только ей одной, она делила их со всеми, кто сидел в этом зале! А сколько раз он, наверное, поведал свою историю этой чужой развязной девушке, которая играет с ним (Бланш Бельвиль, как гласили

афиши), и до чего скверно она ее выучила! Нет, сама Феба понимала это все по-другому — и его тоже! Когда разыгрывалась душещипательная развязка, она отвела грустный и пристыженный взор от сцены и посмотрела по сторонам. В группе, стоявшей у стены, она вдруг увидела знакомое лицо и заметила обращенную к ней ласковую и сочувственную улыбку. Это было лицо Кларенса Бранта.

Когда занавес упал и они с отцом встали, собираясь выйти из зала, Кларенс подошел к ним. Фебе показалось, что он словно стал старше, и она еще никогда не замечала в его облике столько благородства; в его глазах появилась печальная мудрость, а от его голоса ей вдруг захотелось плакать, хоть он и произносил слова утешения.

— Ну, теперь вы убедились, — любезно сказал Кларенс, — что с нашим другом не случилось ничего дурного? Вы, разумеется, его узнали?

— Да-да! Мы с ним виделись сегодня, — ответила Феба, чья провинциальная гордость заставляла ее сохранять довольный и равнодушный вид. — Мы уговорились поужинать вместе.

Кларенс слегка поднял брови.

— Вы счастливее меня, — сказал он с улыбкой. — Я приехал сюда только в семь часов, а в полночь мне уже нужно уезжать.

Феба помолчала в нерешительности, а потом сказала с притворной беспечностью:

— А как вам показалась девушка, которая играла с ним? Вы ее знаете? Кто она такая?

Кларенс внимательно посмотрел на нее, а потом спросил удивленно:

— А разве он вам не сказал?

— Нет.

— Это бывшая приемная дочь миссис Пейтон... мисс Сюзен Силсби, — ответил он спокойно.

— Так, значит, люди правду говорили, что она убежала из дому! — простодушно воскликнула Феба.

— Они говорили не совсем правду, — мягко поправил ее Кларенс. — Она захотела жить у своей тетушки, миссис Маккლოსки, жены антрепренера этого театра, и месяц назад поступила на сцену. Поскольку теперь выяс-

нилось, что при удочерении не были соблюдены все необходимые формальности, миссис Пейтон не могла бы воспрепятствовать ей ни в том, ни в другом... даже если бы пожелала.

Тут забывчивая Феба вдруг сообразила, как неделикатно она поступает, расспрашивая Кларенса о Сюзи, и густо покраснела. Но ведь, несмотря на свой грустный вид, он вовсе не был похож на отвергнутого жениха.

— Ну, конечно, если она тут со своими родственниками, тогда другое дело,— сказала девушка смущенно.— Это ведь ей защита.

— Разумеется,— ответил Кларенс.

— И к тому же,— продолжала Феба неуверенно,— играет-то она... с хорошим своим знакомым... с мистером Хукером!

— И это тоже вполне прилично, если принять во внимание их отношения,— спокойно заметил Кларенс.

— Я... я не понимаю,— растерянно пробормотала Феба.

Саркастическая улыбка исчезла с губ Кларенса, когда он поглядел в глаза девушки.

— Я только что узнал, что они поженились,— мягко сказал он.

ГЛАВА XII

Долгий сезон цветов был особенно великолепен на широких равнинах и склонах ранчо Роблес. По счастливой ли прихоти почвы, зимних вод или ветра, разносящего пыльцу, но у каждой из трех террас были свои особые цветы, свои особые оттенки. Длинная ограда короля, осевшая стена сада, часовня и даже бурые стены самой касы утопали в длинных кистях пышных люпинов, так что издали казалось, будто они медленно погружаются в волны темно-синего моря. На второй террасе разливалась река серебристо-золотых ромашек, в которых ленивые коровы тонули по колено. На третьей террасе, соперничая с солнцем, горели желтые одуванчики. Пологий склон, уводивший к темной зелени леса в долине, превратился в широкий каскад алых маков. Повсюду, где зимой стояла вода, теперь пылали яркие

краски. Казалось, дожди прекратились лишь для того, чтобы с неба хлынул ливень цветов.

Никогда еще эта красота — красота, которая словно питалась по-юношески жестоким забвением и уничтожением прошлого, не поражала Кларенса так сильно, как в ту минуту, когда он пришел к заключению, что должен навсегда покинуть эти места. Ибо все, что поведал Хопкинс о постигших его бедах, было, к сожалению, чистой правдой. Когда выяснилось, что, стараясь спасти дом Пейтона и купив для этого «сестринский титул», он сам оказался жертвой хитрого мошенничества, Кларенс спокойно примирился с потерей значительной части своего состояния и даже находил удовлетворение в мысли, что ему, во всяком случае, удалось закрепить за миссис Пейтон ее собственность. Но когда он обнаружил, что в результате у его арендаторов нет теперь иного права на их участки, кроме спорного права владения, он без колебаний возместил им из остатков своего капитала все затраты на улучшение земли. И только Гилрой добродушно отказался от возмещения. Остальные же, спокойно приняв его деньги, тем не менее остались при убеждении, что Кларенс был соучастником мошенничества и что, возмещая им убытки, он создает опасный и вредный для интересов штата прецедент, который может уменьшить приток переселенцев. Кое-кто подозревал, что он лишился рассудка. И только один человек, поверивший в его искренность, хоть и взял его деньги, но посмотрел на него с состраданием.

— Вы недовольны? — спросил его с улыбкой Кларенс.

— Да нет... вот только...

— Что же?

— Да ничего. Только я подумал, что человеку вроде вас должно быть очень тоскливо в Калифорнии.

Да, его мучила тоска, но не из-за потери состояния и возможных ее последствий. Пожалуй, он никогда полностью не сознавал, что богат; богатство было случайно, а не законом его жизни и обмануло его, когда он единственный раз решил испытать могущество денег, так что, боюсь, он сожалел об их потере лишь платонически. Он еще не мог постигнуть, что, милосердно разорвав и разрушив узы и привычки определенного образа жизни, катастрофа обернулась для него скрытой

удачей; он еще по-прежнему тосковал в безнадежной пустоте, оставшейся после гибели былых идеалов и крушения идолов. Он не сомневался теперь, что никогда не любил Сюзи, но все же утрата иллюзии любви была ему тяжела.

В то роковое утро, когда был обнаружен труп Педро, он коротко и решительно объяснился с миссис Макклоски. Он потребовал, чтобы она немедленно отправилась с ним и Сюзи к миссис Пейтон в Сан-Франциско. Обе они были слишком напуганы случившимся и теми странными взглядами, которые бросали на них возмущенные слуги, и не посмели ему возражать. Он оставил их у миссис Пейтон после короткой предварительной беседы с ней, во время которой лишь коротко описал трагедию, не касаясь своих подозрений о том, насколько в ней повинна миссис Макклоски, и посоветовал только поскорее решить вопрос об опекунстве. Его удивило, что миссис Пейтон взволновалась меньше, чем он опасался, хотя он и смягчал, как мог, предательство Сюзи по отношению к ней; ему даже показалось, что миссис Пейтон давно об этом догадывалась. Но когда он собрался уходить, чтобы она могла встретиться с ними наедине, миссис Пейтон неожиданно его задержала.

— Как вы посоветуете мне поступить?

Это был их первый разговор с тех пор, как Кларенс понял свои истинные чувства. Он поглядел в умоляющие, несчастные глаза женщины, которую, как ему было известно теперь, он любил, и пробормотал:

— Судить об этом можете вы одна. Только помните, что заставить любить так же невозможно, как помешать.

Сообразив, как можно истолковать его слова, он почувствовал, что краснеет, и ему показалось, что миссис Пейтон недовольна.

— Так, значит, вам все равно?— спросила она с некоторым раздражением.

— Да.

Миссис Пейтон слегка пожала своими прекрасными плечами, но сказала только:

— Я была бы рада угодить вам в этом,— и холодно отвернулась.

Он ушел, ничего не узнав об исходе свидания; однако несколько дней спустя миссис Пейтон написала ему, что разрешила Сюзи вернуться к тетке и отказалась от опекуинства.

«Это было предрешено заранее,— писала она.— И хотя я не считаю, что подобная перемена окажется в дальнейшем полезной для нее, во всяком случае, это то, чего она хочет сейчас,— а кто может утверждать, что перемена окончательна? Я не позволила юридическим соображениям повлиять на мое решение, хотя ее друзьям, вероятно, известно, что своим поступком она лишает себя каких-либо прав на ранчо; тем не менее, если она выйдет замуж за порядочного человека, я постараюсь сделать все, что, как мне кажется, отвечало бы воле мистера Пейтона».

Коротенькая приписка гласила:

«Мне кажется, эта перемена позволит вам с большей свободой следовать своим желаниям и продолжить дружбу с Сюзи на наиболее приятной для вас основе. Я заключила из слов миссис Макклоски, что вы, сообщив мне обо всем этом, по ее мнению, только исполнили то, что считали своим долгом, и между вами тремя сохраняются прежние добрые отношения».

Кларенс уронил письмо, пылая негодованием, которое язвило его глаза, пока жгучие слезы не затуманили строк. Что могла наговорить Сюзи? В каком преувеличенном виде представила его чувство к ней? Он припомнил, с какой легкостью миссис Макклоски сочла его пылким поклонником Сюзи. Что наговорили они миссис Пейтон? Что она думает теперь о его обмане? Его положение было трудным, даже когда он еще не сознавал, что любит ее. Теперь же оно стало невыносимым! А она, советуя ему восстановить прежние отношения с Сюзи, имела в виду именно это; и думала именно о нем, когда, плохо скрывая презрение под маской щедрости, указывала, на каких условиях Сюзи может теперь получить приданое. Что же ему делать? Он напишет ей и с возмущением отвергнет выдумку, будто питает к Сюзи тайную страсть. Но может ли он со всей честностью и искренностью сказать, что имеет на это право? Тогда уж лучше признаться во всем. Да — во всем!

К счастью для него, именно в эти дни выяснилось, что он разорен, и он не успел дать волю столь мальчишескому порыву. Расследование в связи со смертью Педро Моралеса и признания его сообщника не оставили никаких сомнений в том, что «сестринский титул» был обманом, все документы — подделкой. Хотя никто не сомневался, что Педро лишился жизни, пробираясь на любовное свидание или пытаясь привести в исполнение какие-то черные замыслы, присяжные следственного суда вынесли вердикт: «Смерть вследствие несчастной случайности», — а известия о гигантском мошенничестве совсем заслонили пикантный скандал. Когда Кларенс решил выполнить все обязательства, связанные с его покупкой, ему пришлось написать миссис Пейтон и сообщить ей о своем разорении. Но он был рад заверить ее, что она может быть спокойна за усадьбу: он ведь закрепил за ней лишь право владения, и у нее остается прежний, теперь никем не оспариваемый титул на ранчо. А поскольку его пребывание там теперь теряет смысл, да к тому же ему следует подумать о выборе профессии и о добывании средств к жизни, он почтительно просит освободить его от обязанностей управляющего.

Это письмо, хотя оно и писалось с замирающим сердцем и влажными глазами, было ясным, сухим и деловым. Ответ миссис Пейтон был столь же спокойным и деловым. Она очень сожалеет о его денежных потерях, хотя и не согласна с ним, будто они по необходимости кладут конец его деятельности как управляющего ранчо, тем более что (на другой и уже совершенно деловой основе) должность эта может оказаться для него выгоднее многих других. Но, разумеется, раз он предпочитает более независимое положение, тогда говорить не о чем, хотя, быть может, он извинит ее, если, пользуясь правами своего возраста, она позволит себе напомнить ему, что его успехи на финансовом и деловом поприще пока еще не оправдали такого стремления к независимости. Кроме того, она посоветовала бы ему не торопиться и, уж во всяком случае, подождать, пока она со своим поверенным вновь как следует не просмотрит бумаги ее мужа, касающиеся покупки «сестринского титула» и условий, на которых он был приобретен. Она уверена, что мистер Брант примет во внимание все эти соображения и

что его дружба, которую она ценит так высоко, не позволит ему поставить под угрозу ранчо, покинув его в такую минуту, когда оно вновь может быть кем-нибудь захвачено. Как только она закончит разборку бумаг, она тотчас же напишет ему.

Письмо миссис Пейтон лишило бы Кларенса последней надежды, даже если бы он позволил себе питать какие-нибудь надежды. Это была лишь деловая любезность практичной женщины — и только. И естественно, что она хотела как следует ознакомиться с бумагами покойного мужа. Ведь только ему одному было известно, что они не найдут никаких документов, касающихся сделки, которая никогда не заключалась.

Он коротко ответил, что его решение подыскать себе другое место остается неизменным, но что он охотно дожидается прибытия своего преемника.

Прошло две недели. Затем на ранчо приехал мистер Сэндерсон, поверенный миссис Пейтон, и привез от нее записку с извинениями. К ее величайшему сожалению, она еще не уладила всех дел, однако, чувствуя, что у нее нет никакого права держать его в Роблесе безвыездно, она посылает мистера Сэндерсона сменить его — но лишь на время! — чтобы он мог осмотреться или съездить в Сан-Франциско, и она просит его непременно вернуться на ранчо в конце недели, чтобы переговорить с ней прежде, чем он примет окончательное решение.

Горькая улыбка, с которой Кларенс начал читать записку, вдруг исчезла. Легкий оттенок не слишком деловой, но такой женственной нерешительности, которой он не замечал в ее предыдущих письмах, вдруг доставил ему такое удовольствие, словно записка эта была надута.

Кларенс воспользовался предложением миссис Пейтон. А оказавшись в Сакраменто, случайно узнал о том, что Сюзии вышла замуж за Джима Хукера.

— Правду сказать, муж-актер для нее лучше всего, раз уж она всерьез решила пойти на сцену, — сообщила ему миссис Макклоски, от которой он узнал эту новость. — А уж серьезнее и быть нельзя, мистер Брант. В жизни не видела, чтобы девушка просто скроена была для подмостков, так прямо и родилась для подмостков,

как Сюзи. В том-то все и дело, как вам известно и как мне известно,— и кончен бал!

Вот что вспоминал Кларенс, когда свернул в лошине с большой дороги на лесистый, усеянный камнями подъезд к ранчо. Однако, поднимаясь по первому склону, где тропа почти тонула в волнах алых маков, он вновь увидел впереди золото и синеву других террас и, забыв обо всем, думал только, как должен радовать миссис Пейтон этот новый наряд ее дома. Как-то в разговоре она упомянула об этом весеннем уборе ранчо, и он тогда представил себе, как счастлив был бы, любуясь подобной красотой вместе с ней.

Слуга, взявший его коня, сообщил ему, что сеньора приехала утром из Санта-Инес и привезла с собой двух сеньорит Эрнандес с ранчо Лос-Конехос и что должны прибыть и другие гости. И еще за обедом будут сеньор Сандерсон и его преподобие падре Эстебан. Это настоящий праздник — первый после смерти хозяина. И все мечты, которые, возможно, лелеял Кларенс о разговоре наедине, были развеяны, как дым. Однако миссис Пейтон все же отдала распоряжение, чтобы ей немедленно доложили о прибытии донна Кларенсио.

И в патио и в коридоре Кларенс (во всяком случае, так ему казалось) ощутил неуловимые перемены, дышавшие тонким вкусом миссис Пейтон и свидетельствовавшие о том, что на ранчо вернулась хозяйка. На мгновение ему захотелось, опередив слугу, пройти прямо в будуар, но какое-то тайное чувство удержало его, и он направился к кабинету, в котором все эти месяцы занимался делами ранчо. Там никого не было, и только в камине тлела кучка углей. Но тут позади него раздались легкие шаги, в комнату вошла миссис Пейтон и притворила за собой дверь. Она была удивительно красива. Хотя лицо ее побледнело и осунулось, в ней чувствовалось странное оживление, настолько не похожее на ее обычное спокойствие, что оно казалось лихорадочным.

— Я подумала, что мы успеем поговорить прежде, чем начнут съезжаться гости. Скоро дом будет полон, и мне придется возвратиться к моим обязанностям хозяйки.

— Я как раз думал... пойти к вам в... в будуар,— не решительно сказал Кларенс.

Миссис Пейтон вздрогнула и нахмурилась.

— Только не туда! Я больше не переступлю его порога. Ведь каждый раз, когда я смотрела бы на окно, мне чудилась бы между прутьев голова этого человека. Нет-нет! Я рада, что не была здесь в те дни — пусть хотя бы в моей памяти эта милая, уютная комната останется прежней.— Миссис Пейтон вдруг умолкла, но тотчас добавила, несколько невпопад, но веселым тоном: — Ну, как вы съездили? Что предприняли?

— Ничего,— ответил Кларенс.

— Так, значит, вы сдержали свое обещание!— заметила она все с той же нервной веселостью.

— Я вернулся сюда, не взяв на себя никаких обязательств,— ответил он твердо.— Но мое решение неизменно.

Миссис Пейтон снова поежилась (а вернее сказать, по черному шелку, облежавшему ее плечи, пробежала дрожь, словно по коже породистой лошади), направилась к камину, как будто ища тепла, поставила ногу в изящной туфельке на низкую решетку и быстро подхватила трен одной рукой, так что юбка обрисовала всю изящную линию от бедра до щиколотки. Это поведение настолько отличалось от ее обычной чопорности и спокойствия, что Кларенс был поражен. А миссис Пейтон, глядя на угли и то пододвигая к ним носок туфельки, то отдергивая его, наконец заговорила:

— Разумеется, поступайте так, как вам удобнее. Боюсь, что у меня нет никакого права удерживать вас здесь, кроме привычки к раз заведенному порядку, а как вам известно,— это она произнесла с плохо скрытой горечью,— такие узы ничего не значат для молодежи, стремящейся самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Но прежде, чем вы примете окончательное решение, мне хотелось бы кое-что вам сказать. Как вы знаете, я со всем тщанием разобрала бумаги моего... бумаги мистера Пейтона. И я убедилась, мистер Брант, что в них нет ни малейшего намека, будто он с такой чудесной прозорливостью купил у вас «сестринский титул»; никаких указаний на то, что он заключал с вами письменный договор и выплатил вам хотя бы цент; а главное, из его бумаг следует, что он даже не помышлял о подобной покупке и умер, не подозревая, что титул принадлежит вам. Да,

мистер Брант, только ваша предусмотрительность и осторожность, только ваше великодушное помешали тому, чтобы ранчо попало в чужие руки. Когда вы помогали нам проникнуть в будуар через это ужасное окно, мы вошли в ваш дом; и если бы не эти негодяи, а вы решили захлопнуть перед нами ворота, когда мы возвращались с похорон, нам уже не пришлось бы жить здесь. Не отрицайте этого, мистер Брант. Я подозревала это уже давно, и когда вы заговорили о том, что хотите найти другое место, я решила убедиться, не мне ли следует покинуть ранчо вместо вас. Нет, погодите! Я убедилась в том, что уехать надо мне. Пожалуйста, не говорите пока ничего! А теперь,— тут в ее тоне вновь послышалась нервная шутовскость,— зная это и зная, что я непременно это выясню, ознакомившись с бумагами... нет-нет, молчите, я еще не кончила! — не кажется ли вам, что с вашей стороны было чуть-чуть жестоко торопить меня и вынуждать ехать сюда, вместо того, чтобы самому отправиться ко мне в Сан-Франциско, когда я ради этого дала вам возможность покинуть ранчо?

— Но, миссис Пейтон! — пробормотал Кларенс.—Я...

— Будьте добры, не перебивайте меня,— сказала она с оттенком былой надменности.— Ведь мне скоро нужно будет пойти к моим гостям. Когда я убедилась, что вы предпочитаете ничего мне не говорить и ждете, чтобы я обо всем узнала сама, мне оставалось только уехать и оставить вас распоряжаться тем, что я считала вашей собственностью. И мне казалось, кроме того, что я понимала причины вашего поведения, и, признаюсь, это меня беспокоило, так как я считала, что знаю характер и склонности некой особы лучше, чем вы.

— Погодите! — перебил ее Кларенс.— Вы должны теперь выслушать меня. Какой бы глупой и ошибочной ни была эта покупка, клянусь, что, совершая ее, я думал об одном: как бы спасти усадьбу для вас и вашего мужа, моих первых благодетелей, пригравших одинокого сироту. К чему это привело, вы знаете, потому что вы занимались делами, и знают ваши друзья; и ваш поверенный скажет вам то же самое. Вы мне ничем не обязаны. Я только помог вам вступить во владение вашей же собственностью, что был способен сделать любой другой человек и, пожалуй, менее неуклюже, чем я. Мне и в голову

не приходило, что вы что-то заподозрили, иначе я, конечно, не вынудил бы вас приехать сюда — да если бы я просто понял, что, проезжая через Сан-Франциско, могу явиться к вам, то...

— Проезжая? — быстро переспросила она. — А куда вы направлялись?

— В Сакраменто.

Заметив, как переменялась в лице его собеседница, Кларенс внезапно вспомнил о Сюзи и покраснел. Миссис Пейтон закусила губу и отошла к окну.

— Так значит, вы виделись с ней? — сказала она, внезапно обернувшись к нему. И ее взгляд более властно требовал ответа, чем ее слова.

Кларенсу стало мучительно стыдно при мысли, какой грубый промах он совершил, коснувшись, как он полагал, еще не зажившей раны, нанесенной бессердечным легкомыслием Сюзи. Но он зашел слишком далеко и теперь мог говорить только правду.

— Да, я видел ее на сцене, — сказал он со своей прежней мальчишеской горячностью. — И узнал то, что вам, я думаю, лучше будет выслушать от меня. Она вышла замуж — за мистера Хукера, поступившего в ту же труппу. Но мне хотелось бы, чтобы вы поверили, как верю я, что для нее так лучше. Она замужем за актером, а это лучшая защита в ее профессии и залог успеха; ее мужа, несомненно, не будут раздражать те свойства ее характера, которые могли бы не встретить подобной снисходительности у другого. А его главные недостатки поверхностны и исчезнут, когда он посмотрит мир. К тому же он считает ее выше себя. Все это я узнал от ее приятельницы, а с ней самой я не виделся; и поехал я туда не для того, чтобы видиться с ней. Просто я полагал, что скоро расстанусь с вами, а так как я послужил смиренной причиной, благодаря которой она вошла в вашу жизнь, то, на мой взгляд, справедливость требовала, чтобы я привез вам последние известия о ней, навсегда, вероятно, ее из вашей жизни вычеркивающие. Я хочу только одного: чтобы вас не мучили никакие сожаления, чтобы вы знали, что она не погибла и не несчастна.

Во время этой речи подозрительность на лице миссис Пейтон перешла сначала в недоумение, а затем сменилась

легкой, чуть лукавой улыбкой. Но в ее глазах он не заметил ни следа боли, уязвленной гордости, возмущения или гнева, которые ожидал увидеть.

— Я полагаю, мистер Брант, это означает, что ваши чувства к ней переменились?

Странная улыбка исчезла с губ миссис Пейтон, однако, она сказала эти слова все с тем же, столь непривычным в ней, полупритворным, полуйскренним кокетливым лукавством.

— Это означает,—ответил Кларенс, побелев, но твердым голосом,— что мои чувства к ней, наоборот, остались прежними, хотя было время, когда я толковал их неверно. И еще это означает, что только теперь я получил возможность сказать вам с той откровенностью, с какой сейчас...

— Ах, извините! — перебила миссис Пейтон и быстро направилась к двери. Приоткрыв ее, она выглянула в коридор.— Мне показалось, что меня зовут... и я... я должна идти, мистер Брант. Не сделав того, что намеревалась... и сказав далеко не все, что хотела. Но погодите...— Она в обворожительной нерешительности поднесла руку ко лбу.— Луна теперь восходит рано... вечером, после обеда я предложу прогулку по саду... И вы можете выбрать несколько минут, чтобы пройти со мной.— Она помолчала, сделала шаг к нему и сказала: — Благодарю за то, что в Сакраменто вы подумали обо мне,— и, протянув ему руку, не сразу высвободила ее из его жаркого пожатия, а затем все с той же неожиданной юностью в каждом движении и жесте поспешно выпорхнула за дверь.

Час спустя она уже сидела во главе стола — безмятежная, прекрасная и невозмутимая в своем изящном трауре, дразняще недоступная в пленительной мудрости своего вдовства. Рядом с ней сидели падре Эстебан и местный магнат, старый знакомый Пейтонов, а донья Росита и две детски наивные сеньориты, чья речь журчала, как ручей, сидели рядом с Кларенсом и Сэндерсоном. Миссис Пейтон с восхищением говорила священнику, какое удовольствие доставили ей перемены на ранчо и восстановление часовни, и вдвоем они похвалили Кларенса с высоты своей бесстрастной сдержанности и возраста. Кларенс чувствовал себя безнадежно юным и безнадеж-

но одиноким; простодушный лепет его хорошеньких соседа казался ему младенчески-бессмысленным. В этом мрачном рассеянии он услышал, как миссис Пейтон, упомянув про красоту весенних вечеров, предложила дамам взять после кофе и шоколада свои накидки и прогуляться с нею по саду. Кларенс быстро взглянул на нее: она смотрела в сторону, но на ее лице читалось легкое смущение, которого в нем прежде не было, а щеки чуть порозовели — румянец, несомненно, вызванный оживленной беседой.

Когда они наконец вереницей вышли из дома, их встретила сухая прохлада безветренного вечера и белочерная игра тусклых лунных лучей. В их бледном, строгом сиянии угасли пышные краски цветов, и даже золото второй террасы поблекло и смешалось с серебром. В любое другое время Кларенс залюбовался бы этим странным эффектом, но сейчас его взгляд неотрывно следовал за высокой фигурой в длинном полосатом бурнусе, которая грациозно двигалась рядом с черной сутаной священника. Он подошел ближе, и миссис Пейтон обернулась.

— О, это вы! А я как раз говорила отцу Эстебану, что вы собираетесь уехать завтра, и просила разрешения покинуть его на несколько минут, чтобы вы могли показать мне, что было сделано вами в саду.

Она подошла к нему и с нерешительностью, в которой было что-то от девичьей робости, взяла его под руку. Этого никогда прежде не случилось, и Кларенс, забыв обо всем, порывисто прижал ее ручку к своему боку. Я уже упоминал, что сдержанность Кларенса иногда сменялась необычайной прямолинейностью.

Несколько шагов — и никто уже не мог бы услышать, о чем они говорят; еще несколько — и казалось, они остались вдвоем во всем мире. Сбоку от них длинная глинобитная стена уходила во мрак; их ноги ступали по черным теням узловатых груш. И они, следуя их прихотливым извивам, шли так, словно эти тени были узором на огромном ковре. Кларенс лишился дара речи, но ему казалось, что рядом с ним скользит видение, с которым он должен заговорить первым.

Однако это все же была женщина из плоти и крови.

— Вы начали что-то говорить в кабинете, когда я вас перебила,— сказала она спокойно.

— Я говорил о Сюзи,— торопливо ответил Кларенс,— и...

— О, тогда не продолжайте,— живо остановила его миссис Пейтон.— Я все поняла и верю вам. Поговорим о чем-нибудь другом. Мы еще не обсудили, как я могу возместить вам суммы, которые вы потратили, чтобы спасти ранчо. Будьте благоразумны, мистер Брант, и избавьте меня от мучительного и тягостного сознания, что вы разорились ради старинных своих друзей. Я так же не имею права закрывать на это глаза, как вы делать вид, будто какие-то юридические тонкости освобождают меня от обязательств по отношению к вам. И мистер Сэндерсон признает, что способ, которым вы вернули нам нашу собственность, служит справедливым и законным основанием для того, чтобы признать вас ее совладельцем, а тогда вы могли бы остаться здесь и продолжать работу, столь успешно вами начатую. Вы хотите что-нибудь предложить, мистер Брант, или первой должна это сделать я?

— Ни то и ни другое. Лучше пока оставим эту тему.

Миссис Пейтон словно бы не заметила мальчишеского упрямства, с каким были произнесены эти слова, но ее странная, нервическая веселость еще более возросла.

— Ну так поговорим о сеньоритах Эрнандес, с которыми вы и слова за обедом не сказали, хотя я пригласила их только из-за вас и вашего умения говорить по-испански. Они очаровательны, хоть и немного глупенькие. Но что мне остается делать? Если я поселюсь тут, мне нужно будет окружить себя молодежью, чтобы скрасить унылость этого дома хотя бы для других. Вы знаете, я очень привязалась к мисс Роджерс и пригласила ее погостить у меня. Мне кажется, она чрезвычайно к вам расположена, хотя и несколько застенчива. Но в чем дело? Неужели вы питаете к ней неприязнь? Не может быть!

Кларенс вдруг остановился. Они достигли границы теней от грушевых деревьев. Еще несколько шагов, и они выйдут к развалинам южной стены и залитым лунным

светом просторам за ней. Однако вправо отходила еще более темная аллея маслин.

— Нет,— ответил он задумчиво.— Я должен быть благодарен Мэри Роджерс за то, что она открыла во мне нечто, с чем я, слепец, вел бессмысленную и безнадежную борьбу.

— Но что же это было такое? — резким тоном спросила миссис Пейтон.

— Моя любовь к вам.

Миссис Пейтон растерялась. Любая истина всегда потрясает своей неожиданностью, и никакое дипломатическое красноречие, никакие ухищрения никогда еще не могли предотвратить подобного потрясения. Что бы ни таилось в ее сердце и мыслях, к такой прямоте она не была готова. Но молния пала с неба—они были одни, между звездами и землей не было никого и ничего, кроме нее самой, этого человека и этой истины, от которой нельзя было ни отвернуться, ни ждать пощады, ни бежать. Два шага — и она выйдет из сада на лунный свет, но и там ее ждет все та же страшная откровенность честной, не признающей обиняков природы. Поколебавшись, миссис Пейтон свернула под тень маслин. Это, пожалуй, было более опасно, но зато не так постыдно, не так малодушно. И безнадежно прямолинейный Кларенс тотчас последовал за ней.

— Я знаю, вы будете меня презирать... возненавидите меня, а может быть, что всего хуже, просто мне не поверите... Но я клянусь вам, что всегда любил только вас, да, всегда! И сюда я приехал, чтобы увидеться не с подружкой моего детства, а с вами, ибо я свято хранил в душе ваш образ с тех пор, как впервые увидел вас еще мальчиком, и вы всегда были моим идеалом. Вы были единственной женщиной, о которой я думал, о которой мечтал, которую обожал, ради которой жил. Даже когда я вновь встретился с Сюзи, выросшей здесь, рядом с вами, даже когда я надеялся получить ваше согласие на брак с ней, то лишь для того, чтобы всегда быть с вами, стать членом вашей семьи и получить место в вашем сердце рядом с ней, потому что я любил вас, и только вас. Не смейтесь надо мной, миссис Пейтон, потому что я говорю вам правду — всю правду, бог свидетель!

Ах, если бы у нее были силы засмеяться! Зло, на-

смешливо или даже милосердно и ласково! Но засмеяться она не могла. И вдруг она воскликнула:

— Я не смеюсь. Боже мой, неужели вы не понимаете? Ведь смешной вы делаете меня!

— Смешной... вас?! — ошеломленно переспросил он прерывающимся голосом. — Вас... красавицу, вас — женщину, которая выше меня во всех отношениях, госпожу этих земель, где я всего только управляющий? Вас делает смешной моя дерзость, мое признание? Неужели святая, статуей которой вы недавно восхищались в часовне отца Эстебана, становится смешной оттого, что перед ней преклоняет колени неуклюжий пеон?

— Тшш! Это — богохульство! Замолчите!

Миссис Пейтон почувствовала под ногами твердую почву и поспешила выразить это и голосом и жестами. Ведь где-то необходимо установить предел, и она установит его между страстью и кощунством.

— Нет, пока я не выскажу всего! Я должен открыться вам, прежде чем уеду. Я любил вас, когда приехал сюда, когда был жив ваш муж. Не сердитесь, миссис Пейтон! Он не рассердился бы, да и сердиться ему было не на что. Он пожалел бы глупого мальчишку, который по простодушию и наивности даже не подозревал о своей страсти и мог бы выдать ее ему, как выдал ее всем... кроме одной! И все же мне порой кажется, что вы могли бы догадаться о моей любви... если бы вы думали обо мне хоть иногда. Эта любовь, наверное, читалась в моем лице в тот день, когда я сидел с вами в будуаре. Я знаю, что был полон ею — ею и вами, вашим присутствием, вашей красотой, прелестью вашего сердца и ума. Да, миссис Пейтон, даже вашей безответной любовью к Сюзи. Только тогда я не понимал, какое чувство владеет мною.

— Однако я, наверное, могу объяснить вам, что это было за чувство и тогда и теперь, — сказала миссис Пейтон и сумела вновь засмеяться своим нервным смешком, который, впрочем, тут же замер у нее на губах. — Я все отлично помню. Вы сказали мне тогда, что я напоминаю вам вашу мать. Я еще не так стара, чтобы годиться вам в матери, мистер Брант, но достаточно стара, чтобы быть — как и могло произойти — матерью вашей жены. Вот что означало ваше чувство тогда, и вот что оно озна-

чает теперь. Я была несправедлива, когда обвинила вас в желании сделать меня смешной, и прошу у вас прощения. И пусть все останется, как было тогда в будуаре... как есть теперь. Пусть я по-прежнему буду напоминать вам вашу мать! Я знаю: она была очень хорошей женщиной, раз у нее такой хороший сын,— а когда вы найдете ту милую юную девушку, которая составит ваше счастье, приходите ко мне за материнским благословением, и мы вспомним этот вечер и вместе посмеемся над его недоразумениями.

Однако в ее голосе не прозвучала та святая материнская нежность, которую, казалось бы, должно было вызвать столь благодное видение будущего, и даже в тени она не могла укрыться от настойчивой мольбы Кларенса.

— Я сказал, что вы напоминаете мне мою мать только потому, что я знал ее и потерял еще в раннем детстве. Она всегда была для меня лишь воспоминанием и в то же время воплощением всего лучшего и достойного любви, что только есть в женщине. Быть может, я просто рисовал ее себе такой, какой она могла быть в молодости, когда ей было столько лет, сколько вам. Если вам угодно неверно толковать мои слова, так, вероятно, вам будет приятно узнать, что даже это напоминает мне о ней. В моей памяти не сохранилось ни единого ее нежного слова, обращенного ко мне, ни единой ласки: моя любовь к моей матери была столь же безответной, как и любовь к женщине, которую я хотел бы назвать своей женой.

— Но ведь вы не видели женщин, вы их не знаете! Вы так молоды, что и себя не знаете. Вы забудете все то, о чем говорите, и забудете меня. А если... если я стала бы вас слушать, что сказал бы свет... что сказали бы вы сами через два-три года? О, будьте же разумны! Подумайте, как... как это было бы дико... нелепо! Как смехотворно!

И в подтверждение этой смехотворности из ее глаз во мраке скатились две слезинки. Однако Кларенс увидел белое пятно платка и схватил ее опускающуюся руку. Рука эта дрожала, но не вырывалась, и вскоре покорно замерла в его пальцах.

— Я не только глупец, но и грубое животное,— сказал

Кларенс тихо.— Простите меня. Я причинил вам боль, причинил боль той, за кого с радостью умер бы.

Они оба уже давно остановились. Он еще держал ее дремлющую ручку. Другая его рука прокралась по бурнису так осторожно, что легла на талию легко, словно ткань накидки, и, по-видимому, осталась незамеченной. У горя есть свои привилегии, и страдание искупает двусмысленность положения: миг спустя ее прекрасная головка, быть может, склонилась бы на его плечо, но тут из соседней широкой аллеи донесся приближающийся голос. словно пресловутый свет изрек устами поверенного Сэндерсона:

— Да, он прекрасный человек и умница, но в знании жизни — сущий ребенок.

Они оба вздрогнули, но рука миссис Пейтон, пробудившись, крепко сжала его руку. Затем миссис Пейтон сказала ровным тоном, только чуть-чуть повысив голос:

— Да, вы правы, их следует осмотреть еще раз завтра при солнечном свете... Но вон идут наши друзья; вероятно, они ждут только нас, чтобы вернуться в дом.

*

Когда Кларенс проснулся с ясной головой и обновленными силами, комнату наполняла бодрящая свежесть раннего утра. Решение его было твердо. Он теперь же покинет ранчо, чтобы вернуться в широкий мир и искать счастья в другом месте. Это только честно по отношению к ней... Пусть ни у кого не будет возможности сказать, что он по неопытности и неразумию испортил ей жизнь... А если, прилежно потрудившись год-другой, он завоюет себе право вновь обратиться к ней, он вернется сюда. Кларенс больше не говорил с миссис Пейтон с той минуты, когда они расстались в саду и когда в его ушах еще звучал суровый, хотя и справедливый приговор, произнесенный Сэндерсоном, но он написал несколько прощальных строк, которые ей передадут после его отъезда. Его лицо чуть побледнело, глаза были обведены темными кругами, но решимость его не ослабела, и он был спокоен.

Тихонько спустившись по лестнице в сером сумраке еще не проснувшегося дома, Кларенс направился к ко-

нюшне, оседдал своего коня, вскочил на него и выехал на дорогу, вдыхая утренний холодок. Только-только взошедшее солнце прогоняло последние тени ночи с цветущих террас, и они вновь начинали играть яркими красками. Кларенс бросил последний взгляд на массивный бурый прямоугольник дремлющего дома, который уже чуть-чуть бронзовел в первых лучах солнца, и повернул туда, где лежала дорога на Санта-Инес. Около сада он заколебался, но вспомнил о своем решении, отогнал воспоминание о прошлом вечере и поехал дальше, не поднимая глаз.

— Кларенс!

Это был ее голос! Кларенс быстро повернул коня. Она стояла за решеткой в старой стене, совсем как в тот день, когда он ехал на свидание с Сюзи. На ее голову и плечи была наброшена испанская мантилья, словно, пока он еще был в конюшне, она одевалась в спешке, торопясь перехватить его. Ее прекрасное лицо в рамке черных кружев казалось очень бледным, а под красивыми глазами лежали тени.

— Вы решили уехать, даже не попрощавшись,— тихо сказала миссис Пейтон.

Она просунула тонкую белую руку между прутьями решетки. Кларенс прыгнул с коня, схватил эту ручку, прижал к губам и не отпустил.

— Нет-нет! — воскликнула миссис Пейтон, стараясь вырвать руку.— Лучше пусть будет, как есть... как вы решили. Но я не могла отпустить вас так—без слова прощания. А теперь... поезжайте, Кларенс, поезжайте! Пожалуйста! Разве вы не видите, что нас разделяют эти прутья? Думайте о них как о тех годах, которые разделяют нас, мой бедный, милый, глупый мальчик. Думайте о том, что они стоят между нами, все теснее смыкаясь, с течением лет все более крепкие, жестокие, несокрушимые.

Но что поделаешь! Это были прекрасные прутья сто пятьдесят лет назад, когда считалось, что скрытая за ними невинность нуждается в столь же строгом надзоре, как и зло, находящееся снаружи. Они честно выполняли свой долг в монастырской школе в Санта-Инес и в монастыре Святой Варвары, а в годы правления губернатора Микельторены были привезены сюда, чтобы обе-

регать дочерей хозяина ранчо Роблес от губительного соприкосновения с внешним миром, когда юные сеньориты выходили погулять в уединении под защитой крепостных стен. Гитары напрасно звенели под ними, и они стойко выдерживали бурю любовных признаний. Но, подобно многим и многим предметам, чей день миновал, они, расшатавшись в своих гнездах, сохраняли подобие мощи только потому, что никому не приходило в голову испытать их прочность. И вот теперь под сильной рукой Кларенса, а может быть, и под нажимом опиравшейся на нее миссис Пейтон вся решетка, увы, внезапно обрушилась и превратилась в кучу железных прутьев, которые, побрякивая, один за другим скатились на дорогу. Миссис Пейтон отпрянула с легким криком, и Кларенс, одним прыжком перелетев через железные останки, заключил ее в объятия.

Но лишь на мгновение. Она тут же высвободилась и, хотя утреннее солнце лежало на ее щеках розовым румянцем, серьезно сказала, указывая на лишившийся решетки проем в стене:

— Да, теперь вам, наверно, придется остаться: не можете же вы бросить меня тут совсем одну и без защиты!

*

И он остался. Так сбылась его юношеская мечта, завершилась романтическая пора его молодости, а с ней — и второй том этой трилогии. Однако о том, как повлияло свершение юношеских грез на более зрелые его годы и на судьбы тех, кто был тесно с ним связан, будет, возможно, рассказано в более поздней и заключительной хронике.

КЛАРЕНС

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Когда Кларенс Брант, председатель земельной компании «Роблес» и муж богатой вдовы Джона Пейтона, владельца ранчо Роблес, смешался с толпой зрителей, вышедших из театра «Космополитен» в Сан-Франциско, его красивая внешность и солидное состояние вызвали, как обычно, поток улыбок, приветствий и поклонов. Но, как только он поспешно проскользнул под зимним дождем в свою изящную двухместную карету и приказал кучеру: «Домой!» — он остро ощутил всю своеобразную иронию этого слова.

Дом у него был прекрасный и комфортабельный, и все же Кларенс поехал в театр, чтобы избавиться от его пустоты и одиночества. И совсем не потому, что жены не было в городе, — он с горечью сознавал, что ее временное отсутствие не имеет никакого отношения к этому ощущению бездомности. В театре он немного рассеялся, но теперь тоскливое, неясное и болезненное чувство одиночества, нараставшее изо дня в день, вернулось к нему с новой силой.

Он откинулся на сиденье и погрузился в мрачное раздумье.

Всего лишь год, как он женат, но даже среди иллюзий медового месяца эта женщина, которая старше

его, эта вдова его бывшего патрона сумела почти бессознательно вновь утвердить свои права и незаметно вернуть себе прежнее господство над ним. Сперва это было, пожалуй, приятно — такая полуматеринская опека, которая может примешиваться к любви более молодых женщин, — и Кларенс со свойственной ему в любви тонкой, почти женской интуицией уступал, как уступают сильные, созная свое превосходство. Но слабые не ценят это качество, и женщина, однажды вкусившая власть в браке, не только не думает отказываться от нее в дальнейшем, но, напротив, готова мерять ею привязанность мужа. В кратком супружеском опыте Кларенса обычный у женщин сокрушительный вывод: «Значит, ты меня не любишь!» — получил дальнейшее развитие и достиг высшей ступени: «Тогда и я тебя не люблю», — хотя это и выражалось только в мимолетней жесткости ее голоса и взгляда. Вдобавок у Кларенса сохранилось неожиданное, хоть и смутное, воспоминание, что такой же взгляд и голос он уже видел и слышал во время супружеских сцен при жизни судьи Пейтона, причем он сам, еще мальчик, всегда становился на ее сторону.

Но, как ни странно, он страдал от этого больше, чем от ее стремления вернуться к прошлому в чем-то другом: к своим прежним подозрениям по отношению к нему, в то время юному протеже ее мужа и возможному жениху ее приемной дочери Сюзи. Благородные люди легче прощают обиду, нанесенную им самим, чем несправедливость вообще. Ее властная и капризная манера обращения с подчиненными и слугами, ее беспричинная вражда к какому-нибудь соседу или знакомому сильнее задевали и ранили его, чем ее несправедливое отношение к нему самому. Кларенсу и не снилось, что такие вещи женщины редко понимают, а если и понимают, то никогда не прощают.

Карета то грохотала по камням, то разбрызгивала грязные лужи на центральных улицах. Редакции и телеграфные конторы еще были ярко освещены, люди толпились около щитов с бюллетенями. Кларенс знал, что в этот вечер из Вашингтона пришло известие о первых активных действиях конфедератов¹ и взволнованный го-

¹ Сторонники южан в войне Севера и Юга.

род насторожился. Разве он не слышал только что в театре, как незначительные намеки в тексте пьесы были вдруг подхвачены, встречены рукоплесканиями или ошканы дотоле никому не известными сторонниками обеих партий, к молчаливому изумлению большинства зрителей, спокойно занятых добыванием денег и личными делами? Разве он сам не аплодировал, правда, несколько презрительно, хорошенькой актрисе и подруге его детства Сюзи, когда она так дерзко, хоть и совсем не к месту, размахивала перед публикой американским флагом? Да, он знал обо всем этом, он уже несколько недель жил в атмосфере, насыщенной электричеством, но воспринимал все главным образом с точки зрения своего одиночества. Жена его была южанка, прирожденная работница и сецессионистка; ее всем известное предубеждение против северян превзошло даже взгляды ее покойного мужа. Сперва острота и безудержность ее речей забавляли Кларенса, как характерная особенность ее темперамента или остаток неизжитых увлечений молодости, которые более зрелый ум легко прощает. Он никогда не принимал всерьез ее политические взгляды — с какой стати? Он слушал, когда, склонив голову к нему на плечо, она раздражалась нелепыми обвинениями против Севера. Он прощал ей оскорбительные нападки на свое сословие, на своих знакомых — прощал ради властных, но прекрасных уст, которые их произносили. Но когда ему пришлось услышать, как ее слова хором повторяют ее друзья и родственники, когда он увидел, что, со свойственной южанам приверженностью к своей касте, она еще теснее сближается с ними в этом споре, что от них, а не от него самого идут ее сведения и суждения, тогда он, наконец, ясно понял истинное положение вещей. Он терпеливо сносил намеки ее брата, чье давнишнее презрение к его зависимому положению в детстве обострилось и стало открытым с тех пор, как Кларенс женился на его сестре. Хотя Кларенс в этой враждебной атмосфере никогда не изменял своим политическим убеждениям и взглядам на общество, он часто спрашивал себя со своей обычной честностью и скромностью, не являются ли его политические убеждения лишь протестом против этой домашней тирании и чуждой среды.

Пока он предавался этим унылым размышлениям, карета с резким толчком остановилась около его дома. Слуга, поспешно отворивший дверцу, как видно, ожидал его.

— К вам пришли, сэр... Ждут в библиотеке, и...— Слуга запнулся и поглядел на карету.

— Что такое? — нетерпеливо спросил Кларенс.

— Сказали, сэр, чтобы вы не отсылали карету.

— Вот как! А кто это такой? — резко спросил Кларенс.

— Мистер Хукер. Так и велел доложить: Джим Хукер.

Мимолетная досада сменилась на лице Кларенса выражением задумчивого любопытства.

— Он сказал, что знает, что вы в театре, и обождет, пока вы вернетесь, — продолжал слуга, нерешительно поглядывая на хозяина. — Ему неизвестно, что вы вернулись, сэр... Я могу его выпроводить...

— Не нужно. Я выйду к нему... а кучер пусть подождет, — добавил Кларенс с легкой усмешкой.

Однако, направляясь в библиотеку, он вовсе не был уверен, что беседа с приятелем детских лет, тех лет, когда он был на попечении судьи Пейтона, сможет его развлечь. Но, входя в комнату, он согнал с лица следы этих сомнений и недавней тоски.

По-видимому, мистер Хукер рассматривал изящную мебель и роскошное убранство со своей обычной завистливостью. Да, Кларенс обрел тепленькое местечко... Что это результат «ловкости рук» и что он теперь «зазнался не в меру», было, по мнению Хукера, с его своеобразным мышлением, тоже ясно. Когда хозяин вошел и с улыбкой протянул ему руку, мистер Хукер, желая показать свое презрительное безразличие к обстанове и тем самым уязвить Кларенса в его тщеславии, растянулся в кресле и устремил глаза в потолок. Но вдруг, вспомнив, что он привез Кларенсу поручение, Хукер сообразил, что его поза с театральной точки зрения неудачна. На сцене ему никогда не случилось передавать поручения в такой позе. Он неуклюже поднялся.

— Как это мило с твоей стороны, что ты меня дождался, — любезно заметил Кларенс.

«КЛАРЕНС»

«КЛАРЕНС»

— Увидел тебя со сцены,— отрывисто отвечал Хукер.— В третьем ряду партера. Сюзи тоже узнала тебя, ей нужно тебе кое-что рассказать. Кое-что, о чем тебе следовало бы знать,— продолжал Хукер, возвращаясь к своей старой таинственной манере, которую Кларенс так хорошо помнил.— Ты ее видел— ведь она весь театр увлекла своей выдумкой с флагом, верно? Уж кто-то, а она знает, откуда ветер дует, будь покоен! Помни мои слова: сколько бы ни пыхтели эти конфедераты, а Союз— дело хорошее. Так-то, брат!

Он остановился, оглядел красивую комнату и мрачно добавил:

— Может, и получше, чем все это.

Помня, как любит Хукер таинственность, Кларенс пропустил намек мимо ушей и сказал с улыбкой:

— Почему же ты не привез сюда миссис Хукер? Я был бы весьма польщен.

При таком легкомыслии мистер Хукер слегка нахмурился.

— Она никогда не выезжает после спектакля. Нервное истощение. Оставил ее в нашей квартире на Маркет-стрит. Можем доехать туда за десять минут. Потому я и просил, чтобы карета подождала.

Кларенс заколебался. Он совсем не стремился возобновить знакомство с подругой детства, в которую когда-то был влюблен, но в этот вечер встреча с ней смутно рисовалась ему как ниспосланный свыше случай развлечься. К тому же он не очень верил в серьезность ее поручения. Зная склонность Сюзи к театральным эффектам, он заранее был готов к любой капризной и легкомысленной выходке.

— Ты уверен, что мы ей не помешаем? — задал он вежливый вопрос.

— Да, уверен.

Кларенс повел приятеля к карете.

Если мистер Хукер ожидал, что по дороге Кларенс попытается разгадать смысл приглашения Сюзи, ему пришлось разочароваться. Его спутник не сказал об этом ни слова. Возможно, сочтя это приглашение совместным актерским этюдом супругов, Кларенс предпочел дожидаться Сюзи, как более одаренной актрисы. Карета быстро

катилась по опустевшим улицам и, наконец, по указанию мистера Хукера, который до половины высунулся из окна, подъехала к ресторану средней руки. Над его освещенными запотевшими окнами находились, как видно, меблированные комнаты, куда можно было пройти через боковой вход. Пока они поднимались по лестнице, казалось, что в роли хозяина мистер Хукер чувствует себя не лучше, чем в роли гостя. Он мрачно уставился на какого-то посетителя, который спускался им навстречу, кричал на слугу в коридоре и в конце концов остановился у двери, перед которой на только что выставленном подносе красовались обглоданные куриные кости, пустая бутылка из-под шампанского, два недопитых бокала и увядший букет. Весь коридор благоухал своеобразной смесью кухонных запахов, застоявшегося табачного дыма и пачулей.

Отодвинув ногой поднос, мистер Хукер нерешительно приоткрыл дверь, заглянул в комнату, пробормотал несколько невнятных слов, вслед за которыми послышался быстрый шелест юбок, и, все еще не выпуская дверной ручки, повернулся к Кларенсу, скромно задержавшемуся у порога, и, театрально распахнув дверь, пригласил его войти.

— Она где-нибудь в задних комнатах, — добавил он, сделав широкий жест в сторону другой двери, которая еще подрагивала. — Сейчас придет.

Кларенс, не торопясь, огляделся. Потертая и выцветшая роскошь обстановки говорила о неопрятности постояльцев, пользовавшихся этой гостиней. Большой узорчатый ковер был весь в пятнах; позолота на массивном столе посредине комнаты облупилась, обнажив грубые белые еловые доски, и это придавало ему вид театрального реквизита; зеркала в золотых рамах, развешанные по стенам, бесстыдно отражали детали домашнего беспорядка. На некогда великолепном диване валялись мокрый дождевой плащ, шаль и развернутая газета, на столе были пуховка от пудры, тарелка с фруктами и переписанная роль, а на мраморной доске буфета приютилась не первой свежести шляпа мистера Хукера и на ней грязный воротничок, по-видимому, недавно снятый. В этой комнате как бы сочетались тайны артистической уборной и показное великолепие сцены, а

несколько афиш, разбросанных на полу и на стульях, напоминали о публке.

Неожиданно, точно в театральной постановке, распахнулась дверь, и в комнату в изысканном пенюаре томно вошла Сюзи. Очевидно, она не успела переменить нижнюю юбку; когда она опустилась в кресло и скрестила свои хорошенькие ножки, на изящных кружевных оборках еще видна была пыль подмостков. Лицо ее было бледно, и эта бледность неосторожно подчеркивалась пудрой. Взглянув на все еще юный, пленительный облик, Кларенс, пожалуй, даже не испытал особой досады от того, что ее тонкая бело-розовая кожа, которую он некогда целовал, была скрыта под слоем пудры и не будила воспоминаний. И все же в этой хорошенькой, но преждевременно увядшей актрисе мало что оставалось от прежней Сюзи, и он почувствовал некоторое облегчение. Не ее он любил когда-то, а лишь обаяние юности и свежести, столь привлекательное для его юношеского воображения. И когда она приветствовала его с некоторой аффектацией во взгляде, голосе и движениях, он вспомнил, что даже девочкой она уже была актриса.

Однако эти впечатления никак не отразились в его тоне или манерах, когда он любезно поблагодарил ее за возможность снова встретиться с ней. И он говорил правду, ибо нашел здесь желанное избавление от гнетущих мыслей; он даже заметил, что сейчас думает более снисходительно о своей жене, которая заняла место Сюзи в его сердце.

— Я сказала Джиму, чтобы он привел вас хоть силой, — сказала она, постукивая веером по ладони и глядя на мужа. — Думаю, что он догадывается, для чего, хоть я ему и не объясняла... я ведь не все рассказываю Джиму.

Тут Джим встал и, взглянув на часы, заметил, что, «пожалуй, сбегает в ресторан за сигарами». Если Хукер делал это, поняв намек жены, то он притворялся так плохо, что Кларенс сразу почувствовал себя не в своей тарелке. Но когда Хукер неловко и тихо закрыл за собой дверь, Кларенс с улыбкой сказал, что ждал случая услышать новость из собственных уст Сюзи.

— Джим знает только то, о чем говорят кругом: мужчины всегда что-то обсуждают, знаете, и он наслушался этой болтовни... может быть, больше, чем вы. Эти разговоры и побудили меня разузнать всю правду. И я не успокоилась, пока не узнала. Меня не проведешь, Кларенс,— вы ведь не сердитесь, что я зову вас просто по имени, хоть вы теперь женаты, а я замужем, и все прежнее кончилось... Так вот, меня не провести никому из этой коровьей глуши, иначе говоря — ранчо Роблес. Я сама южанка из Миссури, но я за Союз — всей душой, безраздельно, и готова потягаться с любым бездельником-рабовладельцем или рабовладелицей с плеткой — один бог знает, сколько в них смешанной крови, — да и с любым их другом или родственником, с любым грязным полуиспанским грандом, со всеми полунеграми-пеонами, которые раболепствуют перед ними! Можете в этом не сомневаться!

При упоминании о ранчо Роблес вся кровь в нем закипела, но все остальное в ее речи настолько походило на ее прежние сумасбродства, что не могло серьезно задеть его. Он только искренне удивился, заметив, что раздражительность и порывистость, как и в девческие годы, сейчас снова вернули ее щекам румянец, а глазам — блеск.

— Наверное, вы не за тем просили Джима привезти меня, — сказал он с улыбкой, — чтобы сообщить, что миссис Пейтон (тут он спохватился, заметив в синих глазах Сюзи злорадную искорку), что моя жена — южанка и, вероятно, сочувствует своим? Право, не знаю, могу ли я осуждать ее за это, как и она меня за то, что я северянин и сторонник Союза.

— Так она вас не осуждает? — насмешливо спросила Сюзи.

Кларенс слегка покраснел, но, прежде чем он успел ответить, актриса добавила:

— Нет, она предпочитает использовать вас в своих целях!

— Я вас не понимаю, — холодно сказал Кларенс и встал.

— Нет, это вы ее не понимаете! — резко возразила Сюзи. — Да, Кларенс Брант, вы правы: я не для того пригласила вас сюда, чтобы сказать вам то, что зна-

ете вы и все другие,— что ваша жена южанка. Не для того пригласила я вас, чтобы сказать то, о чем все догадываются: что ваша жена обводит вас вокруг пальца. Нет, я позвала вас сюда, чтобы сообщить то, чего никто не подозревает, даже вы, но что известно мне: она изменница, хуже того — она шпионка, и мне стоит сказать только слово или послать куда следует моего Джима, и ее сегодня же ночью выволокут из ее притона на ранчо Роблес и запрут в форте Алькатрас!

Ее пухлые щеки пылали, злые глаза сверкали, как сапфиры, она вскочила и, вздернув красивые плечи, крепко сжимая маленькие ручки, стиснув белые зубы, сделала шаг к Кларенсу. Что-то в этой позе напоминало ее своевольное детство, но в ней угадывалась и провинциальная актриса, которую он всего час назад видел на сцене. Ее угроза серьезно встревожила его, но он постарался скрыть свои чувства и не удержался от довольно беспомощного ответного выпада.

Слегка отступив и сделав вид, что восхищается ею — причем не совсем притворно,— он произнес с улыбкой:

— Прекрасно сыграно... но вы забыли флаг.

Сюзии не смутилась. Истолковав его иронию как знак преклонения перед ее искусством, она продолжала с возрастающим пафосом:

— Нет, это вы забыли свой флаг, забыли свою родину, свой народ, свое мужское достоинство — все забыли ради этой гордячки, этой двуличной шпионки и предательницы! Пока вы здесь, ваша жена собирает у себя в Роблесе банду таких же шпионов и изменников, как она сама,— главарей-южан и их толстобрюхих пьяных «рыцарей»! Да, можете улыбаться с важным видом, но я говорю вам, Кларенс Брант, что вы, со всем вашим остроумием и ученостью, как малое дитя, вы ничего не знаете о том, что творится вокруг вас. Но зато знают другие! Об этом заговоре знает правительство, и федеральные чиновники предупреждены. Сюда прислали генерала Самнера, и первое, что он сделал,— сменил командование форта Алькатрас и прогнал друга вашей жены, этого южанина, капитана Пинкни. Да, известно все, кроме одного: где и как собирается эта

чудная компания. Об этом знаю только я, и я вам это сказала.

— И я полагаю,— заметил Кларенс, продолжая улыбаться,— что эти ценные сведения вам доставил ваш муж и мой старый друг Джим Хукер?

— Нет,— отрезала она,— мне сообщил это Санчо; один из ваших собственных пеонов,— он больше предан вам и старому ранчо, чем вы сами. Он видел, что там происходит, и пришел ко мне, чтобы вас предостеречь!

— А почему не прямо ко мне? — спросил Кларенс с хорошо разыгранным недоверием.

— Спросите у него! — бросила она со злостью.— Может быть, он не хотел настраивать хозяина против жозайки. А может быть, думал, что мы с вами по-прежнему друзья. Может быть,— тут она запнулась, понизила голос и принужденно улыбнулась,— может быть, в былые времена он видел нас вместе...

— Очень возможно,— спокойно сказал Кларенс.— Вот ради этих былых времен, Сюзи,— продолжал он, и необычайная мягкость тона совсем не соответствовала его бледности и пристальной жесткости взгляда,— я забуду все, что вы сейчас говорили обо мне и моих близких, говорили с упрямством и нетерпимостью, которые, я вижу, сохранились у вас.... вместе с прежней красотой.

Он взял шляпу со стола и с серьезным видом протянул ей руку.

На мгновение она испугалась его непроницаемо-бесстрастной манеры. Когда-то она знала эту черту—его негнбимое упорство,— знала, что бороться с ней бесполезно. Но все-таки с женской настойчивостью она снова бросилась вперед, готовая расшибить себе лоб об эту стену.

— Вы мне не верите! Хорошо, поезжайте и поглядите сами. Они сейчас в Роблесе. Если вы поспеете на утреннюю карету из Санта-Клары, вы их еще застаете. Хватит у вас смелости?

— Что бы я ни сделал,— ответил он с улыбкой,— я всегда буду признателен вам за то, что вы дали мне случай снова увидеть вас такой, как прежде. Передайте мужу мои извинения. Спокойной ночи!

— Кларенс!

Но он уже закрыл за собой дверь. Выражение его лица не изменилось, когда он снова взглянул на поднос с остатками пищи у двери, на потертый, испачканный ковер и на официанта, который проковылял мимо. По-видимому, он столь же критически, как и до этой встречи, оценивал и тяжелый запах в прихожей и всю эту обветшалую, выцветшую показную роскошь. Если бы женщина, с которой он только что расстался, могла и сейчас наблюдать за ним, она решила бы, что он все-таки не верит ее рассказу. А он чувствовал, что все вокруг — свидетельство и его собственного падения, ибо верил каждому ее слову. За ее сумасбродством, завистью и злопамятством он увидел главное: он обманут, и обманут не женой, а самим собой. Все это он подозревал и прежде. Вот что на самом деле беспокоило его, вот что он пытался оттолкнуть от себя, лишь бы не рухнула вера — не в эту женщину, а в его идеал! Он вспомнил письма, которыми она обменивалась с капитаном Пинкни, и другие письма, которые она открыто посылала видным деятелям Юга. Вспомнил ее настойчивое стремление остаться в усадьбе, намеки и многозначительные взгляды друзей, которым он не придавал значения, как не придавал значения и словам этой женщины. Да, Сюзии не сказала ничего нового о его жене, зато поведала правду о нем самом! И разоблачение пришло от людей, которых он ставил ниже себя и своей жены. Для независимого, гордого человека, обязанного всем только самому себе, это был завершающий удар.

Все тем же бесстрастным голосом он приказал кучеру ехать домой. Обратный путь показался ему бесконечным, хотя он ни разу не пошевелился. Но когда он подъехал к своему дому и взглянул на часы, то увидел, что отсутствовал всего полчаса. Всего полчаса! Войдя в дом, он рассеянно подошел к зеркалу в передней, точно ожидал найти в себе какую-то видимую внешнюю перемену. Затем, отослав слуг спать, пошел в свою комнату, переоделся, натянул высокие сапоги и накинул на плечи серапе; потом постоял минуту, вынул из ящика пару небольших пистолетов «Дерринджер», сунул их в карманы и осторожно спустился по лестнице. В первый раз он почувствовал, что не

доверяет собственным слугам. Свет был погашен. Кларенс бесшумно отворил парадную дверь и вышел на улицу.

Он быстро прошел несколько кварталов до извозничьего двора, с владельцем которого был знаком. Сначала он спросил о лошади по кличке «Краснокожий», затем о ее хозяйне. К счастью, и та и другой оказались на месте. Хозяин не стал задавать вопросов состоятельному клиенту. Лошадь — испанскую полукровку, сильную и норовистую, — быстро оседали.

Когда Кларенс вскочил в седло, хозяин в порыве общительности заметил:

— Я видел вас сегодня в театре, сэр.

— Вот как? — ответил Кларенс, спокойно разбирая поводья.

— Ловко это вышло у артистки с флагом-то, — продолжал хозяин, осторожно пытаясь вызвать Кларенса на разговор. Затем, усомнившись, должно быть, в политических симпатиях клиента, добавил с принужденной улыбкой: — Я так думаю, все это партийная возня; по-настоящему ничего опасного нет.

Кларенс рванул вперед, но эти слова продолжали звучать у него в ушах. Он разгадал причину нерешительности хозяина: вероятно, тот тоже слышал, что Кларенс Брант по слабости характера сочувствует убеждениям своей жены, и потому не осмелился говорить откровенно. Понял он и трусливое предположение, что «ничего опасного нет». Ведь это же его собственная ложная теория. Он думал, что возбуждение, царившее в обществе, — это только временная вспышка разногласий между партиями, которая вскоре затихнет. Даже сейчас он чувствовал, что сомневается не столько в непоколебимости Союза, сколько в прочности своего домашнего очага. Не преданность патриота, а негодование взбешенного мужа подгоняли его вперед.

Он знал, что если к пяти часам доберется до Вудвиля, то сможет переправиться с пристани через залив на пароме и попасть на карету в Фэр-Плейнс, откуда можно верхом доехать до ранчо. Из Сан-Франциско туда карета не ходит, поэтому у него было больше шан-

сов застать заговорщиков на месте. Выхав из предместий города, он прищпорил Краснокожего и ринулся сквозь дождь и мрак по большой дороге. Путь был ему хорошо знаком. Сперва ему было приятно мчаться вперед, чувствуя, как дождь и ветер хлещут по его пониженной голове и по плечам, ощущать в себе грубую, звериную силу и способность сопротивления; стремительно пронестись через разлившиеся ручьи и мчаться дальше по окраинам топких, болотистых лугов, давая разрядку натянутым нервам. Наконец он сдержал непокорного Краснокожего и перевел его на крупный, размеренный шаг. Потом поднял голову, выпрямился в седле и задумался. Но напрасно! У него не было ясного плана, все будет зависеть от обстоятельств: мысль, что надо предупредить действия заговорщиков, сообщив властям или призвав их на помощь, мелькнула у него в сознании и тотчас исчезла. Осталось только инстинктивное желание — увидеть своими глазами ту правду, о которой твердил ему разум. Заря уже пробивалась сквозь гонимые ветром тяжелые тучи, когда он добрался до Вудвильской переправы, весь забрызганный дорожной грязью и лошадиной пеной, а конь его был в мыле от шеи до крупа. Он даже не отдавал себе отчета в том, как яростно стремится к цели, пока не почувствовал, как у него упало сердце, когда паром на переправе не оказался.

На миг ему изменило обычное присутствие духа — он только безучастным взглядом смотрел на свинцовые воды залива, ни о чем не думая, не видя никакого выхода. Но в следующее мгновение он увидел, что паром возвращается. Неужели потеряна последняя возможность? Он торопливо взглянул на часы и убедился, что доскалал быстрее, чем надеялся: время еще есть. Он нетерпеливо махнул перевозчику; паром — полубаркас с двумя гребцами — полз томительно медленно. Наконец гребцы прыгнули на берег.

— Могли бы приехать пораньше, вместе с другим пассажиром. Мы не собираемся мотаться для вас туда-сюда.

Но Кларенс уже овладел собой.

— Двадцать долларов за лишнюю пару весел, — сказал он спокойно, — и пятьдесят, если я поспею на карету.

Перевозчик пристально взглянул на Кларенса.

— Беги и кликни Джека и Сэма,— сказал он другому лодочнику, потом, не торопясь, оглядел забрызганную грязью одежду Кларенса и заметил:

— Вчера вечером на переправу, видно, опоздала целая куча пассажиров. Вы уже второй, кому не терпится поскорее переправиться на ту сторону.

В другое время такое совпадение могло бы привлечь внимание Кларенса. Но теперь он лишь кратко ответил:

— Если мы не отчалим через десять минут, вы увидите, что я не буду вторым пассажиром, и наша сделка расторгнута.

Но тут из хижины рядом с пристанью вышли двое и с сонным видом побрели к парому. Кларенс схватил еще одну пару весел, стоявших у стены хижины, и бросил их на корму.

— Я сам не прочь поразмяться,— объяснил он.

Перевозчик со смешанным чувством удивления и одобрения взглянул на утомленное лицо и решительные глаза Кларенса. Чуть помедлив с поднятыми веслами и не отрывая глаз от пассажира, он неторопливо произнес:

— Не мое это дело, молодой человек, но я думаю, вы поняли, что я сказал: только сейчас я перевез туда другого.

— Понял,— с нетерпением ответил Кларенс.

— И все-таки хотите ехать?

— Конечно! — холодно глядя на него, подтвердил Кларенс и взялся за весла.

Перевозчик пожал плечами, налег на весла, и лодка устремилась вперед. Двое других гребли усердно и быстро, крепкие, как сталь, ясеневые лопасти взлетали над водой, и тяжелая лодка продвигалась рывками; скоро они миновали извилистое прибрежное течение и вышли на спокойную туманную гладь залива. Не говоря ни слова, Кларенс, углубившись в свои мысли, налегал на весла, перевозчик и его команда тоже гребли молча, тяжело дыша; несколько потревоженных уток с шелестом взлетели над водой и снова сели. Через полчаса они причалили. Еще немного, и было бы поздно. Кларенс

напряженно всматривался, не появится ли из-за мыса почтовая карета; перевозчик столь же внимательно разглядывал пустынную улицу все еще спящего поселка.

— Нигде его не видно,—сказал перевозчик, бросив не то удивленный, не то любопытный взгляд на своего одинокого пассажира.

— Кого не видно? — небрежно спросил Кларенс, протягивая ему обещанную плату.

— Того, другого, который спешил поспеть на карету. Должно быть, отправился сам, не дождавшись. Вам везет, молодой человек.

— Я вас не понимаю,—нетерпеливо бросил Кларенс.— Какое мне дело до вашего пассажира?

— Ну, это вам, я думаю, лучше знать. Он, вообще говоря, такая персона, что другие, особенно ежели спешат, не очень-то любят с ним встречаться и сами обыкновенно за ним не гонятся. Это он чаще всего едет за другими.

— Что это значит? — строго спросил Кларенс.— О ком вы говорите?

— О начальнике полиции Сан-Франциско!

ГЛАВА II

Кларенс невольно рассмеялся, да так искренне и от всей души, что перевозчик растерялся и под конец засмеялся сам, хотя чувствовалось, что он смущен.

Произошла нелепая ошибка: его, оказывается, приняли за беглого преступника. Кларенс почувствовал облегчение и на время рассеялся, но когда паром ушел и он снова остался один, ему пришла мысль, что все это может иметь к нему косвенное отношение. Он с тягостным чувством вспомнил, как Сюзи угрожала засадить его жену в форт Алькатрас. Может быть, она уже сообщила городским властям и этому человеку?.. Но он тут же сообразил, что принять меры по такому предупреждению

может только шериф¹, а не городской чиновник, и прогнал эту мысль.

Все же, когда карета с зажженными фонарями, тускло горевшими в утреннем свете, показалась из-за поворота и тяжело подкатила к грубо сколоченной лачуге, служившей почтовым двором, он решил быть начеку. Какой-то заспанный субъект, стоя в дверях, принял множество письма и посылки, но единственным новым пассажиром был, очевидно, Кларенс. Пропала надежда, что его таинственный предшественник появится откуда-нибудь из-за угла в последний момент. Войдя в карету, он быстро оглядел своих спутников и убедился, что незнакомца среди них нет. Ехали главным образом мелкие торговцы или фермеры, два-три старателя и какой-то американец испанского происхождения — человек более высокого круга. Зная, что люди этого класса предпочитают ездить верхом и редко пользуются почтовой каретой, Кларенс обратил на него внимание, и их взгляды несколько раз скрестились с выражением взаимного любопытства. Вскоре Кларенс заговорил с ним по-испански; путешественник ответил непринужденно и любезно, но на следующей остановке сам спросил о чем-то кондуктора с явным акцентом жителя Миссури. Любопытство Кларенса было удовлетворено: это был, очевидно, один из ранних американских поселенцев, которые так долго жили в Южной Калифорнии, что переняли и язык и одежду испанцев.

Разговор в карете коснулся вечерних политических новостей — вернее, это было, по-видимому, ленивое продолжение недавнего горячего спора, один из участников которого, рыжебородый старатель, теперь ограничивался глухим ворчанием, выражавшим несогласие. Кларенс заметил, что миссуриец не только забавлялся, слушая спор, но, судя по лукавому блеску его глаз, сам и был коварным подстрекателем. Поэтому он не удивился, когда тот вежливо обратился к нему с вопросом:

— А в ваших местах какие настроения, сэр?

Но Кларенсу совсем не хотелось вступать в разговор, он коротко ответил, что едет из Сан-Франциско и пасса-

¹ Высшее административное должностное лицо штата.

жиры, должно быть, осведомлены обо всем не хуже его... Быстрый, испытующий взгляд, брошенный незнакомцем, заставил его пожалеть о своих словах, но в наступившей тишине рыжебородый пассажир, у которого, видимо, накипело на сердце, решил заговорить. Хлопнув себя огромными руками по коленям и нагнувшись далеко вперед, так что его огненная борода казалась головней, брошенной в самую гущу спора, он угрюмо сказал:

— Вот что я вам скажу, джентльмены. Не в том дело, какие политические взгляды здесь или там, не в том, какие права у штатов и какие у федерального правительства, не в том, имеет ли правительство право послать подмогу своим солдатам, которых эти конфедераты осаждали в форте Самтер, а в том, что первый же выстрел по флагу сорвет цепи со всех проклятых черномазых к югу от линии Мэсон-Диксон. Слышите? И как бы вы себя ни называли: конфедераты или унионисты¹, «медноголовые»² или сторонники «мирных предложений»³, вы должны это понять!

Некоторые пассажиры уже готовы были очертя голову ввязаться в спор, один ухватился за ремennую петлю и приподнялся, другой разразился хриплой бранью, как вдруг все стихло. Все взоры обратились к незаметной фигуре на заднем сиденье. Это была женщина с ребенком на коленях; она смотрела в окно с обычным для ее пола безразличием к политике. Кларенс достаточно хорошо знал грубоватую этику дороги, чтобы понять, как эта женщина, сама не сознавая своего могущества, не раз в течение дня смирала страсти спорщиков. Теперь они снова опустили на свои места, и грохот колес заглушил их ворчание. Кларенс взглянул на миссурийца; тот со странным любопытством уставился на рыжебородого старателя.

Дождь перестал, вечерние тени стали длиннее, когда наконец они добрались до Фэр-Плейнс, где Кла-

¹ Сторонники государственного единства США, противники отделения Южных штатов.

² Тайные сторонники южан в эпоху Гражданской войны.

³ Сторонники мирного урегулирования конфликта между северянами и южанами в период перед Гражданской войной.

ренс рассчитывал достать верховую лошадь, чтобы доехать до ранчо. К своему удивлению, однако, он узнал, что все наемные лошади разобраны, но вспомнил, что тут под присмотром арендатора пасется часть его собственного табуна и что таким образом он может выбрать лошадь получше. Туда он и направился. Выйдя с извозничьего двора, он узнал голос миссурийца, который о чем-то шептался с хозяином; при его приближении оба отошли в тень. Кларенса охватило смутное беспокойство; он знал хозяина, который, видимо, в свою очередь, был знаком с миссурийцем. Если они оба избегают его, за этим что-то скрывается. Может быть, до них дошли сведения о его репутации возможного униониста? Но этим не могло объясниться их поведение в таком поселке, как Фэр-Плейнс, где сочувствие явно было на стороне южан. Встревоженный сильнее, чем сам готов был себе признать, он наконец после некоторых проволочек раздобыл лошадь и, оказавшись снова в седле, внимательно огляделся по сторонам, ища глазами своего бывшего попутчика. Но тут другое обстоятельство усилило его подозрения: главная дорога шла на Санта-Инес, ближайший город, и дальше — на ранчо Роблес; Кларенс выбрал ее нарочно, чтобы наблюдать за миссурийцем. Но был еще проселок, ведущий прямо на ранчо и известный только его постоянным посетителям. После нескольких минут скачки на мустанге, с которым не могли сравниться лошади с постоялого двора, Кларенс убедился, что незнакомец наверняка поехал проселком. Пришпорив коня, Кларенс рассчитывал все же добраться до ранчо раньше миссурийца, если он действительно ехал туда.

Мчась по знакомой дороге, Кларенс под влиянием странной игры воображения не думал о своей цели, а предавался воспоминаниям о днях юности, полных надежд, когда он впервые ехал по этому пути. Девушка, которая тогда ждала его, стала теперь женой другого; женщина, которая тогда была ее опекуной, — теперь его жена. Без терзаний он перенес уход девушки, а теперь из-за ее разоблачений ему придется пережить предательство собственной жены. Так вот она, награда за его юношеское доверие и предан-

ность! Он рассмеялся горьким смехом. И, как продолжение все того же юношеского самообмана, явилась мысль, что благодаря этому он стал более мудрым и сильным.

Было уже совсем темно, когда он доскакал до верхнего поля—первой террасы ранчо Роблес. Среди зеленого моря весенних трав, словно призрачный остров, смутно виднелись белые стены касы. Здесь проселок соединялся с большой дорогой—отсюда она одна вела к дому. Кларенс знал, что никто не мог его опередить по пути из Фэр-Плейнс, но надо было принять меры, чтобы остаться незамеченным. Возле зарослей ивняка он сошел с коня, расседлал, разнуздал его и ударом риаты по крупу отправил галопом по направлению к табуну пасушихся мустангов. Затем, держась в тени полосы молодых дубков, он стал пробираться вдоль других продолговатых террас усадьбы, чтобы подойти к дому со стороны старого сада и коралля. Моросил дождь, и порывы ветра временами сгущали его в мутную, волнистую завесу, которая мешала видеть и облегчала его замысел. Он благополучно добрался до низкой кирпичной стены коралля; заглянув через нее, он, несмотря на темноту, заметил, что много лошадей было с чужими таврами, и даже узнал двух-трех из округа Санта-Инес. Под длинным навесом возле конюшен виднелись неясные очертания пролеток и бричек. В усадьбу съехались гости — Сюзи была права!

И все-таки, пока он стоял у стены старого сада, ожидая наступления ночи, на него снова нахлынули грустные воспоминания, и в них потонуло его нервное возбуждение. Вот отверстие в стене, где была старая решетка и где стояла миссис Пейтон в то утро, когда он собирался навсегда покинуть ранчо; здесь он впервые обнял ее и остался. Легкий поворот головы, мгновенная нерешительность, один взгляд ее томных глаз — вот к чему они привели. И вот он опять стоит у той же разрушенной решетки, а его дом, его земли, даже его имя используются обезумевшей коварной фанатичкой, и сам он крадется, как шпион, выслеживающий собственное бесчестье! С горькой улыбкой он снова взглянул на сад. Несколько темно-красных кастильских роз с мокрыми листьями сгибались и качались на ветру. Вот здесь

в первое утро своего приезда он поцеловал Сюзи; внезапно в памяти всплыло благоухание ее розовых щек; он потянул к себе цветок и долго-долго вдыхал его аромат, пока не почувствовал слабость и не прислонился к стене. Потом опять улыбнулся, на этот раз со злорадством, — в том, что казалось ему цинизмом, уже зарождался смутный план мести!

Наконец стемнело, и можно было отважиться перейти через аллею, ведущую к входу, и пробраться к задней стене дома. Его первым естественным побуждением было открыто войти в парадную дверь, но его сменило острое искушение подслушать и незаметно выследить заговорщиков — обманутым всегда так соблазнительно стать свидетелями своего позора. Он знал, что одно объясняющее слово или жест, извинение, просьба или даже испуг жены способны смирить его гнев и разрушить его замысел. Прекрасно зная расположение дома и пользуясь тем, что гости чувствуют себя в полной безопасности, он имел возможность, находясь на темной лестничной площадке или на галерее, присутствовать на тайном совещании в патио — единственном месте, подходящем для такого многолюдного собрания. Отсутствие света в наружных окнах подтверждало, что собрание происходит именно там. И в уме Кларенса быстро возник план, как проникнуть в дом.

Пробравшись к задней стене касы, он стал осторожно огибать поросшую терновником стену, пока не дошел до широкого, похожего на печное отверстие окна, наполовину скрытого огромной плетью страстоцвета. Это было окно бывшего будуара миссис Пейтон. Через это окно он когда-то проник в дом, захваченный скваттерами; отсюда Сюзи подавала знак своему возлюбленному-испанцу, здесь сломал себе шею предполагаемый убийца судьи Пейтона. Но все эти воспоминания не остановили его, настало время действовать. Он знал, что со времени той трагедии будуар заброшен и пуст; слуги верили, что сюда приходит дух убийцы. Пробраться в комнату, цепляясь за страстоцвет, было нетрудно; внутренняя рама была открыта; шорох сухих листьев на голом полу, шум крыльев потревоженной птицы над самым ухом — все это были признаки запустения, источник странных звуков, которые слышались здесь. Дверь

в коридор была заперта легким засовом лишь для того, чтобы не хлопала на ветру. Отодвинув задвижку перочинным ножом, Кларенс заглянул в темный проход. Свет, пробивавшийся из-под двери слева, и шум голосов доказывали, что его предположение правильно и что собрание происходит на широких балконах, окружавших патио. Он знал, что эти балконы видны с узкой галереи, защищенной от солнца с помощью жалюзи. Он добрался туда незамеченный; к счастью, жалюзи были все еще спущены. Сквозь них он мог, оставаясь невидимым, наблюдать и слышать все происходящее.

Но даже в этот решительный момент первое, что его поразило, — это нелепый контраст между внешним видом собрания и важностью его цели. Может быть, он находился еще под влиянием детского представления о таинственных и мрачных заговорах, но на мгновение его даже смутил легкомысленный и праздничный вид собрания заговорщиков. Перед ними на столиках стояли графины и бокалы, почти все пили и курили. Всего здесь было человек пятнадцать — двадцать, некоторых он знал в лицо — это были ревностные сторонники Юга. Но, к его удивлению, там было и несколько известных северных демократов. В центре сидел пресловутый полковник Старботта из Виргинии. Бодрый и молодой, с безбородым, похожим на маску лицом, с внушительной и достойной осанкой человека средних лет, он один сохранял приличествующую случаю солидность, не лишенную, впрочем, некоторой аффектации.

Быстро оглядев заговорщиков, Кларенс сначала не заметил свою жену и на минуту почувствовал облегчение; но когда полковник Старботта встал и изысканно-джентльменским и любезным движением повернулся направо, Кларенс увидел, что она сидит на другом конце балкона и что рядом с ней стоит мужчина, в котором он сразу узнал капитана Пинкни. Кровь прихлынула к его сердцу, но он сохранил хладнокровие и наблюдательность.

— Очень редко случается, — начал полковник Старботта, приложив толстые пальцы к жабо своей сорочки, — чтобы политическое движение, подобное нашему, обла-

гораживалось присутствием возвышенного, вдохновляющего и в то же время нежного существа — истинной Биадицеи¹, я мог бы смело сказать — Жанны д'Арк, в лице нашей очаровательной хозяйки миссис Брант. Она не только оказывает нам честь своим гостеприимством, но и активно, с энтузиазмом участвует в нашем славном деле. Благодаря ее письмам и настойчивым просьбам мы сегодня сможем воспользоваться помощью и советами одного из самых выдающихся и влиятельных людей Южной Калифорнии — судьи Бисуингера из Лос-Анжелоса. Я не имею чести быть лично знакомым с этим джентльменом; думаю, что не ошибусь, сказав, что не знакомы с ним, к сожалению, и другие присутствующие здесь джентльмены. Но одно его имя вселяет силу и надежду. Я мог бы добавить, что сама миссис Брант не знает судью Бисуингера, но благодаря пылу, поэтичности, обаянию и уму, который она проявила в своих письмах к нему, мы будем иметь честь увидеть его сегодня. Получено сообщение о его выезде; его можно ожидать с минуты на минуту.

— А кто поручится, что это действительно судья Бисуингер? — протянул ленивый голос с южным акцентом, когда полковник Старботтл завершил свой витиеватый монолог. — Никто из нас не знает его в лицо: разве не рискованно допускать на наше собрание человека, когда мы не знаем наверное, кто он такой?

— Думаю, что посторонний сюда не сунется, — ответил другой, — разве какой-нибудь идиот или грязный доносчик-янки, а с такими мы знаем, как поступить.

Внимание Кларенса было приковано к жене, и он пропустил мимо ушей и этот многозначительный диалог и цветистую речь полковника. Она была очень хороша, щеки у нее слегка покраснелись, в глазах сияла такая гордость, какой он никогда у нее не видел. Увлеченная спором, она, видимо, не обращала внимания на капитана Пинкни. Вдруг она встала.

— Судью Бисуингера, — сказала она ясным, повелительным голосом, который Кларенс хорошо знал, —

¹ Представительница одного из британских племен, возглавившая восстание против римлян в I веке н. э.

будет сопровождать мистер Макнил, хозяин гостиницы «Фэр-Плейнс», он представит его и поручится за него. Судья собирался приехать в карете из Мартинеса, сейчас он должен быть здесь.

— Неужто не найдется настоящего джентльмена, чтобы представить судью? Неужто мы примем его с рекомендацией простого торговца, какого-то кабатчика, прости господи? — насмешливо продолжал первый голос.

— Можете положиться на слово дамы, мистер Брукс, — вмешался капитан Пинкни, указывая на миссис Брант, — она отвечает за обоих.

Услышав голос жены и поняв смысл ее слов, Кларенс вздрогнул. Значит, его попутчик, шептавшийся с Макнилом, и есть человек, которого здесь ждут? А если они узнали его, Кларенса, не предупредят ли они загорщиков, что он поблизости? Он затаил дыхание, услышав звук голосов у ворот. Миссис Брант встала, но в ту же минуту ворота распахнулись, и вошел мужчина. Да, это был миссуриец.

Со старомодной учтивостью он обратился к единственной женщине, стоявшей на балконе:

— Моя прелестная корреспондентка? Я судья Бисунингер. Наш посредник Макнил провел меня через охрану у ворот, но я счел неуместным привести его с собой на это собрание джентльменов, не имея на то вашего согласия. Надеюсь, я поступил правильно?

Спокойное достоинство и самообладание, изысканная старомодная точность речи и мягкое виргинское произношение, а главное, своеобразная индивидуальность вошедшего произвели глубокое впечатление и словно придали внезапно собранию ту значительность, которой ему не доставало. На мгновение Кларенс забыл о своих обидах, возмущенный тем, что лагерь противника получил такое сильное подкрепление. Он заметил, как блеснули глаза его жены, гордившейся своей находкой, заметил и растерянный взгляд Пинкни, устремленный на вновь прибывшего.

А тот поднялся на балкон и с глубокой почтительностью пожал руку миссис Брант.

— Представьте меня моим коллегам, каждому в отдельности. В такой момент человеку подобает знать, кому

он доверяет свою жизнь и честь, а также жизнь и честь общего дела.

Ясно было, что эта просьба продиктована не только формальной вежливостью. Обходя балкон и знакомясь при любезном содействии миссис Брант со всеми участниками собрания, он не только очень внимательно выслушивал фамилию и звание каждого, но и останавливал на нем ясный, пронизывающий взгляд, словно фотографируя его в своей памяти. С двумя, впрочем, исключениями. Мимо пышного жабо полковника Старботтла он прошел с изящным поклоном, заметив, что «известность полковника Старботтла не требует ни представлений, ни пояснений». Возле капитана Пинкни он задержался:

— Вы, кажется, офицер армии Соединенных Штатов, сэр?

— Да.

— Получили образование в Вест-Пойнте¹ за счет правительства и присягали ему в верности?

— Да.

— Ясно, сэр,— сказал незнакомец, отходя.

— Но вы забыли кое-что другое, сэр,— сказал Пинкни несколько высокомерным тоном.

— Вот как! А что именно?

— А то, что прежде всего я уроженец штата Южная Каролина!

На балконе послышался одобрителный шепот. Капитан Пинкни улыбнулся и переглянулся с миссис Брант, а незнакомец, не торопясь, вернулся к столу посредине, где сидел полковник Старботтл.

— Я не только неожиданный делегат на этом высоком собрании, джентльмены,— начал он серьезным тоном,— но и посланец с неожиданными известиями. Благодаря своему служебному положению на Юге я располагаю сообщениями, полученными только сегодня утром с экстренной почтой. Форт Самтер осажден. Войска Соединенных Штатов, прибывшие на помощь осажденным, были встречены огнем артиллерии штата Южная Каролина.

¹ Высшая военная школа в Нью-Йорке.

Все разразились почти истерически восторженными аплодисментами и возгласами, которые зазвенели по темным сводчатым переходам и коридорам усадьбы. Ликующие крики понеслись мимо крытой галереи к туманному небу. Люди вскакивали на столы, неистово махали руками, и посреди этого вихря движений и криков Кларенс увидел свою жену: стоя на стуле, с горящими щеками и искрящимися глазами, она размахивала платком с видом вдохновенной жрицы. Один только Бисуингер оставался невозмутимым и неподвижно стоял возле полковника Старботтла. Выждав, он властным жестом потребовал тишины.

— При всем единодушии и убедительности этой демонстрации, джентльмены,— спокойно продолжал он,— считаю тем не менее своим долгом спросить вас, насколько серьезно вы восприняли значение известия, которое я привез. Мой долг — сказать вам, что оно означает гражданскую войну. Оно означает вооруженную схватку между двумя частями великой страны, разрыв дружеских связей и семейных уз, вражду между отцами и сыновьями, между братьями и сестрами и даже, быть может, отчуждение мужа и жены.

— Это означает независимость Юга и разрыв с безродными торговцами и аболиционистами! — крикнул капитан Пинкни.

— Если здесь есть джентльмены,— продолжал незнакомец, не обращая внимания на капитана,— которые дали обязательство, что наш штат выступит в этих крайних обстоятельствах на стороне Юга, или стремились к образованию Тихоокеанской республики, сочувствующей и помогающей южанам, если их имена внесены в этот список,— он поднял лист бумаги, лежавший перед полковником Старботтлом,— но которые теперь считают, что важность последних известий требует более серьезных размышлений, они вольны покинуть собрание, дав честное слово джентльмена-южанина сохранить тайну.

— Я не согласен,— прервал какой-то рослый кентуккиец, вставая с места и спускаясь по ступенькам в патио. И, прислонившись спиной к калитке, добавил:— Я пристрелю первого труса, который пойдет на попятный!

Его слова вызвали бурный смех и возгласы одобрения, но незнакомец спокойным, бесстрастным голосом вновь потребовал внимания:

— Но если, напротив, все вы считаете, что это известие увенчало и освятило надежды, желания и планы этого собрания, тогда пусть каждый подтвердит это еще раз письменно на листе, который лежит здесь возле полковника Старботла.

Когда поднялся кентуккиец, Кларенс вышел из своего укрытия; теперь, видя, с каким пылом люди устремились к столу, он перестал колебаться. Проскользнув вдоль прохода, он вышел на лестницу, ведущую к задней стороне балкона. Сбежав вниз, он оказался в тылу возбужденной толпы, сгрудившейся вокруг стола, и даже оттолкнул одного из заговорщиков, не будучи замеченным. Его жена уже встала со стула и тоже направилась к столу. Быстрым движением он схватил ее за руку и заставил сесть обратно. Когда она его узнала, с ее губ сорвался крик, а он, все еще держа ее за руку, встал между ней и удивленными заговорщиками. Наступило минутное молчание, потом раздались крики: «Шпион!», «Держите его!» — но всех покрыл голос миссурийца, который приказал не трогаться с места. Повернувшись к Кларенсу, он невозмутимо сказал:

— Мне знакомо ваше лицо, сэр. Кто вы такой?

— Муж этой женщины и хозяин этого дома, — так же спокойно ответил Кларенс и сам не узнал своего голоса.

— Так отойдите от нее! Или вы надеетесь, что если она в опасности, то это защитит вас? — крикнул кентуккиец, с угрожающим видом вытаскивая револьвер.

Но тут миссис Брант внезапно вскочила и встала рядом с Кларенсом.

— Мы оба не трусы, мистер Брукс... впрочем, он говорит правду... и, к моему стыду, — прибавила она, глядя на Кларенса со злобным презрением, — он действительно мой муж!

— Зачем вы сюда пришли? — продолжал судья Бисуингер, не сводя глаз с Кларенса.

— Я уже сказал достаточно, — спокойно отвечал Кларенс, — чтобы вы, как джентльмен, немедленно покинули мой дом. За этим я и пришел. И это все, что я могу вам сказать, пока вы и ваши друзья оскорбляете мой

кров своим непрошеным присутствием. А что я скажу вам и всем другим после, что потребую от вас в соответствии с вашим собственным кодексом чести,— тут он поглядел на капитана Пинкни,— это другой вопрос, который не принято обсуждать в присутствии дам.

— Прошу прощения. Минуту, одну минуту! — слышался голос полковника Старботтла. Сорочка с жабо, полурасстегнутый синий сюртук с широкими, словно распутившиеся лепестки, отворотами и улыбающееся, похожее на маску лицо этого джентльмена поднялись над столом; он поклонился Кларенсу Бранту и его жене с отменной учтивостью.

— Э-э... унижительное положение, в котором мы оказались, джентльмены, став против воли свидетелями... гм... гм... временной, как я надеюсь, размолвки между нашей очаровательной хозяйкой и джентльменом... э-э... которого она удостаивает титула, обязывающего нас к величайшему уважению... нам всем крайне неприятно и полностью оправдывает желание этого джентльмена получить сатисфакцию, которую, я уверен, каждый из нас был бы рад ему дать. Но эта ситуация основывается на том предположении, что наше собрание носило, так сказать, чисто светский, или развлекательный, характер! Возможно,— продолжал полковник с кротким и задумчивым выражением лица,— что вид этих графинов и стаканов, а также нектара, предложенного нашей, подобной Гебе, хозяйкой,— он поклонился в сторону миссис Брант и поднес к губам стакан виски с водой,— мог привести этого джентльмена к такому выводу. Но если я обращаю его внимание на то обстоятельство, что наше собрание носит характер деловой и, более того, секретный, то окажется, что вина за вторжение может быть по справедливости разделена между нами и им самим. Нам позволительно даже ввиду этого задать ему вопрос... э-э... в какой мере его приход в этот дом совпадает по времени с его появлением среди нас?

— Так как парадной дверью моего дома завладели посторонние,— сказал Кларенс, отвечая скорее на незапный презрительный взгляд жены, чем на намек Старботтла,— то я проник в дом через окно.

— Да, через окно моего будуара, где один непрощенный гость уже сломал себе шею,— насмешливо перебила его жена.

— Где я однажды помог этой даме сохранить для себя этот дом, когда его захватила другая шайка нарушителей, которые, впрочем, называли себя просто «хватаунами» и не выдавали себя за джентльменов.

— Итак, вы подразумеваете, сэр,— начал высокомерно полковник Старботтл,— что...

— Я подразумеваю, сэр,— презрительно ответил Кларенс,— что у меня нет ни малейшего желания узнать о причине, которая привела вас сюда, и что она меня ни малейшим образом не касается. Покинув дом, вы беспрепятственно унесете прочь свои тайны и свои частные дела.

Повелительным жестом судья Бисуингер заставил умолкнуть злобные выкрики своих товарищей.

— Означает ли это, мистер Брант,— спросил он, глядя Кларенсу прямо в глаза,— что вы не разделяете политических взглядов своей жены?

— Я уже сообщил все, что вам нужно знать, чтобы покинуть мой дом,— ответил Кларенс, скрестив руки,— сообщил все, что вы имеете право знать.

— Я могу ответить за него,— скривив рот, сказала миссис Брант дрожащим голосом.— Мы не разделяем взглядов друг друга. Мы далеки, как два полюса. У нас нет ничего общего, кроме его имени и этого дома.

— Да, но вы муж и жена, связанные священным союзом.

— Да, союзом! — отозвалась миссис Брант со злым смехом.— Союзом вроде того, который связывает Южную Каролину с Массачусетсом, где молятся на негров. Союзом, соединяющим белого и черного, джентльмена и ремесленника, плантатора и бедняка,— союзом, напоминающим союз этих Соединенных Штатов... Ну что же, тот союз разорван, можно разорвать и этот!

Кларенс побледнел. Но он не успел еще ничего сказать, как в ворота тревожно постучали и в дом вбежал взволнованный вакеро.

— Матерь божия! — воскликнул он, обращаясь к миссис Брант. — Каса окружена толпой всадников... Один из них требует именем закона, чтобы его впустили.

— Это дело ваших рук! — закричал Брукс, с бешеным глвдв на Кларенса. — Это вы привели их с собой, но, клянусь богом, они вас не спасут!

Он схватил бы Кларенса, если бы его не удержала твердая рука Бисуингера. Но он продолжал рваться к Кларенсу, призывая остальных:

— Что же, вы так и будете ждать, как дураки, чтобы он одержал верх? Не видите разве, какую шутку сыграл с нами этот подлый янки.

— Нет, это не он, — надменно сказала миссис Брант. — У меня нет оснований любить его или его друзей, но я знаю, что лгать он не способен.

— Джентльмены, джентльмены! — с елеинной улыбкой молил и убеждал полковник Старботтл. — Позвольте мне... э-э... заметить, что это совсем не относится к делу. Чего нам бояться, если какой-то неведомый сброд, откуда бы он ни взялся, требует именем закона, чтобы его впустили? Я не вижу, чтобы мы нарушали какой-либо закон штата Калифорнии. Пусть войдут.

Ворота открыли. Появился плотный мужчина, на вид безоружный, одетый как обыкновенный путешественник, а за ним — человек пять других столь же просто одетых мужчин. Повернувшись к балкону, первый произнес сухим, официальным тоном:

— Я начальник полиции Сан-Франциско. У меня есть ордера на арест полковника Старботтла, Джошуа Брукса, капитана Пинкни, Кларенса Бранта, его жены Элис и других, обвиняемых в подстрекательстве к мятежу и незаконных действиях, имеющих целью нарушить мир в штате Калифорния и отношения штата с федеральным правительством.

Кларенс был ошеломлен. Несмотря на монотонность произношения, он узнал голос рыжебородого спорщика из почтовой кареты. Но куда девались его борода и шевелюра? Невольно Кларенс взглянул на судью Бисуингера, но этот джентльмен спокойно разглядывал вновь прибывшего, и по его бесстрастному лицу нельзя было сказать, узнал он попутчика или нет.

— Но юрисдикция города Сан-Франциско на эту усадьбу не распространяется,— возразил полковник Старботтл, мягко улыбаясь своим товарищам.— Простите, сэр, но я должен сообщить вам, что вы... гм... попросту ворвались беззаконно.

— Я действую также в качестве помощника шерифа,— холодно отвечал тот.— Мы не имели возможности точно установить место этого собрания, хотя и знали, что оно состоится. Сегодня утром в Санта-Инес я был приведен к присяге судьей округа; сопровождающие меня джентльмены составляют мой полицейский отряд.

Заговорщики уже готовились оказать сопротивление, но их снова остановил полковник Старботтл. Наклонившись вперед в почти судейской позе, опершись пальцами на стол, с взъерошенным жабо, он произнес оскорбленно, но вежливо и отчетливо:

— Мне очень жаль, сэр, но приходится констатировать, что и такой порядок является совершенно несостоятельным. Я сам юрист, и мой друг, судья Бисуингер— тоже, не так ли? Прошу извинить!

Начальник полиции вздрогнул, устремив глаза на судью Бисуингера, который преспокойно продолжал писать за столом.

— Судья Бисуингер,— продолжал полковник Старботтл,— как юрист, вероятно, согласится со мной, если я скажу вам, что поскольку в качестве потерпевшего выступает правительство Соединенных Штатов, то вести дело могут только федеральные суды, и, следовательно, единственное должностное лицо, которое мы можем признать,— это окружной шериф Соединенных Штатов. А если я добавлю, что шериф округа полковник Крекенторп— мой старый друг и один из активных сторонников Юга в нынешней борьбе, вы поймете, что ожидать от него вмешательства в такое дело можно едва ли.

Общий смех, ропот одобрения и облегчения были прерваны судьей Бисуингером:

— Позвольте взглянуть на ордер, господин помощник шерифа.

Полицейский подошел к нему с несколько озадаченным видом и предъявил документ. Судья Бисуингер вернул ему бумагу и спокойно добавил:

— Полковник Старботтл совершенно прав в своем утверждении: это собрание обязано подчиняться только окружному шерифу Соединенных Штатов либо его законному представителю. Но полковник Старботтл ошибается, полагая, что эту должность все еще занимает полковник Крекенторп. Он смещен президентом Соединенных Штатов; сегодня рано утром был назначен и приведен к присяге федеральным судьей его преемник.

Он остановился и, сложив бумагу, на которой писал, передал ее начальнику полиции.

— Вот это,— продолжал он тем же ровным голосом,— дает вам полномочия помощника окружного шерифа и позволяет выполнить поручение, с которым вы сюда явились.

— Что за чертовщина, сэр! Кто же вы такой? — воскликнул полковник Старботтл, отпрянув, как ужаленный, от своего соседа.

— Я новый окружной шериф Соединенных Штатов в южном округе Калифорнии.

ГЛАВА III

Неожиданным и поразительным было для Кларенса это открытие, но не менее поразительным показалось ему, как оно было принято заговорщиками. Он двинулся было вперед, опасаясь, как бы самоуверенный и сам себя раскрывший шпион не пал жертвой ярости обманутых им людей. Но, к его изумлению, неожиданное потрясение, по-видимому, преобразило заговорщиков, придав им какое-то достоинство. Исчезли возбужденность, раздражительность и безрассудство. Помощник шерифа и полицейские, устремившиеся на помощь своему новоявленному начальнику, не встретили сопротивления. Заговорщики словно по молчаливому согласию отхлынули от судьи Бисуингера, оставив вокруг него свободное пространство, и молча, с мрачным презрением разглядывали стражников.

Первым нарушил молчание полковник Старботтл.

— Ваш долг, сэр, доставить нас со всей возможной быстротой к федеральному судье округа, если только ваш

вашингтонский повелитель не нарушил конституцию, сместив и его!

— Я вас прекрасно понял,— ответил судья Бисуингер с невозмутимым спокойствием,— и поскольку, как вам известно, федеральный судья Вильсон, к сожалению, не может быть уволен иначе, как по решению суда, вы, вероятно, можете по-прежнему рассчитывать на его сочувствие южанам. Это уже не относится к моим обязанностям; мой долг будет выполнен, как только мой помощник доставит вас к федеральному судье и я изложу обстоятельства вашего ареста.

— Поздравляю вас, сэр,— с ироническим поклоном сказал капитан Пинкни,— с такой скорой наградой за вашу измену Югу, а также с тем, что вы так быстро переняли у своих друзей их своеобразную тактику проникать в чужие дома.

— Жалею, что не могу, в свою очередь, поздравить вас, сэр,— возразил судья Бисуингер серьезным тоном.— Вы нарушили присягу правительству, которое дало вам образование, содержало вас и присвоило вам эполеты, которые вы обесчестили. Я не стану рассуждать об измене с человеком, который не только обманул доверие родины, но и нарушил святость семейного очага своего друга. По этой причине я не воспользуюсь ордером на арест хозяина и хозяйки этого дома. Я убедился, что мистер Брант не имел понятия о том, что здесь происходит, а его жена была лишь заблудшей жертвой обмана со стороны человека, повинного в двойном предательстве.

— Молчите!

Это слово вырвалось одновременно и у Кларенса и у капитана Пинкни. Они стояли, меряя друг друга взглядами. Кларенс был бледен, Пинкни побагровел, миссис Брант, очевидно, не уяснив себе значения их совместного призыва, обратилась к судье Бисуингеру, задыхаясь от бешенства и обиды.

— Приберегите ваше милосердие для вашего собрата-шпиона! — крикнула она, презрительным жестом указывая на мужа.— Я отправляюсь с этими джентльменами.

— Вы не уйдете,— сказал Кларенс,— пока я не поговорю с вами наедине.— И он крепко сжал ее руку.

Начальник полиции и арестованные медленно потянулись друг за другом со двора, заговорщики вежливо раскланивались с миссис Брант и в презрительном молчании отворачивались от судьи Бисуингера. Он проводил их до ворот и остановился. Потом, повернувшись к миссис Брант, которая все еще пыталась вырвать руку, сказал:

— Если у меня и были угрызения совести, когда я обманул вас, принимая ваше приглашение, они исчезли, как только я вошел в этот дом. И я надеюсь,— добавил он строго, обращаясь к Кларенсу,— что теперь хозяином здесь остаетесь вы.

Он ушел, и Кларенс запер за ним ворота. В ответ на гневный жест жены он тихо сказал:

— Я не собираюсь ограничивать вашу свободу после того, как наш разговор закончится, но до тех пор я попрошу вас не прерывать меня.

Сохраняя презрительное выражение лица, она вновь опустилась на стул, с насмешливым смирением сложив руки на коленях и глядя на свои длинные, стройные, изящные ножки. В этой позе было что-то от ее прежнего обаяния, и это задело Кларенса за живое.

— Мне нечего сказать о том, что сейчас произошло в этом доме, разве только, что, пока я остаюсь в нем, хотя бы формально, хозяином, это не повторится. Я не стану более пытаться влиять на ваши политические взгляды, но не позволю вам проявлять их так, чтобы можно было заподозрить, что это делается с моего одобрения. А вообще я не стесняю вашу свободу — вы можете присоединиться к вашим политическим единомышленникам, когда захотите, и на вашу собственную ответственность. Но прежде я должен узнать от вас: здесь только политические симпатии или есть и кое-что другое?

Пока он говорил, она бледнела и краснела, сохраняя неизменной свою презрительную позу, только при последних словах на ее лице выразилось искреннее, хоть и смутное, недоумение.

— Я вас не понимаю,— вымолвила она, поднимая на него холодно-вопросительный взгляд.— Что вы хотите этим сказать?

— Что я хочу сказать? А что хотел сказать судья

Бисуингер, когда назвал капитана Пинкни двойным предателем? — бросил он резко.

Она вскочила со сверкающими глазами.

— И вы — вы! — смеете повторять подлую ложь этого отъявленного шпиона? Так вот что вы хотели мне сказать, вот оскорбление, для которого вы меня здесь удерживали! Да разве вы можете понять бескорыстный патриотизм или преданность — хотя бы вашим собственным идеалам, разве вы смеете судить обо мне с вашей низкой точки зрения торгаша-янки! Да, это вполне вас достойно!

Она быстро прошла по балкону, потом внезапно остановилась перед ним.

— Теперь я все поняла, оценила ваше великодушие! Вы разрешаете мне присоединиться к обществу этих благородных джентльменов, чтобы я тем самым оправдала вашу клевету? Признайтесь, вы сами надумали этого шпиона вступить со мной в переписку и приехать сюда... чтобы поймать меня в ловушку. Да! Поймать женщину, которая только что заступилась за вас перед этими джентльменами, сказав, что вы не способны солгать. Как бы не так!

Пораженный диким неистовством ее речей и движений, Кларенс и не подумал, что, когда женщины утрачивают всякую логику, они говорят искреннее всего; ее нелепые выводы казались ему с мужской точки зрения или притворством — чтобы выиграть время для размышления, или театральной выходкой в духе Сюзи. Он уже хотел с презрением отвернуться, когда она со сверкающими глазами преградила ему путь.

— Выслушайте меня! Я согласна; я уйду сейчас же, уйду к своим единомышленникам, своим друзьям — к тем, кто меня понимает, — можете назвать это как вам угодно. Вредите, как умеете, вы и так сделали все, что можно, для нашего окончательного разрыва.

Она взбежала по лестнице со свойственной ей по временам легкостью нимфы, с проворством никогда не рожавшей женщины и, шелестя длинными юбками, исчезла в коридоре — много дней спустя он все еще вспоминал этот шелест. Он остался на месте, глядя ей вслед, негодующий, оскорбленный и неразубежденный.

Раздался стук в ворота. Кларенс вспомнил, что запер их. Он створил и увидел Сюзи; щеки ее горели, в глазах плясали веселые огоньки. С плаща, который она сбросила с плеч, стекали дождевые капли.

— Я знаю все-все, что случилось! — вырвалось у нее не то по-детски непосредственно, не то по-актерски мелодраматично. — Мы встретили их всех на дороге — и полицейских и арестованных. Начальник Томсон узнал меня и все рассказал. Так, значит, вы решились, и теперь вы опять хозяин в своем доме, Кларенс, дружище! Джим говорил, что вы не решитесь, струсите из-за нее. А я сказала: «Сделает!» Я вас лучше знаю, старина Кларенс, и я прочла это на вашем лице, несмотря на вашу чопорность. Да! И все-таки я ужасно нервничала и волновалась, ну, и попросила Джима сказать в театре, что я играть не буду, и мы помчались сюда. Господи, как хорошо опять увидеть свой старый дом! А где она? Вы ведь отправили ее вместе со всеми? Скажите, Кларенс, — продолжала Сюзи прежним манящим голосом, — ведь вы ее выгнали?

Ошеломленный, растерянный, Кларенс в то же время испытывал смутное чувство облегчения и прежней нежности к этой своенравной женщине и молча смотрел на Сюзи, пока ее последние слова не привели его в себя.

— Тише! — быстро шепнул он, взглянув в сторону коридора.

— А-а! — подхватила Сюзи, ехидно усмехаясь. — Так вот почему капитан Пинкни замешкался на дороге с помощником шерифа.

— Замолчите! — строго остановил ее Кларенс. — Войдите туда, — сказал он, указывая на зимний сад под балконом, — и подождите там вместе с вашим мужем.

Он почти втокнул ее в это помещение, служившее ему деловым кабинетом, затем вернулся в патио. С балкона послышался нерешительный оклик:

— Кларенс!

Это был голос его жены, но теперь тихий и нежный и скорее напоминавший ее голос при их первой встрече, словно облагороженный воспоминаниями о былом. Сверху на Кларенса глядело ее побледневшее лицо, такой бледной он еще не видел ее с тех пор, как вошел в дом.

На ней был плащ с капюшоном, в руке — дорожный несессер.

— Я ухожу, Кларенс,— сказала она серьезно, но мягко,— но ухожу без злобы. Прости меня за глупые слова, я ведь их сказала в ответ на твои обвинения, а они были еще глупее.— Она слабо улыбнулась.— Я ухожу, потому что знаю: пока я здесь, я навлекаю на тебя подозрения и даже ответственность за мои убеждения. Я горжусь ими и готова, если нужно, пострадать за них, но я не имею права разрушать твое будущее или делать тебя жертвой преследований, которым могу подвергнуться сама. Расстанемся друзьями: ведь нас разделила только верность разным политическим убеждениям, но мы сохраняем верность всему остальному,— расстанемся, пока бог не определит, кто прав в этой борьбе. Быть может, это случится скоро, хотя порой мне кажется, что нам всем предстоят годы мучений, а до тех пор — прощай!

Она медленно сошла по лестнице в патио, более пленительная, чем когда-либо, словно ее поддерживала и возвышала преданность ее делу, и протянула ему руку. Сердце его неистово билось: еще минута — и он забыл бы обо всем и прижал бы ее к груди. Внезапно она остановилась, ее протянутая рука замерла, и она указала пальцем на стул, где висел плащ Сюзи.

— Что это? — воскликнула она резким, высоким, металлическим голосом.— Кто здесь? Говори!

— Сюзи,— сказал Кларенс.

Она окинула патио испепеляющим взглядом, а затем с горькой усмешкой устремила пронизывающий взор на Кларенса.

— Так скоро!

Кларенс почувствовал, как вся кровь бросилась ему в лицо.

— Сюзи знала, что здесь происходит, и приехала предостеречь тебя,— запинаясь, пробормотал он.

— Лжешь!

— Довольно! — воскликнул Кларенс, побледнев.— Она пришла сказать мне, что капитан Пинкни все еще ждет вас на дороге.

Он распахнул ворота, чтобы дать ей пройти. Проходя мимо, она подняла руку. Когда он закрывал ворота, на его щеке остался отпечаток ее четырех пальцев.

На этот раз Сюзи не преувеличивала. Капитан Пинкни действительно дожидался на тропе около касы под присмотром самого помощника шерифа.

И полицейские и арестованные прекрасно понимали, что арест — просто формальная акция; федеральный судья, сочувствующий южанам, несомненно, даст распоряжение освободить арестованных, как только они подпишут необходимое обязательство, а потому помощник шерифа, вероятно, и счел возможным удовлетворить просьбу Пинкни, которая только отдаляла его освобождение. Возможно также, что Пинкни сыграл на рыцарских чувствах полицейского, показав, что не хочет в такой острый момент оставлять свою преданную общину, миссис Брант, на милость враждебно настроенного и бесчувственного мужа. Кроме того, Кларенс, известный своим равнодушием к политической борьбе, по-видимому, не пользовался симпатиями даже среди своих единомышленников. Так или иначе, помощник шерифа разрешил Пинкни немного задержаться, чтобы дать ему возможность проститься с прелестной хозяйкой.

В какой степени это намерение отражало истинные чувства капитана Пинкни, осталось неизвестным. Превратилось ли его политическое сотрудничество с миссис Брант в более нежное чувство, разделяла ли она это чувство или отвергала, каковы были его надежды и стремления — всему этому не суждено было обнаружиться. Капитан Пинкни, человек неустойчивой морали, но весьма преданный условному кодексу чести и гордый предрассудками своего сословия, короче говоря, светский человек, знал только свой узкий круг, но был храбр и верен этому кругу и к этому последнему поступку его бесполезной жизни лучше было, пожалуй, отнести так, как отнесся к нему помощник шерифа.

Сойдя с коня, он подошел к дому со стороны сада. Он хорошо знал низкий сводчатый проход, ведущий в кабинет, откуда можно было пройти в патио, но случилось так, что он вошел в темный проход в тот самый момент, когда Кларенс втолкнул Сюзи в кабинет и захлопнул дверь. Сперва Пинкни подумал, что в кабинете укрылась

миссис Брант, но, пока он осторожно пробирался вперед, звуки ее голоса слышались из патио. Судя по ее тону, она как будто молила о чем-то, и, движимый острым любопытством, он пошел дальше по проходу. Вдруг в ее голосе зазвучали упрек и злоба, в ушах его прозвело: «Ажешь!» Затем он услышал, как Кларенс с презрением произнес его собственное имя, последовал быстрый шорох платья, стук ворот, и тогда, забыв все на свете, он ворвался в патио.

Кларенс как раз обернулся от ворот, на его щеке еще горел след женской руки. Он заметил, что глаза капитана Пинкни устремлены на этот след и на его губах играет легкая полунасмешливая, полуистерическая улыбка. Не вздрогнув, ничем не выдав своего удивления, он запер ворота и, повернувшись к Пинкни, произнес холодно и раздельно:

— Благодарю, что вы так скоро вернулись и поняли, что мне от вас нужно.

Но капитан Пинкни, услышав эти многозначительные слова, сразу обрел свою высокомерную развязность.

— Как видно, сэр, вы уже получили кое-что от кого-то другого... а впрочем, я к вашим услугам,— сказал он небрежно.

— Можете считать, что я получил это кое-что от вас,— сказал Кларенс, придвигаясь ближе с каменным лицом.— Надеюсь, мне не придется возвращать вам это кое-что для того, чтобы вы меня поняли.

— Продолжайте! — ответил Пинкни, слегка покраснев.— Назначьте свои условия, я готов.

— А я нет,— неожиданно раздался у ворот голос помощника шерифа.— Простите, что помешал, джентльмены, но такие вещи не входят в мое предписание. Я отпустил этого джентльмена,— он указал на капитана Пинкни,— на одну минуту, чтобы он мог попрощаться с дамой, которая, кажется, только что, никого не спросив, уехала со служанкой в своей пролетке, но я не рассчитывал, что он ввяжется в другое дело, которое может помешать мне доставить задержанного в целости и сохранности в суд. Понятно?

Когда Кларенс отпер ворота, полицейский добавил:

— Я не хочу портить джентльменам забаву, но вам придется подождать, пока я исполню свой долг.

— Я встречу с вами, сэр, где угодно, и выбор оружия предоставляю вам,— сказал Пинкни, злобно поворачиваясь к Кларенсу,— только так закончится этот фарс, за который ответственны вы и ваши друзья.

Он был в ярости, узнав, что миссис Брант от него ускользнула.

Ее муж думал совсем о другом.

— А где же гарантия,— спросил он умышленно оскорбительным тоном,— что вы отправитесь отсюда вместе с помощником шерифа?

— Мое слово, сэр,— резко ответил Пинкни.

— А если этого мало, то и мое в придачу,— подтвердил помощник шерифа.— Пусть только этот джентльмен свернет вправо или влево по пути в Санта-Инес — я сам просверлю в нем дырку. А это,— добавил он, точно хотел смягчить свои слова,— что-нибудь да значит, когда такое говорит человек, который не желает мешать чужой забаве. Я и сам не прочь полюбоваться на честную игру хоть завтра в Санта-Инес в любое время до завтрака.

— Тогда я могу рассчитывать на вас,— сказал Кларенс, порывисто протягивая ему руку.

Полицейский после минутного колебания пожал ее.

— Этого я не ожидал,— сказал он медленно.— Но вы вроде бы говорите серьезно, и если у вас нет никого другого на примете, я приду! Этот джентльмен, наверно, приведет своих друзей.

— Я буду там в шесть часов со своими секундантами,— коротко сказал Пинкни.— Пошли.

Ворота захлопнулись за ними. Кларенс стоял, оглядывая пустой патио и безмолвный дом, откуда, как было теперь ясно, ушли слуг, чтобы обеспечить тайну заговора. Несмотря на свое хладнокровие и самообладание, Кларенс минуту стоял в нерешительности. До него донесся звук голосов из зимнего сада — легкий, беспечный смех Сюзи и хриповатый голос Хукера. Он совсем забыл, что они здесь, забыл об их существовании!

По-прежнему рассчитывая на свою выдержку, Кларенс окликнул Хукера обычным голосом. Этот джентльмен не замедлил появиться, пытаясь принять беспечное

и равнодушное выражение, но лишь изобразив серьезную, как на похоронах, мину.

— Я должен кое-чем заняться,— сказал Кларенс, слегка улыбнувшись,— и прошу вас и Сюзи извинить меня, если я отлучусь ненадолго. Она прекрасно знает дом и может позвать слуг из флигеля, чтобы вам подали закусь, а я приду немного позже.

Убедившись по виду Хукера, что он и его жена ничего не знают о его последнем разговоре с Пинкни, Кларенс поднялся к себе в комнату. Там при тусклом свете единственной свечи он бросился в кресло, чтобы поразмыслить на свободе. Он чувствовал себя спокойным, отнюдь не возбужденным, и думать, в сущности, было не о чем. Что он сделал и что собирался сделать, было совершенно ясно; у него не было другого пути, и не к чему было его искать. Пришло то чувство облегчения, которое возникает на решающем этапе жестокой борьбы, даже в случае поражения.

Никогда прежде он не сознавал, как безнадежна и непрерывна была эта борьба,— и вот она осталась позади. Он не испытывал страха перед завтрашним днем — он встретит его, как встретил сегодняшний, с той же удивительной уверенностью, что будет на высоте положения. Не нужно было и приготовлений: заветование, по которому его имущество должно было перейти к жене,— теперь, когда они разошлись, это казалось мелочью,— лежало в его сейфе в Сан-Франциско; пистолеты были в соседней комнате. Его даже смущала собственная бесчувственность, и он прошел в спальню жены, надеясь, что в нем вызовут волнение воспоминания о прошлом. Там не было беспорядка, который говорил бы о поспешном бегстве,— все было на месте, только ящик бюро оставался открытым, как будто она что-то взяла из него в последний момент. В ящике лежали бумаги и письма, некоторые от него самого, другие — от капитана Пинкни. Ему и в голову не пришло просмотреть их, даже чтобы оправдать себя или убедиться в ее невиновности. Он знал, что его ненависть к капитану Пинкни была вызвана не столько подозрением, что он любовник его жены, сколько уверенностью, что миссис Брант и капитан — сходные между собой люди. Пинкни был мужчина ее круга, существо, враждебное Кларенсу, с ним можно было бороться, сокрушить его

и отомстить. Но еще больше Кларенс ненавидел теперь свое прошлое — не из-за жены, а из-за собственной слабости, которая сделала его игрушкой в женских руках и оттолкнула от него друзей. Ради бескорыстной любви к ней он нарушил свой долг, он подавил свое честолюбие и недооценил свои возможности. Не удивительно, что и другие думали о нем не лучше, чем он сам. Кларенс Брант был скромный человек, но самолюбие скромного опаснее самолюбия честолюбца, так как он человек более высоких добродетелей и предъявляет к себе более высокие требования.

Он вернулся в свою комнату и снова уселся в кресло. Его спокойствие сменилось чувством физической усталости, он вспомнил, что прошлую ночь не спал и должен хоть немного отдохнуть, чтобы быть свежим наутро. Надо было, однако, и показаться непрошеным гостям — Сюзи и ее мужу, чтобы не возбудить у них подозрений. Он чуточку вздремнет в кресле, а потом спустится к ним. Он закрыл глаза и, как ни странно, тотчас погрузился в сонное воспоминание о прежней Сюзи, о свидании, которое она однажды назначила ему в ложбине. Он уже забыл, с каким чувством неодобрения и неловкости он встретил тогда ее кокетливое и своенравное заигрывание — теперь он понимал, в чем было дело: он уже находился во власти миссис Пейтон, — и помнил только веселые глазки Сюзи и поцелуи, которыми он осыпал ее нежные, душистые щеки. Опять, как несколько часов назад, когда он прятался в старом саду, к нему подкралась слабость и перешла в сладкую дремоту. Ему даже показалось, что он опять вдыхает аромат роз.

— Кларенс!

Он вздрогнул. Странно: сквозь сон голос прозвучал совсем как наяву. Затем он услышал легкий девичий смех. Он вскочил на ноги. Рядом с ним стояла Сюзи — точно такая, как в дни юности! Смелая, как и прежде, Сюзи нашла в знакомом доме связку ключей (они, как тогда, позвякивали у нее на поясе), разыскала в шкафу свое старое платье, надела его и распустила по плечам волнистые каштановые волосы. Теперь это была прежняя Сюзи — молоденькая девушка, а инстинкт опытной актри-

сы подсказал ей выставить из-под юбки свою изящную ножку и принять небрежную позу.

— Бедный милый Кларенс,— сказала она, и снова веселые огоньки замелькали в ее глазах,— я успела бы выиграть у тебя дюжину пар перчаток за то время, что ты спал. Ты так устал, дорогой мой, и тебе пришлось довольно туго. Но ничего, по крайней мере ты показал себя мужчиной, и я тобой горжусь!

Кларенсу было так приятно, что он сконфузился. Он пробормотал:

— Но что это такое? Это платье?..

Сюзи, как ребенок, захлопала в ладоши.

— Я знала, что ты удивишься! Это — мое старое платье, я носила его в тот год, когда уехала отсюда с тобой. Я знала, где оно спрятано, подобрала ключ и вытащила, оно так напоминает прежние времена! Боже мой, когда я встретилась опять со старыми слугами — а ты все не шел,— я почувствовала себя так, словно никогда и не уезжала отсюда и только что вырвалась на волю. Понимаешь, мне стало казаться, что не я приехала сегодня, что я все время была здесь и это ты только что приехал. Понимаешь? Как в тот раз, когда здесь гостила Мэри Роджерс, ты ее помнишь, Кларенс? И как она, будто случайно, оставляла нас одних? Я и говорю Джиму: «Больше я тебя не знаю, уходи!» И тут же надела это платье и давай гонять Мануэлу по разным поручениям, как бывало тогда, а она как захохочет,— наверное, она так не смеялась с тех пор, как я уехала. А потом я подумала о тебе... может быть, ты еще расстроен, волнуешься из-за всех этих дел... И тут же побежала на кухню и вселела старой толстухе Кончите спечь лепешек, помнишь, тех самых, посыпанных сахаром и корицей? Затем надела передник и понесла их тебе на подносе со стаканом каталонского — ведь ты его так любил. Только я чуточку испугалась, когда пришла сюда — такая тишина! — поставила поднос в зале, заглянула сюда и вижу: ты спишь. Сиди смирно, я сейчас принесу!

Она выбежала в коридор, вернулась с подносом и поставила его на столик около Кларенса, потом, отступив немножко назад, заложила руки в карманчики передника и, как веселая служанка в комедии, лукаво взглянула на Кларенса.

Как тут было не улыбнуться ей в ответ! Кларенс уплетал хрустящее мексиканское печенье и пил старое миссионерское вино. А Сюзи в ответ на его благодарность щебетала:

— Боже мой, как хорошо быть здесь вдвоем — только ты да я, Кларенс... Совсем как в прежние дни... и никто не пристает и не надоедает... Не будь жадным, Кларенс, дай и мне лепешку.

Она взяла лепешку и допила вино из его бокала. Затем уселась на ручку его кресла и не то лукаво, не то с упреком метнула фиалковый луч в его повеселевшие глаза.

— Прежде в этом кресле хватало места для двоих, Кларенс...

Старое знакомое ласкательное имя показалось ему таким же естественным, как ее фамильярность, и он подвинулся, чтобы дать ей место, с безотчетным удовольствием и той же беспечностью, которой были проникнуты его недавние размышления.

Но все-таки он испытующе заглянул в ее лукавые глазки и спокойно спросил:

— А где твой муж?

На ее хорошеньком личике не отразилось ни малейшего смущения, раскаяния или неловкости, когда она ответила, слегка поглаживая его волосы:

— Ах, Джим! Да ведь я его спроварила!

— Спроварила? — с удивлением отозвался Кларенс.

— Да, в Фэр-Плейнс, полным ходом, вдогонку за пролеткой твоей жены. Понимаешь, Кларенс, когда старая кошка... то есть твоя жена, ушла, мне захотелось убедиться, действительно ли она уехала, не торчит ли поблизости, чтобы опять завладеть тобой и держать у себя под сапогом. Как бы не так! Я и говорю Джиму: «Поезжай за ней, пока не увидишь, что она честь честью уселась в почтовую карету в Фэр-Плейнс, да смотри, чтобы она тебя не заметила, а если она собирается вернуться или раздумывает, что делать, сейчас же дай мне знать». И еще сказала ему, что остаюсь здесь и буду следить, чтобы ты тоже не улизнул!

Сюзи рассмеялась и добавила:

— Не думала я, что так скоро вернусь к старым привычкам и что мне будет так хорошо. А ты, Кларенс?

Она казалась такой беспечной, такой по-детски или, скорее, бездумно-веселой, когда сидела рядом с ним, совсем близко, что он мог только восхищаться тем, как легко она принимала жизнь, а когда она непочтительно упомянула о его жене, его точно что-то кольнуло, но и это показалось ему только признаком собственной слабости. В конце концов, может быть, ее философия и есть самая правильная? Может быть, ее веселые глазки видят яснее, чем его собственные? И все-таки, глядя в них, он продолжал:

— И Джим охотно согласился уехать?

Она перестала его гладить, все еще теребя в пальцах завиток его волос.

— Ну да, конечно, глупенький... А почему бы нет? Попробовал бы он не согласиться! Боже мой, да ведь Джим делает все, что я ни попрошу!

Она отпустила завиток и вдруг заглянула ему прямо в глаза.

— Вот это и есть разница между моим браком и твоим!

— Так ты его любишь?

— Почти так же, как ты любишь ее, — сказала она и от души рассмеялась. — С той разницей, что он из меня веревки не вьет.

Без сомнения, она была права, несмотря на все свое легкомыслие, а ведь он все-таки собирается завтра драться из-за этой женщины... Нет, не то! Он будет драться с капитаном Пинкни потому, что тот похож на нее.

Сузи старалась разгладить пальцем морщинку, которая появилась между его бровей при этой мысли.

— Ты знаешь не хуже меня, Кларенс, — сказала она, мило сморщив лоб — это был предел ее серьезности, — ты знаешь, что она никогда по-настоящему тебе не нравилась, но ты считал, что она знатнее и воспитаннее меня, а ведь ты, милый мой, всегда был чуточку сноб и зазнайка. А миссис Пейтон, боже ты мой, урожденная Бенем и дочь плантатора — не то, что я, сирота, найденный. Вот тут-то Джим оказался лучше тебя — сиди смирно, дурачок! — хоть я и люблю его не так, как тебя! Я ведь знаю, как ты на нас смотришь: думаешь, что оба мы экзальтированные, что в нас много театрального, ведь

так? А не кажется тебе, что куда лучше быть театральным там, где чувство и романтика, чем быть уж так сильно одержимым и думать только о том, что есть в самом деле? Ну, нечего смотреть на меня такими глазами! Ведь это же правда. Ты получил куда как достаточно знатности и добропорядочности — и что же? Вот и сидишь. А вот и я сижу, — тихонько засмеялась Сюзи, поправив ножки и теснее прильнув к нему.

Кларенс ничего не сказал, но его рука невольно обвила ее тонкую талию.

— Видишь ли, Кларенс, — продолжала она, словно ничего не заметив, — не надо было тогда отпускать меня — ни за что! Надо было удержать меня здесь или бежать вместе со мной. И вовсе не надо было стараться сделать из меня благодетельную девицу. И толкать на флирт с этим омерзительным испанцем, а потом отнестись ко мне за это так холодно и сурово. И не надо было толкать меня на брак с Джимом, единственным, кто считал меня равней себе. Может быть, я была очень глупая и капризная, может быть, я была тщеславна, но и твоя гордость не сколько не лучше. Я люблю похвалы и аплодисменты в театре, но это не сколько не хуже, чем бояться, как ты, что подумают люди о тебе или обо мне. Это святая истина, Кларенс! Отвечай же! Да не смотри по сторонам — смотри на меня! Не такая уж я противная, Кларенс. Ага, у тебя одна щека краснее другой — та, которая дальше от меня! Ну, Кларенс, — она схватила его за отвороты сюртука, встряхнула и притянула ближе к своему сияющему лицу, — скажи, разве это не правда?

— Я о тебе, Сюзи, думал, вот сейчас, когда засыпал, — ответил он, сам не зная, для чего он это говорит. Он не собирался рассказывать ей о своих грезах, он хотел только уклониться от прямого ответа, но что-то заставляло его говорить дальше. — Я вспоминал тебя и когда стоял в саду среди роз, перед тем как войти в дом.

— Правда? — шепнула она, затаив дыхание. Нежный румянец залил все ее лицо до самых глаз, казалось, так же внезапно и непорочно, как во времена ее юности. — А что ты обо мне думал, Кларенс? — прошептала она. — Скажи.

Он ничего не сказал, но ответил ее синим глазам и потом губам, когда ее руки сами собой обвилились вокруг его шеи.

Уже занималась заря, когда Кларенс и Джим Хукер вышли из ворот усадьбы. У мистера Хукера был заспанный вид. Вернувшись из Фэр-Плейнс, он узнал, что у хозяина дома рано поутру есть дело в Санта-Инес, и пожелал во что бы то ни стало встать пораньше и провезать его. Кларенсу с трудом удалось уговорить его не ездить с ним. Накануне он скрыл от Сюзи истинную цель своей поездки, Хукер, очевидно, тоже ничего не подозревал, и все же Кларенс, сев на лошадь, на минуту замешкался и протянул Джиму руку.

— Если я почему-нибудь задержусь... — начал он с несколько искусственной улыбкой.

Но Хукер боролся с приступом зевоты.

— Ладно, ладно, можешь о нас не беспокоиться, — сказал он, потягиваясь.

Кларенс опустил протянутую было руку, беспечно рассмеялся и ускакал с легкой душой, точно увидел счастливую примету.

Когда впоследствии он думал об этой одинокой поездке в Санта-Инес, она вставала в памяти, как смутное воспоминание или, скорее, как сновидение. Неясные дали постепенно прояснялись, по мере того как солнце поднималось на безоблачном небе; встречались немногие ранние или запоздавшие путники, которых он инстинктивно избегал, как будто они могли догадаться о цели его поездки; на равнине перед ним черными пятнами возникали пасущиеся коровы, и сначала казалось, что это люди в засаде; мелькали дома и места давно знакомые, и он тщетно пытался припомнить, когда он увидел их впервые. Все это было как сон. Так же неясны были впечатления о минувшей ночи, об эпизоде с Сюзи, который уже сливался с воспоминаниями об их прошлом, и напрасные усилия заглянуть в будущее, и облегчение при мысли, что через несколько часов все это может стать ненужным.

Внезапно он увидел перед собой Санта-Инес, хотя ему казалось, что он не проехал и половины пути, и ког-

да он сошел с лошади перед зданием суда, в душе его не было ни страха, ни тревоги, только ощущение, что он приехал на место дуэли слишком рано и не совсем подготовлен к ней.

Ощущение нереальности не покидало его и при встрече с помощником шерифа, который сообщил, что федеральный судья, как и следовало ожидать, освободил арестованных под залог и что капитан Пинкни завтракает в гостинице. Рассеянно ответив на вопросы помощника шерифа, Кларенс показал ему пистолеты и наконец направился за ним на скрытую деревьями лужайку за гостиницей, где их ожидал противник со своими секундантами. И тогда Кларенс очнулся — зоркий, отважный, сильный, насторожившийся!

Его чувства обострились до предела, он прекрасно слышал каждое слово секундентов на расстоянии нескольких шагов. Он слышал, как секундант противника небрежно сказал помощнику шерифа:

— Полагаю, что в этом деле излишне предлагать сторонам извиниться или изменить свое решение.

И ответ помощника шерифа:

— Думаю, что мистер Брант будет драться не на шутку, но выглядит он как-то странно...

Другой секундант засмеялся.

— В первый раз они всегда такие.

— Да,— с беспокойством заметил второй секундант, как только помощник шерифа отошел,— но, черт возьми, мне не нравится выражение его лица!

Зрение Кларенса было тоже напряжено до предела, и, хотя при жеребьевке он не получил права на выбор позиции и был поставлен лицом к солнцу, он даже при ослепительном свете отчетливо видел противника в черном, идущего к барьеру, и различал черты его лица, видел, как небрежная, высокомерная улыбка Пинкни сменилась выражением ужаса, когда он, отбросив сигару, взглянул на Кларенса.

Кларенс почувствовал, что нервы его крепки, как сталь; при счете «три» пистолет вздрогнул в его вытянутой руке, и одновременно грянул выстрел. И в ту же минуту незыблемый, как гранитный утес, Кларенс увидел, что противник падает, как-то нелепо подгибая ноги, и беспомощно оседает на землю, словно

заколотый бык; даже смерть не увенчала его достоинством.

Не двигаясь с места, Кларенс опустил пистолет, из которого вилась тоненькая струйка дыма, а доктор и секунданты подбежали к обмякшему телу, попытались приподнять его, потом отступили, и кто-то из них сказал:

— Прямо в лоб, черт побери!

Помощник шерифа, с любопытством взглянув на Кларенса, шепнул:

— Ну, этого вы уложили, и, по-моему, вам лучше поскорее убраться отсюда. Они этого не ожидали... Они в бешенстве, они могут напасть на вас, и, кажется,— добавил он с расстановкой,— они только сейчас узнали, кто вы такой.

Он не кончил еще говорить, когда до слуха Кларенса из группы людей, стоявших вокруг убитого, донеслись слова: «Да ведь это щенок Хэмилтона Бранта!», «Весь в отца!» Без колебаний он хладнокровно направился к ним. Ожесточенная гордость, никогда прежде не испытанная, проснулась в нем, когда голоса притихли и люди подались назад.

— Насколько я понял из слов моего секунданта,— произнес он, обводя их взглядом,— вы, кажется, не считаете себя удовлетворенными, джентльмены?

— Дуэль была в общем правильная,— отозвался секундант Пинкни в некотором замешательстве,— но мне кажется, что он,— секундант указал на убитого,— не знал, кто вы такой.

— Иными словами, он не знал, что я сын человека, опытного в обращении с оружием?

— Думаю, что так,— ответил секундант, растерянно оглядываясь на других.

— Я рад сообщить, сэр, что я более высокого мнения о его мужестве,— сказал Кларенс, приподнял шляпу перед убитым и отошел в сторону.

Он не испытывал ни угрызений совести, ни тревоги, он даже не жалел о том, что совершил. Должно быть, это было видно по его лицу; секунданты, по-видимому, потрясенные его полнейшим хладнокровием, робко и почтительно ответили на его сухой прощальный поклон.

Поблагодарив помощника шерифа, он возвратился в гостиницу, оседлал своего коня и ускакал.

Но он направился не к ранчо. Теперь, когда он снова мог думать о будущем, ранчо его не интересовало, даже эпизод с Сюзи был забыт. После убийства Пинкни и под впечатлением слов секунданта он увидел себя в новом свете — себя и свое странное чувство свободы от ответственности. Это покойный отец укрепил его руку и направил роковой выстрел! Это наследственность, которую так быстро распознали другие, привела к такой развязке. Иначе как мог бы он, такой совестливый, мирный, восприимчивый человек, каким он себя считал, такой мягкий и незлопамятный, не чувствовать ни малейшего сожаления и раскаяния в своем поступке? Ему приходилось читать, что опытные дуэлянты терзались угрызениями совести по поводу своей первой жертвы и с болезненной отчетливостью вспоминали вид убитого; он был далек от этих чувств, скорее, напротив — он испытывал угрюмое удовлетворение при мысли, что оборвал никому не нужную жизнь, испытывал лишь презрение к неподвижному, беспомощному телу. Внезапно он вспомнил, как еще мальчишкой равнодушно смотрел на тела убитых индейцами, среди которых была и мать Сюзи! Да, в его жилах текла холодная кровь его отца!

Привязанность, семейное счастье, обычные человеческие стремления — что значат они для него, чья кровь была заморожена у самых истоков! Но вместе с этой мыслью на него еще раз нахлынула, как в детстве, нежность к своему почти неизвестному, скрывавшемуся отцу, который бросил его маленьким и напоминал о себе только тайными подарками. Он вспомнил, как боготворил отца, когда благочестивые монахи в Сан-Хосе пытались изъять этот страшный яд, текущий в его крови, и бороться с наследственностью, которая проявлялась в его столкновениях со школьными товарищами. Непосредовательно? Да, но глаза его туманились слезами, когда, покидая место, где он впервые пролил чужую кровь, он скорбел не о своей жертве, а о том, чья воля, как он считал, заставила его совершить этот поступок.

Это и многое другое приходило ему на ум во время долгого пути в Фэр-Плейнс, и в карете по дороге к

пристани и во время ночной переправы через темные воды залива, вплоть до самого Сан-Франциско. Но что он будет делать дальше, оставалось туманным и неясным.

Наконец, обогнув вершину Русского холма, он снова увидел проснувшийся город и был поражен пестрым зрелищем выющихся повсюду флагов. На каждом общественном здании, на каждой гостинице, на крышах частных домов и даже в окнах квартир хлопали и развевались звезды и полосы. Морской ветерок играл ими на мачтах и реях кораблей, стоявших у причалов, на зубцах фортов Алькатрас и Буэна-Верба. Кларенс вспомнил, что накануне перевозчик рассказывал, как весть об осаде форта Самтер всколыхнула патриотические чувства во всем городе, и теперь уже нет сомнения, что штат Калифорния останется в Союзе. Кларенс смотрел на город блуждающими, растерянными глазами, и вдруг у него захватило дыхание и все перевернулось в душе.

Вдали, на форте Алькатрас, одинокая труба играла утреннюю зорю!

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I

Наконец настала ночь, стихли гул и волнение грандиозной битвы. Дикое возбуждение, царившее здесь, на небольшом участке обширного поля боя, давно рассеялось вместе с едким пороховым дымом, вместе с вонью паленого сукна на солдатах, сраженных снарядами, вместе с запахом пота и кожи.

Бригада, занимавшая отведенный ей участок, сперва стойко оборонялась, потом была отброшена назад, опять отбивала свои позиции и, преследуя противника, окончательно ушла вперед, оставив позади лишь своих убитых, зная о ходе сражения только то,

что касалось ее собственных боевых действий и передвижений. Из надвигающейся темноты потянул прохладный ветерок и вновь принес на безмолвное теперь поле боя запах развороченной окопами земли.

Но этому ужасному святилищу молчания и смерти никто не угрожал вторжением; никто отсюда не отступал.

Нескольких раненых вынесли под огнем, а большинство так и осталось на поле среди убитых, ожидая рассвета и помощи. Ибо все знали, что в этой страшной тьме носятся лошади без всадников, обезумевшие от запаха крови или от собственных ран, и яростно наскакивают на встречных; знали, что раненые солдаты, сохранившие оружие, не всегда отличают друга от врага или от вампиров-мародеров, которые раздевают ночью мертвецов и приканчивают умирающих. Одиночные выстрелы, раздававшиеся где-то во мраке, не привлекали внимания после жаркой дневной перестрелки: одной жизнью больше или меньше — что это значило по сравнению с длинным списком жертв дневного побоища!

Но с первыми лучами утреннего солнца, когда из лагеря медленно вышел санитарный взвод, страшное поле ожило словно по волшебству. На расстоянии мили за линией боя солнечные лучи осветили первую жатву смерти — там, где стояли резервы. Грудами лежали солдаты, сраженные снарядами или шрапнелью, перелетевшими линию фронта и упавшими в резервные шеренги. Поднимаясь выше, солнце осветило и зону ружейного огня — здесь убитых было больше, они лежали, как упали, сраженные наповал, навзничь, с раскинутыми руками и ногами. И странно: коснувшись этих мертвых лиц, солнце не озарило на них выражения боли и страдания, нет, скорее это было удивление и суеверное смирение. А у тех, кто, получив смертельную рану, в агонии извивался на земле, пока не застыл навек, на лицах можно было прочесть, что смерть пришла к ним как избавительница; у некоторых даже застыла на губах слабая улыбка.

Солнце озарило главную линию боя, причудливо изогнутую вдоль стен, заграждений и брустверов, где мертвые лежали в тех же позах, в каких вели огонь,

но уткнувшись лицом в траву, а их мушкеты все еще опирались на бруствер. Под картечью вражеской батареи, расположенной на холме, они приняли сравнительно легкую смерть: пули попали им в голову или в шею.

Теперь все поле лежало, залитое солнечным светом, испещренное самыми фантастическими тенями от сидящих, согнувшихся и полулежащих окоченевших трупов, которые могли бы послужить моделями для собственных надгробий. Какой-то солдат, опустившийся на одно колено, охватив оцепеневшими руками голову, выглядел как статуя Скорби у ног своего мертвого товарища. Какой-то капитан, которому прострелили голову, когда он взбирался на насыпь, лежал на боку, раскрыв рот, в котором застыли слова команды, и продолжал указывать саблей путь своим солдатам.

Но только поднявшись еще выше, солнце озарило наконец самое ужасное место боя и словно задержало здесь свои ослепительные лучи, чтобы лучше осветить его для тех, кто пришел на помощь.

Вблизи линии фронта протекал ручеек. Здесь вечером накануне сражения наполняли свои фляги и друг и недруг, стоя бок о бок с чисто солдатской беспечностью, а может быть, под влиянием более возвышенного чувства нарочно не замечая друг друга; а потом сюда же тащились, ковыляли и ползли раненые; здесь они толкались, ссорились и дрались из-за глотка драгоценной влаги, которая утоляла их лихорадочную жажду или навсегда избавляла их от мучений; здесь, выбившись из сил, стиснутые и раздавленные в толпе, они падали в ручей, окрашивая его кровью, пока не запрудили течение и вода, алая и гневная, не вышла из берегов, затопляя хлопковое поле, и разлилась широко, поблескивая на солнце. А милей ниже этой плотины мертвых тел все еще еле струился ручей, и санитарные лошади фыркали и пятились от него.

Санитары продвигались медленно, выполняя свою работу умело и как будто равнодушно, а на самом деле с той автоматичностью, которая спасает от сильных душевных потрясений. Один только раз они дали волю своему негодованию, натолкнувшись на убитого офицера с вывороченными карманами; рука его еще была крепко прижа-

та к застегнутому жилету, как будто он до последней минуты сопротивлялся насилию. Когда санитары разжали окоченевшую руку, что-то выпало из жилетного кармана на землю. Капрал нагнулся, поднял запечатанный конверт и передал его офицеру. Тот принял его небрежно, зная по долгому опыту, каково содержание всех этих трогательных писем к родным, и опустил в карман кителя, где уже лежало с полдюжины других писем, подобранных в это утро. Взвод двинулся дальше, а немного спустя принял положение «смирно» при виде офицера, медленно проезжавшего верхом вдоль линии фронта.

Когда он приблизился, на лицах солдат отразилось нечто большее, чем простое уважение к начальнику. Это был генерал, командир бригады, командовавший вчерашним боем,— молодой человек, стремительно выдвинувшийся в первый ряд военачальников. Его неукротимое мужество повело бригаду в атаку, предотвратило ее поражение при подавляющем численном превосходстве противника и помогло ей снова сплотить свои ряды, а его упорная воля воодушевила офицеров и внушила им чуть ли не мистическую веру в его счастливую звезду. Этот человек совершил то, что казалось невысказанным, даже неразумным и противоречащим стратегии: по непонятному приказу своего начальника удержал неукрепленную позицию, которая, казалось, не представляла ценности и требовала лишь жертв,— и был увенчан победой.

Бригада понесла жестокий урон, но раненые и умирающие приветствовали его, когда он проезжал, а оставшиеся в живых преследовали противника, пока звук трубы не отозвал их обратно.

Для такого успеха генерал казался слишком юным и цивилизанным человеком, хотя его красивое смуглое лицо дышало энергией и он не любил тратить лишних слов.

Его зоркий взгляд уже заметил ограбленный труп офицера, и он нахмурился. Когда капитан санитарного взвода отдал ему честь, генерал коротко сказал:

— Разве не было приказа открывать огонь по всякому, кто оскверняет убитых?

— Так точно, генерал! Но эти гиены не даются нам в руки. Вот все, что бедняге удалось спасти от их

когтей,— ответил офицер, протягивая запечатанный конверт.— Адреса не имеется.

Генерал взял конверт, осмотрел его и сунул за пояс.

— Я позабочусь об этом сам.

С каменистой дороги по ту сторону ручья послышалось цоканье копыт. Генерал и капитан обернулись. К ним направлялась группа офицеров.

— Штаб дивизии,— тихо сказал капитан и отступил на несколько шагов.

Группа ехала неторопливо, впереди командир на сером коне — таким он и вошел в историю. Это был плотный, небольшого роста человек с седеющей бородой, тщательно выстриженной вокруг твердого рта, с благообразной внешностью серьезного и почтенного сельского священника, которую не могли изменить ни генерал-майорские погоны на широком кителе, ни солдатская посадка в седле.

Очевидно, он заметил бригадного генерала и прищипил коня, когда тот тронулся ему навстречу. Штабные несколько отстали, наблюдая не без любопытства встречу самого главного генерала армии с самым молодым. Дивизионный генерал ответил на приветствие и тотчас же, сняв кожаную перчатку, протянул руку командиру бригады.

Герои не любят лишних слов. Построившийся санитарный взвод и офицеры штаба услышали немногое:

— Халлек говорил мне, что вы из Калифорнии?

— Да, генерал.

— Я тоже жил там в молодости. Чудесный край. Представляю себе, как он расцвел с тех пор!

— Да, генерал!

— Огромные ресурсы, лучшая в мире пшеница, сэр. Не знаете, каков урожай в нынешнем году?

— Точно не знаю, генерал, но, во всяком случае, неслыханно высокий.

— Я всегда предсказывал, что так будет. Хотите сигару?

Он протянул командиру бригады портсигар. Затем сам взял сигару, прикурил ее от тлеющего окурка, который вынул изо рта, и уже собирался небрежно бросить его, но вдруг спохватился и, перегнувшись, аккуратно кинул его подальше от лежавшего рядом уби-

того солдата. Потом, выпрямившись в седле, подъехал к командиру бригады и вместе с ним удалился в сторону, сделав знак, чтобы штабные оставались на месте.

— У вас большие потери?

— К сожалению, да, генерал.

— Ничего не поделаешь. Мы вынуждены были двинуть вашу бригаду, чтобы выиграть время и отвлечь противника, пока мы меняли диспозицию.

Молодой генерал взгляделся в умные холодные глаза начальника.

— Меняли диспозицию? — переспросил он.

— Да. Еще до первого выстрела мы узнали, что противнику известны все наши планы наступления до мельчайших подробностей. Пришлось все переменить.

Молодой генерал сразу понял смысл вчерашнего невразумительного приказа.

Дивизионный генерал продолжал, приняв официальный тон:

— Теперь вы понимаете, генерал Брант, что перед лицом такой неслыханной измены необходимы величайшая бдительность и строжайший контроль за всеми гражданскими лицами, сопровождающими бригаду, дабы найти шпиона, который пробрался в наши ряды, или изменника, укрывшегося среди нас, который располагает секретными сведениями. Вам придется проверить личный состав бригады и удалить всех подозрительных, принять меры, чтобы на позициях, которые вы займете завтра, и на плантации, где вы расположитесь со своим штабом, не осталось людей, за которых вы не могли бы ручаться.

Он подобрал поводья, снова пожал руку командиру бригады, отдал честь и вернулся к своему штабу.

Опустив голову, бригадный генерал Кларенс Брант помедлил, думая о хладнокровии своего начальника в этих тревожных обстоятельствах и о стратегическом маневре, при помощи которого он расстроил замысел неизвестного предателя. Затем его взгляд упал на запечатанный конверт, заткнутый за пояс. Он машинально вытащил его и сломал печать. Конверт был набит записями

и документами. При виде их лицо его омрачилось и брови нахмурились. Он быстро огляделся по сторонам. Штаб дивизии уже уехал, капитан со своими санитарами продолжал работу невдалеке. Брант с трудом перевел дыхание: в руках у него был план лагеря и даже позиции, которую ему предстояло занять на следующий день, и подробный отчет о передвижениях, планах и численности всей дивизии — обо всем, что было решено на военном совете накануне сражения. Не было только никаких сведений об авторе или его намерениях.

Он поспешно сунул бумаги в конверт, но на этот раз положил его в нагрудный карман. Затем галопом подъехал к капитану.

— Покажите мне еще раз убитого, у которого вы нашли конверт!

Капитан повел его туда, где на траве, теперь уже в спокойной и пристойной позе, лежал труп офицера, который должны были унести с поля боя вместе с другими трупами. У генерала Бранта невольно вырвалось восклицание.

— Да это наш офицер! — сказал он быстро.

— Да, генерал. Говорят, это лейтенант Уэйнрайт, кадровый, из интендантского управления.

— Так что же он делал здесь? — строго спросил генерал Брант.

— Не могу понять, сэр, разве только пошел в атаку добровольцем. Наверно, хотел посмотреть бой. Говорят, лихой был парень, окончил Вест-Пойнт, южанин, к тому же виргинец.

— Южанин? — откликнулся Брант.

— Да, сэр.

— Обыщите его еще раз, — приказал Брант.

К нему вернулось обычное самообладание, и, пока капитан снова осматривал труп, он вынул блокнот и написал несколько строк. Это был приказ обыскать комнату лейтенанта Уэйнрайта и доставить ему все бумаги, письма и документы убитого. Затем он подозвал одного из солдат:

— Немедленно передайте вот это начальнику военной полиции. Ну как, капитан, — невозможно

спросил он подходившего офицера,— нашли еще что-нибудь?

— Вот только это, сэр,— отвечал капитан, слегка улыбаясь и доставая небольшую фотографию.— Должно быть, ее тоже не заметили.

Он протянул карточку Бранту.

Глаза начальника так и впились в снимок, но выражение его лица не изменилось.

— Обычная находка, генерал. Всегда фотографии! Но на этот раз красивая женщина!

— Очень,— спокойно заметил Кларенс Брант.

Это была фотография его жены!

ГЛАВА II

Он настолько владел своим голосом и движениями, что теперь, когда он ехал к себе на квартиру, никому не пришло бы в голову, что генерал Брант только что увидел фотографию жены, с которой порвал четыре года назад. Еще меньше можно было подозревать, какой жуткий страх он испытывает при мысли, что жена может иметь отношение к только что обнаруженной измене.

За это время он только раз получил о ней известие — от адвоката ее покойного мужа. Адвокат писал ему по поводу ее недвижимости в Калифорнии. Кларенс полагал, что она уехала к своим родственникам в Алабаму, где целиком посвятила себя делу конфедератов, готовая пожертвовать ради него даже всем своим состоянием.

Он знал также, что ее имя появляется в газетах Юга, что о ней пишут как о блистательной светской даме и даже советнице политических деятелей Конфедерации, но у него не было оснований думать, что она решилась взять на себя такую активную и отчаянную роль на войне. Он пытался уверить себя, что его тревога вызвана лишь воспоминаниями об измене капитана Пинкни и той роли, которую жена играла в калифорнийском заговоре,— в супружеской неверности он давно уже перестал ее подозревать. Но между этими двумя случаями было сходство, которое наводило на размышления. Не-

сомненно, этот лейтенант Уэйнрайт был изменник, который поддался обычной софистике своего сословия, утверждавшей, что главное — верность родному штату. Но не было ли у лейтенанта других побуждений? Или фотография была только памятью о пленительной жрице восстания, которую знал убитый? Первое предположение могло скорее вызвать презрение, нежели ревность, но все же он почувствовал облегчение, узнав, что военная полиция не обнаружила среди вещей Уэйнрайта никаких компрометирующих бумаг. Дивизионному генералу он о фотографии не сообщил. Достаточно было разоблачить деятельность изменника, не упоминая о том, что могло свидетельствовать о прямом или косвенном участии жены в этой измене. Даже и в этом был уже немалый риск, но он не мог поступить иначе, не нарушив своего долга.

Он содрогался, думая о вчерашнем побоище, которое — теперь в этом не было сомнений — произошло в результате предательской деятельности шпиона, и о том, что по иронии судьбы именно его бригаде выпало на долю не только пострадать от измены, но и отомстить за нее. Если жена приложила руку к этому гнусному делу, должен ли он ее щадить? Неужели их судьбы отныне связаны таким чудовищным образом?

К счастью, гибель главного виновника и своевременная находка его бумаг позволили командиру дивизии сохранить все в секрете и потребовать, чтобы и Брант, со своей стороны, соблюдал тайну. Брант, однако, был по-прежнему бдителен и на другой день после перехода на новые позиции тщательно изучил расположение бригады, подходы к нему и пути сообщения с окружающей местностью, а также линии мятежников; усилил строгость караульной службы и учредил тщательный надзор за всеми нестроевыми, а также за гражданским населением в пределах расположения бригады — вплоть до последнего маркитанта.

Затем он занялся домом, который был отведен под его штаб-квартиру.

Это был прекрасный образец старинного плантаторского дома — с широкой верандой, обширными службами и бараками для негров. До сих пор его щадила вой-

на, и он не пострадал от грабежа или постоев. Владелец покинул усадьбу только за несколько дней до сражения, и так велика была уверенность неприятеля в успехе, что еще утром перед решительным сражением здесь располагался главный штаб конфедератов.

Жасмин и розы, не закопченные пороховым дымом, вились вокруг обветшалых колонн и почти скрывали оконные ниши; запущенные цветники стояли в своей нетронутой красе; только двор конюшни, изрытый беспкойными копытами, являл следы недавнего пребывания военных.

На всем еще лежал отпечаток варварской расточительности, смешанной с патриархальной простотой, характерной для быта белых плантаторов, которые держались на короткой ноге как с посторонними, так и с собственными слугами.

С кошачьей привязанностью к дому чернокожие слуги оставались на месте и теперь пытались приспособиться к вторжению северян, по-детски радуясь новизне и переменам. Тем не менее Брант вглядывался в каждого опытным глазом, пока не убедился, что они заслуживают доверия. Как водится, среди них было известное число состарившихся в услужении седых «боев», «мамушек» и «тетушек» с кухни. В одной половине дома были две или три комнаты, где остались личные вещи, картины и сувениры семьи плантатора, и «будуар барышни» — их Брант, со своей обычной деликатностью, тщательно изолировал от помещений, занятых военными, разрешив в них доступ только хозяйским слугам. Рядом была небольшая комната, которую он облюбовал для себя; в ее холодных белых стенах, белых занавесках и узкой монашеской кровати чувствовалась почти келейная простота. Ему представлялось, что здесь могла проживать чопорная старшая дочь или незамужняя тетка, ведавшая домашним хозяйством, отсюда удобно было наблюдать за всеми службами и было недалеко до главного входа.

Наступила неделя затишья, когда Брант ощутил удивительное сходство между этой южной усадьбой и старой касой ранчо Роблес. Вечерние тени на обширной веранде воскрешали знакомую монастырскую меланхолию

испанского поместья, ее не могло рассеять присутствие какого-нибудь праздного офицера или дежурного вестового, а аромат роз и жасмина, проникавший в окна, навевал грустные воспоминания. Такое бездействие начинало раздражать Кларенса, его снова влекли к себе тревоги походов и лагерных ночевок, среди которых он вот уже четыре года забывал о прошлом.

Однажды днем, когда он сидел в одиночестве за депешами и донесениями, тоска нахлынула на него с такой силой, что он отложил бумаги и надолго отдался мечтам. Он вспомнил последний вечер в Роблесе, дуэль с капитаном Пинкни на рассвете, возвращение в Сан-Франциско и внезапное решение, заставившее его в тот же день отправиться в путь через весь континент, чтобы предложить свои услуги правительству. Он вспоминал свое пребывание в западном городе, где формировался полк добровольцев,— он вступил туда простым солдатом, но вскоре благодаря своей самоотверженности и целеустремленности был назначен командиром роты. Ему припомнилось быстрое продвижение в командиры полка после тяжелых боев и необычайный успех, сопровождавший его неукротимой энергией и не оставлявший ему времени думать о чем-либо, кроме воинского долга.

Внезапное вторжение жены в его нынешнюю жизнь, пусть случайное и, быть может, невинное, серьезно взволновало его.

Тени удлинялись и становились гуще, до вечерней зори оставалось уже недолго, когда он очнулся от ощущения, всем хорошо знакомого, что кто-то его пристально разглядывает. Он быстро обернулся — дверь за его спиной тихо закрылась. Он встал и, крадучись, вышел в холл. По коридору шла высокая женщина. Она была стройна и изящна, но когда она повернулась к двери, ведущей в комнаты слуг, он отчетливо различил яркий тюрбан на голове и черный негритянский профиль. Однако он задержался у двери соседней комнаты.

— Узнайте, мистер Мартин, кто эта женщина, которая только что здесь прошла. Кажется, она не из этой усадьбы.

Молодой офицер вскочил, надел фуражку и вышел. Через несколько минут он вернулся.

— Высокая, сэр, хорошо сложена, держится прямо?

— Да.

— Служанка соседних плантаторов — семейства Мэнли, иногда навещает здешних слуг. Должно быть, мулатка.

Брант задумался. Многие мулатки и негритянки хорошо сложены, а привычка носить тяжести на голове заставляет их держаться особенно прямо.

Лейтенант взглянул на начальника:

— Будут ли какие-нибудь распоряжения насчет нее, генерал?

— Нет,— после минутного молчания ответил Брант и вышел.

Офицер улыбнулся. Недурно будет позабавиться за ужином с товарищами, рассказав, что его красивый, сдержанный начальник, такой аскет на вид, тоже не лишен маленьких человеческих слабостей!

Через несколько дней, когда Брант утром углубился в работу, к нему стремительно вошел дежурный офицер. Лицо его пылало, и, очевидно, только присутствие начальника сдерживало его возбуждение. В руках он держал листок бумаги.

— Какая-то дама предъявляет вот это предписание и пропуск из Вашингтона, скрепленный подписью командира дивизии.

— Дама?

— Да, сэр, она одета очень хорошо. Но она не понимает самой элементарной вежливости: нагрубила мистера Мартину и мне и требует, чтобы вы приняли ее наедине.

Брант развернул бумагу. Это был специальный приказ президента, разрешающий мисс Матильде Фолкнер переход через линию федеральных войск и посещение усадьбы ее дяди, известную под названием «Серебристые дубы», где теперь стоял штаб бригады Бранта; ей разрешалось принять меры для сохранения фамильной собственности и увезти с собой оставшееся в усадьбе имущество, а вооруженным силам Соединенных Штатов предписывалось оказывать мисс Фолкнер помощь и

содействие. Приказ был скреплен подписью командира дивизии. Он был сформулирован совершенно точно, и подлинность его не вызывала сомнений.

Брант и прежде слышал про такие приказы — сущее несчастье для армии; они издавались в Вашингтоне под чьим-то загадочным влиянием и вопреки протестам военных, но он не хотел, чтобы подчиненный заметил его смущение.

— Пригласите ее сюда, — сказал он спокойно.

Но она уже вошла без приглашения, брезгливо обойдя офицера, подобрав юбки, словно боясь заразы: хорошенькая, надменная барышня-южанка с яркими губами, одетая в серую амазонку; в узкой, обтянутой перчаткой руке она угрожающе сжимала легкий хлыстик.

— Мой пропуск у вас в руках, — резко сказала она, даже не глядя на Бранта. — Полагаю, что с ним все в порядке, но если даже это и не так, я вовсе не желаю, чтобы меня заставляли ждать в обществе этих наемников.

— Пропуск действительно в порядке, мисс Фолкнер, — ответил Брант, медленно читая ее фамилию. — Но, поскольку в нем не содержится разрешения оскорблять моих офицеров, я попрошу вас дать им время удалиться.

Он дал знак офицеру, и тот вышел из комнаты. Когда дверь закрылась, Кларенс продолжал вежливо, но холодно:

— Я догадываюсь, что вы южанка, и потому не стану напоминать вам, что не принято невежливо обращаться даже с рабами тех, кто вам не нравится. Поэтому прошу вас отныне приберечь вашу враждебность для меня одного.

Девушка подняла глаза. Очевидно, она не ожидала, что встретит молодого, красивого и утонченного человека, да еще с такими непроницаемо холодными манерами. Еще менее она была подготовлена к такого рода отпору. Проявляя свое предвзятое отношение к «северным наемникам», она сталкивалась с официальной резкостью, презрительным молчанием или гневным возмущением, но это было хуже всего. Ей даже показалось, что этот элегантно-насмешливый офицер потешается над ней.

Прикусив алую губку и надменно взмахнув хлыстиком, она сказала:

— Полагаю, что круг знакомых вам дам-южанок был по некоторым причинам не особенно широк?

— Прошу прощения, на одной из них я имел честь жениться.

Раздраженная пуще прежнего, она резко сказала:

— Вы говорите, что мой пропуск в порядке. Тогда я полагаю, что могу заняться делами, ради которых приехала сюда.

— Разумеется; извините, если мне показалось, что в их число входит и желание выразить презрение к тем, чьей гостьей вы сейчас являетесь.

Он позвонил. Вошел вестовой.

— Пришлите сюда всех слуг.

Вскоре комната наполнилась чернокожими. Там и здесь поблескивали в улыбке белые зубы, но большинство отнеслось к такому важному случаю серьезно. Кое-кто из негров даже старался блеснуть солдатской выправкой. Как и ожидал Брант, по взглядам некоторых ясно было, что мисс Фолкнер узнали.

— Вы должны будете,— строго сказал Брант,— оказывать всяческую помощь этой даме, которая представляет здесь интересы вашего прежнего хозяина. В своих делах она будет целиком полагаться на вас; смотрите же, чтобы ей не пришлось жаловаться мне на вашу невнимательность или обращаться за помощью к другим.

Когда мисс Фолкнер, слегка побледневшая, но по-прежнему надменная, собиралась выйти вслед за слугами из комнаты, Брант удержал ее холодным и вежливым жестом:

— Как видите, мисс Фолкнер, ваше желание исполнено; отныне вы избавлены от всякой необходимости общаться с моими офицерами и солдатами, равно как и они с вами.

— Значит, я пленница в этом доме, несмотря на пропуск, выданный вашим... президентом? — воскликнула она с возмущением.

— Ни в коем случае! Вы можете приходить, уходить и видаться с кем хотите. Я не имею права следить за

вашими действиями. Но я имею право следить за действиями моих подчиненных.

Она с негодующим видом выплыла из комнаты.

«Теперь в ней, наверное, загорится желание флиртовать здесь со всеми мужчинами подряд,— с улыбкой подумал Брант.— Но, кажется, они уже раскусили, что это за птица!»

Тем не менее он тут же написал несколько строк командиру дивизии, указывая, что личная собственность владельца усадьбы взята им под охрану, находится в полной безопасности под надзором домашних слуг и что дела мисс Фолкнер, видимо, только предлог.

На это письмо он получил официальный ответ, в котором выражалось сожаление, что вашингтонские власти все еще считают нужным подвергать армию подобному риску и возлагать на нее подобные заботы; но поскольку приказ исходит от верховной власти, он подлежит неукоснительному выполнению. Внизу страницы была любопытная приписка карандашом, сделанная самим генералом: «Эта не из опасных».

Кровь бросилась в лицо Бранту, как будто в приписке заключался скрытый и притом личный намек. Он подумал о собственной жене.

По странному совпадению дня через два за обедом разговор как раз зашел о страстности политических убеждений южанок — вероятно, следствие того, что им пришлось пережить за последнее время.

Сидя во главе стола, Брант задумался и почти не прислушивался к взволнованной речи полковника Стенджейса из штаба бригады.

— Нет, сэр,— негодующим тоном твердил этот воин,— поверьте моему слову! В этом смысле нельзя доверять ни одной южанке, будь она даже сестра, возлюбленная или жена. А если ей довериться, она сумеет провести любого мужчину, как бы он ей ни был близок!

Воцарилась мертвая тишина, у локтя оратора предостерегающе зазвенел бокал. Брант инстинктивно почувствовал на себе беглые сочувственные взгляды, а затем разговор внезапно перешел на другую тему— все это не могло не привлечь его внимания, даже если бы

он не слышал слов полковника. Однако по лицу его ничего нельзя было прочесть. Никогда прежде он не думал, что его семейные дела известны окружающим, хотя, с другой стороны, он и не делал из них тайны. Ему и в голову не приходило, что такое, чисто личное несчастье может представлять интерес для других. И даже теперь он был несколько смущен своей, как он считал, чувствительностью к подобному рода пересудам, которых сам всегда гордо чуждался.

Его язвительная догадка о реакции мисс Фолкнер на запрет общаться с военными оказалась близкой к истине. Действительно, в часы, свободные от таинственных забот о дядюшкином имуществе, эта барышня то и дело появлялась в саду и в окрестных лесах. И хотя ее присутствие для каждого слоняющегося без дела офицера или сменившегося караульного было сигналом «кругом марш», она смотрела на случайные встречи с ними, по-видимому, уже без прежнего отвращения. Однажды, когда она вскарабкалась на ограду, чтобы сорвать цветок магнолии, стул, который она приставила, опрокинулся, так что она не могла спуститься. Тотчас же, по сигналу из караульного помещения, появились два сапера и минеры со штурмовой лесенкой, которую они молча приставили к стене и так же молча удалились. В другой раз норовистая барышня, способная, по мнению Бранта, принять смерть в бою ради своих убеждений, находясь в поле, попала в постыдное затруднение из-за самого грозного домашнего животного — бродячей, непривязанной коровы. Брант не мог сдерживать улыбки, когда слышал быстрый, резкий сигнал: «Караулу выйти!» — и увидел, как солдаты с примкнутыми штыками флегматично маршируют «на сближение» с перепуганным животным, которое в конце концов обратилось в бегство, дав возможность прелестной даме сконфуженно возвратиться домой. Он удивился, однако, когда она задержалась возле его двери и сказала дрожащим от обиды голосом:

— Благодарю вас, сэр, за ваш рыцарский поступок, вы изволите потешаться над беззащитной женщиной.

— Очень жаль, мисс Фолкнер, — начал Брант совершенно серьезно, — если вы думаете, что мне так же лег-

ко держать под контролем передвижения рогатого скота, как...

Но тут он осекся, заметив, когда она метнула в него яростный взгляд, что синие глаза ее полны слез. Она резко повернулась и ушла.

На следующее утро, испытывая легкие угрызения совести, он при встрече с мисс Фолкнер прибавил к обычному поклону слова приветствия, но она укоризненно промолчала. Несколько позже, днем, ее служанка передала ему вежливую просьбу принять ее хозяйку, и он с облегчением увидел, что мисс Фолкнер вошла к нему уже не вызывающе, а скорее с видом женщины, покорившейся своей участи, глубоко оскорбленной, но не отвергающей примирения.

— Я считаю нужным сообщить вам, — начала она холодно, — что послезавтра, вероятно, закончу свои дела и смогу освободить вас от своего присутствия. Я заметила, — добавила она с горечью, — да и не могла не заметить, как оно вас тяготит.

— Надеюсь, — холодно ответил Брант, — что никто из моих джентльменов...

— Нет! — перебила она с прежней запальчивостью, нетерпеливо взмахнув рукой. — Неужели вы могли подумывать, что я говорю... что я хотя бы думаю о них? Какое мне до них дело?

— Благодарю вас. Весьма рад, что они вас не интересуют; значит, вы выполнили мое пожелание и обратили свою враждебность против меня одного, — спокойно ответил Брант. — А раз так, я не вижу никаких оснований к тому, чтобы вы спешили с отъездом.

Она немедленно встала.

— Я нашла женщину, — медленно сказала она, с трудом сохраняя самообладание, — которая сможет взять на себя мои обязанности. Она служит у одного из ваших соседей, старого друга моего дяди. Она знает этот дом и наше имущество. Я дам ей все нужные указания и, если хотите, письменное распоряжение. Она и сейчас бывает здесь, и ее посещения не принесут вам никакого беспокойства. А так как она рабыня, или, как у вас, кажется, принято говорить, невольница, то она уже привыкла к тому, как обращаются северяне с людьми ее класса.

Не задержавшись, чтобы посмотреть, какой эффект произведет ее парфянская стрела, мисс Фолкнер гордо вышла из комнаты.

«Не понимаю, что ей нужно, — думал Брант, прислушиваясь к быстрым шагам, затихающим в коридоре. — Одно ясно, эта женщина слишком несдержанна, чтобы быть шпионкой».

В сумерки он увидел ее в саду. Рядом с ней стояла женщина. Заинтересовавшись, он разглядел ее из окна более внимательно и узнал стройную, изящную мулатку из соседней усадьбы.

— Так вот кто будет ее заместительницей, — задумчиво пробормотал он.

ГЛАВА III

На следующий день Бранта вызвали на военный совет в штаб дивизии, и ему некогда было думать о своей странной гостье, однако замечание командира дивизии о том, что он предпочитает доверить план войсковых передвижений не бумаге, как это обычно делается, а памяти офицеров, говорило о том, что его командир все еще опасается шпионажа. Поэтому Брант рассказал ему о своем последнем разговоре с мисс Фолкнер, ее предполагаемом отъезде и о соседке-мулатке. Командир дивизии выслушал эти сведения совершенно равнодушно.

— Они слишком умны, чтобы использовать для шпионажа или для связи легкомысленную девчонку, которая выдаст себя с первого шага, а мулатки слишком глупы, не говоря уже о том, что они скорее на нашей стороне. Нет, генерал, если за нами шпионят, то уж, конечно, орлы, а не дрозды-пересмешники. Мисс Фолкнер вполне безобидна: острый язык — и только, да и вообще на всем Юге не найдется такого негра или мулата, который рискнул бы петлей ради нее или другого своего хозяина или хозяйки.

Быть может, слегка успокоенный этими словами, Брант не так настороженно и сурово посмотрел на мисс Фолкнер, когда, возвращаясь со своим вестовым верхом из штаба, заметил, что она одна идет впереди него по тро-

пинке. Она была так глубоко погружена в свои беспокойные мысли, что даже не услышала стука копыт. В руке она держала огромный цветок и то похлопывала им по живой изгороди, тянувшейся вдоль дорожки, то подносила к лицу, как бы вдыхая его аромат.

Отослав вестового по боковой тропинке, Брант медленно поехал вперед, но мисс Фолкнер, к его удивлению, ускорила шаг, не оборачиваясь, словно не замечая его приближения, и стала даже оглядываться по сторонам, точно ища способ ускользнуть. Бранту пришлось прищипорить лошадь. Догнав мисс Фолкнер, он сошел с коня и, держа поводья в руке, зашагал рядом с ней. Сперва она слегка покраснела и отвернулась, затем взглянула на него с деланным удивлением.

— Боюсь,— сказал он мягко,— что я сам нарушаю собственный приказ и навязываюсь вам в собеседники. Но я хотел спросить, не могу ли я помочь вам перед отъездом.

Он говорил вполне искренне, тронутый ее нескрываемой озабоченностью; беспощадно оценивая людей, Клэрэнс умел сочувствовать женским страданиям — черта сама по себе скорее женская.

— Другими словами, вам хочется поскорее от меня избавиться,— коротко отвечала она, не поднимая глаз.

— Нет, просто я хочу уладить неприятное для вас дело, за которое вы так самоотверженно взялись.

Несколько слов сдержанного человека иногда оказываются для женщины привлекательнее самого вдохновенного красноречия. Быть может, на нее подействовало и меланхолическое изящество этого насмешливого офицера. Она подняла глаза и с живостью спросила:

— Вы действительно так думаете?

Но он встретил ее пытливый взгляд с некоторым удивлением.

— Разумеется,— ответил он более сдержанно.— Могу себе представить ваши чувства при виде дома вашего дядюшки, занятого вашими врагами, и сознание, что ваше пребывание под семейным кровом терпят скрепя сердце. Трудно поверить, что вам это приятно, что вы взялись за такое дело только ради себя одной.

— А что, если я приехала сюда,— сказала она злорадно, поворачиваясь к нему,— для того, чтобы разжечь в себе чувство мести, которое даст мне силу воодушевить своих соратников и побудить их обрушить войну на ваши дома, чтобы вы, северяне, хлебнули горя, как и мы?

— И это я мог бы легко понять,— заметил он равнодушно,— хотя я и не считаю месть таким уж удовольствием, даже для женщины.

— Женщины! — повторила она в негодовании.— Да разве в такой войне есть различие между мужчинами и женщинами!

— Вы сомнете цветок,— сказал он невозмутимо.— Он очень изящен, и притом из здешних мест — не вторгшийся пришелец, даже не переселенец. Можно на него взглянуть?

Она постояла в нерешительности, сделала было попытку отвернуться, и рука у нее задрожала. Потом вдруг засмеялась истерическим смехом, сказала: «Что ж, возьмите!» — и сунула цветок ему в руку.

Это был действительно красивый цветок, напоминающий по виду лилию, с чашечкой в виде колокольчика, с длинными тычинками, покрытыми тончайшей красной пылью. Но едва Брант поднес его к лицу, чтобы понюхать, она слегка вскрикнула и вырвала цветок.

— Ну вот,— сказала она все с тем же нервным смешком,— так я и знала! Надо было вас предупредить. Эта пыльца очень легко сходит с цветка и пачкает. Вот у вас уже немножко пристало к щеке. Смотрите! — продолжала она, вынимая из кармана платок и вытирая ему щеку.

На тонком батисте виднелась кроваво-красная полоска.

— Он растет на болоте,— продолжала она тем же взволнованным тоном,— мы называем его драконьи зубы, как те, помните, которые посеяли в старой легенде. В детстве мы находили эти цветы и красили себе лицо и губы. Мы называли их румяна. Я его только что нашла, и мне захотелось снова попробовать. Мне так живо вспомнились детские годы!

Следя не столько за ее словами, сколько за странным выражением ее лица, Брант готов был подумать,

что она действительно поддалась искушению, до того красны были ее щеки. Но под его холодным, испытующим взглядом ее лицо заметно побледнело.

— Должно быть, вы тоскуете по старым временам, — заметил он сдержанно. — Боюсь, что от них мало что уцелело, кроме этих цветов.

— Да и они не уцелели, — сказала она с ожесточением. — Ваши солдаты прошли через болото и растоптали кусты.

Брант нахмурился. Он вспомнил, что в болоте теряется ручей, который во время сражения обогрился кровью. Эта мысль отнюдь не усилила его симпатий к прекрасному, но ослепленному злобой существу, шагавшему рядом, и чувство жалости, мелькнувшее в нем на мгновение, быстро угасло. Она была неисправима. Несколько минут они шли молча.

— Вы говорили, — начала она наконец более мягким и даже нерешительным голосом, — что были женаты на южанке.

Он с трудом подавил раздражение.

— Кажется, говорил, — холодно ответил он, сожалея о своей откровенности.

— И, конечно, научили ее своему евангелию, евангелию от святого Линкольна... Понимаю! — продолжала она поспешно, точно заметила его раздражение и старалась смягчить его. — Она была женщина, и она любила вас и думала вашими мыслями, смотрела на все только вашими глазами. Да, у нас, женщин, всегда так, все мы, кажется, такие, — добавила она с горечью.

— У нее были собственные взгляды, — отрывисто бросил Брант, совладав с собой.

Его тон ясно показывал, что разговор на эту тему окончен, и ей оставалось только умолкнуть. Но через минуту она заговорила опять, и в ее голосе зазвучало прежнее презрение.

— Пожалуйста, генерал Брант, не трудитесь провожать меня дальше. Разве только вы боитесь, что я могу встретить ваших... ваших солдат. Даю слово, что я их не съем!

— Боюсь, мисс Фолкнер, что вам придется еще некоторое время пробыть в моем обществе — и именно из-за этих солдат, — серьезно возразил Брант. — Вы, веро-

ятно, не знаете, что дорога, на которой я вас встретил, идет через караульный кордон. Если бы вы были одни, вас бы остановили и подвергли допросу, а так как вы не знаете пароля, то задержали бы и отправили в караульное помещение, а там...— он остановился и пристально поглядел на нее,— там бы вас обыскали.

— Вы не посмели бы обыскивать женщину!— воскликнула она в негодовании, но слегка побледнев.

— Вы только что сами сказали, что в этой войне нет ни мужчин, ни женщин,— небрежно ответил Брант, продолжая внимательно ее разглядывать.

— Так, значит, война? — быстро и многозначительно сказала она, бледнея.

В его испытующем взгляде появилось недоумевающее выражение. Но в этот момент за живой изгородью сверкнул штык, раздалась команда: «Стой!»,— и на дорогу вышел караульный.

Генерал Брант выступил вперед, ответил на приветствие караульного, а затем, когда подошли сержант и еще один солдат, указал на свою прелестную спутницу.

— Мисс Фолкнер не знает расположения лагеря, она свернула не по той дороге и нечаянно переходила линию, когда я ее встретил.— Он опять внимательно посмотрел на ее побледневшее лицо, но она не подняла глаз.— Покажите ей кратчайшую дорогу к штабу,— обратился он к сержанту,— и если она еще когда-нибудь заблудится, проводите ее опять до дома, не задерживайте ее и не докладывайте.

Он приподнял фуражку, сел на коня и уехал, а девушка с гордым и независимым видом пошла по дороге в сопровождении сержанта. Но едва Брант успел отъехать, как ему встретился верховой — это был офицер из его штаба. Необъяснимое чувство подсказало ему, что тот видел всю сцену, и, сам не зная почему, он ощутил досаду. Продолжая путь, Брант проверил несколько постов и кружным путем вернулся в штаб. Выйдя на веранду, он увидел, что в глубине сада мисс Фолкнер разговаривает с кем-то через ограду; в бинокль он разглядел стройную фигуру уже знакомой мулатки. Он увидел, что она держала такой же цветок, как тот, который все еще был в

руке у мисс Фолкнер. Значит, она была вместе с мисс Фолкнер на прогулке? Но если так, почему же она скрылась при его приближении? Подстрекаемый чем-то большим, нежели простое любопытство, он быстро спустился в сад, но мулатка, очевидно, заметив его, быстро исчезла. Не желая снова встречаться с мисс Фолкнер, он повернул обратно, решив при первой возможности лично допросить новую посетительницу. Такая предосторожность входила в его обязанности, раз мулатка собиралась занять место мисс Фолкнер в качестве ее доверенной.

Вернувшись к себе, он сел за письменный стол, где его ожидали депеши, приказы и донесения. Скоро он, однако, заметил, что работает машинально, так как мысленно все время возвращается к встрече с мисс Фолкнер. Если она собирается заняться шпионажем или использовать свое положение в доме для связи с неприятелем, он, пожалуй, припугнул ее как следует. Но, в сущности, он теперь впервые готов был согласиться с мнением своего начальника. Действительно: такая неловкая и неопытная, а главное — собой не владеет; какая уж это шпионка? Ее волнение там, на тропинке, наверно, было вызвано чем-то более важным, нежели опасение, что он помешает ее тайному разговору с мулаткой. А когда она сказала: «Так, значит, война?» — то была не более как угроза — значит, она колеблется. Он вспомнил, как странно она говорила о его жене. Что это — просто следствие его необдуманной откровенности во время их первого разговора или скрытая насмешка? В конце концов она не может помешать ему выполнять свой воинский долг, и столько о ней думать просто глупо! Но хотя он питал к ней такое же недружелюбное чувство, как и при первой встрече, он начинал сознавать, что в этой девушке заключено для него какое-то странное очарование.

С усилием отгнав эти мысли, он закончил работу, затем встал и вынул из шкафа небольшую шкатулку, в которой хранил самые важные документы. Открыв шкатулку ключиком, висевшим на цепочке от часов, он был вдруг поражен слабым, но знакомым ароматом. Он помнил этот запах. Был ли то запах цветка, который держала мисс Фолкнер, или запах носового платка, которым она вытирала ему щеку, или смесь того и другого? Или он заворочен и не может не думать об этой злополучной

девице с ее колдовским цветком? Он нагнулся к шкатулке и вздрогнул. На обложке одной из депеш виднелась странная кроваво-красная полоска! Он присмотрелся — да, это был след цветочной пыльцы, такой, какую он видел на ее платке.

Ошибиться он не мог! Он провел пальцем по пятну — она еще чувствовалась, скользкая, еле осязаемая пыльца. Этого пятна не было, когда он утром запер шкатулку. Оно не могло бы появиться, если бы кто-то не открыл шкатулку в его отсутствие. Он проверил содержимое: все бумаги были налицо. К тому же они имели значение только для него самого: тут не было ни военных планов, ни секретных шифров; он был слишком осторожен, чтобы доверить секретные бумаги чужому дому. Лазутчик — кто бы он ни был — ушел ни с чем! Но попытка была налицо. Ясно, что в усадьбе орудует шпион.

Он вызвал из соседней комнаты дежурного офицера.

— Кто-нибудь заходил сюда, пока меня не было?

— Нет, генерал.

— А проходил кто-нибудь через зал?

Он заранее предвидел ответ офицера:

— Только служанки, генерал.

Бранг вернулся в комнату. Закрыв дверь, он еще раз внимательно осмотрел шкатулку, бумаги на письменном столе, стул возле него и даже китайские циновки на полу — не найдутся ли новые следы цветочной пыльцы? Вряд ли можно было войти в комнату с цветком в руке и не оставить других следов этой обличающей пыльцы: цветок был слишком большой, чтобы его можно было носить на груди или в волосах. С другой стороны, кто осмелился бы оставаться в комнате столько времени, сколько нужно для осмотра шкатулки, зная, что в соседней комнате — дежурный офицер, а у дверей расхаживает сержант? Ясно, что шкатулку уносили и вскрыли в другом месте!

У него мелькнула новая мысль. Мисс Фолкнер все еще не было; мулатка, должно быть, ушла домой.

Он быстро поднялся по лестнице, но, не входя в свою комнату, внезапно повернул в то крыло, что оставалось незанятым. Первая дверь открылась, едва он легко нажал на ручку, и он вошел в комнату, в которой сразу

узнал будуар барышни. Пыльная мебель была теперь переставлена, чехлы сняты — было видно, что в будуаре живут. И хотя все указывало на то, что здесь живет особа с утонченным вкусом и привычками, Брант с удивлением увидел, что платья, висящие в открытом стенном шкафу, похожи на те, какие носит негритянская прислуга, а на красивом шелковом покрывале кровати лежит пестрый платок, какие горничные тюрбаном повязывают на голове. Не задерживаясь на этих подробностях, он окинул комнату быстрым взглядом. Его глаза остановились на причудливой конторке у окна. Из красивой вазы, стоявшей на ее верхней доске, свешивался на лезавший ниже портфель пучок точно таких же цветов, как тот, что несла мисс Фолкнер!

ГЛАВА IV

Теперь Бранту стало ясно, что его шкатулку приносили сюда и открывали, ради безопасности, здесь, на этой конторке. При поспешном просмотре бумаг шпион, очевидно, толкнул вазу с цветами и не заметил упавших пылинок. Об этом свидетельствовали и несколько красных пятнышек на конторке. Но Бранта поразило еще и другое обстоятельство. Конторка стояла у самого окна. Машинально выглянув наружу, он убедился, что отсюда открывается широкий вид не только на склон, над которым возвышался дом, но и далеко за линию пикетов. Ваза с яркими цветами, почти не уступавшими по величине цветам магнолии, находилась в центре окна и, без сомнения, была видна издалека. Напрашивался вывод, что зловещие, броские цветы, которые были в руках у мисс Фолкнер и у мулатки, а здесь так подчеркнуто выставлены в окне, могли служить условным знаком. Под влиянием какого-то почти суеверного побуждения Брант осторожно снял вазу с окна и переставил на боковой столик. Затем он тихо вышел из комнаты.

Но он не мог отделаться от мучительных вопросов, связанных с этим открытием, хотя и знал наверняка, что его бригаде не угрожает новая опасность и что неизвестный шпион не раздобыл никаких сведений. В глубине души Брант сознавал, что в свете этого открытия его

больше всего тревожит желание оправдать поведение мисс Фолкнер. В самом деле, шкатулку вполне мог похитить кто-нибудь другой, когда мисс Фолкнер не было в доме, — мулатке, например, легче было, не вызывая подозрений, оказаться у него в комнате, чем ей. Действительно, улик против мисс Фолкнер было не так уж много — скорее настоящий шпион мог воспользоваться ее пребыванием в усадьбе, чтобы навлечь на нее подозрение.

Брант вспомнил, как странно она себя вела, как она зачем-то заставила его взять цветок. Вряд ли она вела бы себя так, если бы знала, какую серьезную роль этот цветок играет. Но тогда чем же объяснить ее явное волнение? И тут его словно озарило, он даже улыбнулся. Да она влюблена! В неприятельском лагере есть, наверно, некий вздыхающий обожатель, некий юный лейтенант, с которым она поддерживает отношения и ради которого пустилась в опасный поход. Цветок — несомненно, их способ общения. Этим объясняется и ее враждебность к молодым офицерам-северянам, его противникам, и к нему, Бранту, их начальнику. Он и прежде удивлялся, почему мисс Фолкнер, если она шпионка, не направилась с таким же удобным пропуском из Вашингтона в штаб дивизии, где хранятся более значительные военные тайны. Теперь все ясно: здесь она ближе к линии южан и к своему поклоннику. Ему и в голову не приходило, что он сам подыскивает для нее оправдания; он считал себя только справедливым. Ее слова о силе преданной женской любви, которые жестоко задела его во время разговора, теперь становились понятными и даже утратили свой обидный смысл. Она пробудет еще только день или два, он может не тревожить ее допросом.

Другое дело — истинный злоумышленник, шпион или вор, тут Брант принял меры немедленно. Он передал дежурному офицеру приказ, категорически воспрещающий появление чужих слуг или невольников вблизи штаба; нарушителей надлежало приводить к Бранту. Офицер посмотрел на него удивленным, даже несколько недовольным взглядом. Очевидно, подчиненные уже успели оценить прелесть стройной мулатки.

Часа два спустя, садясь на коня, чтобы объехать рас-

положение бригады, Брант был поражен, увидев, что мисс Фолкнер в сопровождении мулатки опрометью бежит по направлению к дому. Он вспомнил свой последний приказ, когда заметил, что часовые задержали мулатку, а мисс Фолкнер продолжает бежать, даже не обращая внимания на свою спутницу. На бегу она подобрала юбку, соломенная шляпка свалилась с головы и держалась только на ленточке, завязанной вокруг шеи, волосы распустились и черной волной лежали на плече. Сначала Брант решил, что она ищет его, негодуя на отданный приказ, но, увидев ее напряженное лицо, тревожные глаза и полуоткрытый алый рот, понял, что она поглощена своими мыслями и даже не заметила его. Она промчалась мимо него в зал, он услышал шорох юбки и быстрые шаги по лестнице. Что случилось? Или это просто новый каприз?

Вошел капрал с задержанной мулаткой, и Кларенс очнулся от размышлений. Мулатка была высокого роста, хорошо сложена, с мелкими, явно негритянскими чертами лица. В черных глазах сквозило беспокойство, но одухотворенностью они не блистали; в ее манере держаться было что-то упрямое и вместе с тем тупое. Брант почувствовал некоторое разочарование, у него даже возникло смутное чувство, что перед ним не та женщина, которую он видел раньше. Но нет, та же высокая, стройная фигура, тот же темный профиль, тюрбан на голове, все как тогда, когда он шел за ней по коридору у своей комнаты.

Ее рассказ был предельно прост. Да, она знает «мисси» еще с пеленок. Да, она забежала днем, чтобы повидать ее, они шли вместе, когда ее схватили солдаты. Раньше ее никогда никто не задерживал — даже «патрульники»¹. Ее старый хозяин позволил ей пойти к мисс Тилли и ничего не сказал ни о каких приказах.

Озабоченный больше, чем он решался себе самому признаться, Брант отпустил ее, сделав ей предостережение. Спускаясь на коне по склону, он издали увидел пикеты, вспомнил об окне с цветами и повернулся в седле,

¹ То есть «патрули» — гражданская стража в Южных штатах, наблюдавшая за рабами (прим. автора).

чтобы взглянуть на него. Вот оно, самое широкое и высокое окно в этой части здания, и в нем, почти заполняя проем, яркий, отчетливо различимый предмет — та самая ваза с цветами, которую он переставил несколько часов тому назад. Опять на старом месте! Он улыбнулся. Теперь он понимал, почему мисс Фолкнер так поспешно вернулась и была так смущена. Очевидно, он помешал ей передать какое-то любовное сообщение; из-за него, быть может, не состоялось нежное свидание за линией фронта. Так, значит, сигнализацией занималась мисс Фолкнер!

Означает ли это, что и шкатулка была похищена с ее ведома? Все же он решил, что комнату, видимо, занимает мулатка, — он вспомнил коленкоровые платья и тюрган на кровати, — может быть, мисс Фолкнер приходит сюда только для того, чтобы подавать знак своему возлюбленному. Эти соображения не очень успокоили его, но в этот момент его внимание отвлекла новая удивительная встреча.

Проезжая по лагерю, он заметил, что перед большой палаткой, где помещалась столовая, собралась группа офицеров и, по-видимому, от души развлекается, слушая, как какой-то чужак произносит перед ними не то монолог, не то речь. На нем была широкополая шляпа с золотым галуном, придававшим ей военный вид, но с одного бока она была неестественно и театрально згломлена вверх. На поясе с широкой пряжкой, который виднелся из-под черного сюртука, висела тяжелая кавалерийская сабля, а по обе стороны пряжки были заткнуты два револьвера без кобуры — совсем как у контрабандистов на сцене. Этот экстравагантный костюм завершался парой высоких лакированных ботфортов с огромными отворотами, должно быть, служивших когда-то кавалеру в исторической пьесе. Офицеры были настолько поглощены зрелищем, что не заметили приближения командира и вестового, и, сделав знак своему спутнику, Брант остановился в нескольких шагах от оратора. Его речь представляла собой курьезное смешение высокопарных эпитетов с ошибками в произношении и словечек западного жаргона.

— Итак, я не говорю, что я стратегически подкован, я ведь не кончал разных Вест-Пойнтов, как некоторые,

так сказать, инженеры. Я не люблю много толковать о фланговых маршах, или разведках боем, или эшелонных перестрелках, но пусть дело дойдет до честной войны с индейцами — тут уж и я скажу свое словечко! Есть люди, которые не знают главного поставщика армии, но и они, может быть, слышали про Кровавого Дика. Я не называю имен, джентльмены, но только на днях мне сказал человек, которого вы все знаете: «Если бы я понимал в разведке, сколько вы, я не нуждался бы, как сейчас, в сведениях о противнике». Я не стану вам говорить, кто это, я не стану разбалтывать, сколько у него звездочек на погонах, но этот человек знает, что говорит. Скажу опять, джентльмены: проклятие Северной армии — это отсутствие хорошей разведки. Отчего нас побили у Булз-Рана? Не было разведки! Почему откатился Поп? Не было разведки! Что погубило Бейкера у Боллс-Блефа? Не было разведки! Отчего произошла резня в пустыне? Не было разведки, индейской разведки! Да, джентльмены, только на днях меня официально запросили, чтобы я взялся за организацию разведки. А что я ответил? «Нет, генерал, не согласен — не потому не согласен, что у меня один из самых больших контрактов на поставку говядины для армии, не потому, что я, так сказать, мускул войны, а потому, что я прежде всего потребовал бы себе десять тысяч бывалых индейцев из резервации. А эти кадровые щеголи вестпойнтовцы, весь этот ученый балласт, который висит на шее нашей армии, — им этого не понять, и они с этим не согласятся». Тут Шерман мне и говорит...

Взрыв хохота прервал оратора, посыпались ядовитые вопросы, и Брант с облегчением увидел, что теперь можно незаметно уехать. По голосу, жестам, а главное, по темпераменту незнакомца он узнал в нем своего друга детства, мужа Сюзи, неустрашимого Джима Хукера! У кого еще могло найтись столько мрачного нахальства, столько таинственной многозначительности и великолепных, хоть и неправдоподобных историй! В этот момент Кларенса Бранта потянуло к старому товарищу. Он знал, что если сейчас обратится к Хукеру, то сконфузит его; он сам болезненно воспринимал насмешки своих офицеров над тщеславием и слабостями бывшего по-

гонщика, бывшего фермера, бывшего актера и мужа его бывшей возлюбленной. Кларенсу хотелось, чтобы Хукер не подозревал, что он видел все это. Он приказал вестовому привести приезжего в штаб, а сам незаметно уехал.

Из того, что он слышал, ему стало ясно, почему Хукер здесь и какое стечение обстоятельств свело их опять. Очевидно, Хукер стал одним из крупных поставщиков продовольствия, к услугам которых приходилось прибегать правительству; они посещали лагеря в качестве полуофициальных лиц. Снабжение армии зависело от них, но любовью они не пользовались. Брант уже встречался в интендантстве с его агентами и теперь вспомнил даже, что слышал о его предстоящем приезде, но не обратил внимания на это имя. Почему он бросил театр, как достиг положения, для которого нужен был значительный капитал—ведь многие из поставщиков уже успели составить себе большие состояния,—что случилось с Сюзи и ее честолюбивыми планами при такой радикальной перемене — все это еще предстояло узнать. Кларенс после поворота в его судьбе редко думал о Сюзи; теперь он с некоторой досадой и сознанием своей вины вспомнил об их последней встрече, когда он поддался внезапному порыву чувства.

Ждать пришлось недолго. Не успел он вернуться в кабинет, как на веранде послышались шаги вестового и громы сабли Хукера. Брант, впрочем, не знал, что Хукер, не обратив внимания на фамилию командира, истолковал его приглашение как дань уважения к своим заслугам и с видом победителя покинул своих язвительных собеседников — с таким видом, будто направляется на конфиденциальную беседу, где потребуются его выдающиеся военные познания. Он вошел в кабинет с мрачным и важным видом, сердито глядя в пол, и поднял глаза только когда Брант отпустил вестового и закрыл за ним дверь. И тут Хукер узнал своего старого приятеля — вечного баловня судьбы!

У него дух захватило от удивления. Он вытаращил глаза, губы у него задрожали от полного смятения чувств; в нем боролись недоверие, подозрительность, радость, гордость, восхищение и даже нежность. Перед ним стоял Кларенс Брант—такой же красавец, как преж-

де, он казался еще лучше в генеральской форме, которая придавала ему — а он был моложе Хукера — небрежно спокойный вид и выправку ветерана, приобретенную за четыре года действительной службы! Перед ним был герой, чье имя уже настолько прославилось, что совпадение его с именем скромного штатского человека, которого он знал, показалось ему нелепостью. А между тем это был он, величественный и блистательный, окруженный военной пышностью, а его, Джима Хукера, провели к нему среди окриков часовых, военных приветствий и ружей «на караул!».

К счастью, Брант, услышав его первое радостное восклицание, горячо пожал ему руку, а затем, дружески взяв за плечи, усадил в кресло. К счастью — потому, что за это время Джим Хукер с присущей ему мрачностью успел почувствовать муки зависти, тем более острой, что, несмотря на свои успехи в роли мирного поставщика, он втайне всегда мечтал о военных почестях и отличиях. Он устремил взгляд на человека, который достиг всего этого, как он твердо верил, совершенно случайно, по счастливому стечению обстоятельств, — и глаза у него потемнели. Затем в Хукере заговорило его обычное тщеславие; он постарался преодолеть впечатление превосходства Кларенса и принял важный вид. Развалившись в кресле, куда его с таким радушием усадили, он снял перчатку и попытался засунуть ее за пояс, заметив, что так сделал Брант, но помешали пистолеты, и перчатка упала на пол. Он нагнулся, чтобы поднять ее, но тут сабля запуталась у него между ногами, и Хукер опять откинулся в кресле и прищурил глаза, не обращая внимания на улыбающееся лицо своего старого товарища.

— Я думаю, — начал он медленно, несколько покровительственным тоном, — что рано или поздно мы бы все равно встретились — либо в Вашингтоне, либо в штабе Гранта, потому что «Хукер, Мичем и компания» бывают всюду и известны не хуже генерал-майоров, не говоря уже, — он покосился на погоны Бранта, — о бригадных генералах. Очень странно, как ты еще не слышал обо мне; правда, ты ведь еще новичок в армии.

— Но я страшно рад, Джим, — с улыбкой сказал Брант. — что слышу о тебе сейчас, да еще из твоих

собственных уст, и в восторге, что они говорят на эту тему так же откровенно, как в старину,— добавил он лукаво.— Поздравляю тебя, приятель, с успехами. Когда ты бросил театр?

Мистер Хукер слегка поморщился.

— Знаешь ли, в сущности, я никогда и не был актером.— Он помахал рукой с подчеркнутой небрежностью.— Выступал на сцене только для того, чтобы доставить удовольствие жене. Миссис Хукер не стала бы играть с вульгарными профессионалами, понимаешь? По правде-то говоря, я почти всегда был антрепренером и директором театра. Как только началась война, я махнул на Восток предложить дяде Сэму свою шпагу и опыт войны с индейцами. В Сент-Луисе мне предложили крупный контракт на поставку свинины, вот с тех пор и верчусь. Много раз предлагали чин офицера в действующей армии, да я отказывался.

— Почему же? — невинно спросил Брант.

— Слишком много вокруг вестпойнтовских индюков,— значительно заметил Хукер,— и слишком много развелось шпионов!

— Шпионов? — рассеянно отозвался Брант, мгновенно вспомнив о мисс Фолкнер.

— Да, шпионов,— упрямо и загадочно продолжал Хукер.— Одна половина Вашингтона следит за другой. А женщины, начиная с жены президента, по большей части союзницы конфедератов!

Брант пылливо поглядел на гостя, но тут же сообразил, что это обычная болтовня Джима Хукера, которой нельзя придавать значения. Он опять улыбнулся и спросил уже мягче:

— А как поживает миссис Хукер?

Мистер Хукер устремил глаза в потолок, встал и сделал вид, что смотрит в окно; потом опять сел у стола, словно перед воображаемой публикой, и, играя перчаткой, как делают на сцене, когда изображают беспечность и хладнокровие, изрек:

— Таковой больше не имеется!

— Боже мой! — воскликнул Брант с искренним волнением.— Прошу прощения. Право же, я...

— Мы развелись,— продолжал Хукер, переменив позу и тяжело опираясь на саблю; глаза его были по-прежнему устремлены на воображаемую публику.— Наблюдалось, понимаешь ли, несходство характеров, и...— он слегка подбросил перчатку,—...мы расстались! Ха-ха!

Он засмеялся негромким, горьким, презрительным смехом, однако Брант почувствовал, что до сих пор Хукер относился к этому с полным равнодушием.

— А мне казалось, что у вас такие хорошие отношения! — нерешительно пробормотал Кларенс.

— Казалось! — с горечью повторил Хукер, насмешливо озирая некий воображаемый второй ряд кресел в партере.— Да, казалось! Были у нас и другие разногласия, социальные и политические. Ты должен меня понять, ведь и ты тоже страдал.— И он порывисто пожал Бранту руку.— Но мы,— продолжал он высокомерно, снова играя перчаткой,— мы ведь светские люди, мы этим пренебрегаем, и basta.

Напряженность торжественной позы, вероятно, показалась ему утомительной; он уселся поудобнее.

— Однако,— сказал Брант с любопытством,— я всегда думал, что миссис Хукер целиком за Союз и за северян?

— Показное! — возразил Хукер своим обычным тоном.

— А помнишь случай с флагом? — настаивал Брант.

— Миссис Хукер всегда была актрисой,— многозначительно заметил Хукер.— А теперь,— добавил он бодро,— миссис Хукер — жена сенатора Бумпойнтера, одного из самых богатых и влиятельных республиканцев в Вашингтоне. Все должности на Западе у него, можно сказать, в жилетном кармане.

— Но если она не республиканка, как же она...— начал было Брант.

— С особой целью,— загадочно отозвался Хукер.— Она,— добавил он еще веселее,— принадлежит к сливкам вашингтонского общества. Бывает на балах у всех иностранных послов, в Белом доме с ней очень считаются. Ее портреты бывают во всех шикарных иллюстрированных газетах.

Странный, но несомненный факт: разведенный муж гордился тем, что его бывшая жена, к которой он равнодушен, пользуется влиянием. Эта гордость могла бы задеть Бранта или по крайней мере рассмешить его, если бы он не был глубоко уязвлен намеком Хукера в отношении его собственной жены и унижительного сходства в положении их обоих. Впрочем, он готов был объяснить похвальбу Хукера его непобедимым мальчишеским чудачеством, а намек — самомнением. А может быть, Кларенс сознавал, что, хотя они уже давным-давно расстались и все забыто, он не заслуживает особенной чуткости со стороны мужа Сюзи. Так или иначе, он боялся, что Хукер опять заговорит о его жене, и страх его оправдался.

— Она знает, что ты здесь?

— Кто? — отрывисто спросил Брант.

— Твоя жена. Ведь она еще тебе жена?

— Да, но я не осведомлен о том, что она знает, а что — нет, — спокойно ответил Брант. Он уже успел овладеть собой.

— Сюзи... то есть миссис Бумпойнтер, — сказал Хукер с явным уважением к новому званию своей бывшей жены, — предполагает, что она послана за границу с секретным поручением от южной конфедерации к неким коронованным особам. Она, знаешь ли, здорово умела обрабатывать людей. Прежде чем выйти замуж за Бумпойнтера, Сюзи изо всех сил старалась выяснить, где твоя жена, но так и не смогла. Вот уже год, как она совсем исчезла из виду. Одни говорят о ней одно, другие — другое. Но можешь держать пари на свой последний доллар: теперь, когда супруга сенатора Бумпойнтера знает все тайные пружины в Вашингтоне, она-то уж все выведает.

— А миссис Бумпойнтер действительно переменяла убеждения и сочувствует южанам, — спросил Брант, — или это просто каприз или мода?

Говоря это, он встал, с рассеянным видом подошел к двери веранды и прислушался. Затем открыл ее и вышел.

Хукер в недоумении пошел за ним. Два офицера уже вышли из своих комнат и стояли на веранде; третий замешкался на дорожке сада. Вдруг один из офицеров

вернулся в дом, снова появился, но уже в фуражке и со шпагой в руке, и побежал по направлению к караульному помещению. Откуда-то из-за ограды сада донесся слабый треск.

— Что там такое? — воскликнул Хукер, вытаращив глаза.

— Пикет открыл огонь!

Треск перешел в громкий стрекот выстрелов. Брант вернулся в комнату и надел фуражку.

— Извини меня, я сейчас...

Раздался мягкий, приглушенный звук, точно лопнул пузырь, и дом, казалось, подскочил на месте, как резиновый мяч.

— А это что? — еле выговорил Хукер.

— Пушечный выстрел, но далеко!

ГЛАВА V

Через минуту в лагере заиграли сигнал тревоги, слышались стук копыт офицерских коней и мерный шаг строящихся солдат. Дом почти опустел. Хотя пушечный выстрел и свидетельствовал о том, что тут не простая перестрелка караульных, Брант все еще не верил, что противник предпринял серьезную атаку. Как и в прошлом бою, его участок не имел для южан стратегического значения. Без сомнения, это только ложный маневр, предпринятый с целью скрыть наступление на центр армии северян, расположенный в двух милях от бригады Бранта. Зная, что расстояние до штаба дивизии позволяет рассчитывать на поддержку, Брант растянул линию своей бригады вдоль гряды холмов, готовый отступить в этом направлении, сдерживая в то же время натиск противника и прикрывая позицию своего командира. Он отдал необходимые приказания на случай, если придется оставить дом, и затем вернулся к себе. На соседнее поле уже падали пули и осколки снарядов. Тоненькая полоска сизого дыма стелилась над линией огня. Над лугом, окаймленным ивами, повисло коническое белое облачко, точно лопнувшая коробочка хлопчатника,— видно было, что там расположилась

батарей. Но буколическая тишина в доме не нарушалась. Солнце мягко светило на просторные веранды; воздух был напоен ароматом осыпающихся лепестков роз.

Брант входил с веранды в кабинет, когда дверь из коридора внезапно распахнулась, стремительно вошла мисс Фолкнер, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней, дрожа и задыхаясь.

Кларенс вздрогнул и смутился. В тревоге он совершенно забыл о ней, а ведь ей могла угрожать опасность. Услышав стрельбу, она, должно быть, по-женски испугалась и пришла к нему искать защиты. Он подошел к ней с улыбкой, чтобы успокоить, но вдруг понял по ее бледности и волнению, что тут дело не в физическом страхе. Отчаянным жестом она предложила ему закрыть дверь на веранду и прошептала побелевшими губами:

— Мне нужно поговорить с вами наедине!

— Пожалуйста. Но для вас и здесь нет непосредственной опасности, а скоро я смогу перевести вас в совершенно безопасное место.

— Опасность — для меня! Боже, если бы дело было только в этом!

Он поглядел на нее в тревоге.

— Послушайте, — заговорила она, прерывисто дыша, — выслушайте меня! А потом можете ненавидеть, презирать меня... убить, если захотите. Вы преданы и погибли... отрезаны и окружены! Я содействовала этому, но клянусь, что удар нанесен не моей рукой. Я хотела спасти вас. Один бог знает, как это случилось. Это рок!

В одно мгновение Брант угадал всю правду. К нему вернулись хладнокровие и самообладание, которые никогда еще не покидали его в критических обстоятельствах. Канонада усиливалась, неуклонно приближаясь, и перед его мысленным взором с быстротой молнии, словно на карте, развернулась вся его позиция, которой сейчас угрожал неприятель. Брант сообразил, сколько еще времени его солдаты смогут удерживать линию холмов и сколько драгоценных мгновений он может уделить этой несчастной женщине. Он ласково усадил ее в кресло и спокойно сказал:

— Этого мало. Говорите медленно и ясно. Я должен знать все. Как и каким способом вы меня предали?

Она устремила на него умоляющий взгляд; его мягкость успокоила и в то же время ранила ее.

— Вы мне не поверите, вы не можете мне поверить. Я сама ничего не знаю. Я получала и передавала письма, не зная их содержания, — от конфедератов к шпионке, которая приходила сюда, и наоборот; сейчас она уже далеко. Я это делала, потому что думала, что вы меня ненавидите и презираете... потому что считала долгом помогать своим друзьям... потому что вы сказали, что между нами «война». Но я никогда не шпионила за вами, клянусь!

— Откуда же вы знаете об этой атаке? — спокойно спросил он.

Взгляд ее просветлел, и она ответила с робостью и надеждой:

— В доме есть окно, откуда виден весь склон и линия конфедератов. В окне был выставлен условный знак, но не мной! Но я знала, что, пока он там, это означает, что замысел против вас еще не созрел, что атаки не будет, пока он в окне. Вот и все, что мне известно. Шпионке пришлось сказать мне об этом, потому что мы по очереди дежурили в той комнате. Я хотела оттянуть эту страшную атаку до... до... — Тут голос ее задрожал, но она почувствовала, что спокойные глаза Бранта видят ее насквозь, и торопливо добавила: — ...до своего отъезда, и ради этого я задержала несколько писем, которые мне вручили. Но сегодня утром я издали посмотрела на окно и увидела, что условного знака нет. Кто-то его убрал. Я кинулась обратно, но, как вы сами видите, опоздала!

Брант разом все понял. Значит, он собственной рукой ускорил атаку. Но в его уме внезапно мелькнула другая, более важная мысль. Если он вызвал атаку раньше, чем противник успел закончить приготовления, есть надежда, что этот натиск обречен на поражение. Ничем не выдавая себя, Брант спокойно и пристально поглядел мисс Фолкнер в глаза, хотя сердце у него замерло, когда он сказал:

— Значит, шпионка заподозрила вас и переменяла условный знак?

— Нет, нет,— живо отозвалась она.— Шпионка была со мной и тоже испугалась. Мы обе побежали обратно — помните? — и тут ее задержал патруль!

Она спохватилась, но было уже поздно. Щеки у нее вспыхнули, она опустила голову, устыдившись того, что в невольном порыве выдала шпионку.

Брант, казалось, не замечал этого. Он ломал себе голову, соображая, какие же сведения могла собрать здесь эта глупая мулатка. Расположение его войск не было тайной для противника — в бригаде шпионке нечем было поживиться. Очевидно, она, как и эта дрожащая, взволнованная девушка, только орудие в руках других.

— Эта женщина жила здесь? — спросил он.

— Нет, она жила у Мэнли, но у нее были друзья в штабе вашего генерала, которых она навещала.

Брант чуть не вздрогнул, но сдержался. Теперь все ясно. Шпионские сведения добывались в штабе дивизии и передавались через его лагерь, как ближайший к линии конфедератов. Но какого рода сведения? И какой шаг врага он сам ускорил? Было ясно, что мисс Фолкнер этого не знает.

Он бросил на нее испытующий взгляд.

Вдруг весь дом вздрогнул от взрыва, в окно потянуло дымом — в саду разорвался снаряд.

Она смотрела на Кларенса с тоской и отчаянием, но не побледнела и даже не вздрогнула.

Новая мысль овладела им. Он подошел к ней и взял ее холодную руку. На ее бледных губах мелькнуло подобие улыбки.

— У вас есть мужество, есть самоотверженность,— сказал он.— Я верю, что вы жалеете о том, что сделали. Если бы вы могли исправить то, что совершили, хотя бы с опасностью для жизни, вы бы решились?

— Да,— сказала она, тяжело дыша.

— Конфедераты вас знают. Если я попал в окружение, сумеете ли вы пройти через их цепи, не подвергаясь допросу?

— Да! — ответила она с жаром.

— Я дам вам записку, с которой вас потом пропустят в наш штаб. Вы отнесете генералу письмо, которое

никто, кроме него, не должен видеть. В письме не будет ничего, касающегося лично вас или ваших друзей. Ничего, кроме предостережения.

— И вы будете спасены? Они придут к вам на помощь? Вас не возьмут в плен? — воскликнула она.

Он мягко улыбнулся:

— Возможно. Кто знает!

Присев к столу, он быстро написал несколько слов.

— Вот пропуск, — сказал он, протягивая ей листок бумаги. — Вы предъявите его за линией южан. Эта записка, — продолжал он, вручая ей запечатанный конверт, — предназначена для генерала. Никто не должен увидеть ее или узнать о ней, даже ваш возлюбленный, если вы его встретите!

— Мой возлюбленный! — вскричала она возмущенно, и в глазах ее загорелся прежний злой огонек. — Что это значит? У меня нет никакого возлюбленного!

Брант взглянул на ее раскрасневшееся лицо.

— Я думал, — сказал он спокойно, — что в том лагере есть человек, который вам дорог... что вы ему писали. Это могло бы послужить оправданием...

Он остановился, видя, что она опять побледнела и бессильно опустила руки.

— Боже милостивый! Так вам и это приходило в голову... Вы решили, что я могу пожертвовать вами ради другого!

— Простите, — поспешно сказал Брант, — я был неправ. Преданы ли вы человеку или делу, но вы проявили чисто женскую самоотверженность. А теперь, когда вы хотите искупить свою вину, в вас говорит не женская храбрость.

К его удивлению, она вновь покраснела, а в синих глазах ее даже промелькнуло лукавство.

— Да, это могло бы послужить оправданием, — пробормотала она, — да, конечно, спасти человека!..

И поспешно добавила:

— Я иду. Немедленно. Я готова!

— Подождите минуту, — сказал он серьезно. — Этот пропуск и сопровождающий вас солдат должны обеспечить вам безопасность, но война есть война. Вы все-таки шпионка! Готовы ли вы к опасности?

— Да, — ответила она с гордостью, отбрасывая назад непокорную прядь волос. Но сейчас же спросила, понизив голос: — А вы готовы простить меня?

— Всегда и за все что угодно, — сказал он, тронутый ее словами. — И да поможет вам бог!

Он слегка пожал ее холодные пальцы. Но она быстро высвободила руку и, покраснев, отвернулась.

Он подошел к двери. Два адъютанта с донесениями, которых по его приказу не впускали в комнату, нетерпеливо ожидали его. Конь старшего офицера рыл копытом землю в саду. Офицеры внимательно посмотрели на девушку.

— Прикажите проводить мисс Фолкнер с белым флагом до линии противника. Она южанка и гражданское лицо. Они ее примут.

Не успел он обменяться несколькими словами с адъютантами, как вернулся старший офицер. Отведя Бранта в сторону, он быстро сказал:

— Простите, генерал, но солдаты уверены, что эта атака — результат шпионских сведений, полученных неприятелем. Вы должны знать, что подозревают женщину, которой вы только что дали пропуск. Солдаты возмущены.

— Тем больше оснований, майор, удалить ее от возможных последствий их опрометчивости, — ответил Брант ледяным тоном. — И я предлагаю вам лично обеспечить ее безопасность. Нет никаких оснований полагать, что противник получил о нас какие-либо сведения. Я думаю, что гораздо важнее следить за выполнением моих приказов о невольниках и гражданских лицах, переходящих наши линии из штаба дивизии, где действительно можно раздобыть ценные сведения, чем вести наблюдения за своенравной и откровенной девушкой.

Майор вспыхнул от гнева, отдал честь и удалился, а Брант вернулся к адъютанту. Положение было серьезное. Неприятельская колонна продвигалась к линии холмов, удерживать ее дальше было невозможно, бригада оказалась отрезанной от штаба дивизии, хотя противник еще не начал общего наступления.

Тайные опасения Бранта, что неприятель намеревается нанести удар по центру, подтверждались. Успет ли

его письмо к командиру дивизии пройти вовремя сквозь атакующую колонну?

Одно обстоятельство поражало его. Обойдя бригаду с фланга, противник, несмотря на подавляющий перевес, не сделал попытки завершить охватывающее движение и разгромить бригаду. Брант вполне мог отступить, не подвергаясь преследованию, когда нельзя будет дольше удерживаться на линии холмов. Другой его фланг и тыл находились в безопасности, хотя неприятель мог бы направить сюда часть огромной колонны, упорно продвигавшейся к холмам. Это одно свидетельствовало о просчете и незрелости неприятельского плана. Быть может, причина заключалась в том, что Брант сам ускорил их атаку, переставив условный знак. Без сомнения, противник первоначально предполагал атаковать его бригаду с фланга и тыла, но при внезапном и поспешном наступлении этот план не был осуществлен. Брант и теперь мог спасти бригаду — и его офицеры это знали, — но у него сложилось твердое убеждение, что он сможет помочь командиру дивизии, упорно, но спокойно обороняя свою позицию и выжидая благоприятного случая. Это подсказывали ему инстинкт и темперамент.

Беспокоя неприятеля на фланге и в тылу, отставная каждый дюйм земли, под огнем артиллерии, высланной с целью выбить его с занимаемого рубежа, и отражая набег кавалерии на свои поредевшие ряды, он видел, как его бригада, не сдаваясь, тает в неприятельском потоке.

ГЛАВА VI

Роковая гряда холмов, которая смутно виднелась сквозь тонкие сплетающиеся полосы порохового дыма, напоминала полустертый рисунок на грифельной доске. Когда же дым рассеялся, взору открывалось хаотическое скопление повозок и лошадей — картина, в которой мог разобраться только зоркий глаз Кларенса Бранта. Его организующая энергия чувствовалась повсюду. Нужно ли было быстрее сомкнуться, чтобы отразить усиленный натиск противника, или упорно стоять в бездействии под огнем — во всем ощущалась его воля. Краткое,

но исчерпывающее распоряжение, переданное через адъютанта, или внезапное появление над линией штыков его смуглого внимательного и спокойного лица неизменно производили магическое действие. Как и все прирожденные полководцы, он был точно заколдован, неуязвимый среди опасностей, и заражал своих солдат неверием в смерть; сраженные пулями солдаты со всех сторон падали вокруг него, но лица, покрытые смертной бледностью, выражали непоколебимое спокойствие, а в последнем вздохе звучала вера в победу. Отбившиеся от строя возвращались в ряды под его мимолетным взглядом, безнадежная сумятица вокруг какого-нибудь зарядного ящика, опрокинувшегося на повороте дороги, прекращалась, и ящик спокойно убирали с дороги в присутствии выжидающего молчаливого смуглого всадника.

Однако под маской невозмутимости он остро сознавал все, что происходило; в этой видимой сосредоточенности таилось напряжение всех его чувств: он подмечал первые признаки сомнения или тревоги на лице младшего офицера, которому отдавал приказ, первые признаки апатии в перестраивающейся шеренге, еще более тревожную заминку при передвижениях, когда люди спотыкались о трупы своих товарищей, зловещее молчание стрелкового бруствера, страшную неподвижность цепочки, застывшей навеки в позе стрельбы с колена; сокращение числа стрелковых точек, внезапные бреши тут и там, угрожающее искривление еще недавно прямой линии строя — он понимал роковое значение всего этого. Но даже в такой момент он остановился возле баррикады, наскоро сооруженной из перевернутых интендантских повозок, чтобы посмотреть на старого знакомого, которого видел всего час назад и который, по-видимому, командовал группой вернувшихся в строй солдат и маркитантов. Взорвавшись на колесо с револьвером в каждой руке и с охотничьим ножом в зубах, с театральной аффектацией даже в этом порыве подлинной храбрости, перед ним красовался Джим Хукер. И Кларенс Брант, сознавая свою ответственность за ход сражения, все же ясно припомнил в эти отчаянные минуты, как Хукер изображал Кровавого Дика в мелодраме «Розали — Цветок Прерий» на сцене театра в Калифорнии пять лет тому назад.

Оставался еще час до наступления темноты, которая, вероятно, прервет сражение. Устоит ли бригада на своей активной позиции? Беглое совещание с офицерами показало, что слабость позиции уже смутила их. Офицеры напоминали, что линия отхода пока еще свободна, но в течение ночи противник, хотя и продвигаясь к центру дивизии, может повернуть и обойти бригаду; что неприятельские резервы, почему-то запоздавшие, могут вступить в дело еще до наступления утра. Брант между тем не сводил бинокля с главной колонны, наступавшей вдоль гряды холмов. Вдруг он увидел, что поток остановился, потом начал разворачиваться по обе стороны гребня, под прямым углом к своему прежнему направлению. Что-то их задержало! А вскоре в громе пушек и в облаке дыма на горизонте обнаружилась новая линия боя: в дело вступили главные силы дивизии. Вот ситуация, о которой он так мечтал: есть возможность броситься на противника с тыла и пробиться на соединение со своими,— но уже поздно! Он поглядел на свои поредевшие ряды — едва ли наберется один полк. С такими силами атака, даже психическая, обречена на неудачу. Ему не оставалось ничего другого, как стоять на месте — на таком расстоянии, чтобы можно было рассчитывать на поддержку и ожидать исхода главного сражения. Он уже собирался спрятать бинокль, когда его внимание привлекли глухие пушечные выстрелы с запада. При свете заходящего солнца он увидел длинную серую линию — она тянулась из долины, из глубокого тыла, чтобы присоединиться к главной колонне. Вот они, резервы противника! Сердце у него подпрыгнуло: теперь тайна раскрылась. Ясно было, в чем единственный недостаток неприятельского плана. Очевидно, резервы, подходившие с таким опозданием с запада, приняли только второй сигнал из окна, когда мисс Фолкнер поставила вазу на старое место, и не подошли вовремя к его позиции. Значение этой ошибки трудно было переоценить. Если девушка, которая таким образом спасла его, своевременно добралась с его письмом до командира дивизии, тот предупрежден и сможет даже извлечь выгоду из этого положения. Теперь и позиция его бригады не так уж неустойчива: противник, втянувшийся в бой на главном направлении, не сможет вос-

становить первоначальное положение и исправить свой промах. Основная часть главной неприятельской колонны уже миновала бригаду. Правда, оставалась опасность, что в случае поражения колонна откатится прямо на него, но Брант рассчитывал, что командир дивизии постарается предотвратить соединение резервов с главными силами, вклинившись между ними, а затем оттеснит их от холмов и соединится с бригадой. Когда последние солдаты вражеского арьергарда пошли мимо, трубы Бранта сыграли отбой прикрытие. Кларенс удвоил сторожевое охранение и решил выжидать и наблюдать.

Настало время заняться печальной обязанностью — позаботиться о раненых и убитых. В самых просторных помещениях штаба уже был размещен госпиталь. Переходя от койки к койке, узнавая в искаженных мукой или застывших в беспамятстве лицах тех, кого он видел в этот день полными воодушевления и бодрости, Кларенс вновь пережил свои былые сомнения. Неужели нет другого пути? Отвечает ли за все это он сам, который ходит среди них целый и невредимый? А если не он, то кто же? С горечью вспоминал он первый период заговора южан — зарождение борьбы, которая принесла такие ужасные плоды. Он думал о своей вероломной жене, пока не почувствовал, как кровь приливает к его лицу, пока ему не захотелось отвернуться от своих товарищей, лежавших на койках: он боялся, что они, с ясновидением умирающих, прочтут на его лице эти тайные мысли.

Было уже за полночь, когда он, не раздеваясь, прилег на кровать в своей келье, чтобы вздремнуть. Странно подействовал на него вид мирных, чистых стен и занавесок — казалось, он запятнал эту непорочную тишину кровавым отблеском войны. Внезапно, среди глубокого сна, он проснулся от неясного чувства тревоги. Сначала он подумал, что неприятель наступает и надо отражать атаку. Он сел и прислушался: ни звука, кроме размеренных шагов часового по гравию дорожки. Но дверь была открыта. Он вскочил на ноги, прокрался в коридор и едва успел заметить высокую женскую фигуру, скользнувшую мимо освещенного лунной окном, в противоположном конце коридора. Лица он не различил,

но негритянский тюрбан на голове нельзя было не заметить.

Брант не стал преследовать ее или звать караульных. Если это была шпионка или одна из ее помощниц, она теперь бессильна причинить какой-либо вред и не сможет выйти из лагеря и даже из дома после его недавних приказов под бдительным оком охраны. Она, наверно, знала это не хуже его. Поэтому скорее всего в комнату случайно заглянула какая-то другая служанка.

Он вернулся в свою комнату и несколько минут стоял у окна, глядя на склон, озаренный луной. Далекая канонада давно уже смолкла.

Бодрящий утренний воздух освежил Бранта; казалось, только он, воздух, успел сбросить со своих росистых крыльев ужасный груз вчерашнего дня, тяготевший над всей природой. Брант отошел от окна и зажег свечу на столе. Застегивая портупею, он заметил, что в ногах постели, с которой он только что встал, лежит лист бумаги. Поднеся его к свече, он прочел слова, написанные грубыми каракулями:

«Вы спите, когда вам надо быть в походе. Не теряйте времени. До восхода солнца на вас нападет резерв той самой колонны, которой вы безрассудно сопротивлялись. Пишет некто, желающий спасти вас, но ненавидящий ваше дело».

На его губах показалась презрительная усмешка. Подчерк был незнакомый, явно подделанный. Содержание записки его не встревожило, но внезапно мелькнуло подозрение: она от мисс Фолкнер! Ей не удалось пробраться сквозь неприятельскую линию... Быть может, она и не пыталась пробраться. Она обманула его или разочаровалась в своем благородном порыве, а теперь хочет смягчить свою новую измену новым предупреждением. А он еще дал ускользнуть ее мулатке!

Он быстро спустился по лестнице. Навстречу донесся звук приближающихся голосов. Брант остановился, узнав бригадного врача и одного из своих адъютантов.

— Мы не решались беспокоить вас, генерал, но, кажется, дело довольно важное. Часовые, выполняя ваш приказ, только что задержали негритянку, которая хотела пробраться через кордон. Она пыталась удрать, но ее догнали возле ограды, произошла схватка, она упала и расшибла голову. Бесчувственную, ее перенесли в караульное помещение.

— Хорошо. Я пойду взгляну на нее, — сказал Брант с чувством облегчения.

— Одну минуту, генерал. Может быть, вы предпочтете увидеться с ней наедине, — сказал врач. — Стараясь привести ее в чувство, я провел губкой по ее голове и лицу, чтобы найти повреждения, и с лица сошла краска. Это белая женщина, загримированная и одетая мулаткой.

У Бранта упало сердце. Значит, это мисс Фолкнер!

— Вы ее узнали? — спросил он, переводя взгляд с одного на другого. — Вы видели ее здесь раньше?

— Нет, сэр, — отвечал адъютант. — Но, по-видимому, это женщина высокого круга... настоящая дама.

Брант вздохнул свободнее.

— Где она сейчас?

— В караульном помещении. Мы решили лучше не помещать ее в госпитале среди солдат, пока не получим от вас приказаний.

— И хорошо сделали, — ответил Брант. — Пока никому ни слова, да пусть ее перенесут сюда — осторожно и чтобы по возможности никто не видел. Положите ее в моей комнате наверху и оставьте кого-нибудь при ней. Но прошу вас, доктор, сделайте все необходимое и дайте мне знать, когда она придет в себя.

Брант ушел. Он не придавал особого значения таинственной записке, которая, очевидно, исходила от мисс Фолкнер или от самой незнакомки, так как считал, что автор записки знал только первоначальный план атаки. Однако он сразу же выслал небольшую разведывательную группу в том направлении, откуда можно было ожидать удара, приказав немедленно вернуться и доложить. Вспомнив Хукера, он с внутренней улыбкой включил и его в разведывательный отряд в качестве добровольца. После этого Брант вернулся в дом. Врач встретил его у двери.

— Последствия ушиба проходят, — сказал он, — сейчас у нее, по-видимому, упадок сил после большого нервного возбуждения. Можете войти, она скоро придет в себя.

Брант вошел в комнату осторожными и неслышными шагами, какими обычно подходят к постели больного. Но какой-то инстинкт, более сильный, чем это обычное проявление гуманности, внезапно сковал его страхом. Комната показалась ему чужой, она снова приобрела суровый вид монастырской кельи, который так поразил его с самого начала. Он остановился в нерешительности. На него нашло другое странное наваждение — или смутное воспоминание? — словно аромат, знакомый, волнуемый, но слабый и готовый исчезнуть. Чуть ли не с робостью он взглянул на кровать. Одеяло закрывало лежащую фигуру почти до самой шеи, а полосатое ситцевое платье, окровавленное, запыленное и второпях сорванное, валялось рядом на стуле. На бледном лице не оставалось следов крови и грима, длинные волосы, еще влажные от губки врача, резко выделялись на подушке. И вдруг этот железный человек издал слабый крик, побледнел, как та, что лежала перед ним, и упал на колени возле кровати. Он узнал лицо своей жены!

Да, жены! Но прекрасные волосы, которыми она так гордилась, волосы, которые однажды, в дни его юности, упали, словно благословение, на его плечо, — они теперь серебрились у запавших, с синими прожилками висков. Под закрытыми ясными глазами с изящным изгибом бровей виднелись круги — след перенесенных страданий; только чистый профиль да тонко очерченный властный рот и нос сохранили былую красоту. Одеяло соскользнуло, и Бранта поразил вид знакомого мраморного плеча. Он вспомнил, как в первые дни супружества она предстала перед ним в священном облике Дианы — эта странная женщина, целомудренная, как нимфа, не созданная для радостей материнства. Ему почудилось даже, что он вновь вдыхает тонкий, особенный аромат ее кружев, вышивок и изящного белья там, в ее спальне в Роблесе.

Под его пристальным взглядом — может быть, под гипнозом его присутствия — губы ее раскрылись, испу-

стив не то вздох, не то стон. И хотя глаза все еще были закрыты, голова инстинктивно повернулась на подушке в его сторону. Брант встал с колен. Глаза ее медленно открылись. Когда в них угасло изумление первых секунд, они устремились на него — с прежней враждебностью.

Первое ее движение было чисто женское — она хотела обеими руками поправить разметавшиеся волосы. Но, взглянув на свои белые пальцы, с которых была смыта краска, она сразу поняла, что произошло, и быстро спрятала руки под одеяло. Брант стоял молча, скрестив руки, и смотрел на нее. Первым нарушил молчание ее голос.

— Ты меня узнал? Теперь, я думаю, ты все знаешь, — сказала она с легким вызовом в голосе.

Он наклонил голову. Он чувствовал, что голос может ему изменить, и завидовал ее самообладанию.

— Я ведь могу и приподняться, правда?

Усилием воли она заставила себя приподняться и сесть на кровати. Одеяло сползло с ее обнаженных плеч, и она натянула его с дрожью отвращения.

— Да, я забыла, что вы, солдаты-северяне, раздеваете женщин! Впрочем, я еще кое-что забыла, — добавила она с насмешкой, — ведь вы мой муж, и я нахожусь в вашей комнате.

Презрение, скрытое в ее словах, рассеяло последние иллюзии Бранта. Он ответил ей так же сухо:

— К сожалению, теперь вам придется помнить только одно: я генерал Северной армии, а вы шпионка южан.

— Пусть так, — серьезно сказала она и тут же добавила с живостью: — но за вами я не шпионила.

Но тотчас же она закусил губы, словно эта фраза вырвалась у нее некстати, и, беспечно пожав плечами, опустила на подушку.

— Это неважно, — холодно заметил Брант. — Вы использовали этот дом и его обитателей в своих целях. И не ваша вина, что в шкатулке, которую вы открыли, ничего не нашлось.

Она бросила на него быстрый взгляд, потом снова пожала плечами.

— Я могла бы догадаться, что она меня обманывает,— сказала она с горечью,— что вы обойдете ее, как и многих других. Так она меня выдала? Но чего ради?

Брант вспыхнул. Но усилием воли он сдержался.

— Вас выдал цветок! Красная пыльца попала в шкапулку, когда вы отперли ее на конторке у окна в той комнате,— пыльца цветка, который стоял в окне как условный знак. Я сам переставил цветок и этим сорвал презренный план ваших друзей.

На ее лице отразились потрясение и ужас.

— Так это вы переставили цветок! — повторила она, едва сознавая, что говорит. И добавила, понизив голос: — Тогда все понятно!

Но тут же снова в бешеной злобе обратилась к нему:

— И вы хотите сказать, что она вам не помогала, не продала меня, вашу жену, вам же!.. За сколько? За взгляд? За поцелуй?

— Я хочу сказать, что она не знала, что цветок переставили, и потом сама вернула его на прежнее место. Не ее и не ваша вина, если я не в плену.

Она ошеломленно провела тонкой рукой по лбу.

— Понимаю,— пробормотала она. Потом, в новом приступе возбуждения, воскликнула:

— Глупец! Никто бы тебя не тронул. Неужели ты думаешь, что Ли¹ стал бы заниматься тобой, когда у него была такая добыча, как командир дивизии? Нет! Выдвижение резервов было уловкой, чтобы выманить дивизию к тебе на помощь, в то время как наша главная колонна прорвет центр. Что вы на меня уставились, Кларенс Брант? Вы хороший юрист и, говорят, лихой вояка. Я никогда не считала вас трусом, даже в минуты вашей нерешительности. Но вы сражаетесь с людьми, которые изучали искусство войны и стратегию еще тогда, когда вы были мальчишкой, затерявшимся в прерии.

Она остановилась, закрыла глаза и потом усталым голосом добавила:

— Так было вчера, а сегодня — кто знает? Все ведь могло измениться. Наш резерв все-таки может вас атаковать. Вот почему я час назад задержалась, чтобы напи-

¹ Командующий армией южан.

сать вам записку, — я думала, что уйду отсюда навсегда. Да, это сделала я, — продолжала она утомленно, но все же настойчиво. — Знайте же, все было готово для моего побега. Друзья ждали меня за вашей линией. Они отвлекли бы на себя внимание вашего пикета. Но я замешкалась, когда увидела, что вы вернулись в дом, задержалась, чтобы написать вам эту записку. И вот опоздала!

Брант был настолько поглощен меняющимся выражением ее лица, загоревшимися глазами, ее познаниями, достойными настоящего воина, ее знанием военной терминологии — всем новым, что в ней обнаружилось, что почти не заметил последних чисто женских слов.

Теперь ему казалось, что на него смотрит с подушки уже не Диана его юношеских грез, а сама Афина Паллада.

Только теперь, когда в ней не осталось почти ничего женского, он полностью поверил тому, в чем раньше сомневался: ее беззаветной преданности делу конфедератов. И в самых пылких мечтаниях он никогда не уподоблял ее Жанне д'Арк, а между тем такое вдохновенное и страстное лицо можно было встретить только на поле боя. Он с трудом вернулся к действительности.

— Спасибо, что вы хотели меня предостеречь, — сказал он несколько мягче, но без нежности, — и, видит бог, я жалею, что вам не удалось бежать. Но ваше предупреждение излишне: резервы южан уже подошли, они двинулись по второму сигналу из окна и отклонились, чтобы напасть на левый фланг нашей дивизии, а меня оставили в покое. А их военная хитрость — заставить моего командира пойти мне на помощь — тоже не удалась бы: я ее разгадал и сам послал генералу сообщение, что в помощи не нуждаюсь.

Это была правда, в этом и заключалась единственная цель записки, отправленной с мисс Фолкнер. Он не стал бы говорить жене о своем самопожертвовании, если бы не странное, все еще тяготевшее над ним влияние этой женщины; он чувствовал потребность утвердить свое превосходство перед ней. Она пристально посмотрела на него.

— И ваше сообщение взялась передать мисс Фолкнер? — медленно сказала она. — Не отрицайте! Никто, кроме нее, не мог бы пройти через наш кордон, а для прохода через ваш вы дали ей пропуск. Я должна была бы догадаться! Так вот кого они послали мне в союзницы!

Бранта на мгновение задело это противопоставление двух женщин, но он ограничился тем, что заметил:

— Не забывайте, я не знал, что шпионка — вы, а мисс Фолкнер, я думаю, не подозревала, что вы моя жена.

— Откуда ей знать? — ответила она со злостью. — Меня знают только под девичьей фамилией Бенем. Да! Вы можете вывести меня отсюда и расстрелять под этим именем, не боясь скомпрометировать себя. Никто не узнает, что шпионка конфедератов приходится женой генералу северян! Как видите, я и это предусмотрела!

— Вы все предусмотрели, — медленно сказал Брант, — и отдали себя во власть — не скажу мою, но любого человека в этом лагере, который вас знает или хотя бы услышит, что вы говорите. Хорошо, давайте объяснимся начистоту. Я не знаю, каких жертв требует от вас преданность делу конфедератов, но я знаю, чего долг требует от меня. Так слушайте! Я сделаю все, что могу, чтобы защитить вас и дать вам возможность уйти отсюда. Но если это не удастся, то говорю вам честно: я застрелю вас и застрелюсь сам.

Она понимала, что он не шутит. Но глаза ее внезапно засветились новым светом. Она опять откинула волосы и приподнялась на подушке, чтобы лучше видеть его смуглое решительное лицо.

— Никто, кроме нас, не должен подвергаться опасности, — продолжал он спокойно, — поэтому я сам, переодевшись, проведу вас через кордон. Мы вместе пойдем на риск, пойдем под пули, которые, может быть, избавят нас от дальнейших хлопот. Все выяснится через час или два. А до тех пор при вашем болезненном состоянии никто не будет вас беспокоить. Мулатка, чье обличье вы иногда принимали, может быть, до сих пор еще в этом доме. Я пришлю ее к вам. Полагаю, что вы можете ей довериться: вам придется еще

раз сыграть ее роль и бежать в ее платье, а она займет ваше место в этой комнате в качестве моей пленницы.

— Кларенс!

Ее голос вдруг стал неузнаваем. Ни горечи, ни резкости — только глубокие, волнующие ноты, как в памятный вечер их расставания в патио на ранчо Роблес. Он быстро обернулся. Свесившись с кровати, она умоляюще протягивала к нему свои белые, тонкие руки.

— Бежим вместе, Кларенс! — пылко заговорила она. — Оставим навсегда это ужасное место, этих злых, жестоких людей. Идем со мной! Приди к нашим, приди в мой дом, который станет и твоим домом! Защищай его своим доблестным мечом, Кларенс, от гнусных захватчиков, с которыми у тебя нет ничего общего, — они прах под твоими ногами. Да, да! Я знаю! Я оскорбила тебя, я лгала, когда отрицала твой талант и твою силу. Ты герой, ты вождь по призванию — я знаю! Разве мне не говорили это люди, которые сражались против тебя и все-таки восхищались тобой и понимали тебя лучше, чем твои янки! Храбрые люди, Кларенс, настоящие солдаты, они не знали, кем ты мне приходишься и как я гордилась тобой, даже когда ненавидела! Идем со мной! Подумай, чего только мы не сделаем вместе — с единой верой, с единой целью в жизни! Подумай, Кларенс, ведь для тебя не будет ничего недоступного! Мы не скупимся на почести и награды, не подлаживаемся к продажным избирателям, мы знаем своих друзей! Даже я, Кларенс, — призналась она с каким-то пафосом самоуничтожения, — даже я получила свою награду и познала свою силу! Меня посылали за границу с секретным поручением от высших к высшим. Не отворачивайся от меня! Не взятку я тебе предлагаю, Кларенс, а только награду по заслугам. Идем же со мной! Брось этих псов и живи отныне, как подобает настоящему герою!

Брант устремил на жену сверкающий взор.

— Если бы ты была мужчиной... — начал он горячо и остановился.

— Нет, я только женщина и должна сражаться по-женски, — с горечью перебила она. — Да, я прошу, я мо-

лю, я лью, прислуживаюсь, лгу! Я ползаю там, где ты стоишь во весь рост, проходя в дверь, я низко сгибаюсь там, где ты не нагнул бы головы. У тебя знаки достоинства на плечах, а я свое достоинство прячу под платьем рабыни. И все же я трудилась, боролась и страдала! Послушай, Кларенс,— тут голос ее снова стал кротким и просящим,— я знаю, что вы, мужчины, зовете «честью» и как она принуждает вас держаться случайно сказанного слова, пустой клятвы. Ну пусть! Я устала, я сделала свое дело, ты сделал свое. Бежим вместе; оставим войну тем, кто придет после нас, а сами уедем в далекие края, где грохот пушек и кровь наших братьев не будут вызывать о мщении! Есть в нашей стране люди... Я встречала их, Кларенс,— продолжала она быстро,—которые считают безнравственным участвовать в этой братоубийственной борьбе, но не могут жить под ярмом северян. Это,— голос ее стал нерешительным,— хорошие люди... Их уважают... Они...

— Трусы и рабы, по сравнению с которыми даже шпионка вроде тебя — королева! — запальчиво прервал ее Брант.

Он умолк и отвернулся к окну. Потом снова подошел к кровати, помолчал, затем сказал спокойнее:

— Четыре года тому назад, Элис, в патио нашего дома в Роблесе, я, может быть, выслушал бы такое предложение и — страшно подумать! — может быть, принял бы его! Я любил тебя. Я был таким же слабым, себялюбивым и недалеким, как люди, о которых ты говоришь. У меня не было цели в жизни, кроме любви к тебе. Поверь по крайней мере, что теперь я так же предан своему делу, как ты своему, — ведь я в твою преданность верю. В ту ночь, когда ты ушла от меня, я осознал свое ничтожество и падение — быть может, мне следует даже поблагодарить тебя за свое пробуждение — и понял горькую истину. В ту ночь я обрел свое настоящее призвание, цель жизни, мужское достоинство.

С подушки, на которую она устало откинулась, прозвучал злой смех:

— Кажется, я оставила вас тогда с миссис Хукер... Избавьте меня от подробностей.

Кровь бросилась ему в лицо и мгновенно отхлынула.

— Вы уехали от меня с капитаном Пинкни, который соблазнил вас и которого я убил! — воскликнул он в бешенстве.

Они с яростью смотрели друг на друга. Вдруг Брант сказал: «Тише!» — и бросился к двери. В коридоре раздались торопливые шаги. Но он опоздал: дверь распахнулась, и на пороге появился дежурный офицер.

— Возле наших постов задержаны два офицера-конфедерата. Они требуют, чтобы вы их приняли.

Не успел Брант ответить, как в комнату вошли с веселым и самоуверенным видом два офицера в серых конфедератских кавалерийских плащах.

— Мы ничего не требуем, генерал, — заявил первый из них, высокий, видный мужчина, изящно приподняв руку в знак протеста. — Мы очень сожалеем, что приходится беспокоить вас из-за дела, которое, в сущности, важно только для нас самих. После обеда мы решили прогуляться, натолкнулись на ваши дозоры, и, конечно, нам приходится отвечать за последствия. И поделом. Хорошо еще, что нас не пристрелили. Боюсь, что мои люди не проявили бы такой сдержанности! Я полковник Лагранж, Пятого теннессийского полка, а это мой юный друг, капитан Фолкнер, из Первого кентуккского. Ему, как юноше, еще простительно, но мне...

Он смолк, взгляд его невзначай упал на кровать и на больную. И он и его товарищ вздрогнули. Проницательный глаз Бранта подметил в их лицах кое-что посерьезнее, чем обычное, естественное смущение джентльменов, нечаянно ворвавшихся в дамскую спальню. Впрочем, полковник Лагранж быстро справился с собой; оба тотчас сняли фуражки.

— Тысяча извинений! — сказал Лагранж, поспешно отступая к двери. — Вы, надеюсь, поверите, генерал, что у нас и в мыслях не было так грубо вторгнуться к вам. Внизу нам наплели каких-то небылиц: будто вы заняты допросом беглой негритянки, — иначе мы ни за что бы не осмелились сами войти сюда.

Брант быстро взглянул на свою жену. Когда вошли задержанные, ее лицо словно окаменело, глаза холодно

устремились в потолок. Он сухо поклонился и, указав рукой на дверь, сказал:

— Я выслушаю вас внизу, господа.

Выйдя за ними из комнаты, он остановился и не торопясь повернул ключ в замке; потом жестом предложил им спуститься впереди него по лестнице.

ГЛАВА VII

Никто не произнес ни слова, пока они не спустились на первый этаж и не вошли в кабинет Бранта. Отпустив знаком дежурного офицера и вестового, Кларенс обратился к пленным. Лагранж явно утратил свою веселую развязность, не потеряв, впрочем, самообладания; капитан Фолкнер смотрел на своего старшего товарища полунасмешливо, полурастерянно.

— К сожалению, генерал, я могу только повторить, что наша безрассудная прогулка привела нас к столкновению с вашей охраной,— сказал Лагранж с некоторым высокомерием, сменившим внешнюю фамильярность,—и мы были взяты в плен по всем правилам. Теперь, если вы поверите моему честному слову офицера, я не сомневаюсь, что наше командование согласится обменять нас на двух ваших храбрых офицеров из тех, кого я имел честь видеть в нашем лагере,— вы, вероятно, нуждаетесь в них больше, чем наше начальство нуждается в нас.

— Что бы ни привело вас сюда, джентльмены,— сухо сказал Брант,— я рад, что вы, на ваше счастье, в военной форме, хотя это и не избавляет меня, к сожалению, от моего неприятного долга.

— Я вас не понимаю,— холодно ответил Лагранж.

— Если бы вы не были в форме, вас, вероятно, пристрелили бы как шпионов и не стали бы брать в плен,— спокойно сказал Брант.

— Вы хотите сказать, сэр... — начал было Лагранж.

— Я хочу сказать, что нам достаточно хорошо известно: в этом лагере и в штабе дивизии орудует шпион конфедератов, и это оправдывает самые строгие меры с нашей стороны.

— Но позвольте, какое это имеет отношение к нам? — высокомерно спросил Лагранж.

— Мне нет надобности объяснять такому старому солдату, как полковник Лагранж, что всякая помощь, поддержка и даже получение информации от шпиона или изменника в расположении противника караются так же строго, как и самый шпионаж.

— Вам угодно удостовериться, генерал? — заметил полковник Лагранж с ироническим смехом. — Бога ради, не обращайтесь на нашу форму. Общайтесь с нами, если угодно.

— Нет, полковник, — многозначительно ответил Брант, — вы только успели проникнуть в наше расположение.

Лагранж покраснел, но быстро преодолел смущение и сказал с чопорным поклоном:

— Быть может, вам угодно будет сообщить ваше решение?

— Мой долг, полковник, держать вас обоих под стражей, пока не представится возможность переправить вас к командиру дивизии с рапортом об обстоятельствах, при которых вы были задержаны. Так я и намерен поступить. Как скоро представится такая возможность и представится ли она вообще, — продолжал Брант, пристально глядя на Лагранжа своими ясными глазами, — зависит от военных событий, в которых вы, думаю, разбираетесь не хуже меня.

— Мы никогда не позволим себе предугадывать действия такого одаренного офицера, как генерал Брант, — иронически заметил Лагранж.

— Не сомневаюсь, что вы получите возможность дать объяснения командиру дивизии, — невозмутимо продолжал Брант. — Кроме того, — тут он в первый раз обратился к капитану Фолкнеру, — когда вы скажете командиру дивизии, что вы — в чем я не сомневаюсь, судя по вашему имени и внешнему сходству, — родственник молодой особы, которая получила в Вашингтоне пропуск и прожила в этом доме три недели, я уверен, что вы сможете удовлетворительно объяснить, почему вы оказались так близко к нашим постам.

— Это моя сестра Тилли! — воскликнул молодой офицер. — Но ведь ее уже здесь нет. Вчера она прошла

через наши линии, возвращаясь в Вашингтон. Нет,— прибавил он, засмеявшись,— боюсь, что сегодня такое объяснение уже не поможет.

Старший офицер сразу нахмурился. Брант заметил и сопоставил это с простодушными словами Фолкнера, и ему стало ясно, что тот говорит правду и что мисс Фолкнер успешно выполнила его поручение. Впрочем, он искренне думал, что ее родство с молодым офицером побудит командира дивизии снисходительно отнестись к его проступку, и ему было приятно, что он может оказать ей такую услугу. Что касается истинной цели обоих офицеров, на этот счет у него сомнений не было. Это и были те «друзья», которые поджидали его жену за линией северян! Если бы не случайность, она была бы схвачена вместе с ними и ее измена была бы разоблачена в присутствии его солдат, которые пока не могли быть уверены в ее виновности и не подозревали, кто она. В то же время возможность безопасно переправить ее за линию фронта не отпала из-за этого происшествия: пленные не посмеют рассказать о ней. Кларенс ощущал какое-то мрачное удовлетворение при мысли, что он устроит ее побег без их помощи. На его лице эти мысли никак не отразились. Молодой Фолкнер рассматривал генерала с мальчишеским любопытством, а полковник Лагранж, вежливо подавив зевоту, глядел в потолок.

— К сожалению,— сказал Брант, вызвав дежурного офицера,— я принужден разлучить вас, пока вы будете находиться здесь. Но я позабочусь о том, чтобы вы ни в чем не нуждались.

— Если вы, генерал, хотите допрашивать нас в отдельности, я могу уйти сейчас же,— с иронической вежливостью заметил Лагранж, поднимаясь с места.

— Нет, у меня есть все нужные сведения,— невозмутимо ответил Брант.

Он отдал необходимые распоряжения своему офицеру, вежливо ответил пленным, которые сухо отдали ему честь, и, как только их увели, поспешил наверх, в свою спальню. На минуту он невольно задержался перед запертой дверью и прислушался. Внутри царило безмолвие. Он отпер дверь.

В комнате было так тихо, что, еще не взглянув на постель, он быстро посмотрел в сторону окна, о котором

совсем забыл: ведь оно выходит на крышу веранды! Окно было по-прежнему закрыто. Подойдя к постели, он увидел, что его жена лежит все в той же позе, но под глазами у нее резче обозначились круги, а на щеках виднелись следы слез.

Может быть, из-за этого и смягчился его голос, в котором еще звучали повелительные ноты:

— Вы, очевидно, знаете этих двух офицеров?

— Да.

— Вы понимаете, что теперь они вам не помогут?

— Да.

В ее голосе звучало такое смирение, что он опять взглянул на нее с подозрением. Но его поразили ее бледность и потухшие глаза.

— Тогда я скажу вам, как я думаю вас спасти. Прежде всего нужно разыскать мулатку, двойником которой вы были.

— Она здесь.

— Здесь?

— Да.

— Откуда вы знаете? — спросил он, мгновенно насторожившись.

— Она должна была оставаться в доме, пока не узнает, что я благополучно перешла фронт. У меня еще есть верные друзья.

И, помолчав, добавила:

— Она уже была тут.

Он посмотрел на нее с удивлением:

— Быть не может! Ведь я...

— Вы заперли дверь. Да, но у нее есть второй ключ. А если бы и не было, сюда есть другой вход, из ниши. Вы не знаете этого дома; вы живете здесь всего три недели; я же в молодости прожила в этой комнате два года.

Трудно описать, что творилось в душе у Кларенса! Он вспомнил, что почувствовал в первый день, поселившись в этой комнате. Потом им овладел жгучий стыд при мысли, что с того самого дня он был игрушкой в руках врагов: ведь и сейчас она имела полную возможность скрыться.

— Быть может, — сказал он мрачно, — вы уже составили собственный план побега?

Она взглянула на него покорно, но и в этой покорности чувствовался упрек.

— Я только сказала, чтобы она была готова поменяться со мной платьем и помогла мне выкрасить лицо и руки, когда надо будет. В остальном я полагаюсь на вас.

— Так вот мой план. Я изменил только одну подробность. Вы обе должны выйти из дома одновременно, но из разных дверей, причем одна из вас тайным путем, неизвестным моим людям. Знаете вы такой выход?

— Да, позади флигеля, где живут негры.

— Хорошо, — ответил он. — Оттуда выйдете вы. А мулатка выйдет через парадный ход с моим пропуском. Ее окликнет первый часовой у караульного помещения, возле стены. Ее задержат, станут расспрашивать, но ей будет легче выпутаться, чем вам. Таким образом мы ненадолго отвлечем внимание. Тем временем вы выйдете с заднего крыльца и вдоль изгороди доберетесь до того места, где ручей теряется в болоте. Это, — продолжал он, пристально глядя на нее, — единственный слабый пункт нашей позиции: там нет ни наблюдения, ни охраны. Возможно, впрочем, — добавил он угрюмо, — вы это уже знаете.

— Да, это болото, на котором растут цветы, около тропинки, где вы встретили мисс Фолкнер. Я перешла болото, чтобы отдать ей письмо, — медленно сказала она.

По лицу Бранта пробежала горькая усмешка.

— Понятно, — сказал он. — Я буду ждать вас у ручья и пойду с вами через болото, пока вы не окажетесь недалеко от расположения южан. Я буду в штатском, ибо помните, Элис, — продолжал он медленно, — что с вами идет не командир бригады, а ваш муж, он опустится до вашего уровня, не позоря своего мундира. Ведь с того момента, как он, переодетый, перейдет линию своих войск, он сам станет, подобно вам, шпионом и подлежит каре.

Ее глаза обратились к нему с тем же выражением сочувствия и восхищения, которое он заметил раньше.

Во внезапном порыве она поднялась с постели, не обращая внимания на свои обнаженные руки и плечи и распущенные волосы, и стала перед ним. С минуту муж и жена смотрели друг на друга так же открыто и просто, как некогда в своей спальне в Роблесе.

— Когда мне идти?

Он взглянул на посветлевшее окно: приближалась заря. Через несколько минут начнется смена караульных — время было самое подходящее.

— Сейчас, — сказал он. — Я пришло к вам Розу.

Но его жена уже прошла в нишу и постучала в какую-то внутреннюю дверь. Послышались скрип дверей и щорох платья. Она вернулась и сказала, задержав нишу портьерой:

— Идите! Когда она придет к вам в кабинет за пропуском, это будет означать, что я ушла.

Он направился к двери.

— Постойте, — прошептала она.

Он обернулся. Выражение ее лица опять изменилось. Оно покрылось смертельной бледностью, ее охватила странная дрожь. Прекрасные руки выпустили портьеру и потянулись вперед — ему показалось, что в следующее мгновение она прикоснется к нему. Но она тут же быстро сказала:

— Ступайте! Ступайте же! — и скрылась за портьерой.

Он поспешно спустился по лестнице; топот шагов на дороге и отрывистые слова команды возвестили о возвращении группы разведчиков. Командир отряда мог доложить лишь немного: предутренний туман, спустившийся в долину, помешал наблюдению, а при возвращении в лагерь едва не помешал найти дорогу. На западе все спокойно, неприятельская линия вдоль холмов как будто отодвинулась назад.

Брант слушал рассеяннo, его занимала новая мысль. С разведчиками вернулся Хукер — ему он мог отчасти довериться, и у него можно было получить штатское платье. Он тут же направился к интендантским фургонам — в одном из них жил Хукер. Торопливо объяснив Хукеру, что он хочет проверить посты, оставаясь незнанным, Брант уговорил его одолжить ему широ-

кополоу шляпу и сюртук, а сам оставил у него свой китель, фуражку и саблю, отказавшись от пояса и пистолетов, которые Хукер всячески ему навязывал. Выходя из фургона, Брант заметил, с каким восхищением и завистью его старый приятель рассматривает оставленные вещи, и улыбнулся про себя. Но он не догадывался, выходя из лагеря, что мистер Хукер преспокойно применяет его фуражку перед разбитым зеркальцем в глубине фургона.

Между тем уже почти совсем рассвело, и, чтобы не быть замеченным, Брант поскорее укрылся в глубине оврага, который спускался к ручью.

Теплый туман, помешавший разведчикам, теперь разлился, как спокойное море, между ними и пикетами неприятельского арьергарда. Влажная пелена, словно редкая вата, тянулась вдоль гряды холмов, наполовину скрывая их очертания. Сзади из долины к усадьбе уже подкрадывалась по склону тонкая белая полоса тумана, словно наступающая призрачная колонна, и ее ползучее движение невольно внушило Бранту суеверный страх. Из скрытой топи поднимался теплый аромат, томный и предательский, как у болотной магнолии. Под чистым, опаловым небом злоеущее безмолвие, окутавшее вместе с туманом природу, так мало походило на тишину покоя и мира, что Кларенсу почти хотелось, чтобы его нарушил треск ружей и шум атаки. Все, что ему когда-либо приходилось слышать о коварном Юге, о его людях и расслабляющем климате, окутывало его липкой пеленой.

Прошла минута, и он увидел ту, кого ждал. Она пробиралась к нему, скрываясь в тени негритянского флигеля. Даже при неясном утреннем свете нельзя было не узнать ее высокую фигуру, яркое полосатое облегающее платье и тюрбан. И вдруг в его настроении, как случалось и раньше, произошел крутой перелом — таков уж был его сильный и своеобразный темперамент. Сейчас он расстанется, быть может, навсегда, со своей женой — воплощением его юношеских грез! Пусть это расставание не будет омрачено злобой, как тогда, в Роблесе, пусть оно будет нежным и сотрет из памяти их прошлое! Одному богу известно, не станет ли их сегодняшнее прощание залогом их соединения в вечности.

В эту минуту эмоционального напряжения Бранту казалось даже, что это его долг, столь же священный и бескорыстный, как тот, которому он посвятил свою жизнь.

Становилось светлее. На ближайшем посту слышались голоса, из надвигавшегося тумана доносился чей-то кашель. Брант подал приближающейся фигуре знак следовать за ним, побежал вперед и остановился под прикрытием можжевельного куста. Он по-прежнему вглядывался в болото и, услышав близкий шелест юбки, украдкой протянул назад руку.

Наконец кто-то тронул его за руку; он вздрогнул и быстро обернулся.

Это была не его жена, а мулатка Роза, ее двойник! Лицо ее застыло от страха, блестящие глаза вылезли на лоб, белые зубы стучали. Она начала было говорить, но Брант схватил ее за руку и шепнул:

— Тише! Ни слова!

В руке она держала что-то белое, он схватил этот клочок бумаги — то была записка от жены, на этот раз писанная не поддельным, а настоящим, знакомым почерком, который отзывался в нем, словно голос прошлого:

«Прости, что я ослушалась, желая спасти тебя от ареста, позора или смерти, которые ждали тебя там, куда ты собирался пойти! Я взяла пропуск у Розы. Не бойся, что может пострадать твоя честь: если меня задержат, я признаюсь, что взяла пропуск у нее. Обо мне больше не думай, Кларенс, думай только о себе. Ты в опасности».

Он скомкал письмо в руке.

— Скажи, только говори тихо,— прошептал он в волнении, схватив ее за руку,— когда ты ее оставила?

— Только что,— еле выговорила перепуганная женщина.

Брант оттолкнул ее. Быть может, он еще успеет догнать и спасти Элис раньше, чем она дойдет до охраны. Он бросился вверх по оврагу, затем побежал по скло-

ну холма к первому караульному посту. Вдруг раздался знакомый окрик, и сердце в нем замерло:

— Кто идет?

Пауза. Потом послышалось бряцание оружия... голова... снова пауза. Брант, затаив дыхание, продолжал прислушиваться. И наконец медленный и четкий голос:

— Пропустить мулатку!

Слава богу, спасена! Но едва у него промелькнула эта мысль, как вдоль всего склона с треском взметнулись вспышки выстрелов, в уши ворвался слишком знакомый клич конфедератов, а из тумана показалась извилистая цепь темных фигур, которые, точно стая серых волков, кинулись на его передовые линии. Он слышал крики своих людей, которые отступали, отстреливаясь; слышал резкую команду немногих офицеров, спешивших на свои посты, и понял, что застигнут врасплох и оказался в окружении!

Он бросился вперед к своим отступавшим в беспорядке солдатам и ужаснулся, видя, что никто не обращает на него внимания. Тут он вспомнил, что он в штатском. Но едва он успел сбросить шляпу и схватить саблю упавшего лейтенанта, как перед его глазами мелькнуло пламя, опалившее ему волосы, и он рухнул на землю рядом со своим офицером.

Боль под повязкой в том месте, где его голову задела пуля на излете, да невыносимый шум в ушах — вот все, что чувствовал Брант, понемногу приходя в сознание. Но и это он готов был принять за игру воображения, видя, что лежит на койке в своем госпитале, и вокруг него стоят офицеры штаба дивизии. А рядом — сам командир дивизии с суровым, но сочувственным выражением лица. Кларенс инстинктивно почувствовал, что здесь дело не в его ранении, и его охватило чувство стыда, которое не рассеялось от слов командира.

Генерал-майор, дав знак другим офицерам отойти, наклонился над койкой и сказал:

— Еще несколько минут назад мы считали, что вы попали в плен при первом натиске неприятельского арьергарда, который мы отбросили в вашу сторону

с тем, чтобы вы его атакowali. А когда вас подобрали в штатском на склоне холма, никто вас не узнал. И то и другое казалось одинаково неправдоподобным,— прибавил он многозначительно.

Страшная истина мелькнула в уме Бранта. Наверно, Хукер был захвачен в плен в его генеральской форме, может быть, при какой-нибудь безрассудной вылазке и в сумятице не был узнан офицерами бригады.

Однако он поднял глаза на своего начальника.

— Вы получили мое письмо?

Генерал нахмурился.

— Да,— сказал он медленно,— но сейчас, увидев, что вы совершенно не подготовлены к обороне, я подумал, что вас обманула эта женщина — или другие — и что это неуклюжая подделка.

Генерал остановился и, заметив на лице раненого полное смятение, добавил, смягчившись:

— Но не будем говорить об этом, пока вы в таком состоянии. Доктор обещает, что через несколько часов вы снова будете в порядке. Крепитесь. Я хочу для вашего же блага, чтобы вы, не теряя времени, явились в Вашингтон для объяснений.

— В Вашингтон... для объяснений,— медленно повторил Брант.

— Таков вчерашний приказ,— по-военному кратко подтвердил генерал-майор. И тут же не выдержал:

— Ничего не понимаю, Брант! Я уверен, что вас неправильно поняли, представили в ложном свете, может быть, оклеветали, и я разберусь в этом до конца, но таков приказ департамента. Пока, к сожалению, вы отстранены от командования.

Он ушел, а Брант закрыл глаза. Значит, его военная карьера окончена. Никто не поймет его объяснений, даже если бы он стал давать их, а он знал, что не станет. Все кончено! Злополучная пуля и та обманула его, не завершив его жизни! На секунду он вспомнил последнее предложение жены — бежать в дальние страны, прочь от этой жестокой несправедливости, но, вспоминая его, он сознавал, что бегство означало бы самое худшее — молчаливое признание своей вины. А вот она скрылась, и слава богу! В этом полном смятении

чувств он вновь и вновь находил утешение в том, что спас жену, исполнил свой долг! Он так упорно, с таким фатализмом возвращался к этой мысли, что под конец ему стало казаться, что именно для этого он жил, для этого страдал и погубил свою карьеру.

Быть может, ему суждено провести остаток жизни в безвестном изгнании, как жил его отец! Он почувствовал, как при этой мысли у него участилось дыхание. Отец! Быть может, он тоже пал жертвой ложного обвинения!

Хорошо, что провидение не дало ему потомства, которое получило бы такое страшное наследие.

Когда через несколько часов ему помогли сесть в седло, его лицо выражало покорность судьбе. В глазах многих товарищей, которые сочувственно провожали его, можно было прочесть, что они готовы осудить его за человеческую слабость, но сожалеют, расставаясь с доблестным воином. Но теперь и это его не трогало. Он посмотрел на дом, на комнату, где расстался с ней, на склон холма, где видел ее в последний раз, и уехал.

Когда он скрылся из виду, офицеры дали волю догадкам, подозрениям и злословию.

— Видно, дело серьезное — старик ведь молился на него, а теперь очень встревожен. Да и в самом деле очень подозрительно — зачем это он переоделся перед самым нападением?

— Чепуха! Все случилось гораздо раньше. Вы разве не слышали, как старик говорил, что приказ явиться для объяснений пришел из Вашингтона вчера? Нет. — Офицер понизил голос. — Стренджвейс говорит, что он давно уже выдавал наши тайны какой-то чертовой шпионке. Старая история с Марком Антонием!

— Да-да, припоминаю, — заметил кто-то из младших офицеров. — Он и вправду все возился с какой-то кватеронкой или мулаткой, отдавал приказ, чтобы ее не пускать. Конечно, приказы были для отвода глаз! Помню, как он увидел ее в первый раз: так и порывался все о ней разузнать.

Майор Кертис рассмеялся.

— Эта мулатка, Мартин, просто белая женщина, вымазалась жженой пробкой. Вчера она хотела пробрать-

ся через линию охраны и упала со стены, а может быть, и караульный стукнул ее прикладом по голове. Ну, ее принесли сюда. Доктор Симмонс начал смывать ей кровь с лица; пробка сошла, тут все и выяснилось. Брант это дело замял, а женщину спрятал в своей комнате. Говорят, во время атаки ей удалось скрыться.

— Все это началось еще раньше, джентльмены,— авторитетно заявил адъютант.— Говорят, его жена была ярая конфедератка; еще четыре года назад в Калифорнии участвовала в заговоре, и из-за этого ему пришлось уехать. А вспомните, как она снюхалась с этой мисс Фолкнер, он ведь и ей помог выбраться отсюда!

— Томми, да ты ревнуешь! Она видела, что он у нас самый замечательный из всех, а ты не успел себя показать.

Общий смех завершил это похвальное слово Бранту. Разговор о нем больше не возобновлялся, но когда лейтенант Мартин отошел, поджидавший невдалеке капрал взял под козырек.

— Вы говорили, сэр, об этих мулатах, что шныряют туда-сюда. Вы знаете, что сегодня утром генерал приказал выпустить одну мулатку из лагеря?

— Да, слышал.

— Ну, эта недалеко ушла. Это случилось, как раз когда они дали первый залп; мы отступили, и ей, должно быть, тоже досталось. Не пройдете ли по этой тропинке, сэр?

Лейтенант неохотно последовал за ним. Когда они дошли до спуска в овраг, капрал указал на какой-то предмет; издали казалось, что на терновом кусте висит просто кусок полосатого коленкора.

— Это она,— сказал капрал.— Я узнаю это платье. Я как раз стоял на посту, когда она проходила. Санитары, которые подбирают наших, еще не добрались до нее. А она ни разу не шелохнулась за два часа. Хотите, спустимся и посмотрим ближе?

Лейтенант стоял в нерешительности. Он был молод и не любил неприятных ощущений, которых можно было избежать. Лучше подождать: ведь санитары принесут ее наверх, тогда капрал его позовет.

Туман надвигался из болот, окутав солнце, подобно золотистому ореолу. И в то время, как Кларенс Брант, уже забытый, уныло пробирался сквозь туман по дороге в Вашингтон, утешаясь мыслью о своей великой жертве, его жена, Элис Брант, ради которой он пошел на эту жертву, лежала в овраге мертвая и никому не нужная. И здесь, может быть, опять сказалась женская непоследовательность: она пала, сраженная пулями друзей, в одежде народа, к которому была так несправедлива.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА I

Палящее летнее солнце заходило над Вашингтоном, но даже в этот час на широких улицах, расходящихся, подобно лучам, от Капитолия, пекло нестерпимо. Мостовые раскалились добела, и пешеходы, укрывшиеся в скудной тени, не сразу отваживались переходить на перекрестках эту пышущую зноем Сахару. Город, казалось, вымер. Даже многочисленная армия поставщиков, спекулянтов, искателей теплых местечек и закулисных политиканов, следовавшая по пятам за действующей армией и превратившая мирную столицу в арену своих низменных конфликтов и раздоров, более гибельных, чем война на Юге, даже она разбрелась по номерам гостиниц, по тенистым барам или по негритянским кварталам Джорджтауна, словно величественная белораморная богиня сошла наконец со своего пьедестала на куполе Капитолия и разогнала их, разя направо и налево своим беспощадным мечом.

Выйдя из благодатной тени военного министерства, Кларенс Брант окунулся в эту душную атмосферу алчности и подкупа. Вот уже три недели он просиживал в приемных министерства в тщетной надежде оправдаться перед своими начальниками, которые, не предъяв-

ляя ему обвинений, довольствовались тем, что держали его в бездействии и страхе перед неизвестностью. Кларенс не мог выяснить сущности обвинения, а сознание своей тайны лежало на нем тяжелым бременем. Он был лишен возможности прибегнуть к крайнему средству — потребовать военно-полевого суда, который мог бы оправдать его, только установив виновность его жены, — а он еще надеялся, что она спаслась. Командир дивизии был занят боевыми операциями, ему некогда было помогать Бранту в Вашингтоне. Бранта оттесняли жадные поставщики, обгоняли себялюбивые политики, он презирал обычные способы искать протекции, а друга, к которому он мог бы обратиться, у него не было. За годы военной жизни Брант утратил дипломатический инстинкт, не приобретя взамен грубой прямоты солдата.

Почти вертикальные лучи солнца заставили его наконец войти в двери обширного здания — прославленного отеля этой изобилующей гостиницами столицы. В роскошном баре, куда он вошел, его охватили благоухание мяты и прохлада от плиток льда, симметрично разложенных на мраморных стойках. Часть посетителей искала прохлады, расположившись со стаканами за столиками и обмахиваясь пальмовыми листьями; многочисленная шумная компания собралась у стойки, где какой-то человек без пиджака и галстука обращался к ним с речью.

Брант заказал прохладительного, чтобы посидеть в тени бара, и с недовольным видом занял место в углу, почти жалея, что ему приходится участвовать в веселье этой компании. Вдруг мрачная нота, прозвучавшая в голосе оратора, показала ему знакомой. Одного взгляда достаточно было, чтобы подтвердить, что он не ошибся: это был Джим Хукер!

Впервые в жизни Бранту захотелось избежать встречи с ним. В дни благополучия он всегда от чистого сердца был рад другу детства, но сейчас, когда он был унижен, Джим действовал ему на нервы. Он был бы рад незаметно уйти, но ему пришлось бы пройти мимо стойки, а Хукер с самодовольством рассказчика не спускал глаз со своей аудитории. Заслонившись пальмовым листом, Брант вынужден был слушать.

— Да, джентльмены,— разглагольствовал Хукер, драматически разглядывая свой стакан,— когда человек побывал в битком набитой тюрьме у мятежников, где рискуешь жизнью из-за каждого глотка простой воды, ей-богу, кажется сном, когда опять стоишь спокойно со своим стаканчиком рядом с белыми джентльменами. Но ежели человек знает, что он вынес все это, чтобы спасти репутацию другого, да еще сохранить секреты нескольких крупных начальников, то, право, вино застревает в глотке.

Здесь он сделал паузу, как в театре, сосредоточенно посмотрел на стакан, точно глубокое чувство мешало ему выпить, а затем с трагической решимостью опрокинул его себе в глотку.

— Нет, джентльмены,— продолжал он угрюмо,— я не стану говорить, для чего я вернулся в Вашингтон, не стану говорить, что я передумал, когда выковыривал червячков из сухарей в тюрьме Либби, но если вы не увидите через несколько дней, как полетят кое-какие высокие люди из военного министерства,—значит, я не Джим Хукер из товарищества «Хукер, Мичем и компания, поставщики говядины для армии», значит, не я спас положение в бою у «Серебристых дубов»!

По лицам слушателей пробежала улыбка — такая аудитория быстро подмечает маленькие слабости любого оратора,— которая могла бы уязвить человека не столь тщеславного, как Хукер. У Бранта она вызвала негодование и жалость, его положение становилось невыносимым. А Хукер презрительно выплюнул в плевательницу тоненькую струйку табачного сока и на минуту погрузился в скорбное молчание.

— Расскажите нам еще раз об этом сражении,— попросил с улыбкой один из слушателей.

Хукер подозрительно оглядел бар, а затем продолжал театральным шепотом, который был прекрасно слышен в каждом углу:

— Тут нечего много расписывать, и если бы не принцип, я вообще не стал бы говорить. Когда человек испытал войну с индейцами, ему не очень-то интересны все эти вестпойнтовские сражения с ихней математикой!

Так вот, возвращаюсь я из разведки — хотелось, знаете, помочь ребятам,— сижу себе в фургоне, дело к рассвету, и приходит один бригадный генерал и заглядывает ко мне. Да, забыл вам сказать, джентльмены, что он с минуты на минуту ждал атаки, но мне об этом и не намекнул. «Здравствуйте, — говорит, — Джим». — «Здравствуйте, генерал». — «Не можете ли, — говорит, — одолжить мне сюртук и шляпу, у меня тут кой-какие дела с караульными, не хочу, чтобы меня узнали». — «К вашим услугам, генерал», — говорю. Снимаю сюртук и шляпу, а он тут же переодевается. «У нас, — говорит, — почти одинаковая фигура, Джим, — а сам поглядывает на меня. — Примерьте-ка мои вещи и поглядите сами». И протягивает мне свой мундир с золотым шитьем и шнурками, со звездой на эполетах — ну, полную генеральскую форму, убей меня бог! А я и надел ее, как невинный младенец. Тут он сует мне еще свою саблю и пояс и говорит: «Кажется, талия у нас тоже одинаковая». Я и это надел. «Не снимайте, — говорит, — пока я не вернусь, — здесь на болоте очень сыро, и можно схватить малярию». И с этими словами ушел. Поверьте, джентльмены, не прошло и пяти минут, как вдруг загрохотало — бах! бах! трах! — и слышен рев. Выхожу из фургона, темным-темно, стрельба продолжается. Гляжу — скачет ординарец с лошадью в поводу. Садитесь, генерал, на нас напал неприятельский арьергард».

Тут Хукер приостановился, оглядел аудиторию и мрачно продолжал, понизив голос:

— Ну, я, конечно, не дурак, а в такие минуты мозг всегда здорово работает. Я сразу все смекнул. Я понял генеральскую проделку: он смылся в моем платье, а меня оставил врагам в своем мундире. Но я не из трусливых: сел на коня и поскакал туда, где строились солдаты! Я им ничего не сказал, чтобы они не узнали по голосу, я только взмахнул саблей, и они, черт подери, пошли за мной! Через минуту мы были в самой гуще. В шляпе у меня было столько дырок, сколько в этой цедилке, мундир пробила дюжина пуль, пули сорвали с меня эполеты, но я подбадривал ребят, и мы-таки остановили южан! Да, мы задержали их, джентльмены, до тех пор, пока не услышали трубы нашей дивизии, —

оказывается, она сама поперла прямо на нас этот чертов арьергард. Вот как я спас положение! Но тут мятежники набросились в последний раз, отрезали меня, и я попал в плен. И это я, который выиграл сражение!

Вокруг раздались иронические аплодисменты, а Хукер угрюмо осушил еще стакан, затем поднял руку, точно хотел показать, что не нуждается в одобрении.

— Я сказал, что меня взяли в плен, джентльмены,— продолжал он с горечью,— но это еще не все. Я добился свидания с Джонстоном, рассказал ему все, как было, и потребовал, чтобы он обменял меня на какого-нибудь генерала. Он говорит: «Убирайтесь к черту!» Тогда я написал командиру дивизии, как я спас положение у «Серебристых дубов», когда удрал бригадный генерал. В ответ: «Убирайтесь к черту!» И так меня посылали к чертям все — от последнего унтер-офицера до главнокомандующего, а когда меня обменяли наконец, то обменяли — вы только послушайте, джентльмены! — на двух мулов и разбитый фургон!.. Но я здесь, джентльмены, и я ничуть не хуже, чем был там!

— Почему бы вам не обратиться к президенту? — с деланным участием спросил один из слушателей.

Мистер Хукер не принял этот совет всерьез и в знак несогласия сплюнул.

— Очень это поможет! — заметил он. — Но я собираюсь повидаться с человеком, который держит в кармане и президента и весь его кабинет. Это сенатор Бумпойнтер.

— Да, Бумпойнтер — большой человек, — подхватил тот же собеседник. В голосе его послышалось недоверие. — Вы разве с ним знакомы?

— Знаком ли? Еще бы! — Мистер Хукер презрительно рассмеялся. — Видите ли, джентльмены, я не из тех людей, которые пользуются семейными связями, но сенатор приходится мне близким свойственником, — разъяснил он с мрачным воодушевлением, — со стороны жены.

Брант не стал слушать дальше. Хукер повернулся к стойке и дал ему долгожданную возможность скрыться. Что Хукер переменял фронт и выдумывает всякий

взор, его не удивляло: ничего другого от Хукера нельзя было ждать, и хотя Кларенс не мог уже относиться к подобным выходкам с прежним добродушием и терпением, они не могли заслонить его более серьезную тревогу. Одно стало ему ясно: Хукер не знает, что Элис была шпионкой в лагере, иначе он не удержался бы от соблазна драматически раздуть такой инцидент. А упоминание о сенаторе Бумпойнтере, чудовищное в устах Хукера, навело Кларенса на странную мысль. Он уже слышал, что Бумпойнтер пользуется огромным влиянием, и верил, что Сюзи захочет и сможет помочь ему, Кларенсу (станет ли она помогать Хукеру — это другой вопрос). Через минуту он отбросил эту мысль и даже покраснел. До чего же низко он пал, если это могло прийти ему в голову!

Кларенс уже раньше думал о том, что надо лично обратиться к президенту и конфиденциально поведать ему часть своей истории. Он слышал много рассказов о сердечной доброте и великодушии президента, но с этим соединялись — так гласили современные летописцы — насмешливость и резкая прямота, которые отпугивали Кларенса. Не посмотрит ли президент на его жену как на обыкновенную шпионку, а на него самого только как на одну из многих безвольных жертв женской хитрости? И на фронте и в конгрессе ходили рассказы о том, как этот беспощадный юморист при помощи подходящего анекдота или едкого примера может оскорбить самые нежные чувства или тончайшую поэзию наравне с ханжеской пуританской моралью или эпикурейской этикой. Однажды Брант даже просил об аудиенции, но в назначенный час уклонился, так и не отважившись на исповедь при виде этих темных насмешливых глаз, которые, как ему казалось, слишком снисходительно посмотрят на его дело. Бывал он и на общих приемах у президента, но тут ему претила вульгарная толпа, глазевшая на этого человека, как на своего скомороха, и атмосфера пышности, учености и торжественности, которую сам президент нарушал с таким наслаждением.

Через несколько дней в послеобеденный час Брант, сам не зная как, снова очутился в Белом доме. На этот раз президент принимал депутацию каких-то

фанатиков, которые с трогательной наивностью, не уступающей его трогательной терпимости, хотели навязать ему, главе многомиллионного государства, политику ничтожной кучки людей. Брант прислушивался к его терпеливым деловым ответам, насыщенным фактами и логикой, к его простому, но энергичному языку, к заключительной шутке, которая, как понял теперь молодой генерал, была необходима, чтобы смягчить суровость отказа. Впервые Брант почувствовал решимость обратиться к президенту, но не прежде, чем уйдет делегация. Когда она удалилась, Брант задержался в приемной, рассчитывая, что президент скоро выйдет. Однако президента не было. Боясь упустить удобный случай, Брант вернулся в галерею. Президент неподвижно стоял в тени у колонны, задумавшись и рассеянno глядя на отдаленный сад. Но его добродушное, слегка насмешливое лицо казалось почти трагическим от крайней усталости. В крупных чертах его сильного, грубо очерченного лица сказывалось тяжкое бремя, под которым согнулась даже эта высокая, сухоощавая, угловатая фигура, огромная, но так и не сформировавшаяся, как бескрайние просторы его родного Запада. А в темных, глубоко сидящих глазах таились смутные предчувствия пророка и мученика.

Потрясенный такой внезапной переменой, Брант покраснел от стыда. И он чуть было не нарушил минутный отдых этого усталого человека, захотел взвалить и свою маленькую ношу на плечи этого Атланта с Запада! Молча выйдя из галереи, Брант спустился по лестнице.

Но не успел он миновать толпу посетителей в одной из больших гостиных, как президент появился снова, а рядом с ним — человек внушительного вида, которому добродушный великан снисходительно улыбался. Внимание толпы тотчас разделилось, у всех на устах было имя сенатора Бумпойнтера. Брант оказался почти лицом к лицу с этим знаменитым деятелем, раздававшим должности и привилегии, — и вторым мужем Сюзи!

На него нахлынуло странное чувство — не то циничское, не то суеверное. Его бы не удивило, если бы и Джим Хукер присоединился к этой толпе, в которой,

кажется, потерялась даже одинокая фигура, так недавно захватившая его внимание. Ему захотелось бежать от всего этого!

Но судьба привела его к выходу в тот самый момент, когда уезжал Бумпойнтер; этот выдающийся деятель поспешно прошел мимо него к великолепной карете, запряженной парой горячих рысаков, с нарядным негром-кучером. Это была карета Бумпойнтера.

В карете сидела хорошенькая женщина в модном платье. Ее одежда, манеры, самодовольство и простодушная самоуверенность полностью гармонировали с нарядным экипажем. Когда Бумпойнтер уселся рядом с ней, ее фиалковые глаза на мгновение задержались на Кларенсе. Щеки молодой женщины залил счастливый детский румянец, синий взгляд — узнающий и лукавый — скрестился с его взглядом. Это была Сюзи!

ГЛАВА II

Когда Брант вернулся в гостиницу, служитель с особенно почтительным видом вручил ему записку и сообщил, что ее оставил кучер сенатора Бумпойнтера. Было нетрудно узнать детский, достойный бродинггеа¹ почерк Сюзи.

«Кларенс, это просто низость! Вы, кажется, надеялись, что я вас не узнаю. Если в вас осталось хоть немножко от прежнего, приезжайте сейчас же, сегодня же вечером. У меня большой прием, но мы где-нибудь поболтаем в антрактах. А какая я стала взрослая! Сознаться! О господи, что за мрачный вид у такого элегантного молодого генерала! За вами заедет экипаж, так что никаких отговорок!»

Это ребяческое письмо произвело на Бранта впечатление, несоразмерное с его тривиальным содержанием.

¹ Житель страны великанов из «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.

Но ведь именно ее тривиальность, ее легкомыслие всегда и действовали на Бранта. Опять, как и в Роблесе, он почувствовал, как несовместима этика Сюзи с его собственной. А между тем разве она не права в своем восхитительном практицизме? Разве она была бы так счастлива, если бы осталась верна миссис Пейтон, своему монастырю, своей кратковременной сценической карьере, Джиму Хукеру, наконец, ему самому? И, по совести говоря, разве Хукер или он сам пострадали от ее непостоянства? Нет! Судя по тому, что он слышал, Сюзи была для сенатора подходящей подружкой жизни благодаря своей светской привлекательности, умению блистать, очаровательному тщеславию, перед которым смолкали все подозрения, и полной безответственности во всем, вплоть до политических взглядов. Никто, даже близкие друзья, не осмеливался считать, что сенатора связывают ее обещания, и поговаривали, что достойный муж весьма выигрывает от такого положения вещей. Брант решил принять приглашение, надеясь, что оно отвлечет его от мрачных мыслей.

Луна уже поднялась высоко, когда он выехал в экипаже из душных улиц по направлению к Солдатскому Приюту — лесистому предместью, где бывали и президент и министры, а достопочтенный сенатор, подобно Кубла-хану¹, соорудил увеселительный дворец, чтобы принимать в нем своих друзей и сторонников. Когда экипаж подкатил к дому, окна мерцали, как светлячки сквозь листву, теплую ночную тишину нарушал только военный оркестр, который играл на веранде мечтательный вальс, воздух был напоен ароматом жасмина. Брант вспомнил своих фронтовых товарищей, и ему стало стыдно. Но это настроение скоро рассеялось при виде офицеров, толпившихся в вестибюле; там были некоторые из его высших начальников. Наверху лестницы, среди блистающих орденами и лентами членов дипломатического корпуса, стояла Сюзи. На ее обнаженных плечах и шее сверкали бриллианты, лицо светилось детским оживлением. Бранта она встретила только молчаливым, значительным рукопожатием, но минуту спустя взяла его под руку.

¹ Герой неоконченной одноименной поэмы английского поэта С. Колриджа (1772—1834).

— Вам еще предстоит познакомиться с ним,— шепнула она.— Он много о себе воображает, совсем как Джим. Но он умеет внушить свое мнение другим, а у бедного Джима это не получалось.

Она остановилась перед тем, кому только что дала такую характеристику, и представила Бранта. Да, это был тот самый человек — внушительный, способный, самоуверенный. Одного взгляда его острых глаз, привыкших взвешивать людские слабости и честолюбивые стремления, и краткого обмена несколькими торопливыми репликами оказалось достаточно, чтобы сообразить, что Брант в данное время для него бесполезен, и через минуту они расстались. Брант бродил среди толпы гостей, чувствуя почти с раскаянием, что сделал непоправимый шаг. Его ободряли присутствие двух-трех репортеров и корреспондентов, следовавших за ним по пятам, и взгляды двух-трех хорошеньких женщин, явно заинтересованных задумчивым видом красивого, изящного офицера с саркастическим выражением лица. Но через минуту ему пришлось пережить искреннее волнение.

На середину гостиной плавно вышла высокая молодая женщина, чья ленивая, но грациозная походка показала Бранту знакомой. Когда она обернулась, он увидел ее лицо. Это была мисс Фолкнер. До сих пор ему приходилось видеть ее либо в серой конфедератской амазонке, как при первом знакомстве, либо в легком муслиновом платье, которое на ней было в «Серебристых дубах». Теперь ему показалось, что ей еще больше к лицу обдуманная элегантность вечернего туалета, что жемчужное ожерелье на прекрасной шее облагораживает и смягчает вызывающее своеволие изящного подбородка и плеч.

Внезапно их взгляды встретились; она заметно побледнела; ему даже показалось, что она оперлась на руку своего кавалера. Потом она снова встретила его взгляд, так же быстро покраснела и посмотрела на него с умоляющим выражением страдания и страха. Брант не был самонадеян, он понимал, что ее волнение вызвано не просто встречей с ним,— тут было другое. Он поспешно отвернулся, а когда через минуту оглядел комнату, ее уже не было.

И все-таки он чувствовал смутное раздражение. Неужели она считает его таким глупцом, который способен поставить ее в неловкое положение, позволив себе узнать ее без ее согласия? Или она думает, что он способен использовать услугу, которую она ему оказала? Или — мысль уж вовсе оскорбительная! — она слыхала, что он в немилости, знает причину этого и боится, что он втянет ее в расследование, чтобы реабилитировать себя? Нет, нет, так думать она не может! Скорее она раскаивается в том, что сделала во внезапном порыве великодушия, она вернулась к своим прежним симпатиям — вот почему ее так поразила встреча с единственным свидетелем ее необдуманного порыва. Ладно, пусть не беспокоится! Впредь он будет тщательно избегать ее. Но все же... да, здесь есть какое-то «все же»! Он не мог забыть — за последние три недели он вспоминал об этом чаще, чем ему бы хотелось, — что из всех людей она одна пожертвовала собой ради него, ее врага и обвинителя, человека, который едва соблюдал вежливость по отношению к ней. Стыдно было сознаться, но эта мысль приходила ему в голову у изголовья жены, в час ее побега и даже на том роковом склоне, где его настигла пуля. А теперь с этой отрадной мечтой приходится расставаться, как со всеми прочими иллюзиями: девушка, которая с такой преданностью помогла ему, стыдится своего поступка! На его лице промелькнула горькая улыбка.

— Ну, теперь понятно! Меня все женщины спрашивают, кто этот интересный Мефистофель с горящими глазами, который бродит по моим комнатам, точно высматривая жертву. Да вы улыбаетесь, совсем как бедняга Джим, когда он, бывало, изображал Кровавого Дика!

Голос Сюзи и странное сравнение заставили его очнуться.

— У меня есть все основания сердиться, — отвечал он с более мягкой улыбкой, хотя глаза у него еще сверкали, — я должен ждать, пока единственная женщина, ради которой я сюда пришел, которую я так давно не видел, уделит мне несколько минут, чтобы поговорить о былых днях, ведь все эти куклы танцуют перед ней каждый вечер.

Он говорил совершенно искренне, хоть и почувствовал легкий укор совести, увидев даже сквозь слой пудры, что ее щеки быстро покраснели, как в старину.

— Вот теперь вы совсем прежний Кларенс!— сказала она, пожимая ему руку.— Но поговорить нам сейчас не удастся. Когда гости разойдутся, мы с вами пойдем закусить и поболтаем в оранжерее. А пока бросьте ваш ужасно злой вид и поухаживайте за дамами.

Повинуясь все тому же чувству, он исполнил желание хозяйки. Его несколько развязный тон с дамами вполне отвечал демонической репутации, которую он приобрел, сам не зная как. Дамы с нескрываемым восхищением прислушивались к острому, саркастическим речам красивого офицера, возбуждавшим любопытство и зависть у мужчин. Он заметил, что те перешептываются, поднимают брови, презрительно пожимают плечами, и понял, что история его немилости у всех на устах. Боюсь, что это только усилило его безрассудство и торжество. Раз ему показалось, что он видит вдали мисс Фолкнер и что она следит за ним, но он лишь удвоил внимание к своей красавице соседке и больше не оглядывался.

И все же Кларенс обрадовался, когда гости стали расходиться и громадные комнаты опустели, а Сюзи появилась под руку с мужем и кокетливо напомнила о его обещании:

— Мне хочется поболтать с вами о старине. Генерал Брант,— пояснила она Бумпойнтеру,— женился на моей приемной матери в Калифорнии, в Роблесе, в милой старой усадьбе, где я провела свои молодые годы. Так что мы почти родственники,— прибавила она с очаровательной наивностью.

У Бранта промелькнули в памяти слова Хукера, когда он хвастался своим родством с сенатором, но сейчас они вызвали у него только улыбку. Он чувствовал, что уже получил четкую роль в легкомысленной комедии, которая разыгрывалась вокруг. Зачем противиться, зачем слишком пристально всматриваться в чужую мораль?

Он предложил Сюзи руку и повел ее вниз, а она, не задерживаясь в столовой, отдернула кисейную занавеску

веску и, многозначительно сжав его руку, увела его в залитую лунным светом оранжерею. За занавеской стоял простой маленький диванчик. Она опустилась на него, не выпуская его руки, и, когда он сел рядом, их пальцы встретились во взаимном пожатии.

— Ну вот, Кларенс,— произнесла она, прижимаясь к нему с легкой, приятной дрожью,— правда, это немножко напоминает ваше кресло там, в Роблесе? И подумать, что с тех пор прошло пять лет! Но что с вами, Кларенс? Вы изменились,— сказала она, разглядывая при луне его смуглое лицо,— или вам хочется что-то мне сказать...

— Да, хочется...

— И, конечно, что-то страшное! — Она наморщила лобик с прелестным выражением испуга.— Ну, представьте, что вы уже сказали, и давайте продолжать все по-старому. Согласны, Кларенс? Отвечайте!

— Боюсь, что у меня не получится,— ответил он с грустной улыбкой.

— Вам хочется сказать о себе? Так знайте,— продолжала она быстро и весело,— что мне все о вас известно, как и прежде... и я не придаю этому значения и никогда не придавала, и мне это совершенно безразлично и всегда было безразлично. Можете не терять времени, Кларенс.

— Нет, я хотел сказать не о себе, а о моей жене,— медленно произнес он.

Выражение ее лица слегка изменилось.

— Ах, о ней! — сказала она, помолчав. И добавила, точно примиряясь с неизбежным: — Говорите, Кларенс.

Он начал. Сколько раз он повторял самому себе эту жалостную историю и всегда остро переживал ее и даже опасался, что, рассказывая другим, не совладает со своим волнением и горечью. Но, к своему удивлению, он убедился, что своей подруге детства он рассказывает все деловым тоном, спокойно, почти цинично, подавив ту преданность и даже нежность, которые владели им с того времени, как его жена, загримированная мулаткой, тайком наблюдала за ним в кабинете вплоть до того часа, когда он переправил ее через линию фронта. Он утаил только соучастие и самопожертвование мисс Фолкнер.

— И она убралась, после того как вышибла вас из армии, Кларенс? — заметила Сюзи, когда он кончил.

Лицо его стало каменным. Но он чувствовал, что зашел слишком далеко, чтобы ссориться со своей приятельницей.

— Она ушла. Я совершенно уверен, что мы с ней никогда больше не встретимся, иначе я не стал бы вам рассказывать.

— Кларенс, — просто сказала Сюзи и опять взяла его за руку, — не верьте вы этому! Она вас не выпустит. Вы один из тех, которых женщина, зацепившись, уже не отпустит, даже если ей кажется, что любовь прошла, даже если она встретит человека более значительного и более достойного. Я думаю, это оттого, что вы совсем не такой, как другие. У вас есть много такого, за что можно зацепиться, вам не так легко ускользнуть, как другому. Вот если бы вы были такой, как старый Пейтон, ее первый муж, или как бедняга Джим, или даже как мой Бумпойнтер, все было бы в порядке! Нет, дорогой мой, все, что мы можем сейчас сделать, это постараться, чтобы она не прибрала вас здесь к рукам. Думаю, что она сама не скоро рискнет показаться в Вашингтоне.

— Но я не могу здесь оставаться. Мое призвание — поле боя.

— Ваше призвание — быть около меня, миленький... и около Бумпойнтера. Но поближе ко мне. Это мы все устроим. Я уже слышала кое-что о вашей опале, но говорили, что вы там влюбились в какую-то конфедератку и забыли свой долг. Господи, и подумать только, что это была всего лишь ваша собственная жена! Ничего, мы все приведем в порядок. Тут бывали истории похуже! Например, с интендантом, который скупал убитых лошадей на одном конце поля сражения и продавал их правительству вместо говядины на другом. А генерал, который не хотел идти в атаку под дождем! Или еще другой генерал — вы знаете, о ком я говорю, Кларенс, — который отказался вторгнуться в штат, где жила его сестра. И все-таки мы как-то уладили все, а ведь эти дела похуже вашего. Мы устроим вас здесь в какой-нибудь отдел военного министерства, вы сохраните свой чин и форму — она вам очень идет, Кларенс, — а жало-

ванья будете получать больше, чем прежде. И станете приходить ко мне в гости, и мы с вами будем болтать о старине.

У Бранта заняло сердце. Но теперь он зависел от Сюзи! Сделав над собой усилие, он ответил:

— Но я ведь говорил вам, что моя карьера, вся моя жизнь — на поле боя.

— Не надо глупостей, Кларенс, и оставим это. Вы уже повоевали, и хорошо повоевали — это знают все. Вы заслужили право пожить для себя. Пусть теперь другие займут ваше место.

Он содрогнулся, вспомнив, что к тому же призывала его жена. Неужели он безмозглый дурак, а эти две женщины, такие несхожие во всех отношениях, на этот раз правы?

— Ну, ладно, Кларенс, — шепнула Сюзи, снова прижавшись к его плечу. — Теперь поговорите со мной! Вы еще не сказали, что вы думаете обо мне, о моем доме, обстановке, о моем положении — даже о нем. Говорите же!

— Я нахожу, что все прекрасно, что вы процветаете и счастливы, — сказал Брант со слабой улыбкой.

— И это все? А как я выгляжу?

Освещенная луной, она повернула к нему все еще юное, лукавое лицо. Прежнее колдовство излучалось из ее синих глаз, в которых, как встарь, светилось откровенное легкомыслие; из полураскрытых губ на него повеяло дыханием собственной молодости. Он вздрогнул, но она не шелохнулась.

— Сюзи, милочка! — раздался голос ее мужа. — Я совсем забыл, — сказал сенатор, откидывая занавеску, — что ты занята разговором с твоим другом. Мисс Фолкнер хочет с тобой попрощаться, я взялся тебя разыскать.

— Скажи ей, пусть немножко подождет, — ответила Сюзи с явным нетерпением, без всякого замешательства или смущения.

Но мисс Фолкнер, ничего не подозревая, шла вслед за Бумпойнтером и была уже тут. Минуту все четверо молчали, сохраняя полное самообладание. Сенатор Бумпойнтер спокойно ждал, по-видимому, не подозревая, как некстати нарушил беседу. Кларенс, внезапно столк-

нувшись с девушкой, которая, очевидно, не хотела возобновлять знакомство, встал с холодным и невозмутимым видом. Мисс Фолкнер — в длинных складках атласного плаща она казалась выше и стройнее — с учтивой улыбкой, не краснея и не бледнея, смотрела на Сюзи и на Бранта.

— Я завтра уезжаю и, может быть, не смогу навестить вас перед отъездом, — сказала она, — поэтому мне так хотелось попрощаться с вами.

— А я беседовала со своим старым другом, генералом Брантом, — ответила Сюзи, но таким тоном, каким знакомят, а не извиняются.

Брант поклонился. На мгновение ясный, ледяной взгляд мисс Фолкнер встретился с его взглядом. Она, как принято на Юге, сделала ему старомодный реверанс и, взяв Сюзи под руку, вышла из комнаты. Брант не стал задерживаться и тотчас попрощался с хозяином. У парадного крыльца он увидел только что подкативший нарядный экипаж одного из посольств. Брант оглянулся. Мисс Фолкнер, похожая в своем газовом шарфе на невесту, спускалась по лестнице меж выстроившихся в ожидании лакеев. Сердце у него забилося. Он постоял в нерешительности, потом взял себя в руки и поспешно вышел с веранды на дорогу. Позади него захлопнулась дверца кареты.

Когда она проехала мимо и скрылась, его окутало облако пыли от копыт лошадей.

ГЛАВА III

Хотя, покидая дом сенатора, Брант был убежден, что не сможет прибегнуть к влиянию Бумпойнтера и что его разговор с Сюзи ни к чему не приведет, он понимал, что надо стараться выиграть время. Он твердо знал, что его старая приятельница не подведет его умышленно, но ему становилось не по себе, когда он вспоминал о ее тщеславии и несдержанности, которые могут его скомпрометировать, и о возможной ревности, которая будет искать отмщения.

У него не было причин считать Сюзи ревнивой или предполагать, что у нее могут быть основания для рев-

ности, но факт оставался фактом: невинное вторжение мисс Фолкнер в их tête-à-tête повлияло на него сильнее, чем весь разговор с Сюзи.

Теперь, оставив позади атмосферу сенаторского дома, он увидел, что мисс Фолкнер там почти такая же чужая, как он сам. Непонятно, что она там делала. Неужели собирала шпионские сведения для конфедератов? Но он тотчас же отбросил эту мысль. А это убедительно показывало, какое сильное влияние оказывала на него уже эта девушка.

Он запомнил ливрен кучера и лакеев посольского экипажа, в котором она уехала, и без труда выяснил, что ее сестра замужем за одним иностранным дипломатом и что мисс Фолкнер гостит у нее. Его поразило, что обе сестры считаются южанками-унионистками и что их высоко ценят в правительственных кругах за самоотверженную преданность союзному флагу. Чиновник государственного департамента, который дал ему эти сведения, добавил, что в начале войны мисс Матильда вела себя очень безрассудно, так как ее брат в армии конфедератов, но теперь совсем изменилась, особенно за последний месяц.

— На прошлой неделе, — сказал он, — она первый раз была в Белом доме, и говорят, что президент ни с одной женщиной не говорил так долго, как с ней.

Эти простые сведения взволновали Бранта до такой степени, что он даже сам удивился. В его душе сменялись надежда, радость, страх, недоверие и отчаяние. Он припоминал ее почти страдальческий, умоляющий взгляд в гостиной у Сюзи, и ему казалось, что этот взгляд, может быть, подтверждает то, что он сейчас слышал о ней, а может быть, говорит о чудовищном предательстве и обмане с ее стороны. Может быть, она и сейчас тайный эмиссар какого-нибудь шпиона в семье президента или состоит в сношениях с каким-нибудь предателем из клики Бумпойнтера, а ее умоляющий взгляд выражал только страх быть разоблаченной. Или, с другой стороны, она может искренне раскаиваться после своих приключений в «Серебристых дубах» и теперь опасается, что он помнит, как она была посредницей шпионов. Но ни то, ни другое предположение никак не вязалось с ее поведением в оранжерее. Возможно ли, чтобы эта пылкая

женщина, способная на такой поступок, какой она совершила в «Серебристых дубах», одинаково переживавшая и стыд и радость своих порывов, могла оказаться чопорной светской дамой, которая так холодно встретилась и рассталась с ним?

Эта полоса сомнений продолжалась недолго. На другой же день он получил пакет из военного министерства с приказом немедленно явиться по службе. С волнением поспешил он к министру. Но министр ограничился тем, что оставил у своего помощника письменное распоряжение генералу Бранту сопровождать партию новобранцев в прифронтовой лагерь — для подготовки. Брант был разочарован. Обязанности такого рода возлагались обычно на ненадежных ветеранов регулярной армии, на генералов, которых пришлось срочно сместить, на бездарных любимчиков. Но если это и не была реабилитация, все же бездействие его подходило к концу, и не надо было больше оставаться в Вашингтоне.

Очевидно, здесь не обошлось без чьего-то воздействия, но вряд ли со стороны Бумпойнтеров, так как Сюзи хотелось, чтобы он остался в столице. Кто же это хотел усласть его из Вашингтона? Бранта охватили прежние сомнения. Они еще усилились, когда начальник отдела положил перед ним письмо и заметил, что его оставила дама с просьбой передать Бранту в собственные руки.

— Она не знала, в какой гостинице вы остановились, но ей сказали, что вы зайдете сюда. Она сказала, что письмо довольно важное. Тут нет ничего таинственного, генерал, — продолжал начальник отдела, лукаво глядя на красивое, растерянное лицо Кларенса, — хотя письмо от очень хорошенькой женщины... которую мы все знаем.

— От миссис Бумпойнтер? — с напускной небрежностью спросил Брант.

Это был неудачный вопрос. Чиновник нахмурился.

— Мы еще не стали почтовой конторой для Бумпойнтеров, генерал, — сказал он сухо, — как ни велико их влияние в других местах. Это письмо от женщины совсем другого типа — от мисс Фолкнер. Ваши бумаги я пришлю в гостиницу; выезжайте сегодня же.

Если бы злополучный вопрос Бранта не отвлек внимания начальника, он, конечно, заметил бы, как изменился в лице и как поспешно ушел его посетитель.

На улице Брант тотчас вскрыл конверт. Но под ним оказался другой, надписанный тонким, изящным почерком: «Пожалуйста, не открывайте, пока не доедете до места назначения».

Так ей известно, что он едет! Может быть, это результат ее влияния? Все его подозрения разом воскресли. Она знает, что он будет вблизи линии фронта, и его назначение, которое она устроила, может оказаться интригой в ее интересах и в интересах противника! Нет ли в конверте письма к ее друзьям-конфедератам, которое он, по ее расчетам, должен передать из благодарности за ее самопожертвование? Не рассчитывает ли она сыграть на его рыцарских чувствах, на чувстве благодарности и чести? Пот струился у него по лбу. Что это за злополучная особенность его характера, почему он становится легкой добычей всех этих интриганок? Ведь он не повинен даже в волокитстве, менее подвержен женскому обаянию, чем большинство мужчин, но считается сердцеедом. Он вспомнил, как холоден был к мисс Фолкнер в первые дни знакомства и какое впечатление она произвела на его офицеров. Почему же среди всех она избрала именно его, когда другие были бы в ее руках мягче воска? Почему? Но за этим вопросом мерещился возможный ответ, о котором он едва смел мечтать, но который в самой своей неясности наполнял его трепетом волнения и надежды. Он ускорил шаг. Да, он увезет письмо с собой, но, когда придет время его открыть, он будет полон самообладания.

Этот момент настал через три дня, в палатке у перекрестка Трех Сосен. Вскрыв конверт, он с чувством облегчения убедился, что в нем нет ничего, кроме письма, предназначенного лично ему.

Началось оно без предисловий:

«Прочитав это письмо, вы поймете, почему я не заговорила с вами вчера при встрече, почему даже страшилась, что вы обратитесь ко мне: ведь я знала, что должна буду тут же сообщить вам известие, которое вы можете услышать только от меня. Я не знала, что вы в Вашингто-

не, хотя мне было известно, что вас отстранили от командования. У меня не было возможности увидеть вас или написать; я приехала на вечер к миссис Бумпойнтер лишь для того, чтобы узнать что-нибудь о вас.

Как вы знаете, мой брат вместе с другим офицером был взят в плен вашим патрулем. Он думает, что вы догадывались об истине — что они бродили вблизи расположения ваших частей, чтобы помочь скрыться шпионке. Но он говорит, что, хотя им и не удалось помочь ей, она скрылась или перешла линию фронта при вашем содействии. Он говорит, что вы, по-видимому, знали ее, что, судя по словам мулатки Розы, вы с ней старые друзья. Я бы не стала писать об этом и вмешиваться в ваши личные дела, но, я думаю, вы должны знать, что я об этом не подозревала; когда я жила в вашем доме, я думала, что она для вас совершенно чужая. Вы даже не наметнули, что знаете ее, а я верила, что вы со мной откровенны. Я бы не стала писать обо всем этом, тем более, что я в любом случае постаралась бы исправить тот вред, который, как мне казалось, я вам причинила, но так как обстоятельства вынуждают меня сообщить вам ужасную развязку всей истории, я хочу, чтобы вы знали все.

Брат сообщил мне, что вечером после вашего отъезда похоронная команда подобрала на склоне холма тело женщины, полагая, что это мулатка. Но это была не Роза, а та самая женщина, настоящая и единственная шпионка, которую вы провели через кордон. Она была случайно убита конфедератами во время их первой атаки на рассвете. Только брат и его товарищ опознали ее, несмотря на грим и чужую одежду.

Под предлогом, будто она была служанкой у их друзей, они получили у командира дивизии разрешение взять ее тело, и она похоронена друзьями, среди друзей, на маленьком кладбище у перекрестка Трех Сосен, недалеко от того места, где вы сейчас находитесь. Мой брат считает, что я должна сообщить вам об этом: как видно, и он и его друг поняли вас, узнав или догадавшись о ваших отношениях с этой женщиной. Я знаю, что брата тронуло ваше благородное и великодушное отношение к нему, которое он приписывает вашему знакомству со мной, его сестрой. Вряд ли он понял или когда-

нибудь поймет, какое трудное поручение он возложил на меня.

Теперь вы знаете, почему я не заговорила с вами при встрече: мне казалось немыслимым говорить об этом в обстановке праздника, совершенно несовместимой с ужасным известием, которое я должна была вам передать. А когда я столкнулась с вами позже — может быть, я была к вам несправедлива, — но мне показалось, что вы до того захвачены и поглощены другим, что я только нагону на вас скуку сообщением, которое вас не интересует или уже известно и быстро забыто.

Теперь, когда я сообщила вам это ужасное известие, мне хотелось бы сказать и нечто другое. Не знаю, интересно ли вам это узнать. Но однажды вы великодушно считали, что я оказала вам услугу, когда отнесла письмо вашему командиру. Я лучше всех знаю вашу искреннюю верность долгу, ради которой вы приняли мою ничтожную помощь, но другие, как я слыхала, не оценили ее. Не согласитесь ли вы испытать меня еще раз? Ко мне здесь благоволят, и, может быть, мне удалось бы доказать вашим начальникам, как верны вы были долгу, даже если вы не очень верите своему другу, Матильде Фолкнер».

Он долго сидел неподвижный, с письмом в руке. Потом встал, велел подать коня и умчался.

Разыскать кладбище у перекрестка Трех Сосен было нетрудно. Оно было расположено на косогоре, поросшем соснами и кипарисами, и густо усеяно белыми крестами, издали похожими на цветы. Еще легче было найти среди старых, поросших мхом плит новый мраморный обелиск с простой надписью: «Элис Бенем, мученица». Рядом были могилы нескольких солдат-конфедератов с еще более свежими и простыми деревянными надгробиями, на которых были вырезаны только инициалы.

Брант опустился на колени у могилы. Его поразило, что основание мраморного обелиска запачкано пылью от роковых цветов, которые были возложены на могильный холмик; опавшие лепестки, темные и сырые, уже сгнили.

Он не заметил, сколько времени провел у могилы. А потом его, как это уже было однажды, призвал звук

одинокой лагерной трубы, и он ушел, как и тогда, навстречу разлуке, на этот раз вечной.

Следующий месяц прошел в обучении новобранцев и стараниях влить в порученный ему маленький лагерь тот дух бодрости, который, казалось, навсегда покинул его самого. Время от времени в окруженный холмами лагерь, расположенный вблизи от великой битвы, приходили сообщения о жестоких боях и о дорогостоящих победах его старого дивизионного командира. Из Вашингтона пришел приказ ускорить боевую подготовку рекрутов, и у Бранта появилась слабая надежда снова попасть на поле боя. Но вслед за тем он получил предписание вернуться в столицу.

Он приехал, не питая ни надежд, ни опасений, душа его онемела от последнего испытания; ему казалось, что кто-то зло насмеялся над жертвой, которую он принес ради жены. Теперь больше не нужно было заботиться о ее безопасности, но он считал своим долгом хранить ее тайну, оберегая ее доброе имя, хотя раскрытие этой тайны помогло бы ему оправдаться.

Поэтому он не решался сообщить даже Сюзи о смерти своей жены, опасаясь, как бы та в своем легкомыслии и беспечности не поспешила использовать это известие в его интересах.

Его последнее назначение было удачным предложением побудить Сюзи отказаться от попыток помогать ему. Он даже избегал дом Бумпойнтеров, считая это своим долгом по отношению к памяти покойной жены. Зато он не видел ничего предосудительного в том, что иногда доходил в своих одиноких прогулках до здания некоего иностранного посольства или загорался надеждой, завидев на проспекте экипаж с посольскими ливреями. В его сердце под влиянием письма мисс Фолкнер зародилась жажда сочувствия.

Тем временем он явился, как положено, в военное министерство за распоряжениями, впрочем, не слишком надеясь на эту формальность. К его удивлению, на следующий же день начальник отдела сообщил ему, что его прошение находится у президента.

— Я, кажется, не подавал прошения,— заметил Брант с некоторым высокомерием.

Начальник отдела взглянул на него с недоумением. Этот спокойный, терпеливый, сдержанный человек уже не первый раз ставил его в тупик.

— Может быть, правильнее сказать не «прошение», а «дело», генерал,— ответил он сухо.— Но личное вмешательство главы исполнительной власти страны представляется мне желательным при любых обстоятельствах.

— Я считаю, что, явившись сюда с докладом, я только выполнил приказ министерства,— сказал Брант спокойнее, но столь же твердо,— и полагаю, что не к лицу солдату оспаривать приказания. А «прошение» или «дело» имеет именно такой смысл.

Раньше ему и в голову не приходило так вести себя, но разочарования последнего месяца вместе с этим первым официальным признанием его опалы вновь пробудили в нем врожденное безрассудное, полупрезрительное упорство.

Начальник улыбнулся.

— Очевидно, вы ждете решения президента,— сказал он сухо.

— Я жду распоряжений от министерства,— спокойно возразил Брант,— а исходят ли они от президента как верховного главнокомандующего — это не входит в мою компетенцию.

В состоянии какого-то ожесточенного безразличия, которое сменило прежнюю нерешительность, он вернулся в гостиницу. Ему казалось, что в его жизни настал кризис, когда он не может больше действовать по своему усмотрению и должен выжидать, ни о чем не тревожась, ни на что не надеясь. Со спокойным любопытством прочел он на следующее утро записку от личного секретаря президента, где сообщалось, что президент примет его в первой половине дня.

Через несколько часов его провели через приемную Белого дома в более уединенную часть резиденции. Курьер остановился перед скромной дверью и постучал. Дверь открыл высокий человек. Это был сам президент. Он протянул свою длинную руку Бранту, в нерешительности стоявшему на пороге, и повел его в комнату. В ней было только одно окно с изящными занавесками, на полу — красивый, в медальонах ковер, составлявший контраст

с необычайной простотой мебели. Квадратный, без украшений стол, на нем бювар и несколько больших листов бумаги, мусорная корзина и четыре обыкновенных кресла составляли обстановку такую же простую, как высокий, худощавый, в черном сюртуке хозяин Белого дома. Выпустив руку генерала, чтобы закрыть дверь в смежную комнату, президент пододвинул ему кресло и сам с усталым видом опустился в кресло у стола. Впрочем, только на минуту. Его длинное неуклюжее тело, казалось, с трудом приспособлялось к креслу: узкие приподнятые плечи опустились, чтобы принять более удобную позу; он садился то так, то эдак, передвигая длинными ногами. Но его лицо, обращенное к Бранту, оставалось спокойным и слегка насмешливым.

— Мне сказали, что, если я хочу с вами повидаться, за вами надо послать,— начал он с улыбкой.

Уже смягчившись и снова подпав под обаяние этого необыкновенного человека, Брант начал довольно сбивчиво объяснять, в чем дело.

Но президент ласково перебил его:

— Вы меня не поняли. Впервые я столкнулся с полноправным американским гражданином, законную жалобу которого приходится тащить из него, как гнилой зуб. Но вы уже были здесь. Кажется, я припоминаю ваше лицо.

Брант сразу почувствовал себя свободнее. Он сознался, что дважды искал аудиенции, но...

— Вы увильнули от зубного врача. Это было неправильно.

Брант сделал жест, точно хотел возразить, но президент продолжал:

— Понимаю. Вы боялись, что больно будет не вам, а кому-то другому. По-моему, это тоже неправильно. В этом мире каждому приходится страдать, даже нашим врагам. Так вот, генерал Брант, я заглянул в ваше дело.— Он взял со стола лист бумаги с двумя-тремя пометками карандашом.— Мне кажется, положение вещей таково. Вы командовали на участке у «Серебристых дубов», когда министерство получило сведения, что из-за вашей небрежности или при вашем попустительстве через наши линии пробираются шпионы. Никто не пытался доказывать, что вы виновны в небрежности; в ми-

нистерстве есть ваши приказы, известны ваше личное усердие и осторожность. Но, с другой стороны, было установлено, что ваша жена, с которой вы только временно расстались,— видная конфедератка; что перед войной вы и сами подозревались в сочувствии южанам и поэтому, возможно, сами обходите свои собственные приказы, которые, может быть, издаются только для отвода глаз. На основании этих сведений министерство отстранило вас от командования. В дальнейшем выяснилось, что шпионом была именно ваша жена, загримированная мулаткой; когда она была схвачена вашими же солдатами, вы способствовали ее побегу. Это было истолковано как решающее доказательство вашей... скажем прямо, измены.

— Но я не знал, что это моя жена, пока ее не задержали! — порывисто воскликнул Брант.

Президент насмешливо приподнял брови.

— Не будем отклоняться от протоколов, генерал. Говорить с вами не легче, чем с министерством. Вопрос стоял о вашей личной измене, но вы не обязаны соглашаться с тем, что вас справедливо отстранили, если шпионом была ваша жена. Да, генерал, я старый адвокат и могу вам сказать, что у нас в Иллинойсе на основании таких доказательств, какие были у министерства, не повесили бы даже бродячую собаку. Но когда ваши друзья попросили меня заняться вашим делом, я нашел нечто более важное для вас. Сперва я старался обнаружить хотя бы следы улик, оправдывающих предположение, что вы передавали сведения неприятелю. И увидел, что предположение основано на том, что во время первого сражения у «Серебристых дубов» противник располагал сведениями, которые он мог получать только с нашей стороны, и это могло повлечь за собой катастрофу государственного масштаба, которую именно вы предотвратили своим мужеством. Тогда я спросил министра, считает ли он, что вы передали врагу информацию именно с этой целью или же вами овладело запоздалое раскаяние. Министр предпочел обратить мое замечание в шутку. Но расследование привело меня еще и к другому открытию: единственное письмо с действительно шпионскими сведениями, которое находилось в распоряжении следствия, было обнаружено у убитого

федерального офицера, который пользовался нашим доверием, и переслано командиру дивизии. А в деле об этом не упоминается.

— Да ведь я его сам отправил! — воскликнул Брант.

— Так пишет и командир дивизии, — с улыбкой сказал президент, — а он переслал это письмо в министерство. Но его каким-то образом изъяли. Есть у вас враги, генерал Брант?

— Нет, насколько мне известно.

— Значит, все-таки есть. Вы молоды и добились больших успехов. Подумайте о сотнях офицеров, которые, как водится, считают себя способнее вас и к тому же не женаты на изменницах. А министерство чуть не выставило вас на позор в интересах единственного человека, который уже не может извлечь из этого никакой пользы.

— А не может быть, сэр, что это письмо было изъято для того, чтобы не бросать тень на армию, раз главного виновника нет в живых?

— Я рад, что вы это говорите, генерал: такое же доказательство я успешно применил к делу вашей жены.

— Так, значит, вам все известно, сэр? — угрюмо спросил Брант.

— Думаю, да. Вы, генерал, только что сомневались, есть ли у вас враги. Позвольте мне сказать: вы можете не сомневаться, что у вас есть друзья.

— Смею надеяться, сэр, что одного друга я нашел, — ответил Брант с почти мальчишеской застенчивостью.

— О, это не я! — засмеялся президент. — Это некто гораздо более могущественный.

— Можно узнать его имя, господин президент?

— Нет, потому что это женщина. Одна чуть не погубила вас, генерал. По-моему, будет только справедливо, если другая вас спасет. И, конечно, вопреки всяким правилам.

— Женщина! — повторил Брант.

— Да! Женщина, которая, чтобы спасти вас, согласилась признать себя еще более опасной шпионкой, чем ваша жена, — назваться двойной предательницей! Честное слово, генерал, я не знаю, так ли уж ошиблось министерство: человека, который оказывает такое влия-

ние на политические убеждения женщин — то расшатывает, то укрепляет их, — надо известным образом ограничивать. К счастью, министерство об этом ничего не знает.

— И от меня никто бы об этом не узнал, — горячо добавил Брант. — Надеюсь, она не подумала... Надеюсь, вы, сэр, ни на минуту не поверили, что я сам...

— Боже мой, конечно, нет! Да никто бы вам не поверил! Она по доброй воле призналась мне. Вот почему так трудно было вести ваше дело. Даже то, что она передала ваше письмо командиру дивизии, говорило не в вашу пользу, и вы знаете — он даже сомневался в его подлинности.

— Знает ли она... знает ли мисс Фолкнер, что шпионка была моя жена? — нерешительно спросил Брант.

Президент повернулся в кресле, чтобы лучше разглядеть Бранта своими глубокими глазами, и в задумчивости потер колено.

— Не будем отклоняться от протоколов, генерал, — сказал он, помолчав. Но заметив, что Брант покраснел, он поднял глаза к потолку и добавил, как бы припоминая что-то забавное: — Нет, кажется, этот факт стал известен благодаря другому вашему приятелю, мистеру Хукеру.

— Хукер! — воскликнул Брант в негодовании. — Он приходил сюда?

— Прошу вас, генерал, не разрушайте мою веру в мистера Хукера, — сказал президент усталым, но шутливым тоном. — Не говорите, что его выдумки могут быть правдой! Оставьте мне по крайней мере этого великолепного лгуна, единственного надежного свидетеля, какой у вас есть. С того момента, как он впервые пришел сюда со своей жалобой и претензией на офицерское звание, он был для меня источником невыразимого наслаждения, а для вас — самым достоверным свидетелем. Другие свидетели пристрастны и предубеждены; мистер Хукер был откровенно верен себе. Откуда бы я знал, как вы переоделись, чтобы спасти честь мундира, рискуя быть застреленным как неизвестный шпион, рядом с вашей женой, если бы я не слышал изумительной версии Хукера о том, какую роль он сыграл в этом деле? А откуда бы я узнал историю о том, как

вы раскрыли заговор в Калифорнии, если бы не его рассказ, в котором главный герой — он сам? Нет, не забудьте поблагодарить мистера Хукера, когда встретитесь с ним. Увидеться с мисс Фолкнер проще: сейчас она здесь, в соседней комнате, в гостях у моей семьи. Вы позволите оставить вас в ее обществе?

Бледный, с бьющимся сердцем, Брант встал, а президент взглянул на стенные часы, вытянулся в кресле, встряхнулся всем телом, затем медленно поднялся.

— Ваше желание вернуться в действующую армию удовлетворено, генерал Брант, — медленно произнес он, — вы тотчас же отправитесь к вашему старому дивизионному командиру, который теперь командует десятым армейским корпусом. Однако, — добавил он после многозначительной паузы, — есть известные правила и порядки, которые даже я, не оскорбив ваше министерство, не могу нарушить. Вы понимаете, что вам нельзя вернуться в армию в прежнем чине.

Брант слегка покраснел. Но тотчас с неподдельным юношеским блеском в правдивых глазах воскликнул:

— Отправьте меня на фронт, мистер президент, все равно в каком звании!

Президент улыбнулся, положил на плечо Бранта свою тяжелую руку и слегка подтолкнул его к двери в смежную комнату.

— Я только хотел сказать, — прибавил он, открывая дверь, — что если повышен в звании ваш начальник, то и вам надо будет явиться к нему в чине генерал-майора. Представьте себе, — продолжал он, повышая голос и мягко подталкивая гостя в соседнюю комнату, — он даже не поблагодарил меня, мисс Фолкнер!

Дверь за спиной Кларенса закрылась, и он в течение секунды стоял ошеломленный, слыша глухой голос президента, который здоровался с новым посетителем в той комнате, где они только что беседовали. Комната, где находился Кларенс, выходила в оранжерею, и в ней не было никого, кроме женщины, которая застенчиво и в то же время лукаво повернулась к нему. Они взглянули друг на друга быстрым понимающим взглядом; в глазах у обоих появилось робкое счастливое выражение. Он быстро подошел к ней.

— Так вы знали, что... эта... женщина была моя жена? — спросил он торопливо, хватая ее за руку.

Она умоляюще взглянула на него, испуганно оглянувшись на открытую позади дверь.

— Пойдемте в оранжерею, — тихо сказала она.

Всего несколько лет назад правдивый рассказчик этой истории шел с толпой любопытных туристов по саду Белого дома. Тучи войны давно рассеялись; Потомак мирно струился по направлению к обширной плантации, когда-то принадлежавшей известному лидеру конфедератов, а ныне превращенной в национальное кладбище, где рядом покоятся в одинаковом почете солдаты обеих сторон; великая богиня снова безмятежно глядела вниз с купола белого Капитолия.

Внимание рассказчика привлек стройный красивый человек с военной выправкой. Его усы и борода были слегка тронуты сединой. С ним была дама и мальчик лет двенадцати — четырнадцати, он показывал им различные достопримечательности.

— Да, — сказал с улыбкой этот джентльмен, — хотя дом, как я тебе говорил, принадлежит только президенту Соединенных Штатов и его семье, вот в этой маленькой оранжерее я сделал предложение твоей матери.

— Кларенс, что ты говоришь, — воскликнула дама с упреком, — ты же знаешь, что это случилось гораздо позже!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Повесть «Кресси» («Cressy») вышла отдельным изданием в 1889 году.

Главная удача Гарта в этой повести — образ героини, деревенской девушки, смелой, прямой, непосредственной, намного превосходящей душевным благородством образованного человека, которого она полюбила. Возражая против упреков в «аморальности», Гарт полушутливо писал в год выхода повести: «Что ни делай, а мои персонажи не хотят вести себя так, как им следовало бы. Сколько я ни растолковываю им, чего от них ждет добродетельный читатель, они не обращают на меня никакого внимания. Даже Кресси — а уж как я нянчился с ней! — скрылась в последний момент со страниц моей повести с человеком, с которым я едва успел ее познакомить».

«Степной найденыш» («The Waif of the Plains») вышел отдельным изданием в 1891 году; «Сюзии» («Susy») — в 1893 году; «Кларенс» («Clarence») — в 1895 году.

Эти три повести, написанные Гартом в течение пяти лет, образуют трилогию; в центре трилогии — история жизни главного героя всех трех книг — Кларенса Бранта. Впервые Кларенс появляется мальчиком-подростком в «Степном найденыше» и пересекает Великую прерию с партией переселенцев, направляющихся в Калифорнию. В дальнейшем, в названной повести и в «Сюзии», описана его бурная юность в Калифорнии 1850-х и начала 1860-х годов и постепенное нравственное мужание. В «Кларенсе» он бое-

вой офицер Северной армии, убежденный и активный участник борьбы с рабовладельческим Югом.

Бесспорный исторический интерес имеет воссозданная Гартом по личным воспоминаниям общественная обстановка в Калифорнии в канун Гражданской войны; в частности, он ярко рисует изменническую деятельность сторонников Юга. Следует отметить, что писатель рассматривал своего «Кларенса» как протест против забвения в США прогрессивных, освободительных традиций Гражданской войны. В письме к другу, вскоре после выхода «Кларенса», Брет Гарт говорит, что писал эту книгу как «американец для американцев», чтобы разъяснить своим соотечественникам, «что в их истории является подлинно великим и сильным».

Трилогия написана неровно. «Степной найденыш» с годами стал классическим произведением юношеской литературы; «Сюзии» и «Кларенс», хоть и содержат много запоминающихся страниц, в целом не принадлежат к сильнейшим произведениям Гарта.

СОДЕРЖАНИЕ

Кресси. Перевод И. Бернштейн	5
Степной найденш. Перевод В. Хинкиса	161
Сюзи. Перевод И. Гуровой , ...	263
Кларенс. Перевод Е. Танка	413
Библиографическая справка	557

Б р е т Г а р т.
Собрание сочинений в 6 томах.
Том IV.

Редактор тома
М. Кан.
Оформление художника
Д. Бисти.
Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 6/VII 1966 г. Тираж 230 000 экз.
Изд. № 1343. Зап. 962. Форм. бум. 84×108^{1/32}.
Физ. печ. л. 17,5 + 4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л. 29,82. Уч. изд. л. 30,92.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица
«Правды», 24.

Индекс 70666

